Содержание

Экономика

Антипин И.А., Копченко В.К.
Воспроизводственный потенциал региональных систем высшего образования как фактор устойчивого развития регионов (на примере регионов Крайнего Севера ДФО) 8

Демидова С.Е., Пахомова Е.Д., Сахарова В.А., Васенина В.В.
Анализ методик долговой устойчивости и оценка долговой устойчивости субъектов Российской Федерации 14

Колесникова Ю.С., Кулагин Р.В.
Человеческие ресурсы цифровой экономики России – адаптация рынка труда к условиям дефицита профильных специалистов 22

Куклев Т.А.
Развитие налогового механизма муниципальных органов власти 30

Лагунова С.В., Воронина Л.В., Вешнякова Д.М.
Риски внедрения концепции «Умный город» в практику управления муниципальными образованиями 38

Лихарева Т.С., Оборин М.С.
Формирование элементов кластерно-сетевой модели государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферой 44

Луковников Н.В., Мингалева Ж.А.
Механизм совершенствования системы управления государственной компанией на основе ее цифровой трансформации 50

Малиновский М.О.
Формирование стратегии цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса с использованием системы сбалансированных показателей 55

Мингалева Ж.А., Луковников Н.В.
Использование инструментов риск-менеджмента в процессе цифровой трансформации системы управления государственной компанией 61

Морозов И.В.
Организационно-методические аспекты оценки влияния экономического потенциала на экономическую безопасность региона 66

Мяликов Э.Р.
Систематизация подходов к оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти 71

Оборин М.С., Лихарева Т.С.
Особенности государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферы в текущих макроэкономических условиях 76

Орлов С.Л.
Важнейшие механизмы управления и инструменты инвестиционной деятельности на территории муниципальных образований 82

Паникарова С.В., Ал-Зуваини Саиф С.М.
Цифровая трансформация предоставления муниципальных услуг населению 88

Потапцева Е.В.
Доказательная промышленная политика технологического суверенитета: сущность и содержание 98

Сурнина Н.М., Тихончук Р.Г.
Особенности применения инструментов партисипативного управления развитием территориальных социально-экономических систем 104

Суслов И.Д.
Модельное представление дистанционного бизнес-процесса подбора персонала IT-компаний 111

Тевлюкова О.Ю., Болотов И.В.
Отношение к риску в предпринимательской среде (по материалам исследования) 117
Шавалеева Ч.М.
Международная практика оценки качества управления общественными финансами и возможности ее применения в России 122
Шмиголь Н.С., Волга Н.С.
Управление средствами Фонда национального благосостояния в условиях современных вызовов и рисков 126
Шмиголь Н.С., Чонгина М.Е.
Функционирование бюджетных резервов в форме резервных фондов субъектов Российской Федерации, их совершенствование 132
Яковлев Д.С.
Системный механизм управления публично-правовой компании «Роскадастр» 140

Право

Ашрафзянов И.Р.
Управленческий подход к пониманию правовой политики как основа суверенитета Российской Федерации 147
Белкин Д.С.
Международно-правовое сотрудничество в сфере строительства. Развитие международного строительного контрактного права как отрасли международно-правовых наук в рамках МФИК 154
Бусленко Е.О.
Теоретико-правовой анализ судебной защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности 161
Васильев А.А., Карданов А.А.
О проблемных вопросах, связанных с защитой водных объектов от загрязнения 167
Гирфанов И.И.
Особенности ответственности физкультурно-спортивных организаций в гражданских правоотношениях 171
Зарипова Л.Н.
К вопросу о свойствах и особенностях закрепления принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации 176
Зейналбдыева А.В., Савин В.С.
Особенности квалификации неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей 180
Краснов А.В., Алемпеев Г.С.
Трансформация структуры правоотношений в условиях цифровизации 184
Малимонова М.А.
Проблемы прекращения судимости при отсрочке отбывания наказания осужденным, признанным больными наркоманией 189
Малый А.Ф., Качалов П.Н., Нигметзянов А.А.
О политико-правовом содержании конституционного понятия «народ» 196
Марталер В.С.
О классификации международно-правовых обязательств в сфере международной охраны окружающей среды 201
Пелых А.Ю., Ровбель С.В.
Управленческие практики адвокатов на примере функционирования комиссии по молодежной политике 207
Сабитов Р.Э.
Правовой статус Конституционного совета Республики Саха (Якутия) 212

Свиридов Р.В., Зейналбдыева А.В.
Проблемы правовой регламентации убийства матерью новорожденного ребенка 218
Шухарева А.В.
Проблемные вопросы реализации права на доступ к правосудию в условиях цифровизации судебной системы 223
Щурикова Л.Г., Макаров Т.Г., Ситникова И.Е.
Правовое регулирование института наставничества: вопросы теории и практики 227
Ющенко Н.А.
Правовое регулирование франчайзинга во Франции 232

Социология

Алексеев С.А.
Методологические подходы к изучению социального самочувствия молодежи 239
Блохина М.В., Блохин И.Л.
Дополнительное образование студентов в образовательном пространстве современного вуза 245
Боброва Д.Н., Осипова Д.В.
Ценностные ориентации студентов в контексте реализуемой семейно-демографической политики Российской Федерации 250
Вайсбург А.В.
Динамика карьерной траектории женщин после отпуска по уходу за ребенком: результаты исследования 257
Верещагина Л.С., Ольхова Л.А., Рашидов Д.Ф.
Система оценки государственных служащих: преимущества и проблемы 261
Волкова Е.В., Черкасов И.А.
Социальная типология личности как инструмент управления обществом: националист и патриот 266
Гаврилова И.Д., Каргаполова Е.В.
Влияние технологий искусственного интеллекта на российский рынок труда (по результатам экспертных интервью HR) 272
Дерюгин П.П., Чжао Цзе, Юй Ян, Чжэн Сяокэ
Восприятие китайскими студентами коммуникативных технологий и общения в управлении: итоги пилотажного исследования 278
Дианов С.А., Смирнов А.В.
Реализация бренд-проектов в сфере культуры как фактор развития креативной экономики региона 285
Ефремова Д.В.
«Диагноз» общества потребления в институте туризма 291
Зинуров Э.А.
Социологическое исследование социальных действий российского поколения зет 296
Ильиных С.А.
Ценности российской молодежи: традиционность в эпоху перемен 303
Куликова А.В., Солдаткин А.Е., Грунин Г.А., Гринько М.А.
Особенности формирования городской идентичности жителей Нижнего Новгорода 307
Лунегов А.И., Плескач Л.В.
Феномен харизмы в проблемном поле социологии управления 315
Непомилуева М.А.
Репрезентация ценностей метамодернизма в проекте Метавселенной: анализ социально-психологических барьеров 320
Равочкин Н.Н., Кравченко С.Н., Санкина О.В.
Аксиологемы российского рэпа 2000-х гг. (на примере социологического исследования альбома Баста 1) 328

Романцева Е.Е.
Геймификация для повышения мотивации персонала: российский опыт 336
Рябова Н.Н., Бутова О.В.
Статистический анализ уровня успеваемости студентов аграрного вуза 343
Седых Н.Н.
Социальная компетентность молодого поколения как один из факторов формирования политического поведения 348
Хуснутдинов Р.Н.
Перспективы развития новой формы репетиторства в современном образовании: социологический анализ 353

Обзорные статьи

Барышев С.А., Гришин С.А.
Регистрация товарных знаков как акт недобросовестной конкуренции сквозь призму правоприменительной практики ……..... 358
Григорьева И.А., Лисенкова Ю.А.
Развитие цифровизации системы здравоохранения РФ и проблема сохранения персональных данных ……..... 363
Исхаков А.Т.
Развитие учета и отчетности целевого финансирования отрасли молочного скотоводства в Республике Татарстан ……..... 367
Савина О.В., Торженова Т.В.
Основные приоритеты в обеспечении продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации ……..... 373
Смирнова О.М., Щербаков В.А.
Формирование новой организационно-правовой модели деятельности среднего медицинского персонала в Российской Федерации ……..... 378
Стефаненко-Шупик А.П.
Кластерный подход как инструмент стимулирования инноваций в промышленности ……... 383
Харисова Ф.И., Пелевина А.А.
Управление дебиторской задолженностью при слияниях и поглощениях компаний ……..... 388
Шакирова А.И.
Важность формирования регионального рынка интеллектуальной собственности, являющегося значимым инструментом в управлении региональным туризмом (на примере Республики Татарстан) ……..... 395
Ющенко Н.А.
Договорное регулирование франчайзинговых отношений в Бельгии …..... 400

Практический опыт внедрения научно-теоретических разработок

Бабкина Я.И.
Государственное регулирование тарифов в области обращения с твердыми коммунальными отходами в Калининградской области 406
Бодров Р.Г., Кох И.А., Никонова Т.В., Юсупова Л.М.
Расконвертация депозитарных расписок российских компаний: особенности и механизм реализации …..... 410
Гаршина А.А.
Пересмотр тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами при вводе новых объектов в эксплуатацию 417
Каштанова О.В.
Возможности применения концепции «кайдзен» к повышению качества медиативной процедуры при разрешении социальных конфликтов 421

Куляпин Д.Н.
Практика рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции по спорам о ликвидации мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов …..... 426
Миннебаев Г.Ф.
Цифровые следы организаций: структура, виды и их роль в экономической оценке бизнеса …... 430
Назарова Н.А., Бурганова Г.М., Абрамова А.В.
Думая о будущем устойчивого развития региона: проект Бережливые каникулы …..... 436
Потапова В.С.
Тарифное регулирование сферы обращения с твердыми коммунальными отходами. Совершенствование процедуры контрольно-надзорной деятельности 442
Савин Г.В.
Проектирование компонентной структуры мобильной транспортно-логистической системы умного города 446
Темникова Ю.Ю.
Формирование системы мониторинга для оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере ...… 452
Хоменко В.В., Мазитов Н.К., Байтемиров К.М. Зиннатов А.Н.
О проблемах и путях развития органического сельскохозяйственного производства …..... 460

УДК 332.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-8-13

Воспроизводственный потенциал региональных систем высшего образования как фактор устойчивого развития регионов (на примере регионов Крайнего Севера ДФО)



Антипин И.А.
Доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)



Копченко В.К.
Аспирант кафедры экономики, ассистент кафедры точных и естественных наук Северо-Восточного государственного университета (Магадан)

Статья посвящена проблеме устойчивости региональных систем высшего образования в условиях экономических вызовов регионов Крайнего Севера Дальневосточного федерального округа (ДФО). Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью системы высшего образования в формировании и воспроизводстве кадрового потенциала территорий с экстремальными социальными и природно-климатическими условиями. Цель исследования – разработка комплексной методики оценки устойчивости региональных систем высшего образования, основанной на индексе устойчивости и учитывающей специфику регионов Крайнего Севера ДФО. В работе проанализированы основные экономические и демографические вызовы, влияющие на устойчивость региональных систем высшего образования. Предложена методика оценки, включающая показатели кадрового потенциала, научно-исследовательской деятельности, финансовой устойчивости и образовательной деятельности вузов. Практическая значимость работы состоит в возможности применения предложенной методики для анализа и повышения устойчивости систем высшего образования в рассматриваемых регионах. Результаты исследования могут быть использованы региональными органами исполнительной власти и вузами для разработки стратегий устойчивого развития в условиях экономических и демографических вызовов.

Ключевые слова: *регион, высшее образование, система, управление, воспроизводство, обратная связь*

Для цитирования: *Антипин И.А., Копченко В.К. Воспроизводственный потенциал региональных систем высшего образования как фактор устойчивого развития регионов (на примере регионов Крайнего Севера ДФО) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 8–13. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-8-13.*

В условиях динамично меняющейся социально-экономической среды и возрастающей роли человеческого капитала в развитии территорий вопрос устойчивости региональных систем высшего образования приобретает особую значимость. Это особенно актуально для регионов с экстремальными

социальными и природно-климатическими условиями, таких как Крайний Север Дальневосточного федерального округа (ДФО), где система высшего образования играет ключевую роль в формировании и воспроизводстве кадрового потенциала.

Проблематика развития регионов Крайнего Севера ДФО широко освещена в научной публицистике. Так, О.В. Бескровная в работе [1] на примере Магаданской области отмечает лавинообразную депопуляцию населения, существенное устаревание жилищно-коммунального комплекса, отсталость транспортной инфраструктуры, недостаточную диверсифицированность экономки, отсутствие финансовых условий для инновационного развития реального сектора экономики.

Исследовательский коллектив в работе [2] акцентирует внимание на наличие в ДФО в целом и в районах Крайнего Севера в частности удорожающих факторов, влияющих на стоимость строительства жилья, производство товаров и услуг. Авторы отмечают также низкий уровень хозяйственной освоенности территорий Крайнего Севера ДФО.

Перечисленные проблемы можно рассматривать как причину оттока населения с Крайнего Севера. Отток квалифицированных специалистов из регионов приводит к снижению уровня профессиональной подготовки и уменьшению доступности высококвалифицированной рабочей силы. Это, в свою очередь, негативно сказывается на производительности труда и инновационном потенциале местной экономики. Региональные предприятия сталкиваются с трудностями в поиске необходимых кадров, что ограничивает их возможности для роста и развития.

Социальные последствия оттока населения также являются достаточно значительными для устойчивого развития. Уменьшение численности населения приводит к сокращению потребительского спроса, что негативно сказывается на бизнесе и уровне жизни жителей. Снижение численности населения может привести к ухудшению инфраструктуры и общественных услуг, что создает замкнутый круг: ухудшение условий жизни способствует дальнейшему оттоку населения. Совокупность этих факторов неизбежно влияет также на региональные системы высшего образования, которые можно определить как совокупность организаций высшего образования, функционирующих на определенной территории [3].

Региональная система высшего образования является неотъемлемой частью более широкой региональной социально-экономической системы. Как подсистема, она тесно связана с общими процессами и тенденциями, происходящими в регионе. При этом важно отметить, что региональная система высшего образования также подвержена влиянию систем более высокого уровня иерархии, таких как национальная система образования и глобальные образовательные тренды.

Двойное подчинение региональным особенностям и общенациональным стандартам создает ситуацию, при которой региональная система высшего образования может испытывать те же негативные проявления, что и регион в целом. Экономические трудности, демографические проблемы, социальная напряженность и другие региональные вызовы неизбежно отражаются на функционировании высших учебных заведений.

Например, если регион сталкивается с оттоком населения или экономическим спадом, это может привести к снижению числа абитуриентов, сокращению финансирования вузов и уменьшению спроса на определенные специальности. Аналогично, структурные проблемы региональной экономики могут влиять на востребованность выпускников и качество их трудоустройства.

Недостаточное развитие инфраструктуры, ограниченные возможности для инноваций, низкая инвестиционная привлекательность также сказываются на системе высшего образования. Это может проявляться в виде устаревшей материально-технической базы вузов, трудностей с привлечением высококвалифицированных кадров, ограниченных возможностей для проведения передовых исследований.

Вместе с тем региональная система высшего образования оказывает существенное влияние на устойчивое развитие региона. В своем исследовании авторы А.Е. Судакова, Д.Г. Сандлер, Г.А. Агарков раскрывают сущность такого влияния следующим образом [4]:

– региональная система способствует подготовке квалифицированных кадров, которые необходимы для удовлетворения потребностей местного рынка труда;

– региональные образовательные учреждения становятся центрами научных исследований и инноваций. Они могут инициировать проекты, направленные на решение локальных проблем, а также способствовать внедрению новых технологий и методов в производство. Это не только усиливает экономическую активность, но и повышает уровень жизни в регионе, создавая новые рабочие места и улучшая инфраструктуру;

– региональные вузы становятся площадками для проведения различных мероприятий, таких как конференции, выставки и культурные фестивали, что способствует обмену знаниями и культурными традициями. Это создает активное сообщество, где студенты и преподаватели взаимодействуют с местными жителями, что укрепляет социальные связи и способствует развитию гражданского общества.

– региональная система высшего образования влияет на привлечение инвестиций. Наличие качественных образовательных учреждений может стать значительным фактором для компаний, рассматривающих возможность открытия новых производств

или расширения бизнеса в регионе. Инвесторы часто обращают внимание на наличие квалифицированных кадров и исследовательских возможностей, что делает регион более привлекательным для бизнеса.

Неизбежность взаимовлияния региона и регионального высшего образования подчеркивает необходимость системного подхода к развитию региона, где система высшего образования рассматривается как важный фактор устойчивости региональной социально-экономической системы. Следует также отметить, что устойчивость региональной социально-экономической системы достигается при устойчивости подсистем, входящих в неё, что исчерпывающе раскрыто в работе [6].

В контексте системного подхода к изучению социально-экономических процессов можно провести концептуальную параллель между феноменами движения и развития. Оба явления характеризуются изменением состояния системы в пространственно-временном континууме. Однако, если движение может носить стохастический характер, то развитие предполагает наличие целенаправленного вектора изменений.

В этой связи устойчивое развитие может быть интерпретировано как особая форма управляемой эволюции системы, при которой траектория изменений детерминирована совокупностью параметров, отражающих принципы устойчивости. Данный подход позволяет рассматривать устойчивое развитие как процесс контролируемой трансформации ключевых характеристик системы в соответствии с заданными критериями устойчивости.

В контексте управляемого развития систем, в том числе региональной системы высшего образования, важно определить понятие управляемости. Следует отметить, что ни одна из существующих систем не является идеальной или лишенной внутренних противоречий. Эти противоречия являются неотъемлемой частью любой сложной системы и могут служить как источником проблем, так и стимулом для развития.

В этой связи управляемость системы можно определить как её способность к выявлению, анализу и эффективному разрешению внутренних противоречий на основе механизмов обратной связи. Иными словами, управляемость – это не отсутствие проблем, а способность системы адаптироваться и развиваться, используя информацию о своих внутренних несоответствиях и конфликтах.

Таким образом, ключевым аспектом управляемости является не только наличие механизмов контроля и регулирования, но и способность системы к самоанализу, самокоррекции и трансформации на основе обратного влияния выявленных противоречий. Это предполагает наличие эффективных каналов обратной связи, аналитических инструментов для оценки внутренних процессов и гибких механизмов принятия решений, позволяющих системе адаптироваться к меняющимся условиям и преодолевать внутренние барьеры для достижения устойчивости развития.

В русле данной работы под каналами обратной связи, влияющими на устойчивое развитие региональных систем высшего образования, мы будем понимать демографическую ситуацию, кадровую оснащенность региона, а также региональную экономику.

Демографическая ситуация имеет решающее значение для формирования как общей социально-экономической ситуации в регионе, так и состояния системы высшего образования. Изменения в возрастной структуре населения, миграция, а также уровни рождаемости и смертности влияют на количество потенциальных студентов, что, в свою очередь, определяет объем и содержание образовательных программ в региональных вузах, а также объём их бюджетного финансирования.

Кадровые вызовы, с которыми сталкивается региональная экономика, также непосредственно отражаются на системе высшего образования. Спрос на специалистов определенных профессий, уровень квалификации рабочей силы и структура занятости формируют запрос на конкретные образовательные программы и компетенции выпускников. В то же время сама высшая школа сталкивается с трудностями в привлечении и удержании квалифицированных преподавателей и исследователей.

Региональные экономические факторы, такие как уровень развития промышленности, инвестиционная привлекательность и структура экономики региона, существенно влияют на востребованность высшего образования, возможности трудоустройства выпускников и направления научных исследований в вузах.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что устойчивое развитие региона тесно связано с устойчивостью системы высшего образования, которая играет важную роль в формировании человеческого капитала и инновационного потенциала территории. Однако в регионах Крайнего Севера России эта задача становится особенно сложной из-за значительного оттока населения и сокращения бюджетного финансирования вузов. В таких условиях вектором устойчивого развития для региональной системы высшего образования должно стать обеспечение ее самовоспроизводства.

Вместе с тем данная проблематика не нашла широкого освещения в научной публицистике. Существующие исследования направлены в основном либо на анализ и развитие подходов к воспроизводству региональных социально-экономических систем (например, см.: [7; 8]), либо на воспроизводство человеческого капитала средствами высшего образования на национальном уровне (например, см.: [9]),

либо исключительно на кадровое воспроизводство (например, см.: [10]) без погружения в региональную систему высшего образования. В связи с этим в рамках данного исследования мы предлагаем комплексную методику оценки устойчивости региональной системы высшего образования, основанную на индексе устойчивости региональной системы высшего образования, которую мы видим сквозь призму воспроизводства региональных систем высшего образования самих себя в условиях экономических вызовов регионов Крайнего Севера ДФО. Среди этих вызовов мы выделяем проблему демографии, низкий уровень инновационной активности.

Наша методика включает в себя следующие показатели:

1) динамику изменения численности преподавателей;

2) динамику изменения доли преподавателей с учёной степенью;

3) динамику изменения доли преподавателей до 40 лет;

4) динамику изменения доли преподавателей от 40 до 65 лет;

5) динамику изменения численности аспирантов и ассистентов-стажёров;

6) динамику изменения общего объёма средств от НИОКР, выполненных собственными силами университетов;

7) динамику изменения доли доходов университетов из внебюджетных источников;

8) динамику изменения количества публикаций на 100 научно-педагогических работников;

9) динамику изменения численности контингента;

10) динамику изменения численности магистрантов;

11) динамику изменения численности иностранных студентов;

12) валовый региональный продукт;

13) индекс инновационного развития;

14) динамики изменения доли доходов университетов из бюджетных источников.

На основе приведённых показателей предлагаем сгруппировать показатели по следующим аспектам устойчивости:

1) кадровый потенциал (показатели 1–5);

2) научно-исследовательская деятельность (показатели 6, 8);

3) финансовая устойчивость (показатели 7, 14);

4) образовательная деятельность (показатели 9, 10, 11).

На следующем шаге, на наш взгляд, целесообразно рассчитать интегральные индексы по каждой группе показателей с использованием методов нормирования и взвешивания. Нормировать показатели предлагается по формуле (1):

$$x_{norm} = \frac{(x - x_{min})}{(x_{max} - x_{min})} \quad (1)$$

Предлагаем следующие наименования для расчётных индексов:

1) индекс кадрового потенциала (ИКП);

2) индекс научно-исследовательской активности (ИНИА);

3) индекс финансовой устойчивости (ИФУ);

4) индекс образовательной деятельности (ИОД).

Далее необходимо рассчитать общий индекс устойчивости региональной системы высшего образования (ИУРСВО) каждого региона на основе интегральных индексов по группам. Расчёт интегральных индексов предлагается осуществить по формуле (2):

$$L_i = \frac{\sum(x_{ij})}{n} \quad (2)$$

где L_i – интегральный индекс для группы i, x_{ij} – нормированное значение j-го показателя в группе i, n – количество показателей в группе.

Расчёт индекса ИУРСВО целесообразно рассчитать методом геометрического среднего (3):

$$\boldsymbol{ИУРСВО = (КП + ИНИА + ИФУ + ИОД)^{1/4}} \quad (3)$$

Метод геометрического среднего учитывает мультипликативный эффект взаимодействия различных аспектов устойчивости, что делает его целесообразным для данного исследования.

На заключительном этапе необходимо:

1) проанализировать динамики изменения индексов по годам и провести сравнение между регионами ДФО;

2) провести корреляционный анализ между индексами устойчивости систем высшего образования и показателями социально-экономического развития регионов;

3) осуществить кластерный анализ регионов ДФО по уровню устойчивости систем высшего образования.

Иллюстрация к предложенной методике приведена на рисунке 1.

Комплексность данной методики учитывает множество аспектов функционирования региональных систем высшего образования, включая кадровый потенциал, научно-исследовательскую деятельность, финансовую устойчивость и образовательную деятельность. Это позволяет получить более полную и объективную картину устойчивости системы в отличие от методик, фокусирующихся на отдельных аспектах.

Специфичность для сферы высшего образования отличает предложенный подход от методик, ориентированных на общую оценку регионального развития. Он учитывает специфические факторы, характерные именно для сферы высшего образования, что позволяет более точно оценить устойчивость и потенциал развития образовательных систем в контексте региональной экономики. К тому же в методике учитываются такие факторы, как доля молодых преподавателей, численность аспи-

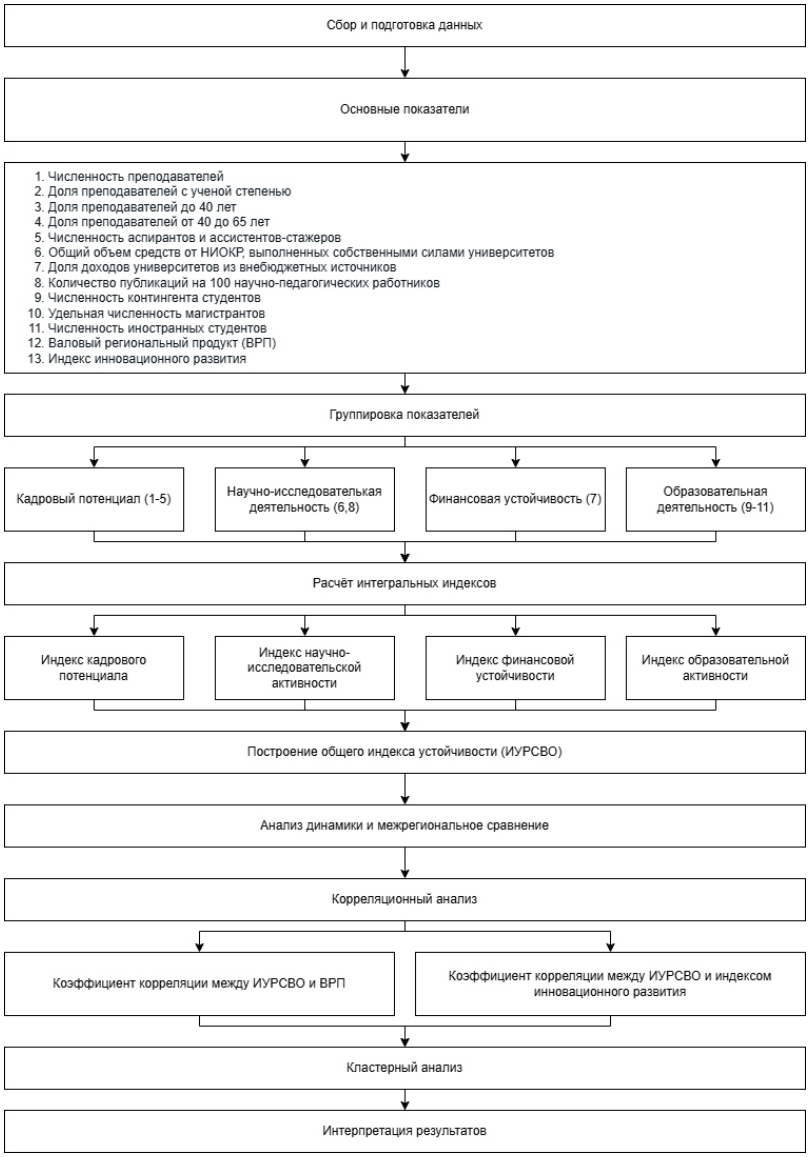


Рис. 1. Методика оценки устойчивости региональных систем высшего образования

рантов и магистрантов, что позволяет оценить потенциал системы для долгосрочного устойчивого развития.

Учет региональной специфики позволяет принимать во внимание особенности Дальневосточного федерального округа, включая демографические и экономические факторы, что делает методику более релевантной для анализа именно этого региона.

Отличительным аспектом методики выступает также присутствие элементов межрегионального сравнения, который обеспечивает сопоставление различных регионов ДФО, что позволяет выявить лучшие практики и области для совершенствования в каждом регионе, а также присутствие связи с региональным развитием, которое проявляется через включение показателей ВРП и индекса инновационного развития, что позволяет оценить вклад системы высшего образования в общее социально-экономическое развитие региона.

Гибкость и адаптивность методики позволяют легко применить ее под другие регионы или временные периоды, что повышает ее практическую ценность и универсальность.

Результаты оценки устойчивости региональных систем высшего образования в регионах Крайнего Севера ДФО, в соответствии с предложенной методикой, будут представлены в следующих публикациях.

Литература:

1. Бескровная (Акулич) О.В. Экономическая безопасность региона (на примере Магаданской области) // Инновации и инвестиции. 2022. № 4. С. 218–222.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Направления долгосрочного развития дальневосточного региона России // Вестник ДВО РАН. 2019. № 4 (206). С. 6–18.
3. Антипин И.А., Копченко В.К. Об оценке влияния демографических факторов на развитие системы высшего образования Дальневосточного федерального округа в контексте реализации демографической политики // Деловой вестник предпринимателя. 2023. № 4(14). С. 8–12.
4. Судакова А.Е., Сандлер Д.Г., Агарков Г.А. Региональные системы высшего образования в зеркале показателей // Университетское управление: практика и анализ. 2023. № 4. С. 43–64.
5. Акимова И.В., Артюхин В.В., Баландин И.А., Дураков Д.А. О роли системы образования в устойчивости развития региона // Научное обозрение. Экономические науки. 2022. № 4. С. 5–10.
6. Кормановская И.Р. Устойчивость развития региональных социально-экономических систем в условиях турбулентности // Проблемы современной экономики. 2015. № 4 (56). С. 189–192.
7. Брачун Т.А., Сахибгоряев В.Х. К вопросу о специфике развития Магаданской общины: опыт историко-философского исследования // Вестник СВГУ. История. 2023. № 4(2). С. 48–62.
8. Ангаева С.Д. Использование методологии воспроизводственного подхода для создания системы индикаторов устойчивого развития региона // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнёва. 2007. № 2. С. 99–101.

9. Алпатов Г., Анохина Е. Мировые тренды в сфере воспроизводства человеческого капитала в системе высшего образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2021. № 37(1). С. 34–61.
10. Мкртчян Е.Р. Воспроизводство научно-педагогических кадров в вузах России как система: состояние, проблемы и перспективы функционирования. Волгоград: Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, 2018. 304 с.

Reproductive Potential of Regional Higher Education Systems as a Factor of Sustainable Development of Regions (Using the Example of the Far North Regions of the Far Eastern Federal District)

Antipin I.A.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)
Kopchenko V.K.
North-Eastern State University

The article addresses the issue of the resilience of regional higher education systems in the face of economic challenges in the Far North regions of the Far Eastern Federal District (FEFD). The relevance of the study is determined by the key role of the higher education system in the formation and reproduction of the human resource potential in areas with extreme social and natural-climatic conditions. The aim of the research is to develop a comprehensive methodology for assessing the resilience of regional higher education systems, based on a resilience index and taking into account the specific characteristics of the Far North regions of the FEFD. The paper analyzes the main economic and demographic challenges affecting the resilience of regional higher education systems. A proposed assessment methodology includes indicators of human resource potential, research activities, financial stability, and educational activities of universities. The practical significance of the work lies in the potential application of the proposed methodology for analyzing and enhancing the resilience of higher education systems in the regions under consideration. The results of the study can be used by regional executive authorities and universities to develop sustainable development strategies in the context of economic and demographic challenges.

Keywords: region, higher education, system, management, reproduction, feedback

УДК 336
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-14-21

Анализ методик долговой устойчивости и оценка долговой устойчивости субъектов Российской Федерации



Демидова С.Е.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественных финансов финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)



Пахомова Е.Д.
Студент кафедры общественных финансов финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)



Сахарова В.А.
Студент кафедры общественных финансов финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)



Васенина В.В.
Студент кафедры общественных финансов финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Долговая устойчивость является важным индикатором финансового состояния Российской Федерации в условиях внешних вызовов и необходимости привлечения дополнительных ресурсов на достижение стратегических приоритетов. Долговая устойчивость определяется как способность экономического субъекта выполнять свои финансовые обязательства в установленные сроки, не нанося ущерба социально-экономическому развитию.

Цель статьи – исследовать методологические подходы к оценке долговой устойчивости региональных бюджетов в аспекте современных методов и практик и провести оценку по усовершенствованной методике. Методы исследования включают систематизацию подходов и рекомендаций по оценке долговой устойчивости, анализ отечественного и зарубежного опыта в проведении оценок долговой устойчивости. Качественный анализ и метод экспертных оценок применен для выбора и обоснованности показателей и диапазона значений.

Выявлены различия в методологиях: ограниченность набора показателей, что может быть недостаточным для комплексной оценки, и наоборот, расширенный перечень, повышающий объ-

ективность оценки, но имеющий ограничения по применимости. Зарубежные подходы предлагают более гибкие методы, однако они сфокусированы на страновый масштаб.

Установлено, что при низком уровне государственного долга в России и стабилизации долговой устойчивости регионов сохраняются риски, связанные с инфляцией, высокими процентными ставками, сокращением бюджетного импульса, что может потребовать увеличения заимствований.

Ключевые слова: *долговая устойчивость, государственный долг, регионы, экономический рост, заимствования, бюджетные кредиты*

Для цитирования: *Демидова С.Е., Пахомова Е.Д., Сахарова В.А., Васенина В.В. Анализ методик долговой устойчивости и оценка долговой устойчивости субъектов Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 14–21. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-14-21.*

В 2024 г. объем мирового долга достиг рекордных значений в 318,4 трлн долл. Почти 65 % роста глобального долга в прошедшем (2024 г.) году пришлось на рынки развивающихся стран: Китай, Индию, Саудовскую Аравию и Турцию. На рынках развитых стран накопление задолженности по большей части происходило в США, Великобритании, Канаде и Швеции. При этом около двух третей прироста долга занимает государственный сектор. В 2025 г. глобальный госдолг прибавит 3 % и составит 12,3 трлн долл., продолжив тем самым «поступательный рост, начавшийся в 2022 г.» [1]. Основными причинами, вызвавшими увеличение большего объема заимствований, называют: необходимость стимулирования экономики, рост социальных и военных расходов, фазу высоких процентных ставок, которые подразумевают высокую стоимость обслуживания новых заимствований.

На фоне возрастания показателей долга по странам как по объему, так и по уровню Россия имеет безопасный уровень долга в пределах установленного порогового значения в 20 % ВВП. Однако в условиях высокой инфляции, высоких процентных ставках и снижающихся цен на нефть, неустойчивости экономических связей, продолжающихся геополитических конфликтов могут реализоваться риски нарастания дефицита бюджета, что, очевидно, потребует привлечения новых заимствований. В связи с этим проблема долговой устойчивости остается для нашей страны актуальной.

Цель статьи – исследовать методы долговой устойчивости для оценки возможности их применения в условиях возрастания внутренних и внешних рисков и обеспечения финансовой устойчивости и уточнить методику оценки долговой устойчивости на субфедеральном уровне.

Долговая устойчивость представляет собой индикатор финансового состояния страны или региона, ее определение дает возможность оценить способность выполнять в определенные сроки взятые финансовые обязательства. Эксперты Международного валютного фонда (далее – МВФ) дают такое определение: «это состояние, при котором накопленный государственный долг может быть обслужен в любой момент времени» [2], поэтому категория «долговая устойчивость» отражает состояние бюджета, обеспечивающее бесперебойное функционирование территории, своевременное финансовое обеспечение закрепленных функций, в том числе функции по управлению государственным и муниципальным долгом [3].

Стабильное соотношение долга к ВВП является распространенным и полезным показателем устойчивости государственных финансов, однако недостаточным. Высокие процентные ставки и одновременные заимствования на финансовом рынке обуславливают рост суммы государственных расходов, направляемых на обслуживание государственного долга, поэтому показатель обслуживания долга является значимым [4]. Изменения обменного курса оказывают влияние на долговую устойчивость, особенно если значительная часть долга выражена в иностранной валюте, поэтому при оценке долговой устойчивости необходимо учитывать и валютные риски [5]. Таким образом, доля расходов на обслуживание государственного долга в расходах бюджета может значительно повышаться в отдельные периоды (с учетом графика платежей), что также будет снижать долговую устойчивость. Дефицитность бюджета приводит к росту заимствований. Для поддержания долгосрочной долговой устойчивости включаются требования к пороговым величинам государственного долга и дефицита бюджета – бюджетные правила.

В России десятилетия наблюдался рост долговой нагрузки в региональных бюджетах с некоторой стабилизацией в последние годы. При этом объем государственного долга субъектов Российской Федерации в 2023 г. составил 3,2 трлн руб., что на 15 % больше, чем в предыдущем году. Основными причинами роста долга являются увеличение социальных обязательств, финансирование инфраструктурных проектов и снижение налоговых поступлений из-за экономической нестабильности. Многие регионы

сталкиваются с трудностями в обслуживании долга, что приводит к необходимости реструктуризации или привлечения дополнительных заимствований. В научной литературе дискуссионными остаются вопросы методологии определения долговой устойчивости субъектов Российской Федерации. Обосновано мнение, что «практика оценки долговой устойчивости субъектами Российской Федерации подтверждает, что использование рекомендуемых БК РФ показателей недостаточно» [6].

В рамках проблематики долговой устойчивости исследовательский интерес вызывает методология фискального пространства [7]. Данный концептуальный подход основывается на определении способности страны (или региона) увеличивать государственные расходы или снижать налоги без угрозы нарушения долгосрочной устойчивости государственных финансов. Совокупность используемых методов помогает правительствам принимать обоснованные решения в области бюджетной политики, основные подходы к оценке представлены в таблице 1.

По методике Минфина России оценка долговой устойчивости субъекта Российской Федерации (далее – субъект РФ, СРФ, регион) осуществляется в соответствии со ст. 107.1 БК РФ, где определены основные показатели долговой устойчивости и их предельные значения, учтенные в методике оценки уровня долговой устойчивости (далее – УДС) [20] (табл. 2).

Данная методика основана на расчете коэффициентов и является базовым (обязательным) подходом. Регионы могут быть отнесены к одной из трех групп заемщиков: с высоким, средним или низким уровнем долговой устойчивости, переход в иную группу возможен только через 3 года [21].

В дополнении к общим коэффициентам предложено использовать расширительный методический подход, включая дополнительные показатели, отраженные в Методических рекомендациях [22] (табл. 3).

В расширительном подходе отмечается, что следует учитывать особенности финансово-экономических условий конкретного субъекта в зависимости от некоторых факторов: доли налоговых и неналоговых доходов в общих доходах бюджета; отклонения плановых значений от фактических бюджетных параметров; общего объема и структуры доходов, объемов расходных обязательств, которые связанны с внешними условиями. Для тех регионов, которые имеют более высокий уровень отклонения, реко-

Таблица 1

Методы оценки долговой устойчивости публично-правовых образований

Название метода	Суть метода	Анализируемые показатели
Анализ долговой устойчивости (*DSA*) [8]	Оценка способности страны обслуживать свой долг в среднесрочной и долгосрочной перспективе	Отношение долга к ВВП. Стоимость обслуживания долга. Темпы экономического роста. Процентные ставки
Оценка налогового потенциала [9; 10]	Оценка соответствия текущих налоговых поступлений потенциалу доходов при оптимальной налоговой политике	Потенциальные налоговые доходы. Фактичекские налоговые доходы
Анализ бюджетных ограничений [11]	Рассмотрение ограничений, с которыми сталкивается государство при финансировании своих расходов	Доступ к заимствованиям. Уровень инфляции. Валютные резервы
Оценка макроэкономических рисков [12]	Учет макроэкономических рисков: волатильность цен на сырьевые товары, изменения валютных курсов или глобальные экономические шоки	Цены на сырьевые товары. Валютные курсы. Экономические шоки
Сценарный анализ [13]	Моделирование сценариев: изменение темпов роста ВВП, процентных ставок, уровня расходов и др. для оценки их влияния на фискальную устойчивость	Учитываются показатели в зависимости от ситуации, например: темпы роста ВВП, уровень расходов, процентные ставки
Международные сравнения [14]	Сравнение фискальных показателей страны с аналогичными показателями других стран с сопоставимым уровнем развития	Доходы бюджета. Расходы бюджета. Дефицит (профицит) бюджета. Государственный долг
Мониторинг фискальных правил [15]	Анализ соблюдения страной установленных фискальных правил	Ограничения на дефицит бюджета Уровень государственного долга, др.
Оценка инвестиционных потребностей [16]	Учет потребности страны в инвестициях в инфраструктуру, человеческий капитал и другие приоритетные области	Показатели, характеризующие инвестиции: структура, объем, источники и др.). Уровень текущих расходов
Динамические стохастические модели общего равновесия, *DSGE* [17]	Оценка влияние фискальной политики на экономику в долгосрочной перспективе	Объемы государственных налоговых доходов и государственных расходов. Валовой внутренний продукт Инфляция и др.

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Показатели оценки долговой устойчивости субъекта РФ: базовый подход

Показатели долговой устойчивости (ст. 107.1 БК РФ)	Предельная величина УДС			Экономическое содержание
	Высокий	Средний	Низкий	
К1 – объем госдолга СРФ к общему объему доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений	≤ 50 % ≤ 25 %*	51–85 % 26–45 %*	> 85 % >45 %*	Отражает уровень платежеспособности, т.е. способность погашения полностью и в срок
К2 – доля расходов на обслуживание долга в общем объеме расходов бюджета без учета субвенций	≤ 5 %	6–8 %	> 8 %	Характеризует уровень риска неисполнения расходных обязательств в связи с погашением долга
К3 – годовая сумма платежей по погашению и обслуживанию долга к общему объему доходов бюджета и дотаций из бюджетов	≤ 13 %	14–18 %	> 18 %	Оценивает уровень текущей долговой нагрузки на бюджет региона
К4 – доля краткосрочных долговых обязательств в общем объеме долга	> 15 %			Оценивает подверженность долгового портфеля риску рефинансирования

* – для высокодотационных регионов.

Источник: составлено на основе методики Минфина России.

Таблица 3

Показатели оценки долговой устойчивости субъекта РФ: расширительный подход

Показатель	Предельная величина, %	Экономическое содержание
Отношение государственного долга к объему ВРП	3	Отражает величину долговой нагрузи на бюджет
Отношение долга к доходам бюджета без учета МБТ	30	Отражает уровень платежеспособности, т.е. способность погасить полностью и в срок все обязательства
Отношение расходов на обслуживание долга к общим расходам бюджета	5	Характеризует уровень риска неисполнения расходных обязательств при погашении долга
Отношение расходов на обслуживание и погашение долга к доходам бюджета без учета МБТ	10	Отражает уровень риска неисполнения расходных обязательств при погашении долга
Отношение «инвестиционных» расходов к расходам на обслуживание и погашение долга	90	Отражает эффективность использования заемных средств
Отношение просроченных долговых обязательств к общему объему госдолга	0	Отражает степень неисполнения долговых обязательств
Отношение дефицита бюджета к доходам бюджета без учета МБТ	10	Отражает уровень платежеспособности
Доля гарантий в общем объеме госдолга	20	Отражает инвестиционный характер долговых обязательств

мендовано устанавливать более жесткие нормативные лимиты долговой нагрузки.

Показатели *К1, К2* и *К3* встречаются в обоих подходах. Однако нормативы для *К1* и *К2* в указанных документах разные, что не дает возможности однозначного определения в понимании УДС (табл. 4).

В этой связи, согласно рекомендациям Минфина России по ответственной долговой политике [23],

Таблица 4

Сравнение значений нормативных показателей *К1, К2, К3*, отраженных в ст. 107.1 БК РФ и Методических рекомендациях

Показатель	Нормативы, %	
	Ст. 107.1 БК РФ	Методические рекомендации
К1	≤ 50 %	≤ 30 % (показатель 2)
К2	≤ 13 %	≤ 10 % (показатель 4)
К3	≤ 5 %	≤ 5 % (показатель 3)

Источник: составлено авторами.

предлагаются дополнительные показатели для УДС, описанные в государственных программах регионов.

Также перечень показателей, позволяющих определить параметры долговой нагрузки регионов, содержится в рекомендациях по долгосрочному бюджетному планированию. Приведенные ограничения (пороговые значения) регионы могут корректировать в зависимости от экономической особенности их территорий или от состояния бюджета, но сами особенности не оговорены.

Методика Счетной палаты Российской Федерации включает еще более расширенный перечень показателей (21 показатель), сгруппированных по следующим трем критериям [24]: 1 – уровень долговой нагрузки и платежеспособности (8 показателей); 2 – качество управления структурой государственного долга (12 показателей); 3 – открытость сведений о состоянии государственного долга (1 показатель).

Показатели по критериям 1 и 2 включают только количественные характеристики в динамике, а по

критерию 3 обращает внимание на наличие полного или частичного объема информации либо же ее отсутствие [25]. Результатом аудита оценки УДС региона является присвоение каждому критерию высокого, среднего или низкого уровня эффективности долговой политики на основании суммарного значения всех показателей по критерию.

Оценка показателя складывается следующим образом. Показатель относится к одной из категорий в зависимости от динамики изменения данных (положительная динамика, отсутствие изменений, отрицательная динамика); соответствия нормативному значению (например, менее 30 % – низкий уровень, менее 50 % – средний уровень, более 50 % – высокий уровень); наличия или отсутствия требуемой информации (например, наличие всей информации; частичное размещение; отсутствие информации). Далее выставляется от 1 до 3 баллов, в итоге по критерию эффективности долговой политики уровень определяется как высокий, средний, низкий.

Однако использование данного подхода связано с ограничениями по охвату регионов и использованию всей совокупности показателей, рисунок 1.

Таким образом, для оценки долговой устойчивости целесообразно расширить действующую методику Минфина России с учетом доступности данных для анализа.

Для корректировки методики на дополнительные показатели были просчитаны новые коэффициенты *К5* (отношение темпов роста государственного долга к темпам роста ВРП) и *К6* (доля рыночного государственного долга в структуре государственного долга). Затем, опираясь на введенные показатели, субъекты были скорректированы по уровням долговой устойчивости. Для группы низкой долговой устойчивости значения показателей определены для *К5* > 100 %, для *К6* > 65 %. Для группы высокой долговой устойчивости значения показателей определены для *К5* < 70 %, для *К6* < 25 %. Прочие значения *К5* и *К6* относятся к средней группе.

Если у региона, который находился в группе с высоким УДС, отношение темпов роста государственного долга к темпам роста ВРП и доля рыночного государственного долга в структуре государственного долга превышали пороговые значения, то такой субъект определялся в группу со средним УДС. В случае если коэффициенты превышали пороговые значения у региона, который находился в группе со средним УДС, то такой субъект был переведен в группу с низким уровнем долговой устойчивости. Если в расчетах по одному субъекту два дополнительных коэффициента были ниже порогового значения, а субъект имел низкую долговую устойчивость, такой регион был отнесен к группе со средней долговой устойчивостью. Если показатели *К5* и К6 были ниже пороговых значений, а субъект относился к группе со средней УДС, то такой регион был классифицирован как субъект с высоким УДС. Если показатель *К5* и *К6* находились в диапазоне значений, при которых субъект не относился к группам заемщиков с высоким или низким уровнем долговой устойчивости, группа оставалась изначальной.

Количественное соотношение субъектов, отнесенных к разным группам классификации в зависимости от долговой устойчивости, согласно методике Минфина России, с 2018 по 2023 гг. представлено на рисунке 2.

В таблице 5 представлены данные о субъектах РФ, которые были классифицированы по скорректированной методике. Темно-серым цветом отражено увеличение количества субъектов в группе, светло-серым – уменьшение.

Субъектами РФ, которые перешли из группы со средней долговой устойчивостью в группу с высоким уровнем долговой устойчивости, стали: Ивановская область (2021 г.), Республика Карелия (2021 г.),



Рис. 1. Количество используемых показателей при оценке уровня долговой устойчивости в различных регионах по методике Счетной палаты Российской Федерации

Анализ проведен по субъектам Российской Федерации, долговая устойчивость которых оценивалась Счетной палатой Российской Федерации

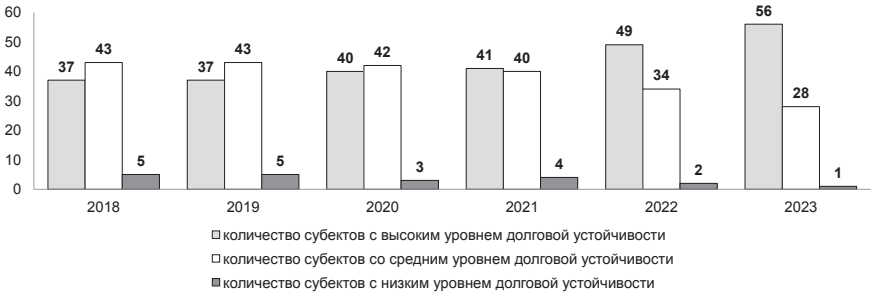


Рис. 2. Классификация субъектов РФ в зависимости от уровня долговой устойчивости в соответствии с методикой Минфина РФ

Источник: составлено авторами.

Таблица 5

Классификация субъектов РФ в зависимости от уровня долговой устойчивости в соответствии с методикой Минфина России

Уровень долговой устойчивости	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Высокий уровень (ед.)	38	38	38	44	49	56
Средний уровень (ед.)	42	42	44	37	35	28
Низкий уровень (ед.)	5	5	3	4	1	1

Источник: составлено авторами.

Вологодская область (2021 г.), Астраханская область (2018 г., 2019 г.), Пермский край (2021 г.), Магаданская область (2020 г.).

К регионам, которые перешли из группы субъектов с высоким уровнем долговой устойчивости в группу бюджетов со средним уровнем долговой устойчивости, относятся: г. Москва (2021 г.), г. Санкт-Петербург (2020 г.), Ханты-Мансийский АО (2020 г.), Республика Саха (Якутия) (2020 г.).

Регионом, который перешел из группы с низкой долговой устойчивостью в группу со средним уровнем долговой устойчивости, стала Республика Мордовия. Республика с 2018 г. имела низкий УДС и только в 2023 г. перешла в среднюю группу. В 2022 г. регион показывал умеренные темпы роста государственного долга в сравнении с темпами роста ВРП, относительно безопасные показатели доли рыночного долга в структуре государственного долга, что позволяет при корректировке методики отнести регион в 2022 г. к группе со средним уровнем долговой устойчивости.

Оценивая уровень долговой устойчивости субъектов Федерации по скорректированной методике в рассмотренном периоде можно сделать вывод о стабилизации долговой зависимости регионов, число которых со средним и низким уровнем долговой устойчивости постепенно сокращалось. В 2023 г. единственным регионом, имеющим низкий УДС, стала Республика Калмыкия. Ключевым фактором такой динамики является замещение части рыночного государственного долга нерыночным – бюджетными кредитами, доля которых достигла более 77 % [26] в общей структуре заимствований.

В условиях глобальных кризисов и трансформаций страновый государственный долг будет расти, что отразится и на положении субфедеральных образований, вопрос долговой устойчивости остается актуальным. В исследовании раскрыта многоаспектность методических подходов к оценке долговой устойчивости. Анализ существующих методик, используемых на субфедеральном уровне, выявил необходимость их усовершенствования через оптимизацию системы показателей, что позволит более точно оценивать долговую устойчивость и минимизировать риски.

Результаты анализа по скорректированной методике показали стабилизацию долгового положения регионов. Количество субъектов с высоким уровнем долговой устойчивости увеличивается, а число регионов со средним и низким уровнем долговой устойчивости постепенно снижается. Это свидетельствует о положительном эффекте от замещения рыночных заимствований бюджетными кредитами. Однако в 2025 г. могут реализоваться риски, связанные со снижением темпа роста экономики, сворачиванием бюджетного импульса, жесткостью денежно-кредитной политики при сохраняющейся инфляции, а также сложно прогнозируемые косвенные последствия изменений налоговой политики. Перспективным представляется внедрение технологий искусственного интеллекта для повышения точности прогнозов при управлении долговой нагрузкой при расширении количества показателей.

Литература:

1. Sovereign Debt 2025: Commercial Debt Will Reach A New Record High Of $77 Trillion. URL: https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/250304-sovereign-debt-2025-commercial-debt-will-reach-a-new-record-high-of-77-trillion-13427943 (дата обращения: 04.03.2025).
2. Review of the Debt Sustainability Framework for Market Access Countries. Policy Paper. URL: http://www.imf.org (дата обращения: 20.02.2025).
3. Куприн А.А., Буга А.В., Рахконен М.Е. Анализ и оценка долговой устойчивости регионов в целях эффективного управления задолженностью и достижения бездефицитного бюджета // Экономика и управление народным хозяйством. 2019. № 9 (11). С. 15–22.

4. Трунин П., Синельникова-Мурылева Е., Божечкова А. Влияние высоких процентных ставок по заимствованиям на экономический рост в Российской Федерации // Russian Journal of Entrepreneurship. 2016. Т. 17. № 10. С. 1213–1218. DOI:10.18334/rp.17.10.35293.
5. Arellano C., Bai Y., Kehoe P.T. Financial crises and the relevance of the debt sustainability framework // Journal of Development Economics. 2015. № 115. P. 1–18. DOI:10.1016/j.jdeveco.2015.04.002.
6. Санакоев А.Ю. Повышение долговой устойчивости субъектов Российской Федерации: дисс. … канд. эконом. наук. М., 2020. 172 с.
7. Nguyen A.F., Garcia-Escribano M. Understanding the Macroeconomic Effects of Natural Disasters // IMF Working Papers. 2025, № 46. URL: https://doi.org/10.5089/9798229001939.001.
8. Анализ устойчивости долга: руководство по методам, тенденциям и стратегиям // Familiarize. URL: https://docs.familiarize.com/ru/glossary/debt-sustainability-analysis/ (дата обращения: 24.02.2025).
9. Хидирова Р.М. Методы оценки налогового потенциала региона // Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов. Сб. материалов II Межд. науч.-практ. конф. М.: ИРОК, 2022. С. 212–218.
10. Бабин Н.А. Методы оценки налогового потенциала на основе показателей формирования налоговых доходов // Вектор экономики. 2018. № 5. С. 37–44.
11. Бухарский В.В., Лавров А.М. Жесткие бюджетные ограничения: теоретические основы и проблематика российских городов // Проблемы управления: теория и практика. 2020. № 1. С. 7–40.
12. Doojav G.-O., Purevdorj M., Batjargal A. The macroeconomic effects of exchange rate movements in a commodity-exporting developing economy// International Economics. 2024. № 177. P. 1–21. URL: https://doi.org/10.1016/j.inteco.2023.100475.
13. Ковалев П.П. Сценарный анализ, методологические аспекты // Финансы и кредит. 2009. № 44 (380). С. 9–13.
14. Debt Sustainability Framework. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/debt-toolkit/dsf (дата обращения: 04.03.2025).
15. Brändle Th., Elsener M. Do Fiscal Rules Matter? // A Survey of Recent Evidence. Swiss Journal of Economics and Statistics. 2024. Vol. 160. № 1. P. 1–38. URL: sjes.springeropen.com/articles/10.1186/s41937-024-00128-z.
16. Татаркин А.И., Биматов М.Р. Оценка инвестиционных потребностей социально-экономического развития региона // Экономика региона. 2010. № 2. С. 29–33.
17. Вотинов А.И., Елкина М.А. Фискальное стимулирование российской экономики: оценка в рамках простой DSGE-модели с фискальным блоком // Фискальная политика. Макроэкономическое моделирование. 2018. № 5. С. 83–96.
18. Балынин И.В. Комплексный анализ долговой политики в рамках рейтинговой оценки субъектов Российской Федерации по уровню риска несбалансированности региональных бюджетов // Экономика и предпринимательство. 2014. № 5. С. 217–222.
19. Терещенко В.С., Королева М.Л. К вопросу оценки долговой устойчивости регионов Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управления производством. 2022. № 1 (51). С. 32–39.
20. Постановление Правительства РФ от 04.03.2020 г. № 227 «Об утверждении Правил проведения оценки долговой устойчивости субъектов Российской Федерации». URL: http://government.ru/docs/all/126562/ (дата обращения: 27.12.2024).
21. Классификация субъектов Российской Федерации по группам долговой устойчивости. Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/subj/klass (дата обращения: 03.01.2025).
22. Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации по долгосрочному бюджетному планированию. Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=94598 (дата обращения: 03.01.2025).
23. Рекомендации Минфина России от 18.12.2015 г. «Рекомендации по проведению субъектами Российской Федерации ответственной заемной/долговой политики». URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=104993 (дата обращения: 03.01.2025)
24. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Аудит эффективности долговой политики Красноярского края, Ставропольского края, Республики Башкортостан, Саратовской области, Смоленской области. URL: https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoj-palaty-8-nbsp-avgust-2014-nbsp-g-792?blind_mode=on (дата обращения: 05.01.2025)
25. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности долговой политики Мурманской области и анализ ее влияния на исполнение бюджета и социально-экономическое развитие региона за 2011-2015 годы» от 20.01.2017 г. URL: http://kspmo.ru/upload/iblock/39d/39d1ae7bd2585e0a817bc12e933877ee.pdf (дата обращения: 15.02.2025)
26. Информационно аналитическая система «iМониторинг». Мониторинг. Бюджет. Финансовый паспорт. URL: https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/budget (дата обращения 26.01.2025).

Analysis of Debt Sustainability Methodologies and Assessment of Debt Sustainability of the Subjects of the Russian Federation

Demidova S.E., Pakhomova E.D., Sakharova V.A., Vasenina V.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Debt sustainability is an important indicator of the financial condition of the Russian Federation in the face of external challenges and the need to attract additional resources to achieve strategic priorities. Debt sustainability is defined as the ability of an economic entity to meet its financial obligations on time without prejudice to socio-economic development.

The purpose of the article is to explore methodological approaches to assessing the debt sustainability of regional budgets in terms of modern methods and practices and to conduct an assessment using an improved methodology.

The research methods include the systematization of approaches and recommendations for assessing debt sustainability, the analysis of domestic and foreign experience in conducting debt sustainability assessments. Qualitative analysis and the method of expert assessments are used to select and validate indicators and a range of values.

Differences in methodologies have been identified: a limited set of indicators, which may not be sufficient for a comprehensive assessment, and vice versa, an expanded list that increases the objectivity of the assessment, but has limitations in applicability. Foreign approaches offer more flexible methods, but they are focused on the country scale.

It has been established that with a low level of public debt in Russia and stabilization of the debt sustainability of the regions, risks associated with inflation, high interest rates, and a reduction in budget momentum remain, which may require increased borrowing.

Keywords: debt sustainability, public debt, regions, economic growth, borrowing, budget loans

УДК 331.52
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-22-29

Человеческие ресурсы цифровой экономики России – адаптация рынка труда к условиям дефицита профильных специалистов



Колесникова Ю.С.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета



Кулагин Р.В.
Аспирант Института управления, экономики и финансов
Казанского (Приволжского) федерального университета

Цифровая трансформация экономики, являясь объективным процессом развития при текущем уровне технологий, отличается проникающим свойством и охватывает все виды деятельности. Продолжающийся процесс диффузии цифровых технологий во всех отраслях народного хозяйства обусловляет устойчивый и постоянный рост спроса на человеческие ресурсы, квалифицированные в данной сфере. Это относится как к специализированным в этой области кадрам, так и к тем кадрам, которые применяют в других сферах деятельности продукты и решения, основанные на информационных технологиях. Целью данной работы является исследование того, как соотносятся и взаимодействуют эти две категории человеческих ресурсов. На основании проведенного статистического анализа было отмечено, что динамика интенсивности применения цифровых технологий способствует росту относительного спроса на труд обоих указанных категорий трудящихся. При этом результаты количественного анализа позволили сформулировать и обосновать предположение о том, что работники, активно применяющие информационные технологии, не являясь при этом специалистами в данной сфере, могут выполнять по крайней мере часть функций специалистов, в условиях дефицита последней категории человеческих ресурсов. Наличие такого эффекта замещения может иметь значение для вопросов построения стратегий по обучению и управлению персоналом на предприятиях, интенсифицирующих внедрение и применение продуктов и решений, основанных на информационных технологиях.

Ключевые слова: *цифровые технологии, специалисты по информационно-коммуникационным технологиям, дефицит кадров, эффект замещения*

Для цитирования: *Колесникова Ю.С., Кулагин Р.В. Человеческие ресурсы цифровой экономики России – адаптация рынка труда к условиям дефицита профильных специалистов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 22–29. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-22-29.*

Одной из структурных особенностей современной экономики является постепенное принятие информационных технологий всеми сферами жизни общества. Стремительное развитие технологий, оптимизирующих процессы потребления, обработки и применения информации, заставляет организации непрерывно совершенствовать систему адаптации и внедрения таких технологий. Стремясь к поддержанию своей конкурентоспособности, организации не могут игнорировать развитие и расширение спектра возможностей, предоставляемых сферой информационных технологий. Все это обусловляет постоянный рост спроса на специалистов соответствующей квалификации.

Е.А. Пономарева отмечает, что капитал организаций, относящийся к продуктам информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), является высокопроизводительным, в соотнесении с традиционными видами капитала. В своей работе исследователь отмечает, что цифровые технологии снижают транзакционные издержки для широкого круга субъектов, повышая при этом общий уровень благосостояния. Тем самым автор аргументирует утверждение о том, что цифровая трансформация является процессом, в который вовлечены предприятия не только сектора информационно-коммуникационных технологий, но всех остальных отраслей [1, с. 53].

И.С. Спирин отмечает наличие в экономике России дефицита кадров «IT-сферы», предлагая оценку такого дефицита в 1 млн чел. на момент 2021 г. Исследователь рассматривает предположение о том, что нехватка человеческих ресурсов состоит не столько в расширении количественного спроса, сколько в значительном росте требуемого уровня квалификации специалистов этой сферы [2, с. 235].

Очевидным является то, что какие-либо решения и мероприятия в сфере подготовки кадров и образования способны принести результат со значительным временным лагом [3, с. 749]. Из этого следует, что разрешение текущих и избежание будущих проблем требует прогнозирования динамики относительного спроса как на труд в сфере ИКТ, так и на труд, интенсивно применяющий продукты и решения, основанные на ИКТ. Исследование динамики спроса на указанную часть человеческих ресурсов снижает влияние эффекта масштаба.

Ю. Пэн и Ч. Тао, основываясь на результатах количественного анализа, показали, что цифровая трансформация повышает производительность использования широким кругом организаций ресурсов, а также снижает их совокупные издержки. В особенности исследователи отметили положительную роль государственной политики в процессах цифровой трансформации. Такая политика не только способствует еще большему росту производительности организаций, но и стимулирует инновационные импульсы хозяйствующих субъектов [4].

Исследование О. Ганболд и др. показывает, что информационные технологии способствуют повышению эффективности организаций через снижение операционных издержек. Такое снижение достигается благодаря интеграции связей предприятий с клиентами и поставщиками, повышению эффективности работы цепочек поставок, снижению логистических затрат. Все это в комплексе позволяет выстраивать гибкую линию ассортимента производимой и продаваемой продукции [5, с. 968].

Л.Д. Гурцкой в своем исследовании отмечает важную роль располагаемого предприятием человеческого капитала и системы управления человеческими ресурсами в вопросах определения способности предприятий к внедрению информационных технологий. Автор также отмечает наличие определенного уровня дифференциации предприятий по признаку указанной способности, в зависимости от конкретного типа цифровых технологий [6, с. 44].

С.Б. Шапошник, А.А. Янышен в своем исследовании рассматривают динамику спроса на навыки работы с большими данными у работников, не являющихся специалистами в области ИКТ. Следуя их расчетам, основанным на изучении относительной доли указанного вида вакансий, в период с конца 2019 г. до начала 2021 г. уровень такого спроса вырос с 37,5 до 39 % [7, с. 79]. Исследователи характеризуют этот тип работников как специалистов областей, не относящихся к области ИКТ, но активно применяющих цифровые технологии в своей профессиональной деятельности. Динамика, выявленная исследователями, описывает распространение отдельного вида цифровых технологий среди широкого круга отраслей экономики. За этим следует другая тенденция – рост потребности в работниках, способных к внедрению и использованию таких технологий в рамках своих рабочих функций.

Исследовательским вопросом настоящей работы является то, как в условиях предполагаемой нехватки кадров, квалифицированных в сфере ИКТ, соотносится эта часть человеческих ресурсов со специалистами иных областей, активно применяющих ИКТ. Таким образом, основным анализируемым показателем является динамика удельного веса специалистов, совмещающих в своей деятельности работу с цифровыми технологиями. Иными словами, это не специалисты по ИКТ, но специалисты и работники иных областей, чей труд связан с интенсивным использованием ИКТ. Труд специалистов ИКТ – это производство и оказание услуг, который так или иначе может быть отнесен к одной группе отраслей. Динамика же относительной доли занятых, чей труд интенсивно связан с использованием ИКТ, связана с общепроизводственными потребностями на данном этапе технического развития.

При принятии утверждения о том, что текущий тренд, описанный в рассмотренных выше иссле-

дованиях, сохранится или усилится, остро встает вопрос производительности труда работников, которые вынуждены расширять свой спектр квалификаций [8, с. 491; 9, с. 560]. Кроме того, актуализируются и вопросы эффективности управления персоналом, который в условиях цифровизации все более вынужден совмещать компетенции из различных сфер деятельности с компетенциями по работе с цифровыми технологиями [10, с. 41].

Как уже было сказано, основным вопросом предлагаемого нами исследования является то, как соотносятся пропорции этих двух смежных категорий работников в рамках отраслевых групп. В данном исследовании такая взаимосвязь представлена как продукт сложного, разнонаправленного воздействия факторов. Основная предпосылка к гипотезе исследования состоит в том, что показатели подготовки человеческих ресурсов, квалификация которых специализирована именно в сфере ИКТ, может быть и соотнесена, и противопоставлена относительной доле прочих специалистов, интенсивно использующих ИКТ. С одной стороны, труд занятых в производстве и оказании услуг сферы ИКТ напрямую формирует относительную долю работников других отраслей, чей труд связан с интенсивным использованием ИКТ.

С другой стороны, применение результатов труда специалистов ИКТ на предприятиях широкого круга отраслей неизбежно требует адаптации и сопровождения. Предполагается, что при наличии неудовлетворенной части спроса на специалистов, квалифицированных в области ИКТ, часть их функций могут перенимать представители иных специальностей. Предполагается также, что такие процессы зависят от уровня человеческого капитала организаций широкого круга отраслей [11, с. 16].

В качестве научной новизны работы предлагается проверка выводимой из всего вышесказанного гипотезы. Она состоит в предположении о том, что в условиях возможного дефицита кадров, квалифицированных в разработке и применении ИКТ, другие специалисты способны перенимать часть их функций. Иными словами, проверяется наличие эффекта замещения, состоящего в том, что часть потребности в специалистах ИКТ может перекрываться за счет иных специалистов, активно применяющих ИКТ. Данное предположение не может быть отнесено к функционированию организаций отрасли информации и связи. Однако, если товары и услуги, основанные на ИКТ, главным образом являются промежуточными продуктами, то стоит рассматривать влияние их и связанного с ними труда в масштабах всех прочих отраслей.

Очевидно, что интенсивность уровня использования продукции ИКТ отражается на том, какая часть работников будет связана с применением такой продукции в своей профессиональной деятельности. Однако, проанализировав данные для сплошной выборки отраслей, можно обобщить эти взаимосвязи для всей экономики, а не отдельных видов экономической деятельности (далее – ВЭД). Другой целью исследования является проверка гипотезы о влиянии уровня образования сотрудников предприятий на относительную долю работников, активно использующих ИКТ. Предполагается, что именно сотрудники с более высоким уровнем образования способны оказать более сильный эффект замещения при работе с продуктами ИКТ. Таким образом, можно сформулировать обобщающий исследовательский вопрос о влиянии человеческого капитала на динамику уровня потребности в работниках с профильной квалификацией в сфере ИКТ, среди организаций, не относящихся к отрасли информации и связи.

На данный момент отраслевой анализ такой проблематики сильно ограничен недостатками статистических наблюдений. В первую очередь это касается малой продолжительности накопленных наблюдений. Другой важной проблемой является отсутствие обобщенных и в достаточной мере полных для исследования проблематики на макроуровне данных о том, в предприятия каких отраслей трудоустраиваются выпускники тех или иных образовательных программ. Данная проблема более других ограничивает оценку человеческого капитала в сфере ИКТ.

В качестве новизны, кроме проверки указанных гипотез, предлагается попытка преодоления этого ограничения с помощью аппроксимации смежными показателями и составления оценочного показателя ожидаемого отраслевого распределения трудоустройства выпускников образовательных программ, связанных с ИКТ. Далее в работе представлено подробное описание ограничений и допущений результатов исследования, связанных с этим оценочным показателем.

В ходе исследования были использованы статистические данные, характеризующие динамику показателей в разрезе 15 основных видов экономической деятельности. Выборка не включает образование как вид экономической деятельности ввиду неполноты статистических данных. Также из списка исследуемых видов деятельности исключена группа отраслей, специализирующихся на производстве товаров и оказании услуг в сфере ИКТ – деятельность в области информации и связи.

Таким образом, ниже представлено исследование, основанное на данных, относящихся к широкому кругу отраслей – видов деятельности, не включающих сферу информационных технологий ввиду целей исследования, а также сферу образования как из-за обособленности данного ВЭД, так и ввиду недостатков располагаемой статистической информации. Как уже было указано, основные ограничения

исследования, вызванные неполнотой статистических наблюдений, относятся к данным об уровне образования сотрудников организаций, в разрезе ВЭД. Итоговая выборка отраслей и основных исследуемых показателей представлена в таблице 1.

Индекс использования цифровых технологий в организациях основан на данных о проценте организаций соответствующего вида деятельности, в которых использовались такие технологии, как: технологии сбора, обработки и анализа больших данных, облачные сервисы, центры обработки данных, цифровые платформы, геоинформационные системы, технологии интернет-вещей, *RFID*-технологии, технологии искусственного интеллекта, промышленные роботы и/или автоматизированные линии, аддитивные технологии и технологии «Цифрового двойника».

Распределение долей использования каждой отдельной технологии ассиметрично относительно видов деятельности. Так, в 2022 г. 57,1 % организаций оптовой и розничной торговли использовали технологии сбора, обработки и анализа больших данных, когда по всем видам деятельности этот показатель составил 30,4 %. Относительно доли организаций, использовавших технологии промышленных роботов/автоматизированных линий, наблюдается значительное смещение в сторону обрабатывающей промышленности – 19,0 % против 2,6 % для всех видов деятельности в 2022 г. В формуле 1 показано, как для учета этих отраслевых особенностей при агрегировании показателей был применен метод Херфиндаля–Хиршмана:

$$C1_i = \sum T_{i,d}^2 , \qquad (1)$$

где T – доля организаций i-го вида экономической деятельности, использовавших d-ый тип цифровых технологий.

Данный метод агрегирования позволил учесть высокие значения как для отраслей, чьи организации в целом более других активно пользуются ИКТ, так и для тех видов деятельности, в которых востребованными являются лишь отдельные типы цифровых технологий.

В случае с аппроксимацией влияния сферы образования был составлен синтетический, оценочный показатель, в основе которого лежат данные о численности выпускников по программам подготовки в области цифровых технологий и производства связанных с ними продуктов и услуг. Статистиче-

Таблица 1

Описательная статистика, средние значения за период 2020–2022 г.

Вид экономической деятельности	*L1*, %	*L2*, %	*C2*, млрд руб.	*C1*, %	*Inf*, %	*Edu1*, тыс. чел.
Финансовый сектор	6,0	41,8	218,7	71,1	56,3	6,3
Обрабатывающая промышленность	2,7	6,2	81,7	33,2	62,9	18,3
Профессиональная, научная и техническая деятельность	6,4	31,7	83,2	12,5	51,7	9,2
Оптовая и розничная торговля	1,1	11,7	72,6	61,7	59,6	7,1
Транспортировка и хранение	1,2	4,7	59,4	20,7	56,4	6,9
Государственное управление, социальное обеспечение	2,0	22,1	69,1	11,7	68,6	7,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,9	5,1	15,0	30,3	72,8	3,2
Обеспечение энергией	2,7	10,1	27,0	22,8	67,8	2,9
Добыча полезных ископаемых	1,9	4,8	25,4	20,1	52,3	1,5
Операции с недвижимым имуществом	1,2	11,0	26,0	9,3	48,2	1,0
Культура и спорт	1,4	5,6	5,3	10,6	60,1	1,6
Строительство	1,0	6,4	8,3	11,1	45,2	2,7
Гостиницы и общественное питание	0,6	5,1	1,9	29,5	49,9	0,5
Сельское хозяйство	0,3	2,7	1,6	16,4	56,1	0,6
Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов	1,1	6,0	2,9	18,7	60,5	0,4

где: *L1* – доля специалистов по ИКТ в общей численности занятых соответствующего вида экономической деятельности;

L2 – Доля специалистов, интенсивно использующих ИКТ, но не являющихся специалистами по ИКТ в общей численности занятых соответствующего вида экономической деятельности;

C1 – Индекс использования цифровых технологий в организациях по видам экономической деятельности;

C2 – затраты на оплату услуг сторонних организаций (внешние затраты) на внедрение и использование цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг по видам экономической деятельности;

Edu1 – Оценка ожидаемого распределения по видам экономической деятельности числа выпускников направлений подготовки в сфере ИКТ и смежных областей образования, связанных с интенсивным использованием ИКТ;

Inf – доля организаций соответствующего вида экономической деятельности, использовавших фиксированный широкополосный интернет с максимальной скоростью передачи данных 256 Кбит/с – 100 Мбит/с.

Составлено авторами по данным источников [12].

ские наблюдения по данному показателю в разрезе ВЭД отсутствуют. Для преодоления этого ограничения был рассчитан показатель оценки ожидаемого распределения выпускников по видам экономической деятельности.

В рамках статистического исследования, являющегося источником данных к этому показателю, в число специалистов по ИКТ входят такие профессиональные группы, как: специалисты-техники и инженеры в области ИКТ, техники-электроники, монтажники и ремонтники электронного и телекоммуникационного оборудования, графические и мультимедийные дизайнеры, специалисты по ИКТ высшего уровня квалификации, руководители служб и подразделений в сфере ИКТ. В соответствии с таким составом специалистов по ИКТ, в расчет показателя была включена численность выпускников, обучавшихся по программам: информатика и вычислительная техника, информационная безопасность, электроника, радиотехника и системы связи, управление в технических системах, экранные искусства, компьютерные и информационные науки [12].

Множитель распределения числа выпускников среди ВЭД представляет собой экстраполяцию тенденции выборочных данных – значений показателя за 2017 и 2018 гг. на период 2020–2022 гг. Подробно способ расчета данного показателя представлен в формуле 2:

$$\mathrm{Edu1}_{i,t} = N_t \times \frac{Emp_{i,2017} + Emp_{i,2018}}{2}, \qquad (2)$$

где: *Nt* – численность выпуска *t*-го года, обучающихся по ключевым укрупненным группам профессий, направлений подготовки в области цифровых технологий и производства связанных с ними продуктов и услуг;

Empi – относительная доля специалистов по ИКТ *i*-го вида деятельности в общей численности специалистов по ИКТ, за 2017 и 2018 гг.

Таким образом, рассчитываемый показатель несет в себе два важных допущения. Первое допущение состоит в том, что предприятия отраслей существенно не отличаются способностью по привлечению выпускников учебных заведении, в соответствии со своими потребностями в квалифицированных кадрах. Данное допущение исходит из того, что наблюдаемая структура человеческих ресурсов отрасли основана на объективно существующих производственно-технических требованиях отрасли. Кроме того, полагая, что производственные процессы основной части организаций обладают характеристиками ритмичности и устойчивости, такая структура должна естественным образом поддерживаться в долгосрочной перспективе.

Регрессионный анализ влияния на долю специалистов, смежно использующих ИКТ, показателя удельного веса высококвалифицированных работников оказался невозможен из-за совпадения двух фактов. Это – чрезмерно высокий уровень корреляционной связи показателей, при одновременно крайне малой продолжительности временного ряда. Высокий уровень зависимости можно увидеть на представленном рисунке 1.

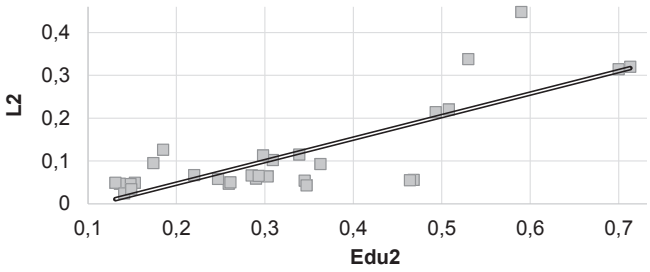


Рис. 1. Взаимосвязь доли работников организаций, интенсивно использующих ИКТ, и доли высококвалифицированных работников

где: *Edu2* – удельный вес численности высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников.

Составлено авторами по данным источников [12].

На рисунке 1 изображены комбинации значений переменных в точках, определенных для ВЭД, и года наблюдения (2021 и 2022 гг.). От линии тренда, аппроксимирующей минимальные расстояния между точками, значительно отклоняются только наблюдения, относящиеся к финансовому сектору. Стоит отметить, что исключение отраслей, «отстающих» по показателю доли работников организаций, интенсивно использующих ИКТ, увеличило бы угол наклона линии.

Таким образом, можно было бы предположить наличие нелинейной связи показателей, когда рост доли смежных специалистов по ИКТ будет происходить с возрастающим темпом при меньшем росте удельного веса высококвалифицированных работников. Однако такая нелинейность скорее связна с долей организаций из сферы услуг среди всех организаций ВЭД. Тем не менее полученные результаты корреляционного анализа не противоречат, а косвенно подтверждают данные регрессионного анализа, представленного далее.

Большая часть объясняемых переменных регрессионного анализа являются расчетными. Кроме уже озвученных обоснований и учтенных допущений, для дополнительной проверки адекватности примененных методов агрегирования и оценки ожидаемых значений составленные модели были оценены разными методами. Для проверки отсутствия мультиколлинеарности была составлена матрица корреляций, представленная в таблице 2.

Как уже было сказано, ввиду недостатков оценок, связанных с продолжительностью и неполнотой статистических наблюдений, для верификации результатов было получено несколько оценок ос-

Таблица 2

Коэффициенты корреляции моделируемых переменных

	L1	*L2*	*d_C2*	*Edu1*	*C1*	*Inf*
L1	1	–	–	–	–	–
L2	0,8697	1	–	–	–	–
d_C2	0,4451	0,4233	1	–	–	–
Edu1	0,4598	0,3016	0,2655	1	–	–
C1	0,3101	0,4225	0,2420	0,2787	1	–
Inf	-0,0387	-0,0049	-0,0514	0,2284	0,1442	1

Рассчитано авторами по данным источников [12].

новной и вспомогательной моделей, проведенных с помощью разных подходов. В таблице 3, представлены результаты пяти оценок моделей, относящихся к двум выборкам.

Основная модель, описывающая зависимость от объясняющих факторов показателя доли специалистов, интенсивно использующих ИКТ, но не являющихся специалистами по ИКТ, была оценена с моделированием фиксированных и случайных эффектов (далее – ФЭ и СЭ), а также объединенным методом наименьших квадратов (далее – ОМНК), учитывающим влияние фиктивной переменной. Фиктивная переменная отражает особенности отраслей, которые по значениям зависимой переменной существенно отклонялись от общей выборки: «Финансовый сектор», «Профессиональная, научная и техническая деятельность», «Государственное управление, социальное обеспечение».

Вспомогательная модель с зависимой переменной доли специалистов ИКТ была оценена ОМНК, с учетом и без учета фиктивной переменной. Фиктивная переменная для данной модели учитывает особенности отраслей, в которых значения доли зависимой переменной в среднем составили менее 1 % за исследуемый период, это виды деятельности: «Здравоохранение и предоставление социальных услуг», «Гостиницы и общественное питание», «Сельское хозяйство».

Как можно видеть, объясняющие показатели существенно уступают по степени влияния постоянной компоненте. Особенно сильно это проявляется при моделировании индивидуальных отраслевых особенностей методами случайных и фиксированных эффектов. Из этого можно вывести основное ограничение исследования – при анализе структурных особенностей используемых типов ИКТ и их продуктов, в рамках рассматриваемой проблематики, стоит проводить разделение отраслей на группы в зависимости от интенсивности применения продуктов и услуг, относящихся к ИКТ.

Исходя из описания показателя оценки ожидаемого распределения числа выпускников по направлениям подготовки в сфере ИКТ, очевидно, что он является эндогенным для относительной доли специалистов ИКТ среди работников организаций широкого круга отраслей. Вместе с этим уровень корреляционной связи, определенный для исследуемой выборки, оказался невелик и составил 0,46. Это с точки зрения исключительно статистических предпосылок позволяет оценить модель для указанных переменных.

Тем не менее, ввиду указанного недостатка, модель с зависимой переменной доли специалистов ИКТ является вспомогательной. Эта вспомогательная модель позволяет дополнительно верифицировать результаты оценки влияния ожидаемого распределения числа выпускников для основной модели. Об адекватности принятых при расчете оценочного показателя допущений и предположений говорит то, что как характер, так и степень влияния этой независимой переменной ожидаемо раз-

Таблица 3

Результаты оценок параметров моделей

	Наблюдений – 45; пространственных объектов – 15; длина временного ряда – 3. Зависимая переменная: *L2*			Наблюдений – 45; пространственных объектов – 15; длина временного ряда – 3. Зависимая переменная: *L1*	
	ОМНК	ФЭ	СЭ	ОМНК	
const	0,0486 (0,00878) ***	0,168 (0,00841) ***	0,141 (0,0512) ***	0,0291 (0,00397) ***	0,0261 0,00352 ***
C1	0,0874 (0,0346) **	0,129 (0,0429) ***	0,126 (0,0595) **	0,0204 (0,00819) **	0,0229 0,00800 ***
d_C2	−0,000357 (0,000224)	−0,000353 (0,000101) ***	−0,000354 (0,000134) ***	–	–
Edu1	−0,000348 (0,00107)	−0,0172 (0,00270) ***	−0,0114 (0,00581) **	0,00168 (0,000119) ***	0,00122 0,000115 ***
Inf	–	–	–	−0,0377 (0,00578) ***	−0,0256 0,00556 ***
dv	да	–	–	нет	да
R^2	0,947459	0,990013	–	0,274419	0,343903
Исп.R^2	0,939163	0,512425	–	0,221328	0,278293
статистика Бройша-Пэгана			18,48 (***)		
статистика Хаусмана		8,412 (**)			

Рассчитано авторами по данным источников [12].

личается для двух объясняемых переменных. Такие результаты получены несмотря на сильный уровень корреляционной связи между объясняемыми переменными основной и вспомогательной моделей.

Адекватность построенной вспомогательной модели также подтверждает полностью совпадающий с теоретическими ожиданиями характер влияния показателя, отражающего использование устаревшей или несовершенной инфраструктуры. Аналогично, вполне ожидаемым оказался результат для другого расчетного показателя – индекса использования цифровых технологий в организациях по видам экономической деятельности. Этот показатель является скорее контрольным и применимым лишь для выборки с исследованием краткосрочных зависимостей. Данное утверждение исходит из того, что в случае этого объясняющего показателя, эндогенный характер его влияния может ограничивать оценку моделей для выборок с более длительной историей наблюдений.

Внешние затраты на внедрение и использование цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг можно отнести к затратам организаций на труд специалистов ИКТ сторонних организаций. Характер воздействия этого показателя может быть объяснен теми же закономерностями, что и в случае с оценкой ожидаемого распределения числа выпускников. Даже если динамика совокупного числа специалистов ИКТ оказывает положительное влияние на интенсивность применения продуктов ИКТ другими специалистами, то внутри отдельно взятой отрасли широкого круга ВЭД динамика относительной доли специалистов ИКТ противопоставляется динамике относительной доли иных специалистов, активно использующих ИКТ. Спрос на услуги и труд специалистов ИКТ оказывает то же воздействие.

Практическое значение доли иных специалистов, активно использующих ИКТ, можно представить так, как это представляется, исходя из определений, приведенных в начале работы исследователей – в виде промежуточного звена в цепи создания продуктов и предоставлении услуг, основанных на ИКТ, и их применения широким кругом отраслей экономики. Однако результаты регрессионного анализа, относящиеся к характеру влияния показателей внешних затрат на внедрение и использование цифровых технологий и оценки ожидаемого распределения числа выпускников по направлениям подготовки в сфере ИКТ, позволяют вывести дополнительную характеристику такого труда.

Отрицательное воздействие этих объясняющих на динамику доли иных специалистов, активно использующих ИКТ, говорит о том, что функция этой части человеческих ресурсов отрасли не сводится только к реализации результатов работы специалистов ИКТ. Результаты регрессионного анализа указывают на то, что сотрудники организаций, чьи квалификации специализируются не на сфере ИКТ, могут не только находиться во взаимодействии со специалистами этой сферы, но и оказывать эффект замещения в структуре предложения труда таких специалистов.

В связи с этим можно вывести два предположения. Первое состоит в том, что озвученная сопроводительная функция выполняется как специалистами ИКТ и организациями, специализирующимися на них, так и иными специалистами, занятыми на предприятиях широкого круга отраслей. Однако данный вывод может быть подвергнут сомнению ввиду того, что результаты количественного анализа были получены на основе данных наблюдений за период, в который отмечалась нехватка специалистов ИКТ. Естественным является предположение о том, что при наличии неудовлетворенного спроса на какой-либо ресурс, имеющиеся в распоряжении организаций ресурсы будут применены с максимально возможной эффективностью. Исходя из этого, можно отвергнуть предположение о том, что специалисты ИКТ в каком-либо существенном объеме выполняют те функции, которые могут выполнить иные специалисты.

Таким образом, результаты анализа указывают на то, что, по крайней мере в сложившихся на данный момент условиях, иные специалисты, активно использующие ИКТ, могут перекрывать потребность в отдельных функциях, выполняемых специалистами ИКТ. Данный вывод стоит совмещать с высоким уровнем корреляционной связи между относительными долями иных специалистов, активно использующих ИКТ, и высококвалифицированных работников в общем числе квалифицированных работников. В исследовательской литературе общепринятым является мнение о том, что уровень квалификации и образования отражается на способности человека использовать продукты ИКТ в своей деятельности. Выводимым из полученных результатов вопросом для дальнейших исследований является то, каким образом влияет уровень человеческого капитала на предполагаемую способность представителей широкого круга профессий выполнять функции, дублирующие функции специалистов ИКТ.

Литература:

1. Пономарева Е.А. Цифровизация экономики как движущая сила экономического роста: только ли инфраструктура имеет значение? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3. С. 51–68.

2. Спирин И.С. О проблемах подготовки IT-специалистов в вузе в период цифровой трансформации российской экономики // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 234–238.
3. Égert B., De la Maisonneuve C., Turner D. A new macroeconomic measure of human capital exploiting PISA and PIAAC: Linking education policies to productivity // Education Economics. 2024. № 32(6). P. 745–761. DOI: 10.1080/09645292.2024.2318221.
4. Peng Y., Tao C. Can digital transformation promote enterprise performance? From the perspective of public policy and innovation // Journal of Innovation & Knowledge. 2022. Vol. 7. № 3. P. 100198. DOI: 10.1016/j.jik.2022.100198.
5. Ganbold O., Matsui Y., Rotaru K. Effect of information technology-enabled supply chain integration on firm's operational performance // Journal of enterprise information management. 2021. Vol. 34. № 3. P. 948–989. DOI: 10.1108/JEIM-10-2019-0332.
6. Гурцкой Л.Д. Оценка готовности персонала предприятия к внедрению цифровых технологий // Экономические науки. 2021. №. 195. С. 41–44.
7. Шапошник С.Б., Янышен А.А. Человеческий капитал для работы с большими данными в Российской Федерации // Информационное общество. 2021. № 4-5. С. 66–89.
8. Cheng Y., Zhou X., Li Y. The effect of digital transformation on real economy enterprises' total factor productivity // International Review of Economics & Finance. 2023. Vol. 85. P. 488–501. DOI: 10.1016/j.iref.2023.02.007
9. Брюхова О.Ю., Старцева Н.Н. Обучение персонала в современной организации: ориентация на цифровизацию // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 551–566.
10. Вукович Г.Г. и др. Особенности управления персоналом в условиях цифровой трансформации // Экономика устойчивого развития. 2021. № 2. С. 38–42.
11. Pusterla F., Renold U. Does ICT affect the demand for vocationally educated workers? // Swiss Journal of Economics and Statistics. 2022. Vol. 158. № 1. P. 22. DOI: 10.1186/s41937-022-00101-8
12. Индикаторы цифровой экономики. Статистические сборники // Публикации Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: https://www.hse.ru/primarydata/iio (дата обращения: 21.01.2025).

Human Resources of the Russian Digital Economy – Adaptation of the Labor Market to the Conditions of Specialist's Shortage

Kolesnikova Yu.S., Kulagin R.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The digital transformation of the economy is an objective process of development that is driven by technological advances. It is characterized by its pervasive nature and affects all types of economic activities. The ongoing diffusion of digital technologies across all sectors of the national economy has led to a steady increase in demand for skilled human resources. This applies to both professionals who specialize in digital technologies and those who use digital products and solutions within other fields. This study aims to explore the relationship between these two categories of workers. Based on statistical analysis, the dynamics of digital technology adoption has been found to contribute to an increase in relative demand for the labor of both groups. At the same time, the findings of the quantitative analysis allowed us to formulate and support the hypothesis that employees who are active users of information technology, although not specialists in this area, may be able to perform some of the functions of specialists in the event of a shortage of this category of human resources. The existence of such a substitution effect may be significant for the development of strategies for personnel training and management at enterprises that are intensifying the implementation and use of IT-based products and solutions.

Keywords: digital technologies, information and communication technology specialists, staff shortage, substitution effect

УДК 336.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-30-37

Развитие налогового механизма муниципальных органов власти



Куклев Т.А.
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Развитие местного самоуправления является одной из ключевых задач Российской Федерации. Как отмечал Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем обращении к главам и депутатам муниципальных образований, «сегодня развитие местного самоуправления, повышение его эффективности, ресурсных, кадровых возможностей – наш безусловный приоритет».

Несмотря на приоритет и степень важности задачи, диспропорция между федеральным, региональным и местным бюджетом остается существенной, а процесс развития качества окружающей среды и предоставляемых услуг населению становится все более трудоемким.

В статье автором поставлена цель рассмотреть налоговые механизмы развития муниципальных органов власти, сформировать подходы и предложения по совершенствованию текущей налоговой системы местных бюджетов и выработать рекомендации на основе проведенного анализа.

Значимость исследования заключаются в том, что представленные результаты могут послужить решению вопроса развития собственных доходов муниципалитетов и снижению зависимости от межбюджетных трансфертов, что имплементируется в расширение полномочий местных органов власти и эффективности реализации задач по развитию местного самоуправления в Российской Федерации.

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципалитеты, налоговые механизмы, межбюджетные трансферты, дотации, субсидии, субвенции, рыночная экономика, ставка RUONIA, капитализация*

Для цитирования: *Куклев Т.А. Развитие налогового механизма муниципальных органов власти // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 30–37. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-30-37.*

Развитие местного самоуправления на протяжении уже более тридцати лет современной России «спотыкается» о неспособность местными органами власти самостоятельно формировать доходную часть своего бюджета для покрытия расходов, относящихся к полномочиям муниципальных образований; несмотря на продолжающееся социально-экономическое развитие Российской Федерации и накопленный опыт внутреннего и внешнего взаимодействия органов власти, противоречия между федеральной, региональной и местной налоговой политикой остается открытой.

Так, например, по состоянию на конец 2023 г., в консолидированный бюджет Российской Федерации поступило федеральных налогов и сборов на сумму 29 486,1 млрд руб. (91,7 % от общей суммы налоговых доходов), региональных – 1 347,5 млрд руб. (4,2 %), местных – 273,4 млрд руб. (0,8 %) [1].

Вышеуказанные данные, с одной стороны, выражают четкую централизацию налоговой политики, с другой – отражают недостаточную экономическую базу муниципалитетов и явно выраженный потенциал развития на десятилетия. Дополнительным фактором является то, что удельный вес налоговых

доходов в местных бюджетах занимает не более 22 % на протяжении уже более четырех лет (рис. 1).

Низкая налоговая база местных бюджетов (далее – МБ) нивелируется межбюджетными трансфертами (далее – МБТ), которые за последние десятилетие продолжают ежегодно расти, и составляют уже более 60 % доходов муниципалитетов Российской Федерации (рис. 2).

В добавление к этому конституционные поправки 2020 г. внесли изменения в полномочия местного самоуправления: ст. 131, ч. 1.1 Конституции Российской Федерации, согласно которой «органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления» [3].

Таким образом, подобное положение приводит к потери мотивации руководства местного самоуправления в формировании и развитии собственных налоговых поступлений, так как ограничение федеральным законодательством прав органов местного самоуправления в установлении элементов местных налогов порождает низкий уровень заинтересованности и ответственности органов местного самоуправления в исполнении своих полномочий.

Объединяя проблемы формирования местных бюджетов, можно выделить следующие:

1) высокая форма зависимости от вышестоящих бюджетов;

2) ограниченность прав и полномочий местного самоуправления;

3) отсутствие мотивации муниципалитетов в развитие налоговых поступлений;

4) привязанность к межбюджетным трансфертам;

5) кадровый дефицит в органах местного самоуправления.

Рассматривая возможности дополнительного формирования собственных доходов муниципалитетов, мы, как правило, упираемся в налоговые поступления, закрепленные налоговым законодательством в отношении к местным органам власти, а именно:



Рис. 1. Объем и доля налоговых доходов, поступающих в местные бюджеты по нормативам, установленным субъектами РФ, млрд руб. [2]



Рис. 2. Динамика объема МБТ в доходах МБ, млрд руб. [2]

- налог на доходы физических лиц (НДФЛ);
- налог на имущество физических лиц (НИФЗ);
- земельный налог.

Как мы видим из рисунка 3, основным налоговом доходом для местных бюджетов является налог на доходы физических лиц (НДФЛ), при этом, согласно ст.ст. 56 и 61 Налогового кодекса Российской Федерации, 85 % НДФЛ остаются в регионе, а 15 % поступают в местный бюджет. Важным уточнением является то, что НДФЛ с заработной платы, аллоцируется в местные бюджеты по месту регистрации бизнеса, а не плательщика налога, что, конечно, негативно влияет на мотивацию руководства муниципалитетов, не имеющих среднего и крупного бизнеса на своих территориях [4].

Налог на имущество физических лиц занимает лишь 4,1 % от совокупного налогового местного бюджета и исчисляется через кадастровую стоимость.

В рамках Налогового кодекса РФ классификация ставок зависит от типа имущества, так, например, жилой дом, квартира, комната или гараж – 0,1 % от стоимости, прочая недвижимость – 0,5 %, помещения в офисных и торговых центрах, а также объекты дороже 300 млн руб. – 2 %.

На основе базовых ставок муниципальные образования имеют право установить свои ставки. Исключением являются города федерального значения, в которых ставки налога едины для всех городских муниципалитетов.

Базовую ставку налога на имущество местные власти могут уменьшить до нуля или увеличить, но не более чем в три раза. Например, ставка 0,1 % для жилой недвижимости в разных городах меняется от 0 до 0,3 %.

В отношении земельного налога налоговые ставки также устанавливают местные органы власти, при этом ставка не может превышать:

• 0,3 % – для земель сельскохозяйственного назначения, жилищно-коммунального фонда, личного подсобного хозяйства, садоводства или огородничества, индивидуального жи-



Рис. 3 Структура налоговых доходов местных бюджетов [2]

лищного строительства, кроме случая, когда участок куплен для ведения на нем предпринимательской деятельности;

• 1,5 % – для прочих участков.

При этом земельные налоги занимают лишь 7,7 % налоговых доходов местных бюджетов, а совокупный налоговый доход, аллоцированный на 100 % в местные бюджеты в виде налога на имущество физических лиц и земельного налога, составляет 11,8 % по состоянию на конец 2023 г.

Таким образом, в отношении развития налоговой базы местные органы власти управляют лишь 11,8 % налогового бюджета и даже при значительном увеличении ставок, которое незамедлительно бы повлекло за собой негодование граждан, развитию местного бюджета вышеуказанное действие никак не помогает.

Именно по этой причине мы видим столь резкий рост межбюджетных трансфертов, которые занимают уже более 60 % местного бюджета и высокую долю налога на доходы физических лиц в совокупных налоговых поступлениях, выраженную в 67,4 % на конец 2023 г.

В этой ситуации существует два решения проблемы:

1) перераспределить налоги между бюджетами, тем самым, расширив полномочия и самодостаточность муниципальных органов власти;

2) усовершенствовать текущие налоговые механизмы.

Если в первом решении необходимо провести значительные законодательные и административные преобразования, которые бы создали длительный лаг между решением и реализацией, то в решении по усовершенствованию текущих налоговых механизмов в 2021–2024 гг. был реализован ряд структурных налоговых изменений на федеральном уровне, способных дислоцироваться в отношении местных бюджетов.

Так, например, в 2020 г. в рамках ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 23.11.2020 г. № 372-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период» была впервые реализована прогрессивная ставка налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в Российской Федерации [5].

В 2021–2023 гг. действовал переходный период, по которому увеличенная ставка в 15 % действовала на доходы свыше 5 млн руб. в отношении каждой налоговой базы отдельно.

После завершения переходного периода, с 2024 г. налоговая ставка в 15 % стала подлежать применению в отношении совокупности всех видов доходов, таким образом с 2024 г. предусматривались следующие ставки по налогу на доходы физических лиц для граждан РФ:

• 13 % с суммы дохода в пределах 5 млн руб. за год;

• 15 % с суммы доходов, превышающих 5 млн руб. за год.

Уже 12 июля 2024 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан Федеральный закон № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» об изменении налоговой системы и введении пятиступенчатой прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц с предельной ставкой в 22 % [6].

Таким образом, с начала 2025 г. для физических лиц с годовым доходом до 2,4 млн руб. включительно (в среднем не больше 200 тыс. руб. в месяц) будет действовать ставка 13 %.

Ставка 15 % – для части годового дохода выше 2,4 млн руб. и до 5 млн руб. включительно (в среднем выше 200 тыс. руб. и до 416,7 тыс. руб. включительно в месяц).

Ставка 18 % – для части годового дохода выше 5 млн руб. и до 20 млн руб. включительно (в среднем выше 416,7 тыс. руб. и до 1,670 тыс. руб. включительно в месяц).

Ставка 20 % – для части годового дохода выше 20 млн руб. и до 50 млн руб. включительно (в среднем выше 1,670 тыс. руб. и до 4,170 тыс. руб. включительно в месяц).

Ставка 22 % – для части дохода выше 50 млн руб. в год или выше 4,170 тыс. руб. в месяц.

Важно отметить, что повышенная ставка применяется не ко всему доходу, а только к сумме превышения над пороговыми значениями.

Принятые налоговые изменения не вызвали значительной критики, так как по отношению к развитым европейский странам, таким как Германия, Франция, Великобритания, где ставка на доходы физических лиц доходит до 45 %, предел в 22 % на доходы свыше 50 млн руб. не выглядит критичным.

При этом главным недостатком вышеуказанных налоговых изменений является тот факт, что сумма превышений к базовой налоговой ставке переходит не в региональный и местный бюджеты, а в федеральный.

По оценкам Министерства финансов РФ, расширение шкалы НДФЛ принесет федеральному бюджету в следующем году 336 млрд руб. [7]. Вместе с увеличиваемым налогом с прибыли контролируемых физлицами иностранных компаний (КИК) поступления от прогрессии в 2025 г. составят 420 млрд руб. (рис. 4).

Согласно вышеуказанным данным, развитие механизмов налоговых доходов местных бюджетов может быть представлено следующим образом:

1. Перераспределение дополнительного налога на доходы физических лиц в региональные и местные бюджеты

Совокупный налоговый доход местных бюджетов по итогу 2023 г. составил 1,974 млрд руб., поэтапное перераспределение дополнительного дохода от НДФЛ, начиная с 15 % и постепенное приравнивание до 100 %, потенциально могло бы привнести:

• 121,65 млрд руб. или 6,2 % от совокупного налогового дохода по итогам 2023 г. – при аллокации дополнительных доходов от НДФЛ на 15 %.

• 405,5 млрд руб. или 20,5 % от совокупного налогового дохода по итогам 2023 г. – при аллокации дополнительных доходов от НДФЛ на 50 %.

• 811 млрд руб. или 41 % от совокупного налогового дохода по итогам 2023 г. – при аллокации дополнительных доходов от НДФЛ на 100 % (табл. 1).

Такого рода перераспределение незамедлительно бы отразилось в снижение межбюджетных трансфертов на:



Рис. 4 Поступления НДФЛ в Федеральный бюджет, млрд руб. [7]

• на 2,5 % при аллокации дополнительных доходов от НДФЛ в местный бюджет на 15 %;

• на 8,5 % при аллокации дополнительных доходов от НДФЛ в местный бюджет на 15 %;

• на 16,9 % при аллокации дополнительных доходов от НДФЛ в местный бюджет на 15 % (табл. 2).

Это позволило бы снизить зависимость местных бюджетов от дополнительных отчислений в виде субсидий, субвенций и дотаций (табл. 2).

2. Управление свободными остатками от полученных налоговых доходов и бюджетных средств

Не менее важным налоговым механизмом, позволившим качественно развить доходы местных бюджетов, является возможность проведения операций по управлению остатками средств на счетах местных бюджетов.

Данная практика по аналогии с предыдущей уже реализована на федеральном уровне через управление остатками средств на едином казначейском счете.

Законодательно данная возможность регламентирована ст. 242.13 Бюджетного кодекса РФ. Управление остатками средств на едином казначейском счете и включает в себя [8]:

1. Операции по управлению остатками средств на едином казначейском счете заключаются в размещении временно свободных средств единого казначейского счета и привлечении средств для обеспечения остатка средств на едином казначейском счете.

2. В состав операций по управлению остатками средств на едином казначейском счете включаются:

• размещение средств на депозитах и их возврат в порядке, установленным Правительством Российской Федерации;

• другие операции по управлению остатками средств на едином казначейском счете, осуществляемые в порядке, установленным Правительством Российской Федерации.

• операции по управлению остатками средств на едином казначейском счете осуществляет Федеральное казначейство.

• средства, полученные от размещения временно свободных средств единого казначейского счета, зачисляются на соответствующие казначейские счета в порядке и случаях, установленных Правительством Российской Федерации.

При текущей ключевой ставке рефинансирования Банка России в 21 % и установленной индикативной взвешенной рублевой депозитной ставки *RUONIA (Ruble OverNight Index Average*) в 20,4 % [9] дополнительный доход от размещаемых свободных остатков местных бюджетов мог бы составить 136,8 млрд руб. или 6,9 % от налоговых доходов местных бюджетов по итогам 2023 г., сценарно дополнительный доход представлен следующим образом (табл. 3).

Более совершенным механизмом является размещение свободных остатков местных бюджетов в

Таблица 1

Отношение аллокации дополнительного дохода от НДФЛ в местный бюджет к увеличению совокупного налогового бюджета, млрд руб.

Виды доходов	Доход	Аллокация доп. доходов от НДФЛ в местный бюджет на 15 %	Аллокация доп. доходов от НДФЛ в местный бюджет на 50 %	Аллокация доп. доходов от НДФЛ в местный бюджет на 100 %	Увеличение налогового бюджета при аллокации доп.доходов от НДФЛ на 15 %	Увеличение налогового бюджета при аллокации доп.доходов от НДФЛ на 50 %	Увеличение налогового бюджета при аллокации доп.доходов от НДФЛ на 100 %
Доход по вкладам	252	37,8	126	252	1,9 %	6,4 %	12,8 %
Доходы свыше 2,4 млн руб.	420	63	210	420	3,2 %	10,6 %	21,3 %
Доходы с дивидендов с выше 2,4 млн руб.	120	18	60	120	0,9 %	3,0 %	6,1 %
Иные виды НДФЛ	19	2,85	9,5	19	0,1 %	0,5 %	1,0 %
Совокупный налоговый доход	811	121,65	405,5	811	6,2 %	20,5 %	41,1 %

Источник: составлено автором на основе изученного материала [7].

Таблица 2

Отношение аллокации дополнительных доходов от НДФЛ в местный бюджет к увеличению совокупного налогового бюджета, млрд руб.

Виды доходов	Доход по вкладам	Доходы свыше 2,4 млн руб.	Доходы с дивиденд-дов свыше 2,4 млн руб.	Иные виды НДФЛ	Совокупные налоговый доходов
Доход	252	420	120	19	811
Межбюджетные трансферты	4797	4797	4797	4797	4797
Аллокация доп. доходов от НДФЛ в местный бюджет на 15 %	37,8	63	18	2,85	121,65
Аллокация доп. доходов от НДФЛ в местный бюджет на 50 %	126	210	60	9,5	405,5
Аллокация доп. доходов от НДФЛ в местный бюджет на 100 %	252	420	120	19	811
Снижение межб.трансфертов при увеличение налогового бюджета на 15 %	0,8 %	1,3 %	0,4 %	0,1 %	2,5 %
Снижение межб.трансфертов при увеличение налогового бюджета на 50 %	2,6 %	4,4 %	1,3 %	0,2 %	8,5 %
Снижение межб.трансфертов при увеличение налогового бюджета на 100 %	5,3 %	8,8 %	2,5 %	0,4 %	16,9 %

Источник: составлено автором на основе изученного материала [7].

государственные ценные бумаги (облигации федерального займа), что в дополнение позволило бы стимулировать выполнение Указа Президента Российской Федерации в области экономики по обеспечению роста капитализации фондового рынка не менее чем до 66 % валового внутреннего продукта к 2030 г. и до 75 % валового внутреннего продукта к 2036 г. [11].

Дополнительный доход местных бюджетов от размещения в облигации государственного займа мог бы составить 5,7 % или 113, 4 млрд руб., что позволило бы нарастить доходы местных бюджетов до 10 % и привлечь дополнительные средства в российский фондовой рынок в размере 592,2 млрд руб. (табл. 4).

Уникальным фактором реализации данного решения является то, что привести подобный механизм в действие централизованным путем через единый казначейский счет достаточно затруднительно, учитывая уровень ликвидности российского фондового рынка.

Учитывая объем свободных бюджетных средств, используемых на едином казначейском счете по управлению свободными остатками, уровень ликвидности облигаций федерального займа не позволил бы разместить свободные средства в необходимом объеме.

При этом размещая ежедневно даже относительно невысокий уровень объема свободных средств,

Таблица 3

Дополнительный доход от размещения ежегодного свободного остатка денежных средств по межбанковской процентной ставке *RUONIA* в расчете одного года

Налоговый доход местных органов власти	Уровень ежегодного свободного остатка денежные средств	Рублевая депозитная ставка RUONIA (в расчете 1 года)	Доп. доход от размещения по депозитной ставке *RUONIA*	Процент от налоговых доходов местных бюджетов
1974,2	5 %	19,49 %	19,2	1,0 %
	10 %		38,5	1,9 %
	15 %		57,7	2,9 %
	20 %		77,0	3,9 %
	25 %		96,2	4,9 %
	30 %		115,4	5,8 %

Источник: составлено автором на основе изученного материала [9].

подобная процедура вызвала бы резкое изменение ценообразования на рынке облигаций федерального займа, что повлекло бы за собой возникновение дополнительных рисков по манипулированию российским фондовым рынком.

На основании вышеуказанного наиболее верным являлась бы передача данного процесса местным органам власти, где бюджетная база – незначительная по отношению к федеральной и способная без каких-либо значимых ограничений распределять свои свободные остатки в инструменты российского фондового рынка.

Таким образом, местные органы власти повысили бы качество управления налоговыми доходами, обрели бы новые компетенции по развитию собственного бюджета и получили бы возможность реализовать дополнительные формы стимулирования уровня жизни своих граждан за счет дополнительных доходов.

3. Учет налоговых доходов физических лиц по месту регистрации

На сегодняшний день учет налоговых доходов происходит по месту регистрации работодателя, а не регистрации физического лица, что, как следствие, влияет на мотивацию муниципальных органов власти улучшать качество жизненноважных общественных услуг и окружающей среды, начиная от инфраструктуры и образования, заканчивая льготами и пособиями.

Несмотря на общее понимание проблемы, которая не раз поднималась госслужащими, ситуация остается прежней, сторонники сохранения текущего порядка [12] указывают на следующие потенциальные риски:

1) увеличение объема недополученных налогов;

2) трудоемкость определения налоговой базы из-за рекуррентных смен места регистрации жителей;

3) снижение трудовой мобильности граждан.

Если первый и второй аспекты решаются технологическими доработками, то третий и подавно решает текущую проблему оттока квалифицированных кадров из регионов в центральную часть страны.

Следовательно, поэтапное изменение данного механизма налоговых поступлений приведет к:

• расширению налоговых полномочий региональных органов власти – потенциальное увеличение налоговых поступлений незамедлительно скажется на возможностях обеспечения своих территорий необходимыми изменениями диспропорции уровня и качества жизни через механизмы налоговых льгот и пособий;

• сократит межбюджетный разрыв – сокращение диспропорций между центральной частью страны и регионами;

• придаст дополнительную мотивацию улучшать окружающую среду и повышать качество предоставляемых услуг для своего населения: чем лучше местные органы власти будут справляться с развитием своих территорий, тем выше шанс сохранить свои квалифицированные кадры, что отразится на развитии производственных мощностей и доходов местных бюджетов.

Подводя итог, можно сказать, что трансформационный экономический переход от плановой к ры-

Таблица 4

Дополнительный доход от размещения ежегодного свободного остатка денежных средств в государственные облигации

Налоговый доход местных органов власти	Уровень ежегодного свободного остатка денежные средств	Доходность государственных облигаций (до одного года)	Доп. доход от размещения в государственные облигации (до одного года)	Доп. доход от размещения в государственные облигации (до одного года) в %	Доп. объем средств на российский фондовый рынок
1974,2	5 %	19,1 %	18,9	1,0 %	98,71
	10 %		37,8	1,9 %	197,42
	15 %		56,7	2,9 %	296,13
	20 %		75,6	3,8 %	394,84
	25 %		94,5	4,8 %	493,55
	30 %		113,4	5,7 %	592,26

Источник: составлено автором на основе изученного материала [10].

ночной экономике преобразовал федеральное, региональное и местное государственное управление, которое последовательно расширяло возможности отдельных субъектов, конкурентно снижая возможности других.

Последнее десятилетие экономических вызовов показало ряд преимуществ и недостатков созданной за тридцатилетие экономической структуры, одновременно с этим определив четкие вектора развития для страны.

Одним из таких векторов, несомненно, является развитие государственного и муниципального управления через призму развития налоговых механизмов, которое в первую очередь связано с дисбалансом бюджетного процесса и высоким уровнем диспропорции между налоговыми доходами федеральных, региональных и муниципальных органов власти.

Развитие местных органов власти и их самообеспечение всегда являлось важной задачей для Российской Федерации. Сформированные успешные практики и технологическое развитие позволяет пересмотреть существующие налоговые механизмы муниципалитетов, что потенциально позволит обрести муниципальным органам власти самодостаточность и самоокупаемость, а российской экономике – сбалансированность и самозащищенную структуру, которая позволит смело встречать любые экономические кризисы и успешно с ними справляться.

Литература:

1. Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2023/03-30/uwAPfUX4/Doklad_12-2023/2-5-12_12-2023.doc (дата обращения: 11.02.2025).
2. Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах в Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2023 год. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/06/main/Rezultaty_monitoringa_2024.pdf (дата обращения: 11.02.2025)
3. В профильный комитет внесены дополнительные поправки в Конституцию Российской Федерации. URL: http://duma.gov.ru/news/47873/ (дата обращения: 11.02.2025).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации. URL: https://www.nalog.gov.ru/html/nk.htm (дата обращения: 11.02.2025).
5. Федеральный закон от 23 ноября 2020 г. № 372-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период» (с изм. и доп.) // СПС Гарант.
6. Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС Гарант.
7. Прогрессивный НДФЛ пополнит федеральный бюджет. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7197920 (дата обращения: 11.02.2025).
8. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Ст. 242.13-1. Бюджетный мониторинг в системе казначейских платежей // СПС КонсультантПлюс.
9. Калькулятор расчета срочной версии ставки RUONIA из значений индекса RUONIA. URL: https://cbr.ru/hd_base/ruonia/calc/?UniDbQuery3.Posted=True&UniDbQuery3.vMode3_TermSelection=1Y&UniDbQuery3.To=11.02.202511.02.2025 (дата обращения: 11.02.2025).
10. Кривая бескупонной доходности государственных облигаций «Банк России». URL: https://www.cbr.ru/hd_base/zcyc_params/zcyc/ (дата обращения: 11.02.2025).
11. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 11.02.2025).
12. Работникам в РФ могут разрешить определять адрес, куда будет уплачиваться НДФЛ. URL: https://tass.ru/ekonomika/19405697: 11.02.2025).

Development of the Tax Mechanism of Municipal Authorities

Kuklev T.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The development of local self-government is one of the key tasks of the Russian Federation. As noted by the President of the Russian Federation V.V. Putin in his address to the heads and deputies of municipalities "Today, the development of local self-government, increasing its efficiency, resource and personnel capabilities is our absolute priority".

Despite the priority and degree of importance of the task of the country's leadership, the disproportion between the federal, regional and local budgets remains significant.

In the article, the author sets the goal of considering the tax mechanisms for the development of municipal authorities, formulating approaches and proposals for improving the current tax system of local budgets and developing recommendations based on the analysis.

The scientific significance of the article is in substantiating the feasibility and effectiveness of using the proposed initiatives to improve the tax mechanism of municipal authorities and assessing their impact on the budget structure of local budgets.

The practical significance of the study is in the fact that the developed presented results can serve as a solution to the issue of developing municipalities' own revenues and reducing dependence on inter-budget transfers, which is implemented in expanding the powers of local authorities and the effectiveness of implementing tasks for the development of local self-government in the Russian Federation.

Keywords: local government, municipalities, tax mechanisms, inter-budget transfers, grants, subsidies, subventions, market economy, RUONIA rate, capitalization

УДК 369.032, 338.2, 332.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-38-43

Риски внедрения концепции «Умный город» в практику управления муниципальными образованиями*



Лагунова С.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова (Архангельск)



Воронина Л.В.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск), старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук



Вешнякова Д.М.
Ведущий специалист Центра эксплуатации объектов наземной космической инфраструктуры (Москва)

Концепция «Умный город» подразумевает внедрение цифровых технологий в управление территорией, которые обеспечивают разумное потребление ресурсов, оперативное реагирование на возникающие проблемы, а в конечном итоге позволяют повысить безопасность и комфортность жизни населения. При этом следует учитывать риски, которые всегда сопровождают инновационные решения. Прогнозирование рисков и осознание их взаимосвязанности помогает скорректировать управленческие действия и обеспечить их системность. Целью работы является исследование и классификация рисков, связанных с внедрением умных решений на муниципальном уровне. Для достижения цели на основе анализа научных работ и правовых источников дано авторское определение «Умного города». С помощью экспертного опроса определена значимость инфраструктурных, экономических, кадровых, социальных и технологических рисков внедрения концепции «Умный город» в муниципалитетах Архангельской области. В результате исследования было определено, что степень вероятности каждой группы рисков зависит от стартовых условий и специфики муници-

*** Благодарности.**
Работа выполнена в рамках темы ФНИР «Адаптация арктических социо-эколого-экономических систем к условиям динамично меняющейся среды как основа повышения инвестиционной привлекательности регионов российской Арктики», № 125021902573-9.

палитета. Авторы статьи делают акцент на том, что эффективность использования «умных» сервисов во многом зависит от готовности населения их применять и использовать.

Ключевые слова: *концепция «Умный город», цифровизация, цифровая трансформация управления, муниципальное образование, риск, качество жизни населения*

Для цитирования: *Лагунова С.В., Воронина Л.В., Вешнякова Д.М. Риски внедрения концепции «Умный город» в практику управления муниципальными образованиями // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 38–43. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-38-43.*

На современном этапе процесс внедрения цифровых технологий в практику публичного управления становится объектом осмысления как научного сообщества, так и непосредственно тех, кто занимается цифровизацией государственных и муниципальных процессов. Концепция «Умный город» отвечает вызовам современности, а ее практическая реализация требует определения рисков, а значит, разработки конкретных шагов по их минимизации.

Риски внедрения концепции «Умный город» рассматриваются в зарубежных и отечественных научных исследованиях. Отметим работы Л.А. Видясовой, И.А. Василенко [1–3], А.В. Одинцова [4] и других. Также интерес представляют прикладные научные исследования Уральского федерального университета (2021 г.) [5] и материалы круглого стола «Умный город как социально-политический проект» (2020 г.), опубликованные в журнале «Власть» [6]. По мнению экспертов, внедрение концепции сопряжено с экологическими, ресурсными (бюджетными) рисками, рисками кибербезопасности. При этом, по мнению ученых, логичен вопрос готовности системы управления к цифровым технологиям, поскольку от власти потребуются «новые компетенции и новые установки». Анализ зарубежного и отечественного опыта внедрения смарт-технологий показывает, что в центре внимания должен быть человек, а внедрение концепции следует рассматривать с точки зрения территориальной и социокультурной специфики [6], что отвечает логике и нашего исследования.

Таким образом, при существующем многообразии научных подходов к содержанию понятия «Умный город» следует обратить внимание на следующее.

Во-первых, технологический (технократический) подход к содержанию концепции, который подразумевает внедрение в городскую среду перечня цифровых решений («умный дом», «умный транспорт», «умные парковки» и т.д.), недостаточен. Мы разделяем точку зрения Л.А. Видясовой (социотехнический подход) о том, что само по себе внедрение «умных» технологий не гарантирует «умного поведения» граждан, под которым понимается широкое использование ими внедряемых технологий [2; 3]. Человек и его «умное поведение» рассматриваются в данном исследовании как условие жизнеспособности данной концепции.

Во-вторых, отметим, что термин «город» в наименовании концепции приобретает сегодня весьма условное значение, так как в процесс ее реализации включены городские и муниципальные округа, а также городские и сельские поселения, стартовые условия которых для использования умных технологий весьма разнятся. В большинстве научных трактовок акцент делается на город как административно-территориальную единицу, в данном исследовании внедрение концепции авторами рассматривается в различных видах муниципальных образований (далее – МО), что соответствует документам Министерства строительства РФ. В методике оценки внедрения цифровых практик используется понятие «муниципальные образования», которые поделены на группы в зависимости от численности населения [7].

Таким образом, в рамках данного исследования под «Умным городом» понимается концепция управления территорией муниципального образования, которая предусматривает эффективное управление и обеспечение высокого уровня жизни населения за счет применения инновационных технологий и вовлечение жителей в принятие управленческих решений.

В данном исследовании акцентировано внимание на рисках внедрения концепции «Умный город» в практику управления муниципальными образованиями Архангельской области. Отметим, что с 2018 г. только два муниципалитета региона официально вошли в реализацию концепции как пилотные (МО «Город Архангельск» и МО «Северодвинск»). Однако считаем логичным рассматривать все муниципальные образования, так как процессы цифровизации управления объективно обусловлены и происходят в них, несмотря на то что участвует ли МО в проекте или нет.

В процессе исследования мы обозначили три большие группы рисков по уровню управления: общенациональные, региональные и собственно муниципальные. При этом все названные риски органически взаимосвязаны.

Общенациональные риски возникают за пределами государства и/или на федеральном уровне, но их влияние мы можем проследить на уровне как региона, так и муниципалитета. Общенациональные

политические риски связаны с вопросами геополитики: санкционное давление, военный конфликт, корректировка внешнеэкономических отношений не способствуют долгосрочному планированию и ограничивают использование мирового опыта в цифровизации управления. Следствием политических рисков выступают риски технологического плана: в стране идет переход на российское программное обеспечение, что в результате снизит зависимость от зарубежных аналогов, но требует новых IT-решений и их апробации. Вопросы кибербезопасности и решение проблемы утечки данных – это вызовы, которые связаны с внедрением умных технологий в практику управления на всех его уровнях.

В перечне выявленных региональных рисков внедрения концепции «Умный город» на территории Архангельской области обратим внимание на организационно-административные и финансовые. Организационно-административные риски связаны с тем, что концепция требует участия различных структур власти, а отсутствие согласованного взаимодействия может стать барьером для ее практического внедрения. Так, на федеральном уровне за «Умный город» отвечает Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, в Архангельской области – Министерство топливно-энергетического комплекса и жилищно-коммунального хозяйства. При этом в полномочиях Министерства связи и информационных технологий Архангельской области содержится положение об «организации, создании, внедрении, сопровождении и развитии информационных систем», а также о «координации, создании и работе в Архангельской области системы вызова экстренных служб (112), комплекса "Безопасный город", который является составной частью "Умного города"».

Финансовые риски на уровне субъекта связаны с тем, что инфраструктурные изменения и внедрение инновационных систем требует дополнительных ресурсов, а следовательно, пересмотра бюджетных приоритетов, что может привести к негативным последствиям для регионального бюджета и развития региона в целом.

На муниципальном уровне, где внедрение концепции обретает форму конкретных управленческих решений, нами были выявлены риски, представленные на рисунке 1.

На основе представленной классификации авторами был проведен экспертный опрос, в рамках которого восьми экспертам было предложено оценить степень вероятности риска по шкале от 0 до 5 баллов. В качестве экспертов выступили сотрудники органов государственной и муниципальной власти, чья деятельность связана с внедрением цифровых решений. Так, к оценке вероятности рисков были привлечены сотрудники министерства теплоэнергетического комплекса и жилищно-коммунального хозяйства, министерства связи и информационных технологий, а также главы муниципальных округов Архангельской области. Итоговый балл оценки каждого риска рассчитывался как среднее арифметическое, то есть сумма баллов по риску, деленная на количество экспертов, после чего определялся рейтинг значимости каждого из них (табл. 1).



Рис. 1. Классификация рисков внедрения концепции «Умный город» на уровне муниципального управления (составлено авторами)

Таблица 1

Результаты экспертной оценки вероятности рисков внедрения концепции «Умный город» в практику муниципального управления Архангельской области

Риски внедрения концепции «Умный город» в практику муниципального управления Архангельской области	Индекс значимости	Рейтинг
Инфраструктурные	4,25	1
Экономические	3,75	2
Кадровые	3,63	3
Социальные	3,50	4
Технологические	3,25	5

По мнению экспертов, для муниципалитетов Архангельской области крайне высоки инфраструктурные риски, что обусловлено высокой долей населения (в том числе домохозяйств), не обладающих доступом к сети Интернет, как мобильного, так и широкополосного. При этом сложность создания современной инфраструктуры Архангельской области определяется природно-географическими факторами и, несомненно, требует серьезных финансовых вложений.

Второе место по вероятности эксперты отдали экономическим рискам. При внедрении и реализации концепции «Умный город» экономические риски могут проявляться через ограниченность бюджетов органов власти, высокие затраты на содержание умных сервисов, низкую заинтересованность бизнес-сообществ во внедрении технологий

посредством государственно-частного или муниципально-частного партнерства. Для поддержания работоспособности систем или их внедрения муниципалитеты нуждаются в межбюджетных трансфертах, а их получение зачастую основывается на конкурсных процедурах.

Минимизацию данных рисков логично рассматривать в контексте возможностей национального проекта «Цифровая экономика», а также национального проекта «Инфраструктура для жизни», старт которому дан в 2025 г. Снижение вероятности наступления экономического вида риска можно достичь путем развития государственно-частного партнерства и муниципально-частного партнерства (далее – ГЧП и МЧП) при внедрении «умных технологий» в муниципальных образованиях Архангельской области. Так, по данным на 2022 г., 34 проекта «Умный город» в регионах РФ [8] реализовано в формате государственно-частного партнерства (Волгоград, Калининградская и Мурманская области). Формат ГЧП в основном применяется в коммунально-энергетической, транспортной и социальной инфраструктурах. С января 2023 г. скорректировано законодательство о развитии ГЧП и МЧП [9]. Суть одной из поправок в том, что органы местного самоуправления смогут привлекать внебюджетные средства для реализации проектов по развитию цифровой инфраструктуры.

Особое внимание обратим на кадровые риски. Несмотря на то, что в оценках экспертов они занимают третье место, трудно переоценить их влияние на все остальные имеющиеся и потенциальные трудности внедрения концепции. Кадровые риски проявляются в отсутствии специалистов, обладающих цифровыми компетенциями, способных внедрять умные решения. Сами по себе технологии не принесут изменений. Важно инвестировать в человеческий капитал, а не только в цифровые технологии.

Социальные риски внедрения и реализации концепции «Умный город», с одной стороны, можно проиллюстрировать на примере «цифрового неравенства»: мы видим, как доступ к умным сервисам может отразиться на качестве, оперативности решения самых актуальных для населения вопросов. Однако в содержании «социального риска» есть и другая сторона: готовность социума применять новые цифровые технологии, использовать открытые платформы для диалога с властью.

Менее вероятны, по мнению экспертов, технологические риски. Под ними понимаются угрозы сбоев в системе «Умный город», которая представляет собой совокупность компьютерных систем, датчиков, мобильных устройств, работающих в единой сети. Отказ или сбой одной из составляющих может привести к сбою всей системы в целом. Это повлияет на работу инфраструктурных объектов, коммуникаций, транспорта и других важных аспектов городской жизни. К этой же группе следует отнести риск кибербезопасности. Уязвимые точки в системах технологий, которые реализуются в рамках концепции, могут быть использованы для несанкционированного доступа к данным горожан, что угрожает их безопасности и конфиденциальности.

Невысокая вероятность технологических рисков отчасти объясняется теми мерами, которые применяются в регионе. Так, в Архангельской области создан киберполигон – инновационная отечественная платформа, предназначенная для проведения учений по информационной безопасности, моделирования компьютерных атак и подготовок к ним, а также демонстрации методов реагирования на инциденты. Успешно апробирована в регионе и технология, разработанная российской инновационной компанией «СитиСофт», которая реализуется на территории г. Северодвинск и планируется к реализации в г. Архангельск.

Ранжирование рисков может отличаться в разрезе муниципалитетов, так как стартовые условия разнятся. С другой стороны, участие муниципалитетов в реализации концепции «Умный город» мотивирует к внедрению цифровых технологий и влияет на качество управления. Согласно общероссийскому рейтингу (*QI*) за 2023 г., Северодвинск занимает 44 место (из 98) в своей группе «большие города» с рейтингом 61,59 балла. Для сравнения, по итогам 2022 г. город занимал 61 место. Очевиден успех и г. Архангельска, поднявшегося на 33 (из 63) строчку рейтинга в группе «крупные города», в 2022 г. он занимал в нем 56 место [10].

Таким образом, на основе проведенного исследования авторами сформулированы следующие предложения по минимизации рисков внедрения концепции «Умный город»:

– активизировать участие муниципалитетов в реализации национальных проектов, в том числе в новом национальном проекте «Инфраструктура для жизни», в самом наименовании которого содержится ориентир на человека;

– развивать государственно-частное и муниципально-частное партнерство в создании и совершенствовании цифровой инфраструктуры;

– организовать подготовку (переподготовку) муниципальных служащих, а также сотрудников муниципальных учреждений, отвечающих за цифровые сервисы, что будет содействовать нивелированию кадровых рисков. Данное предложение связано с IT-направлениями подготовки Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (созданным IT–парком, планируемым кампусом мирового уровня «Арктическая звезда»). Подготовка кадров и разработка отечественного программного обеспечения в свою очередь повлияет и на минимизацию технологических рисков;

– в процессе внедрения технологических решений и оценке их эффективности следует акцентировать внимание на готовность социума использовать в повседневной жизни цифровые технологии. В основе этой готовности – уровень доверия к цифровым сервисам, осведомленность об их существовании, о положительном опыте применения умных технологий для оперативного решения актуальных для населения вопросов. Требуется продуманное информационное сопровождение внедрения концепции «Умный город» как на региональном, так и на муниципальном уровне;

– необходимо изучать лучший опыт муниципалитетов, которые реализуют концепцию «Умный город». Отметим, что с 2020 г. во всероссийском конкурсе «Лучшая муниципальная практика» появляется новая номинация «Модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений («Умный город»)», что позволяет в настоящее время создавать банк опыта как крупных городов, так и городских и сельских поселений и, соответственно, каждый муниципалитет может выбрать те практики, которые соответствуют его культурно-историческим и социально-экономическим особенностям.

Литература:

1. Василенко И.А. «Умный город» в цифровом обществе 5.0: социально-политические и гуманитарные риски цифровизации общественного пространства // Власть. 2017. Т. 27. № 5. С. 67–73.
2. Видясова Л.А. Концептуализация понятия «умный город»: социотехнический подход // International Journal of Open Information Technologies. 2017. № 11. Т.5. С. 52–57.
3. Видясова Л.А., Тенсина Я.Д., Видясов Е.Ю. Восприятие концепции умного города активными горожанами в Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. Т. 11. № 4. С. 404–419.
4. Одинцов А.В. Основные риски реализации концепции «умного города» // Социодинамика. 2019. № 10. С. 1–8.
5. Архипова Л.А., Новгородцева А.Н., Сивкова Н.И. Эксперты об «Умном городе»: проблемы восприятия // KOINON. 2022. № 1. Т. 3. С. 177–190.
6. Василенко И.А., Володенков С.В., Гаджиев К.С. и др. «Умный город как социально-политический проект»: каким он будет в России? // Власть. 2020. № 1. С. 51–63.
7. Приказ Минстроя России от 28.09.2023 г. № 696/пр «Об организации исполнения ведомственного проекта Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации цифровизации городского хозяйства «Умный город» и признании утратившими силу некоторых актов Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации». URL: https://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/6b8/m0gouhaen1lgnatm6m4lruvwvejvb4zy/prikaz-696pr.pdf.
8. 34 проекта «Умных городов» реализовано в регионах в формате ГЧП // RUБЕЖ: информационно-аналитический журнал. URL: https://ru-bezh.ru/gossektor/news/22/01/24/34-proekta-umnyix-gorodov-uzhe-realizovali-v-regionax.
9. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
10. Официальный сайт Министерства строительства Российской Федерации. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/.

Risks of Introducing the Smart City Concept Into the Practice of Municipal Management

Lagunova S.V.
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Voronina L.V.
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Federal Research Center for Integrated Arctic Studies
named after Academician N.P. Laverov, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Veshnyakova D.M.
The Center for the Operation of Ground-Based Space Infrastructure Facilities

The Smart City concept implies the introduction of digital technologies in territory management, which ensure reasonable consumption of resources, prompt response to emerging problems, and ultimately improve the safety and comfort of life of the population. At the same time, one should take into account the risks that always accompany innovative solutions. Forecasting risks and understanding their interconnectedness helps to adjust management actions and ensure their consistency. The purpose of the study is to study and classify the risks associated with the implementation of smart solutions at the municipal level. To achieve the goal, based on an analysis of scientific works and legal sources, the author's definition of a "Smart City" is given. Using an expert survey, the significance of infrastructure, economic, personnel, social and technological risks of implementing the Smart City concept in the municipalities of the Arkhangelsk region was determined. As a result of the study, it was determined that the degree of probability of each risk group depends on the starting conditions and the specifics of the municipality. The authors of the article emphasize that the effectiveness of using smart services largely depends on the willingness of the population to apply and use them.

Key words: "Smart City" concept, digitalization, digital transformation of management, municipality, risk, quality of life of the population

УДК 338.36
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-44-49

Формирование элементов кластерно-сетевой модели государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферой



Лихарева Т.С.
Аспирант кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. академика Д.Н. Прянишникова

Оборин М.С.
Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Пермского государственного аграрно-технологического университета им. академика Д.Н. Прянишникова[1], Пермского государственного национального исследовательского университета[2]



Государственное управление закономерно эволюционирует с развитием общества, технологий, социально-экономических целей в длительной перспективе. Эти процессы отражаются на подходах и концепциях государственного регулирования сферы туристско-рекреационных услуг. Динамичное развитие туризма в регионах страны, диверсификация предложений, растущие ожидания и требования потребителей к его качеству, ассортименту, технологиям обслуживания влияют на формирование модели управления. Результаты ее функционирования обусловлены гибкостью инструментов и механизмов государственного управления на различных уровнях, оперативной обратной связью объектов влияния, позволяющей их дифференцировать и совершенствовать. Целью исследования является разработка элементов кластерно-сетевой модели государственного управления рынком туристско-рекреационных услуг. Задачи исследования: 1) рассмотреть научно-теоретические модели государственного управления; 2) изучить модели государственного управления рынком туристско-рекреационных услуг; 3) обосновать необходимость формирования кластерно-сетевой модели государственного управления рынком туристско-рекреационных услуг и разработать ее элементы. Ценность исследования заключается в адаптации существующих научно-теоретических подходов в целях совершенствования государственного управления региональными рынками туристско-рекреационных услуг. Результатом, обладающим научной новизной, является модель государственного управления, включающая элементы кластерно-сетевого подхода.

Ключевые слова: *государственное управление, модель государственного управления, рынок туристско-рекреационных услуг, кластерно-сетевой подход, кластерно-сетевое взаимодействие*

Для цитирования: *Лихарева Т.С., Оборин М.С. Формирование элементов кластерно-сетевой модели государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферой // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 44–49. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-44-49.*

[1] профессор кафедры менеджмента;
[2] профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории.

Внедрение и развитие стратегического подхода к управлению на макроэкономическом уровне предполагает применение научно-теоретических концепций, системы практических инструментов и механизма их реализации. Модель государственного управления является способом организации социально-экономического развития государства, предполагающим статус органов и их полномочия отраслевого регулирования, методы, способы и технологии воздействия на социально-экономические процессы. Приведенный научный подход в полной мере применим к государственному управлению народным хозяйством с учетом территориальных, отраслевых, ресурсных и рыночных условий его внедрения.

Анализ научных работ показал, что модели государственного управления существенно эволюционировали под влиянием глобальных геополитических, научно-технологических, социально-экономических факторов. Целесообразно привести их характеристику и особенности, которые могут учитываться и быть полезными для регулирования туристско-рекреационной сферы субъектов РФ (табл. 1).

Элементы каждой из рассмотренных моделей реализуются в современных государственных механизмах и системах управления. Результаты и полученный положительный опыт обусловлены разнообразными политическими, экономическими и отраслевыми особенностями. Например, существенно дифференцированы модели управления промышленностью и сервисным сектором, так как в этих видах деятельности используются различные ресурсы и технологии, планируются эффекты, отраженные в различных государственных программах и т.п.

Перечисленные факторы, влияющие на эволюцию моделей государственного управления, отражаются на инструментах и подходах регулирования различных услуг, которые характеризуются высоким динамизмом развития, адаптацией современных технологий в целях повышения качества сервиса и удовлетворения спроса на различных потребительских рынках. В связи с этим в научной литературе выделяются три основные модели государственного управления и регулирования туристско-рекреа-

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей государственного управления для адаптации к регулированию рынка туристско-рекреационных услуг

Модель и параметры	«*Public Administration*» (концепция рациональной бюрократии М. Вебера)	«*New Public Management*» (новое государственное управление)	«*Good Governance*»
Основная идея	Развитый аппарат управления	Эффективность и ответственность	Социально-экономическое сотрудничество
Принципы	Бюрократия, централизация, профессионализм	Практический профессионализм, критерии эффективности, контроль, конкуренция, бережное и рациональное использование ресурсов	Компромисс, делегирование полномочий и ответственности, поддержка полезных инициатив
Основные элементы	Государственные служащие	Отделы, службы, министерства	Общество, бизнес, государство
Характеристика элемента	Высокий профессионализм, беспристрастность	Результаты, ориентация на рыночные принципы, конкуренцию	Сотрудничество и баланс интересов
Преимущества модели	Четкость, дисциплина, субординация, преемственность, регламентация функций	Критерии и контроль запланированных и фактических результатов	Фокусирование на партнерстве и согласовании изменений
Уязвимости модели	Неопределенность полномочий служащих и структур управления, коррупция, низкий уровень компетентности	Противоречия политических и рыночных принципов деятельности, размывание целей	Противоречия целей участников, нарушение интересов
Методы управления	Административный, регламентный	Административный, рыночный, экономический	Административный, программно-целевой, кластерный
Возможности управления рынками туристско-рекреационных услуг	Управление ресурсами и территориями, ООПТ, контроль экологического законодательства, норм и нормативов посещений объектов и достопримечательностей	Регулирование и мотивация субъектов рынка в проектной и инвестиционной деятельности	Управление организационным поведением субъектов, обеспечение баланса спроса и предложения
Ограничения управления рынками туристско-рекреационных услуг	Противоречия с механизмами рынка, ориентация на процессы и регламент, а не на результат, инертность реагирования на изменения	Возможный дисбаланс политических, коммерческих, экологических целей и ценностей на региональном уровне	Необходим высокий профессионализм и вовлеченность должностных лиц и органов власти

*составлено и дополнено по данным [1–4].

ционной сферой в зависимости от роли отрасли в экономике: децентрализованная, централизованная и смешанная. Рассмотрим их особенности, поскольку для России особенно актуальна адаптация опыта государственного управления различных стран и регионов, для которых туризм является приоритетной сферой экономики и основным источником её дохода (табл. 2).

Развитие туристско-рекреационной сферы в субъектах РФ зависит от системных решений, направленных на стимулирование роста их объемов и качества в субъектах РФ. В целом по России вклад туризма в ВРП снижается в последние годы по сравнению с 2018–2019 гг., это связано с бюджетной поддержкой оборонно-промышленного комплекса и связанных отраслей экономики. В федеральных округах наблюдается похожая динамика. На рисунке 1 представлены округа, в которых доля туризма превышает 2 %.

Приволжский федеральный округ является единственным, показавшим рост в сравнении с 2019 г. Замедление темпов показали округа с высоким уровнем развития туризма, которые занимают лидирующие позиции по объемам оказанных услуг и наиболее прибыльным сегментам (гостиничный комплекс, общественное питание и др.).

Туристические агентства и туроператоры в регионах, как правило, являются субъектами малого и среднего предпринимательства и быстро реагируют на изменения внешней среды. Положительный рост их услуг является благоприятным для внутреннего турима (рис. 2).

В 2022–2023 гг. рост объема услуг показали все исследуемые округа, самые высокие темпы в СКФО – в три раза, а также в ЦФО – более чем в два раза по сравнению с 2018 г. Это позволяет сделать вывод о том, что данный сегмент бизнеса полностью восстановился, преодолел все последствия кризисов и уверенно наращивает обороты.

Интенсивность развития туристско-рекреационных услуг связана с заполняемостью средств размещения. Этот показатель наиболее высокий у Южного федерального округа (рис. 3).

Другие сегменты рынка, такие как организации санаторно-курортного комплекса, развиваются ме-

Таблица 2

Адаптация моделей государственного управления туристско-рекреационной сферой к регионам России*

Централизованная	Децентрализованная	Смешанная
Характеристика модели		
Туризм регулируется одним министерством	Отсутствуют профильные министерства по туризму	Многоотраслевое регулирование туризма
Роль туризма в экономике		
Ключевая	Незначительная	Значительная
Особенности экономического регулирования		
Недостаточно развитые институты	Зависит от специализации экономики региона	Развитая институциональная среда
Поддержка субъектов рынка туристско-рекреационных услуг		
Предусмотрена законами, системно реализуется	Субъекты рынка немногочисленны и сами адаптируются к внешней среде	Осуществляется в зависимости от состояния экономики и кризисов
Страны, применяющие модель		
Египет, Мексика, Тунис	США	Европейские страны
Регионы РФ, которым подходит модель		
Пермский край, Республика Дагестан, Ставропольский край, Республика Крым, Чеченская Республика	Субъекты округов с холодным климатом и незначительной долей туризма в ВРП	Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, г. Москва
Приоритетные сферы государственного управления рынком в регионах РФ		
Нормативно-правовая база, стимулирование сотрудничества (проектное, программно-целевое и др.)	Материальная база и инфраструктура рынка туристско-рекреационных услуг	Диверсификация предложения, повышение его доступности для населения
Методы государственного управления рынком		
Административный, проектно-целевой, кластерный, кластерно-сетевой	Административный, регламентный, проектно-целевой	Административный, регламентный, проектно-целевой, конкурентный
Планируемые результаты управления		
Повышение доходов субъектов рынка, качества и объемов оказанных услуг	Повышение доли туристско-рекреационных услуг в ВРП	Контроль уровня цен и качества услуг, сохранение природной среды и объектов

*составлено и дополнено по данным [5–8].

нее интенсивными темпами, несмотря на системные решения по повышению их конкурентных характеристик, поддерживаемых спросом различных категорий населения на лечение и оздоровление [9–11].

Проведенный анализ свидетельствует о формировании и укреплении в регионах страны положительных тенденций развития туристско-рекреационной сферы. Однако высокие результаты характерны для традиционно прибыльных видов деятельности, тогда как многие ресурсы недостаточно вовлечены в коммерческий оборот, увеличивая дисбаланс финансово-экономических показателей основных субъектов [12–15].

Оптимизировать показатели можно при условии регулирования взаимодействия ключевых субъектов туристско-рекреационных услуг, которое будет способствовать совершенствованию государственного управления за счет включения новых объектов и дифференцированного применения инструментов в рамках существующих концепций (рис. 4).

Целесообразно применение сочетаний различных элементов моделей государственного управления и моделей государственного управления туристско-рекреационной сферой, дополненных методами регулирования кластерно-сетевого взаимодействия ее субъектов. Внедрение инструментов стимулирования и показателей оценки кластерно-сетевых связей направлено на стабилизацию функционирования бизнеса различной туристско-рекреационной специализации и возможно на локальных уровнях. Это требует детализации условий формирования спроса и предложения, основных факторов и условий влияния, которые должны стать относительно обособленными объектами регулирования регионов, территорий, дестинаций и др.

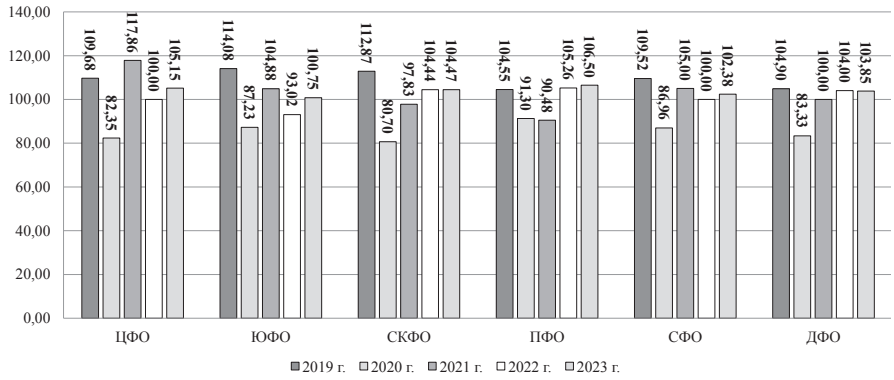


Рис. 1. Динамика доли валовой добавленной стоимости туристской индустрии в ВРП федеральных округов РФ в 2019–2023 гг., % (составлено по данным Росстата)

Сокращения от Центральный, Южный, Приволжский, Сибирский, Дальневосточный, Северо-Кавказский федеральные округа.

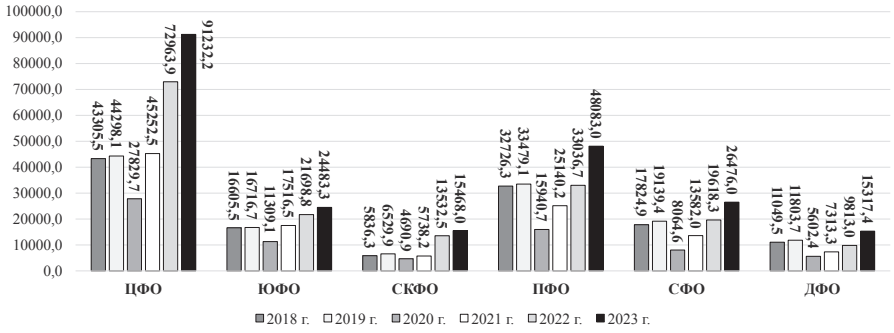


Рис. 2. Динамика объема услуг туристических агентств, туроператоров и прочих услуг по бронированию в федеральных округах РФ в 2019-2023 гг., % (составлено по данным Росстата)

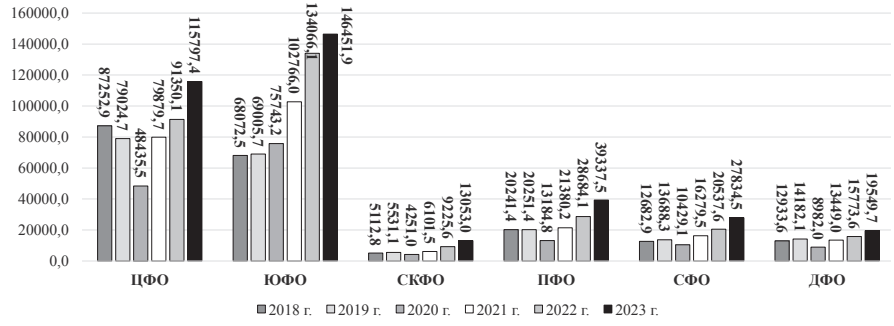


Рис. 3. Динамика объема услуг гостиниц, аналогичных услуг по предоставлению временного жилья в федеральных округах РФ в 2019-2023 гг., % (составлено по данным Росстата)

Системность запланированных изменений будет основана на двух базовых предпосылках: 1) общее состояние туристско-рекреационной сферы, оборота оказываемых услуг, тенденций и динамики ключевых показателей; 2) состояние различных групп субъектов и отдельных организаций, влияющих на состояние отрасли. Каждый из выделенных параметров нуждается в системе индикаторов, позволяющих оценивать устойчивость сетевых связей и их вклад в динамику регионального развития.

Таким образом, туристско-рекреационная сфера подвержена влиянию разнообразных факторов, некоторые из которых не являются сферой государственного управления. Кластерно-сетевые связи могут оказывать существенное влияние на баланс интересов и положительную динамику основных показателей

деятельности. В связи с этим управление и регулирования должны быть направлены на создание благоприятных условий и дополнить перечень объектов, на системное изменение которых направлен механизм государственного управления.

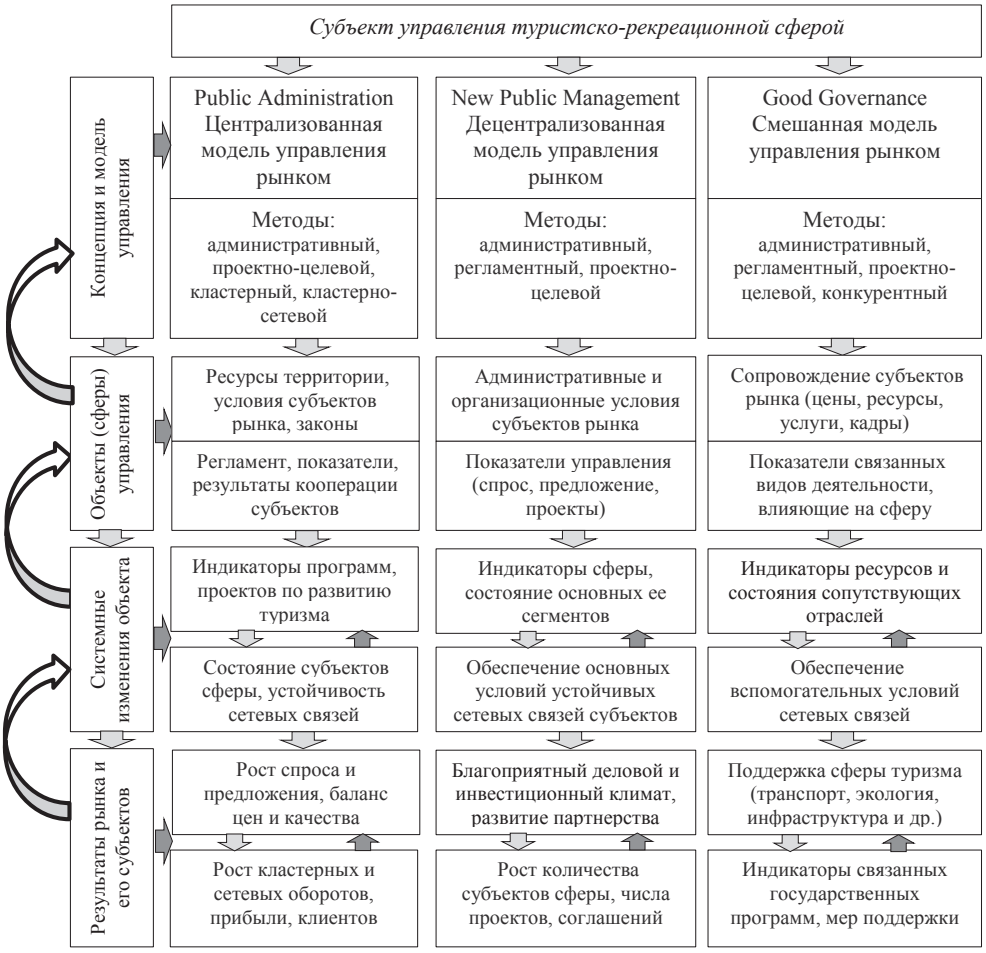


Рис. 4. Основные элементы кластерно-сетевой модели государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферой (разработано авторами)

Во многих субъектах РФ целесообразно применение элементов централизованной и смешанной модели управления туристско-рекреационной сферой, учитывающих эволюцию научно-теоретических концепций и перспективные методы. Текущие макроэкономические и политические условия складываются таким образом, что на государственном уровне в России осуществляется поиск оптимальных мер системного регулирования и поддержки сферы туризма, в связи с этим разработка и развитие актуальных механизмов и инструментов стимулирования финансово-экономических показателей субъектов, оказывающих туристско-рекреационные услуги, является актуальным направлением государственной политики.

Литература:

1. Волошенко К.Ю., Пономарев А.К. Внедрение в практику регионального управления секторальных моделей: оценка влияния управляющих воздействий на экономику // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 4. С. 93–113.
2. Волынец Р.А. Инструментарий повышения качества туристско-рекреационных услуг в условиях развития цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2024. № 3 (111). С. 95–107.
3. Маратова Х.Б. Эволюция развития моделей государственного управления: Public Administration, New Public Management и Good Governance // Государственная служба. 2022. Том. 24. № 6. С. 12–19.
4. Рыльская М.А., Павлов П.В. Концептуальная модель развития особых экономических зон на территории Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 11 (296). С. 2–15.
5. Мамбетова Ф.А., Бароков А.А., Абдулаев Б.Р. Повышение эффективности механизма развития региональных экономических систем в условиях нового технологического уклада // Экономика и предпринимательство. 2023. № 6 (155). С. 635–643.
6. Пьянкова С.Г., Ергунова О.Т., Митрофанова И.В., Глазкова Н.Г. Развитие внутреннего туризма в России в контексте реализации национального проекта "Туризм и индустрия гостеприимства" // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 9-1. С. 34–50.
7. Савинкова А.С. Модели государственного регулирования рынка туристических услуг // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 4. С. 36–40.
8. Тлеубердинова А.Т., Алдабергенова А.Т., Салауатова Д.М. Концептуальная модель государственно-частного партнерства в сфере туризма // Экономика: стратегия и практика. 2021. Т. 16. № 1. С. 64–80.

9. Борщ Л.М., Польская С.И. Особенности кластерного подхода в рекреационной сфере региона в контексте цифрового развития на примере Республики Крым // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2021. № 1 (54). С. 198–213.
10. Лебедева О.Е. Формирование модели управления развитием региональной туристской дестинации // Управленческий учет. 2021. № 10-1. С. 163-177.
11. Лихтин Д.А. Санаторно-курортные комплексы в развитии туризма региона // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 8. С. 808–819.
12. Падерин А.В. Механизм управления туристско-рекреационными зонами в аспекте создания туристского продукта // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 7 (113). С. 19.
13. Полухина А.Н. Инновационная модель развития внутреннего туризма // Инновационное развитие экономики. 2016. № 2 (32). С. 47–54.
14. Швец И.Ю. Формирование кластеров как рыночных инструментов пространственного развития предпринимательства // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2015. № 5. С. 14–21.
15. Юренский Д.А. Управление туристскими кластерами: опыт региона // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 6. С. 2551–2576.

Formation of Elements of the Cluster-Network Model of Public Administration and Regulation of the Tourist and Recreational Sphere

Likhareva T.S.
Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikov
Oborin M.S.
Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics,
Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikov,
Perm State National Research University

Public administration evolves naturally with the development of society, technology, and socio-economic goals in the long term. These processes are reflected in the approaches and concepts of state regulation of the sphere of tourist and recreational services. The dynamic development of tourism in the country's regions, the diversification of supply, and the growing expectations and demands of consumers for its quality, assortment, and service technologies affect the formation of a management model. The results of its operation are due to the flexibility of the instruments and mechanisms of public administration at various levels, the operational feedback of the objects of influence, allowing them to differentiate and improve. The purpose of the study is to develop elements of a cluster-network model of state management of the tourism and recreational services market. Research objectives: 1) to consider scientific and theoretical models of public administration; 2) to study models of public administration of the market of tourist and recreational services; 3) to substantiate the need for the formation of a cluster-network model of state management of the market of tourist and recreational services and to develop its elements. The value of the research lies in the adaptation of existing scientific and theoretical approaches in order to improve the state management of regional markets of tourist and recreational services. The result, which has a scientific novelty, is a model of public administration that includes elements of a cluster-network approach.

Keywords: public administration, model of public administration, market of tourist and recreational services, cluster-network approach, cluster-network interaction

УДК 334.723.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-50-54

Механизм совершенствования системы управления государственной компанией на основе ее цифровой трансформации



Луковников Н.В.
Соискатель кафедры экономики и управления промышленным производством Пермского национального исследовательского политехнического университета



Мингалева Ж.А.
Доктор экономических наук, профессор, директор Центра исследований устойчивого развития и инновационных процессов, профессор кафедры экономики и управления промышленным производством Пермского национального исследовательского политехнического университета

Задачи развития системы управления государственными компаниями на основе применения цифровых технологий становятся все более актуальными по мере роста цифровой экономики. Целью исследования является выявление возможностей совершенствования системы управления предприятиями с государственной формой собственности на основе применения цифровых технологий. Научная значимость заключается в методической разработке положений по созданию механизма совершенствования системы управления предприятиями и организациями на основе ее цифровизации. Практическая значимость работы состоит в разработке алгоритма цифровой трансформации системы управления компанией. Приведены поэлементная структура механизма оценки цифровой трансформации системы управления государственной компанией и ее взаимосвязь с моделью оценки «цифровой» зрелости. Обоснованы преимущества применения механизма для наиболее полного достижения целей цифровой трансформации. Ценность исследования заключается в разработке алгоритма проведения оценки цифровой зрелости системы управления государственной компанией. Научная новизна заключается в создании методического аппарата построения механизма цифровой трансформации системы управления государственными компаниями России.

Ключевые слова: *цифровая зрелость, цифровая трансформация, система управления, государственная компания, механизм оценки*

Для цитирования: *Луковников Н.В., Мингалева Ж.А. Механизм совершенствования системы управления государственной компанией на основе ее цифровой трансформации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 50–54. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-50-54.*

Цифровая трансформация как национальная цель развития Российской Федерации охватывает все сферы экономической деятельности, а также все бизнес-процессы и элементы системы управле-

ния предприятиями и организациями. Особая роль в достижении этой цели отведена государственным компаниям и предприятиям с государственной формой собственности. Именно на них возлагается основная задача выступить в качестве «локомотивов» по переходу отечественных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности на российское программное обеспечение, а также стать основой для приоритетного внедрения передовых цифровых технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта. В этой связи возрастает значимость как теоретических, так и эмпирических исследований в области цифровой трансформации российской экономики в целом и системы управления предприятиями и организациями, в частности.

Разработка рекомендаций по совершенствованию системы управления государственными компаниями на основе оценки ее цифровой зрелости выступает одним из важных элементов успешной реализации программы и стратегии цифровизации.

В таком контексте целью статьи является обоснование особенностей разработки механизма совершенствования системы управления государственными компаниями в процессе их цифровой трансформации.

Современная научная литература по проблематике цифровой трансформации предприятий и организаций насчитывает огромное число моделей и методик оценки цифровой зрелости предприятий (организаций) самого различного уровня концептуального обобщения и объекта исследования. Так, и в российской, и в зарубежной литературе чаще всего изучаются процессы цифровой трансформации и строятся модели оценки цифровой зрелости производственных бизнес-процессов, процессов поставок и продажи продукции [1], инновационных процессов и инновационной инфраструктуры [2], финансовых бизнес-процессов [3], проектной деятельности [4], управление знаниями [5], а также цифровые платформы взаимодействия с клиентами, включая сетевой ритейл и сетевой маркетинг. При этом многие авторы абсолютно логично рассматривают проведение оценки цифровой зрелости предприятия как предварительный этап проведения цифровой трансформации предприятия [6]. Также предлагаются различные модели оценки цифровой зрелости предприятий, начиная с моделей экспресс-оценки [7] и заканчивая развернутыми сложными моделями [8]. В целом нужно отметить, что спектр исследований и направлений применения модели оценки цифровой зрелости предприятий и организаций достаточно широк, однако работ, посвященных оценке цифровой зрелости системы управления предприятиями и организациями практически нет [9–10]. Именно этим объясняется высокая актуальность данного исследования.

Одной из ключевых целей совершенствования на современной технологической основе государственного управления российскими промышленными предприятиями является реализация мероприятий по цифровой трансформации предприятий обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их «цифровой зрелости». Данная задача была официально зафиксирована в утвержденном Минпромторгом РФ 14.07.2021 г. документе: «Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их "цифровой зрелости" до 2024 года и на период до 2030 года» [11].

Согласно этому документу, все крупные отечественные предприятия должны предпринять меры по внедрению в свои бизнес-процессы и системы управления наиболее передовых цифровых технологий, обеспечивающих технологический суверенитет государства и высокую адаптивность предприятий и отраслей обрабатывающей промышленности в формировании их бизнес-моделей и эффективном осуществлении их производственных процессов.

Анализируя особенности построения механизма совершенствования системы управления государственными предприятиями и организациями, прежде всего выделим содержание термина «механизм управления», поскольку в науке и практике управления существует достаточно широкое разнообразие таких определений. В нашем исследовании под механизмом управления понимается совокупность инструментов (правил, процедур, документов, мероприятий, управленческих решений и действий), применяемых центром принятия решений (руководством предприятия) и непосредственно влияющих на поведение объекта управления (активных агентов деятельности) в необходимом для центра направлении. Перечисленные выше инструменты представляют собой организационные элементы механизма управления, связанные между собой четкой системой иерархии и взаимозависимостей. Помимо перечисленных инструментов, к механизму управления нужно также отнести технические элементы – конкретные программные продукты, применяемые центром для принятия решений, организации их исполнения и контроля деятельности. Такие программные продукты также являются неотъемлемыми элементами современного механизма управления, представляющими собой технический блок в общей совокупности элементов управления. При этом, естественно, различные программы и цифровые продукты обеспечивают применение разных организационных элементов. Так, искусственный интеллект относится прежде всего к группе цифровых технологий принятия решений [12], а технологии визуализации – к группе контроля и мониторинга. Различные технологии обработки больших данных задействованы как в планировании и прогнозировании, так и при осуществлении контроля и оценки результата. Соответственно, и

организационные, и технические элементы механизма управления позволяют реализовать все ключевые функции управления. Перечисленные элементы механизма управления, по нашему мнению, присутствуют в любых системах управления, могут быть реализованы в любых областях и сферах деятельности и применительно к любому объекту управления. В структурированном виде предлагаемое нами определение механизма оценки цифровой зрелости системы управления государственной компанией в его взаимосвязи с моделью оценки цифровой зрелости системы управления интегрированной структурой можно представить следующим образом (см. рис. 1).

Функции управления на рисунке 1 представлены в укрупненном виде – за основу взята классическая триада функций управления, включающая базовые функции: планирование, организацию и контроль. Остальные функции включены («присоединены») к базовым: прогнозирование – к планированию, стимулирование – к организации, мониторинг – к контролю и т.д. Перечень присоединяемых функций может быть расширен для конкретных ситуаций, также как и может быть изменена их группировка.

Что касается взаимосвязи и последовательности реализации организационных элементов, то здесь существует прямая последовательность. На основе оценки уровня цифровой зрелости отдельных элементов системы управления и применяемых на предприятии правил и процедур управления руководством (центром принятия решений, ответственным лицом и т.д.) принимается решение об инициировании процесса цифровизации отдельных элементов системы управления в необходимом для достижения их большей готовности к применению более прогрессивных цифровых технологий. При этом у отдельных функциональных подразделений предприятия такие инициативы (программы развития) могут различаться. Так, для одних рабочих мест или целых подразделений необходимо повышение технической оснащенности, для других – обучение персонала, для третьих – изменение мотивации работников в применении их цифровых компетенций [13] и т.д.

Принимаемые управленческие решения оформляются в виде документов, которые потом доводятся до объекта управления. В этих документах (программах, стратегиях, приказах и пр.) отражается план мероприятий по цифровой трансформации конкретных подразделений и рабочих мест, который затем реализуется в виде конкретных действий. Также в корпоративных документах содержится перечень и количественные (количественно-качественные) значения ключевых показателей эффективности реализации мероприятий и программы в целом.

Соответственно, в процессе реализации программ по цифровизации осуществляется мониторинг хода их выполнения. На зафиксированных в документах контрольных точках (датах) подводятся промежуточные и окончательный итоги (результаты) и даются оценки эффективности их осуществления. Нужно отметить, что в отношении системы управления ключевые показатели эффективности выражаются прежде всего через управленческие категории, а не экономические. Особенно явно это проявляется в государственных компаниях, где главной целью является выполнение государственного заказа, а не получение прибыли.

Представленный на рисунке 1 механизм оценки управления цифровой трансформацией системы управления государственной компанией может быть реализован по следующему алгоритму (см. рис. 2). Преимущества и практическая значимость применения данного алгоритма заключаются в том, что он позволяет четко и надежно определить уровень готовности системы управления предприятиями к внедрению передовых цифровых технологий принятия решений, прежде всего технологии искусственного интеллекта.

В заключение нужно отметить, что структура и содержание механизма совершенствования системы управления государственной компанией должны опираться на комплекс организационных и технических элементов, позволяющих как оценить уровень готовности системы управления к ее дальнейшей цифровизации на основе цифровых технологий но-



Рис. 1. Механизм совершенствования системы управления государственной компанией на основе ее цифровой трансформации



Рис. 2. Алгоритм реализации механизма цифровой трансформации системы управления государственной компанией

вого поколения, так и успешно осуществить цифровую трансформацию в рамках запланированных мероприятий (инициатив).

Литература:

1. Гилева Т.А. Цифровая зрелость предприятия: методы оценки и управления // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1 (27). С. 38–52.
2. Галимова М.П. Методические подходы к оценке цифровой зрелости инновационной инфраструктуры // Экономические, информационные и социокультурные основания управления в современных условиях. Сб. науч. трудов. Уфа: УУНиТ, 2023. С. 89–94.
3. Быканова Н.И. Цифровая зрелость маркетинговой деятельности региональных банков: уровень развития и точки роста // Kant. 2024. № 2 (51). С. 40–46.
4. Шеметова Н.К., Доброхотов А.С. Модели оценки зрелости системы управления проектами // Молодой ученый. 2020 № 49 (339). С. 156–157.
5. Мингалева Ж.А., Тумилович В.С. Перспективы управления знаниями в эпоху искусственного интеллекта // Инновации и инвестиции. 2024. № 6. С. 172–175.
6. Балахонова И.В. Оценка цифровой зрелости как первый шаг цифровой трансформации процессов промышленного предприятия: монография. Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. 276 с.
7. Хачатрян Г.А., Мухина И.В. Управление цифровой трансформацией компании: корпоративная модель экспресс-оценки «цифровой зрелости» // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2020. № 3 (27). С. 149–162.
8. Кузьмин П.С. Цифровизация промышленности: эмпирическая оценка цифровой зрелости предприятий // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2021. № 12(3). С.220–235.
9. Луковников Н.В., Мингалева Ж.А. Модель оценки цифровой зрелости системы управления интегрированной структурой // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4. Вып. 4. С. 100–117.
10. Чубуков М.А. Цифровая зрелость и цифровое благополучие в теории управления и принятия решения в социальных и экономических системах // Современные исследования и инновации в науке и образовании: сб. науч. трудов по материалам Межд. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 168–183.
11. Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их «цифровой зрелости» до 2024 года и на период до 2030 года // СПС КонсультантПлюс.
12. Луковников Н.В. Роль искусственного интеллекта в совершенствовании системы управления холдинговыми и сложноинтегрированными структурами // Социальные и экономические системы. Экономика. 2023. № 5.2. С. 129–142.
13. Устинова О.Е., Иззука Т.Б., Миловидова С.Н. Цифровая зрелость: формирование цифровых навыков и компетенций // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2022. № 10. С. 92–102.

Mechanism for Improving the Management System of a State Company Based on its Digital Transformation

Lukovnikov N.V., Mingaleva Z.A.
Perm National Research Polytechnic University

The development of a management system for state-owned companies based on the use of digital technologies is an urgent task as the digital economy grows. The purpose of the study is to identify opportunities to improve the management system of state-owned enterprises based on the use of digital technologies. The methodological development of provisions for the creation of a mechanism for improving the management system of enterprises and organizations based on its digitalization is of scientific significance. The practical significance is the development of an algorithm for digital transformation of the company's management system. The article contains a description of the elementary structure of the mechanism for assessing the digital transformation of the management system of a state company and its relationship with the model for assessing the "digital" maturity. The result of the study is the justification of the advantage of using the mechanism for the most complete achievement of the goals of digital transformation. The value of the study lies in the development of an algorithm for assessing the digital maturity of the management system of a state company. Scientific novelty lies in the creation of a methodological apparatus for constructing a mechanism for digital transformation of the management system of state companies in Russia.

Keywords: digital maturity, digital transformation, management system, state company, assessment mechanism

УДК 330.342
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-55-60

Формирование стратегии цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса с использованием системы сбалансированных показателей



Малиновский М.О.
Аспирант кафедры предпринимательства и конкуренции
Университета «Синергия» (Москва)

В условиях ускоряющейся цифровой трансформации предприятия сталкиваются с необходимостью адаптации своих бизнес-процессов для достижения конкурентных преимуществ. Статья посвящена разработке и внедрению цифровой стратегии для малых и средних предприятий, а также анализу методов оптимизации и цифровизации их внутренних и внешних бизнес-процессов.

Целью статьи является разработка стратегии цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса с использованием системы сбалансированных показателей. В качестве задач исследования поставлены определение структурных элементов стратегии цифровизации и разработка стратегической карты цифровизации бизнес-процессов предприятий малого и среднего бизнеса с использованием системы сбалансированных показателей.

В результате исследования предложена стратегическая карта цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса с использованием системы сбалансированных показателей, позволяющей структурировать ключевые элементы стратегии, в том числе: технологии, изменения в создании стоимости, организационные и структурные изменения.

Ключевые слова: *цифровизация, бизнес-процессы, малый и средний бизнес, цифровая стратегия, цифровые технологии, управление бизнес-процессами, ресурсы, стратегическая карта, система сбалансированных показателей*

Для цитирования: *Малиновский М.О. Формирование стратегии цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса с использованием системы сбалансированных показателей // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 55–60. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-55-60.*

Цифровая трансформация влечет за собой радикальные изменения в деятельности предприятий и характеризуется цифровизацией производства и управления за счет взаимосвязи не только различных информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), но и между ИКТ и производственными объектами с целью инициирования автоматизации производственных и управленческих процессов. Цифровизация на современном этапе выступая в качестве дополнительного измерения стратегической ориентации предприятий, сталкивается с рядом барьеров, включая ограниченные финансовые и человеческие ресурсы, внутреннее сопротивление изменениям и медленное внедрение бизнес-моделей, связанных с цифровизацией.

В таких условиях на современном этапе повышается исследовательский интерес к внедрению цифровых технологий, расширяющих возможности обмена информацией внутри и за пределами предприятия [1–3], к изучению влияния на отношения между партнерами по цепочке поставок и потребителями [4–6], адаптации и оптимизации бизнес-процессов к условиям цифровизации [7–9].

По мере того как предприятия малого и среднего бизнеса стремятся повысить эффективность своей деятельности и обеспечить конкурентное преимущество, цифровизация бизнес-процессов становится стратегической необходимостью, трансформируя способы ведения бизнеса, создавая новые возможности для роста. Как известно, под цифровизацией понимается использование цифровых технологий для трансформации традиционных бизнес-процессов предприятий и видов их деятельности. Она предполагает интеграцию цифровых технологий в различные бизнес-операции, включая сбор, анализ, коммуникацию и принятие решений. Целью цифровизации бизнес-процессов предприятия является повышение эффективности, снижение затрат и расширение возможностей предприятий по быстрой и гибкой доставке продукции и услуг потребителям [10; 11]. Соответственно, можно отметить, что цифровизация приобретает все более важное значение для предприятий, особенно малого и среднего бизнеса, позволяя оптимизировать производственные процессы и улучшить управление операциями. Однако единых стратегических подходов относительно цифровизации предприятий и их бизнес-процессов до сих пор не предложено [12–14]. В связи с чем целью статьи является разработка стратегии цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса с использованием системы сбалансированных показателей.

В качестве задач исследования поставлены определение структурных элементов стратегии цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса, а также разработка стратегической карты цифровизации бизнес-процессов предприятий малого и среднего бизнеса. Объектом исследования выступают малые и средние предприятия Российской Федерации. Предметом исследования являются стратегические подходы, методы и инструменты цифровизации, используемые для оптимизации бизнес-процессов и управления деятельностью предприятий малого и среднего бизнеса.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение, что разработка структурированной стратегии цифровизации, включающей четко определенные элементы и стратегическую карту, позволит предприятиям малого и среднего бизнеса повысить эффективность бизнес-процессов, улучшить управление ресурсами и адаптироваться к условиям цифровой экономики.

Разработка стратегии цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса в условиях стремительно развивающихся технологий и растущей глобальной конкуренции является ключевым направлением, обусловленным современными вызовами цифровой трансформации. В научной литературе [12; 15] описано несколько подходов к разработке цифровых стратегий, которые можно условно разделить на контекстно-зависимые и универсальные. В рамках первого подхода – контекстно-зависимого представлены работы, сосредоточенные на детальном описании отдельных аспектов разработки стратегии [16; 17]. В рамках универсального подхода рассматриваются общие этапы цифровой трансформации [15]. Однако ни один из них не предлагает целостного подхода к цифровой трансформации. Отсутствует единое мнение относительно подходов, составляющих основу формирования цифровых стратегий, а также обобщённое определение самого понятия «цифровая стратегия» [12–18].

Так, например, Е.А. Фролова [19] под цифровой стратегией понимает внедрение ИТ-технологий для вывода организации и услуг на новый уровень эффективности и клиентоориентированности. С. Матт [18] определяет цифровую стратегию как набор целей, показателей и структурных элементов, направленных на эффективное использование цифровых технологий для достижения бизнес-целей организации.

В данном исследовании цифровая стратегия определяется как совокупность целей, процессов, мероприятий и показателей, основанных на принципах применения цифровых технологий для формирования и развития управленческих структур, обеспечивающих реализацию цифровой трансформации в соответствии с миссией и общей стратегией предприятия.

Систематизация различных подходов авторов относительно разработки цифровой стратегии [18–20] позволяет сделать вывод, что для ее формулирования предприятия используют такие структурные элементы, которые независимо от отрасли или размера предприятия включают: использование технологий, изменения в создании стоимости, структурные изменения и ресурсы.

Для разработки цифровой стратегии руководство предприятия должно признать стратегическое значение новых информационных технологий (ИТ) и обладать способностью их развивать и эффективно использовать. Основное внимание также должно уделяться принятию решения: использовать уже доступные технологии или инвестировать в разработку собственных инновационных решений. При этом новые цифровые технологии предоставляют предприятиям дополнительные возможности, но одновременно создают угрозы, включая финансовые риски. Так, крупные предприятия, обладая значительными ресурсами, имеют преимущества в поиске и приобретении цифровых технологий по сравнению с малыми и средними. Однако для последних общесистемные решения зачастую оказываются экономически недоступными и ограничиваются узкоспециализированными функциями. В то же время малые и средние предприятия способны быстрее адаптировать и интегрировать новые технологии благодаря меньшему размеру и гибкости, в

то время как крупные сталкиваются с длительными процессами планирования и внедрения.

Технологические изменения существенно влияют на цепочку создания добавленной стоимости, приводя к её трансформации, в связи с чем предприятия должны оценить степень отличий новой цифровой деятельности от традиционного аналогового бизнеса, а также определить целевые рынки и аудитории. Для руководства предприятий малого и среднего бизнеса критически важно осознавать, как будет формироваться добавленная стоимость в условиях цифрового будущего, особенно в условиях усиления конкуренции. Ограниченные финансовые и человеческие ресурсы часто исключают возможность радикальных краткосрочных изменений в способах создания стоимости. В отличие от предприятий малого и среднего бизнеса, крупные предприятия благодаря своему размеру, ресурсам и рыночной власти способны быстрее адаптироваться к изменениям и вносить корректировки даже в краткосрочной перспективе.

Успешная реализация задач цифровой трансформации и изменений в создании добавленной стоимости требует от руководства предприятий малого и среднего бизнеса формирования соответствующей организационной структуры. Она должна быть адаптирована к новым условиям, обеспечивая оптимальную интеграцию цифровых технологий в деятельность предприятий и их влияние на бизнес-процессы, навыки персонала и производимую продукцию, оказываемые услуги. Интеграция цифровых технологий также требует наличия квалифицированных кадров.

Реализация изменений требует учета финансовых аспектов, которые одновременно выступают движущей и ограничивающей силой трансформации [18]. Так, руководство предприятий малого и среднего бизнеса сталкивается с проблемой эффективного использования ограниченных финансовых и человеческих ресурсов.

Цель цифровой стратегии зависит от размера предприятия. Так, проведенные исследования [21; 22] показывают, что основной целью цифровой стратегии предприятий малого и среднего бизнеса являлась оптимизация внутренних и внешних бизнес-процессов, изменение ИТ-систем в целом и их корректировка. Руководство предприятий малого и среднего бизнеса в первую очередь сосредотачивается на базовых, новых программных решениях или новых, более современных, технологиях для конкретных сфер бизнеса, поскольку эти решения могут приводить к выборочным улучшениям и часто не требуется единая ИТ-инфраструктура в масштабах всего предприятия.

Соответственно, можно отметить, что основная цель цифровой стратегии предприятий малого и среднего бизнеса сводится к адаптации и оптимизации их внутренних и внешних бизнес-процессов к условиям цифровой экономики. Цифровая стратегия позволяет согласовать стратегические цели с требованиями цифровой трансформации за счет выбора и наиболее эффективного использования ресурсов и методов управления в цифровой среде, а также определения набора показателей, позволяющих определить степень достижения целей и задач предприятий малого и среднего бизнеса (рис. 1).



Рис. 1. Структура цифровой стратегии предприятий малого и среднего бизнеса

Источник: разработано автором.

Систематизировать представленные в рисунке 1 элементы цифровой стратегии предприятий малого и среднего бизнеса, связывая их с различными аспектами деятельности предприятия, возможно за счет использования системы сбалансированных показателей (*BSC*), а также составления стратегической карты цифровизации.

BSC позволяет не только формализовать и структурировать ключевые элементы стратегии, но и увязать их с различными аспектами деятельности предприятия. В контексте цифровой трансформации *BSC* обеспечивает систематизацию таких элементов, как: задачи, технологии, изменения в создании стоимости, структурные изменения и ресурсы. Подобная систематизация достигается благодаря распределению элементов стратегии по четырем перспективам: финансовой, клиентской, внутренних бизнес-процессов, а также обучения и роста. Именно использование *BSC* позволяет устранить разрозненность в формировании цифровой стратегии, преобразуя ее в единый целостный план, где каждая из перспектив предоставляет четкие ориентиры для оценки и

управления изменениями. Так, финансовая перспектива акцентирует внимание на эффективности инвестиций в цифровые технологии, тогда как перспектива внутренних бизнес-процессов сосредотачивается на оптимизации операционной деятельности и внедрении новых технологий. Клиентская перспектива помогает определить, как цифровизация повлияет на удовлетворенность клиентов и их вовлеченность, а перспектива обучения и роста направлена на развитие навыков персонала и внедрении инноваций.

За счет определения ключевых показателей эффективности (*KPI*) и их регулярного мониторинга появляется возможность оперативно выявлять отклонения и корректировать действия в зависимости от текущей ситуации, что особенно важно в условиях высокой динамичности внешней среды и быстрого развития цифровых технологий. Соответствие элементов цифровой стратегии *BSC* можно представить в таблице 1.

Использование BSC также позволяет сформировать стратегическую карту цифровизации, обеспечивающую систематизацию и структурирование процессов, их целостность, согласованность и прозрачность (табл. 2).

Таблица 1

Соответствие элементов цифровой стратегии системным элементам *BSC*

Системный элемент *BSC*	Элемент цифровой стратегии
Финансовая перспектива	Ресурсы цифровой стратегии: финансовые ресурсы, инвестиции в ИКТ
Клиентская перспектива	Изменения в создании стоимости, адаптация внешних процессов, направленная на улучшение взаимодействия с клиентами и повышении их удовлетворенности благодаря цифровым решениям
Перспектива на внутренние бизнес-процессы	Бизнес-процессы, требующие адаптации и оптимизации для цифровизации, а также структурные изменения
Перспектива обучения и роста	Персонал и технологии, обеспечивающие развитие навыков сотрудников, внедрение новых технологий и адаптацию предприятия к изменениям

Источник: разработано автором.

Таблица 2

Стратегическая карта цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса

Задачи	*KPI*
Финансовая перспектива	
Увеличение доходов через цифровые каналы продаж	Процент роста цифровых продаж (годовой рост выручки через онлайн-каналы)
Снижение операционных расходов через автоматизацию	Процент снижения затрат после внедрения автоматизации
ROI на инвестиции в цифровую трансформацию	Возврат на инвестиции (*ROI*) в цифровые проекты (отношение прибыли от цифровых технологий к затратам на их внедрение)
Клиентская перспективна	
Повышение уровня обслуживания клиентов через цифровые каналы	Время ответа на запросы через цифровые каналы (среднее время ответа через чат-ботов, онлайн-консультантов и т.д.)
Увеличение удовлетворенности клиентов за счет персонализации предложений	Процент клиентов, использующих персонализированные предложения (доля клиентов, получающих индивидуальные рекомендации или предложения на основе данных)
Развитие лояльности клиентов через цифровые сервисы	Коэффициент удержания клиентов (процент клиентов, продолживших использовать сервисы после внедрения цифровых решений)
Перспектива внутренние бизнес-процессы	
Оптимизация ключевых процессов через цифровые технологии	Время выполнения ключевых бизнес-процессов (среднее время выполнения операций до и после автоматизации)
Повышение качества и точности выполнения процессов	Процент ошибок в процессах (снижение ошибок в выполнении операций после внедрения цифровых инструментов)
Автоматизация рутинных операций и улучшение операционной эффективности	Процент процессов, подверженных автоматизации (доля процессов, которые были автоматизированы или роботизированы)
Улучшение процессов принятия решений через аналитику данных	Скорость принятия решений (время, необходимое для принятия ключевых решений благодаря аналитике данных в реальном времени)
Перспектива обучения и роста	
Обучение сотрудников новым цифровым навыкам	Процент сотрудников, прошедших обучение по цифровым навыкам
Привлечение и удержание цифровых специалистов	Текучесть кадров в сфере цифровых технологий

Источник: разработано автором.

За счет распределения элементов стратегии по четырем ключевым перспективам (финансовой, клиентской, внутренних бизнес-процессов, обучения и роста) достигается более глубокое понимание взаимосвязей между целями цифровизации, необходимыми ресурсами и ожидаемыми результатами. Так, финансовая перспектива сосредоточена на снижении издержек и увеличении доходов через цифровые каналы взаимодействия с поставщиками и потребителями. Клиентская перспектива позволяет повысить удовлетворенность клиентов за счет персонализированного сервиса и цифровых решений, что напрямую влияет на рост их лояльности. Перспектива внутренних бизнес-процессов ориентирована на повышение операционной эффективности и оптимизацию ключевых процессов через автоматизацию с целью минимизации ошибок и улучшения производительности бизнес-процессов. Перспектива обучения и роста акцентирует внимание на развитии персонала и привлечении специалистов, необходимых для успешной реализации цифровых проектов. Применение *BSC* позволяет устранить разрозненность цифровых инициатив, интегрируя их в единую стратегию. Соответственно, применение *BSC* и формирование на его основе стратегической карты цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса позволяет обеспечить ясное понимание целей, структурирует ключевые процессы и увязывает их с конкретными ключевыми показателями эффективности (*KPI*).

Проведенное исследование показало, что цифровизация на современном этапе представляет собой важный стратегический ориентир деятельности предприятий, в том числе малого и среднего бизнеса, играя ключевую роль в их адаптации к динамичным условиям цифровой экономики. Для успешной цифровизации необходимо учитывать как внешние факторы, такие как конкурентная среда и изменения в создании стоимости, так и внутренние: организационную структуру, квалификацию персонала и ресурсы. В результате исследования определено, что успешная цифровизация требует разработки цифровой стратегии, которая позволяет систематизировать цифровизируемые бизнес-процессы и увязать их с долгосрочными целями предприятия. В качестве инструмента разработки цифровой стратегии предприятий малого и среднего бизнеса предлагается использование *BSC*, позволяющей формализовать и структурировать ключевые элементы стратегии. Формирование стратегической карты цифровизации с использованием *BSC* обеспечивает четкую взаимосвязь между стратегическими целями предприятия, ключевыми показателями эффективности (*KPI*) и необходимыми инициативами в рамках цифровой трансформации.

Литература:

1. Гётц М., Янковска Б. Индустрия 4.0 как фактор конкурентоспособности компаний в условиях постпереходной экономики // Форсайт. 2020. Т. 14. №. 4. С. 61–78.
2. Силкина Г.Ю., Шевченко С.Ю. Информационно-коммуникационные драйверы современной промышленной революции // Вестник Университета Российской академии образования. 2018. № 4. С. 95–102.
3. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Цифровая экономика: трансформация промышленных предприятий // Инновации в менеджменте. 2017. № 1. С. 32–43.
4. Дементьев В.Е. Цепочки создания ценности перед вызовами цифровизации и экономического спада // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 68–83.
5. Попов Е.В., Симонова В.Л., Касинцев В.Э. Экономические эффекты цифровизации межфирменных взаимодействий // Вопросы управления. 2020. № 4 (65). С. 80–90.
6. Воловодова Е.В., Коршикова И.А., Биденко Т.В. О классификации инструментов цифровизации промышленности и формировании среды для их внедрения // Вестник Института экономических исследований. 2021. № 3 (23). С. 77–83.
7. Кравченко Е.С., Овсянникова В.В. Влияние цифровизации на бизнес-модель предприятия: алгоритмы, модели и инструменты digital-трансформации // Вести Автомобильно-дорожного института. 2021. № 4. С. 111–119.
8. Авдеева И.Л., Полянин А.В., Головина Т.А. Цифровизация промышленных экономических систем: проблемы и последствия современных технологий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 238–245.
9. Юдина А.И., Нуруллина А.Р. Оптимизация бизнес-процессов с помощью цифровой трансформации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 8А. С. 54–60.
10. Radicic D., Petković S. Impact of digitalization on technological innovations in small and medium-sized enterprises (SMEs) // Technological Forecasting and Social Change. 2023. № 191. P. 122474.
11. Чернышов Д.А., Анисимов А.Ю. Методические основы цифровой трансформации бизнеса // Вестник Академии знаний. 2024. № 1(60). С. 636–641.
12. Tian M., Chen Y., Tian G., Huang W., Hu C. The role of digital transformation practices in the operations improvement in manufacturing firms: A practice-based view // International Journal of Production Economics. 2023. № 262. P. 108929.
13. Полянин А.В., Соболева Ю.П., Тарновский В.В. Цифровизация процессов малого и среднего предпринимательства // Управленческое консультирование. 2020. № 4 (136). С. 80–96.
14. Сериков К.Н., Анисимов А.Ю. Формирование методики стратегической оценки факторов вну-

тренней среды организации ресторанного бизнеса // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2024. Т. 26. № 2. С. 158–175. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2024.2.13.
15. Korachi Z., Bounabat B. General approach for formulating a digital transformation strategy // J. Comput. Sci. 2020. № 16(4). P. 493–507.
16. Игошина Д.Р. Особенности цифровизации бизнес-процессов в компаниях малого и среднего предпринимательства // Индустриальная экономика. 2021. Т. 11. № 5. С. 1092–1097.
17. Хасанова В.Р., Чудайкина Т.В. Цифровизация процессов малого и среднего предпринимательства // Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов. Сб. материалов IV Межд. науч.-практ. конференции. М., 2022. С. 625–635.
18. Matt C., Hess T., Benlian A. Digital transformation strategies // Business & information systems engineering. 2015. № 57. P. 339–343.
19. Фролова Е.А. Цифровая экономика и стратегия предприятий // Перспективы развития отечественных предприятий в условиях формирования цифровой экономики. Материалы Межд. (очно-заочной) науч.-практ. конф., Саратов, 2018. С. 129–133.
20. Бахарев Е.Ю., Анисимов А.Ю. Стратегические аспекты цифровой трансформации организаций: выгоды и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6(488). С. 200–209. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-200-209.
21. Нирода И.В., Анисимов А.Ю. Трансформация традиционных бизнес-моделей в условиях цифровизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25. № 2. С. 82–91. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2023.2.7.
22. Малиновский М.О., Анисимов А.Ю. Формирование алгоритма реструктуризации бизнес-процессов производственных систем в условиях цифровизации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2023. № 4(47). С. 84–91. DOI: 10.21777/2587-554X-2023-4-84-91.

Formation of a Digitalization Strategy for Small and Medium-Sized Businesses Using a System of Balanced Indicators

Malinovsky M.O.
University «Synergy» (Moscow)

Abstract In the context of accelerating digital transformation, enterprises are faced with the need to adapt their business processes to achieve competitive advantages. The article is devoted to the development and implementation of a digital strategy for small and medium-sized enterprises, as well as the analysis of methods for optimizing and digitalizing their internal and external business processes.

The purpose of the article is to develop a digitalization strategy for small and medium-sized businesses using a balanced scorecard. The objectives of the study are: determining the structural elements of the digitalization strategy, as well as developing a strategic map for the digitalization of business processes of small and medium-sized businesses using a balanced scorecard.

The study proposes a strategic map for the digitalization of small and medium-sized businesses using a balanced scorecard, which allows structuring key elements of the strategy, including: technologies, changes in value creation, organizational and structural changes.

Keywords: digitalization; business processes, small and medium businesses, digital strategy, digital technologies, business process management, resources, strategy map, balanced scorecard

УДК 334.723.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-61-65

Использование инструментов риск-менеджмента в процессе цифровой трансформации системы управления государственной компанией



Мингалева Ж.А.
Доктор экономических наук, профессор, директор Центра исследований устойчивого развития и инновационных процессов, профессор кафедры экономики и управления промышленным производством Пермского национального исследовательского политехнического университета



Луковников Н.В.
Соискатель кафедры экономики и управления промышленным производством Пермского национального исследовательского политехнического университета

Совершенствование системы управления государственными компаниями в условиях становления цифровой экономики является одной из важнейших организационно-управленческих задач, стоящих перед собственником и руководством таких предприятий. В данном контексте целью исследования является анализ возможностей использования методов и инструментов концепции риск-ориентированного менеджмента для повышения надежности достижения запланированных результатов реформирования системы управления государственной компанией. Научная значимость исследования заключается в теоретико-методической разработке ключевых отличий управления рисками в системах управления и производства с целью их учета при разработке и реализации общей программы (стратегии) цифровой трансформации системы управления государственными компаниями. Практическая значимость работы состоит в выделении адаптированного к особенностям системы управления государственной компанией ключевого риска сопротивления сотрудников компании цифровой трансформации системы управления. В процессе исследования были определены основные отличия риск-ориентированного менеджмента применительно к системе управления компаниями, что позволило разработать практические рекомендации по включению мероприятий по управлению рисками в программу цифровой трансформации государственной компании. Для успешной реализации программы цифровой трансформации системы управления необходима интеграция управления рисками в саму систему управления предприятием. В качестве основного вывода было обосновано, что риск-ориентированное управление человеческим фактором является одним из ключевых направлений в рамках системы управления рисками цифровой трансформации. Ценность проведенного исследования заключается в концептуальной и методической разработке положений по цифровой трансформации системы управления государственными компаниями с помощью методов и инструментов риск-ориентированного менеджмента.

Ключевые слова: *система управления, государственные компании, цифровая трансформация, риск-ориентированный менеджмент, концепция управления рисками, методы управления рисками, человеческий фактор*

Для цитирования: *Мингалева Ж.А., Луковников Н.В. Использование инструментов риск-менеджмента в процессе цифровой трансформации системы управления государственной компанией // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 61–65. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-61-65.*

Процесс трансформации является неотъемлемой частью более широкого процесса развития, без которого невозможен прогресс. Особенно это актуально для управляемой и целенаправленной трансформации. Однако любой процесс трансформации объекта (системы) имеет по сути (трансформация – это изменение, преобразование) более высокий уровень неопределенности и риска недостижения результата, чем деятельность в условиях устойчивого функционирования. Особенно сильно это касается управления цепочками поставок, которые подвергаются значительным воздействиям во всех областях формирования [1; 2]. В этой связи чрезвычайно важным является признание возрастающей значимости факторов риска и неопределенности в процессе трансформации объекта и необходимости принятия превентивных мер по управлению рисками [3].

Особым объектом анализа в контексте управления рисками в процессе трансформации и модернизации производственных объектов выступают компании с государственной формой собственности (государственные корпорации, государственные компании, акционерные общества с преобладающей долей государственной формы собственности и т.д.). Эти компании несут высокое бремя ответственности по выполнению государством своих функций и при этом должны стать «локомотивами» цифровой трансформации промышленности страны и основой формирования цифровой экономики России [4].

Накладываемые на эти компании обязательства по скорости и объемам цифровизации их производства и систем управления в соответствии с целями национального развития и одновременно, в соответствии с глобальными тенденциями, значительно отличаются от задач по цифровизации предприятий частного сектора в сторону более высоких темпов и большей глубины цифровизации [5]. Это вызывает определенные трудности в реализации стратегий (программ) цифровой трансформации государственных компаний, особенно в части совершенствования их систем управления. А резкий рост неопределенности внешней среды и усиление рисков деятельности также усложняют реализацию мероприятий по цифровой трансформации как производственной деятельности государственных компаний, так и их систем управления [6]. Приоритетной задачей в этом контексте является разработка теоретико-методологических основ формирования подходов и принципов риск-ориентированного менеджмента применительно к системе управления государственной компанией, находящейся в условиях реформирования.

Требование учета рисков и использования положений и инструментов риск-ориентированного менеджмента в отношении систем управления государственными компаниями имеет свои особенности, отличающие их от классических методов и рекомендаций. Основные отличия риск-ориентированного управления от «классического управления рисками» применительно к системе управления государственными компаниями и программам ее совершенствования заключаются по нашему мнению в следующем.

Во-первых, необходимо использовать отличное от традиционного понимание роли рисков при цифровой трансформации системы управления предприятием. Обычно риск рассматривают с двух сторон, трактуя его и 1) как угрозу существующему положению (негативное воздействие), и 2) как побудительный мотив для изменения ситуации, как поиск нового, как источник инновационной деятельности (позитивное воздействие). Что же касается нашего объекта исследования, то здесь риск следует трактовать только с негативной стороны – как имеющий именно негативный характер, поскольку сам факт существования и проявления риска во внешней и внутренней среде управления предприятием при проведении мероприятий по реформированию его системы управления является причиной дополнительной неустойчивости его деятельности и роста расходов на противодействие рискам.

Во-вторых, как отмечают зарубежные исследователи [7], в настоящее время необходимо прежде всего сосредотачиваться на органичной интеграции процесса управления рисками в ключевые бизнес-процессы, а осуществлять управление рисками – в качестве самостоятельного направления.

В-третьих, необходим тщательный выбор инструментов управления рисками и включения их в систему управления бизнес-процессами [3]. Объясняется это тем, что общепринятая практика внедрения *ERM* (управление рисками предприятия) для системы управления не подходит.

В-четвертых, современные условия диктуют, что применительно к системе управления приоритетной задачей в риск-ориентированном менеджменте должно стать развитие компетенций по оценке ри-

сков у всех работников системы управления предприятием, органично включенное в организационную культуру предприятия [8; 9; 10].

Что касается механизма включения методов и инструментов риск-ориентированного менеджмента в стратегию (программу) цифровой трансформации системы управления государственными компаниями, то, по нашему мнению, необходимо обеспечить планирование мероприятий по снижению уровня рисков посредством механизмов управления рисками, создать систему выявления рисков, их анализа, оценки, установления уровня их зрелости, разработать критерии выбора конкретных инструментов управления рисками, а также критерии выбора конкретного управленческого решения для избегания риска, компенсации ущерба от наступления риска или его диверсификации, минимизации его воздействия. Таким образом, важным элементом построения программы реформирования системы управления предприятием является блок управления рисками, связанными с элементами системы управления, а также с процессами трансформации объекта. Такой блок должен включать все обязательные элементы оценки, анализа и управления (воздействия).

Для выбора эффективных методов, способов и приемов управления рисками, угрозами и опасностями программы цифровой трансформации системы управления государственными компаниями необходимо в первую очередь четко определить те факторы и процессы, которые могут дестабилизировать трансформируемый объект. В этой связи становится чрезвычайно важной разработка соответствующих теоретико-методологических положений в рамках риск-ориентированного управления, адаптированных к целям и задачам трансформации объекта, а также разработка и применение методов риск-ориентированного управления.

При этом нужно отметить, что, несмотря на наличие обширной литературы по риск-менеджменту, в настоящее время имеется дефицит современных научных исследований, посвященных актуальным проблемам управления рисками в отношении государственных компаний, в том числе систем управления ими. Также, и это имеет прямое отношение к цели нашего исследования, практически отсутствуют эффективные количественные методы оценки одного из важнейших рисков — человеческого фактора, включая управление рисками неприятия работниками запланированных изменений (сопротивления инновациям) [7].

Обращаясь непосредственно к вопросу возможности использования инструментов риск-менеджмента в процессе цифровой трансформации системы управления государственной компанией на примере АО «Концерн воздушно-космической обороны "Алмаз-Антей"», отметим следующее.

Включение в стратегию (программу) цифровой трансформации блока управления рисками важно как для субъекта управления (инициатора процесса трансформации), так и для объектов управления, в качестве которых в данной ситуации выступают предприятия, входящие в интегрированную структуру и участвующие в программе (стратегии) цифровой трансформации системы управления Концерном. Соответственно, это требует обоснования порядка интеграции механизма управления рисками в стратегию (программу) цифровой трансформации системы управления Концерном на основе риск-ориентированного менеджмента. Такая интеграция предусматривает несколько последовательных шагов (см.: рис. 1).

Особенностью реализации методов и инструментов риск-ориентированного менеджмента в рамках стратегии (программы) цифровой трансформации системы управления Концерном является специфический подход к пониманию ситуации неопределенности.

Как уже было хорошо описано в научной литературе по риск-ориентированному менеджменту, состояние неопределенности, складывающееся в процессе деятельности любого хозяйствующего субъекта обусловлено тем, что система управления его деятельностью сталкивается с целым комплексом внешних и внутренних факторов, которые воздействуют на все его элементы и системы. И как уже отмечалось выше, ключевым элементом системы управления, подверженному наибольшему влиянию со стороны различных рисков, является персонал компании, занятый непосредственно в системе

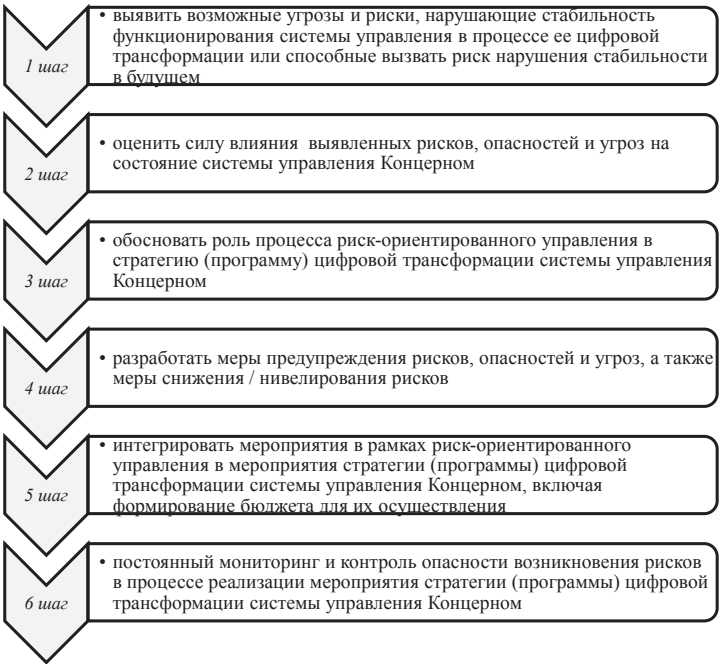


Рис. 1. Этапы осуществления риск-ориентированного управления в рамках цифровой трансформации системы управления предприятием

управления. Поэтому при управлении рисками основной акцент следует сделать на комплексе мероприятий, обеспечивающих мотивацию персонала к проведению и принятию происходящих изменений в цифровом уровне выполняемых ими операций, включая инновационные [11]. В данном случае речь идет о формировании у всех сотрудников таких стимулов и мотивов, которые побуждают работников реализации инновационно-активного поведения и профессиональному выполнению своих обязанностей с учетом их цифрового обеспечения. Это важно в связи с тем, что в системе управления предприятием работники одновременно выступают и как специфический актив, нуждающийся в защите и развитии, так и источником кадровых рисков и рисков потери качества управления в целом, а также источником репутационных рисков [12].

С этой целью при разработке программы совершенствования системы управления Концерном на основе применения цифровых технологий принятия решений нами была сформулирована и обоснована необходимость предварительного проведения комплексного опроса сотрудников по вопросам их готовности к применению более совершенных цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта, а также оценка сотрудниками, вовлеченными в процесс трансформации системы управления, уровня цифровой зрелости системы управления Концерном (подробное обсуждение результатов проведения такой оценки приведено в другой нашей статье [13]). Как уже отмечалось ранее, оценка цифровой зрелости была проведена с целью предотвращения риска оппортунистического поведения сотрудников при проведении реформ.

Другим видом рисков, критически важным для Концерна в целом является информационной риск, поскольку большая часть информации, передаваемой по каналам коммуникаций в рамках Концерна, является строго конфиденциальной и секретной. По поводу данного вида риска в компании давно действует жесткий регламент информационной безопасности, наличие которого было учтено при разработке рекомендаций по риск-ориентированному менеджменту.

В заключение хочется отметить, что в процессе исследования было установлено, что в условиях цифровой трансформации всех элементов деятельности предприятий интеграция управления рисками в саму систему управления предприятием является объективной необходимостью. На основе анализа также сделан вывод о том, что использование единого подхода к управлению рисками нецелесообразно. В целом эффективное управление рисками в рамках системы управления предприятием способно устранить негативные проявления рисков и позволит воспользоваться положительными последствиями цифровой трансформации.

Литература:

1. Atanu C., Boer H., Taran Y. Supply chain integration, risk management and manufacturing flexibility // International Journal of Operations & Production Management. 2018. № 38. P. 690–712.
2. Dong-Wook K., Seo Y.-J., Mason R. Investigating the relationship between supply chain innovation, risk management capabilities and competitive advantage in global supply chains // International Journal of Operations & Production Management. 2018. № 38. P. 2–21.
3. Ming-Fu H., Hsin Y.-S., Shiue F.-J. Business analytics for corporate risk management and performance improvement // In Annals of Operations Research. Berlin and Heidelberg: Spinger, 2021. P. 1–41.
4. Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием (утв. Минкомсвязи РФ 12.01.2024). URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/7342/ (дата обращения: 10.09.2024).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: http://government.ru/rugovclassifier/614/events/ (дата обращения: 07.08.2024).
6. Луковников Н.В., Мингалева Ж.А. Развитие системы управления промышленными предприятиями в рамках технологической трансформации Индустрии 5.0 // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 10А. С. 668–675. DOI: 10.34670/AR.2023.85.22.086.
7. Istiaq A.M., Nahar S. Risk disclosure practices: Does institutional imperative matter? // Public Money & Management. 2021. № 42. P. 388–394.
8. Iryna K., Khurdei V., Shevchuk V., Vlasiuk T., Leonidov I. Introduction of a Corporate Security Risk Management System: The Experience of Poland // Journal of Risk and Financial Management. 2022. № 15. P. 335.
9. Гайфутдинова О.С., Мингалева Ж.А., Гачегов Е.А. Социально-экономическая трансформация промышленности и человеческого фактора в условиях цифровизации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 11. № 12 (141). С. 18-25.
10. Himanshu J. Corporate risk management, firms' characteristics and capital structure: Evidence from Bombay Stock Exchange (BSE) Sensex Companies // Vision. 2018. № 22. P. 395–404.
11. Mingaleva Z., Shironina E., Lobova E., Olenev V., Plyusnina L., Oborina A. Organizational Culture Management as an Element of Innovative and Sustainable Development of Enterprises // Sustainability. 2022. № 10(14). P. 62–89.
12. Cassano R. Corporate global responsibility and reputation risk management. Symphonya. Emerging Issues in Management 2019. № 1. P. 129–142.

13. Мингалева Ж.А., Луковников Н.В. Разработка модели цифровой зрелости системы управления интегрированной структурой группы промышленных предприятий // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4. Вып. 4. С. 488–498. DOI: 10.34130/2070-4992-2024-4-4-488.

Using Risk Management Tools in the Process of Digital Transformation of the State-Owned Company Management System

Mingaleva Z.A., Lukovnikov N.V.
Perm National Research Polytechnic University

Improving the management system of state-owned companies in the context of the formation of the digital economy is one of the most important organizational and managerial tasks facing the owner and management of such enterprises. In this context, the purpose of the study is to analyze the possibilities of using the methods and tools of the risk-oriented management concept to increase the reliability of achieving the planned results of reforming the management system. The scientific significance of the study lies in the theoretical and methodological development of provisions for improving the management system of state-owned companies, taking into account the possible risks of activities to reform the system. The practical significance of the work lies in the development of practical recommendations for the formation of a set of methods and tools of risk-oriented management to reduce / prevent the dangers of losing the effectiveness of the implementation of the strategy (program) of digital transformation of the management system of a state integrated company. In the course of the study, it was determined that the use of the generally accepted practice of implementing ERM (enterprise risk management) for reforming the management system of state companies is not suitable. For successful implementation of the digital transformation program of the management system, it is necessary to integrate risk management into the enterprise management system itself. As a main conclusion, it was substantiated that risk-oriented management of the human factor is one of the key areas within the framework of the digital transformation risk management system. The value of the study lies in the conceptual and methodological development of provisions for the digital transformation of the management system of state-owned companies using risk-oriented management methods and tools. The scientific novelty of the study lies in the creation of a theoretical and methodological apparatus for building a strategy (program) for the digital transformation of the management system of state-owned companies in the context of the implementation of a single national task of forming a digital economy in Russia.

Keywords: management system, state-owned companies, digital transformation, risk-oriented management, risk management concept, risk management methods, human factor

УДК 332.14
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-66-70

Организационно-методические аспекты оценки влияния экономического потенциала на экономическую безопасность региона

Морозов И.В.
Аспирант кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

Актуальность проблемы обусловлена пониманием сущности экономического потенциала региона и необходимостью его исследования как ключевого фактора стабильности, устойчивости и экономической безопасности. Оценка экономического потенциала региона является необходимым условием для разработки стратегии и программ повышения экономической безопасности. Цель статьи заключается в определении методических подходов оценки экономического потенциала и на его основе организации мониторинга экономической безопасности. Задачами исследования является выбор и систематизация элементов ресурсного обеспечения экономического потенциала, инструментария и систем показателей для анализа и организации мониторинга. Практическая значимость состоит в возможности применения предложенной организационной схемы мониторинга и ее пошагового алгоритма в региональных системах экономической безопасности.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, экономический потенциал региона, ресурсы, инструменты анализа, показатели, мониторинг, угрозы*

Для цитирования: *Морозов И.В. Организационно-методические аспекты оценки влияния экономического потенциала на экономическую безопасность региона // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 66–70. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-66-70.*

Экономический потенциал региона можно определить как совокупность ресурсов, возможностей и факторов, которые способствуют устойчивому и безопасному экономическому развитию субъектов экономических отношений. Ряд работ современных авторов: А.Д. Арзамасцева, А. Агеева, П. Громбалла, Н.В. Глушака, О.В. Глушака, Д.Ф. Дабиева, М.И. Закировой, М.А. Муравьевой, О.Г. Назаровой, А.Р. Сафиуллина, Е.П. Фадеевой, В.В. Шлычкова раскрывают подходы к оценке экономического потенциала региона с позиции его ресурсного обеспечения, т.е. ресурсного подхода [1; 2].

В научной литературе можно встретить разное отношение исследователей к содержанию ресурсного обеспечения, но, как правило, не противоречащее его созидательному назначению – формированию экономического потенциала. Поэтому категорию «экономический потенциал региона» мы определили как «систему институционализированных отношений между хозяйствующими субъектами региона по поводу формирования, актуализации, оценки и использования созидательных свойств элементов ресурсной системы региона, которые определяют возможность расширенного воспроизводства экономических благ как цели и средства обеспечения регионального развития. Это сложная взаимосвязь и взаимообусловленность элементов системы, функционирование которых обусловлено стремлением субъектов хозяйствования к определению вариантов и оценке возможностей созидательного использования региональных ресурсов» [3, с. 24].

Основные элементы ресурсного обеспечения, формирующего экономический потенциал региона, систематизированы нами в таблице 1.

Оценку экономического потенциала региона как фактора экономической безопасности следует рассматривать как многоуровневый и разнообразный процесс, требующий применения определенных методик и инструментов. Понимание взаимосвязи между экономическим потенциалом и экономиче-

ской безопасностью способствует более эффективному использованию ресурсов, позволяет планировать развитие и предотвращать возможные угрозы. Правильная и системная оценка экономического потенциала является основой для выработки и реализации эффективной стратегии экономической безопасности на региональном уровне.

Методическое обеспечение анализа и оценки экономического потенциала региона предполагает выбор и применение разного инструментария, представленного в таблице 2.

Применение охарактеризованных в таблице 2 методик в мониторинге невозможно без его информационного обеспечения, для формирования которого требуется сбор и анализ данных о регионе, включая:

– *статистические данные.* Причем использование вторичных статистических данных из государственных и частных источников (например, Росстата, министерств и ведомств) позволяет получить объективную картину экономического состояния региона;

– *опросы и анкетирование*, проведение которых среди населения, бизнеса и экспертного сообщества помогает собрать первичные данные о восприятии экономической ситуации и перспектив развития в регионе;

– *геоинформационные системы* (ГИС), которые позволяют визуализировать и анализировать пространственные данные, что может быть полезно для оценки распределения ресурсов и инфраструктуры на территории региона;

– *моделирование* с использованием программных инструментов (например, сценарное моделирование), что позволяет видеть возможные пути развития региона в зависимости от разных факторов и сценариев.

Таблица 1

Поэлементная характеристика ресурсного обеспечения экономического потенциала региона

Группы ресурсного обеспечения	Характеристика элементов
Материальные ресурсы	1) **природные ресурсы** как драйвер экономического роста, включают в себя: а) минеральные ресурсы (нефть, газ, уголь, металлы); б) плодородные земли сельскохозяйственного назначения; в) водные ресурсы (реки, озера, подземные воды); г) лесные ресурсы; д) климатические условия (степени щадящего ресурсопользования). 2) **земельные площади** – определяют возможности для ведения различных видов деятельности: а) сельскохозяйственной (производство продуктов питания); б) строительства жилых и коммерческих объектов; в) промышленной; г) туристической; и др. 3) **инфраструктура** – обеспечивает функционирование экономики, включает: а) транспортную инфраструктуру (дороги, мосты, портовые сооружения, аэропорты); б) энергетическую инфраструктуру (электростанции, линии электропередач); в) социальную инфраструктуру (школы, больницы, культурные учреждения); г) информационные технологии (интернет, связь).
Человеческие ресурсы	1) **рабочая сила** – охватывает население трудоспособного возраста, способного выполнять трудовые функции, характеризуется: а) численностью и структурой; б) уровнем занатости; в) миграционными процессами; 2) **уровень образования** характеризуется: а) доступностью образования; б) качеством образования; в) реализацией образовательных программ; 3) **квалификация кадров** – отражает уровень профессиональных знаний и навыков, включает: а) специализацию; б) профессиональную подготовку; в) обучение и повышение квалификации на постоянной основе.
Финансовые ресурсы	1) **наличные средства; 2) инвестиции; 3) кредитные ресурсы,** и др.
Инновационные ресурсы	1) **научные и технологические разработки; 2) наличие исследовательских и образовательных учреждений,** и др.
Институциональная среда	1) законодательство; 2) административные структуры; 3) системы управления, и др.

Для проведения анализа экономического потенциала региона как основного фактора экономической безопасности необходимо учитывать широкий спектр статистических показателей, относящихся к социально-экономическому блоку. Эти показатели призваны дать комплексное представление о состоянии экономики региона, его ресурсах и способности к устойчивому развитию. Они могут быть сгруппированы по нескольким основным категориям, каждая из которых вносит свой вклад в общую картину.

К первой категории относятся показатели экономического роста: валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения; темпы роста ВВП; индекс промышленного производства. Эти показатели отображают уровень развития экономики, измеряя, сколько товаров и услуг производится в регионе. Их сравнение с аналогичными показателями других регионов или средними по стране может выявить сильные и слабые стороны региона.

Вторую категорию представляют показатели занятости и рынка труда: уровень безработицы; занятость по отраслям; динамика роста числа рабочих мест и качество рабочей силы. Высокий уровень занятости и разнообразие в распределении рабочей силы могут указывать на здоровую экономику, способную эффективно использовать свой потенциал.

Таблица 2

Методический инструментарий для анализа и оценки экономического потенциала региона

Методы и инструменты	Особенности применения
Сравнительный анализ	Применяется для сопоставления основных экономических показателей региона с аналогичными показателями других регионов или средними по стране. С этой целью могут быть использованы следующие индикаторы: 1 – уровень валового регионального продукта, 2 – уровень инвестиций в основной капитал, 3 – уровень безработицы
Эконометрические модели	Применяются для более детализированного анализа и оценки влияния различных факторов на экономический потенциал региона, предполагают применение: регрессионного анализа, моделей временных рядов
SWOT-анализ	Позволяет выявить внутренние силы (S) и слабости (W) региона, а также внешние возможности (O) и угрозы (T), включает: *Сильные стороны* (S): высококвалифицированная рабочая сила, наличие природных ресурсов; *Слабые стороны* (W): недостаток инвестиций, низкий уровень инфраструктуры; *Возможности* (O): развитие новых технологий, увеличение финансирования; *Угрозы* (T): экономические кризисы, изменение законодательства
Портфельные подходы	Применяются для анализа активов региона (финансовых, производственных, человеческих), позволяют выявлять риски и определять возможности для развития. Предполагает формирование сбалансированного портфеля с целью минимизации рисков и максимизации доходов
Индикативные оценки	Применяются для оценки уровня развития региона и его экономической безопасности, предполагают использование систем ключевых показателей, включая: индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП); индекс конкурентоспособности регионов; уровень инновационной активности; соотношение затрат и результатов инвестиций и др. Данные показатели позволяют быстро оценить благосостояние региона и его экономическую безопасность

Третья категория – инвестиционные показатели: прямые иностранные инвестиции; объемы капитальных вложений; инновационные инвестиции; уровень инвестиций в научные исследования и разработки. Эти показатели позволяют оценить, насколько привлекательным является регион для инвесторов, что, в свою очередь, отражается на его экономическом потенциале.

Четвертая категория – показатели инфраструктуры. К ним можно отнести общее состояние транспортной, энергетической и гуманитарной инфраструктуры, доступность и качество социальных услуг (образование, здравоохранение и т.п.). Развитая инфраструктура положительно влияет на инвестиционный климат и, следовательно, на общий экономический потенциал.

Пятая категория – показатели, отражающие социальное благополучие: уровень жизни населения; доступность к социальным услугам; показатели бедности, неравенства в доходах. Социальная стабильность и благосостояние граждан являются ключевыми аспектами экономической безопасности, ибо это напрямую связано со способностью региона устойчиво развиваться.

Для анализа названных групп показателей можно использовать различные статистические пакеты, такие как *R, Python* с библиотеками *Pandas и NumPy, SPSS* и другие. Эти инструменты позволят не только собирать и обрабатывать данные, но и проводить глубокий анализ, включая корреляции, регрессионные модели и прогнозы.

Что касается *организационно-практических аспектов* оценки экономического потенциала региона и его влияния на экономическую безопасность, то для реализации данной цели предлагается пошаговый алгоритм.

Шаг 1. Сбор данных: комплексный сбор данных о ресурсах, экономических показателях и институциональной среде региона.

Шаг 2. Анализ и оценка: применение описанных методик для оценки состояния экономического потенциала региона.

Шаг 3. Формирование выводов и рекомендаций: Выработка стратегий и программ на основе полученных результатов.

Шаг 4. Мониторинг и корректировка стратегии: регулярный пересмотр и адаптация стратегий в зависимости от изменений в экономической ситуации и дополнительных данных.

Что касается организации системного мониторинга, то здесь следует отметить, что такой мониторинг решает двоякую задачу: оценки экономического потенциала региона и стратегических шагов его роста, с одной стороны, а с другой – оценки уровня экономической безопасности региона под воздействием процессов воспроизводственного роста экономического потенциала.

На схеме мониторинга экономической безопасности (рис. 1) показаны четыре обязательных этапа работ: 1. Сбор и обработка информации; 2. Анализ и оценка состояния; 3. Выявление угроз и рисков; 4. Рекомендации и корректирующие действия.

Несмотря на значимость организации мониторинга экономической безопасности, основанного на оценке экономического потенциала региона, существуют определенные проблемы и вызовы, негативно влияющий на этот процесс:

– *недостаток информации,* появляющийся как из-за ограниченного доступа к необходимой ин-

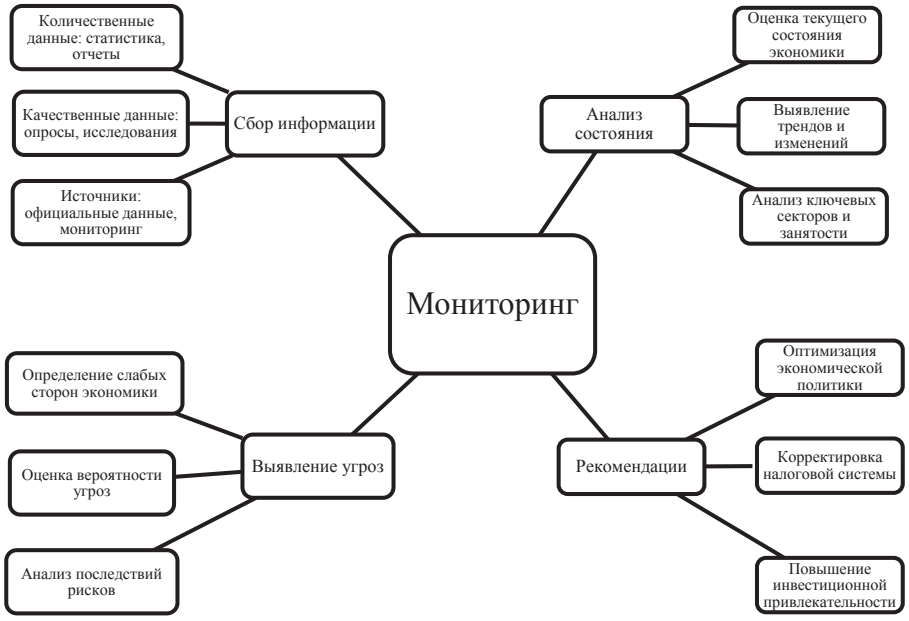


Рис. 1. Мониторинг экономической безопасности

формации, так и из-за недостаточной прозрачности в ведении статистики;

– *комплексный характер угроз*, которые могут иметь как внутренние, так и внешние источники, что требует многопрофильного подхода к их анализу;

– *политические и социальные факторы*, которые могут проявляться в изменении приоритетов государственной политики, общественных волнениях и других факторах, которые могут негативно сказаться на стабильности экономики.

Наличие вызовов и угроз экономической безопасности нейтрализуется при условии реализации на региональном уровне основополагающих принципов безопасности, обеспечивающих: «законность всех видов экономической деятельности; соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина; системность и комплексность применения политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер; приоритет предупредительных мер; взаимодействие государственных органов, общественных объединений, международных организаций и граждан» [4, с. 83].

Реализация всех перечисленных принципов достигает цели при наличии сформированного экономического потенциала в каждом отдельно взятом регионе и функционирующей на основе мониторинга системы экономической безопасности.

Литература:

1. Шлычков В.В., А.Д. Арзамасцев, Е.П. Фадеева. Теоретико-методические аспекты управления ресурсным потенциалом региона. Йошкар-Ола: Марийский гос. тех. ун-тет, 2007. 390 с.
2. Морозов И.В. Методические аспекты оценки экономического потенциала региона // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 2 (58). С. 59–68.
3. Морозов И.В. Воспроизводство экономического потенциала региона в условиях цифровой экономики. Казань: ООО «Эксперт 16», 2023. 235 с.
4. Экономическая безопасность России: Общий курс: учеб. / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. 896 с.
5. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
6. Морозов И.В., Шлычков В.В. Укрепление социально-экономического потенциала субъектов Российской Федерации как фактор повышения уровня экономической безопасности России // Управление устойчивым развитием. 2024. № 4 (53). С. 13–17.

Organizational and Methodological Aspects of Assessing the Impact of Economic Potential on the Economic Security of the Region

Morozov I.V.
Volga State University of Technology

The relevance of the problem is due to the understanding of the essence of the economic potential of the region and the need to study it as a key factor in stability, sustainability and economic security. Assessing the economic potential of the region is a prerequisite for developing a strategy and programs to improve economic security. The purpose of the article is to determine methodological approaches to assessing the economic potential and, on its basis, organizing monitoring of economic security. The objectives of the study are the selection and systematization of elements of resource provision of economic potential, tools and systems of indicators for analysis and organization of monitoring. The practical significance lies in the possibility of applying the proposed organizational monitoring scheme and its step-by-step algorithm in regional economic security systems.

Keywords: economic security, economic potential of the region, resources, analysis tools, indicators, monitoring, threats

УДК 338.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-71-75

Систематизация подходов к оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти



Мяликов Э.Р.
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Формирование гибкой и правильной системы оценки эффективности, позволяющей анализировать не только степень результативности, но и своевременно выявлять, устранять уязвимые места, является ключом к достижению поставленных перед государством стратегических целей и задач. В статье поставлена цель рассмотреть современные подходы к оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти, сформировать единую систему, наглядно отражающую сложность и взаимосвязанность элементов, выработать рекомендации по развитию на основе проведенного анализа. Научная значимость статьи заключается в обосновании целесообразности использования ключевых современных подходов отечественных и зарубежных авторов к вопросу оценки эффективности органов исполнительной власти и, как следствие, формирование единого широкого взгляда на данный вопрос. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты представленные, в виде системы, могут стать основой решения проблемы выбора вектора развития направления оценки эффективности органов исполнительной власти.

Ключевые слова: *эффективность, результативность, оценка эффективности, органы исполнительной власти, систематизация подходов, эффективность государственного управления*

Для цитирования: *Мяликов Э.Р. Систематизация подходов к оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 71–75. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-71-75.*

Дискуссионным остается на сегодняшний день такой термин, как «эффективность». С момента возникновения и до сегодняшних дней применение данного термина широко распространено и является фундаментальным при проведении оценки деятельности различных субъектов от организаций до проектных команд.

Важнейшим признаком дискуссионности является отсутствие, на текущий момент времени, единого, закрепленного нормативными актами, подхода к данному понятию. Согласно Национальному стандарту Российской Федерации «Системы менеджмента и качества», «эффективность определяется как соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами» [1]. Счетная Палата в своем стандарте внешнего государственного аудита, немного расширяет данное понятие в рамках использования бюджетных средств, «эффективность – определяется как соотношение между достигнутыми результатами и использованными для их достижения федеральными и иными ресурсами, отражающее экономность и (или) результативность использования федеральных и иных ресурсов» [2].

Существует достаточное количество подходов к пониманию и раскрытию понятия эффективности, большинство данных подходов можно свести к следующей категоризации (см. табл. 1).

Наиболее популярным определением является отношение достигнутых результатов к затратам ресурсов.

Таблица 1

Категоризация подходов отечественных и зарубежных авторов к понятию эффективности

Категория	Авторы	Характеристика
Отношение	Д. Рикардо [3], Дж.М. Кейнс [4], Ю.Н. Лапыгин [5], Г.В. Савицкая [6]	Отношение затраченных ресурсов к получаемым результатам
Результат	П.Ф. Друкер [7], А.Д. Шеремет [8]	Выделение дополнительной характеристики результативности, как последующего за отношением ресурсов и результатов
Выбор	Е.Дж. Долан [5]	Выражение эффективности через фокусирование энергии и правильный выбор целей
Оценка	В. Парето [9], М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури [10], Л.И. Абалкин [11], Т.В. Рыжкова, Л.В. Горелова [12], К.А. Наминова [13]	Качественный критерий, помогающий в оценке получаемого результата

При рассмотрении вопросов эффективности исполнительной власти обязательным является изучение подходов к оценке эффективности государственного управления, в котором, помимо экономических аспектов, должны быть учтены и социальные, а с учетом современных тенденций – отвечать на внешние и внутренние воздействия, быть гибкой.

Общую схему системы определения эффективности, связанной с государственным управлением в рамках разработанных методик в Российской Федерации, можно отобразить следующим образом (см. рис. 1).

Особенностью данной схемы является то, что реализация национальных целей и задач происходит за счет государственных программ – документов стратегического планирования, содержащих комплекс планируемых мероприятий, в рамках исполнения которых участвуют как органы исполнительной власти с государственными служащими, так и высшие должностные лица, по итогам происходит оценка эффективности выполнения самих государственных программ.

Важным дополнением в данном случае является то, что существует и отличная от участия в государственных программах и национальных проектах деятельность всех указанных субъектов на схеме. В этой связи необходимым действием является вынесение за скобки оценки эффективности данных субъектов вне проектной деятельности. Однако итоговым результатом повышения каждой из эффективностей по отдельности является выполнение стратегических целей и задач, поэтому полное разделение данных аспектов является невозможным.

Более того, существует и внешняя оценка деятельности через выявление степени удовлетворенности граждан, оценку принятых нормативно-правовых актов (далее – НПА), проводимым Счетной Палатой аудитом эффективности использования бюджетных средств в рамках деятельности. Следовательно, оценка эффективности государственного управления, в частности, деятельности исполнительной власти может проводиться на различных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном), по различным видам (внутренняя и внешняя) и различным сферам (экономическая, нормативная и т.д.).

Для более детального анализа возьмем деятельность органов исполнительной власти как основную при изучении и рассмотрим получившуюся систему взаимосвязей:

При наделении органа исполнительной власти статусом ответственного исполнителя государственной программы анализом деятельности органа власти занимается Министерство экономического развития, согласно Постановлению Правительства РФ от 15.05.2023 г. № 752 [14]. В рамках данного анализа выявляется соответствие запланированных и реализованных мероприятий.

И.Ю. Чазова, М.В. Исраилов в своей работе рассматривают и предлагают внедрение различных методик в рамках оценки эффективности деятельности на примере Удмуртской Республики [15, с. 1]. Основными метриками, выделяемыми авторами, являются:

1) *KPI* – определение ключевых показателей госслужащих;

2) *MBO* – метод управления по целям;

3) *CAF* – методика развития через самооценку и установление планов развития.

Применение методики *KPI* в рамках государственной службы является дискуссионным вопросом по причине некоторых особенностей, выражающихся, во-первых,



Рис. 1. Краткая схема системы определения эффективности государственного управления



Рис. 2. Система оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях

в трудности количественного определения плановых показателей, таких как создание конкретного количества НПА или количества закрытых обращений граждан (данные метрики должны быть реализованы с глубоким анализом качественных характеристик, таких как процент закрытых обращений и т.д.), во-вторых оценка производится постфактум, после завершения оцениваемого периода, что делает невозможным максимальное нивелирование возникающих проблемных ситуаций. Таким же мнением обладает и В.А. Гуляев, в своей работе предложивший методику СКОУ (система комплексной оценки управления) [16, с. 1], которая основывается на формировании правильной системы мотивации и отслеживании данного показателя у служащих. Преимуществами данной системы является еженедельная оценка поставленных и выполненных задач с учетом динамических рядов, позволяющих в долгосрочном временном периоде оценить падение или повышение мотивации, следовательно, и работоспособности сотрудника. Но полный отказ от модели *KPI* может послужить неблагоприятным фактором отсутствия формирования четких плановых значений, требующих приложения усилий для достижения. Исключительно грамотная комбинация качественных, количественных, мотивационных показателей позволит сформировать достойный инструмент в руках органов власти.

Методика *MBO*, является на данный момент одной из наиболее обсуждаемых для применения, так как показала свою эффективность в коммерческих организациях. Обладает преимуществами установления небольшого количества конкретных и достижимых целей, что помогает в формировании пути развития, своевременной корректировке целей, возможностью декомпозиции больших целей на более мелкие. Но требует доработок и адаптации под реалии функционирования органов власти и нового целеполагания, не заключающегося в получении прибыли.

Основным достоинством модели *CAF* является персональная ответственность каждой отдельной структуры. Она подразумевает внедрение на выбранном уровне модели, позволяющей улучшения вынести как регулярную практику деятельности организации (планируй – делай – проверяй – воздействуй). Минусами данной модели является сложная адаптация к реальной практике применения, которая с течением времени начинает сводиться к простому декларированию выполненных задач и повышению ежедневной нагрузки на каждого из сотрудников. Интересным замечанием является то, что авторы Д.В. Маслов, А.Ю. Короленко, В.В. Смирнов еще в 2006 г. разрабатывали систему ЭПУС (Эффективная публичная служба) [17, с. 1] на основе методики *CAF*, но адаптированную к реалиям России, однако в силу технических сложностей реализации и отсутствия аппарата управленческой поддержки данная методика не получила достойного внимания и распространения. На текущий момент появилась возможность вернуться к вариативному применению данной методики с учетом соответствующих уже реализованных программных и аппаратных решений в органах власти, соответственно, с минимальным увеличением трудовой нагрузки на сотрудников органов власти.

Финальная детализированная модель оценки эффективности органа исполнительной власти, с учетом подходов исследователей, будет выглядеть в следующем формате (см. рис. 3)

На текущий момент достаточно явным является то, что, если и существуют отдельные методики,

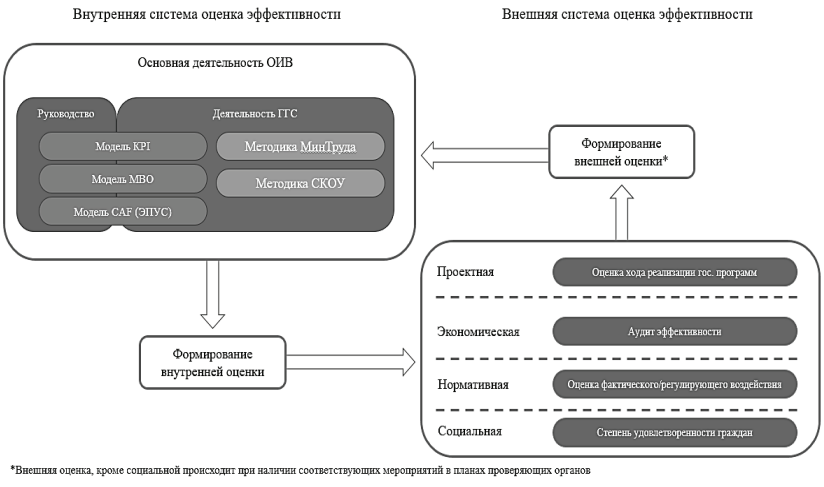


Рис. 3. Детализированная модель оценки эффективности органа исполнительной власти с учетом подходов исследователей

применяемые для оценки эффективности, они носят больше единичный и не системный характер, если не относятся к проектной деятельности или оценке государственных служащих перед проводимой аттестацией. Отсутствуют единые метрики для совокупного понимания общей эффективности органа исполнительной власти с учетом работы со штатом, проектными инициативами. Отсутствует емкий перечень исследуемых параметров, во внешней оценке необходимо добавлять показатели, связанные с работой со СМИ, количество нарушений, во внутренней учитывать корреляционные параметры в иерархической структуре органов власти. Однако наибольшей проблемой, влияющей напрямую на развитие, является отсутствие четкого выделения понятий эффективности и результативности, данное мнение также высказывают и исследователи Е.С. Каганова, С.Г. Медянцева, К.Э. Рыжих. Авторы в своей работе проанализировали показатели оценок эффективности деятельности региональных органов исполнительной власти с 2007 по 2021 гг. с применением текущей методологии [18, с. 1]. По итогам исследования авторы пришли к выводу, что основной проблемой является смешение понятий эффективность и результативность, отсутствие четких критериев эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, отсутствие широкого применения данного рейтингования регионов.

Для исправления данного положения и будущего достижения поставленных целей и стратегических задач необходима систематизация подходов к оценке эффективности, позволяющих «сверху» оценить всю систему и выявить слабые места. Уже сегодня есть понимание о необходимости создания, если не единых, то концептуальных подходов к оценке органа власти, обязательное внедрение параметров мотивации сотрудников, расширения перечня не только применяемых методик, но и самих оцениваемых параметров, позволяющих строить тренды и предугадывать возможные проблемы, например, при заполнении штата органа власти в 75 %, указывать на возможные риски невыполнения возложенных функций при увеличении нагрузки в будущем. Создание публичных рейтингов органов власти позволит формировать конкурентные отношения и добиваться больших результатов внутренней и внешней деятельности. Применяя все ранее указанные решения можно снизить риски невыполнения государственных целей и задач.

Литература:

1. ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь» (утв. Приказом Росстандарта от 28.09.2015 г. № 1390-ст) // СПС КонсультантПлюс.
2. СГА 104. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Аудит эффективности (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 09.02.2021 г. № 2ПК) (ред. от 06.09.2024) // СПС КонсультантПлюс.
3. Рикардо Д. Начало политической экономии и налогового обложения. М.: Полит. лит., 1995. 360 с.
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: ЗАО «Бизнеском», 1978. 352 с.
5. Лапыгин Ю.Н. Стратегический менеджмент: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2007. 235 с.
6. Савицкая Г.В. Анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности: методологические аспекты: монография. М.: ИНФРА-М, 2012. 270 с.
7. Друкер П. Эффективный руководитель / пер. с англ. О. Чернявской. М.: Манн, Иванов и Фербер; Эксмо, 2014. 240 с.
8. Шеремет А.Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности. М.: ИНФРА-М, 2003. 415 с.
9. Парето В. Курс политической экономии. М.: Экон. лит., 1962. 680 с.
10. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1999. 800 с.
11. Абалкин Л.И. Конечные народнохозяйственные результаты: сущность, показатели, пути повышения. М.: Экономика, 1982. 184 с.
12. Рыжкова Т.В., Горелова Л.В. Оценка эффективности деятельности предприятий (история и современность теории и методологии) // Вестн. Екатеринин. ин-та. 2013. № 4 (24). С. 51–55.
13. Наминова К.А. Современное состояние страхования рисков сельскохозяйственных организаций с государственной поддержкой в России // Апробация. 2016. № 7 (46). С. 100–105.
14. Постановление Правительства РФ от 15 мая 2023 г. № 752 «Об утверждении Правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации» // СПС Гарант.
15. Чазова И.Ю., Исраилов М.В. Оценка эффективности деятельности органов государственной власти // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. № 6. С. 776–785.
16. Гуляев В.А. Проблематика оценки эффективности деятельности органов власти, цифровые решения // Финансовые рынки и банки. 2023. № 12. С. 27–33.
17. Маслов Д.В., Короленко А.Ю. Концепция оценки эффективности в государственном и муниципальном управлении // Поволжский вестник качества. 2006. № 5-6. URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/18/1217265628/4.pdf

18. Каган Е.С., Медянцева С.Г., Рыжих К.Э. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов российской федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. № 3 (25). С. 315–322.

Systematization of Approaches to Evaluating the Effectiveness of Executive Authorities

Myalikov E.R.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The formation of a flexible and correct system of efficiency assessment, which allows analyzing not only the degree of performance, but also to identify and eliminate vulnerabilities in a timely manner, is the key to achieving the strategic goals and objectives set for the state. In the article the author aims to consider modern approaches to assessing the effectiveness of the executive authorities, to form a unified system, clearly reflecting the complexity and interconnectedness of elements, to make recommendations for development, based on the analysis. The scientific significance of the article lies in the justification of the expediency of using the key modern approaches of domestic and foreign authors to the issue of assessing the effectiveness of executive authorities and, therefore, the formation of a single broad view on this issue. The practical significance of the study lies in the fact that the presented results, in the form of a system, can become the basis for solving the problem of choosing the vector of development of the direction of efficiency assessment both inside and outside the executive authorities.

Keywords: efficiency, effectiveness, efficiency assessment, executive authorities, systematization of approaches, effectiveness of public administration

УДК 338.36
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-76-81

Особенности государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферы в текущих макроэкономических условиях



Оборин М.С.
Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Пермского государственного аграрно-технологического университета им. академика Д.Н. Прянишникова[1], Пермского государственного национального исследовательского университета[2]



Лихарева Т.С.
Аспирант кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. академика Д.Н. Прянишникова

Прогнозирование социально-экономического развития страны развивается по пути стратегического планирования и адаптации к глобальным геополитическим и макроэкономическим стрессовым факторам. Обеспечение устойчивости положительных тенденций является основной задачей государственного управления. Рассматриваемые в науке две основные подсистемы туристско-рекреационной деятельности – социальная и экономическая – оказывают взаимное влияние друг на друга, несмотря на разницу концептуальных подходов, механизмов и инструментов. Развитие федеральных инициатив должно находить продолжение в региональной социально-экономической политике. Целью исследования является разработка модели механизма государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферы услуг на основе баланса социальной и экономической подсистемы. Задачи исследования: 1) изучить научно-теоретические аспекты регулирования туристско-рекреационной сферы; 2) выявить особенности и направления государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферы; 3) предложить направления оптимизации государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферы субъектов страны на основе текущих результатов. Ценность исследования состоит в развитии теоретической концепции государственного управления кластерно-сетевым элементом механизма. Результатом, обладающим научной новизной, является определение структуры механизма государственного управления, отражающая элементы социальной и экономической функции туристско-рекреационной сферы. Туристско-рекреационная деятельность в текущих условиях нуждается в развитии материально-технической и цифровой инфраструктуры, стабильных инвестициях для их наращивания и модернизации. Субъекты туристско-рекреационной сферы получают положительный импульс при создании благоприятных макроэкономических параметров и стимулировании предпринимательской инициативы, притоку капитала из различных источников.

[1] профессор кафедры менеджмента;
[2] профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории.

Ключевые слова: *государственное управление и регулирование, туризм и рекреация, туристско-рекреационная сфера, системное управление, государственные программы, национальные проекты, инвестиции*

Для цитирования: *Оборин М.С., Лихарева Т.С. Особенности государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферы в текущих макроэкономических условиях // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 76–81. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-76-81.*

Текущий исторический период характеризуется сложившимся стратегическим подходом государственного управления к отраслевому и территориальному развитию РФ. Инициатива органов исполнительной власти во главе с Президентом РФ и Правительством РФ свидетельствует о необходимости пересмотра концептуальных основ управления рынком туристско-рекреационных услуг.

Проблемам управления и регулирования сферы туризма и рекреации (далее – ТР) посвящено большое количество научных работ. Данный вид специализации является сложным, связывающим социальные, экономические и управленческие процессы, успешный синтез которых приводит к устойчивым результатам и системным изменениям [1; 2]. Современные исследования выделяют две основных подсистемы, на которых базируется организация туристско-рекреационной деятельности: социальную и экономическую, каждая из которых характеризуется определенным механизмом, инструментами и методами [3; 4]. Сложностью регулирования для государственных органов на различных уровнях власти являются возникающие противоречия, обусловленные особенностями деятельности, уровнем отраслевой доходности, подверженности ключевым видам риска, таким как сезонность, колебания цен, погодные условия и прочее.

Социальный компонент (подсистема) представлен органами государственного и муниципального управления в сфере туризма и рекреации, некоммерческими предприятиями, оказывающими социальные услуги, а также связанными с ними некоммерческими и образовательными организациями, санаторно-курортными организациями, учреждениями отдыха и лечения детей. Основным социальным стратегическим ориентиром является создание благоприятных макроэкономических условий развития туристско-рекреационной деятельности и повышение ее вклада в сохранение человеческого капитала, увеличении долголетия и активного трудоспособного возраста [5; 6].

Экономическим компонентом (подсистемой) является рынок туристско-рекреационных услуг как относительно обособленная сфера обмена нематериальными благами, в результате которых создаются продукты, имеющие социальную и экономическую ценность. Субъектами являются предприятия различной специализации, обеспечивающие базовые, сопутствующие и связанные услуги, которые характеризуются сложными связями, деятельность которых направлена на удовлетворение разнообразных потребностей. Долгосрочной целью функционирования является формирование самостоятельной, экономически и финансово эффективной, конкурентоспособной туристско-рекреационный индустрии, реализующий экологические, социальные и экономические функции на высоком уровне [7; 8].

Можно говорить о неразрывной связи двух подсистем, которые регулируются специфическими механизмами и инструментами прямого и косвенного воздействия. Рассмотрим особенности и актуальные направления государственного управления туристско-рекреационной сферой.

Прогноз социально-экономического развития страны [7] отмечает рост потребительской и инвестиционной активности, объемов платных услуг населению, что является положительным не только для отраслей материального производства, но и сервисного сектора. Спрос со стороны потребителей является одним из драйверов экономического роста, поскольку отмечен его стабильный рост в 2021–2024 гг. В 2025 г. начинает действовать Национальный проект «Туризм и гостеприимство», включающий пять проектов федерального значения [9], рассчитанный на пятилетний период.

Положительной тенденцией государственного управления является то, что в последние годы на уровне Правительства РФ предпринимаются системные меры по развитию сферы туризма и индустрии гостеприимства. Отметим, что в 2023 г. по итогам совещания [10] Председатель Правительства РФ поручил реализовать ряд мер по развитию автомобильного туризма и придорожной инфраструктуры, активному формированию многофункциональных комплексов дорожного сервиса. Ключевым механизмом реализации данного процесса было предложено государственно-частное партнёрство, включая смягчение организационно-административных процедур по оформлению документации и проведению строительных работ. Также было уделено внимание развитию кадрового потенциала для туристической отрасли. Основными направлениями стали не только увеличение количества мест в системе высшего образования по ключевым профилям туристско-рекреационной специализации, но и разработка инструментов поддержки инициатив, имеющих социальные и коммерческие эффекты, обеспечивающие занятость населения в локальных местностях. В этот же период

Правительством РФ было выделено более 5,3 млрд руб. на поддержку льготного кредитования инвестиционных проектов в сфере туризма [11]. Отмечено, что поддержка оказывается 87 проектам в различных субъектах РФ, связанных со строительством и модернизацией гостиничных комплексов высоких категорий. В качестве основной задачи определено улучшение инвестиционного климата в туристско-рекреационной сфере, привлечение дополнительного капитала из различных источников. В продолжение данных мер и во исполнение решений Президента РФ [12] было издано распоряжение Правительства РФ [13], направленное на формирование базы размещения в нескольких субъектах РФ, которые успешно прошли конкурсный отбор. Среди них наибольшие объемы средств получили Алтайский край, Бурятия, Челябинская и Калининградская области. Средства будут направлены на ввод в эксплуатацию некапитальных модульных построек, объем которых составит 6500 номеров, они должны удовлетворить актуальный рыночный спрос и обеспечить комфортный отдых потребителей различных сегментов.

Связанность туристско-рекреационной сферы с такими секторами экономики, как транспорт, гостинично-ресторанный и санаторно-курортный комплексы, общественное питание, экскурсионная деятельность, городская материальная и цифровая среда, была подчеркнута на Стратегической сессии Правительства РФ по развитию туризма [14]. Синергетическим эффектом должны стать более высокие темпы перечисленных отраслей и рост экономик регионов России. Полученные в 2023–2024 гг. результаты стали возможными также благодаря реализации другого Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», формированию особых экономических зон с туристско-рекреационной деятельностью, созданию благоприятных условий и инвестиционных режимов. В фокусе внимания федеральных органов исполнительной власти находятся вопросы системного становления инфраструктуры досуга и развлечений, являющихся многофункциональными – парки, аттракционы, канатные дороги, горнолыжные подъемники и прочее. Важным практическим опытом регионов является разработка перекрестных маршрутов, охватывающих несколько субъектов РФ и территорий с различной туристско-рекреационной специализацией.

Отдельно необходимо рассмотреть деятельность корпорации «Туризм. РФ». По результатам прошедшего 2024 г. успешно реализуются проекты, связанные с гостиничным комплексом ряда субъектов страны с номерным фондом более 8500 номеров и инвестициями более 260 млрд руб., среди которых Пермский край, Дагестан, Астраханская и Челябинская области [15]. Эффективным механизмом реализации инициатив Правительства РФ по развитию туристско-рекреационной сферы является кластерный механизм. В рамках кластерных проектов отрасли в 2024 г. было выделено свыше 4,4 млрд руб., которые направлены на объекты инженерно-транспортной инфраструктуры [16].

Продолжением инвестиционной политики поддержки сферы туризма стало Распоряжение Правительства РФ о выделении из собственного резервного фонда более 6,5 млрд руб. на завершение и продолжение активных работ по возведению объектов материальной инфраструктура досуга, отдыха, размещения граждан страны в различных регионах, способствующих улучшению условий оказания услуг и качества обслуживания [17].

Обращаясь к данным статистики, можно отметить положительные изменения показателя инвестиций в основной капитал сферы туризма (рис. 1).

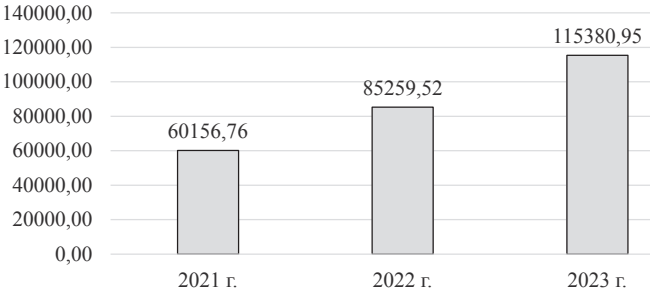


Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал в сферу туризма РФ в 2021–2023 гг., млн руб. (составлено по данным [18])

Данные за 2021–2023 гг. демонстрируют положительную направленность тенденции ряда. Абсолютное изменение показателя составило 30121,43 млн руб. (191,80 %).

Динамика инвестиций в основной капитал туризма представлена по федеральным округам РФ за 2018–2023 гг. (рис. 2).

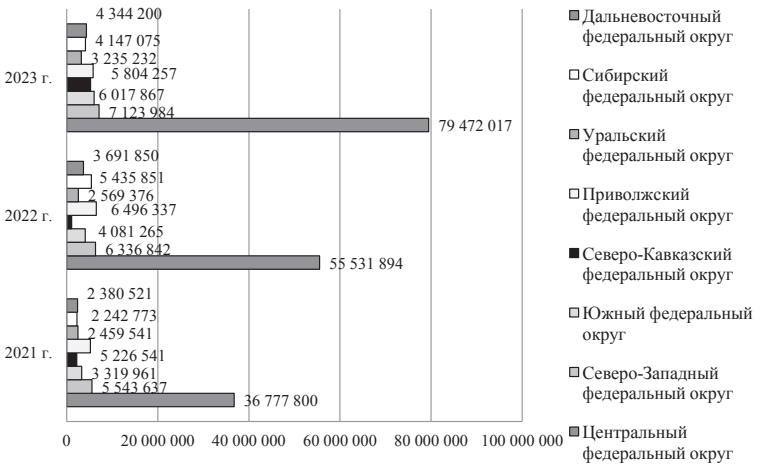


Рис. 2. Динамика инвестиций в основной капитал сферы туризма по федеральным округам РФ в 2021–2023 гг., млн руб. (составлено по данным [18])

Наибольшее значение соответствует Центральному ФО (около 70 % всего объема показателя). Северо-Западный федеральный округ получает около 7 % общего объема показателя и 4–5 % приходятся на другие 6 федеральных округов. Рассмотрим влияние данного показателя на развитие региональных гостиничных комплексов (рис. 3). Данные статистики свидетельствуют о том, что наиболее динамично развивается гостиничный сектор Южного и Центрального федеральных округов (34 и 27 % соответственно), при этом самые высокие темпы прироста у Северо-Кавказского и Северо-Западного федеральных округов (124 и 120 % соответственно). Однако при этом инвестиционная активность по Центральному и Северо-Кавказскому округам отличается.

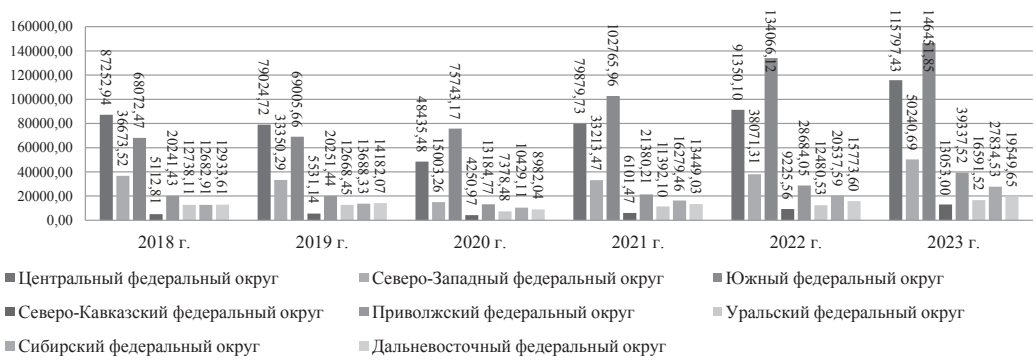


Рис. 3. Динамика услуг гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья по федеральным округам РФ в 2018–2023 гг., млн. руб. (составлено по данным [18])

Можно сделать выводы о факторах, согласно которым наиболее прибыльные сектора показывают рост при различных темпах вложений. Это происходит за счет привлечения спроса и его концентрации в кластерах и активном формировании кластерно-сетевых связей, характерных для субъектов сферы ТР. Взаимодействие субъектов практически не регулируется государством, потому повышение эффективности государственного управления возможно при учете тенденций формирования, функционирования и развития кластерно-сетевых образований. Отразим данную закономерность в структуре механизма государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферой (рис. 4).

Социальная и экономическая подсистемы туристско-рекреационной деятельности взаимодействуют между собой, при этом сфера ТР реагирует на управленческие воздействия. Состояние его субъектов является обратной связью с органами государственного и муниципального управления, позволяет сделать вывод о правильности и целесообразности принимаемых мер, корректировать их, если фактические результаты отличаются от запланированных.

Развитые кластерно-сетевые межсубъектные отношения выполняют превентивную функцию для субъектов управления различного уровня и требуют гибкого реагирования на негативные тенденции локальных рынков, которые становятся известными за более короткие временные промежутки. Данное условие является одним из критериев эффективности проводимой государственной политики управления и регулирования туристско-рекреационной сферы.

Государственное управление и регулирование туристско-рекреационной сферы в текущих макроэкономических условиях прошло определенную эволюцию. Научно-теоретическая концепция регулирования отраслевых процессов должна базироваться на согласовании функций и целей двух основных подсистем: социальной и экономической. Основная идея заключается в отходе от принципа жесткого вертикального управления и смещения акцента к компромиссному регулированию в зависимости от потребностей основных субъектов, состояние которых определяет достижений долгосрочных целей туристско-рекреационной деятельности, повышения ее роли в социально-экономическом развитии и благополучии граждан.



Рис. 4. Структура механизма государственного управления и регулирования туристско-рекреационной сферы на основе баланса социальной и экономической подсистем (разработано авторами)

Литература:

1. Рибокене Е.В. Оценка форм и принципов государственного регулирования туристской сферы // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 4 (23). С. 82–90.
2. Середа И.А. Анализ теоретических аспектов проблем организации управленческой деятельности в туристско-рекреационной сфере // Инновационное развитие экономики. 2019. № 2 (50). С. 170–175.
3. Казакова К.С. Экономическая сущность и теоретические основы государственного регулирования сферы туризма в Российской Федерации // Управленческий учет. 2024. № 2. С. 350–359.
4. Савичев А.Ю. Административно-правовые модели государственного управления сферой туризма в Российской Федерации // Юридические исследования. 2020. № 10. С. 15–26.
5. Али Р. Комплексное представление о сложившихся моделях организации процесса управления сферой туризма в российской и зарубежной практике // Russian Economic Bulletin. 2023. Т. 6. № 4. С. 383–386.
6. Петрова В.С., Шавлукова И.А. Государственное управление в сфере туризма в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Московский экономический журнал. 2021. № 4. DOI: 10.24411/2413-046X-2021-10212
7. Обрывкин М.А., Морозова О.А., Кичалюк О.Н. Государственное управление туризмом в Российской Федерации // Современные гуманитарные исследования. 2020. № 5 (96). С. 30–31.
8. Чистяков Д.В. Государственное управление в сфере туризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2024. № 2. С. 27–30.
9. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства». URL: https://национальныепроекты.рф/projects/turizm/
10. Совещание о развитии индустрии туризма и гостеприимства в РФ от 26.07.2023 г. URL: http://government.ru/news/49138/
11. Распоряжение Правительства РФ от 24.03.2023 № 689-Р. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202303240032?index=2.
12. Совещание у Президента России с членами Правительства РФ от 24.01.2023 г. URL: http://government.ru/news/47610/
13. Распоряжение Правительства РФ от 31 мая 2023 года №1441-р. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306100006.
14. Стратегическая сессия Правительства РФ по развитию туризма от 29.08.2023 г. URL: http://government.ru/news/49368/
15. Дмитрий Чернышенко: 28 инвестиционных проектов корпорации «Туризм.РФ» перешли в активную фазу реализации. URL: http://government.ru/news/51537/
16. Распоряжение Правительства РФ от 31 мая 2024 г. № 1355-р. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406010014
17. Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2024 г. № 2185-р Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства». URL: http://government.ru/news/52383/
18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Статистический сборник. Росстат. М., 2023. 1126 с.

Features of Public Administration and Regulation of the Tourist and Recreational Sphere in the Current Macroeconomic Conditions

Oborin M. S.
Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics,
Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikov,
Perm State National Research University

Likhareva T.S.
Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikov

Forecasting the socio-economic development of a country is developing along the path of strategic planning and adaptation to global geopolitical and macroeconomic stress factors. Ensuring the sustainability of positive trends is the main task of public administration. The two main subsystems of tourism and recreational activities considered in science – social and economic – have a mutual influence on each other, despite the difference in conceptual approaches, mechanisms and tools. The development of federal initiatives should be continued in the regional socio-economic policy. The purpose of the study is to develop a model of the mechanism of public administration and regulation of

the tourist and recreational services sector based on the balance of the social and economic subsystem. Research objectives: 1) to study the scientific and theoretical aspects of the regulation of the tourist and recreational sphere; 2) to identify the features and directions of public administration and regulation of the tourist and recreational sphere; 3) to propose ways to optimize public administration and regulation of the tourism and recreational sphere of the country's subjects based on current results. The value of the research lies in the development of the theoretical concept of public administration of the cluster-network element of the mechanism. The result, which has a scientific novelty, is the structure of the mechanism of public administration, reflecting the elements of the social and economic function of the tourist and recreational sphere. Tourism and recreational activities in the current conditions require the development of material, technical and digital infrastructure, stable investments for their expansion and modernization. The subjects of the tourism and recreational sphere receive a positive impetus when creating favorable macroeconomic parameters and stimulating entrepreneurial initiative, capital inflows from various sources.

Keywords: public administration and regulation, tourism and recreation, tourism and recreation, system management, government programs, national projects, investments

УДК 332.146
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-82-87

Важнейшие механизмы управления и инструменты инвестиционной деятельности на территории муниципальных образований*



Орлов С.Л.
Доктор экономических наука, профессор, главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Статья посвящена рассмотрению актуальных задач инвестиционной политики на муниципальном уровне. В приоритетах национальных целей развития [1] и новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации (2024 г.) [2] вопросам совершенствования эффективности управления на всех уровнях территориальной вертикали уделена особая роль. В настоящее время значение органов местного самоуправления отдельными городскими и сельскими поселениями просматривается в принципиально ином разрезе, а многие из них по существу являются базовой основой геостратегических территорий страны и таким образом представляют опорные и наиболее значимые первичные образования для обеспечения национальной безопасности государства [3]. В этой связи особую актуальность приобретает рассмотрение управленческих механизмов и различных инструментов инвестиционной деятельности для осуществления масштабных преобразований в наиболее многообразном пространственном секторе России.

Ключевые слова: *пространственное развитие, мироустройство нового типа, национальные цели развития, муниципальные образования, регулирование инвестиционной деятельности, моногород, национальные проекты и государственные программы, МТК, евразийская транспортно-логистическая система, федеральные автомагистрали*

Для цитирования: *Орлов С.Л. Важнейшие механизмы управления и инструменты инвестиционной деятельности на территории муниципальных образований // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 82–87. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-82-87.*

Проблемы совершенствования инвестиционного климата – управленческие механизмы и источники финансового обеспечения капитальных вложений являются важнейшими составляющими для муниципальных образований различного уровня. Проблема состоит в том, чтобы в систему социально-экономических преобразований, кроме крупных и крупнейших городских агломераций, в настоящее время включались также малые, средние города и сельские поселения России. В силу указанно фактора необходим обоснованный индивидуальный подход и новые механизмы инвестиционной политики на местах. Во многих случаях здесь наиболее характерны процессы восстановления экономики и социальной сферы, поскольку в предыдущие десятилетия монопрофильные образования и практически все малые и средние города были ущемлены в обеспечении источников для решения первостепенных общественных задач. Поэтому здесь важно грамотное ранжирование муниципальных территорий применительно к различного рода способам инвестиционной политики, а затем оценка и предложение наиболее эффективных подходов для долгосрочного развития каждого из

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

рассматриваемых уровней. Наиболее проблемными с точки зрения инвестиций для финансирования капитальных вложений являются муниципальные образования с численностью населения до 50, а во многих случаях и до 100 тыс. жителей.

Учитывая особенность темы, для написания научной статьи использовались законодательные и нормативно-правовые акты, официальные аналитические данные и экспертные оценки результатов развития отдельных муниципальных образований. Следует отметить, что исследование основано на историческом и эмпирическом методах в экономическом анализе, методе абстрагирования и конкретизации применительно к рассматриваемым экономическим ситуациям, а также некоторых методах сравнительного анализа и сравнительных характеристик для оценки конечных результатов территориального социально-экономического развития различного уровня.

На современном этапе пространственного развития и социально-экономических приоритетов поиск наиболее существенных инвестиционных факторов, обеспечивающих построение современной национальной экономической модели, приобретает важнейшее значение. В силу объективных причин особое место занимает учёт геополитической трансформации, современные особенности мировой общественной системы и грамотное определение роли России в построении мироустройства нового типа. В связи с этим важное значение приобретает разработка методологии инвестиционной политики, основу которой должна составлять научно обоснованная триединая вертикаль, связывающая источники капитальных вложений и целевое их расходование на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. При этом важной составляющей развития инвестиционной деятельности является муниципальный уровень, в значительной степени определяющий социальные приоритеты и настроение общества.

Одновременно такой подход соответствует сложившимся принципам административно-территориального деления в России и принятым основам межбюджетного устройства. Идеологическим фундаментом и главной целевой установкой при этом должны стать механизмы реализации национальных целей развития на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Таким образом, необходима координация предлагаемого инструментария для продвижения инвестиционной деятельности с задачами, поставленными в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1], а также с «Единым планом по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», утверждённого Правительством страны [4]. В этих документах в развёрнутом виде определены стратегические задачи социально-экономических приоритетов государства на ближайший двенадцатилетний период и сформулированы пути их реализации. В данном случае инвестиционный ресурс рассматривается в качестве отправного содержательного элемента для решения поставленных целей на всех уровнях управленческой вертикали.

В связи с рассматриваемой тематикой обратимся к двум известным Федеральным законам от 06.06.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправлении в Российской Федерации» (2003 г., ред. от 13.12.2024 г.) [5] и от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (1999 г., ред. от 25.12.2023 г.) (далее – ФЗ № 39-ФЗ) [6]. В соответствии с данными Росстата, в России на 01.01.2024 г. насчитывается 17747 муниципальных образований, в том числе сельских поселений – 13992 (78,8 %) [7], и практически в каждом из них отсутствуют собственные источники долгосрочных инвестиций, что неоднократно отмечалось экспертами и отдельными исследователями [8; 9]. Наличие значительного числа муниципальных образований даёт основания законодателям для чрезмерного разнообразия и множественности их типов, насчитывающих восемь таких пространственных формирований, не считая внутригородских территорий, включаемых в состав городов федерального значения [5, ст. 2]. В этой связи следует признать, что существенные отличия муниципальных образований по всему спектру социально-экономических характеристик, начиная от малых городов с населением до 50 тыс. и вплоть до крупнейших городских агломераций, насчитывающих более 1 млн жителей, в значительной степени не соответствуют формам и методам регулирования инвестиционной деятельности органами местного самоуправления, предусмотренным в соответствующем Федеральном законе № 39-ФЗ [6, ст. 19]. Это обстоятельство на отдельных этапах может затруднить реализацию национальных целей развития [1]. В современных условиях возможности подавляющего числа городов и сельских поселений муниципального уровня не позволяют использовать механизмы управления политикой капитальных вложений, предложенные в указанном выше законодательном акте, по причине крайне сложной ситуации с налоговыми поступлениями в доходную часть местных бюджетов. Это, в частности, отчётливо подмечено О.И. Кондратенко, акцентирующим внимание на исследовании прикладных позиций и выработке предложений на основе анализа опросов значительного числа практикующих респондентов [10]. В этой связи следует признать также заслуживающей внимания позицию об укрупнении муниципальных образований на низовом уровне [9].

Продолжая рассмотрение отдельных точек зрения по вопросам муниципальной политики, следует отметить интересный подход С.В. Макар [11], в котором рассматриваются особенности пространственного развития внутренних территорий ряда государств (КНР, Казахстана, Финляндии и др.). Автор объективно персонифицирует подходы к поиску отдельных методов преобразования национальных пространств. В частности, можно иметь ввиду деятельность Финляндии в планировании периферийных зон сельского типа. Несмотря на принципиальные разногласия между Россией и Финляндией в вопросах разрешения внешнеполитических проблем, накопленный опыт внутреннего развития, подмеченный С.В. Макар, после углублённого изучения может быть использован для ряда территорий Северо-Запада и Арктической зоны страны. Ещё один подход формируется рядом авторов на основании восприятия мезоуровня, т.е. регионального уровня, в качестве определяющего фактора для инновационного развития национальной территории. На этом подходе акцентируют внимание И.Н. Макаров, О.В. Пивоварова и др. [12]. По многим параметрам такое суждение в современных условиях имеет вполне объективную историческую и экономико-географическую основу, способствует комплексному развитию субъектов и решению первостепенных социально-экономических проблем, т.к. инвестиционный потенциал подавляющего большинства муниципальных образований остаётся крайне незначительным и, следовательно, решение об использовании долгосрочных инструментов достаточно сложно реализовать на практике.

Вместе с тем в нынешних условиях на этапе реализации важнейших мобилизационных задач муниципальный уровень становится во многих случаях определяющим, если речь идёт о конкретном исполнении гособоронзаказа на предприятиях, расположенных на территории многочисленных промышленно-технологических муниципалитетов инновационного типа в России, многие из которых по принятой классификации относятся к моногородам [13]. Во многих случаях это способствует решению задач социального развития, по крайней мере в период наращивания выпуска вооружений и военной техники.

Общая характеристика монопрофильных образований выглядит следующим образом. Среди общего количества моногородов – по официальным данным их насчитывается 320 – 195 из них (60,9 %) относятся к территориальным ареалам проживания с численностью населения менее 30 тыс. жителей, в том числе в 13 из них вообще проживают менее чем по 3 тыс. чел. в каждом [14]. На основании данного утверждения можно сделать вывод о том, что действующий порядок распределения налогов не способствует долгосрочному инвестированию в малых городских поселениях, где отмечается незначительное количество занятых в общественном хозяйстве и небольшой размер занимаемой площади. По этой причине поступления в местный бюджет зачастую не могут обеспечить текущие потребности муниципальных территорий, тем более располагать инвестиционными ресурсами для решения долгосрочных задач социально-экономического развития. Такой вывод отмечается в большинстве современных научных публикаций [15-17 и др.], в связи с чем некоторые специалисты, основываясь на приемлемом для России зарубежном опыте, а также учитывая возрастающее значение малых поселений в обеспечении технологического суверенитета, вносят предложение о принятии расширительной трактовки понятия «моногород», предусмотрев термин «монопрофильное поселение» [15].

Следует ещё раз акцентировать внимание на том обстоятельстве, что в последние годы особое значение для многих городов подобного типа значительным подспорьем становится бесперебойное финансирование гособоронзаказа. Подчеркнём, ранее это было менее ощутимым, и осознание подобного разворота окончательно произошло только в последние два-три года. Поэтому в перспективе, по мнению автора, возможно уточнение числа моногородов в Едином перечне опорных населённых пунктов [2], основываясь на сравнительных характеристиках их развития в последние несколько лет после внесения определённых изменений в законодательную и нормативную правовую базу [16].

Отметим также, что в целом ряде исследований авторы акцентируют внимание на теоретико-методологических подходах при рассмотрении особенностей инвестиционной политики на муниципальном уровне [17–20]. Разнообразные направления, представленные в этих интересных научных работах, как правило, определяют функциональное назначение муниципального звена в рамках типологии указанных пространств и предлагают методическое обеспечение инвестиционного процесса зачастую в концептуальной интерпретации. Вместе с тем в современных условиях вопросы, наиболее актуальные для прикладного восприятия инвестиционных задач и поиска инструментов их финансирования органами местного самоуправления, требуют более внимательного изучения научным сообществом. Этот приоритет необходимо рассматривать под углом разнообразного внутреннего взаимодействия региональной власти и муниципалитетов в решении непосредственных задач инвестиционно-строительного комплекса для социально-экономического развития страны и обеспечения национальной безопасности. Насколько возможно, данный акцент был сделан отдельными авторами в ряде исследований прикладного характера, в том числе и в отношении новых регионов России и приграничных

областей, имея ввиду восстановительно-интеграционный приоритет входящих в их состав городских и сельских поселений и последующее комплексное развитие территорий [21; 22]. В этой связи актуальность предложения новых механизмов управления инвестиционной деятельностью и конкретных инструментов для реализации муниципальных долгосрочных проектов имеет особое значение.

В вопросах совершенствования механизмов инвестиционной политики важное значение приобретает построение единой управленческой вертикали – от федерального до муниципального уровня. В данном случае региональный, т.е. мезоуровень, можно определить в качестве связующего, тем более что множественность муниципальных образований [7] не способствует оперативной взаимосвязи и решению возникающих проблем с высшим звеном управления данным процессом. Рассматривая новаторские идеи о совершенствовании управленческого механизма на местном уровне, можно предложить схему более тесного сотрудничества между близлежащими органами исполнительной власти на местах, в том числе имея ввиду опорные населённые пункты, многие из которых расположены в отдалённых местностях или в Арктической зоне страны – агломерация Норильск-Дудинка (Красноярский край), Архангельская агломерация, Кировско-Апатитская агломерация (Мурманская обл.) и др. [23].

Создание прочного каркаса управленческой вертикали необходимо в том числе и потому, что национальные цели развития, фундаментальной основой для обеспечения которых являются национальные проекты, включающие федеральные проекты [24], и, кроме того, государственные программы [25], требуют, по возможности, наиболее эффективного, синхронного и гибкого встраивания муниципального уровня в общероссийскую систему реализации утверждённых заданий. Приоритетными с точки зрения разрешения накопившихся проблем можно считать нацпроекты «Семья», «Инфраструктура для жизни», «Продолжительная и активная жизнь», «Туризм и гостеприимство» и др. По мнению автора, до недавнего времени муниципальный уровень в силу определённых обстоятельств не всегда своевременно включался в указанную национальную систему, что существенно замедляло темпы социально-экономического развития по отдельным направлениям.

Важным механизмом получения дополнительных инвестиций следует считать относительно новые приоритеты, способствующие повышению связанности национального пространства, при котором сердцевиной являются международные транспортные коридоры (МТК), евразийская транспортно-логистическая система и федеральные автомагистрали. Таким образом, в данном случае можно рассматривать своеобразную конфигурацию механизма управления и практического встраивания в общероссийскую систему для получения инвестиционных ресурсов, направляемых на реализацию различного рода социально-экономических задач муниципального уровня и обустройства территории. Особое значение приобретает участие малого и среднего бизнеса в торговой деятельности и возможность предоставления населением муниципалитетов, наиболее выгодно сопряжённых с федеральными трассами, гостиничных, туристско-экскурсионных и иных видов услуг.

В последние годы важными инструментами получения дополнительных инвестиций для муниципального уровня становятся бюджетные кредиты, предоставляемые в соответствии со ст.ст. 93.2 и 93.3 Бюджетного кодекса России [26], а также финансовые поступления по линии институтов развития, в частности, Федеральной корпорации по развитию МСП и др. [27; 28]. При этом особое значение имеет отсутствие задолженности по обязательствам перед государственными организациями и имеющимся ранее финансовым заимствованиям. Указанные средства можно направлять на обеспечение текущих потребностей местных бюджетов, а также на развитие социальной, дорожно-транспортной и иной инфраструктуры, продвижение бизнеса на уровне перспективных и значимых для муниципалитетов долгосрочных территориальных проектов.

Наконец, традиционно сложившимся инструментом инвестирования могут стать отдельные статьи бюджетов органов местного самоуправления, направляемые на реализацию долгосрочных проектов. Здесь наиболее предпочтительным механизмом следует признать мониторинг и действенный контроль за поступлением средств в доходную часть бюджета, а также целесообразность расходования поступивших средств. Однако в силу объективных факторов подобное направление имеет существенные ограничения, связанные главным образом с неудовлетворительной демографической ситуацией на территории подавляющего большинства муниципальных образований.

В настоящей статье представлен краткий обзор исследований в сфере муниципальной политики, некоторые характеристики механизмов управления и инструментов реализации инвестиций на муниципальном уровне, а также предложение об упорядочении терминологии и понятийного аппарата в системе местного самоуправления. В национальном пространстве долгосрочные приоритеты указанных территорий должны рассматриваться через призму формирования и развития всего народного хозяйства страны. Наиболее эффективным механизмом управления и инструментом финансового обеспечения инвестиционного процесса следует считать грамотное «встраивание» в целевые позиции национальных проектов и государственных программ, и, кроме этого, использование возможности полу-

чения преференций от сопряжения муниципальных пространств с международными транспортными коридорами (МТК) и транспортно-логистическими схемами евразийских магистралей. Перспективным механизмом управления может стать также эффективное взаимодействие органов местного самоуправления близлежащих, в том числе опорных населённых пунктов, исходя из особенностей их классификации [2], в целях координации направлений социально-экономического развития на стадии разработки и поиска источников финансирования инвестиционных проектов, имеющих региональное значение. Таким образом формируется возможность достижения важнейших целей и задач в рамках единого строительно-инвестиционного комплекса России. Продолжение исследований по данной проблеме, современное видение которой положено в период трансформации к мирохозяйственному укладу нового типа, должно оказаться не менее интересным и, возможно, ещё более практико-ориентированным.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс.
3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством РФ) // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон от 06.06.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 13.12.2024г.) // СПС КонсультантПлюс.
6. Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (ред. от 25.12.2023 г.) // СПС КонсультантПлюс.
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: https//rosstat.gov.ru/;
8. Хватит ли бюджетных инвестиций для развития муниципальных образований? URL: https://uiec.ru/ (дата обращения: 03.02.2025).
9. Буйкин А.Ю. Вопросы укрупнения муниципальных образований и ликвидации муниципального управления на муниципальном уровне // Вестник ММА. 2019. № 1. С. 56–65.
10. Кондратенко О.И. Актуальные проблемы развития инвестиционной привлекательности российских муниципальных образований // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 3. С. 59–67.
11. Макар С.В. Долгосрочные акценты пространственного развития отдельных стран: к исследованию взаимосвязей компонент // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6(181). С. 480–482.
12. Макаров И.Н., Пивоварова О.В., Дробот Е.В., Селищев О.В., Юшков М.А. Роль инновационной инфраструктуры в обеспечении пространственной политики России в условиях мобилизационной экономики // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 4. С. 2075–2084.
13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 г. № 1398-р «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований (моногородов) (ред. от 21.01.2020 г.) // СПС КонсультантПлюс.
14. Петров А.М. Приоритетные направления развития моногородов // Экономические науки. 2024. № 1. С. 131–136.
15. Малашенко Е.А., Мекуш Г.Е. Понятие «моногород»: российский и зарубежный взгляд // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия География. Геология. 2020. Т. 6(72). № 3. С. 125–134.
16. Орлов С.Л. Роль моногородов в экономическом пространстве России // Проблемы современной экономики. 2023. № 3. С. 154–156.
17. Шишкина Л.А., Волкова А.Г., Сагов Ч.А. Инструментарий привлечения инвестиций в социально-экономическое развитие муниципальных образований субъектов Российской Федерации // Регион: системы, экономика, управление. 2023. № 2(61). С. 71–76.
18. Лопаева В.А. Инвестиционное развитие муниципальных образований (интеграция институциональных и методологических подходов) // XII Межд. конф. «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург: Изд-во «УМЦ УПИ», 2018. С. 617–627.
19. Губанова Е.С., Москвина О.С. Методические основы оценки инвестиционного потенциала муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2020. № 1(105). С. 37–51.

20. Тонышева Л.Л., Кузнецова Н.Л., Аверина Е.В. Инвестиционное развитие муниципальных образований с учётом их типологии: концептуально-методический аспект // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 7. С. 2063–2078.
21. Орлов С.Л., Строев П.В. О некоторых особенностях вхождения в национальное пространство России и об экономическом потенциале новых территориальных образований // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 4. С. 39–43.
22. Пивоварова О.В., Орлов С.Л. Восстановительный процесс как основа интеграции и поступательного развития новых регионов России // Вестник института экономических исследований. 2024. № 2. С. 32–42.
23. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.11.2023 г. № 3377 «Об утверждении перечня опорных населённых пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны Российской Федерации» (ред. от 13.08.2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.
24. Новые нацпроекты и бюджет: сколько направят на инфраструктуру в ближайшие три года? URL: https://sherpagroup.ru/analytics/….16384161/- (дата обращения: 02.12.2024).
25. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.11.2010 г. № 1950-р «Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации» (ред.от11.09.2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.
26. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024г.) // СПС КонсультантПлюс.
27. Официальный веб-сайт АО «Федеральная корпорация малого и среднего предпринимательства». URL: https//corpmsp.ru/.
28. Официальный веб-сайт «Фабрика проектного финансирования» ВЭБ.РФ. URL: https//вэб.рф/

The Most Important Management Mechanisms and Instruments of Investment Activity in the Territory of Municipalities

Orlov S.L.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

This article is devoted to the consideration of the actual tasks of investment policy at the municipal level. In the priorities of the national development goals [1] and the new Spatial Development Strategy of the Russian Federation (2024) [2], a special role is given to improving the effectiveness of management at all levels of the territorial vertical. Currently, the importance of local self-government bodies in individual urban and rural settlements is viewed in a fundamentally different context, and many of them are essentially the basic basis of the geostrategic territories of the country and thus represent the mainstay and most significant primary formations for ensuring the national security of the state [3]. In this regard, it is particularly relevant to consider management mechanisms and various investment tools for implementing large-scale transformations in the most diverse spatial sector of Russia.

Keywords: spatial development, a new type of world order, national development goals, municipalities, regulation of investment activity, single-industry towns, national projects and government programs, MTC, Eurasian transport and logistics system, federal highways

УДК 323.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-88-97

Цифровая трансформация предоставления муниципальных услуг населению



Паникарова С.В.
Доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры региональной экономики,
инновационного предпринимательства и безопасности
Уральского федерального университета имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)



Ал-Зуваини Саиф Сахиб Муса
Соискатель кафедры региональной экономики,
инновационного предпринимательства и безопасности
Уральского федерального университета имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

В статье рассматривается актуальная проблема цифровой трансформации системы предоставления муниципальных услуг населению в контексте глобальных процессов цифровизации системы публичного управления. Целью исследования является комплексный анализ международного опыта цифровой трансформации муниципальных услуг и выработка рекомендаций по его адаптации с учетом различных социально-экономических условий. На основе сравнительного анализа практик цифровизации муниципальных услуг в различных странах мира выявлены ключевые тенденции и закономерности развития электронного муниципального управления. Особое внимание уделяется опыту Великобритании, Эстонии, Сингапура, России и Ирака, находящихся на различных стадиях развития цифровых экосистем предоставления государственных и муниципальных услуг.

В ходе исследования установлено, что успешная цифровая трансформация муниципальных услуг базируется на следующих основополагающих элементах: единая технологическая платформа, интегрированные базы данных, развитая система идентификации и аутентификации пользователей, стандартизированные интерфейсы и протоколы взаимодействия. Выявлено, что ключевыми факторами успеха являются: политическая воля руководства, достаточное финансирование, развитая цифровая инфраструктура и цифровая грамотность населения.

На основании проведенного исследования сформулированы следующие рекомендации по оптимизации процессов цифровой трансформации муниципальных услуг: необходимость разработки комплексной стратегии цифровизации с четкими целевыми показателями; внедрение принципа «цифровой по умолчанию» при проектировании новых услуг; обеспечение информационной безопасности и защиты персональных данных; развитие системы межведомственного электронного взаимодействия; повышение цифровой грамотности как населения, так и муниципальных служащих.

Статья вносит вклад в развитие теоретических представлений о процессах цифровой трансформации публичного управления и дополняет существующую научную базу практическими ре-

комендациями по повышению эффективности предоставления муниципальных услуг в цифровом формате.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, муниципальные услуги, электронное правительство, цифровизация управления, умный город, государственные платформы*

Для цитирования: *Паникарова С.В., Ал-Зуваини Саиф С.М. Цифровая трансформация предоставления муниципальных услуг населению // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 88–97. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-88-97.*

Актуальность исследования цифровой трансформации предоставления муниципальных услуг обусловлена стремительным развитием информационных технологий и растущими потребностями граждан в получении качественных и доступных государственных сервисов. Стремительное проникновение информационных технологий во все сферы жизни формирует новые стандарты и ожидания граждан относительно качества, скорости и доступности государственных и муниципальных сервисов. Традиционные модели предоставления муниципальных услуг, основанные на личном присутствии граждан и бумажном документообороте, не соответствуют современным требованиям эффективности и создают избыточную административную нагрузку как на получателей услуг, так и на муниципальные органы власти.

Особую значимость приобретает изучение процессов цифровой трансформации муниципальных услуг в контексте реализации национальных программ цифровизации и построения информационного общества. Муниципальный уровень, являясь наиболее приближенным к повседневным потребностям граждан, требует первоочередного внимания при внедрении цифровых инноваций в сферу публичного управления. При этом разрозненность существующих цифровых решений, недостаточная интеграция информационных систем различных ведомств и неравномерное развитие цифровой инфраструктуры в различных регионах создают существенные препятствия для формирования единого цифрового пространства муниципальных услуг.

Теоретическую базу исследования составляют работы как отечественных, так и зарубежных авторов. На современном этапе наблюдается тенденция формирования концепции «информационного общества», что непосредственно отражено в работах Д. Белла [1], Э. Тоффлера [2], Ж. Фурастье [3] и других исследователей. Концептуальные основы цифровой трансформации государственного управления рассмотрены в трудах М. Кастельса [4], Д. Тапскотта [5], Э. Бриньолфссона [6]. Вопросы электронного правительства и цифровых государственных услуг подробно изучены в трудах таких исследователей, как К. Худ [7], И.С. Калганов [8], М.Б. Поляков [9], М.С. Шклярук [10], В.Н. Южаков [11]. Проблемами цифровизации сферы оказания муниципальных услуг занимались А.М. Волкова [12], А.Р. Заляев [13], А.Е. Лапин [14], Н.В. Усова [15] и др. Технологические аспекты внедрения цифровых платформ в государственном и муниципальном управлении раскрыты в публикациях Дж. М. Эгера [16], М. Двинского [17], А.В. Чугунова [18]. В то же время анализ научной литературы демонстрирует недостаточную изученность международного опыта цифровой трансформации муниципальных услуг и отсутствие системных рекомендаций по его адаптации.

Таким образом, целью исследования является разработка научно-практических рекомендаций по совершенствованию процессов цифровой трансформации предоставления муниципальных услуг на основе анализа международного опыта. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- проанализировать теоретико-методологические основы цифровой трансформации муниципальных услуг;
- исследовать международный опыт цифровизации муниципальных сервисов в развитых и развивающихся странах;
- выявить ключевые факторы успеха и барьеры цифровой трансформации муниципальных услуг;
- определить основные модели организации цифровых муниципальных сервисов;
- разработать рекомендации по оптимизации процессов цифровой трансформации муниципальных услуг с учетом международного опыта.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что эффективность цифровой трансформации муниципальных услуг определяется не только технологическими факторами, но и институциональными условиями, включая нормативно-правовое регулирование, организационную культуру и цифровые компетенции участников процесса.

Методологическая база исследования построена на комплексном применении как общенаучных, так и специальных методов, что обеспечивает всесторонний анализ процессов цифровой трансформации муниципальных услуг. В частности, в работе применяется метод системного анализа для изучения цифровой трансформации муниципальных услуг как целостной системы, включающей взаимосвязанные элементы: технологическую инфраструктуру, нормативно-правовую базу, организационные структуры и человеческий капитал. Данный метод

позволяет выявить системные связи между различными аспектами цифровизации и их влияние на эффективность предоставления услуг.

Для сопоставления различных моделей цифровой трансформации муниципальных услуг в разных странах используется метод сравнительного анализа по признаку качества нормативно-правового, институционального, кадрового, технического и информационно-методического обеспечения данной системы. Метод кейс-стади применяется для детального изучения успешных практик цифровой трансформации муниципальных услуг.

Процессный подход применяется для анализа этапов цифровой трансформации муниципального управления, а системный подход позволяет исследовать цифровую трансформацию муниципальных услуг как комплексную систему, включающую в себя нормативное регулирование, технологическую составляющую, организационные аспекты, человеческий капитал и инфраструктурные элементы. Эмпирическую базу исследования составляют данные международных организаций, национальная статистика, отчеты консалтинговых компаний и материалы экспертных исследований в области цифровой трансформации государственного управления.

Теоретико-методологические основы цифровой трансформации муниципальных услуг формируются на пересечении нескольких научных концепций и подходов, что обусловливает междисциплинарный характер исследуемой проблематики.

Концептуальной базой исследования выступают теория общественных благ (П. Самуэльсон), различные теории местного самоуправления (К.-Ф. Гербер, О. Весслер, Л. Штейн), теория управления качеством услуг (Ф. Тейлор, Г. Форд, В. Шухарт, Э. Деминг). В соответствии с концепцией цифровой трансформации, предложенной М. Кастельсом [4] и развитой в работах Д. Тапскотта [5], такая трансформация представляет собой не просто автоматизацию существующих процессов, а фундаментальное переосмысление способов организации деятельности с использованием цифровых технологий. В контексте муниципальных услуг это означает переход от простой информатизации к созданию интегрированных цифровых экосистем, обеспечивающих проактивное предоставление услуг на основе данных.

Институциональная теория, представленная в работах Д. Норта [19], позволяет рассматривать цифровую трансформацию муниципальных услуг как процесс институциональных изменений, включающий формирование нормативно-правовой базы, создание организационных структур, развитие цифровой культуры, установление новых правил взаимодействия и трансформацию существующих институтов.

Стратегический подход к модернизации государственного управления в условиях цифровизации отражает концепция «Электронного правительства», которая сформировалась как междисциплинарное направление, объединяющее исследования в области государственного управления, информационных технологий, социологии и права. Целями «Электронного правительства» являются повышение доступности государственных и муниципальных услуг, уменьшение бюрократической нагрузки, обеспечение прозрачности деятельности публичных органов, укрепление доверия граждан к государству, сокращение издержек и повышение эффективности управления [9].

Теоретическую рамку исследования дополняет концепция «Умного города», развиваемая такими исследователями, как Р. Холландс [20], Дж.М. Эгер [16], М. Двинский [17] и др. В контексте муниципальных услуг данная концепция предполагает интеграцию цифровых сервисов в городскую среду, использование данных для улучшения качества услуг, вовлечение граждан в процессы управления, создание единой цифровой инфраструктуры, развитие инновационных сервисов для населения и бизнеса.

Методологическими основами исследования цифровой трансформации предоставления муниципальных услуг населения являются процессный и системный подходы. В рамках процессного подхода цифровая трансформация муниципальных услуг может рассматриваться как процесс перехода от традиционных методов их предоставления к цифровым форматам, основанным на применении информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [15]. Этот процесс охватывает несколько этапов, каждый из которых характеризуется внедрением новых технологий, повышением эффективности управления и изменением подходов к взаимодействию с гражданами (рис. 1).



Рис. 1. Этапы цифровой трансформации муниципальных услуг

Этапы цифровой трансформации муниципальных услуг характеризуются универсальностью и общностью структуры, однако их реализация в отдельных странах осуществляется в различные временные периоды, что обусловлено несоответствием в уровне технологического развития, социально-экономических условиях и управленческих приоритетах.

Системный подход к исследованию цифровизации муниципальных услуг позволяет выделить в ее структуре следующие неотъемлемые компоненты (рис. 2).

Нормативно-правовое обеспечение цифровизации муниципальных услуг представляет собой систему законодательных актов, регламентов и стандартов, определяющих правила предоставления цифровых муниципальных услуг и регулирующих вопросы информационной безопасности и защиты персональных данных. Технологическое обеспечение – это комплекс аппаратно-программных средств, телекоммуникационной инфраструктуры и центров обработки данных, обеспечивающих функционирование цифровых сервисов и платформенных решений, используемых в сфере муниципального управления.

Организационное обеспечение цифровизации охватывает структуры управления, бизнес-процессы и административные регламенты, обеспечивающие эффективное функционирование системы предоставления цифровых муниципальных услуг и координацию взаимодействия всех участников. Кадровое обеспечение включает в себя систему подготовки и повышения квалификации муниципальных служащих в области цифровых технологий, а также механизмы развития цифровых компетенций населения как конечных пользователей электронных услуг.

Информационно-аналитическое обеспечение цифровизации муниципальных услуг представляет собой комплекс инструментов сбора, обработки и анализа данных, обеспечивающих принятие управленческих решений и оптимизацию процессов предоставления муниципальных услуг в цифровом формате. Финансово-экономическое обеспечение включает механизмы финансирования цифровой трансформации, модели монетизации электронных услуг и систему оценки экономической эффективности внедряемых цифровых решений.

Анализ научной литературы [12; 21] позволяет выделить несколько базовых моделей цифровой трансформации муниципальных услуг, каждая из которых обладает специфическими характеристиками и условиями применения (рис. 3).

На основе теоретико-методологического анализа можно предложить следующие критерии эффективности цифровой трансформации муниципальных услуг: технологическая зрелость, доступность и инклюзивность, скорость предоставления услуг, уровень удовлетворенности пользователей, информационная безопасность и экономическая эффективность.

В рамках эмпирической части исследования осуществлен анализ опыта цифровой трансформации предоставления муниципальных услуг населению в пяти странах – Великобритании, Эстонии, Сингапуре, России и Ираке.

Великобритания демонстрирует один из наиболее успешных интегрированных подходов к цифровой трансформации муниципального управления, основанный на принципе «*Digital by Default*» (цифровой по умолчанию). Центральным элементом британской модели является платформа *GOV.UK* [22], обеспечивающая единую точку доступа к государственным и муниципальным услугам. Ключевыми особенностями британского опыта являются:

• стандартизация дизайна и пользовательского опыта через *Government Digital Service* (*GDS*);

• развитая система межведомственного электронного взаимодействия

• активное использование облачных технологий (*G-Cloud*);

• политика открытых данных на муниципальном уровне;

• система цифровой идентификации *GOV.UK Verify*.

Особого внимания заслуживает опыт Лондона, где реализована концепция *Smart London*, включающая инновационные решения в области муниципального управления, такие как платформа *London*



Рис. 2. Система цифровизации муниципальных услуг



Рис. 3. Модели цифровой трансформации муниципальных услуг

Datastore для работы с городскими данными и система *Talk London* для вовлечения граждан в процессы принятия решений [23].

Таким образом, в Великобритании реализована смешанная модель цифровизации муниципальных услуг: все государственные и муниципальные услуги интегрированы в единую систему, управляемую *Government Digital Service*, при этом вовлечение граждан в процессы принятия решений реализуется через муниципальные электронные системы.

Эстония создала уникальную модель цифрового государства, основанную на принципах электронного резидентства и безбумажного управления. Страна демонстрирует эффективный подход к цифровизации муниципальных услуг в условиях ограниченных ресурсов. Ключевые элементы эстонской модели:

• система электронного резидентства (*e-Residency*);

• платформа *X-Road* для межведомственного взаимодействия;

• цифровая идентификация через *ID*-карту;

• система электронного голосования на муниципальном уровне;

• блокчейн-технологии в сфере публичного управлении [24].

Таким образом, в Эстонии реализована децентрализованная модель цифровой трансформации муниципального управления с элементами централизации. Основой эстонской цифровой системы служит платформа *X-Road*, которая позволяет различным ведомствам и муниципалитетам создавать собственные сервисы, при этом обеспечивая их взаимную интеграцию через единую систему обмена данными – это обеспечивает высокую гибкость в муниципальном управлении при сохранении единых стандартов безопасности.

Сингапур является признанным лидером в области экосистемной цифровой трансформации государственного и муниципального управления. Страна реализует стратегию «*Smart Nation*», в рамках которой создана высокоинтегрированная цифровая экосистема муниципальных услуг. Основными достижения сингапурской модели цифровизации являются:

• единая платформа *LifeSG* для доступа ко всем государственным и муниципальным сервисам [25];

• развитая инфраструктура датчиков и *IoT* для управления городской средой;

• использование искусственного интеллекта в муниципальном управлении;

• интеграция финансовых сервисов с государственными и муниципальными услугами.

Таким образом, Сингапур реализует централизованную модель цифровизации муниципальных услуг через портал *LifeSG*, при этом правительство страны строго контролирует процесс их оказания, обеспечивая единый высокий стандарт предоставления услуг и интеграцию всех сервисов в единую экосистему.

Россия реализует масштабную программу цифровой трансформации государственного и муниципального управления, основанную на создании единой цифровой платформы. Основными инструментами российской модели являются:

• единый портал государственных и муниципальных услуг («Госуслуги») [26];

• система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ);

• Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА);

• суперсервисы для комплексного решения жизненных ситуаций;

• региональные порталы государственных и муниципальных услуг.

Особенно показателен опыт Москвы, где реализована комплексная цифровая экосистема, включающая в себя портал mos.ru [27] как единую точку доступа к городским услугам, платформу «Активный гражданин» для вовлечения жителей, систему электронных референдумов «Электронный дом», единую медицинскую информационно-аналитическую систему (ЕМИАС), а также комплексную систему видеонаблюдения с элементами искусственного интеллекта.

Таким образом, в Российской Федерации реализуется смешанная модель цифровой трансформации государственных и муниципальных услуг, характеризующаяся сочетанием централизованных и децентрализованных элементов в архитектуре цифрового правительства. Данная модель базируется на функционировании Единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) как центрального интеграционного элемента при одновременном сохранении определенной степени автономности субъектов Российской Федерации в развитии региональных цифровых платформ. Подобная гибридная архитектура обусловлена федеративным устройством государства и необходимостью учета региональной специфики при цифровизации сервисов. Региональные порталы государственных и муниципальных услуг интегрируются с федеральной инфраструктурой посредством системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), что обеспечивает единство цифрового пространства при сохранении возможности адаптации сервисов под локальные потребности и особенности.

В российской модели цифровой трансформации муниципальных услуг наблюдается ряд существенных недостатков, включающих недостаточную интеграцию ведомственных информационных систем, сохраняющийся высокий уровень бюрократизации при переводе услуг в электронный формат, значительное цифровое неравенство между регионами и муниципалитетами, неполную синхронизацию данных между различными уровнями власти, частичное дублирование функций государственных информа-

ционных систем, а также недостаточный уровень цифровых компетенций как среди муниципальных служащих, так и среди населения, особенно в небольших населенных пунктах и сельской местности.

Анализ текущего состояния цифровизации муниципальных услуг в ***Ираке*** свидетельствует о наличии значительного потенциала для развития в данной сфере, что подтверждается реализацией ряда пилотных проектов в крупных городах страны. Особого внимания заслуживает опыт внедрения электронных систем документооборота и создания многофункциональных центров предоставления государственных услуг в Багдаде и других административных центрах, демонстрирующий возможности постепенной цифровой трансформации даже в условиях ограниченных ресурсов и сложной социально-экономической ситуации. В то же время имплементация цифровых решений в систему муниципального управления осложняется неравномерным развитием телекоммуникационной инфраструктуры и существенной дифференциацией уровня цифровой грамотности населения в различных регионах страны. Перспективы дальнейшего развития цифровой трансформации муниципальных услуг в Ираке во многом определяются способностью преодоления существующих барьеров и эффективного использования имеющихся ресурсов.

Развитие цифровых муниципальных услуг находится в тесной взаимозависимости с уровнем цифровой грамотности населения, формируя своеобразный циклический процесс взаимного влияния. С одной стороны, высокий уровень цифровой грамотности граждан стимулирует органы местного самоуправления к созданию более совершенных и технологически сложных цифровых сервисов, поскольку пользователи способны эффективно взаимодействовать с ними и формировать запрос на новый функционал. С другой стороны, само наличие развитой цифровой инфраструктуры муниципальных услуг побуждает граждан повышать свои цифровые компетенции для получения доступа к более удобным и быстрым способам решения повседневных задач. Более того, хорошо спроектированные цифровые муниципальные сервисы часто выступают в роли образовательной платформы, где пользователи естественным образом осваивают новые цифровые навыки в процессе решения практических задач, что способствует общему повышению цифровой грамотности населения.

Анализ результатов *Digital Progress and Trends Report*, представленный Всемирным банком в 2023 г. [23], позволяет сделать вывод, что цифровая грамотность населения в Великобритании достигает 70–80 %, в Эстонии и Сингапуре – около 90 %, в России – 60–70 %, тогда как в Ираке – всего 30–40 %, что существенно усложняет цифровую трансформацию муниципальных услуг.

Уровень доверия населения к публичным институтам также оказывает серьезное влияние на эффективность цифровой трансформации государственных и муниципальных услуг. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) регулярно проводит оценку данного показателя в разных странах [28], на основании которых можно сделать вывод, что в Эстонии и Сингапуре наблюдается достаточно высокий уровень доверия к власти, в Великобритании – средний уровень, в России – ниже среднего, в Ираке данный показатель не определялся.

Различные международные организации также формируют рейтинги стран по уровню цифровизации государственных и муниципальных услуг. Так, ООН раз в два года публикует рейтинг *E-Government Development Index* (*EGDI*), в рамках которого оценивается развитие «Электронного правительства» по трем направлениям: онлайн-сервисы, телекоммуникационная инфраструктура и человеческий капитал [29]. В рейтинге стран мира по Индексу развития электронного правительства за 2024 г. Эстония занимает 2 место, Сингапур – 3 место, Великобритания – 7 место, Россия – 43 место, а Ирак – 148 место.

Внедрение цифровых муниципальных сервисов неизбежно расширяет поверхность потенциальных кибератак, что требует комплексного подхода к обеспечению информационной безопасности, включающего как технические меры защиты (криптографическую защиту, многофакторную аутентификацию, системы обнаружения вторжений), так и организационные мероприятия (регулярные аудиты безопасности, обучение персонала, разработку политик и регламентов). Более того, уровень доверия граждан к цифровым муниципальным услугам напрямую зависит от их уверенности в защищенности персональных данных и надежности цифровых транзакций, что делает инвестиции в кибербезопасность не только технической необходимостью, но и важным фактором обеспечения социального принятия цифровой трансформации муниципального управления.

Эксперты Международного союза электросвязи ООН регулярно составляют рейтинг стран по уровню информационной безопасности *Global Cybersecurity Index* [30]. В соответствии с результатами данного исследования за 2024 г. Великобритания, Эстония и Сингапур относятся к группе с высоким уровнем кибербезопасности (уровень 1 – ролевое моделирование, оценка 95–100), Российская Федерация вошла во вторую группу (уровень 2 – прогресс, оценка 85–95), Ирак же относится к четвертой группе (уровень 4 – развивающийся, оценка 20–55). Низкие показатели Ирака в данном индексе обусловлены недостаточным развитием технической инфраструктуры кибербезопасности, отсутствием комплексной национальной стратегии

в области информационной безопасности и слабыми возможностями по противодействию киберугрозам.

По результатам проведенного исследования можно составить следующую систематическую таблицу модели цифровой трансформации в рассмотренных государствах (табл. 1).

Комплексное исследование различных подходов к цифровой трансформации муниципальных услуг позволяет сделать вывод, что для Ирака оптимальным решением представляется внедрение смешанной модели цифровизации, сочетающей централизованный и децентрализованный подходы. Данный выбор обусловлен необходимостью обе-

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей цифровой трансформации в различных государствах

Параметры	**Великобритания**	**Эстония**	**Сингапур**	**Россия**	**Ирак**
Тип модели	Смешанная	Децентрализованная	Централизованная	Смешанная	
Стратегический подход	Глобальная цифровизация через платформу *Gov.uk*	Концепция «Цифрового государства»	*Smart Nation* («Умная нация»)	Национальный проект «Цифровая экономика»	Начальный этап цифровизации, разработка стратегий
Ключевая платформа	Единый портал *Gov.uk*	*X-Road*	*SingPass и MyInfo*	Госуслуги (*Gosuslugi.ru*)	Портал *e-Government* (поддерживается международными партнёрами)
Доступность муниципальных услуг	Высокая: услуги доступны через единый портал	Максимальная: большинство услуг автоматизировано	Высокая: доступ через мобильные приложения	Развивающаяся: увеличивается спектр доступных услуг	Ограниченная: большинство услуг остаётся в офлайне
Электронная идентификация	*GOV.UK Verify*	*ID*-карта *e-Residency*	*SingPass* (единая система входа)	ЕСИА (Единая система идентификации и аутентификации)	Система электронных *ID* на стадии внедрения
Проактивное предоставление услуг	Ограниченное (например, напоминания о налогах)	Высокое: автоматическая регистрация и уведомления	Очень высокое: искусст-венный интеллект в системе	Начальный этап: автоматизация расчета льгот	Отсутствует: услуги предоставляются только по запросу
Цифровая грамотность населения по оценке Всемирного банка	70–80 %: высокий уровень	85–90 %: почти полное вовлечение	90 %: широкое использование технологий	60–70 %: постепенно растёт	30–40 %: низкий уровень, ограниченный доступ к интернету
Прозрачность услуг	Высокая: доступ к информации о процессах	Очень высокая: прозрачность через *X-Road*	Высокая: все этапы отслеживаются гражданами	Средняя: усилия по увеличению прозрачности	Низкая: ограниченный контроль и слабая интеграция
Технологические инновации	Использование ИИ для улучшения интерфейсов	Блокчейн, искусственный интеллект	Искусственный интеллект, большие данные	Интеграция ИИ, развитие суперсервисов	Начальный этап: базовые цифровые системы
Уровень доверия граждан к публичным институтам по оценке ОЭСР	Средний (65–70 %): скандалы с утечками данных	Высокий (75–80 %)	Высокий (75–80 %)	Ниже среднего (40–45 %): барьер – недостаточная прозрачность	Предположительно низкий или средний уровень
Место в рейтинге стран мира по Индексу развития электронного правительства за 2024 г.	7 место	2 место	3 место	43 место	148 место
Уровень в рейтинге кибербезопасности за 2024 г.	1 уровень	1 уровень	1 уровень	2 уровень	4 уровень
Ключевые вызовы	Устаревание технологий, вопросы конфиденциальности	Киберугрозы, поддержка *X-Road*	Управление большими данными, цифровое неравенство	Доработка интеграции региональных систем	Политическая нестабильность, слабое финансирование

спечить единые стандарты предоставления базовых государственных услуг при одновременном учете региональной специфики и особенностей местного самоуправления в различных провинциях страны.

Централизованный компонент в виде единого национального портала государственных и муниципальных услуг позволит реализовать ключевые преимущества цифровой трансформации: унифицированную систему идентификации и аутентификации граждан, стандартизированные процессы оказания наиболее востребованных услуг, единую систему межведомственного электронного взаимодействия. Такой подход обеспечит равный доступ граждан к базовым сервисам независимо от их местонахождения и создаст основу для формирования цифрового доверия к публичным институтам.

При этом сохранение определенной автономии на муниципальном уровне через развитие локальных цифровых инструментов позволит учесть специфические потребности различных территорий Ирака. Муниципалитеты смогут разрабатывать и внедрять дополнительные цифровые сервисы, отражающие местные особенности и приоритеты развития, интегрируя их с центральной платформой через стандартизированные протоколы обмена данными. Такая гибкость особенно важна в условиях существенных различий в уровне социально-экономического развития и цифровой готовности различных регионов страны.

Существенным преимуществом смешанной модели является возможность поэтапного внедрения цифровых решений: базовые сервисы могут быть запущены на центральном уровне, в то время как муниципальные платформы будут развиваться в соответствии с локальными возможностями и потребностями. Это обеспечит устойчивость процесса цифровой трансформации и позволит эффективно распределить ресурсы между национальным и местным уровнями управления.

Исследование международного опыта позволяет выделить ключевые факторы успешной цифровой трансформации муниципального управления: наличие четкой стратегии и политической воли к изменениям, развитая цифровая инфраструктура, единая система цифровой идентификации, стандартизация публичных информационных систем, ориентация на потребности пользователей, обеспечение информационной безопасности, развитие цифровых компетенций муниципальных служащих и населения.

Итак, в ходе исследования была разработана системная и структурная модель трансформации предоставления муниципальных услуг населению. Этапы цифровой трансформации муниципальных услуг представляют собой универсальную последовательность, характерную для всех государств, однако их практическая реализация осуществляется в различное время, что обусловлено спецификой институциональной среды, уровнем технологической готовности и социально-экономическими предпосылками.

Анализ международного опыта цифровой трансформации муниципальных услуг позволил выявить ключевые факторы успеха, среди которых особую значимость приобретают развитие технологической инфраструктуры, формирование соответствующих компетенций у муниципальных служащих и населения, а также создание эффективной системы межведомственного взаимодействия. При этом исследование показало, что эффективность цифровой трансформации в значительной степени определяется способностью учитывать локальную специфику и адаптировать международные практики к конкретным условиям.

Особого внимания заслуживают результаты анализа барьеров цифровой трансформации муниципальных услуг, которые демонстрируют комплексный характер существующих препятствий и необходимость системного подхода к их преодолению. Выявленные институциональные, технологические и социально-экономические барьеры требуют разработки дифференцированных стратегий их преодоления с учетом специфики конкретных территорий.

Исследование специфики цифровой трансформации муниципальных услуг в Ираке позволило определить уникальные характеристики данного процесса в условиях постконфликтного развития. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости особого внимания к вопросам развития базовой инфраструктуры и повышения цифровой грамотности населения как фундаментальных условий успешной цифровизации муниципальных услуг.

Проведенное теоретическое и прикладное исследование процессов цифровой трансформации муниципальных услуг позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Цифровая трансформация муниципальных услуг представляет собой комплексный процесс институциональных, организационных и технологических преобразований, направленных на повышение эффективности и доступности муниципальных услуг посредством внедрения цифровых технологий. Данный процесс характеризуется системным характером изменений и затрагивает все аспекты взаимодействия между муниципальными органами власти и населением.

2. Анализ этапов цифровой трансформации позволил выделить последовательность преобразований: от цифровизации отдельных процессов и создания базовой инфраструктуры к формированию интегрированных цифровых платформ и далее к развитию проактивных, персонализированных сервисов на основе искусственного интеллекта и предиктивной аналитики. При этом каждый этап

характеризуется специфическими задачами и требованиями к ресурсному обеспечению. Структурный анализ цифровой трансформации выявил ключевые компоненты данного процесса, включающие нормативно-правовое, технологическое, организационное, кадровое, информационно-аналитическое и финансово-экономическое обеспечение. Установлена взаимозависимость данных компонентов и необходимость их сбалансированного развития для достижения эффективных результатов цифровизации.

3. Сравнительный анализ международного опыта демонстрирует различные подходы к реализации цифровой трансформации. Великобритания достигла значительных успехов в создании единой платформы государственных услуг и развитии проактивных сервисов. Эстония демонстрирует эффективность комплексного подхода к цифровизации с акцентом на развитие цифровой идентификации и межведомственного взаимодействия. Опыт Сингапура показывает преимущества интегрированного подхода к развитию «умного города» и цифровых сервисов. Российская модель характеризуется постепенным развитием единой системы предоставления государственных и муниципальных услуг с сохранением определенных межведомственных барьеров. Опыт Ирака демонстрирует специфику цифровой трансформации в условиях постконфликтного развития и необходимость первоочередного внимания к развитию базовой инфраструктуры.

4. Основные направления дальнейшего развития цифровой трансформации муниципальных услуг включают:

• развитие интегрированных платформенных решений с применением технологий искусственного интеллекта;

• совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия и обмена данными;

• повышение уровня цифровых компетенций муниципальных служащих и населения;

• внедрение проактивного подхода к предоставлению услуг на основе анализа жизненных ситуаций;

• развитие систем информационной безопасности и защиты персональных данных;

• формирование экосистемного подхода к организации муниципальных сервисов с вовлечением различных заинтересованных сторон.

Полученные результаты исследования могут служить основой для разработки стратегий цифровой трансформации муниципальных услуг и совершенствования механизмов их реализации с учетом специфики конкретных территорий и имеющихся ресурсных ограничений.

Литература:

1. Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, Inc., 1973. 540 p.
2. Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др. М.: АСТ, 2009. 795 с.
3. Фурастье Ж. Технический прогресс и капитализм с 1700 по 2100 год // Какое будущее ожидает человечество? Прага: «Мир и социализм», 1964. С. 157–159.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Высшая Школа Экономики, 2000. 606 с.
5. Tapscott D. The Digital Economy: Anniversary Edition. New York: McGraw-Hill, 2014. 342 p.
6. Brynjolfsson E., Saunders A. Wired for Innovation. How Information technology in reshaping the economy. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 2010. 154 p.
7. Hood Ch. A Public Management for all Seasons? // Public Administration. 1991. № 69 (1). P. 3–19.
8. Калганов И.С. Цифровые услуги как фактор повышения качества государственного управления: дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2024. 202 с.
9. Поляков М.Б. Электронное правительство. Казань: Бук, 2024. 184 с.
10. Государство как платформа: Люди и технологии / Под ред. М.С. Шклярук. М.: РАНХиГС, 2019. 111 с.
11. Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Старостина А.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 33–73.
12. Волкова А.М., Потапов А.Д. Цифровая трансформация системы муниципального управления в России: выбор модели институционального дизайна политики // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2 (64). С. 80–91.
13. Заляев А.Р. Актуальные проблемы развития системы государственных и муниципальных услуг в электронном виде в регионах Российской Федерации // Вести научных достижений. 2019. № 3. С. 27–34.
14. Организация предоставления государственных и муниципальных услуг: от электронного правительства к цифровому: монография / Под общей редакцией доктора экономических наук, профессора А.Е. Лапина. Ульяновск: УлГУ, 2020. 191 с.
15. Усова Н.В., Логинов М.П. К оценке цифровой зрелости управления муниципалитетом // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 2 (39). С. 41–52.
16. Eger J.M., Maggipinto A. Technology as a tool of transformation: E-Cities and the rule of law // Information Systems: People, Organizations, Institutions, and Technologies / Ed. by A. D'Atri, D. SaccL. Berlin. Heidelberg: Physica-Verlag, 2010. P. 23–30.

17. Dvinsky M., Drobyshev I., Nepomnyaschaya N., Pavluchenko T. Smart City. «Smart» Infrastructure, Networks and Communications // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. № 12. P. 1869–1875.
18. Чугунов А.В. Внедрение технологий и методов «электронного управления» в Российской Федерации: организационно-правовые проблемы и барьеры развития // Право на доступ к информации: возможности и ограничения в электронной среде. Сб. материалов Межд. науч.-практ. конф. Сер. «Электронное законодательство» Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. СПб., 2012. С. 175–183.
19. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
20. Hollands R.G. Will the real smart city please stand up? City. 2008. Vol. 12 (3). P. 303–320.
21. Прокопова Л.И. Перспективные направления цифровой трансформации в системе управления муниципальным образованием // Экономика и предпринимательство. 2019. № 11 (112). С. 551–554.
22. GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/.
23. Digital Progress and Trends Report // World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/publication/digital-progress-and-trends-report.
24. Estonia, the Digital Republic // The New Yorker. URL: https://www.themj.co.uk/digital-transformation-guide-local-government.
25. LifeSG. URL: https://www.life.gov.sg/.
26. Портал государственных услуг Российской Федерации. URL: https://gosuslugi.ru/.
27. Официальный сайт Мэра Москвы. URL: https://mos.ru.
28. Trust in Government by Country 2024 // OECD. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/trust-in-government-by-country.
29. Рейтинг стран мира по Индексу развития электронного правительства // ООН. URL: https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index.
30. Global Cybersecurity Index // ITU. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Pages/global-cybersecurity-index.aspx.

Digital Transformation of Municipal Service Delivery to the Population

Panikarova S.V., AL-Zuwaini Saif S.M.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

This article addresses the pressing issue of the digital transformation of municipal service delivery systems within the context of global processes of public administration digitalization. The study aims to provide a comprehensive analysis of international experiences in the digital transformation of municipal services and develop recommendations for their adaptation considering various socio-economic conditions. Based on a comparative analysis of digitalization practices in municipal services across different countries, key trends and patterns in the development of electronic municipal governance are identified. Particular attention is given to the experience of Great Britain, Estonia, Singapore, Russia and Iraq, which are at various stages of development of digital ecosystems for the provision of public and municipal services.

The study establishes that successful digital transformation of municipal services is built on the following foundational elements: a unified technological platform, integrated databases, a robust user identification and authentication system, standardized interfaces, and interaction protocols. It is revealed that the key success factors include political will, sufficient funding, developed digital infrastructure, and digital literacy among the population.

Based on the research findings, the following recommendations for optimizing digital transformation processes in municipal services are proposed: the development of a comprehensive digitalization strategy with clear target indicators; the implementation of the "digital by default" principle in designing new services; ensuring information security and personal data protection; fostering inter-agency electronic interaction systems; and enhancing the digital literacy of both citizens and municipal employees.

This article contributes to the theoretical understanding of digital transformation processes in public administration and enriches the existing academic foundation with practical recommendations to improve the efficiency of municipal service delivery in a digital format.

Keywords: digital transformation, municipal services, e-government, management digitalization, smart city, government platforms

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-98-103

Доказательная промышленная политика технологического суверенитета: сущность и содержание



Потапцева Е.В.
Кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института экономики
Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург)

Современные геоэкономические условия и курс на обеспечение технологического суверенитета России актуализируют необходимость пересмотра инструментов промышленной политики. В условиях структурной трансформации экономики возрастает потребность в научно обоснованном подходе к разработке и реализации государственных мер, что делает обращение к концепции доказательной политики своевременным и значимым.

Целью исследования является теоретическое осмысление сущности и содержания доказательной промышленной политики технологического суверенитета, а также разработка концептуальных основ ее реализации в российской экономике. Работа имеет научную значимость в части адаптации зарубежных подходов к evidence-based policy к российскому контексту с учетом специфики трансформационной экономики и вызовов технологического отставания.

В результате исследования предложена концептуальная модель доказательной промышленной политики, включающая три уровня функционирования (прогнозный, проектный и операционный), систему мониторинга и аналитики, а также карту доказательных пробелов, позволяющую выявлять и устранять несоответствия между целями и результатами.

Ключевые слова: *доказательная политика, технологический суверенитет, промышленная политика, структурная трансформация*

Для цитирования: *Потапцева Е.В. Доказательная промышленная политика технологического суверенитета: сущность и содержание // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 98–103. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-98-103.*

Формирование технологического суверенитета как приоритета промышленной политики России требует перехода к новым принципам разработки и реализации промышленной политики, основанной на доказательном подходе. В условиях структурной трансформации российской экономики формирование научно обоснованных инструментов промышленной политики есть необходимое условие обеспечения технологического суверенитета. В научной литературе концепция доказательной политики (*evidence-based policy*) рассматривается как способ рационализации процессов выработки и реализации решений на основе системного использования научных данных, экспертных оценок, прогнозных моделей и обратной связи от участников экономических процессов [1]. Как отмечает А.И. Соловьев [2], понятие доказательной политики возникло как альтернатива традиционным подходам к выработке государственных решений, основанным на интуиции, политической целесообразности или краткосрочных интересах. При этом доказательная политика предполагает, что каждое управленческое решение должно базироваться на достоверных данных, научных исследованиях и результатах не-

зависимой экспертизы. В постсоветских странах, включая Россию, концепция доказательной политики адаптируется к специфическим условиям трансформационных экономик. При этом наблюдается тенденция к смещению фокуса с «доказательной политики» (основанной на объективных данных) на «политику доказательств» [2], в которой данные подбираются постфактум для обоснования заранее принятых решений. С ним соглашается С.Г. Капканщиков [3], который указывает, что доказательная политика – это инструмент преодоления рисков принятия экономических решений на макроуровне из-за того, что в России экономическая политика часто формируется под воздействием идеологических установок, краткосрочных политических интересов и ограниченной эмпирической базы. С ним солидарна Э.М. Галлямова, указывающая, что «государственные решения, преобразования и реформы должны обязательно быть обоснованы при помощи результатов научных исследований и широкой доказательной базы» [4, с. 158]. А.Е. Шаститко [5] также обращает внимание на эту проблему государственного управления в экономической сфере – дефицит научно обоснованных данных, которые могли бы служить основой для принятия управленческих решений. Он отмечает, что ошибки в разработке и реализации экономической политики часто связаны не только с неполной информацией о текущей ситуации, но и с отсутствием механизмов обратной связи, позволяющих корректировать решения по мере их реализации. Эффективная доказательная политика возможна только при наличии равновесия между спросом на научные знания со стороны органов управления и предложением знаний со стороны исследовательского сообщества.

Как отмечают О.В. Михайлова и Е.В. Батоврина [1], доказательная политика предполагает институционализацию механизмов сбора, проверки и интерпретации данных для формирования устойчивой аналитической базы, сокращающей влияние политической конъюнктуры на долгосрочные решения в промышленной политике. В то же время в условиях России доказательная политика сталкивается с ограничениями, связанными с недоверием к экспертным данным, низкой прозрачностью процессов принятия решений и слабым участием внешних экспертов при формировании промышленных стратегий. Е.А. Капогузов и Р.И. Чупин [6] подчеркивают, что доказательная промышленная политика должна обеспечивать не только оценку реализуемых мер (*ex post* оценка), но и их предварительную проверку (*ex ante* оценка) на стадии планирования. Адаптация концепции доказательной политики к промышленной политики повысит обоснованность решений в сфере промышленного развития. На примере национального проекта «Экология» исследователи подчеркивают, что, несмотря на внедрение программно-целевого подхода, текущие инструменты и механизмы управления в данной сфере слабо ориентированы на результат и качественный мониторинг эффективности реализуемых мероприятий [7].

Доказательная промышленная политика технологического суверенитета (далее – ДППТС) в этом контексте становится инструментом балансировки между научной обоснованностью, экономическими приоритетами и национальной безопасностью. В последние годы доказательная политика активно адаптируется к задачам технологического суверенитета. Так, А.В. Александрова и др. [8] акцентируют внимание на использовании патентной аналитики как инструмента доказательной политики технологического суверенитета, позволяющего прогнозировать технологические тренды и оценивать уровень технологической независимости. Н.Л. Красюкова и Ю.С. Пронузо [9] подчеркивают важность доказательных механизмов при формировании антикризисных мер поддержки промышленности в условиях санкционного давления. О.А. Игнатьева [10] рассматривает доказательную политику как часть широкой стратегии технологического суверенитета, в которой доказательные механизмы должны не только рационализировать выбор инструментов, но и повышать доверие бизнеса к государственной политике. Особенность доказательной политики технологического суверенитета заключается в том, что объектом аналитического обеспечения и мониторинга становятся технологические траектории, состояние критических технологий, устойчивость национальных производственных цепочек и эффективность мер поддержки НИОКР [11]. С.Г. Еремин [12] объясняет препятствия для реализации доказательной политики технологического суверенитета тем, что в России длительное время действовал «рационально-интуитивный» подход к государственному управлению, который сегодня не позволяет достигать целей государственной промышленной политики.

В свою очередь, Л.В. Сморгунов [11] отмечает, что в условиях России доказательная политика не может строиться исключительно на независимой экспертизе и требует сочетания внутренней и внешней аналитики, интегрированной в систему межведомственного управления.

Таким образом, выделим следующие причины использования доказательного подхода для промышленной политики технологического суверенитета:

– во-первых, технологический суверенитет невозможен без четкого понимания текущих вызовов, стоящих перед национальной экономикой, таких как зависимость от импорта наукоемких технологий или низкая производительность труда; доказательный подход позволяет на основе данных точно определить, какие отрасли и технологии нуждаются в приоритетной поддержке государства, уменьшая ошибки в выборе направлений и ресурсов;

– во-вторых, анализ данных помогает оценивать эффективность существующих мер и направлять инвестиции в области, которые обеспечат максимальный эффект (например, локализацию технологий, рост производительности труда);

– в третьих, доказательный подход включает в себя мониторинг и оценку результатов реализации промышленной политики технологического суверенитета (национальные и федеральные проекты, специальные инвестиционные контракты и пр.), следовательно, на основе собранных данных можно корректировать промышленную политику, устранять слабые стороны и адаптировать меры к изменяющимся внешним и внутренним условиям для обеспечения технологического суверенитета;

– в-четвертых, использование доказательной базы делает промышленную политику более прозрачной и обоснованной, что способствует более широкому вовлечению всех заинтересованных сторон в обеспечению технологического суверенитета;

– в-пятых, эмпирическая база доказательного подхода позволяет прогнозировать результаты и принимать меры по корректировке промышленной политики, снижая вероятность провалов, прежде всего государства, по обеспечению технологического суверенитета;

– в-шестых, доказательная промышленная политика является важным аспектом для перехода от концепции импортозамещения к концепции технологического суверенитета, а затем и к концепции технологического лидерства.

Таким образом, директивная установка на обеспечение технологического суверенитета страны в условиях геополитических изменений и динамичного технологического развития является довольно новой для России и не может быть обеспечена рыночными инструментами без регулирующего воздействия государства. Доказательная политика технологического суверенитета позволяет минимизировать риски неэффективного использования ресурсов, повышает прозрачность и обоснованность решений, обеспечивает устойчивое развитие реального сектора экономики и адаптацию экономики к глобальным вызовам.

Под *доказательной промышленной политикой технологического суверенитета* будем понимать концептуальную модель разработки, реализации, мониторинга и адаптации решений, основанных на систематическом анализе достоверных данных, научных обоснований и экспертных оценок, направленных на обеспечение технологического суверенитета национальной экономики.

Концепция доказательной промышленной политики технологического суверенитета опирается на развитие зарубежных подходов к *evidence-based policy* (доказательной политике), адаптированных к специфике российской промышленной политики с учетом геополитических изменений. Особенность ДППТС заключается в интеграции трех системообразующих элементов:

– системный сбор данных по всем стадиям формирования и реализации промышленной политики;

– верификация данных с участием независимых экспертов (комиссии по эффективности, например);

– институциализация механизмов обратной связи, обеспечивающих адаптацию инструментов промышленной политики технологического суверенитета к изменениям внутренней и внешней среды.

Сущность ДППТС раскрывается через многокомпонентную структуру, включающую:

– во-первых, формирование информационной платформы технологического развития, включающей базы данных о критических технологиях, технологических цепочках, уровнях готовности технологий (*TRL*), результатах реализации НПТЛ и отраслевых стратегий;

– во-вторых, внедрение адаптивных механизмов мониторинга и оценки эффективности, основанных на применении методов оценки эффектов (impact evaluation), обеспечивающих анализ причинно-следственных связей между принятыми решениями и достигнутыми результатами;

– в-третьих, создание доказательной базы для принятия решений, формируемой на основе регулярных оценочных исследований, прогнозных моделей технологического развития и экспертных заключений по вопросам формирования спроса на высокотехнологичную продукцию, межотраслевого технологического трансфера и развития сквозных технологий;

– в-четвертых, институциализацию механизмов общественно-экспертного контроля, обеспечивающего участие научного сообщества, отраслевых ассоциаций и технологических компаний в разработке, реализации и корректировке мер промышленной политики технологического суверенитета.

Концепция ДППТС базируется на развитии зарубежных подходов к *evidence-based policy* (*EBP*), адаптированных к условиям национальной экономики с высокой зависимостью от внешних технологий; теории технологических разрывов, которая обеспечивает реагирование на технологические прорывы и быстрое формирование новых технологических компетенций; институциональной теории, акцентирующей роль специализированных институтов и гибких координационных механизмов в рамках промышленной политики.

Логика работы доказательной промышленной политики технологического суверенитета опирается на следующие принципы:

– доказательная база: используются количественные, качественные данные и аналитика для формирования обоснованных решений;

– адаптивность: политика технологического суверенитета корректируется на основе текущих данных и изменяющихся условий;

– интеграция: вовлекаются все ключевые участники – государство, бизнес, наука, экспертное сообщество.

Доказательная промышленная политика технологического суверенитета включает три функциональных уровня (рис. 1).

На прогнозном уровне происходит формирование прогнозного контура технологического суверенитета путем технологического аудита, составления отраслевых технологических балансов, форсайт-сессий, использования моделей прогнозирования научно-технического прогресса и технологических разрывов и пр.

На проектном уровне формируется доказательная база, причем до запуска проектов (*pre-evaluation*), а также в процессе их реализации (*monitoring*) и после завершения отдельных этапов (*ex-post evaluation*), обеспечивая возможность гибкой коррекции программ и планов технологического суверенитета за счет формирования карт технологической кооперации (далее – КТК), использования механизмов технологического аудита программ и проектов, разработки единой системы оценки эффективности национальных проектов технологического лидерства (далее – НПТЛ) и пр.

Операционный уровень обеспечивает реагирование на изменения внешней среды, включая корректировку мер и инструментов промышленной политики, приоритизацию технологического развития, создание специализированной платформы доказательной промышленной политики технологического развития, аккумулирующей данные о критических и сквозных технологиях, реестр квалифицированных заказчиков и основных исполнителей, результаты технологического аудита, результаты выполнения НПТЛ и КТК, иных инструментов, обеспечивающих выполнение задач технологического суверенитета, а также международные сопоставления. Такая платформа рассматривается как основа для обоснования управленческих решений в сфере промышленной политики технологического суверенитета.

Следовательно, доказательная промышленная политика технологического суверенитета формируется на стыке государственной промышленной политики, отраслевых интересов и возможностей научно-образовательного сектора, что позволяет не только обеспечить «успешность» промышленной политики, но и синхронизировать действия всех стейкхолдеров в единой логике достижения технологического суверенитета.

Для реализации принципов доказательной политики технологического суверенитета важно выявить существующие пробелы в данных, аналитических инструментах и механизмах оценки эффективности. Для этого используется карта доказательных пробелов, которая представляет собой инструмент ДППТС, позволяющий выявить области пробелов данных относительно эффективности мер промышленной политики, направленных на обеспечение технологического суверенитета. Общий вид карты доказательных пробелов приведен на рисунке 2.

Таким образом, карта доказательных пробелов – это аналитический инструмент, который систематизирует и визуализирует ключевые проблемы, недостатки и неэффективности существующих инструментов государственной политики; помогает выявить пробелы между целями политики и ее фактическими результатами, определить причины пробелов и наметить пути их устранения.

Сравнение карты доказательных пробелов в обобщенном виде и карты доказательных пробелов промышленной политики технологического суверенитета приведено в таблице 1.

Использование карты доказательных пробелов промышленной политики помогает понять, как связаны между собой такие инструменты промышленной политики, как национальные проекты, структурная трансформация национальной экономики и



Рис. 1. Функциональные уровни доказательной промышленной политики технологического суверенитета

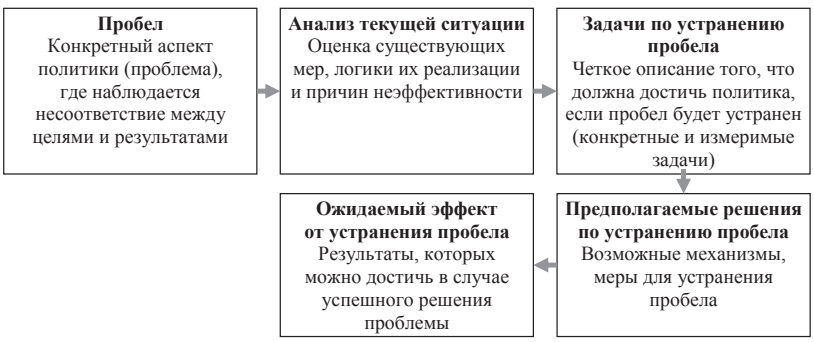


Рис. 2. Карта доказательных пробелов

Таблица 1

Содержание карты доказательных пробелов промышленной политики технологического суверенитета

Элемент карты	Карта доказательных пробелов в обобщенном виде	Карта доказательных пробелов промышленной политики технологического суверенитета
Проблема (конкретный аспект политики)	Проблема, где наблюдается несоответствие между целями и результатами	Проблема синхронизации инструментов промышленной политики для обеспечения технологического суверенитета через структурную трансформацию экономики за счет повышения производительности труда
Анализ текущей ситуации	Оценка существующих мер, логики их реализации и причин неэффективности	Недостаточно внимания уделяется взаимосвязи этих проектов. Производительность труда в ключевых отраслях остается низкой, что препятствует структурной трансформации. Технологический суверенитет в многих отраслях не достигнут из-за низкого уровня инновационных решений, локализации технологий, зависимости от технологических решений из «недружественных» стран
Задачи по устранению пробела	Четкое описание того, что должна достичь политика при устранении пробела	1. Формирование промышленной политики технологического суверенитета, способствующей структурной трансформации экономики. 2. Обеспечение технологического суверенитета за счет повышения производительности экономики, в том числе реализуя национальный проекты, а также НПТЛ
Предполагаемые решения по устранению пробела	Возможные меры для устранения пробела	1. Создание механизма координации между национальными проектами, обеспечивающими структурную трансформацию экономики. 2. Разработка системы оценки вклада национальных проектов в обеспечение технологического суверенитета
Ожидаемый эффект от устранения пробела	Результаты, которых можно достичь в случае успешного решения проблемы	1. Реализация синергетического эффекта от национальных проектов и НПТЛ в виде повышения производительности труда. 2. Структурная трансформация экономики с переходом на выпуск высокотехнологичной продукции за счет использования наукоемких технологий. 3. Обеспечение технологического суверенитета с возможным достижением технологического лидерства в некоторых наукоемких отраслях

обеспечение производительности труда. Необходима синхронизация национальных проектов, направленных на обеспечение технологического суверенитета через структурную трансформацию экономики за счет повышения производительности труда. Так, национальные проекты 2018–2024 гг. были ориентированы на структурную трансформацию экономики за счет, в том числе, повышения производительности труда, но реализовывались в рамках отдельных инициатив и не были интегрированы в единую промышленную политику технологического суверенитета, что не обеспечивало структурной трансформации экономики. С 2025 г. необходимо обеспечивать реализацию национальных проектов 2025–2030 гг. как инструментов промышленной политики с учетом цели обеспечения технологического суверенитета через структурную трансформацию экономики за счет повышения производительности труда. Национальные проекты должны быть направлены на повышение производительности труда как через внедрение наукоемких технологий, так и через развитие инфраструктуры и кадров, чтобы обеспечить структурную трансформацию национальной экономики. Обеспечение технологического суверенитета возможно только при интеграции усилий разных заинтересованных сторон, которые должны работать на общую цель – повышение производительности труда, что приведет к структурной трансформации экономики и, в свою очередь, создаст условия для технологического суверенитета.

Таким образом, доказательная промышленная политика технологического суверенитета формируется как научно обоснованный механизм разработки и реализации мер промышленной политики. Анализ национального проекта «Производительность труда», реализованного в России в период с 2018 по 2024 гг., с точки зрения доказательной промышленной политики технологического суверенитета позволяет выявить практические аспекты реализации научно-обоснованных механизмов. Нацпроект «Производительность труда» предоставляет возможности для оценки эффективности мер поддержки промышленных предприятий, адаптации производственных процессов и совершенствования кадровой политики на основе системного мониторинга и доказательных данных. Устранение пробелов позволит повысить эффективность реализации промышленной политики технологического суверенитета, обеспечить структурную трансформацию и повышение эффективности национальной экономики.

Литература:

1. Михайлова О.В., Батоврина Е.В. Доказательная политика: концептуализация и оценка российского опыта // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 143–155.
2. Соловьев А.И. «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 61–80.
3. Капканщиков С.Г. Доказательная политика в механизме принятия управленческих решений на макроуровне // Международная экономика. 2022. № 10. С. 743–756.
4. Галлямова Э.М. Доказательная государственная политика: возможности и ограничения // Социология. 2021. № 2. С. 158–162.
5. Шаститко А.Е. Знания для доказательной экономической политики: спрос и предложение // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 2. С. 99–111.
6. Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Возможности использования доказательного подхода для анализа промышленной политики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. № 3(25). С. 323–330.
7. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Доказательная политика как научное обоснование экологических программ в России // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 3. С. 403–416.
8. Александрова А.В., Царева Е.Г., Суконкин А.В. Патентная аналитика как инструмент доказательной политики технологического суверенитета // Вестник ФИПС. 2023. Т. 2. № 3(5). С. 16–22.
9. Красюкова Н.Л., Пронузо Ю.С. Механизм государственной поддержки российской промышленности в условиях санкционных ограничений, основанный на инструментах доказательной политики // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2024. № 4. С. 105–114.
10. Игнатьева О.А. Особенности дизайна доказательной политики технологического суверенитета в Российской Федерации // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2023. № 9(39). С. 122–131.
11. Сморгунов Л.В. Доказательная политика технологического суверенитета и ее дизайн // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 3. С. 6–19.
12. Еремин С.Г. Применение отдельных инструментов доказательной политики в сфере государственного управления // Финансовая жизнь. 2022. № 4. С. 4–9.

Evidence-Based Industrial Policy of Technological Sovereignty: Essence and Content

Potaptseva E.V.
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)

Modern geo-economic conditions and the course towards ensuring Russia's technological sovereignty actualize the need to review the instruments of industrial policy. In the context of the structural transformation of the economy, there is an increasing need for a scientifically based approach to the development and implementation of government measures, which makes the appeal to the concept of evidence-based policy timely and meaningful.

The purpose of the research is a theoretical understanding of the essence and content of evidence-based industrial policy of technological sovereignty, as well as the development of conceptual foundations for its implementation in the Russian economy. The work has scientific significance in terms of adapting foreign approaches to evidence-based policy to the Russian context, taking into account the specifics of the transformational economy and the challenges of technological lag.

As a result of the research, a conceptual model of evidence-based industrial policy is proposed, which includes three levels of functioning (predictive, design and operational), a monitoring and analytics system, as well as a map of evidence gaps that allows identifying and eliminating inconsistencies between goals and results.

Keywords: evidence-based policy, technological sovereignty, industrial policy, structural transformation

УДК 005.4; 352/354-1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-104-110

Особенности применения инструментов партисипативного управления развитием территориальных социально-экономических систем



Сурнина Н.М.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры информационных технологий и статистики
Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)



Тихончук Р.Г.
Кандидат наук государственного управления, докторант,
преподаватель кафедры менеджмента и предпринимательства
Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Применяемый в процессе стратегирования партисипативный подход на практике в большей мере охватывает функцию целеполагания, соучастия разных заинтересованных групп территориальной системы в выработке и принятии стратегического плана. При этом инструменты реализации выбранных стратегий на основе принципов соучаствующего управления изучены в меньшей степени, требуют теоретического и практического обобщения, что и явилось целью исследования. В статье высказывается гипотеза о повышении сбалансированности управления территориальными социально-экономическими системами на основе синтеза стратегического, инкрементального и партисипативного подходов на всех стадиях стратегирования. Рассматривается эволюция использования партисипативного подхода в управлении территориальными системами. Определены особенности партисипативного управления в западной и восточной матричной модели хозяйствования, анализируются инструменты применения в российской практике. Результаты могут быть полезны при совершенствовании инструментов соучаствующего управления в муниципальной практике.

***Ключевые слова**: партисипативное управление, территориальные системы, стратегирование, инструменты соучастия, практики управления*

***Для цитирования:** Сурнина Н.М., Тихончук Р.Г. Особенности применения инструментов партисипативного управления развитием территориальных социально-экономических систем // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 104–109. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-104-109.*

Вопросы развития территориальных социально-экономических систем в современной управленческой практике связаны с процессами стратегирования, разработкой эффективного инструментария, позволяющего сочетать комплекс интересов участников процесса, а также дополнять его механизмами, интегрирующими различные подходы. Исследователи отмечают, что процесс стратегирования в государственном управлении в современной практике широко опирается на положения акторно-се-

тевой теории, реализуемой в стратегическом и партисипативном планировании [1]. Актуальными для изучения становятся следующие вопросы: как развивается инструментарий партисипативного управления в зависимости от парадигмы управления, модели хозяйствования, на разных стадиях управленческого процесса, разными субъектами территориальных социально-экономических систем.

Концепция партисипативного (участвующего, соучаствующего) управления, опирающаяся на командный (совместный) подход при выработке и реализации решений, означающая дословно «управление, основанное на участии» (от «*participative management*»), уже более двадцати лет внедряется в российскую практику для уровня корпораций. Рассматривается участвующее (со-участвующее) управление как особая парадигма, «раскрывающая социально-психологический потенциал человека в сообществе», наряду с организационной концепцией [2, с. 51–52]. Определяя суть и особенности эволюции партисипативного (участвующего) управления, М.В. Петрович определил партисипативное управление как «процесс, в котором работники играют главную роль в постановке целей, принятии решений, решении проблем, изменениях в организации. Целью партисипативного управления является совершенствование использования человеческого потенциала организации» [2, с. 52]. Сторонники синтеза социально-психологических и организационных технологий управления фокусируются на отдельных сущностных характеристиках, повышающих эффективность управления в процессе вовлечения, «соучастия» сотрудников на этапе целеполагания. Однако, несмотря на растущее и неослабевающее внимание к данной парадигме, особенности эволюции инструментария в процессе стратегирования социально-экономического развития территориальных систем изучены недостаточно, а рамки формирующейся теории соучаствующего (партисипативного) управления пока не сформированы.

Обобщая сущностные подходы формирующейся экономики участия на уровне управления территориальными системами с позиции функций менеджмента, к основным чертам и инструментам соучаствующего управления, зародившегося в организациях, можно отнести следующие: 1. Регулярные совещания представителей местных органов власти и самоуправления с населением. 2. Обеспечение открытости во взаимодействии между участниками регионального развития. 3. Участие групп населения в процессе стратегирования от разработки до реализации управленческих решений. 4. Перераспределение ряда управленческих полномочий между участниками управленческого процесса. 5. Вовлечение микрогрупп в планирование и организацию мероприятий, их осуществление, формирование особой среды коммуникаций. 6. Создание условий самоорганизующихся микрогрупп, наделение их самостоятельностью в инициации, разработке проектов, идей, постановке проблем, проектировании путей их решения. 7. Развитие стимулирующего бюджетирования, преображающего инвестирование при достижении определенных групповых результатов [3–7]. Указанные инструменты формируют базу для особой формы экономических отношений – экономики участия, позволяющей шире использовать потенциал населения территориальных систем. Подчеркнем, что участвующий стиль руководства может реализовать свой потенциал при определенном уровне правовой, организационной и управленческой культуры.

Исторически развитие такой формы соучастия в управлении государственными и хозяйственными делами можно обнаружить у многих народов и цивилизаций, они характерны для большинства форм совместной трудовой деятельности. В отечественной истории широко известны добровольные объединения людей для рационализации экономической деятельности и принятия групповых решений. Как пример М.К. Хисамутдинов приводит артели, представляющие «добровольное объединение людей для совместной работы, часто с участием в общих доходах и общей ответственностью на основе круговой поруки. В России одним из первых примеров соучаствующего управления, зарождающегося в сфере социального предпринимательства, можно назвать Дома трудолюбия, которые основывал священнослужитель отец Иоанн Кронштадтский в конце XIX начале XX вв.» [8, с. 329]. Кооперативное движение в виде потребительской кооперации, сохранившееся до настоящего времени, также представляет одну из форм объединения ресурсов и принятия групповых решений. Другой формой соучаствующего управления описывают фабрично-заводские комитеты, появившиеся после Февральской революции 1917 г., призывающие участвовать в производстве и видящие свою роль в посредничестве рабочих и администраций.

Изучение феномена соучастия восточного типа в индийской практике городского управления дает примеры партисипативного финансирования для развития малого предпринимательства среди бедного населения: выдача микрокредитов под минимальный процент микрофинансовыми организациями. В египетской практике инвестиционное соучастие в рамках корпоративной социальной ответственности для своих сотрудников: финансовое стимулирование и поддержка сельхозпроизводителей, производителей пищевой продукции, участие в национальных программах здравоохранения, образования [8, с. 329].

Сравнительное исследование западной и восточной матрицы соучаствующего управления на

мезоуровне, затрагиваемые С.Г. Кирдиной-Чэндлер, В. И Маевским [9, с. 7–23], дает представление о многообразии и особенностях инструментов экономики участия. Партисипативное взаимодействие как фактор развития муниципального управления имеет разнообразные последствия и фокусы в зависимости от модели социально-экономической системы – матрицы хозяйствования. Так, в рыночной матрице развития западного типа (анализируется опыт США, стран Южной Америки, ряда стран Европы, Германии), подчеркивают В.С. Епинина, В.Ю. Музычук и развивает Е.А. Захарчук, фокус при использовании данного подхода центрирован на возможностях коммуникаций, положении групп населения, выявления реальных потребностей и проблем, то есть получении информации, недоступной другими способами [10, с. 198; 11; 12]. Подобная модель взаимоотношений обеспечивает бóльшую эффективность и результативность органов муниципального управления, чем обусловлена привлекательность ее использования при проектировании инструментов коммуникаций органов муниципального управления, населения и предпринимательского сообщества.

В настоящее время существенное развитие как в России, так и за рубежом получает привлечение населения в процессе стратегирования не только к процессу целеполагания, но и к выбору приоритетов расходования части общественных финансов (иногда сопровождаемому софинансированием со стороны граждан). Такие типы финансового соуправления К.И. Галынис, Х. Мияо характеризуют как «*инициативное бюджетирование*» – в первом случае, и «*партисипаторное бюджетирование*» – наиболее распространенное – во втором [13].

Важно отметить, что, несмотря на то что механизмы и инструменты вовлечения населения в восточной (имеющей в большей степени общинные корни) матрице, например, в КНР, различаются от модели к модели, но при этом имеют общее основание – в большинстве опираются на соседские городские и сельские комитеты, статус которых как низовых массовых организаций самоуправления закреплен в Конституции КНР и ряде соответствующих законов [13, с. 128–129]. Аналогами подобных организаций в российской практике являются сходы граждан и территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС), получающие стимулы к развитию в рамках инициативного бюджетирования.

Закономерно, что в настоящее время появились исследования взаимосвязи финансовых знаний населения, финансовой культуры и неравномерности экономического развития регионов [14]. В начале 70-80-х гг. XX в. в рамках социального предпринимательства зародился особый вид инвестиций среди форм соучаствующего управления, выравнивающих процессы поляризации развития. Они появились в качестве инициатив отдельных финансовых групп и институтов, преследующих цель оказания помощи нуждающимся слоям населения. Распространились эти особые формы финансирования под названиями «преобразующих инвестиций» (*impact investing*) или «социальных инвестиций» [15; 16]. Такие альтернативные традиционным инструменты – преобразующие инвестиции – появились не только в западной, но и в восточной (распределительно-иерархической) матрице хозяйствования. В таблице 1 представлено сравнение традиционной и партисипативной (инновационной) моделей управления.

Данные таблицы 1 иллюстрируют особенности соучаствующего управления на различных этапах в реализации его функций. При этом на уровне отдельной сетевой организации функция координации, коммуникации выделена как прерогатива управляющего субъекта. Другие функции реализуются при более широком использовании инструментов соучаствующего управления.

Вместе с тем повышение сбалансированности управления территориальными социально-экономическими системами требует расширения и совершенствования на основе синтеза стратегического, инкрементального и партисипативного подходов на всех стадиях стратегирования. В то же время, рассматривая особенности современного развития сельских муниципальных систем, Е.А. Белоусова, Е.И. Кайбичева [18, с. 65–67] подчеркивают целесообразность на перспективу применения инкрементального подхода, предполагающего движение к стратегическим целям посредством небольших

Таблица 1

Сравнительные характеристики моделей управления по степени участия населения в реализации функций

Функции управления	Традиционный подход	Партисипативный подход, соучастие населения
1.Планирование (определение потребности, целеполагание, инициирование, прогнозирование)	не участвует	участвует
2.Организация (программирование, проектирование, структурирование)	не участвует	участвует
3.Мотивация (финансирование, стимулирование, механизмы поддержки)	частично участвует	частично участвует
4.Координация (коммуникации)	не участвует	участвует
5.Контроль (цифровые коммуникации)	не участвует	участвует

Адаптировано по: 17.

реальных шагов, проектов. Такой подход требует применения комплекса специальных инструментов, синтезируя лучшие практики, примененные в партисипативном управлении территориальными социально-экономическими системами. Применительно к социальному развитию Н.Е. Удалова предлагает развивать инструментарий, используя лучшие практики применения на муниципальном уровне [19].

Ярким примером выработки механизмов соучаствующего управления является практика одного из победителей конкурса лучших практик – города Аткарска Саратовской области с проектом «Командное управление стратегией развития: мы вместе!»[1]. Цель данной практики – создание условий для командного взаимодействия населения, общественности, бизнеса, научного сообщества, органов государственной власти и органов местного самоуправления. Суть практики – создать действенные механизмы соучаствующего управления. В целях определения перспективной потребности и приоритизации направлений развития города и «точек роста», прошедшие специальное обучение сотрудники администрации организовали новые коммуникации с населением и предпринимателями, используя встречи, опросы, консультации с данными группами. Для реализации совместно сформированных и согласованно принятых программных решений в ходе декомпозиции задач и ответственности был использован проектный подход с определением ответственности исполнителей мероприятий в достижении целей. Использование механизмов соучаствующего управления позволило выработать лучшие решения для стратегических задач, обеспечить гибкость в ходе быстрого реагирования на проблемы, выявленные в ходе совместного с инициаторами, потребителями создаваемых эффектов и исполнителями мониторинга с использованием информационных технологий. Среди эффектов применения инструментов соучаствующего управления можно отметить повышение ответственности за развитие территории каждого заинтересованного лица, значимое (на 27 % к прошлому году) увеличение темпов роста объема инвестиций в основной капитал, рост количества самозанятых.

В рамках практики «СтартАпФабрика» г. Калуги, была прямо поставлена партисипативная цель – совместное создание коммуникационной площадки согласования долгосрочных перспектив развития знаниеёмкой экономики города, рынка труда, науки и образования. На созданной площадке предприятия промышленного сектора обозначают научно-технологические потребности – знаниеёмкие задачи, привлекательные для молодых разработчиков – студентов, аспирантов, научно-педагогических работников, технологических предпринимателей, которые предлагают свои решения и инновационные проекты. Эффектами такого механизма соучастия явились омоложение и наполнение высококвалифицированными кадрами промышленного сектора города, развитие импортозамещения, рост конкурентоспособности, активизация инновационной деятельности.

Администрации сельских поселений также широко используют развитие эффективной коммуникационной среды для самореализации жителей при целеполагании развития поселения, создания условия для творчества и партнёрства между населением и местной властью путем сбора и обработки идей, реализации инициатив, сочетая инструменты соучастия с принципами инкрементализма – «малых шагов» (поселение «Бурунгольское» с проектом «Поддержка гражданских инициатив» Окинского района Республики Бурятия, Каргинское сельское поселение, проект по благоустройству «Реальные дела») [20].

Представляет интерес комплексное применение инструментов соучаствующего управления на муниципальном уровне в практике г. Евпатория Республики Крым. Здесь разработан и применен проект, реализующий направление стратегического плана города для многоквартирных домов, получивший название «500 подъездов», в рамках которого осуществлены все функции соучаствующего управления. На каждом этапе использовано особое инструментальное сопровождение: организация процесса коммуникации с будущими пользователями от формирования потребностей, согласования технического задания и ресурсов реализации, документирования в виде договоров, стимулирование исполнителей путем установления льготных тарифов, мониторинга и контроля выполнения непосредственно гражданами, подписания актов завершения выполненных работ ответственными представителями жителей. При общении администрации с жителями была выявлена острая потребность в ремонте многоквартирных домов, многие из которых за прошедшие годы десятилетиями не ремонтировались, из-за чего происходит их дальнейшее разрушение. В то же время жители многоквартирных домов, профинансировавшие капитальный ремонт путем отчислений в соответствующие фонды, сталкиваются с невыполнением управляющими компаниями своих функций и обязательств по общему имуществу из-за задолженностей соседей по существующему пока законодательству РФ. Такое имущество, как входная группа, крыша, подвалы и т.п., – это все общедолевая собственность

[1] В сфере муниципальной экономической политики лучшие практики [20] в основном направлены на развитие и поддержку малого и среднего предпринимательства, привлечение инвестиций, применение механизмов муниципально-частного партнерства и формирование системы стратегического управления, управления муниципальными финансами. Представленные далеко не исчерпывающие спектр инструментов примеры иллюстрируют выбор сфер и формирование комплементарных механизмов соучаствующего управления.

жильцов. Навести порядок они могут только двумя способами. Во-первых, это через Фонд капитального ремонта: если он сформирован на 90 %, то в ближайшие годы возможно провести работы по восстановлению кровли, инженерных сетей, фасада. Во-вторых, если собираемости нет и Фонд откладывает сроки ремонта таких домов, требуется совместное нестандартное решение. Такое решение было предложено и одобрено на муниципальном и региональном уровнях. Понимая, что финансирование только из бюджетов невозможно, а некоторые дома пятидесятилетней давности ветшают, была разработана годовая программа «500 подъездов» с июня 2024 до июня 2025 гг., предполагающая дифференциацию ремонтных работ, можно сказать, точечную модернизацию. В соответствии с этим проектом, с управляющей компанией заключается договор на отдельные виды первоочередных работ по выбору проживающих, определяется комплекс требований, оформляется заявка, оговаривается тарифная ограничительная политика. В формировании заказа принимает участие не менее половины жильцов подъезда, подписывающих документ. В завершении ремонта подписывается акт о выполненных работах представителями управляющей компании, старшим подъезда, председателем многоквартирного дома. В итоге люди получают обновленный, отремонтированный подъезд. К декабрю 2024 г. с использованием такого механизма уже отремонтировано с заменой окон, косметическим ремонтом, обновлением входной группы 350 подъездов (70 %). Люди удовлетворены, видя результат реализации данного проекта.

Исследование лучших практик в тридцати городских и сельских муниципальных образованиях РФ в 2024 г. на предмет применения инструментов, формирующих или способствующих развитию института соучастия в управлении показал, что идет активное освоение инструментария всех функций управления на разных стадиях процесса – от целеполагания в стратегировании до мониторинга выполнения целей (табл. 2).

Исследование практик соучаствующего управления в обследуемых муниципальных образованиях РФ показало:

– инструменты партисипации (соучастия) активно применяются на всех этапах реализации муниципальных проектов и инициатив, входя в осуществление всех функций управления – исследования перспективных потребностей стейкхолдеров, направлений развития, ресурсов, организации коммуникационной развивающей среды, структурные преобразования с привлечением групп участников, разработка механизмов софинансирования, мониторинга и контроля, обратной связи. Доля применения механизмов соучастия составила 93,3 % из обследованных тридцати муниципальных образований;

– на практике для развития соучаствующего управления используются элементы различных управленческих подходов: системно-структурного, стратегического, программного, проектного, процессного;

– органы власти выступают в различных ролях с точки зрения инициирования лучших практик: инициаторами, соисполнителями, предоставляющими ресурсы и возможности инициаторам, а также стимулирующими инициативы участниками.

– отметим, что мероприятия по софинансированию и стимулированию применялись только в поло-

Таблица 2

Анализ применения партисипативных инструментов управления при реализации проектов в муниципальных образованиях РФ – лидерах Всероссийского конкурса в 2024 г.

Инструменты управления по фазам процесса	Частота применения партисипативных инструментов в городских и сельских округах	Доля применения партисипативных инструментов по обследованным МО, %
Планирование, прогнозирование, программирование, проектное управление	28	93,3
Мотивация, стимулирование	25	83,3
Финансирование	15	50,0
Организация процесса, изменения структуры, командная реализация, механизмы взаимодействия, повышение квалификации, обучение, исследования, помощь в поиске инвесторов и продвижению готовой продукции ремесел и др.	51	170,0*
Коммуникации, совместные мероприятия, соуправление, вовлечение, изучение потребностей, проблем и предложений, благоприятная среда	31	103,3
Цифровые помощники	21	70,0
Контроль, мониторинг, оценка эффективности, налоговой нагрузки и др.	23	76,7
* Применяется несколько инструментов соучастия.		

Составлено по: 20.

вине обследованных муниципальных образований. Это более чем в 3 раза реже использования организационных мер, что свидетельствует о нераскрытом потенциале финансового инструментария;

– участники процесса партисипативного управления получили широкие возможности с внедрением информационно-коммуникационных технологий, по сути, создающих базу для новых моделей взаимодействия на всех этапах стратегирования и реализации проектов, требующих совершенствования нормативного сопровождения. Однако использование технологических оснований для развивающей среды соучаствующего управления показали только 70 % обследованных муниципальных практик.

Выработанные механизмы и инструментарий целесообразно и далее применять в сфере муниципального управления на разных стадиях процесса выработки и принятия решений.

Литература:

1. Bryson J. M., Crosby B. C., Bryson J. K. Understanding strategic planning and the formulation and implementation of strategic plans as a way of knowing: The contributions of actor-network theory // International public management journal. 2009. Т. 12. №. 2. P. 172–207.
2. Петрович М.В. Партисипативная модель в современном управлении: методология и практика // Экономика и управление. 2016. № 10 (132). С. 51–56.
3. Дурандина О.А. Партисипативные технологии в публичном управлении // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития. Материалы V Межд. науч.-практ. конф. Ответ. за выпуск В.Е. Ковалев, ред. коллегия: А.Е. Плахин, И.Н. Ткаченко. Екатеринбург: Изд-во: Уральский гос. эконом. ун-тет, 2022. С. 49–53.
4. Медведева Л.С. Партисипативные принципы в управлении социально-экономическим развитием территории // Финансовый бизнес. 2023. № 7(241). С. 45–47.
5. Буцанец А.В. Экономика участия как способ решения глобальных проблем // NovaInfo. 2024. № 145. С. 28–29.
6. Гайрбекова Р.С., Гетиева А.К., Бибулатова М.Э. Партисипативное бюджетирование в теории и практике муниципального управления // Science. 2023. December С. 27–33. DOI: 10.36684/37-2023-32-4-27-33.
7. Голосов А.В. Партисипативная модель управления как фактор мотивации участия населения в самоуправлении (на примере городского округа «город Белгород») // Заметки ученого. 2020. № 1 (44). С. 68–75.
8. Хисамутдинов М.К. Новые инвестиционные технологии «преобразующие инвестиции»: иностранный и российский опыт // Вопросы инновационной экономики. 2016. Т. 6. № 4. С. 329–342. DOI: 10.18334/vinec.6.4.37440.
9. Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В. И. Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 3. С. 7–23. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.3.007-023.
10. Епинина В.С. Влияние партисипативного процесса на социально-экономическое развитие муниципальных образований // Региональная экономика. Юг России. 2013. № 1(1). С. 198–202.
11. Музычук В.Ю. Партисипативное бюджетирование: институты гражданского общества в реализации социально значимых проектов // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 3. С. 38–52.
12. Захарчук Е.А., Трифонова П.С. Зарубежные практики муниципального управления: опыт и особенности реализации (на примере муниципалитетов США) // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 6. С. 1–11. DOI: 10.15862/11ECVN623.
13. Галынис К.И., Мияо Х. Опыт партисипаторного бюджетирования Китайской Народной Республики // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. № 78. С. 112–135. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10036.
14. Антипин И.А., Шишкина Е.А., Бедняков П.С. Межрегиональное неравенство в контексте факторов формирования и развития финансовой культуры населения // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 8–14. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-8-14.
15. Прокопьев А.В., Чернышова Т.Н. Участие инновационного персонала в реализации функций управления в организации // Oeconomia et Jus. 2023. № 1. С. 17–24.
16. Квон Г.М., Шишкина Е.А. Социально-преобразующие инвестиции в контексте обеспечения социального благополучия населения региона в новых реалиях российской экономики: стратегический аспект // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 7. С. 2079–2094. DOI: 10.18334/epp.12.7.115100

17. Туманян Г.В. Современные партисипативные технологии принятия решений в законодательных и представительных органах власти // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 5А. С. 28–35. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.033
18. Белоусова Е.А., Кайбичева Е.И. Перспективы инкрементального подхода в стратегическом планировании социально-экономического развития сельских муниципальных образований // Управленец. 2022. Т. 13. № 1. С. 49–67. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-1-4.
19. Удалова Н.Е. Инструментарий управления социальным развитием территорий // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 3 (66). С.124–131. DOI: 10.22394/1997-4469-2024-66-3-124-131.
20. Всероссийский конкурс «Лучшая муниципальная практика» 2024. Минэкономразвития. URL: https://economy.gov.ru/material/file/a1ce39c2a55417ef0e166edd56f0b45d/sbornik_LMP_2024.pdf

Features of the Application of Tools for Participatory Management of the Development of Territorial Socio-Economic Systems

Surnina N.M., Tikhonchuk R.G.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

In practice, the participatory (participatory, participatory) approach used in the process of strategizing to a greater extent covers the function of goal-setting, participation of different interested groups of the territorial system in the development and adoption of a strategic plan. At the same time, the tools for implementing the selected strategies based on the principles of participatory management have been studied to a lesser extent and require theoretical and practical generalization, which was the purpose of the study. The article expresses a hypothesis about increasing the balance of management of territorial socio-economic systems on the basis of the synthesis of strategic, incremental and participatory approaches at all stages of strategizing. The evolution of the use of the participatory approach in the management of territorial systems is considered. The features of participatory management in the Western and Eastern matrix models of management are determined, the tools of application in Russian practice are analyzed. The results can be useful in improving the tools of participatory management in municipal practice.

Keywords: participatory management, territorial systems, strategizing, tools of participation, management practices

УДК 005.954
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-111-116

Модельное представление дистанционного бизнес-процесса подбора персонала IT-компаний



Суслов И.Д.
Аспирант департамента экономики и управления
Московского городского педагогического университета

Цифровизация рабочих процессов, вызванная усугублением конкуренции среди отечественных компаний, увеличила спрос на высококвалифицированных специалистов и трансформировала форматы основных и инфраструктурных бизнес-процессов. Одним из резервов снижения дефицита кадров является частичный или полный переход работников на дистанционный формат работы путём внедрения новых цифровых практик в HR-процессы для автоматизированного поиска кандидатов на вакантные должности. В связи с чем целью исследования является обоснование модели бизнес-процесса подбора персонала IT компаний с учётом специфики дистанционного формата занятости на основе анализа обеспеченности трудовыми ресурсами на период 2025–2030 гг. Научная значимость работы определяется в выявлении направлений совершенствования HR-процессов российских предприятий. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы при внесении изменений в действующий механизм рекрутинга компаний сектора информационных технологий. Исходя из анализа, выявлена нехватка IT-специалистов и разработана модель найма персонала на основе HR-Tech программ с целью сокращения неукомплектованности штата предприятий в условиях цифровой трансформации экономики и рынка труда.

***Ключевые слова**: дефицит кадров, рынок труда, онлайн-занятость, рабочая сила, HR-процессы, IT-отрасль, управление персоналом*

***Для цитирования:** Суслов И.Д. Модельное представление дистанционного бизнес-процесса подбора персонала IT-компаний // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 111–116. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-111-116.*

Актуальность проблемы цифровой занятости связана с проявлениями четвёртой промышленной революции «*Industry* 4.0», сопровождающейся ускоренной цифровизацией рабочих процессов в организациях государственного управления, бизнеса, социальной сферы с целью повышения производительности труда и минимизации рутинных операций. Развитие *IT*-отечественных компаний приводит к существенному расширению направлений экономической деятельности, связанных с применением программных продуктов в реализации бизнес-задач.

Динамичное развитие технологий совместно с их интеграцией активизировали рост количества новых профессий и трансформировали устоявшиеся специальности путём диджитилизации рабочих процессов. Эта тенденция привела к увеличению количества бюджетных мест в российских вузах по программам подготовки специалистов в рамках цифровой экономики.

Так, по данным Министерства цифрового развития РФ, за 4 года в 2 раза повысилось количество бюджетных мест по *IT*-специальностям в вузах [1], а за последние 10 лет количество IT-специалистов

в РФ выросло в 3 раза, составив более 900 тыс. чел. в 2024 г. [2]. Стоит учитывать, что увеличение учебных мест и реализация Государственной программы «Цифровые профессии» связана с острой нехваткой цифровых кадров на рынке труда. По современным оценкам, дефицит таких работников в 2024 г. остаётся на уровне от 500 тыс. до 1 млн чел. [3].

Наряду с этим, высокий уровень спроса на высококвалифицированных работников цифрового сектора экономики создаёт дисбаланс заработных плат и формирует трудонедостаточные организации, тем самым становится новым вызовом для менеджмента российских компаний по привлечению и удержанию новых сотрудников. Именно поэтому отечественный рынок труда в области цифровой занятости нуждается в комплексном анализе с целью выявления его состояния, тенденций и потенциала для проектирования новых бизнес-моделей в рамках общего совершенствования *HR*-процессов. Таким образом, борьба между российскими организациями за цифровые кадры задаёт тренд на развитие методов и мероприятий по рекрутингу, адаптации, мотивации, удержанию и обучению сотрудников в условиях повышенной конкуренции предприятий на внутреннем и международном рынке.

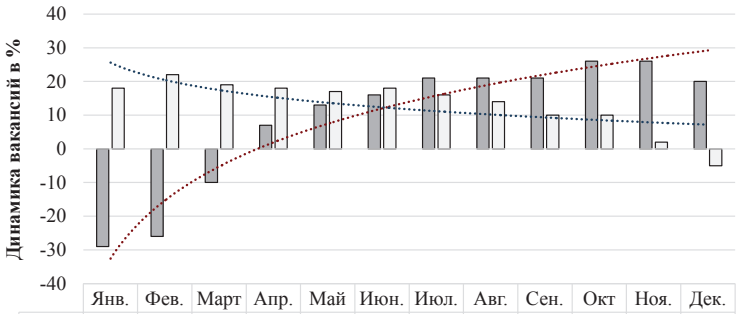
Целью статьи является обоснование модели бизнес-процесса подбора персонала IT-компаний с учётом специфики дистанционного формата занятости на основе анализа обеспеченности трудовыми ресурсами на период 2025–2030 гг.

Современный российский рынок труда за последние 5 лет претерпел значительные изменения вследствие цифровой трансформации экономики и активизации инвестиционной деятельности российских компаний в информационные технологии, инфраструктуру, обучение сотрудников цифровым компетенциям и автоматизацию бизнес-процессов. Это привело к росту индекса цифровизации в таких отраслях экономики, как: *IT*, информация и связь, финансовый сектор, оптовая и розничная торговля, обрабатывающая промышленность [4]. В связи с этим появилась острая необходимость в увеличении штата компаний сотрудниками, использующих в своей профессиональной деятельности специализированное программное обеспечение, технологии искусственного интеллекта и больших данных (*big data*).

Растущий спрос на web-разработчиков, программистов, дизайнеров, аналитиков данных, тестировщиков и др. *IT*-специалистов отечественного рынка труда в 2024 г. отражается в статистических данных онлайн-платформы по рекрутингу «*HeadHunter*». На рисунке 1 продемонстрирована динамика роста количества вакансий в сравнении с предыдущим отчётным годом.

По результатам анализа диаграммы, средний ежемесячный прирост вакансий в 2023 г. по сравнению с 2022 г. составил 8,6 %, а в 2024 г. – 13,25 %, что характеризует высокий устойчивый спрос на работников сектора информационных технологий за данный период. Параллельно росту количества вакансий повысилось и количество резюме. На рисунке 2 представлена динамика резюме в сфере *IT* в 2023–2024 гг. Так, в 2023 г. количество вакансий в среднем ежемесячно увеличивалось на 10 %, а в 2024 г. этот показатель вырос до 14,25 % по сравнению с базовым годом. Статистические данные о состоянии рынка труда от компании «*HeadHunter*» коррелируют с показателями других исследовательских организаций. По оценке Росстата, количество работников отрасли информационных технологий в 2023 г. увеличилось на 13 % и составило 857 тыс. чел. [6], а в 2024 г. общая численность работников была оценена более чем в 900 тыс., и это значение планируется нарастить до 1,5 млн к 2030 г. [7]

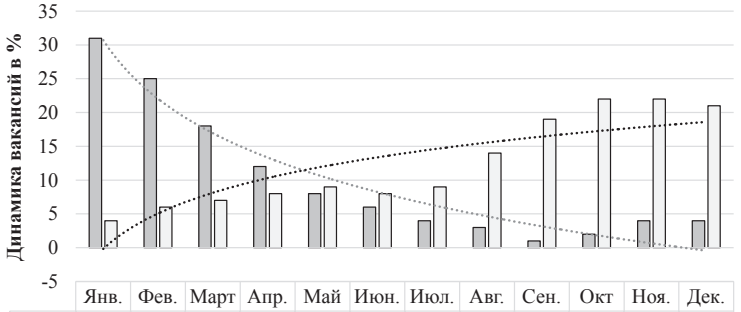
Ведущую роль в подготовке кадров для рынка труда в сфере *IT* занимают образовательные учреждения (вузы, колледжи и организации дополнительного образования). Согласно исследо-



	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июн.	Июл.	Авг.	Сен.	Окт	Ноя.	Дек.
2023	-29	-26	-10	7	13	16	21	21	21	26	26	20
2024	18	22	19	18	17	18	16	14	10	10	2	-5

Рис. 1. Ежемесячная динамика вакансий на рынке информационных технологий в 2023–2024 гг.

Составлено с исп. [5].



	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июн.	Июл.	Авг.	Сен.	Окт	Ноя.	Дек.
2023	31	25	18	12	8	6	4	3	1	2	4	4
2024	4	6	7	8	9	8	9	14	19	22	22	21

Рис. 2. Ежемесячная динамика резюме на рынке информационных технологий в 2023–2024 гг.

Составлено с исп. [5].

ваниям Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», за период 2020–2023 гг. российские университеты суммарно выпустили 154,9 тыс. выпускников по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в области информатики и вычислительной техники [8].

Стоит отметить, что ежегодно увеличивается количество бюджетных мест и общее число студентов. Так, в 2024 г. численность обучающихся в высших образовательных организациях по *IT*-направлениям составила более 600 тыс. чел. На рисунке 3 отражено ежегодное количество бюджетных мест в российских университетах за период 2020–2024 гг. по программам ИКТ-направленности. Положительные изменения общей численности бюджетных мест являются следствием реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», направленного на обеспечение технологической независимости государства, ускорение развития отечественных компаний, повышение конкурентоспособности и подготовку высококвалифицированных кадров для цифровой экономики [4, с. 9].

Помимо увеличения количества обучающихся в вузах и колледжах, за период 2021–2023 гг. 78 тыс. чел. получили дополнительную *IT*-специальность по программам дополнительного образования в соответствии с Федеральным проектом «Кадры для цифровой экономики». По результатам проекта более 40 % безработных слушателей были трудоустроены [9].

Можно сделать вывод, что рост количества занятых в секторе информационных технологий объясняется высоким уровнем заинтересованности государства в регулировании рынка труда посредством осуществления национальных и федеральных программ в 2019–2024 гг. Инициация и утверждение Правительством РФ новых проектов «Кадры» и «Экономика данных и цифровая трансформация» на 2025–2030 гг. призваны продолжить тренд на увеличение числа специалистов в области ИКТ, стабилизировав дефицит высококвалифицированных специалистов.

Несмотря на рост количества работников в 2024 г., российский рынок труда в сфере информационных технологий остаётся трудонедостаточным, так как нехватка кадров за этот период составила 740 тыс. чел. [11]. Усложняющим элементом является усугубление ценовой конкуренции между российскими компаниями в привлечении высококвалифицированных специалистов. В 2024 г. уровень заработных плат в IT-сфере вырос на 21 %, составив в денежном выражении 188,7 тыс. руб./мес. Также эксперты отмечают быстрый рост *IT*-зарплат в Липецкой, Волгоградской, Московской областях и Красноярском, Забайкальском краях [12]. На рисунке 4 представлены медианные значения предлагаемых зарплат в области информационных технологий в крупных российских городах в 2023–2024 гг. по данным платформы «*HeadHunter*». Исходя из данных рисунка 4, самая большая медианная заработная плата отмечена в Москве – 135,3 тыс. руб., а самая наименьшая в Саратове – 56,2 тыс. руб. Наибольший прирост уровня медианной заработной платы в 2023–2024 гг. отмечен в Ярославле – 26 %, а наименьший в Тюмени – (-3,3 %). В среднем уровень заработной платы по всем городам в 2024 г. увеличился на 9 % по сравнению с предыдущим базовым годом. Учитывая особенности трудовой деятельности *IT*-специалистов, зарплатная гонка будет набирать обороты и приведёт к неэквивалентному распределению трудовых ресурсов. В результате оттока работников из менее прибыльных организаций и регионов миграция кадров повлечёт за собой сокращение количества компаний в отрасли на региональном уровне и высокой концентрации фирм в городах-миллионниках.

Таким образом, цифровизация бизнес-процессов, увеличение инвестиций в *digital*-инфраструктуру к 2030 г. создадут еще больше рабочих мест в отрасли, а российские учебные заведения не смогут

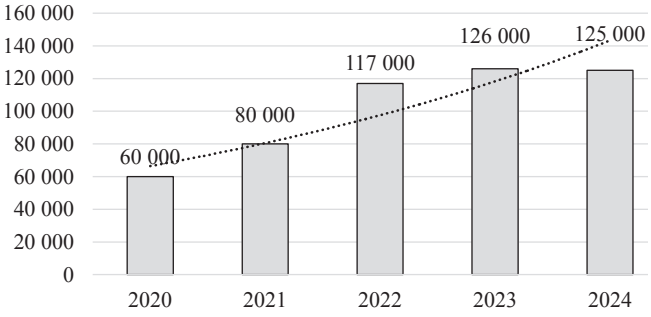


Рис. 3. Количество бюджетных мест в российских университетах по специальностям ИКТ-направленности в 2020–2024 гг.

Составлено с исп. [8; 10].

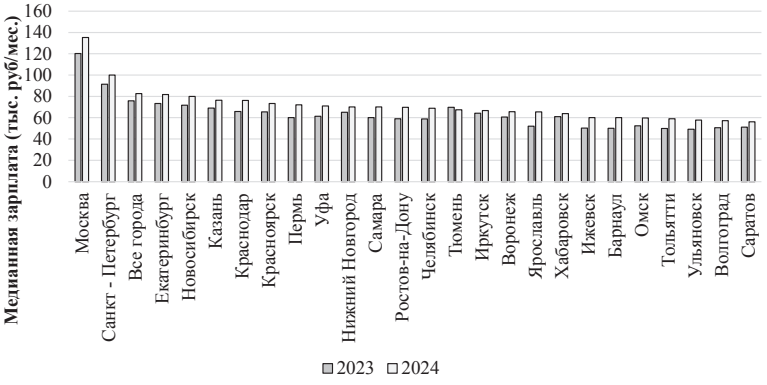


Рис. 4. Медианные значения предлагаемых заработных плат в области информационных технологий в крупных российских городах

Составлено с исп. [5].

в полной мере восполнить дефицит кадров выпускниками. Именно поэтому *HR*-менеджерам российских компаний необходимо учитывать динамичность роста заработных плат и текучесть персонала в отрасли, поскольку эффективный поиск, обучение, мотивация и удержание специалистов базируется на развитие благоприятной рабочей среды с учётом специфики формата труда в сфере ИКТ.

Трудовая деятельность с использованием работниками специализированного программного обеспечения, технологий на базе искусственного интеллекта, блокчейна и интернет-вещей напрямую зависит от уровня цифровой зрелости предприятия. Согласно последним исследованиям, проведённым в 2022 г. Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, лидером в области цифровизации является *IT*-сектор [4].

Исходя из анализа сектора информационных технологий, проведённого компаниями «Технократия» и «*HeadHunter*» в 2023 г., 40 % *IT*-вакансий позволяют работать дистанционно [13], но к концу 2023 г. в РФ вне офисов работало более 1 млн чел., что составило ~ 1 % от всех занятых. Несмотря на активный переход к цифровым форматам работы в период коронавирусной инфекции в 2019–2020 гг., в 2023–2024 гг. отмечается замедление темпов роста количества дистанционных сотрудников не только в России, но и во всём мире. На рисунке 5 отражена доля сотрудников, работающих вне офиса компании в 2015–2023 гг.

На основании результатов исследования немецкой компании «*Statista*» ежегодный прирост таких работников за 2015–2023 гг. составил 2,62 %, а учитывая падение темпов роста относительно прошлого года, консолидация показателей в 2022–2023 гг. не демонстрирует отрицательный тренд на долю цифрового персонала, что косвенно подтверждает перспективы дальнейшего расширения штата компаний, использующих дистанционный формат труда по приоритетным направлениям профессиональной деятельности. К недостаткам такой занятости для работодателей и работников относят:

– организация рабочего процесса на дистанции – оперативной обратной связи и личного общения

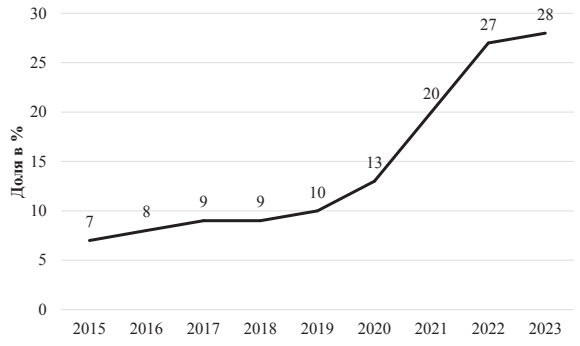


Рис. 5. Доля цифровых сотрудников в мире

Составлено с исп. [11].

при решении рабочих вопросов, влияющих на эффективность труда [14, с. 134];

– неподходящее оснащение рабочего места и проблемы в его оформлении: отсутствие необходимого оборудования, мебели и нестабильная связь;

– малоподвижный образ жизни, влияющий на здоровье ввиду нехватки движений на рабочем месте;

– отвлекающие бытовые факторы при осуществлении труда в домашних условиях;

– сложность контроля со стороны функциональных руководителей подразделений;

– потеря чувства общности и командного духа ввиду снижения эффективности коммуникации и сотрудничества;

– риск потери коммерческой информации и конфиденциальных данных.

Несмотря на негативные аспекты цифрового формата труда, главным преимуществом современных ИКТ-специалистов считается высокий уровень мобильности, сопровождающийся делокализацией, а также возможностью находить работу в других регионах в зависимости от условий работы или комфортного пребывания. В свою очередь, к преимуществам дистанционного формата работы для работодателя и работника относят:

– большой перечень кандидатов на должность. Специалисты отдела кадров не ограничиваются территориальными рамками, тем самым сокращают время на закрытие вакансии и оперативно перераспределяют нагрузку на фоне дефицита кадров [15];

– снижение издержек компании на аренду помещений, коммунальные платежи, закупки расходных материалов и пр.;

– высокая доступность развития профессиональных возможностей и навыков. Организация обучения, мастер-классов и конференций в онлайн-формате позволяет привлекать именитых спикеров, преподавателей и партнёров;

– наличие возможности организовать удаленные рабочие места вблизи расположения важных клиентов организации [16, с. 51];

– гибкость графика. Сотрудники самостоятельно определяют длительность рабочего дня и распределяют свои трудозатраты относительно поставленных задач.

Стоит отметить, что при переходе предприятий на онлайн-занятость с целью минимизации влияния дефицита кадров необходимо создать благоприятную среду для дистанционных работников с учётом специфики формата труда и интеграции специализированных программ в HR-процессы: подбор и найм персонала, адаптация, управление эффективностью, мотивация, обучение и увольнение. На основании проведённого анализа особенностей цифровой занятости и последних трендов в области управленческого инструментария, автором была разработана и предложена новая модель процесса подбора и найма

сотрудников в российских *IT*-компаниях, практикующих онлайн-занятость (рис. 6).

Данная модель отражает применение отделами *HR* и экономической безопасности (далее – ОЭБ) цифрового помощника (программное обеспечение с ИИ), позволяющее ранжировать и подбирать резюме из внешней базы данных, а также осуществлять проверку подлинности документов. Проведение собеседований с руководителем функциональных подразделений и пр. сотрудниками компании осуществляется посредством видеосвязи, а уведомление кандидата на вакантную должность производится через электронную почту или иные средства интернет-коммуникации. На основании вышеизложенного следует отметить, что снижение нагрузки на *HR*-специалистов и работников ОЭБ в совокупности с цифровизацией процесса подбора и найма позволит минимизировать количество операций и, как следствие, сократить время на закрытие вакансии.

Несмотря на увеличение количества выпускников профильных вузов по IT-специальностям и успешной реализации обучения по программам дополнительного образования в рамках исполнения национальных и федеральных проектов российскими компаниями, прогнозируется дефицит кадров на рынке труда в области информационных технологий как минимум до 2030 г. [17]. Поэтому переход на новые форматы труда с использованием цифровых технологий для минимизации рутинных задач и перестроение действующих процессов управления остаются приоритетными направлениями для отечественных *HR*-менеджеров по повышению эффективности деятельности компании в условиях высокой конкуренции.

Литература:

1. ИТ-кадры на перспективу: Минцифры усиливает подготовку специалистов. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/54159/ (дата обращения: 29.12.2024).
2. В России почти 1 млн айтишников, но надо больше. URL: https://telecomdaily.ru/news/2024/09/10/v-rossii-pochti-1-mln-aytishnikov-no-nado-bolshe (дата обращения: 02.01.2025).
3. IT-кадры найдут выход. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7230882 (дата обращения: 03.01.2025).
4. Индекс цифровизации отраслей экономики и социальной сферы. URL: https://issek.hse.ru/news/783750202.html (дата обращения: 29.01.2025).
5. Hh Статистика: сервис открытой аналитики рынка труда. URL: https://stats.hh.ru/ (дата обращения: 27.01.2025).
6. Количество ИТ-специалистов в России увеличилось на 13 %. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/50230/ (дата обращения: 10.01.2025).
7. К 2030 году в России планируют увеличить число кадров в IT на 1,5 млн человек. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7026333 (дата обращения: 10.01.2025).
8. Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.
9. Национальные проекты Российской Федерации: офиц.сайт. Москва. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/tsifrovaya-ekonomika/p-

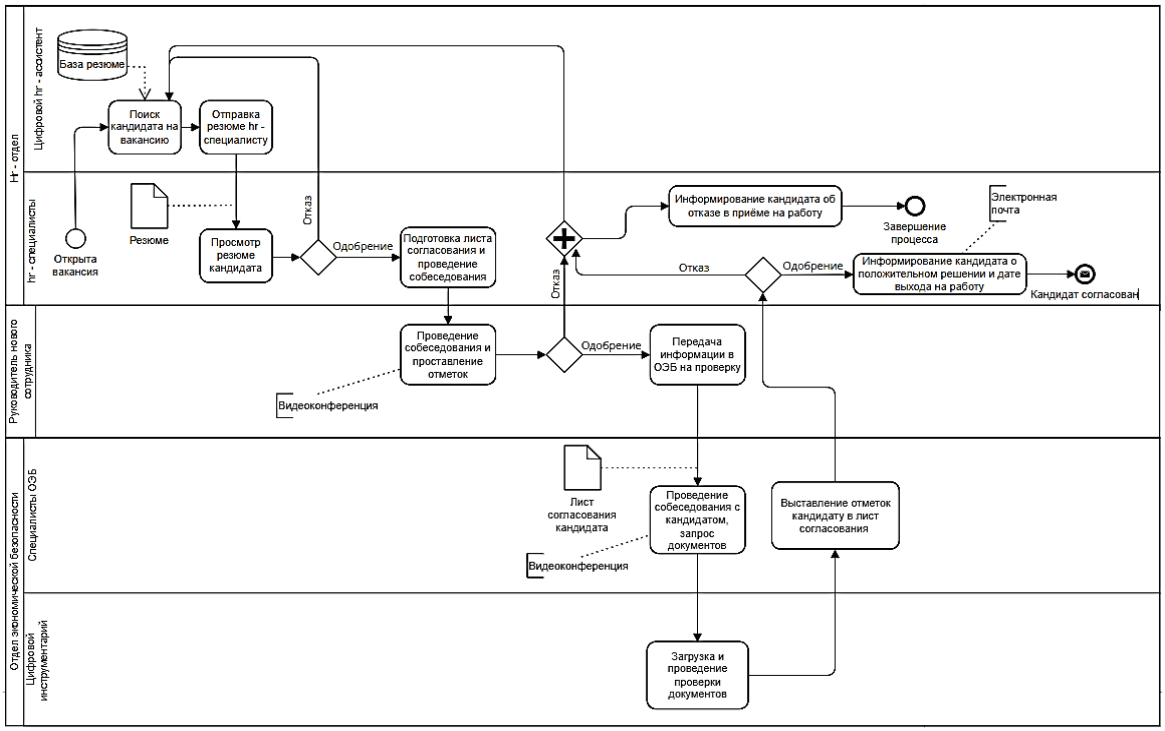


Рис. 6. Модельное представление бизнес-процесса найма персонала с применением дистанционного формата

kadry-dlya-tsifrovoy-ekonomiki-p/ (дата обращения: 23.01.2025).
10. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/ (дата обращения: 22.01.2025).
11. IT-кадры найдут выход. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7230882 (дата обращения: 03.01.2025).
12. Зарплата ИТ-специалистов в два раза выше средней по экономике. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/51767/ (дата обращения: 15.01.2025).
13. Число вакансий для IT-специалистов за год выросло на 20 %. URL: https://clck.ru/3G4g8i (дата обращения: 29.01.2025).
14. Гурова И.М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11. № 2. С. 128–147. DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.2.128-147.
15. Руководители рассказали о проблемах и преимуществах удаленки. Большинство уверено, что эффективность не зависит от формата работы. URL: https://www.rbc.ru/economics/15/08/2023/64d5fd819a7947c17eef9146 (дата обращения: 16.01.2025).
16. Подолян Е.А. Организация работы удаленных сотрудников: реалии и возможности управления ее эффективностью // Стратегически ориентированное развитие экономических систем в условиях чрезвычайных ситуаций: сб. мат. Межд. науч.-прак. конф., Самара, 18 марта 2021 г. Самара: АНО «Изд-во Самарского научного центра», 2021. С. 46–54.
17. Как компании преодолевают дефицит IT-кадров. URL: https://www.rbc.ru/industries/news/66143d1e9a79470b59f7b537 (дата обращения: 20.01.2025).

The Model Representation of the Remote Business Process of Personnel Selection for IT Companies

Suslov I.D.
Moscow City University

The digitalization of work processes caused by increased competition among domestic companies has increased the demand for highly qualified specialists and transformed the formats of basic and infrastructural business processes. One of the reserves for reducing the shortage of personnel is the partial or complete transition of employees to a remote work format by introducing new digital practices into HR processes for the automated search for candidates for vacant positions. In this regard, the purpose of the study is to substantiate the model of the business process of personnel selection for IT companies, considering the specifics of the remote employment format based on an analysis of labor availability for the period 2025-2030. The scientific significance of the work is determined in identifying areas for improving the HR processes of Russian enterprises. The practical significance of the study lies in the fact that the results of the study can be used to make changes to the current mechanism of recruiting companies in the information technology sector. Based on the analysis, a shortage of IT specialists was identified and a recruitment model based on HR-Tech programs was developed to reduce the understaffing of enterprises in the context of the digital transformation of the economy and the labor market.

Keywords: staff shortage, labor market, online employment, workforce, HR processes, IT industry, personnel management.

УДК 316.334.23
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-117-121

Отношение к риску в предпринимательской среде (по материалам исследования)



Тевлюкова О.Ю.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Новосибирского государственного университета экономики и управления



Болотов И.В.
Студент кафедры экономики предпринимательской деятельности
Новосибирского государственного университета экономики и управления

В современных условиях предпринимательство выступает как инновационный механизм, способствующий развитию экономической системы в целом, выполняя в обществе ряд важных экономических и социальных функций. Ведение предпринимательской деятельности связано с рисками, в этой связи исследование готовности предпринимателей оценивать и принимать риски имеет научное и прикладное значение.

Целью статьи является изучение восприятия риска предпринимателями. Для достижения поставленной цели было проанализировано понятие риска, исследовано отношение к риску в предпринимательской среде, выявлены проблемы, снижающие готовность предпринимателей рисковать и развивать предпринимательское дело.

Научная значимость исследования заключается в выявлении отношения к риску в среде новосибирских предпринимателей, определении гендерных особенностей восприятия риска, разработке типологии предпринимателей по критерию готовности к риску. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ государственной поддержки предпринимательства и обучающих программ для начинающих предпринимателей.

В статье на основе анализа научной литературы, статистических данных и результатов анкетирования выявляются особенности восприятия риска в предпринимательской среде, на основе кластерного анализа выделяются типы новосибирских предпринимателей по готовности к риску.

Ключевые слова: *опрос, предпринимательство, предпринимательское мышление, риск, прибыль*

Для цитирования: *Тевлюкова О.Ю., Болотов И.В. Отношение к риску в предпринимательской среде (по материалам исследования) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 117–121. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-117-121.*

Предпринимательство оказывает существенное влияние на социально-экономические процессы. Благодаря предпринимательской деятельности создаются новые рабочие места, происходит расширение рынка труда и сокращается безработица. Выплачивая более высокую заработную плату на-

емным сотрудникам, предприниматели содействуют повышению качества жизни работников, укреплению экономической независимости населения и росту платёжеспособности граждан. В результате предпринимательской деятельности производятся товары и услуги для удовлетворения потребностей населения. Предприниматели платят налоги, проявляют социально-политическую активность, инициируют изменения в законодательстве и пр. Несмотря на значимость предпринимательской деятельности, в российском обществе сохраняется неоднозначное отношение к предпринимательству, что делает предпринимательство актуальным объектом анализа в современной российской социологии. Анализ исследовательской практики показывает, что российские социологи проявляют интерес к изучению предпринимательства и его роли в обществе [1–4].

Развитие предпринимательства в России показывает неустойчивую динамику. С одной стороны, предпринимательская активность растет, ежегодно регистрируется большое количество индивидуальных предпринимателей. Так, согласно статистике Федеральной налоговой службы России в 2023 г. было зарегистрировано 888 тыс. новых ИП, а чистый прирост (разница между новыми и ликвидированными) составил 363 тыс. чел., что на 10 % больше, чем годом ранее. Это рекордный показатель с 2007 г. Всего в России действует 4,3 млн ИП [5]. Среди главных причин роста числа индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации следует назвать следующие:

– во-первых, после ухода иностранных брендов из России на рынке освободилось много ниш, которые начали заполнять российские предприниматели;

– во-вторых, государство более активно стало поддерживать предпринимателей, так, в 2023 г. начали выдавать гранты для предпринимателей младше 25 лет (до 500 тыс. рубл. на создание бизнеса);

– в-третьих, многие люди перешли в ИП из самозанятых, потому что превысили лимит дохода в 2,4 млн руб. [4].

С другой стороны, несмотря на большое число ежегодно создаваемых бизнес-организаций, далеко не все они развиваются успешно, поскольку ведение бизнеса обусловлено состоянием внешней среды. На способность предпринимателей адаптироваться к новым реалиям ведения бизнесав последнее время негативно повлияли прежде всего санкции, нарушившие сложившуюся логистику, что побудило искать новых бизнес-партнеров для ввоза оборудования и товаров из-за рубежа [1]. Второй фактор – сложная экономическая ситуация в стране, включая высокую ключевую ставку, невыгодные кредиты, недостаточное количество квалифицированных кадров в некоторых сферах и пр. Таким образом, предприниматели действуют в среде с высокой долей рисков.

Риск определяется как «деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели» [2]. Таким образом, способность оценивать ситуацию и просчитывать риски выступает одним из условий успешного ведения бизнеса.

Для изучения особенностей восприятия риска среди новосибирских предпринимателей осенью 2024 г. был проведен опрос методом анкетирования. В Новосибирской области зарегистрировано 84 тыс. индивидуальных предпринимателей [6]. В исследовании использовалась невероятностная целевая выборка, что обусловлено рядом причин: проведение массового опроса было затруднено из-за ограниченных ресурсов (временных, финансовых) и низкой вовлечённости предпринимателей; исследование носило разведывательный характер, было направлено на выявление ключевых тенденций и формулирование гипотез, а не получение окончательных статистических выводов; респонденты были отобраны таким образом, чтобы охватить основные группы ИП, что повышает обоснованность полученных данных. В рамках проведенного исследования было опрошено 79 предпринимателей в возрасте от 20 до 55 лет, из них 45 мужчин и 34 женщины.

Результаты опроса показали, что свыше трети респондентов (40 %) оценивают предпринимательские риски в собственной сфере деятельности как средние, четверть – как высокие. Различие оценок связано с двумя факторами: отраслью ведения предпринимательской деятельности и стажем предпринимательства.

При принятии решений 40 % опрошенных предпринимателей предпочитают «умеренный риск», то есть ищут оптимальный вариант соотношения риска и дохода. Они готовы получать средний доход и избегают высокодоходных предприятий, если они связаны с высокой степенью риска. 25 % респондентов часто принимают рискованные решения, 20 % респондентов стремятся к максимальной выгоде, не взвешивая риски.

Восприятие риска и готовность рисковать зависят от пола и опыта предпринимательской деятельности. Так, анализ ответов в разрезе пола показал, что предприниматели-мужчины более склонны принимать рискованные решения, чем женщины (табл. 1).

Таблица 1

Отношение к риску в зависимости от пола, %

Пол	Варианты ответов		
	Минимизирую риск	Иду на умеренный риск	Принимаю рискованные решения
мужской	5	25	70
женский	59,1	31,8	9,1

Так, почти 60 % женщин ориентированы на минимизацию риска, в то время как 70 % опрошенных мужчин предпочитают принимать рискованные решения.

Доля тех, кто готов принимать рискованные решения, среди предпринимателей с опытом ведения бизнеса свыше 7 лет составляет 40,4 %, с опытом 4–7 лет – 25,6 %, с опытом 1–3 года – 9,1 %, а среди начинающих (опыт менее года) желающие рисковать отсутствуют (табл. 2).

Таблица 2

Отношение к риску в зависимости от опыта предпринимательской деятельности, в %

Опыт предпринимательской деятельности	Варианты ответов		
	Минимизирую риск	Иду на умеренный риск	Принимаю рискованные решения
Менее 1 года	50	50	0
1–3 года	59,1	31,8	9,1
4–7 лет	30,8	43,6	25,6
Более 7 лет	19,1	40,5	40,4
Всего	31,6	46.3	22,1

В научной литературе главным признаком предпринимателя считается готовность пойти на риск. Анализ результатов опроса позволяет сделать вывод о том, что новосибирские предприниматели готовы пожертвовать частью прибыли ради минимизации риска, что сближает их позицию с установками наемных работников. В этом специфика мышления представителей малого бизнеса.

Самые значимые риски, с которыми сталкиваются предприниматели, – финансовые (35 %) и операционные (25 %). Финансовые риски связаны со снижением прибыли, возможностей кредитования, увеличением оборота и мощностей. К операционным рискам респонденты относят персонал, организацию процессов и риск системы. Для минимизации операционных рисков новосибирские предприниматели применяют «автоматизацию процессов» (20 %), «улучшение качества продукции или услуг» (25 %), «повышение квалификации персонала» (30 %). Таким образом, предприниматели готовы вкладывать средства в развитие персонала, несмотря на то что большинство респондентов имеют малый бизнес с небольшим количеством сотрудников. Половина предпринимателей для управления правовыми рисками иногда обращаются за юридической поддержкой.

Следует отметить, что респонденты в качестве рисков почти не выделяют политические (1 %) и глобальные (2 %). Вероятно, предприниматели в большей степени сосредоточены на внутренней социально-экономической обстановке, чем на политических процессах или международных событиях.

Экономическая ситуация в стране, как отмечают предприниматели, влияет на риск, но умеренно, согласно результатам опроса, 45 % опрошенных предпринимателей готовы адаптироваться к новым условиям ведения бизнеса. Стоит отметить, что внедрение инноваций ради адаптации к изменяющимся условиям внешней среды – это одна из функций предпринимательства.

Как показал опрос, более половины опрошенных предпринимателей (52 %) при анализе рисков привлекают внешних экспертов. Возможно, это связано с тем, что они осознают недостаточность знаний в области анализа рисков. 28 % респондентов проводят только финансовый анализ, 20 % оценивают риски на интуитивном уровне, что может свидетельствовать о том, что они относятся к рискам недостаточно ответственно.

При этом 15 % опрошенных предпринимателей оценивают свое умение управлять рисками как высокое, 40 % считают, что «хорошо управляют рисками», 30 % – «средне», 10 % – «плохо» и 5 % – «очень плохо».

Опрошенные указали две основные проблемы, с которыми сталкиваются на повседневной основе (частота упоминания других проблем не превышает величину статистической погрешности):

– нехватку квалифицированных сотрудников (25 %);

– недостаточность финансирования (30 %).

Эти проблемы ограничивают не только развитие бизнеса, но и предпринимательскую инициативу. Так, половина опрошенных считает, если бы у них было больше финансовых средств, они бы чаще шли на риск. Треть опрошенных идти на большие риски побуждает конкуренция на рынке.

Для типологии опрошенных предпринимателей по критерию готовности идти на риск был проведен кластерный анализ (табл. 3).

Таким образом, среди опрошенных преобладают предприниматели со средним уровнем готовности к риску, склонные рисковать в некоторых ситуациях. Второй по распространенности группой являются предприниматели, которые предпочитают вести свою деятельность без риска, опасаясь финансовых потерь, даже если она приносит меньше дохода. На третьем месте те, кто готов рисковать ради высокой прибыли, но на основе анализа и управления рисками.

Итак, исследование позволило выявить, что мужчины-предприниматели более склонны к риску, чем женщины; предприниматели с опытом способны лучше оценивать риски и чаще принимают рискованные решения; в текущей социально-экономической ситуации бизнес видит преимущественно ограничения, но готов к ним адаптироваться. Большая часть новосибирских предпринимателей и предпринимательниц предпочитают рискам стабильный средний доход, сознательно ограничиваются сферой малого бизнеса, так как не готовы расширять бизнес за

Таблица 3

Основания кластеризации респондентов

Вопросы	Высокий риск	Средний риск	Низкий риск
Какое отношение к риску лучшевсего описывает Ваш подход?	Часто применяю рисковые решения	Иду на умеренный риск	Минимизирую риск
Каким образом Вы оцениваете возможные риски перед началом новых проектов?	Привлекаю внешних экспертов	Провожу финансовый анализ	Не оцениваю риски
Какую стратегию управления рисками Вы используете?	Активно управляю рисками	Частично управляю рисками	Не управляю рисками
Готовы ли Вы пожертвовать частью прибыли ради снижения риска?	Нет, предпочитаю максимизировать прибыль	Да, но только в определенных ситуациях	Да, в большинстве случаев

счет изменения организационно-правовой формы, увеличения количества сотрудников или изменения профиля бизнеса. Респонденты предпочитают вести малый бизнес в сфере услуг, ориентированный на обслуживание физических лиц, снижая риски.

Те, кто обладают высокой степенью готовности к риску, рационально подходят к процессу принятия решений, обращаются к профильным организациям для анализа рынка, анализируют и взвешивают риски, готовы потерять часть текущей прибыли ради будущего роста, т.е. идут на риск ради масштабирования и развития бизнеса.

К организации и ведению рискованного бизнеса – венчурного, высокотехнологичного, инновационного – новосибирские предприниматели не готовы, поскольку он требует больших финансовых вложений и высокой компетентности в вопросах ведения бизнеса, оценки рисков и принятия решений.

Литература:

1. Делахов Д.А., Каратаев Н.Д. Риск-менеджмент в предпринимательской деятельности // Дискуссия. 2017. № 5 (79). С. 154–161.
2. Кох И.А., Шелгинский А.Е. Предпринимательские риски в российской экономике // Дискуссия. 2018. № 2 (87). С. 52–58.
3. Назарова О.В., Гунькова А.В. Оценка влияния рисков на финансовое состояние организации // Вестник Академии знаний. 2021. № 4 (45). С. 403–411.
4. Попредкина Д.П., Нуретдинова Ю.В., Горланова Н.С., Нуретдинов Д.И. Предпринимательские риски и способы их снижения // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4-4 (118). URL: https://research-journal.org/archive/4-118-2022-april/predprinimatelskie-riski-i-sposoby-ix-snizheniya.
5. Федеральная налоговая служба: официальный сайт. URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?mode=map (дата обращения: 27.12.2024).
6. Министерство промышленности, торговли и развития предпринимательства Новосибирской области. URL: https://minrpp.nso.ru/news/5653 (дата обращения: 12.11.2024).

Attitude to Risk in the Business Environment (Based on Research Materials)

Tevlyukova O.Y., Bolotov I.V.
Novosibirsk State University of Economics and Management

In modern society entrepreneurship acts as an innovative mechanism that promotes the development of the economic system as a whole, performing a number of important economic and social functions in society. Conducting entrepreneurial activity is associated with risks, in this regard, the study of the readiness of entrepreneurs to assess and accept risks has scientific and applied significance.

The purpose of the scientific article is to study the perception of risk by entrepreneurs. To achieve this goal, the concept of risk was analyzed, the attitude to risk in the business environment was studied, problems that reduce the willingness of entrepreneurs to take risks and develop entrepreneurial business were identified.

The scientific significance of the study lies in identifying the attitude to risk among Novosibirsk entrepreneurs, determining the gender characteristics of risk perception, developing a typology of

entrepreneurs based on the criterion of risk readiness. The results of the study can be used in developing programs of state support for entrepreneurship and training programs for aspiring entrepreneurs.

Based on the analysis of scientific literature, statistical data and survey results, the article identifies gender characteristics of risk perception in the business environment, and identifies types of Novosibirsk entrepreneurs based on risk readiness using cluster analysis.

Keywords: survey, entrepreneurship, entrepreneurial thinking, risk, profit

УДК 336.13
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-122-125

Международная практика оценки качества управления общественными финансами и возможности ее применения в России



Шавалеева Ч.М.
Кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета

Качество управления государственными и муниципальными финансами является частым объектом изучения в экономической литературе. Однако чаще всего статьи сводятся к описанию методики оценки качества управления региональными финансами, утвержденной Приказом Министерства финансов РФ от 03.12.2010 г. № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами», и анализу результатов мониторинга, проведенного Министерством финансов РФ на основе указанной методики. В научных трудах отсутствует критический анализ самой методики оценки и возможностей ее совершенствования, что обуславливает актуальность исследований в этой области. Целью статьи является изучение методик оценки качества управления государственными и муниципальными финансами, применяемыми в международной практике, и определение возможностей их использования в России. По результатам проведенного исследования сделан вывод об ориентированности зарубежных методик на проведение межстранового сравнительного анализа и невозможности их полного использования для проведения оценки качества управления общественными финансами внутри страны.

Ключевые слова: *управление финансами, качество управления*

Для цитирования: *Шавалеева Ч.М. Международная практика оценки качества управления общественными финансами и возможности ее применения в России // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 122–125. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-122-125.*

Оценка качества управления общественными финансами имеет важную роль в процессе государственного управления. Полученная по результатам оценки информация может являться основой принятия грамотных управленческих решений, исходя из реальной ситуации с учетом потенциальных возможностей и рисков. Для этого методика оценки должна предоставлять объективную картину организации финансовой деятельности публично-правовых образований и позволять выявлять проблемные зоны. В этом контексте в целях рассмотрения возможностей применения в России интересна международная практика оценки качества управления финансами.

На сегодняшний день оценку качества государственного управления проводят несколько международных организаций. Наиболее известная методика применяется в рамках исследования Группы Всемирного банка – оценки качества государственного управления (*Worldwide Governance Indicators*), про-

Благодарность.
Публикация подготовлена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

водимой ежегодно с 1996 г. В методике исследования используются шесть групп индикаторов, отражающих в комплексе основные параметры качества и эффективности государственного управления [1]:

1) учёт мнения населения и подотчётность государственных органов;

2) политическая стабильность и отсутствие насилия;

3) эффективность работы правительства;

4) качество законодательства;

5) верховенство закона;

6) сдерживание коррупции.

Таким образом, методика оценки качества государственного управления, применяемая Группой Всемирного банка, ориентирована именно на оценку государственного управления в целом. Соответственно, нет возможностей ее применения в целях оценки качества управления финансами.

На международном уровне оценка качества управления непосредственно финансами проводится на основе Программы государственных расходов и финансовой отчетности (*PEFA*), инициированной в 2001 г. семью международными партнерами по развитию, в числе которых Европейская комиссия, Международный валютный фонд, Всемирный банк и правительства Франции, Норвегии, Швейцарии и Великобритании [2]. Программа разработана для оценки и отчетности о сильных и слабых сторонах управления государственными финансами и включает 94 параметра (измерения) по 31 ключевому показателю управления государственными финансами (показателям) по 7 компонентам деятельности [2]:

I. Надежность бюджета – оценивается реалистичность бюджета и его исполнение в соответствии с планом;

II. Прозрачность государственных финансов – анализируется полнота, последовательность и доступность информации об управлении государственными финансами для пользователей;

III. Управление активами и обязательствами – оценивается эффективное управление активами и обязательствами;

IV. Основанные на политике бюджетно-налоговая стратегия и составление бюджета – анализируется соответствие бюджета государственной бюджетно-налоговой политике, стратегическим планам;

V. Предсказуемость и контроль исполнения бюджета – оценивается система разработанных стандартов, процессов и внутреннего контроля и обеспечение целевого использования средств;

VI. Учет и отчетность – анализируется организация учета, подготовка и распространение информации в целях удовлетворения потребностям принятия решений, управления и подготовки отчетности;

VII. Внешний контроль и аудит – оценка государственных финансов и контроль за принятием органами исполнительной власти мер по реализации рекомендаций по улучшению работы.

По каждому компоненту (направлению) оценки предусмотрены группы показателей, представленные в таблице 1.

На наш взгляд, приведенные показатели позволяют охарактеризовать организацию планирования, исполнения бюджета, формирование отчетности и соблюдение принятых на международном уровне правил в государстве и сравнить разные государства по этим параметрам. Однако не все показатели связаны с качеством управления.

Показатели, относящиеся к первому компоненту «Надежность бюджета», вопросов не вызывают, они позволяют оценить качество планирования бюджета.

Показатели второго компонента «Прозрачность государственных финансов» с точки зрения анализа качества управления дискуссионны. В частности, такие показатели, как «Классификация бюджета», «Бюджетная документация», «Доступ общественности к бюджетно-налоговой документации», «Информация об эффективности оказания услуг», последний из которых оценивается на основе данных о публикации отчетности и докладов о результатах деятельности, в большей степени характеризуют не эффективность управления государственными финансами, а соблюдение правил и практик, рекомендованных международными организациями или соглашениями государств. Кроме того, показатели «Классификация бюджета» и «Бюджетная документация» могут быть применимы для межстранового сравнения. Но применительно к публично-правовым образованиям внутри страны, особенно государства с централизованной моделью федерализма, в том числе России, указанные показатели не могут быть применимы для сравнения в силу действия единого законодательства, регулирующего бюджетную классификацию, состав и сроки представления отчетности.

В рамках третьего компонента «Управление активами и обязательствами» большой интерес представляют показатели и параметры, позволяющие оценить качество управления государственными активами, инвестициями и долгом. Только параметры «Утверждение долга и гарантий» и «Стратегия управления долгом» нам представляются малоинформативными с точки зрения качества управления, поскольку данные параметры отражают лишь закрепление соответствующего функционала за одним органом государственной власти и факт разработки стратегии управления государственным долгом.

Относительно показателей четвертого компонента «Основанные на политике бюджетно-налоговая стратегия и составление бюджета» можно отметить, что:

– показатели «Макроэкономическое и бюджетное-налоговое прогнозирование» и «Бюджетно-налоговая стратегия» характеризуют качество государственного финансового менеджмента и при их использовании на федеральном уровне проблем

Таблица 1

Направления и показатели оценки качества управления общественными финансами в соответствии с Программой государственных расходов и финансовой отчетности (*PEFA*)

Компоненты (направления) оценки	Показатели оценки
I. Надежность бюджета	1. Совокупные показатели исполнения расходной части бюджета
	2. Структура исполнения расходной части бюджета
	3. Исполнение доходной части бюджета
II. Прозрачность государственных финансов	4. Классификация бюджета
	5. Бюджетная документация
	6. Операции центрального правительства, не учитываемые в финансовой отчетности
	7. Трансферты местным органам власти
	8. Информация об эффективности оказания услуг
	9. Доступ общественности к бюджетно-налоговой информации
III. Управление активами и обязательствами	10. Отчетность о рисках бюджетно-налогового характера
	11. Управление государственными инвестициями
	12. Управление государственными активами
	13. Управление долгом
IV. Основанные на политике бюджетно-налоговая стратегия и составление бюджета	14. Макроэкономическое и бюджетное-налоговое прогнозирование
	15. Бюджетно-налоговая стратегия
	16. Среднесрочная перспектива планирования государственных расходов
	17. Процесс подготовки бюджета
	18. Рассмотрение бюджета органом законодательной власти
V. Предсказуемость и контроль исполнения бюджета	19. Администрирование доходов
	20. Учет доходов
	21. Предсказуемость наличия ресурсов в течение года
	22. Задолженность по расходам
	23. Контроль за фондом заработной платы
	24. Закупки
	25. Внутренний контроль за расходами, не связанными с заработной платой
	26. Внутренний аудит
VI. Учет и отчетность	27. Надёжность финансовых данных
	28. Отчёты об исполнении бюджета, предоставляемые в течение года
	29. Годовые финансовые отчеты
VII. Внешний контроль и аудит	30. Внешний аудит
	31. Рассмотрение заключений внешнего аудита органом законодательной власти

Составлено по данным Программы государственных расходов и финансовой отчетности (PEFA) [2].

не возникает. Однако использование данных показателей на субфедеральном уровне несколько усложняется, что связано с тем, что регулирование не всех видов доходов и расходов региональных и местных бюджетов осуществляется региональными и муниципальными органами власти. Например, в Российской Федерации федеральные налоги и их элементы регулируются федеральными органами власти, предоставление межбюджетных трансфертов также зависит от вышестоящих органов власти. Соответственно, могут возникнуть сложности с разработкой точной бюджетно-налоговой стратегии на среднесрочную перспективу;

– показатели «Среднесрочная перспектива планирования государственных расходов», «Процесс подготовки бюджета», «Рассмотрение бюджета органом законодательной власти» характеризуют преимущественно процедурные аспекты, нежели качество управления финансами. Кроме того, для внутристранового анализа данные показатели могут быть неинформативны в случаях действия единого законодательства, регулирующего бюджетный процесс. В этом случае соблюдение этапов бюджетного процесса – это обязательное условие, а не показатель качества управления.

Показатели и параметры, предусмотренные пятым, шестым и седьмым компонентами – соответственно «Предсказуемость и контроль исполнения бюджета», «Учет и отчетность» и «Внешний контроль и аудит», описывают организацию учета и государственного финансового контроля, что, по нашему мнению, применимо для оценки общего управления государственными финансами при проведении международных исследований, но не позволяет оценить качество текущего управления финансами публично-правовых образований внутри страны, поскольку эти направления регулируются бюджетным законодательством, единым для всех уровней бюджетной системы.

На наш взгляд, компоненты, показатели и параметры, предусмотренные Программой государственных расходов и финансовой отчетности для оценки управления государственными финансами, в большей степени применимы для межгосударственного сравнительного анализа орга-

низации общего управления финансами и соблюдения правил, рекомендованных международными организациями или соглашениями государств. Такой анализ, безусловно, интересен, и его проведение определенным образом мотивирует правительства государств к применению лучших практик. Однако нам представляется, что указанная методика:

1) не применима для оценки качества управления финансами публично-правовых образований внутри государства, в частности, Российской Федерации, поскольку:

– приведенные в Программе показатели и параметры описывают общие процедурные аспекты, утвержденные Бюджетным кодексом РФ, единые для бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации и обязательные к исполнению;

– существует специфика разграничения бюджетных полномочий между уровнями управления, влияющая на показатели оценки, характеризующие управление доходами и расходами бюджета;

2) не применима для оценки эффективности текущего управления общественными финансами, в большей степени характеризует общую ситуацию.

Таким образом, применяемые в международной практике методы оценки качества управления общественными финансами в большей степени ориентированы на межстрановой сравнительный анализ. Тем не менее, нам представляется, что отдельные показатели можно использовать и для оценки финансового менеджмента в публично-правовых образованиях в России. Дополнение российских методик позволило бы обеспечить повышение объективности мониторинга качества управления государственными и муниципальными финансами.

Литература:

1. Официальный сайт Группы Всемирного банка – Оценка качества государственного управления. URL: https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/documentation#1
2. Официальный сайт Программы государственных расходов и финансовой отчетности – Методика проведения оценки качества управления финансами. URL: https://www.pefa.org/about

International Practice of Assessing the Quality of Public Finance Management and the Possibilities of its Application in Russia

Shavaleyeva Ch.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The quality of public and municipal finance management is a frequent subject of study in economic literature. However, most often the articles are reduced to a description of the methodology for assessing the quality of regional finance management approved by the Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated December 3, 2010 No. 552 "On the Procedure for Monitoring and Assessing the Quality of Regional Finance Management" and an analysis of the results of monitoring conducted by the Ministry of Finance of the Russian Federation based on this methodology. Scientific works do not contain a critical analysis of the assessment methodology itself and the possibilities for its improvement, which determines the relevance of research in this area. The purpose of the article is to study the methods for assessing the quality of public and municipal finance management used in international practice and to determine the possibilities of their use in Russia. Based on the results of the study, a conclusion was made about the focus of foreign methods on conducting cross-country comparative analysis and the impossibility of their full use for assessing the quality of public finance management within the country.

Keywords: financial management, quality of management

УДК 336.14
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-126-131

Управление средствами Фонда национального благосостояния в условиях современных вызовов и рисков



Шмиголь Н.С.
Кандидат экономических наук, доцент,
профессор кафедры общественных финансов финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)



Волга Н.С.
Студент финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Статья посвящена анализу управления средствами Фонда национального благосостояния (ФНБ) в условиях геополитических рисков и санкционного давления на российскую экономику. Целью исследования является уточнение правового режима управления ФНБ с учетом действующих с 2022 г. новых макроэкономических вызовов и шоков, обоснование изменений в инвестиционной декларации, которые буду способствовать росту ликвидной части фонда и доходности от управления его средствами. Рассмотрены вопросы инвестиционной декларации ФНБ, структура инвестиционного портфеля фонда, их соответствие целевому назначению фонда и цели управления активами фонда. Сделан вывод о необходимости трансформации инвестиционной декларации и модернизации управления ФНБ. По итогам работы сформулированы направления дальнейшего совершенствования управления средствами Фонда национального благосостояния как в части изменения инвестиционной декларации, так и фактической структуры активов фонда.

***Ключевые слова**: Фонд национального благосостояния, нефтегазовые доходы, федеральный бюджет, бюджетная устойчивость, контрциклическая бюджетная политика*

***Для цитирования:** Шмиголь Н.С., Волга Н.С. Управление средствами Фонда национального благосостояния в условиях современных вызовов и рисков // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 126–131. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-126-131.*

В условиях продолжающегося санкционного давления на российскую экономику и сохраняющейся нестабильности мировой экономики возникает запрос на рост качества управления государственными финансовыми резервами, среди которых одно из главных мест занимает Фонд национального благосостояния (далее – ФНБ, Фонд). Созданный первоначально как фонд будущих поколений, ФНБ в современных условиях имеет многоцелевое назначение, выступая и как источник сбалансированности федерального бюджета, и как государственный финансовый резерв, который используется для поддержки отдельных секторов и организаций в условиях реализации непредвиденных шоков. К таким шокам относятся периоды пандемии *COVID*-19 и постпандемийного восстановления, санкции в от-

ношении российских организаций финансового и нефинансового секторов экономики, сокращение инвестиционных ресурсов в связи с жесткой политикой мегарегулятора в отношении процентной ставки и ограничением доступа российских организаций на мировые рынки капитала.

В теории суверенный фонд благосостояния ФНБ выполняет цели, определенные собственником в лице Правительства РФ в его инвестиционной стратегии, осуществляя инвестиционную деятельность путем размещения средств фонда в разрешенные классы финансовых активов. Возможности и направления размещения средств Фонда, состав разрешённых для инвестирования активов, их предельные доли в составе инвестиционного портфеля определены инвестиционной декларацией Фонда национального благосостояния в ст. 96.11 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) [1; 2] и Постановлении Правительства от 19.01.2008 г. № 18 «О порядке управления средствами Фонда национального благосостояния (далее – Постановление № 18) [3].

Вместе с тем в Постановление № 18 с момента его принятия и до 2024 г. включительно изменения вносились 42 раза. Наибольшее число изменений было внесено в первую волну санкций на российские коммерческие банки в 2014–2015 гг. (5 и 3 соответственно) и в период беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику в 2022–2023 гг. (4 и 3 соответственно). В результате роль ФНБ расширилась не только как источника сбалансированности федерального бюджета в связи с недостаточным поступлением нефтегазовых доходов в федеральный бюджет, но и как антикризисного инструмента в периоды, когда Правительству РФ приходится реализовывать антикризисные программы, новые инвестиционные проекты в условиях ограниченности инвестиционных ресурсов и необходим дополнительный бюджетных импульс. Такие трансформации отразились и на инвестиционной деятельности ФНБ, структуре его инвестиционного портфеля, который в его текущем состоянии не соответствует заявленной в п. 2 ст. 96.11 Бюджетного кодекса РФ цели управления средствами ФНБ – «обеспечение их сохранности и стабильного уровня доходов от размещения в долгосрочной перспективе».

Несмотря на фактическую трансформацию инвестиционной деятельности ФНБ и весьма скромную доходность от управления его активами, данные аспекты его функционирования в последнее десятилетие остаются за пределами исследований российских ученых. Научные публикации и исследования, затрагивающие управление ФНБ в этот период, посвящены бюджетным правилам [4–7], инструментам надлежащей бюджетной политики [8; 9], управлению нефтегазовыми доходами федерального бюджета. Однако в текущих макроэкономических условиях развития российской экономики и в контексте обеспечения стабильной финансовой базы для достижения национальных целей развития тема управления ФНБ заслуживает бóльшего внимания со стороны научного и экспертного сообщества.

Анализ правовых норм ст. 96.11 БК РФ, регламентирующей управление средствами ФНБ, показывает, что установленные в ней нормативы ликвидных средств Фонда в 7 и 10 % ФНБ, при которых разрешается инвестировать в разные классы активов, помимо размещения средств на депозиты и банковские счета в Банке России, не являются достижимыми в условиях, когда средства ФНБ используются для обеспечения бюджетного импульса. Начиная с 2022 г., происходит существенное сокращение ликвидной части средств ФНБ в результате его активного использования не только как источника финансирования дефицита федерального бюджета, но и как источника поддержки крупных государственных финансовых и нефинансовых корпораций и реализации инфраструктурных проектов.

Так, если в 2023 г. объем средств ФНБ на счетах, размещенных в Банке России (счета по размещению в китайские юани, в золото, в рубли), составлял 2,9 % ВВП или 41,9 % общего объема средств фонда на конец года, то, согласно предварительной оценке исполнения федерального бюджета, в конце 2024 г. ликвидная часть фонда снизилась до 1,9 % ВВП или 33,4 % общего объема средств фонда на конец года, а на конец 2025–2027 гг. ее величина запланирована в размере 2,7, 3,3, 3,7 % ВВП соответственно.

Анализ инвестиционной декларации ФНБ в Постановлении № 18 также показывает, что состав разрешенных финансовых активов для инвестирования средств Фонда и их предельно допустимая величина не в полной мере соответствуют целевому назначению ФНБ и текущим условиям развития российской экономики (табл. 1).

В инвестиционной декларации Фонда установлено, что «максимальная доля долговых обязательств иностранных государств может составлять 100 %» [3], что не соответствует целевому назначению Фонда, особенно в условиях сложившейся рыночной и политической конъюнктуры. Если представить ситуацию, при которой все средства ФНБ размещены только в долговые обязательства иностранных государств, то накопления и сбережения граждан и покрытие дефицита федерального бюджета будет напрямую зависеть от долговой устойчивости и платёжеспособности другого государства. Вместе с тем при реализации международных проектов с участием России, например, для восстановления «Северного потока», можно предусмотреть, при необходимости выделение средств из ФНБ, в том числе в долговые обязательства той страны, которая согласится помочь с ремонтом или прокладкой нового газопровода.

Таблица 1

Состав и предельная величина активов ФНБ

Финансовый актив	Максимальная доля
Долговые обязательства иностранных государств	100 %
Долговые обязательства иностранных государственных агентств и центральных банков	30 %
Долговые обязательства международных финансовых организаций	15 %
Государственные ценные бумаги РФ	50 %
Депозиты и остатки на банковских счетах в Центральном банке РФ	100 %
Долговые обязательства юридических лиц	50 %
Акции юридических лиц	50 %
Инфраструктурные проекты с участием РФПИ)*	не более 290 млрд руб.
Долговые обязательства и акции российских юридических лиц, связанных с инфраструктурными проектами (с участием Росатом)	не более 290 млрд руб.

Источник: составлено по данным Постановления Правительства РФ № 18 [3].

Исходя из инвестиционной декларации, до 30 % инвестиционного портфеля ФНБ может состоять из обязательств иностранных агентств и центральных банков, а до 15 % – из обязательств международных финансовых организаций. Фактически даже при устранении возможности вложения Фонда в облигации и иные обязательства иностранных государств получается, что ФНБ на 45 % может состоять из «зарубежных активов», что также не соответствует целям фонда и не учитывает санкционные ограничения, при которых отсутствует возможность инвестирования средств Фонда на мировых финансовых рынках. Кроме того, зачастую доходность данных инструментов обычно минимальна из-за высокой надежности данного класса активов. С другой стороны, в современных условиях понимание надежности изменилось: даже несмотря на стабильные выплаты и отсутствия дефолтов у развитых стран, выпускающих данные облигации, нельзя говорить о сохранении средств из-за их возможной заморозки.

Несмотря на признанную надежность государственных облигаций, учитывая современную конъюнктуру, доход от инвестирования в государственные облигации должен быть ощутимо выше уровня инфляции, чтобы можно было считать его тем инструментом, в который стоит вкладываться Фонду для выполнения своих целей в части направления средств ФНБ для долгосрочного сбалансирования (покрытия дефицита) федерального бюджета и бюджета Социального фонда России в части обязательного пенсионного страхования.

Максимальная доля ликвидных активов (на счетах Банка России и депозитах в нём), заявленная в инвестиционной декларации ФНБ, составляет 100 %, что является целесообразным при стабилизирующей роли Фонда для сбалансирования федерального бюджета, но не для сбалансирования бюджета Социального фонда России в части обязательного пенсионного страхования, учитывая неблагоприятный тренд демографической ситуации. Очевидно, что депозиты в Банке России не могут приносить достаточный инвестиционный доход, который соответствует цели управления ФНБ – «обеспечение сохранности средств и стабильного уровня дохода от их размещения в долгосрочной перспективе», в том числе из-за стремления Банка России регулировать темп инфляции и курс рубля.

Важно подчеркнуть, что оценка эффективности управления средствами ФНБ затруднена в силу отсутствия целевых показателей доходности по разным классам активов. В мировой практике управления средствами суверенного фонда эталонные портфели или набор бенчмарков обычно применяются как минимум для таких активов, как акции и облигации. В нашем случае оценить эффективность управления средствами ФНБ можно, сопоставив доходность каждого класса активов с уровнем инфляции как минимум за период до 2023 г., пока Банк России не начал ужесточение монетарной политики в отношении ключевой ставки (рис. 1), а также оценив диверсификацию активов фонда.

Из данных рисунка 1 видно, что, помимо валютной корзины, только три актива инвестиционного портфеля ФНБ с года начала их использования показывали доходность выше среднего уровня инфляции: ценные бумаги, связанные с самоокупаемыми инфраструктурными проектами в долларах, субординированные депозиты в банке ВТБ (ПАО) и Газпромбанк (АО) в целях финансирования самоокупаемых инфраструктурных проектов и обыкновенные акции АО «ДОМ.РФ». При этом доля низкодоходных активов, которые не обеспечивали сохранность средств ФНБ, а, напротив, приводили к обесценению, составляла порядка 40 %.

Структура инвестиционного портфеля ФНБ по состоянию на начало 2025 г. имеет следующий вид (см. рис. 2).

Помимо средств, размещенных на счетах в Банке России, большую долю других активов ФНБ занимают средства, размещенные в обыкновенные акции ПАО «Сбербанк» – 26,3 % величины Фонда или 66 % объема средств, вложенных в акции российских компаний. Для суверенного фонда стабилизационного типа размещение такой доли средств в акции одной компании имеет серьезные инвестиционные риски.

Депозиты в ВЭБ.РФ также занимают существенную долю как в структуре Фонда (658 589,4 млн руб. или 8 %), так и достаточную долю в доходах от

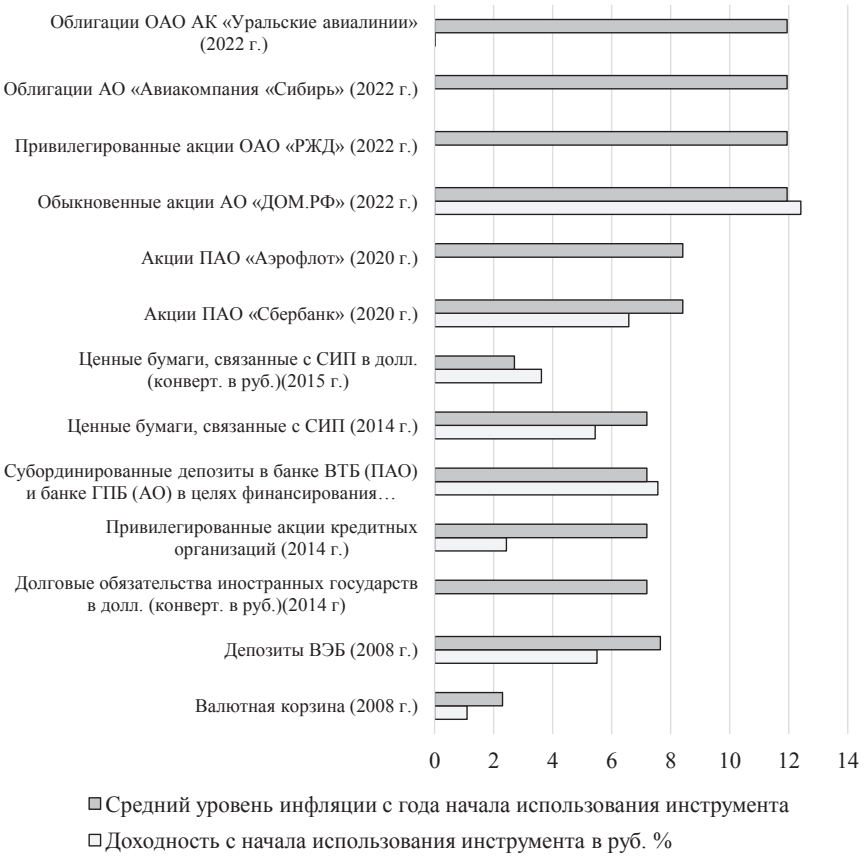


Рис. 1. Доходность управления активами ФНБ с года их появления в инвестиционном портфеле (указано в скобках) в сравнении со средним уровнем инфляции, % (период 2008-2022 гг.)

Источник: составлено и рассчитано по материалам официального сайта Минфина России и Росстата России [10; 11].

управления средствами ФНБ (1712,4 млн руб. зачислено в федеральный бюджет в 2024 г.) [11]. Полученные средства направляются на инвестирование в различные проекты, в том числе по программе «Фабрики финансирования». Можно говорить о результативности данных вложений для развития экономики Российской Федерации, которые также являются довольно ликвидными: например, ВЭБ.РФ досрочно погасил в 2024 г. часть депозитов, которые были направлены на приобретение вагонов для Московского метро [11]. С другой стороны, регулирование вложений средств ФНБ в депозиты ВЭБ.РФ,

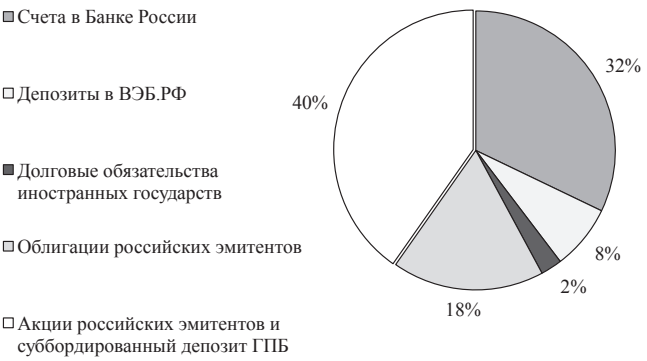


Рис. 2. Структура активов ФНБ на 1 января 2025 г.

Источник: составлено по данным Минфина России [11].

как и требования к доходности по таким депозитам, не являются полностью прозрачными.

Дискуссионным вопросом также являются предельно допустимые доли инвестирования средств ФНБ в акции и долговые обязательства юридических лиц (без учета инвестиций, связанных с реализацией инфраструктурных проектов). В Постановлении № 18 не прописано ограничение на вложения средств в акции или облигации резидентов или нерезидентов, поставлено единое ограничение в 50 % от объёма Фонда. Представляется необходимым предусмотреть в инвестиционной декларации норму, в соответствии с которой приоритетное инвестирование средств ФНБ будет осуществляться в ценные бумаги компаний, которые имеют стратегическое значение для развития российской экономики, в том числе обеспечивают ее технологический и финансовый суверенитет.

Важно отметить, что инвестирование средств ФНБ в акции и долговые обязательства российских юридических лиц, как и в инфраструктурные проекты с участием российских организаций, в том числе кредитных (через открытие субординированных депозитов в банках, покупку привилегированных акций банков, приобретение ценных бумаг организаций, реализующих такие проекты) должно основываться на оценке потенциального финансового и экономического результата инвестиций, что зависит от идеи «проекта», ее прорывного характера, от инвестиционной активности частных инвесторов, готовых поддержать проект, и от условий регулирования реализации проекта.

Изначально проект или российская организация, в которую планируется инвестировать средства ФНБ, должны работать не на деньгах Фонда. К примеру, это должны быть акции компаний, занимающихся исключительно инфраструктурными проектами, которые действительно смогут стать «наследством» нации. В этой связи целесообразны дополнительные инвестиции ФНБ в государственную корпорацию «Росатом», которая занимается непосредственно созданием атомной инфраструктуры, востребованной и за рубежом, которая сможет и будет существовать в разы дольше, чем энергетика, функционирующая на нефти и газе. Продукция данной государственной корпорации является высокотехнологичной, что будет способствовать росту

ВВП и спроса на нее в странах, в которых ведется деятельность государственной корпорации. Как было подчеркнуто выше, максимальная доля данных активов так же требует пересмотра.

По итогам проведенного анализа инвестиционной декларации ФНБ и оценки доходности от управления его средствами представляется целесообразным предусмотреть следующие изменения в утвержденной Постановлением Правительства РФ № 18 Инвестиционной декларации Фонда:

– приостановление действия положений п. 1 инвестиционной декларации в части возможности вложений средств ФНБ в активы в форме долговых обязательств иностранных государств, ценных бумаг иностранных центральных банков и международных финансовых организаций минимум на 3-х летний бюджетный цикл, предусмотрев в дальнейшем сокращение максимальной доли вложений в долговые обязательства иностранных государств до 5–10 %, что соответствует инвестиционной стратегии ФНБ как стабилизационного суверенного фонда;

– разделение предельно допустимой доли вложений в акции и облигации юридических лиц для резидентов и нерезидентов, что будет защищать от приобретения необоснованно крупных долей в стратегически важных компаниях и ограничивать инвестиции в зарубежные компании, которые не занимаются инфраструктурными проектами в РФ;

– определение целевых уровней доходности (эталонных портфелей) для таких классов активов, как акции и облигации, что может потребовать привлечения к разработке бенчмарков и определению оптимальной структуры распределения активов экспертов по управлению портфелями фондов;

– при инвестировании средств Фонда в государственные ценные бумаги и использовании средств Фонда для погашения госдолга Российской Федерации необходимо уточнение условий инвестирования в данный финансовый актив и снижение его максимальной доли (составляет 50 %) в объёме инвестиционного портфеля ФНБ. Если с помощью Фонда будут погашаться данные долговые обязательства, то следует предусмотреть механизм возврата средств в Фонд за счет средств из федерального бюджета в течение определенного временного периода.

Помимо указанных предложений, необходим пересмотр критериев отбора инвестиционных проектов, финансируемых за счет средств ФНБ с позиций оценки их инвестиционной, социальной и бюджетной привлекательности. В настоящее время большая их доля не имеет достаточный уровень доходности и связана со строительством автомобильных дорог, модернизацией железнодорожной инфраструктуры, предприятий нефтехимического сектора, что не способствует диверсификации российской экономики и достижению стратегических целей. Необходимо предусмотреть взаимосвязь таких проектов с целевыми показателями реализации государственных программ, национальных проектов. В результате такой трансформации будет возможна оценка реального вклада функционирования ФНБ в социально-экономическое развитие страны.

Таким образом, проведенный анализ состава и структуры активов в действующей инвестиционной декларации ФНБ показал, что не только отдельные виды активов, но и доли разрешённых финансовых активов в общем объёме размещённых средств Фонда национального благосостояния требуют пересмотра и корректировки в соответствии с целями его функционирования, имеющимися геополитическими реалиями и санкционными ограничениями, национальными целями развития российской экономики.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 21.11.2022 г. № 448-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации, приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2023 году» // СПС КонсультантПлюс.
3. Постановление Правительства от 19.01.2008 г. № 18 «О порядке управления средствами Фонда национального благосостояния» // СПС Гарант.
4. Караев А.К., Понкратов В.В., Воронцов А.Н., Сидин Е.Г. Теоретические основы конструирования бюджетных правил в странах, богатых природными ресурсами // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2024. № 4. С. 225–234.
5. Кудрин А.Л., Соколов И.А. Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 5–32. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-5-32.

6. Кудрин А.Л., Соколов И.А., Сучкова О.В. Оценка влияния бюджетных правил на цикличность государственных расходов // Вопросы экономики. 2023. № 5. С. 5–22. https://doi.org/10.32609/0042-8736- 2023-5-5-22.
7. Шмиголь Н.С. Новая модификация бюджетных правил и устойчивость федерального бюджета // Финансовая жизнь. 2023. № 1. С. 4–7.
8. Раковский И.Д. Актуальные вопросы разработки, использования и модернизации инструментов надлежащей бюджетной политики // Финансовая жизнь. 2022. № 3. С. 17–183.
9. Федеральный бюджет на 2019–2021 годы: сбалансированность или экономический рост? / С.П. Солянникова, Р.А. Аландаров, О.С. Горлова, А.К. Караев, О.В. Макашина, А.И. Мастеров, В.В. Понкратов, М.Л. Седова, Ю.Г. Тюрина, С.В. Фрумина // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22. № S11. С. 4–41.
10. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/price (дата обращения: 23.02.2025).
11. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/nationalwealthfund/news (дата обращения: 23.02.2025).

Managing the National Welfare Fund in the Context of Modern Challenges and Risks

Shmigol N.S., Volga N.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The article is devoted to the analysis of the management of funds of the National Welfare Fund in the context of geopolitical risks and sanctions pressure on the Russian economy. The purpose of the study is to clarify the legal regime for managing the NWF, in light of new macroeconomic challenges and shocks in force since 2022, and to justify changes in the investment declaration that will contribute to the growth of the liquid part of the fund and the profitability from managing its funds. The issues of the NWF investment declaration, the structure of the fund's investment portfolio, their compliance with the fund's intended purpose and the fund's asset management objectives are considered. It is concluded that the investment declaration and modernization the NWF management need to transform. Based on the results obtained, the directions for further improvement of the management of funds of the National Welfare Fund are formulated, both in terms of changing the investment declaration and the actual asset structure of the fund.

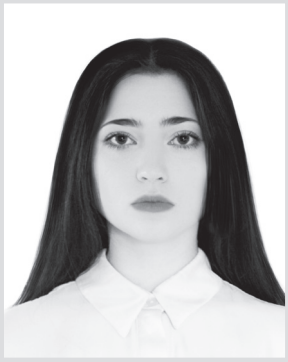
Keywords: National Welfare Fund, oil and gas revenues, federal budget, budget sustainability, countercyclical fiscal policy

УДК 336.14
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-132-139

Функционирование бюджетных резервов в форме резервных фондов субъектов Российской Федерации, их совершенствование



Шмиголь Н.С.
Кандидат экономических наук, доцент,
профессор кафедры общественных финансов финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)



Чонгина М.Е.
Студент финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Цель статьи – анализ функционирования резервных фондов на региональном уровне, способствующих обеспечению устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации. В исследовании выявлены ключевые факторы, влияющие на объем и структуру расходов резервных фондов субъектов федерации, а также уязвимые стороны действующей практики управления фондами. Показано, что в последние годы в качестве инструмента резервирования выступают также зарезервированные бюджетные ассигнования без образования резервных фондов. Исследование проведено на примере субъектов Российской Федерации, различающихся по показателям бюджетной обеспеченности и долговой устойчивости. В результате систематизации практики формирования резервных фондов субъектов РФ разработаны рекомендации по улучшению управления зарезервированными бюджетными средствами на региональном уровне. Результаты исследования могут быть использованы при уточнении нормативных и методических документов, регламентирующих формирование и использование резервных фондов регионов.

***Ключевые слова**: резервные фонды, региональная экономика, бюджетная устойчивость, бюджетные ассигнования, региональное законодательство*

***Для цитирования:** Шмиголь Н.С., Чонгина М.Е. Функционирование бюджетных резервов в форме резервных фондов субъектов Российской Федерации, их совершенствование // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 132–139. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-132-139.*

Становление и функционирование бюджетных резервов в форме резервных фондов субъектов Российской Федерации имеют меньший период по сравнению с функционированием резервных фондов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, поскольку данный вид бюджетных резервов формируется регионами с 2009 г. в соответствии с введением в действие ст. 81.1 БК РФ. В п. 3 ст. 81.1 БК РФ определено, что резервный фонд субъекта Российской Федерации – «часть средств бюджета субъекта Российской Федерации (далее – СРФ), предназначенная для исполнения

расходных обязательств субъекта Российской Федерации в случае недостаточности доходов бюджета СРФ для финансового обеспечения расходных обязательств». С учетом требований БК РФ на региональном уровне принимаются отдельные нормативные правовые акты в форме положений о функционировании Резервного фонда СРФ. Объём средств резервного фонда СРФ устанавливается ежегодно Законом о бюджете СРФ.

Резервные фонды субъектов Российской Федерации первоначально рассматривались в качестве важного инструмента повышения качества управления государственных финансов субъектов РФ, что нашло отражение в разработанных Министерством Финансов России «Методических рекомендациях для субъектов Российской Федерации по формированию региональных фондов и использованию финансовых резервов», а также в реализуемой в 2013–2020 гг. Государственной программе Российской Федерации «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации» (утв. Постановлением Правительства РФ от 18.03.2013 г. № 376-р).

Несмотря на важное место резервных фондов субъектов Российской Федерации в обеспечении бюджетной устойчивости на региональном уровне, число научных работ, посвященных именно резервным фондам СРФ, регионов крайне ограниченно. Можно отметить, что данный инструмент бюджетного резервирования был рассмотрен как вид региональных резервных фондов Е.Н. Тимушевым и В.А. Яговкиной [1]. Вместе с тем за последние десятилетия зачастую они рассматривались в контексте прочих инструментов бюджетной устойчивости, например, в работах М.Л. Васюниной, О.С. Горловой, С.Е. Демидовой, Х.Н. Замбаева, А.Ю. Изотовой, М.Е. Косова [2–5], а также при исследовании разных видов бюджетных резервов Н.С. Шмиголь[6].

В настоящее время основными целями формирования резервных фондов субъектов Российской Федерации (далее – резервные фонды СРФ) являются:

• обеспечение бесперебойного финансирования расходов в период сезонных отклонений объема поступлений доходов от объема расходов;

• компенсация снижения доходов бюджета СРФ в связи с кризисными периодами в национальной экономике и экономике региона;

• финансирование приоритетных расходов СРФ в случае недостатка бюджетных средств.

Исходя из указанных целей, резервные фонды СРФ призваны обеспечивать устойчивость региональных бюджетов. Если в бюджете субъекта РФ создается одновременно два вида резервных фондов – резервный фонд высших исполнительных органов СРФ и резервный фонд СРФ, то использование средств резервных фондов СРФ предусматривается в случае недостаточности средств фонда высших исполнительных органов СРФ.

Изучение правовых основ функционирования резервных фондов на примере 10 регионов РФ , показало, что в первую очередь резервный фонд СРФ создается и функционирует на основании отдельного специального закона субъекта РФ [7–18]. Закон о резервном фонде СРФ устанавливает общие источники и общий порядок формирования фонда, направления использования средств, регламентирует отчетность об использовании средств фонда, в то время как в законе о бюджете соответствующего региона устанавливается объем резервного фонда СРФ на очередной финансовый год и в ряде случаев их целевое направление в соответствии с бюджетной классификацией. По целевому назначению и характеру функционирования резервный фонд СРФ выступает одним из видов бюджетного резервирования на региональном уровне и формируется в расходной части бюджета СРФ.

В целом источники формирования резервного фонда СРФ не являются едиными для всех СРФ, они определяются в Законе о резервном фонде СРФ, но в большинстве рассмотренных регионов (7 из 10) в качестве источника фонда выступают остатки (часть остатков) средств на едином счёте регионального бюджета (далее – ЕСРБ), за исключением, остатков, направленных на иные цели, а также сверхплановые налоговые и неналоговые доходы бюджета (табл. 1).

Интересным фактом является установление в законах отдельных СРФ норматива отчислений от фискально значимого налогового дохода в резервный фонд СРФ. Так, например, Резервный фонд Чеченской Республики формируется за счет «50 % сумм налоговых и неналоговых доходов бюджета, полученных сверх сумм, установленных законом о республиканском бюджете» [18].

В Законе о резервном фонде СРФ направления использования средств фонда, как правило, определены, но могут не расписываться подробно. В этом случае основное направление использования средств резервного фонда СРФ определено как исполнение текущих расходных обязательств или публичных обязательств и публичных нормативных обязательств СРФ (5 из 10 субъектов РФ) (табл. 2).

Отдельные субъекты РФ в закон о резервном фонде СРФ включают положения по нормированию предельного размера данного резервного фонда, ограничивая его величину в процентах от доходов или от расходов бюджета. Так, например, плановый объем резервного фонда Хабаровского края определен «пропорционально однодневному поступлению налоговых и неналоговых доходов, краевого бюджета, прогнозируемых в очередном финансовом году», резервного фонда Забайкальского края «не может

Таблица 1

Источники формирования Резервного фонда СРФ

СРФ	Остатки средств на ЕСРБ	Часть доходов бюджета	Сверхплановые налоговые и неналоговые доходы	Безвозмездные поступления, не имеющие целевого назначения	Доходы от размещения средств РФ на банковские депозиты	Часть ИФДБ
Забайкальский край		+				+
Красноярский край	+	+ (часть сверхпланового налога на прибыль)	+			
Ленинградская область	+		+	+	+	
Республика Дагестан		+				+
Республика Тыва	+					
Самарская область	+		+			
Свердловская область	+					
Тульская область	+				+	
Хабаровский край	+					
Чеченская Республика			+			

Источник: составлено авторами на основе законов о резервных фондах СРФ [8–18].

Таблица 2

Направления использования средств резервных фондов СРФ

СРФ	Исполнение расходных обязательств (публичных обязательств)	Оплата труда работников КУ*, БУ*, АУ* и начислений на нее	Покрытие временных кассовых разрывов	Предоставление МБТ*	Бюджетные инвестиции в объекты кап. строительства	Размещение на банковских депозитах
Забайкальский край	+	+		+	+	
Красноярский край	+		+			+
Ленинградская область	+					
Республика Дагестан	+					
Республика Тыва	+	+				
Самарская область	+					
Свердловская область		+				
Тульская область			+			
Хабаровский край	+					
Чеченская Республика	+					

* КУ – казенные учреждения, БУ – бюджетные учреждения, АУ – автономные учреждения, МБТ – межбюджетные трансферты.

Источник: составлено авторами на основе законов о резервных фондах СРФ [8–18].

превышать 10 % общего объема расходов бюджета», предельный размер резервных фондов Ленинградской области, Республики Дагестан, Свердловской области не может превышать соответственно 5, 10 % прогнозируемого общего объема доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений» [8; 10; 12; 15; 17]. Соответственно, индивидуальные нормативы предельного размера резервного фонда СРФ имеют 5 из 10 рассматриваемых субъектов РФ.

Резервный фонд СРФ обычно утверждается в рамках непрограммных расходов бюджета СРФ в отличие от резервного фонда высших исполнительных органов СРФ, который может утверждаться в составе условно утверждаемых расходов бюджета (например, резервный фонд Правительства Ростовской области). Резервные фонды в выбранных для анализа СРФ в законах о бюджете СРФ на 2025 г. и плановый период 2026 и 2027 гг. отражаются в расходной части бюджета следующим образом (см. табл. 3).

Из данных таблицы 3 видно, что резервные средства из резервных фондов СРФ выделяются в рамках непрограммных расходов бюджета (в 5 СРФ – в рамках непрограммных расходов, в 2 СРФ – в рамках непрограммных расходов и иных бюджетных ассигнований, в 1 СРФ – непрограммных расходов по предоставлению межбюджетных трансфертов) и имеют разную величину в абсолютном выражении.

Анализ динамики объема резервных фондов СРФ в абсолютном выражении в 2020–2025 гг. и на плановый период 2026–2027 гг. (табл. 4) показал,

Таблица 3

Утверждение резервного фонда СРФ в составе расходов бюджета субъекта РФ на 2025 г.

Субъект РФ	Утверждение резервного фонда СРФ в составе расходов бюджета СРФ
Забайкальский край	Непрограммные расходы и иные бюджетные ассигнования
Красноярский край	Непрограммные расходы
Республика Дагестан	Непрограммные расходы
Республика Тыва	Непрограммные расходы по предоставлению межбюджетных трансфертов
Самарская область	Непрограммные расходы и иные бюджетные ассигнования
Свердловская область	Непрограммные расходы
Тульская область	Непрограммные расходы
Хабаровский край	Иные бюджетные ассигнования
Чеченская Республика	Непрограммные расходы

Источник: составлено авторами на основе законов о бюджетах СРФ на 2025 г. и плановый период 2026 г. и 2027 г. [7–18].

что их объемы достаточно нестабильны, могут быть существенно ниже или выше по сравнению с прошлым финансовым годом, что связано с динамикой (отрицательной или положительной) основных источников формирования резервного фонда СРФ. С 2022 г. по настоящее время из рассматриваемых СРФ только в Тульской области резервный фонд сохраняет стабильную величину, что может объясняться стабильным формированием доходной базы областного бюджета и качеством кассового планирования остатков средств на начало финансового года, не имеющих целевого назначения, которые являются главным источником формирования резервного фонда Тульской области [16].

Из данных таблицы 4 видно, что величина резервного фонда СРФ в абсолютном выражении имеет определенную, в ряде СРФ существенную волатильность в рассматриваемых регионах, что наглядно видно при анализе динамики объёма резервных фондов СРФ не только в абсолютном выражении, но также к предыдущему году, что позволяет выявить пики возрастания и снижения объёмов денежных средств (табл. 5).

Данные таблицы 5 подтверждают тезис о существенной волатильности величины резервного фонда СРФ в отдельных регионах: например, у Самарской области в 2022 г. по сравнению с 2021 г. рост резервного фонда СРФ составил 2127,85 %, что является рекордным значением в сравнении с представленными регионами. Произошло увеличение объёма резервного фонда Забайкальского края в 2023 г. по сравнению с 2022 г. на 470,20 %, что также сильно отличается от объема резервного фонда края предыдущих лет. Следует отметить почти четырехкратный объем (383,49 %) резервного фонда Хабаровского края в 2024 г. по сравнению с 2023 г. В 2025 г. резкое увеличение объёма резервных фондов (1363,24 %) произошло в Республике Тыва.

Анализ доли резервного фонда в объеме расходов бюджета СРФ также показал их дифференцированную величину по субъектам РФ (табл. 6), что связано с разными подходами к определению размера резервного фонда СРФ, в том числе его предельной нормативной величины в Законе о резервном фонде СРФ. Так, величина резервного фонда может рассчитываться, исходя из следующих параметров:

1) базовой потребности СРФ сглаживать сезонные колебания доходов и расходов бюджета СРФ (тогда величина резервного фонда СРФ будет минимальной);

2) необходимости покрытия в очередном финансовом году расчетной величины дефицита бюджета СРФ при кризисных явлениях, сопровождающихся падением доходов бюджета (в этом случае устанав-

Таблица 4

Динамика объема резервных фондов СРФ в 2020–2025 гг. и на плановый период 2026–2027 гг., млн руб.

СРФ	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2027 г.
Забайкальский край	39,20	44,97	38,21	217,85	217,67	150,00	150,00	150,00
Красноярский край	1100,0	1000,0	3500,0	5500,0	7000,0	7000,0	2500,0	2000,0
Ленинградская область	600,00	900,00	900,00	900,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Республика Дагестан	3298,2	0,00	3819,4	383,7	1753,0	3269,3	100,00	100,00
Республика Тыва	28,99	0,00	0,00	0,00	4,00	58,54	50,00	50,00
Самарская область	201,92	371,08	8267,2	6164,5	2572,3	4763,3	4132,7	5027,2
Свердловская область	1250,0	1600,	2570,0	5880,	7000,0	6000,0	6000,0	6000,0
Тульская область	200,00	100,00	50,00	50,00	50,00	50,00	50,00	50,00
Хабаровский край	1105,7	913,5	1944,1	926,5	4479,5	600,1	629,3	675,2
Чеченская Республика	178,13	85,25	153,05	136,10	185,98	435,20	217,6	217,6

Источник: составлено авторами на основе законов о бюджетах СРФ на 2020-2025 гг. и плановый период 2026 г. и 2027 г. [7–18].

Таблица 5

Динамика объема резервных фондов СРФ к предыдущему году в 2021–2025 гг. и на плановый период 2026–2027 гг., %

Субъект РФ	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2027 г.
Забайкальский край	14,71	-15,04	470,20	-0,08	-31,09	0,00	0,00
Красноярский край	-9,09	250,00	57,14	27,27	0,00	-64,29	-20,00
Ленинградская область	50,00	0,00	0,00	-100,00	0,00	0,00	0,00
Республика Дагестан	-100,00	0,00	-89,95	356,86	86,50	-96,94	0,00
Республика Тыва	-100,00	0,00	0,00	0,00	1363,24	-14,58	0,00
Самарская область	83,78	2127,85	-25,43	-58,27	85,17	-13,24	21,65
Свердловская область	28,00	60,63	128,79	19,05	-14,29	0,00	0,00
Тульская область	-50,00	-50,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Хабаровский край	-17,38	112,82	-52,34	383,49	-86,60	4,86	7,30
Чеченская Республика	-52,14	79,52	-11,07	36,65	134,00	-50,00	0,00

Источник: составлено авторами на основе законов о бюджетах СРФ на 2020–2025 гг. и плановый период 2026 г. и 2027 г. [7–19].

ливается расчетная нормативная величина резервного фонда СРФ);

3) циклических колебаний расходов бюджета СРФ и необходимости покрытия определенной доли расходов субъекта Российской Федерации (предельная величина резервного фонда СРФ).

Приоритетные направления использования средств резервных фондов субъектов РФ, а также их изменение в условиях СВО и ухудшения геополитической и макроэкономической ситуации сильно зависят от конкретных условий развития экономики каждого региона. Как уже отмечалось, направления использования средств резервного фонда СРФ определены в законе о резервном фонде СРФ, и в целом такой фонд выступает дополнительным финансовым источником для установленных расходных обязательств (публичных обязательств) СРФ. В целом средства резервного фонда СРФ используются на основании решений высшего органа исполнительной власти СРФ, а в случае финансирования временных кассовых разрывов – на основании решений финансового органа СРФ.

Следует отметить, что помимо резервных фондов СРФ важным инструментом резервирования бюджетных средств или дополнительным бюджетным резервом выступают зарезервированные бюджетные ассигнования без образования резервных фондов. Объем и направления использования зарезервированных бюджетных ассигнований предусмотрены законом о бюджете СРФ. В составе Законов о бюджете СРФ на 2025 г. и плановый период 2026 и 2027 гг. [7] зарезервированные бюджетные ассигнования по разделу «Общегосударственные вопросы» формируют следующие регионы:

• Забайкальский край (100 000 000 руб. – 66,67 % от общего количества денежных средств фонда);

• Красноярский край (7 000 000 руб. – 0,10 % от общего количества денежных средств фонда);

• Республика Дагестан (200 000 руб. – 0,01 % от общего количества денежных средств фонда);

• Республика Тыва (58 537 000 руб. – все средства, выделенные за год);

• Самарская область (7 837 000 руб. – 0,16 % от общего количества денежных средств фонда);

Таблица 6

Доля резервных фондов в объёме расходов бюджета СРФ в 2020–2025 гг. и на плановый период 2026–2027 гг., %

Субъект РФ	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2027 г.
Забайкальский край	0,04	0,04	0,03	0,17	0,16	0,10	0,10	0,11
Красноярский край	0,38	0,32	0,90	1,30	1,54	1,39	0,54	0,44
Ленинградская область	0,34	0,50	0,45	0,45	0,00	0,00	0,00	0,00
Республика Дагестан	1,89	0,00	1,72	0,20	0,93	1,57	0,06	0,06
Республика Тыва	0,06	0,00	0,00	0,00	0,01	0,09	0,10	0,09
Самарская область	0,09	0,15	2,56	2,02	0,77	1,51	1,30	1,52
Свердловская область	0,41	0,45	0,67	1,41	1,46	1,13	1,14	1,07
Тульская область	0,20	0,09	0,04	0,04	0,03	0,03	0,03	0,03
Хабаровский край	0,79	0,63	1,19	0,55	2,24	0,34	0,36	0,37
Чеченская Республика	0,16	0,06	0,10	0,08	0,12	0,32	0,19	0,19

Источник: составлено авторами на основе законов о бюджетах СРФ на 2020–2025 гг. и плановый период 2026 г. и 2027 г. [7–19].

• Тульская область (260 000 руб. – 0,52 % от общего количества денежных средств фонда);

• Хабаровский край (2 000 000 руб. – 0,33 % от общего количества денежных средств фонда).

Зарезервированные бюджетные ассигнования по разделу «Общегосударственные вопросы» не формируют следующие регионы: Свердловская область, Чеченская Республика. Вместе с тем бюджеты СРФ, имеющие зарезервированные бюджетные ассигнования, находятся в заведомо более устойчивой позиции, чем регионы, у которых такие зарезервированные средства отсутствуют.

Использование зарезервированных бюджетных ассигнований по разделу «Общегосударственные вопросы» во многом совпадает с направлениями расходов резервных фондов высших исполнительных органов СРФ и резервных фондов СРФ, в их числе: финансовое обеспечение мероприятий, связанных с предотвращением неблагоприятных ситуаций в связи с геополитическим и санкционным давлением на экономику региона; расходы на повышение (индексацию) оплаты труда работников бюджетной сферы; софинансирование расходов на реализацию государственных программ РФ и национальных проектов; дополнительные расходы в ходе выполнения мер, предусмотренных условиями реструктуризации бюджетных кредитов и иные направления.

Проведенный анализ функционирования резервных фондов СРФ показал, что такие резервные фонды служат инструментом обеспечения устойчивости бюджетов СРФ, позволяют эффективно управлять бюджетными рисками, связанными с волатильностью доходов и расходов бюджета СРФ, обеспечивая стабильное функционирование региональной экономики. Вместе с тем между наличием резервного фонда СРФ и уровнем финансовой самостоятельности (бюджетной обеспеченности) региона взаимосвязь не является очевидной: резервный фонд СРФ формируется как в малообеспеченных регионах (Республика Дагестан, Чеченская Республика), так и в регионах с высокой бюджетной обеспеченностью (Красноярский край, Ленинградская область, Самарская область, Свердловская область, Тульская область).

Дальнейшее совершенствование практики функционирования РФ СРФ предлагается по следующим направлениям:

• законодательное определение оптимального размера (норматива) РФ СРФ во всех СРФ: в зависимости от назначения фонда и установленных направлений его использования величина фонда может определяться, исходя из его минимальной величины (если фонд создан исключительно для финансирования внутригодовых кассовых разрывов) или из нормативной величины (если фонд используется для сбалансированности бюджета). Данная мера позволит избежать чрезмерной волатильности объемов резервного фонда СРФ и придаст его величине обоснованный характер;

• снижение возможности освоения зарезервированных средств в конце текущего года за счет повышения качества бюджетного планирования расходов и снижения операционных рисков, что сократит нераспределенные объемы резервных фондов и низкий уровень исполнения бюджета СРФ по соответствующим расходам;

• установленные на федеральном уровне механизмы трансфертной политики и долговой политики в отношении СРФ должны учитывать стимулы регионов по созданию собственных резервных фондов. В настоящее время принятая на федеральном уровне методика оценки долговой устойчивости СРФ, политика по выделению регионам межбюджетных трансфертов не стимулируют регионы к эффективному управлению собственными бюджетными резервами, включая резервные фонды СРФ. Вместе с тем регионам с низкой бюджетной обеспеченностью резервные фонды особенно необходимы для оперативной компенсации возможных сбоев в ходе исполнения бюджета и обеспечения финансовой устойчивости;

• повышение прозрачности расходования средств резервных фондов СРФ важно для качественного анализа актуальных направлений расходов и оценки эффективности использования резервных фондов СРФ как инструмента устойчивости бюджета СРФ.

Грамотное управление резервными фондами СРФ – это один из ключевых факторов обеспечения стабильного экономического развития СРФ, особенно в условиях неопределенности и повышенных рисков.

Литература:

1. Тимушев Е.Н., Яговкина В.А. Резервные фонды в регионах России: факторы учреждения и оценка эффективности // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 61–78. URL: https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-61-78.
2. Vasyunina M., Kosov M., Gorlova O., Masterov A., Zambaev Kh, Safronova E., Shmigol N. New Economic Model and Conceptual Directions for Increasing Russia's Regional Budgets Sustainability // Emerging Science Journal. 2024. Т. 8. № 2. P. 603–624.
3. Горлова О.С. Институциональные инструменты обеспечения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2023. № 4. С. 198–204.
4. Демидова С.Е. Формирование фискального пространства в условиях макроэкономической нестабильности // Финансовые исследования. 2024. Т.25. № 1 (82). С. 144–157.
5. Изотова А.Ю. Количественная характеристика использования внебюджетных фондов субъектов Федерации резервной направленности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 2. С. 39–46.
6. Шмиголь Н.С. Бюджетные резервы: содержание и перспективы развития // Финансы и кредит. 2012. № 1 (481). С. 26–36.
7. Информация официального интернет-портала правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/?oprd=1 %5C (дата обращения: 10.02.2025).
8. Закон Забайкальского края от 25.12.2012 г. № 758-ззк «О Резервном фонде Забайкальского края». URL: https://docs.cntd.ru/document/922227895?ysclid=m8iqtdnvb8452951960 (дата обращения: 15.02.2025).
9. Закон Красноярского края от 10.02.2022 г. № 3-45 «О резервном фонде Красноярского края». URL: https://docs.cntd.ru/document/578153938 (дата обращения: 15.02.2025).
10. Областной закон Ленинградской области от 13.06.2012 г. № 45-оз «О резервном фонде Ленинградской области» (приостановлен). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=127046430&backlink=1&&nd=127044789 (дата обращения: 15.02.2025).
11. Областной Закон Ленинградской области от 04.10.2023 г. № 97-оз «О приостановлении действия областног закона «О резервном фонде Ленинградской области». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4700202310090009?ysclid=m8ir6vuhu7847531399 (дата обращения: 15.02.2025).
12. Закон Республики Дагестан от 07.12.2021 г. № 77 «О резервном фонде Республики Дагестан». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0500202112140016?ysclid=m8ir89821w369759632 (дата обращения: 15.02.2025).
13. Закон Республики Тыва от 14.06.2012 г. № 1372-ВХ-I «О Резервном фонде Республики Тыва». URL: https://docs.cntd.ru/document/906704845?ysclid=m8ira983wq898713758 (дата обращения: 15.02.2025).
14. Закон Самарской области от 05.12.2011 г. № 129-ГД «О резервном фонде Самарской области». URL: https://docs.cntd.ru/document/945034453?ysclid=m8irefsqes996400853 (дата обращения: 15.02.2025).
15. Закон Свердловской области от 02.09.2011 г. № 78-оз «О Резервном фонде Свердловской области». URL: https://docs.cntd.ru/document/453109618?ysclid=m8irfjwqlv814101306 (дата обращения: 15.02.2025).
16. Закон Тульской области от 18.10.2011 г. № 1661-ЗТО «О Резервном фонде Тульской области». URL: https://docs.cntd.ru/document/453112589?ysclid=m8irg9nmsj719403865 (дата обращения: 15.02.2025).
17. Закон Хабаровского края от 25.07.2012 г. № 207 «О Резервном фонде «Хабаровского края». URL: https://docs.cntd.ru/document/995154186?ysclid=m8irhxeqf4578006028 (дата обращения: 15.02.2025).
18. Закон Чеченской Республики от 08.02.2012 г. № 1-РЗ «О Резервном фонде Чеченской Республики». URL: http://pravo.gov.ru/?oprd=1 %5C (дата обращения: 15.02.2025).
19. Резервный фонд Ленобласти отменили до 2030 года. URL: https://lenobl.ru/media/npa/docs/2023/10/04/97-оз_113421.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

Functioning of Budget Reserves in the Form of Reserve Funds of the Constituent Entities of the Russian Federation, their Improvement

Shmigol N.S., Chongina M.E.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of the study is to analyze the functioning of reserve funds at the regional level, contributing to ensuring the sustainability of the budgets of the constituent entities of the Russian Federation. The study identifies key factors affecting the volume and structure of expenditures of the reserve funds of the

constituent entities of the Russian Federation, as well as the vulnerabilities of current fund management practices. It is shown that in recent years, reserved budget allocation without the formation of reserve funds have also been used as a reserve tool. The study is based on the example of the constituent entities of the Russian Federation, which differ in terms of budget security and debt sustainability. As a result of the systematization of the practice of forming reserve funds of the subjects of the Russian Federation, recommendations have been developed to improve the management of reserved budget funds at the regional level. The results of the study can be used to clarify the regulatory and methodological documents governing the formation and use of reserve funds of the regions.

Key words: reserve funds, regional economy, budget sustainability, budget allocations, regional legislation

УДК 338.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-140-146

Системный механизм управления публично-правовой компании «Роскадастр»



Яковлев Д.С.
Директор филиала публично-правовой компании «Роскадастр» по Санкт-Петербургу

Решение проблем государственного управления в сфере учета земельных ресурсов осуществляется с участием публично-правовой компании «Роскадастр» (ППК РК), созданной в 2023 г. Для эффективного функционирования ППК РК в рамках делегированных полномочий требуется создание научно-обоснованного механизма, способного изменить ситуацию в сфере ответственности Росреестра.

Целью данного исследования является разработка комплексного подхода к построению экономико-организационного механизма функционирования ППК «Роскадастр», отражающего комплекс элементов публичного управления.

До утверждения госпрограммы «Национальная система пространственных данных» (далее – НСПД) в сфере учета земельных ресурсов, подведомственной Росреестру, наблюдалось множество технологических и организационно-экономических проблем, которые могут быть решены на основе использования эффективного экономико-организационного механизма функционирования ППК «Роскадастр».

Организация функционирования ППК строится на методических элементах, объединенных в единый механизм, учитывающий особенность некоммерческих организаций, госкорпораций и органов власти.

Результатом данного исследования является предложенный организационно-экономический механизм ППК РК, полученный на основе применения системного и процессного подходов, учитывающий методологические элементы публичного управления на основе принципов предпринимательства, управления цепочками поставок, социальной ответственности, управления геопространственной информацией. Это позволит обоснованно разрабатывать целевые решения публичного управления при функционировании ППК. Дальнейшее развитие инструментов и методов управления ППК РК возможно с учетом не только целей госпрограммы «НСПД», но и в разрезе достижения целей устойчивого развития России.

Ключевые слова: *публично-правовая компания, экономико-организационный механизм, государственное управление*

Для цитирования: *Яковлев Д.С. Системный механизм управления публично-правовой компании «Роскадастр» // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 140–146. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-140-146.*

Согласно постулатам государственного предпринимательства, создание ценности требует оригинального организационного механизма в соответствии с поставленными целями национального развития, что в методологическом ракурсе актуализирует исследование его возможных составляющих.

В работе Е.В. Мартыновой рассмотрен механизм обеспечения качества национальной системы пространственных данных (далее – НСПД), построенный на управленческих элементах, позволяющих достичь требуемого качества данных, качества ИС, результативности НСПД. Контекст обеспечения качества позволяет представить ценностные характеристики НСПД, согласно потребностям заинтересованных сторон [1; 2]. Наработки данного исследования целесообразно использовать в качестве базовых характеристик НСПД, за обеспечение которых несет ответственность публично-правовая компания «Роскадастр» (далее – ППК «Роскадастр», ППК РК).

Вместе с тем при построении эффективного механизма функционирования ППК РК необходимо учесть особенности производственно-технологической цепочки создания общественной ценности и экономико-организационные условия функционирования ППК как оператора, использующего предпринимательский подход.

В научной литературе экономико-организационные вопросы функционирования ППК рассматриваются не так часто. Большинство исследований связано с нормативно-правовыми вопросами или посвящено содержательным аспектам компетенции ППК. В нашем исследовании на основании нормативно-правовых особенностей ППК мы будем исходить из того, что данному субъекту присуща совокупность признаков независимой коммерческой организации, госкопораций и органов власти. При этом считаем целесообразным использовать установки госпрограммы «НСПД» [3].

До утверждения госпрограммы «НСПД» в сфере учета земельных ресурсов, подведомственной Росреестру, наблюдалось множество технологических и организационно-экономических проблем, которые приводили к неудовлетворенности большого количества заинтересованных сторон.

На национальном уровне основные проблемы в сфере управления пространственными данными были вызваны ограниченным использованием современных российских геоинформационных технологий, высокопроизводительной обработки пространственных данных, искусственного интеллекта для повышения эффективности цифровизации сферы управления земельными ресурсами и недвижимым имуществом, а также отсутствием отечественной геоплатформы, объединяющей сведения, содержащиеся в ведомственных и региональных информационных ресурсах, реестрах и базах данных. Существующие услуги и сервисы по предоставлению пространственных данных строились органами публичной власти и хозяйствующими субъектами на основе различных, в том числе иностранных, цифровых картографических продуктов, что в условиях современных реалий создавало потенциальную угрозу национальной безопасности [3].

Одновременно наблюдалось различие в подходах и несогласованность в процессе учета, использования и управления пространственными данными в федеральных органах исполнительной власти, реализующих полномочия собственности в отношении федеральных земельных участков, что негативно влияет на эффективность оборота земель.

В целом это свидетельствовало о низкой результативности государственного управления в данной сфере. Вместе с тем следует отметить, что сфера картографической информации является базой развития многих отраслей экономики и благополучия общества.

На основании этого для эффективного функционирования ППК РК, в рамках делегированных полномочий требуется создание научно-обоснованного механизма, способного изменить ситуацию в сфере ответственности «Росреестра».

В научной литературе очень часто обращаются к понятию механизма, например, А.Л. Анисимов выделил артефакты механизма, которые связал с формой организации общественного производства для роста эффективности, формой связей в хозяйственном взаимодействии, совокупностью экономических и иных стимулов влияния на производство и участников хозяйственной деятельности [4]. Применительно к управлению термин «механизм» связан с внутренними устройством и динамикой изменения составляющих кибернетической системы, то есть системы, характерной для взаимодействия управляемой и управляющей подсистемы. Р.Р. Алиулловым механизм управления характеризуется совокупностью управленческих средств, применяемых для достижения требуемого результата.

Д.А. Новиковым механизм управления определён совокупностью правил, процедур и методик принятия решений, но при этом в научном обиходе все же используется более расширенное понятие, учитывающее применение процессного и системного подходов [5]. Процессный подход позволяет выделить ключевые функции системных элементов, а системный подход – выделить взаимосвязанные элементы, от адекватной работы которых зависит итоговый результат всей системы [6]. Опыт применения процессного и системного подходов показывает достаточно хорошие результаты во многих исследованиях.

В рамках нашего исследования механизм управления будет пониматься как совокупность управленческих методических элементов, позволяющих реализовать функциональное предназначение субъекта управления, при этом акцент будет сделан на экономико-организационном аспекте управления ППК как субъекта, реализующего от имени государства экономическую функцию.

Экономико-организационный механизм ППК связан с внедрением инновационных решений и направлен на экономический и социальный эффекты, при этом экономический эффект содержит элементы, характерные предпринимательскому подходу, связанные с увеличением прибыли в государственном секторе от реализации государственных услуг, а также ростом объема налогов, полученных от использования пространственных данных (далее – ПД) в других секторах. Нематериальный результат – удовлетворенность общества государственным управлением.

Это и определяет ключевые требования к экономико-организационному механизму функционирования ППК как субъекту, применяющему методы, принципы и инструменты публичного управления для достижения национальных целей развития страны. Вместе с тем подробного описания механизма функционирования ППК не установлено. Согласно методологии исследования социально-экономических систем, механизм является главной конструкцией обеспечения эффективности и традиционно включает цели, функциональные подсистемы, процессы, методы, принципы и подходы, позволяющие реализовать эффективное функционирование системы.

Функционирование ППК связано с управлением системой цифровой платформы геопространственных данных, где потребителями является множество организаций коммерческого и социального сектора, индивидуальных пользователей, а также достаточно большая группа государственных организаций.

Продуктами деятельности являются ПД, наборы ПД, а также государственные услуги по предоставлению ПД, которые обладают общественной полезностью.

Заинтересованные лица – наиболее важный элемент любой управляемой системы, так как включает в себя потребителей и всех тех, кто каким-либо способом касается НСПД, кто получает выгоду от использования геопространственной информации, продуктов и услуг. Группа заинтересованных сторон НСПД достаточна велика. Сюда можно отнести индивидуальных потребителей, бизнес-сообщество, органы власти, которые напрямую используют ПД как информационный ресурс, а также государство в целом, так как ПД участвуют во многих социально-экономических процессах и процессах жизнеобеспечения общества.

Далее обозначим структуру как важный элемент механизма управления. Механизм управления ППК строится на основе иерархической линейной структуры, присущей органам власти, и включает следующие уровни: президент, попечительский совет, генеральный директор, менеджмент компании. Функционирование обозначенной структуры осуществляется на основе устава, сформированного в рамках нормативно-правовых документов.

Система целей деятельности ППК включает цели создания и развития НСПД, которые охватывают перспективные, долгосрочные цели развития рынка ПД и цели социально-экономического развития страны, цели развития секторов экономики и общества, которые взаимосвязаны между собой. При этом следует отметить, что цели охватывают коммерческие и некоммерческие сегменты целей государственного управления, которые на этом этапе определяются госпрограммой НСПД. В перспективе это цели развития и расширения рынка ПД. Тактические и операционные цели ППК строятся на основе потребностей организационного процесса, обеспечивающего качество ПД, особенности предоставления услуг, технического обслуживания информационной системы ПД (далее – ИС), включая цели эффективной работы функциональных подсистем. То есть весь набор целей складывается в многоуровневую систему целей.

Функциональные подсистемы ППК «Роскадастр» отражают особенность коммерческих и некоммерческих организаций. В качестве управляемой подсистемы выступает нормативно-правовое обеспечение функционирования НСПД в части ПД и ИС. При этом ключевыми функциями являются:

– постановка требований по развитию аналитических инструментов Федеральной государственной информационной системы «Единая цифровая платформа «Национальная система пространственных данных» (ФГИС «ЕЦП «НСПД») с учетом пожеланий пользователей;

– разработка нормативно-правовых и методических материалов на основе анализа опыта эксплуатации ФГИС «ЕЦП «НСПД» и с учетом принципиальных направлений её дальнейшего развития, например, осуществляется стандартизация данных и сервисов.

Техническая подсистема включает совокупность информационных систем, обеспечивающих производство ПД, функционирование которых регламентируется стандартами качества и безопасности.

В зоне управления ППК также находится подсистема информационного обеспечения функционирования ППК РК, в рамках которой выполняется информационно-аналитическая функция, направленная на выявление потребностей потребителей, результативности НСПД в части качества ПД.

Коммерческая подсистема направлена на привлечение инвестиций на основе финансового партнерства. В этом случае определяются инвестиционные потребности и источники финансирования для обеспечения комплексного управления геопространственной информацией, при этом учитываются основные этапы получения выгод, которые позволят достичь и сохранить динамику развития НСПД. Цель данной подсистемы состоит в реализации устойчивой бизнес-модели, для этого изучаются

возможности получения дополнительных доходов и/или сокращения прямых затрат, определяются возможные источники финансовых партнерских отношений для инвестиций, определяются финансовые планы, необходимые для создания и поддержания комплексного управления геопространственной информацией, а также долгосрочной инвестиционной программы, которая позволяет правительству реагировать на меняющиеся социальные, экологические и экономические потребности в геопространственных данных. Иными словами, в рамках данной подсистемы реализуется функция финансового управления НСПД, реализация которой должна быть эффективной, прозрачной и подотчетной [7].

Кадровая подсистема ППК – это сотрудники, которые реализуют все работы НСПД. Особенностью кадровой подсистемы следует назвать то, что её функционирование осуществляется по требованиям и стандартам, используемым в управлении персоналом государственных органов, к числу которых относятся стандарты клиентоцентричности, согласно которым сотрудники рассматриваются как внутренние клиенты, что определяет содержание множества других управленческих функций ППК. В частности, ряд функций связан с формированием и поддержанием эффективной организационно-штатной структуры, укомплектованием штата квалифицированными специалистами, наделением необходимыми знаниями и полномочиями, формированием потребности в обучении специалистов в связи с развитием НСПД, а также с взаимодействием с соответствующими организациями по вопросам обучения специалистов.

Подсистема развития НСПД разрабатывает инновационную политику, позволяющую внедрять современные методы, такие как машинное обучение и новейшее программное обеспечение информационной системы для создания данных. Инновационная политика является основой инвестиционной программы для геопространственной информации и технологических инноваций.

Обучающая подсистема ППК. Основные функции обучающей подсистемы сводятся к постоянному совершенствованию уровня профессионализма сотрудников, так как в сервисной деятельности требуется постоянное совершенствование профессионализма. Это еще связано с необходимостью совершенствования цифровых компетенций, которые важны при работе в условиях цифровой платформы. Дополнительно обучающая функция распространяется и на прямых пользователей, которым также требуется помощь в освоении цифровых сервисов.

Еще одной функциональной подсистемой следует признать обеспечение информационной и экономической безопасности, так как НСПД – это критически важная для национальной безопасности инфраструктура.

Наличие маркетинговой подсистемы связано с необходимостью популяризации государственных услуг по предоставлению ПД, результатом функционирования этой подсистемы является информационная политика ППК.

Методы управления определяются организационной ролью IT-оператора. В качестве оператора используются методы, построенные на необходимости обеспечении качества данных и качества информационных систем. ППК использует методы государственного администрирования и предпринимательские методы, особенности которых связаны с достижением социальных и экономических результатов.

Применение методов тайм-менеджмента связано со спецификой деятельности органов власти, так как их функционирование носит межведомственный и директивный характер, при этом реализуется большой документооборот и широко используется контрольная функция, что требует рационального использования времени для всех управленческих функций [8].

Одновременно предполагается использование методов риск-менеджмента [9]. Это объясняется тем, что организации всех типов подвергаются влиянию внутренних и внешних факторов, порождающих неопределённость для управленческих действий при достижении поставленных целей. При применении методов риск-менеджмента идентифицируются, анализируются, оцениваются риски, полученная информация используется при разработке всех управленческих программ и действий [10]. И это является систематическим процессом, что позволит обеспечить устойчивость ППК.

Методы проектного управления в последний период широко внедряются в государственное управление при формировании подходов к реализации основных направлений стратегического развития страны. Особенность данного подхода связывается с результативностью разработки и реализации проекта по решению конкретной проблемы [11; 12].

В связи с цифровизацией и развитием сервисно-платформенной структуры в государственном секторе экосистемный подход используется достаточно широко, так как это позволяет объединить взаимодействие многих субъектов в единую систему с целью повышения эффективности и рационального использования бюджетных ресурсов. Переход к экосистеме позволяет повысить устойчивость и долговременность связей между участниками взаимодействия и приводит к эволюции социально-экономических систем, которые превращаются в бизнес-экосистемы. Экосистема должна обладать следующими важнейшими характеристиками: 1) взаимозависимость между ее организациями-участниками; 2) взаимодействие между членами экосистемы, обусловленное потребностью в обмене ресурсами и согласовании целей и общих намере-

ний [13]. Экосистема, представляющая собой систему постоянно взаимодействующих участников, для успешного функционирования требует установления, поддержания и наращивания огромного числа взаимосвязей, а также их контроля. Деятельность, основанная на экосистеме, обеспечит взаимодействие, сотрудничество между разными ответственными сторонами и гарантирует согласованные и гармонизированные методы работы. Сотрудничество позволит повысить эффективность мер, уточнить сферы ответственности, сократить объемы повторяющейся работы и создаст деловые возможности.

Это определяет особые требования к корпоративной культуре. Корпоративная культура ППК строится на основе традиций и правил взаимодействия, присущих работе коллективов органов власти, в основе которой лежат внутренние стандарты, основанные на концепции клиентоцентричности, где и потребитель, и сотрудник – это клиенты, потребности которых должны быть учтены. Одновременно учитывается устойчивость системы взаимодействия, то есть необходимо добиться создания общей ценностной системы, регулирующей взаимоотношения между различными участниками, что обеспечит эффективное функционирование ППК.

Далее перейдем к базовым принципам, то есть правилам, по которым функционирует ППК РК, к числу которых целесообразно отнести следующие принципы публичного управления, так как субъект относится к государственному сектору: принципы предпринимательства, которые позволяют извлекать выгоду и трансформировать её в общественные блага, принципы социальной ответственности, учитывающие социальные цели и цели устойчивого развития, согласно политике ООН в части управления геопространственной политикой стран, и принципы управления геопространственной информацией [14].

Отдельно целесообразно предложить использование в качестве базовых принципы управления цепочками поставок, применение которых аргументировано в обзоре К. Сенкевич-Малюрека, М. Шимчака [15], которые доказали, что подход, основанный на принципах управления цепочками поставок, может повысить эффективность и качество процессов предоставления государственных услуг, так как в технологическом процессе задействован ряд поставщиков. Двойственная природа клиентов, которые являются как поставщиками ресурсов, так и потребителями продукции, отличает цепочки поставок услуг от производственных цепочек и является наиболее важным при формировании механизма предоставления государственных услуг ППК [16; 17]. Управление цепями поставок как методология современного предпринимательства предполагает выполнение принципов взаимодействия; синхронизации основных бизнес-процессов и моделей планирования и управления; единства информационных каналов центральной управляющей компании с поставщиками и клиентами звеньев цепи поставок [18].

Как элемент механизма функционирования ППК следует выделить факторы среды, которые могут создавать рисковую нагрузку на управление. Здесь стоит отметить, что в данном секторе создалась ситуация государственной монополии, поэтому факторами внешней среды будут выступать группы заинтересованных лиц, которые могут быть не удовлетворены работой НСПД, а также риски на уровне государства в связи с международной политической ситуацией.

Финансовая модель основана на совмещении ресурсов, которые формируются на основе бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных для Росреестра Госпрограммой НСПД, а также ресурсов инвестиционных партнеров.

Главное требование к модели финансирования связывается с её стабильностью и возможностью обеспечивать получение и обслуживание многих видов данных, а также обслуживать информационную систему и обеспечивать эффективное предоставление государственных услуг.

Измерение и оценка результатов – один из наиболее важных элементов управленческого механизма, так как является основой целеполагания ППК. Для адекватного планирования целесообразно оценивать прямые и косвенные выгоды от функционирования НСПД в сравнении с прогнозируемыми результатами социально-экономического развития страны. Здесь наиболее значимой составляющей является наличие методики и проведение оценки социально-экономического влияния функционирования в сопоставлении с полученным объемом финансирования.

Критериями результативности ППК являются результаты пополнения бюджета РФ, обеспечения определённого баланса между коммерческой стабильностью (доходностью) и осуществлением непрерывного вклада в развитие экономики.

Таким образом, если объединить все выявленные элементы, можно представить экономико-организационный механизм функционирования ППК РК в виде таблицы 1.

В таблице 1 представлен комплексный подход к построению экономико-организационного механизма функционирования ППК «Роскадастр», отражающий комплекс элементов публичного управления на основе системного принципа, которые могут использоваться при формировании управляющих воздействий других субъектов государственного сектора.

Таблица 1

Экономико-организационный механизм ППК «Роскадастр»

Объект управления Организационно-экономическая система, обеспечивающая функционирование НСПД
Система целей Перспективные цели развития рынка ПД Стратегические цели государственного управления в рамках ГП НСПД. Тактические, операционные цели реализации организационного процесса, обеспечивающего качество ПД, особенности предоставления услуг, технического обслуживания ИС ПД, цели эффективной работы функциональных подсистем ППК.
Управляемые подсистемы Подсистема нормативно-правового обеспечения в части ПД и ИС Подсистема информационного обеспечения Техническая подсистем Коммерческая подсистема Кадровая подсистема Обучающая подсистема Подсистема развития Подсистема обеспечения информационной и экономической безопасности Маркетинговая подсистема
Финансовые ресурсы Ассигнования федерального бюджета Партнерские инвестиции
Методы управления, построенные на концептах публичного управления, тайм-менеджмента, риск-менеджмента, проектного управления, сервисной концепции государственного управления, концепции «Государство как платформа»
Принципы публичного управления, принципы предпринимательства, принципы управления цепочками поставок, принципы социальной ответственности, принципы управления геопространственной информацией
Корпоративная культура на основе традиций и правил взаимодействия, присущих работе коллективов органов власти
Средовые факторы Группы заинтересованных лиц Международная политическая ситуация
Результаты **Выгоды** для общества, эффекты в социально-экономическом развитии страны, полученные от функционирования НСПД Результаты пополнения бюджета РФ Баланс коммерческая стабильность (доходность) / вклад в развитие экономики РФ

Литература:

1. Окрепилов В.В., Мартынова Е.В. Показатели качества национальной системы пространственных данных // Стандарты и качество. 2023. № 11. С. 42–46. DOI 10.35400/0038-9692-2023-11-223-23.
2. Мартынова Е.В. Формирование и обеспечение качества национальной системы пространственных данных: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. СПб., 2023. 21 с.
3. Постановление Правительства от 01.12.2021 г. № 2148 Государственная программа «Национальная система пространственных данных» // СПС Гарант.
4. Анисимов А.Л. К вопросу о неопределенности термина «механизм» в экономических исследованиях // Экономика, общество, человек: теория, методология, реальность: Сб. науч. публикаций: в 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург: Уральский гос. эконом. ун-тет, 2015. С. 147–152.
5. Новиков Д.А. Механизмы управления: конструктор для управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 3. С. 5–16.
6. Юрасова М.В. Специфика применения научных подходов в исследовании систем управления // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 190–204.
7. Integrated Geospatial Information Framework a Strategic Guide to Develop and Strengthen National Geospatial Information Management. Part 1: Overarching Strategic Framework. URL: https://ggim.un.org/meetings/GGIM-committee/8th-Session/documents/Part%201-IGIF-Overarching-Strategic-Framework-24July2018.pdf
8. Торопова Т.А. Применение технологий тайм-менеджмента в деятельности органов исполнительной власти // Экономика, управление, общество: история и современность: Материалы XVIII Всеросс. науч.-практ. конф., Хабаровск, 06 ноября 2020 г. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2020. С. 240–245.
9. Меняйло П.А., Голикова Г.В. Синергия систем риск-менеджмента и тайм-менеджмента в организации // Финансовая экономика: актуальные вопросы развития: сб. трудов II Межд. студ. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. Хабаровск, 15 ноября 2019 года. Хабаровск: Хабаровский гос. ун-тет экономики и права, 2019. С. 219–221.
10. ГОСТ Р ИСО 310002010 Группа Т58. Национальный стандарт Российской Федерации. Окс 03.100.01. Менеджмент риска. Принципы и руководство Risk management. Principles and guidelines. Дата введения 2011-09-01. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200089640
11. Боронина Л.Н., Сенук З.В. Основы управления проектами: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 112 с.
12. Макарычева А.С. Теоретические основы проектного менеджмента // NOVAUM.RU. 2016. № 4. С. 16–18.
13. Клейнер Г.Б. Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы // Системный анализ в экономике – 2018: Сб. трудов V Межд. науч.-практ. конф. – биеннале. М.: ООО «Издательство Прометей», 2018. С. 4–12.

14. Заявление об общих руководящих принципах управления геопространственной информацией. URL: https://ggim.un.org/documents/statement%20of%20shared%20guiding%20principles%20flyer_Russian.pdf
15. Sienkiewicz-Małyjurek K., Szymczak M. Understanding public service supply chain management: a systematic literature review // Management Review Quarterly. 2023. № 74(1). DOI: 10.1007/s11301-023-00350-8
16. Aitken J., Childerhouse P., Deakins E., Towill D. A comparative study of manufacturing and service sector supply chain integration via the uncertainty circle model // The International Journal of Logistics Management. 2016. № 27(1). P. 188–205. https://doi.org/10.1108/ijlm-03-2014-0047
17. Seepma A.P., de Blok C., Van Donk D.P. Designing digital public service supply chains: four country-based cases in criminal justice // Supply Chain Management: An International Journal. 2020. № 26(3). P. 418–446. https://doi.org/10.1108/scm-03-2019-0111
18. Сергеев В.И., Эльяшевич И.П. Управление закупками и запасами в цепях поставок: учеб. М.: ИНФРА-М, 2024. 402 с.

Systemic Mechanism of Management of the Public-Law Company "Roskadastr"

Yakovlev D.S.
Public Law Company "Roskadastr" Branch office Saint-Petersburg

The solution to the problems of public administration in the field of land accounting is carried out with the participation of the public law company Roskadastr (CPC RK), established in 2023. For the effective functioning of the CPC of the Republic of Kazakhstan, within the framework of delegated powers, it is necessary to create a scientifically based mechanism capable of changing the situation in the area of responsibility of the Federal Register.

The purpose of this study is to develop an integrated approach to building an economic and organizational mechanism for the functioning of the Roskadastr Control Center, reflecting a set of elements of public administration.

Prior to the approval of the state program «National spatial data system» («NSPD») in the field of land accounting, subordinated to the Federal Register, there were many technological, organizational and economic problems that can be solved by using an effective economic and organizational mechanism for the functioning of the Roskadastr Control Center.

The organization of the CPC's functioning is based on methodological elements combined into a single mechanism that takes into account the specifics of non-profit organizations, state corporations and government authorities.

The result of this study is the organizational and economic mechanism of the CPC of the Republic of Kazakhstan, obtained through the application of systemic and process approaches, taking into account the methodological elements of public administration based on the principles of entrepreneurship, supply chain management principles, principles of social responsibility, principles of geospatial information management. This will make it possible to reasonably develop targeted solutions for public administration in the operation of the CPC. Further development of the management tools and methods of the CPC of the Republic of Kazakhstan is possible, taking into account not only the goals of the state program «NSPD», but also in the context of achieving the goals of sustainable development of Russia.

Keywords: public-law company, economic and organizational mechanism, public administration

УДК 340.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-147-153

Управленческий подход к пониманию правовой политики как основа суверенитета Российской Федерации



Ашрафзянов И.Р.
Кандидат юридических наук, помощник судьи
Зеленодольского городского суда Республики Татарстан

В статье предпринимается попытка развить и конкретизировать управленческий подход к пониманию правовой политики, который, как обосновывает автор, имеет важнейшее значение для повышения качества правового регулирования и укрепления суверенитета современной России. Целью исследования является выявление содержания и познавательного потенциала управленческого подхода к правовой политике. Задачами исследования являются описание и аргументация структуры правовой политики как управленческой деятельности, преимуществ управленческого подхода, а также поиск ключевых элементов, определяющих эффективность правовой политики.

Научная новизна исследования состоит в подробном обосновании информационно-мировоззренческого аспекта правовой политики. На примере современной России автор доказывает, что в правовой политике всегда присутствует так называемый «бесструктурный способ управления». Рассматривая правовую политику в таком русле, теоретическое правоведение может быть ориентировано на изучение процессов социального управления и роли права в них. Только при осмыслении и полноценном использовании данного подхода возможно повышение эффективности правового регулирования и возрождение суверенитета Российской Федерации, в чём и выражается практическая значимость исследования.

Ключевые слова: *правовая политика, управление, суверенитет, либерализм, эффективность права, цель права, правоприменение*

Для цитирования: *Ашрафзянов И.Р. Управленческий подход к пониманию правовой политики как основа суверенитета Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 147–153. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-147-153.*

Одним из наиболее актуальных и перспективных направлений развития современной теории государства и права, на наш взгляд, является теория правовой политики (политики права), которая, как отмечал Г.Ф. Шершеневич, «вырабатывает правила, по которым существующий юридический порядок должен быть изменён согласно идеальному критерию» [1, с. 360]. В отличие от догмы права, которая изучает действующее право в его формально-юридическом аспекте, политика права сконцентрирована на поисках правового идеала.

В.Н. Жуков поясняет, что политика права – это «юридическая дисциплина, под которой обычно понимали: 1) установление целей правового регулирования; 2) разработку средств достижения этих целей, куда относились как специально юридические средства (правотворчество и правоприменение), так и социальные реформы» [2, с. 521]. С этой точки зрения правовая политика «всегда была естественной частью юридической жизни любой страны», поскольку «процессу правового регулирования имманентно присуще определение целей

и средств его достижения» [2, с. 521]. Вместе с тем ещё С.А. Муромцев сетовал на то (во многом это оправданно и для современности), что «юрист сочиняет новый кодекс, увлекаясь систематическим развитием предвзятых идей и не задумываясь над последствиями, к которым должно привести одностороннее применение их в жизни» [3, с. 13]. Поэтому необходимость дальнейшей научной разработки данного междисциплинарного направления исследований состоит прежде всего в преодолении изоляции правоведения от других социогуманитарных дисциплин и направлении научных поисков не только на решение узкопрактических вопросов, но и на выработку и достижение общенациональных целей, повышение качества жизни граждан.

В рамках данного направления исследований перед правоведами встал вопрос о понятии правовой политики как реального, объективно существующего явления. В поисках ответа на данный вопрос представители теории права стали предлагать различные подходы к пониманию правовой политики. Условно их можно объединить в два направления, которые О.Ю. Рыбаков обозначил как теоретико-идеологический и деятельностный [4, с. 51]. К теоретико-идеологическому направлению можно отнести такие определения правовой политики, как «комплекс целей, мер, задач, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права» (Н.И. Матузов) [5, с. 318], «совокупность представлений о том, какими путями и средствами можно воздействовать на правовую ситуацию в обществе в целях приближения к правовому идеалу» (А.В. Поляков) [6, с. 421].

В рамках деятельностного направления правовая политика, в частности, понимается как научно обоснованная, последовательная и системная «деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности» (А.В. Малько) [7, с. 34]. Или, например, как «процесс и результат дискурсивной борьбы социальных групп за право официальной номинации, классификации, категоризации и квалификации некоторых социальных явлений как наиболее значимых», а затем и как юридически значимых (И.Л. Честнов) [8, с. 42].

Вместе с тем О.Ю. Рыбаков и С.В. Тихонова предложили новый, управленческий подход к пониманию правовой политики [9], аргументируя это тем, что правовая политика всегда имеет сознательный волевой характер, подразумевает определённое планирование, а при её анализе используются такие термины, как «эффективность» и «оптимизация», то есть управленческие термины [9, с. 11-13]. В итоге они пришли к выводу, что правовая политика является «исторически сложившейся формой организации правового развития общества, благодаря которой через последовательность формулирования целей, поиск средств, их применения и оценки достигнутого результата, то есть через управление, меняется правовая жизнь» [9, с. 13].

По нашему мнению, данный подход является наиболее плодотворным, поскольку он фактически охватывает другие подходы, но в то же время обозначает сущность правовой политики как реально существующего явления и задаёт наиболее предметный угол зрения при анализе конкретных примеров. Однако данный подход требует конкретизации, чтобы иметь целостное представление о том, в чём именно заключается правовая политика как управленческая деятельность в сфере права. Поэтому целью данной статьи является выявление содержания и познавательного потенциала управленческого подхода к правовой политике.

Мы полагаем, что, как управленческая деятельность, правовая политика имеет определённые этапы с чёткой последовательностью. В кратком виде их можно обозначить следующим образом:

1) выявление конкретных общественно значимых проблем (духовно-нравственных, политико-правовых, социально-экономических и др.);

2) формирование и совершенствование картины мира, в рамках которой даётся целостное и конкретное объяснение социально-правовых явлений и закономерностей, истоков вышеуказанных проблем, объективно возможных путей их решения;

3) целеполагание и прогнозирование на основе данной картины мира;

4) распространение информации о вышеуказанных проблемах, картине мира, целях, прогнозе;

5) воплощение поставленных целей в жизнь посредством правового регулирования (правотворчества и правореализации), в том числе создание и реорганизация органов публичной власти и иных структур, отбор кадров, распределение полномочий, ресурсов и персональной ответственности, а в случае необходимости – применение соответствующих санкций;

6) оценка достигнутых результатов, выявление ошибок и их исправление для повышения качества управленческой деятельности.

Обращаем внимание на первые четыре этапа правовой политики (в особенности на 4-й этап), которые чаще всего воспринимаются не как управленческие действия, а как ни к чему не принуждающие беседы и дискуссии, просветительские и культурно-развлекательные мероприятия. Необходимо понимать, что распространение любой информации является частью процесса управления, поскольку

в результате этого у общества, социальных групп и отдельных людей формируются и корректируются картина мира и стереотипы восприятия, возникает определённая интерпретация каких-либо фактов, на основе чего граждане впоследствии принимают те или иные решения, в том числе имеющие правовые последствия. А потому процессы массового распространения информации в обществе никогда не пускаются на самотёк, и государство, крупный бизнес, представители элиты при публичном оглашении практически любой информации всегда стремятся реализовать конкретные цели.

В современной философии данный феномен обозначается некоторыми авторами как «бесструктурный способ управления» [10, с. 166–178]. На практике он зачастую проявляется в манипуляции общественным сознанием, когда в обществе распространяют декларативные и неадекватные жизни идеи, в силу чего люди сами и по своей инициативе работают на достижение чуждых им целей, даже не подозревая об этом. Это может осуществляться как в отношении общества в целом, социальной группы (через науку, образование, телевидение, искусство, средства массовой информации, рекламу, интернет), так и в отношении отдельного человека (не только путём непосредственного общения, но и опосредованно, через цепь знакомств и «случайные» беседы в «непринуждённой» обстановке, чтобы реальный управленец был скрыт от внимания). Подобного рода воздействие становится возможным по причине большого разрыва между людьми в кругозоре и мере понимания социальных процессов.

Бесструктурный способ управления возможен, в том числе путём воздействия на подсознание человека, в частности, через рекламу и искусство. Если рассматривать художественные фильмы в постсоветской России, то можно привести в пример демонстрацию потребления алкоголя и табака в качестве жизненной нормы, пропаганду криминального образа жизни и «воровских понятий», пропаганду потребительского образа жизни, выстраиваемого лишь ради ярких эмоций, при явном дефиците позитивного образа семьи (не говоря уже о многодетной семье) и привлекательного образа человека труда (не говоря уже о человеке с определёнными идеалами). Подобного рода воздействие чаще всего оказывается гораздо более результативным, чем сотни книг, тем более что и то, и другое не воспринимается в массовом сознании как управленческий акт. В результате трудовая этика и традиционные семейные ценности в молодёжной среде современной России переживают закономерный кризис, растёт подростковая преступность [11], а наибольшее количество преступлений в России совершается лицами в состоянии алкогольного опьянения, лицами без постоянного источника доходов, а также ранее судимыми [12].

Но возможен и другой вариант бесструктурного управления, при котором манипуляция обществом отсутствует, и через открытое распространение адекватных жизни знаний у всех могут, в той или иной степени, повышаться нравственные стандарты, формироваться ясное видение образа будущего и имеющихся проблем, благодаря чему может увеличиваться эффективность и согласованность действий различных субъектов правотворчества и правоприменения (в рамках рабочего коллектива эту задачу отчасти решают с помощью периодических совещаний или, по крайней мере, должны решать). Без использования бесструктурного управления в таком русле правоприменение неизбежно становится формальным, бюрократическим, поскольку у правоприменителей отсутствует единое и адекватное жизни понимание стоящих перед ними целей, в результате чего они вынуждены опираться на субъективно осознаваемую ими целесообразность и «прятаться» за формальными требованиями закона, отрываясь от реальных чаяний населения. Для правовой политики современной России данная проблема является одной из наиболее чувствительных, поскольку с ней ежедневно сталкивается большое количество граждан нашей страны (и без того мало знакомых с действующим законодательством).

Данные причинно-следственные взаимосвязи между информационной средой общества и правовым регулированием зачастую не фиксируются правоведами, поскольку целостное представление о правовой политике как управленческой деятельности в обществе отсутствует.

Исходя из этого, нами предлагается следующее определение правовой политики: правовая политика – это управленческая деятельность в сфере права, которая состоит в: а) выявлении общественно значимых проблем (духовно-нравственных, политико-правовых, социально-экономических и др.); б) формировании и совершенствовании комплекса знаний об истоках данных проблем и связанных с ними социально-правовых явлениях и закономерностях; в) постановке целей и прогнозировании развития правовой системы; г) распространении соответствующей информации в обществе для реализации поставленных целей; д) воплощении поставленных целей посредством правового регулирования (правотворчества и правореализации); е) оценке достигнутых результатов, выявлении ошибок и их исправлении.

Основываясь на таком подходе, в теории правовой политики должны детально изучаться не только вопросы совершенствования законодательства и правоприменения, восполнения пробелов в праве, эффективной организации деятельности органов публичной власти, юридической ответственности, но и дефекты господствующей социальной картины мира, нравственность тех или иных людей

и социальных групп, эффективность системы образования, степень распространения достоверной информации в обществе, влияние на граждан искусства, средств массовой информации, рекламы и интернета. От этого в первую очередь зависит и эффективность правовой политики, и национальный (цивилизационный) суверенитет, в частности, суверенитет современной России.

Во многом ключевым элементом в данном случае является эффективность нашей картины мира, а именно тот образ будущего и те смыслы, которые в ней содержатся. Если данная картина мира является заимствованной, декларативной и если она не соответствует реалиям жизни общества, то говорить о суверенитете не приходится. Следует признать, что либерально-потребительские идеи, получившие широкое распространение в постсоветской России, в том числе в системе образования, являются не просто ложными во многих аспектах. Они явились средством умышленного лишения России её суверенитета со стороны геополитических противников во второй половине XX в., причём во многом успешным средством.

В этой связи Президент России В.В. Путин в 2019 г. заявил, что диктат либеральной идеи является неоправданным и данная идея не имеет права на абсолютное доминирование [13], а также неоднократно упоминал о необходимости мировоззренческого суверенитета [14], суверенного мировоззрения [15], глубоких мировоззренческих исследований [16]. Действительно, если вести речь о процессах, происходящих в России и странах СНГ последние 35 лет, то либерализм как стратегический курс на постсоветском пространстве не уберёг нас от локальных войн на наших границах и всплеска русофобии в странах СНГ, от кризиса миграционной политики, резкого имущественного расслоения, упадка института семьи, роста уровня коррупции и бюрократизма. Нередко это воспринимается как досадное недоразумение, связанное не с дефектным мировоззрением, а со злым умыслом отдельных чиновников и плохой организацией деятельности государства, однако это очень поверхностный взгляд. Между господством либеральных идей и нарастанием вышеуказанных проблем имеется чёткая причинно-следственная связь, поскольку вопреки декларациям либеральной идеологии социально-экономические и политические процессы всегда являются управляемыми (и не только со стороны тех или иных государств, но также со стороны бизнеса, межгосударственных органов и иных субъектов), а отсутствие чётких нравственных стандартов, целей и защита бесконечного многообразия и «индивидуальности» каждого приводит лишь к нравственной деградации большинства, при которой неизбежно усугубляются иные проблемы, в том числе в сфере правового регулирования, и при которой зарубежные государства и бизнес-структуры получают всё больше возможностей для манипуляции обществом.

Некоторые представители теории права фактически указывают, в той или иной форме, на отсутствие мировоззренческого суверенитета в современной России. В частности, звучат тезисы о существовании «симулякров» в общей теории государства и права [17], о несостоятельности основных постулатов неолиберальной модели будущего [18, с. 34]. Л.В. Голоскоков отмечает, что рост объёма законодательства после распада СССР не приводит к преодолению бедности и коррупции, не решает проблемы «в сельском хозяйстве, образовании, медицине, демографии, пенсионном деле, других областях», и право тем самым не может реализовать свою регулятивную функцию должным образом [19, с. 10]. Представители иных социогуманитарных дисциплин так же обращают пристальное внимание на дефицит суверенитета в современной России. Например, экономист, академик РАН, бывший советник Президента РФ С.Ю. Глазьев заявляет о поражении денежных властей России «когнитивным оружием – внесением в их сознание заведомо ложных и крайне вредных при реализации воззрений, искажающих логику причинно-следственных связей до противоположной реальности» [20, с. 24].

Поэтому, как отмечает В.А. Ефимов, «суверенитет государственности в эпоху глобализации невозможен без наличия собственного замысла, собственной генеральной концепции управления, суверенной концепции безопасности общества и государства, базирующейся на хранящихся в душе народа идеалах» [21, с. 15]. Вместе с тем в настоящий момент какая-либо внятная альтернатива либеральным идеям, в том числе правовым идеям, так и не получила широкого распространения в современной России, несмотря на наличие в нашей стране богатейшего наследия политико-правовой мысли, в том числе консервативной (в лице В.С. Соловьева, Н.Я. Данилевского, К.П. Победоносцева, И.Л. Солоневича, Л.А. Тихомирова, И.А. Ильина, С.Ф. Шарапова и др.) и марксистско-ленинской (в лице В.И. Ленина, И.В. Сталина, а также советских правоведов). И хотя либеральные идеи уже не являются предметом беззаветной веры довольно большого количества людей, тем не менее часть общества и в особенности обучающиеся, не осведомлённые о нюансах политико-правовой действительности, ежедневно сталкиваются с либерально-прозападным лексиконом правовой политики, состоящим из таких слов, как «гражданское общество», «права человека», «толерантность», «плюрализм мнений», «цивилизованное общество», «общечеловеческие ценности», «недопустимость дискриминации и ксенофобии» (произносимых, разумеется, без каких-либо внятных пояснений и чёткой определённости), которые

в лучшем случае вызывают иронию, а в худшем – влияют на их картину мира и грубо искажают её.

Либеральная терминология отражается и на самой теории правовой политики, в частности, когда при формулировании понятия правовой политики в него включаются такие цели, как обеспечение прав и свобод человека или формирование правовой государственности. Вместе с тем в нашем представлении такие формулировки являются неоправданными. Правовую политику необходимо рассматривать как реальную управленческую деятельность в сфере права в её целостности (чтобы анализировать и собственную правовую политику, и реальную правовую политику геополитического противника, воздействующую на другие государства, а также имитационную правовую политику), а не как аморфный идеал с неоднозначными целями, которые без соответствующих пояснений вновь возвращают нас в русло чужой идеологии. В противном случае теория правовой политики не сможет выработать эффективный ответ на современный управленческий курс западной элиты, который по своей сути направлен ни много ни мало на ликвидацию русской цивилизации.

Управленческий подход, как видно, позволяет целостно и системно охватить как информационно-мировоззренческий, так и правотворческий, правоприменительный аспекты правовой политики, ориентируя исследователя на поиск ответов на конкретные вопросы: как именно данные аспекты правовой политики содействуют и могли бы содействовать достижению поставленной цели; какие препятствия существуют для её реализации; есть ли у поставленных целей какие-либо недостатки; не навязаны ли кем-то извне данные цели и картина мира; какие цели ставят перед собой иные субъекты (в первую очередь национальные и глобальные элиты); какое именно влияние они оказывают своими действиями; имеет ли место в правовой политике какая-либо декларативность, бюрократизм или иная имитационная деятельность. Тем самым процессы социального управления и роль права в них становятся объектом пристального изучения со стороны теоретического правоведения, что значительно увеличивает его познавательный потенциал и практическую значимость. Более конкретно преимущества и методологические возможности управленческого подхода мы попытались раскрыть в нашем диссертационном исследовании на примере справедливости как цели правовой политики [22], продемонстрировав в общих чертах, как может выглядеть суверенная модель политико-правового развития современной России.

К сожалению, на сегодняшний день проблематика управления социальными процессами как в юридической науке, так и в социогуманитарной науке в целом детально не разрабатывается, а порою даже рассматривается как некая «конспирология» и «поиск заговоров». Историк А.И. Фурсов в этой связи сетует, что «у современного обществоведения нет ни понятийного аппарата, ни возможности, а часто и желания заниматься скрытыми механизмами социальных процессов, тем, что лежит не на поверхности, теневой стороной реальности. В этом плане современное обществоведение является ущербным, половинчатым: в основном оно занимается явлениями, а не сущностью, функциями, а не субстанцией, таким образом, упуская главное» [23, с. 15].

Таким образом, под правовой политикой как реально существующим явлением следует понимать управленческую деятельность в сфере права, которая состоит в: а) выявлении общественно значимых проблем (духовно-нравственных, политико-правовых, социально-экономических и др.); б) формировании и совершенствовании комплекса знаний об истоках данных проблем и связанных с ними социально-правовых явлениях и закономерностях; в) постановке целей и прогнозировании развития правовой системы; г) распространении соответствующей информации в обществе для реализации поставленных целей; д) воплощении поставленных целей посредством правового регулирования (правотворчества и правореализации); е) оценке достигнутых результатов, выявлении ошибок и их исправлении. Такой подход к пониманию правовой политики является наиболее конкретным и ориентирует исследователя на изучение процессов социального управления и роли права в них, в особенности информационно-мировоззренческих аспектов управления, что значительно увеличивает познавательные возможности теоретического правоведения. Кроме того, в нашем представлении такой подход является той теоретико-методологической основой, с помощью которой юридическая наука может внести весомый вклад не только в повышение эффективности правотворчества и правоприменения, но и в возрождение суверенитета Российской Федерации.

Литература:

1. Шершеневич Г.Ф. Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. 496 с.
2. Философия права. Словарь. / Под ред. и сост. В.Н. Жукова. М.: Мир философии, Алгоритм, 2021. 904 с.
3. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К, 1879. 240 с.
4. Рыбаков О.Ю. Методологическое значение теории правовой политики // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 50–53.
5. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Сарат. гос. академии права, 2004. 512 с.
6. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учеб. М.: Проспект, 2016. 832 с.
7. Малько А.В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
8. Честнов И.Л. Правовая политика в постклассическом измерении // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 2(3). С. 33–44.
9. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // Lex Russica. 2015. №3. С. 7–18.
10. Солонько И.В. Система концептуальной власти в условиях глобализации: социальная обусловленность и типологизация: дисс. … д-ра филос. наук. СПб., 2017. 358 с.
11. Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам расследования преступлений несовершеннолетних. 15 октября 2024 года. URL: https://sledcom.ru/news/item/1921268 (дата обращения: 10.01.2025).
12. Судебная статистика РФ. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai (дата обращения: 17.01.2025).
13. Путин считает, что либеральная идея должна существовать, но не доминировать. 28 июня 2019 г. URL: https://tass.ru/politika/6603558 (дата обращения: 14.01.2025).
14. Путин указал на важность наличия собственных разработок ИИ для суверенитета РФ. 11 декабря 2024 г. URL: https://iz.ru/1805648/2024-12-11/putin-ukazal-na-vazhnost-nalichiia-sobstvennykh-razrabotok-ii-dlia-suvereniteta-rf (дата обращения: 14.01.2025).
15. Путин направил приветствие участникам симпозиума «Создавая будущее». 4 ноября 2024 г. URL: https://tass.ru/politika/22307213 (дата обращения: 20.01.2025).
16. Стенографический отчет о встрече В.В. Путина с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук. 21 июня 2007 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24359 (дата обращения: 20.01.2025).
17. Лазарев В.В. Юридическая наука: продолжение полемики // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 108. № 11. С. 10–24.
18. Марченко М.Н. Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке. М.: Проспект, 2019. 296 с.
19. Голоскоков Л.В. Право в политике и политика в праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 2. С. 8–13.
20. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад. М.: Институт экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015. 60 с.
21. Ефимов В.А. Мировоззренческие основы системного обеспечения суверенитета России в условиях глобализации // Проблемы и базовые принципы укрепления суверенитета России: коллективная монография. СПб.: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2017. С. 12-20.
22. Ашрафзянов И.Р. Справедливость как цель правовой политики в контексте развития человека: дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 2024. 232 с.
23. Фурсов А.И. De Conspiratione. Капитализм как заговор // De Conspiratione / О Заговоре. Сборник монографий. А.И. Фурсов (сост.). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. С. 7–143.

Management Approach to Understanding Legal Policy as the Basis of Sovereignty of the Russian Federation

Ashrafzyanov I.R.
Zelenodolsk City Court of the Republic of Tatarstan

The article attempts to develop and specify the management approach to understanding legal policy, which, as the author substantiates, is of paramount importance for improving the quality of legal regulation and strengthening the sovereignty of modern Russia. The purpose of the study is to identify the

content and cognitive potential of the management approach to legal policy. The objectives of the study are to describe and argue the structure of legal policy as a management activity, the advantages of the management approach, as well as to search for key elements that determine the effectiveness of legal policy.

The scientific novelty of the study lies in the detailed substantiation of the information and ideological aspect of legal policy. Using modern Russia as an example, the author proves that the so-called "unstructured method of management" is always present in legal policy. Considering legal policy in this vein, theoretical jurisprudence can be focused on studying the processes of social management and the role of law in them. Only with understanding and full use of this approach is it possible to increase the effectiveness of legal regulation and revive the sovereignty of the Russian Federation, which expresses the practical significance of the study.

Key words: legal policy, governance, sovereignty, liberalism, effectiveness of law, purpose of law, law enforcement

УДК 341.24:347.453.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-154-160

Международно-правовое сотрудничество в сфере строительства. Развитие международного строительного контрактного права как отрасли международно-правовых наук в рамках МФИК



Белкин Д.С.
Старший преподаватель кафедры международного права
Славяно-Греко-Латинской Академии (Москва)

Статья основана на результатах исследования, посвящённого развитию международного строительного контрактного права (МСКП) на основе стандартов Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК). В рамках исследования анализировались ключевые формы контрактов МФИК, их влияние на правовое регулирование трансграничных строительных проектов и особенности адаптации стандартов в странах БРИКС, Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Особое внимание уделено механизмам разрешения споров и роли МФИК в стандартизации контрактов на глобальном уровне. Также исследуется взаимодействие с международными организациями, такими как Всемирный банк и Новый банк развития БРИКС (НБР), а также значение образовательной и научно-технической интеграции для подготовки специалистов, участвующих в трансграничных проектах, что способствует гармонизации правовых норм и поддержанию устойчивого международного сотрудничества в строительной отрасли.

Ключевые слова: *международное строительное контрактное право, Международная федерация инженеров-консультантов, международное правовое сотрудничество, стандартизация строительных контрактов, трансграничные строительные проекты*

Для цитирования: *Белкин Д.С. Международно-правовое сотрудничество в сфере строительства. Развитие международного строительного контрактного права как отрасли международно-правовых наук в рамках МФИК // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 154–160. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-154-160.*

Международное строительное контрактное право (МСКП) представляет собой важную часть международного частного права (МЧП), регулирующего трансграничные строительные проекты. Основой его развития стала деятельность Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК), которая с момента своего основания в 1913 г. внесла значительный вклад в унификацию правовых норм и процедур управления проектами. Контракты МФИК обеспечивают правовую определенность, предоставляя эффективные инструменты для управления проектами, защиты прав сторон и разрешения споров, возникающих в рамках реализации крупных международных проектов. Эти стандарты способствовали не только развитию международного строительного права как самостоятельной отрасли, но и усилению международного правового сотрудничества в строительной сфере [1]. В рамках проведенного исследования были использованы научные публикации, международные соглашения и арбитражная практика, касающиеся применения стандартов МФИК в международной строительной отрасли. Особое внимание было уделено анализу таких ключевых контрактных форм, как «Красная

книга МФИК», «Желтая книга МФИК» и «Золотая книга МФИК», которые применяются в проектах различного масштаба и сложности. Эти контракты служат основой для правового регулирования строительных проектов, что способствует унификации правовых норм в международных строительных отношениях. Было проанализировано влияние МФИК на развитие международного строительного права, что позволило более глубоко изучить роль МФИК в стандартизации и гармонизации строительных контрактов.

Международно-правовое оформление образовательной интеграции в евразийском пространстве представляет собой один из ключевых аспектов международно-правового сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Данный процесс формирует правовые механизмы, способствующие эффективному взаимодействию между государствами-участниками, что, в свою очередь, поддерживает развитие общей образовательной среды и содействует интеграционным процессам. Важность данного направления заключается в создании единой правовой базы, которая обеспечивает гармонизацию образовательных стандартов и программ, а также упрощает обмен знаниями и опытом между странами региона. Оно направлено на достижение целей, обозначенных в Договоре о ЕАЭС, включая создание единого экономического пространства, укрепление системы обмена квалифицированными специалистами и интеграцию ресурсов стран-участников. Заместитель Председателя Совета Федерации, Константин Косачев в своём выступлении на круглом столе, посвящённом председательству Российской Федерации в органах ЕАЭС, подчеркнул, что Евразийский экономический союз является самодостаточной структурой, способной стать одним из полюсов многополярного мира и сыграть ключевую роль в формировании Большого Евразийского партнёрства. Важным аспектом для достижения этих целей является укрепление международных образовательных связей, что позволит подготовить квалифицированные кадры для развития интеграционного взаимодействия в рамках Стратегических направлений развития до 2025 г. и будущих планов до 2030 и 2045 гг. [2].

Процессы научно-технологической и производственной интеграции в рамках ЕАЭС играют важную роль в контексте международного сотрудничества в условиях вызовов четвертой промышленной революции. Эти процессы формируют контур взаимодействия Союза с внешними партнерами, что дополнительно способствует развитию сотрудничества. Одной из значимых международных структур, взаимодействие с которой открывает широкие перспективы для научно-технологического и производственного потенциала ЕАЭС, является Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

Особенности участия государств ЕАЭС в ЮНКТАД характеризуются двойным форматом взаимодействия: через Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК) и самостоятельное участие каждого из государств-членов. Организационные рамки этого сотрудничества заложены в Меморандуме о сотрудничестве между ЕЭК и ЮНКТАД, который определяет основные направления взаимодействия в ключевых областях, включая научно-технологическое сотрудничество. Одной из приоритетных задач в рамках этого сотрудничества является раскрытие возможных направлений взаимодействия в научно-технологической сфере, что может способствовать модернизации технологической базы государств-членов ЕАЭС, а также развитию их строительной инфраструктуры через внедрение новых технологий. Необходимо отметить, что международное научно-техническое сотрудничество занимает центральное место в рамках усилий по развитию правовой базы международных строительных контрактов. Однако научно-техническое взаимодействие также имеет ключевое значение для передачи технологий в строительной отрасли, что может существенно усилить конкурентные позиции стран ЕАЭС на международной арене. Одним из направлений деятельности ЮНКТАД является содействие передаче технологий на национальном и международном уровне, что особенно актуально для государств – членов ЕАЭС в рамках их участия в международных строительных проектах. В этом контексте рекомендации и техническая помощь ЮНКТАД могут внести важный вклад в повышение глобальной конкурентоспособности Союза и развитие международных правовых стандартов в строительстве [3]. В рамках сотрудничества с Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) ЮНКТАД способствует развитию устойчивых экономических и инфраструктурных связей, создавая условия для реализации долгосрочных строительных проектов с учетом современных правовых норм и стандартов [4].

В рамках интеграции Евразийского экономического союза, особенно в образовательной сфере, необходима правовая база для закрепления достигнутого уровня сотрудничества. Несмотря на то что Договор об ЕАЭС не содержит отдельного направления для образовательной интеграции, процесс укрепления образовательных связей между государствами-членами активно продолжается. Это имеет особое значение для подготовки кадров, необходимых для поддержки правовой интеграции и реализации международных строительных проектов в рамках ЕАЭС. Вопросы взаимного признания документов об образовании и правовая регламентация подготовки специалистов для евразийского правового поля становятся актуальными в контексте технологической модернизации и правового обеспечения международных строительных контрактов [5].

В правовом аспекте сотрудничество между ЕАЭС и ЮНКТАД демонстрирует взаимодействие двух субъектов, различающихся по своей природе: ЕАЭС как международная организация региональной экономической интеграции и ЮНКТАД как вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи ООН. Несмотря на эти различия, участие Евразийской экономической комиссии в качестве представителя Союза открывает дополнительные возможности для стран ЕАЭС участвовать в глобальных научно-технологических и строительных проектах, что способствует укреплению международного правового сотрудничества в строительной сфере.

Начиная с 2014 г., мир сталкивается с изменениями, усиливающими многополярность и формирование новых, незападных «центров силы». Наряду с ЕАЭС возрастает значимость международных организаций, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая основана на принципах равноправия, уважения культурных и правовых различий участников. Эти принципы способствуют укреплению международного сотрудничества в научно-технологической сфере и являются основой для многосторонних проектов, ориентированных на устойчивое развитие стран – участников ШОС. Данные изменения создают условия для пересмотра и дальнейшего расширения правовых основ взаимодействия в рамках подобных организаций, что подчеркивает важность активизации их деятельности в современных условиях [6].

Сложившаяся управленческая структура Шанхайской организации сотрудничества способствует укреплению международных отношений, что включает взаимодействие в таких ключевых сферах, как строительство и научно-техническое сотрудничество. Одним из важных направлений сотрудничества в области строительства является разработка и внедрение международных стандартов, таких как типовые контракты МФИК, которые служат основой для правового регулирования строительных проектов на международной арене. С другой стороны, некоторые исследователи полагают, что значительное количество проблем, возникающих в международных отношениях, коренятся во внутренних конституционных и социальных проблемах государств. Эти проблемы затрудняют полноценное взаимодействие на международной арене, что требует разработки более гибких и эффективных механизмов для обеспечения стабильного сотрудничества [7].

Необходимость разработки гибких правовых механизмов для эффективного сотрудничества в условиях глобальных вызовов растёт. В строительной отрасли данное взаимодействие особенно важно в контексте обмена передовыми технологиями, управления крупными инфраструктурными проектами и стандартизации правовых норм для трансграничных строительных контрактов. Тем не менее деструктивные факторы, такие как преобладание политических интересов над научными, продолжают оказывать негативное влияние на международные проекты, в том числе и в строительной сфере. Это требует усиленного внимания к защите национальных интересов в рамках научно-технического сотрудничества, особенно в рамках таких организаций, как ШОС. Важность укрепления правовых механизмов для поддержания стабильного партнерства и создания благоприятных условий для научно-технического и строительного сотрудничества подтверждается исследованием В.И. Василенко, в котором рассматривается роль ШОС в обеспечении региональной безопасности и стабильности [8].

В условиях быстро меняющегося мирового порядка особенно остро проявилась угроза транснационального терроризма, сепаратизма и экстремизма, что требует комплексного подхода к обеспечению безопасности. Эти угрозы стали основными факторами, влияющими на формирование и реализацию стратегии взаимодействия России с другими государствами в международной правовой сфере. Принятая ШОС доктрина борьбы с «тремя злами» служит важным инструментом в противодействии указанным транснациональным угрозам [9]. Этот документ подчеркивает необходимость совместных усилий стран-участниц в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, что способствует укреплению правовых основ для сотрудничества в области безопасности. Важным аспектом данной доктрины является акцент на многосторонних подходах к разрешению конфликтов и обеспечению стабильности в регионе, что является необходимым для создания благоприятных условий для развития международного права. В этом контексте Россия продолжает активно развивать международное правовое сотрудничество, придавая особое значение взаимодействию в строительной и научной сферах, безопасности крупных инфраструктурных объектов, таких как газопроводы, нефтепроводы и линии связи. Вопросы безопасности становятся ключевыми задачами в контексте реализации трансграничных проектов, способствующих не только экономическому развитию, но и укреплению правовых механизмов, обеспечивающих защиту интересов всех участников. Акцент на международное сотрудничество в области строительства и науки позволяет России не только защищать свои интересы, но и укреплять свои позиции на международной арене.

Важность надотраслевого подхода к правовому регулированию международного сотрудничества подчеркивается в исследовании Н.Е. Тюриной [10]. Автор отмечает, что международная интеграция и развитие новых форм взаимодействия между университетами и научными организациями требуют существенного прорыва в правовом регулировании международного научного взаимодействия. Гармо-

низация образовательного и научного пространства, обеспеченная международными соглашениями, способствует эффективному взаимодействию между государствами, что актуально и для строительной отрасли. Н.Е. Тюрина и соавторы также обращают внимание на роль региональных организаций, таких как ШОС и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в формировании единого научно-технического пространства. Создание специальных координирующих органов и заключение международных соглашений позволяют унифицировать правовые нормы и облегчить взаимодействие между странами. Этот опыт может быть применим и в контексте развития международного строительного контрактного права, особенно в части адаптации стандартов МФИК к национальным правовым системам. Кроме того, исследование Н.Е. Тюриной подчеркивает актуальность вопросов охраны интеллектуальной собственности и цифровизации в международном сотрудничестве, необходимость разработки новых нормативных установлений и адаптации существующих норм к новым формам отношений, возникающим по мере технологического развития. Это имеет особое значение для строительной отрасли, где внедрение инноваций и новых технологий требует современного правового обеспечения.

Научно-техническое взаимодействие представляет собой один из основных аспектов международного правового сотрудничества, его значимость существенно возрастает с повсеместным применением робототехники и искусственного интеллекта. Учитывая вызовы, с которыми столкнулся мир во время пандемии, необходимость интеграции усилий и обмена знаниями в сфере здравоохранении стала очевидной. Однако даже в этой важной для всего мира сфере наблюдаются деструктивные факторы, когда политика и краткосрочные выгоды начинают превалировать над долгосрочными научными проектами. В таких условиях защита Россией своих национальных интересов в научно-техническом партнерстве, включая взаимодействие в рамках ШОС, становится одним из ведущих направлений международного правового взаимодействия в ближайшие годы [11]. Важным элементом международного правового сотрудничества в сфере строительства является разрешение споров, возникающих в процессе реализации крупных проектов. Контракты МФИК предусматривают эффективные механизмы для урегулирования конфликтов, включая использование Советов по разрешению споров (*DAB*) и международный арбитраж. Применение арбитражной практики на основе МФИК в различных юрисдикциях способствует гармонизации правовых норм и укреплению международного сотрудничества, что делает данные контракты одним из ключевых инструментов в правовом регулировании трансграничных строительных проектов.

Один из ключевых аспектов международного правового сотрудничества в сфере строительства – это разрешение споров, возникающих при реализации крупных инфраструктурных проектов. Контракты МФИК включают механизмы урегулирования конфликтов через Советы по разрешению споров (*DAB*) и Международный арбитраж. Эти механизмы позволяют сторонам избежать длительных судебных разбирательств, что особенно важно в международных проектах, включающих различные юрисдикции. Применение арбитражных процедур на основе МФИК способствует эффективному управлению проектами и более оперативному разрешению споров, что укрепляет международное сотрудничество и гармонизацию правовых норм в строительной сфере. Важную роль в этом процессе играет арбитражная практика, которая признана и используется в международных строительных спорах, что способствует развитию правовых стандартов в рамках международного строительного контрактного права [12].

Регулятивный и организационный потенциал ШОС оценивается как достаточно высокий, что подтверждается ходом реализации Стратегии развития ШОС до 2025 г., принятой на Саммите в 2015 г. Основная цель стратегии заключалась в выводе сотрудничества между государствами-членами на новый уровень, с особым акцентом на обеспечение региональной безопасности, что и было сделано в прошедшие годы. Но и сейчас важными направлениями остаются борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также незаконной миграцией, оборотом наркотиков и оружия. Особое внимание уделяется защите информационного пространства и совершенствованию механизмов оперативного реагирования на вызовы безопасности в регионе. В экономической сфере ключевыми направлениями развития являются транспорт, энергетика, финансы, связь, образование, инновации, наука и техника. Предполагается создание сети индустриальных кластеров вдоль транспортных артерий, что должно дать импульс экономическому росту. В сельском хозяйстве приоритет отдан совместным высокотехнологичным проектам по производству и переработке продукции, что будет стимулировать продовольственную безопасность. Гуманитарное сотрудничество включает создание единого образовательного пространства, в частности, через проект сетевого Университета ШОС, а также развитие молодёжного сотрудничества через Молодежный совет ШОС, способствующий обмену студентами и повышению образовательного уровня. Предполагается создание единого информационного пространства, которое позволит оперативно реагировать на медийные вызовы и защищать интересы государств-членов в информационном поле [13]. А создание единого образовательного пространства в рамках ЕАЭС на

основе согласованных правовых и профессиональных стандартов будет важным шагом для подготовки высококвалифицированных кадров. Перекрестное обучение, разработанное на базе совместных образовательных программ, позволит странам ЕАЭС получить конкурентные преимущества в области технологического и инновационного развития, что напрямую влияет на их способность участвовать в трансграничных проектах в сфере строительства. Это особенно актуально в свете глобальных тенденций цифровизации и модернизации инфраструктурных объектов [14].

Стандартизация упрощает взаимодействие между правовыми системами государств, а типовые контракты и инструменты, разработанные МФИК, играют важную роль в стандартизации строительной сферы, что актуально в странах БРИКС, как локомотива мирового развития с большим количеством крупных инфраструктурных международных проектов. Типовые контракты обеспечивают правовую основу для эффективного управления проектами, которые финансируются международными финансовыми институтами, такими как Новый банк развития (НБР). Единые стандарты способствуют повышению уровня доверия между сторонами и обеспечивают более прозрачные правовые рамки для реализации крупных инфраструктурных проектов. НБР, начиная с момента своего основания в 2015 г., активно использует стандарты МФИК для обеспечения правовой базы в инфраструктурных проектах, финансируемых банком. Это позволяет унифицировать правовые нормы и уменьшить риски в реализации трансграничных проектов, а также способствует укреплению доверия между сторонами. Как отмечено в отчёте НБР по оценке системы государственных закупок Индии за 2023 г., банк разработал программы, такие как *SUNP (Streamline and Simplify the Use of Country Procurement Systems for NDB Portfolio*) [Оптимизация и упрощение использования национальных систем закупок для портфеля проектов НБР], которые направлены на улучшение и стандартизацию систем закупок для проектов, реализуемых в странах БРИКС, включая Индию. Эти инициативы позволяют использовать национальные системы закупок, при этом поддерживая высокие стандарты международных практик, в частности, МФИК, что значительно улучшает управление крупными проектами [15].

Международное строительное контрактное право предоставляет универсальные инструменты для управления строительными проектами и разрешения споров. Стандарты МФИК облегчают процесс заключения контрактов, делая их более предсказуемыми и юридически защищенными для всех сторон. Однако важной проблемой остается адаптация этих стандартов к местным правовым системам, что требует разработки гибких механизмов взаимодействия между международным и национальным правом, а также внедрения единых стандартов в рамках ЕАЭС и ООН. М.В. Шугуров в своей статье подчеркивает важность научно-технического сотрудничества между ЕАЭС и ЮНКТАД, что становится всё более актуальным в условиях четвёртой промышленной революции. Автор делает вывод, что на данный момент это взаимодействие находится в латентной форме и назрела необходимость его активизации для модернизации технологической базы государств – членов ЕАЭС [16].

Однако важен баланс между универсальными стандартами, обеспечивающими упрощение реализации сложных инфраструктурных проектов в рамках БРИКС и НБР, и соблюдением национальных интересов и сохранения теоретической и нормативной базы строительных правил и государственных стандартов, разработанных в России. Е.С. Аничкин и Е.А. Куликов отмечают возрастающую необходимость обеспечения приоритета национальных интересов России в научной сфере в условиях изменяющихся международных отношений. Учёные подчеркивают, что регулирование этих вопросов находится на стадии становления и требует совершенствования, возможно, с использованием опыта СНГ, где уже действуют соглашения о научном сотрудничестве [17].

Проведенное исследование показало, что международное правовое сотрудничество в рамках МФИК продолжает играть важную роль в развитии МСКП. Типовые формы контрактов и нормативы, разработанные МФИК, способствуют унификации стандартов и обеспечивают защиту прав участников международных строительных проектов. В рамках таких региональных объединений, как ЕАЭС, ШОС, БРИКС, универсальные стандарты дают возможность финансовым институтам, таким как НБР, эффективнее контролировать реализацию крупных инфраструктурных проектов. Унификация правовых норм и повышение уровня защиты интересов сторон способствует гармонизации правового регулирования в различных странах, позволяя эффективно управлять крупными международными проектами и снижать риски правовой неопределенности. Однако адаптация данных стандартов к национальным правовым системам остается сложной задачей, требующей более глубокой правовой проработки и сотрудничества между государствами и международными организациями.

Для обеспечения дальнейшего развития международного строительного контрактного права необходимо внедрение более гибких подходов к адаптации универсальных стандартов с учетом национальных правовых особенностей. Это включает не только гармонизацию правовых норм, но и подготовку кадров в рамках образовательной интеграции, что позволит усилить взаимодействие между стра-

нами и повысить правовую предсказуемость международных проектов. Образовательные инициативы в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС играют ключевую роль в подготовке специалистов, формирующих эти универсальные стандарты.

Развитие МСКП в дальнейшем должно быть направлено на балансировку интересов сторон и создание более справедливых условий для реализации крупных проектов, что укрепит международное сотрудничество и будет способствовать достижению устойчивого развития.

Литература:

1. A brief introduction to FIDIC contracts | NBS (thenbs.com). URL: https://www.thenbs.com/knowledge/a-brief-introduction-to-fidic-contracts (дата обращения: 07.10.2024).
2. Косачев К. ЕАЭС может стать частью Большого Евразийского партнерства, 8 ноября 2023 г., Совет Федерации, Круглый стол. URL: http://council.gov.ru/events/news/149816/?hl=%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%3A (дата обращения: 07.10.2024).
3. Adachi K., UNCTAD's Work on technology Transfer and Developing Countries, 2014. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_ngo_ge_14/wipo_ip_ngo_ge_14_p3.pdf (дата обращения: 07.10.2024).
4. Андреева Л.В. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮТКТАД) как механизм содействия международной и региональной торговле в интересах экономической безопасности евразийских государств // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. №. 2 (3). С. 38–44.
5. Шугуров М. В., Шугурова И. В. Научно-образовательная интеграция ЕАЭС как фактор технологической модернизации: правовые и организационные вопросы // Международное право и международные организации/International Law and International Organizations. 2020. №. 3. С. 37–68.
6. Барабашев А.Г., Пономарева Д.В. Правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере науки и технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. №. 7 (104). С. 115–122.
7. Юрковский А.В., Кузьмин И.А. Конституционно-правовая охрана в странах Северо-Восточной Азии. Иркутск: Иркутский юрид. ин-т, 2017. 115 с.
8. Василенко В.И., Василенко В.В., Потеенко А.Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). М.: Проспект, 2014. 190 с.
9. Хабриева Т.Я. Шанхайская организация сотрудничества. Новые приоритеты развития = Shanghai cooperation organisation. New development priorities / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИНФРА-М, 2015. 302 с.
10. Тюрина Н.Е. и др. Правовое регулирование научного пространства: актуальные тенденции развития // Oeconomia et Jus. 2022. №. 1. С. 102–112.
11. Курбанов Р. Евразийское право. Теоретические основы. М.: ЮНИТА-ДАНА, 2015. 847 с.
12. Stavros Brekoulakis and David Brynmor Thomas QC, «The Guide to Construction Arbitration», Law Business Research Ltd, 2021. URL: https://www.debevoise.com/-/media/files/pdf/gar-guide-to-construction/pdf2.pdf?la=en&hash=55EE8C4EDF6A890F769C24AE9E16923A (дата обращения: 07.10.2024).
13. О проекте стратегии развития ШОС до 2025 года (Справочный материал). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1731432 (дата обращения: 07.10.2024).
14. Всемирный банк и ЕЭК, «Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации», 2022. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/inftech/kk_wg/workgroup/sovmestnoe-issledovanie.php?ysclid=m1yyrf3lyx885863593 (дата обращения: 07.10.2024).
15. New Development Bank, «India: Country Procurement Systems Assessment for NDB-Financed Projects», 2023. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2024/03/ndb-india-country-procurement-systems-assessment-2024.pdf (дата обращения: 07.10.2024).
16. Шугуров М.В. Перспективы международно-правового сотрудничества ЕАЭС и ЮНКТАД в научно-технологической сфере // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (215). С. 262–265.
17. Аничкин Е.С., Куликов Е.А. Правовое обеспечение национальных интересов России в рамках Шанхайской организации сотрудничества при осуществлении научно-технического партнёрства // Россия: общество, политика, история. 2023. №. 1 (6). С. 234–249.

International Legal Cooperation in the Field of Construction: The Development of International Construction Contract Law as a Branch of International Legal Sciences within the Framework of FIDIC

Belkin D.S.
Slavic Greek Latin Academy (Moscow)

The article is based on the findings of a study dedicated to the development of international construction contract law (ICCL) founded on the standards of the International Federation of Consulting Engineers (FIDIC). The study examined the key forms of FIDIC contracts, their impact on the legal regulation of cross-border construction projects, and the peculiarities of adapting these standards in BRICS countries, the Eurasian Economic Union (EAEU), and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Particular emphasis is placed on the dispute resolution mechanisms and the role of FIDIC in the global standardization of contracts. In addition, the study explores interactions with international organizations, such as the World Bank and the New Development Bank of BRICS (NDB), as well as the significance of educational and scientific-technological integration in the training of specialists involved in cross-border projects, thereby contributing to the harmonization of legal norms and the maintenance of sustainable international cooperation in the construction sector.

Keywords: International Construction Contract Law, International Federation of Consulting Engineers, International Legal Cooperation, Standardization of Construction Contracts, Cross-border Construction Projects

УДК 340.11
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-161-166

Теоретико-правовой анализ судебной защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности



Бусленко Е.О.
Аспирант Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орел), заместитель начальника управления организационно-аналитической работы и развития нормативных актов АО «ОЭК»

В статье анализируется проблема защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности. Цель исследования – анализ и выявление существующих проблем судебной защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности и предложения способов их устранения. Научная значимость результатов исследования заключается в анализе проблем защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности; рассмотрение критериев, на основании которых можно говорить о защите репутации предпринимателей со стороны судебных инстанций.

Практическая значимость состоит в том, результаты исследования могут быть использованы для совершенствования гражданского законодательства, а также для достижения необходимого единообразия судебной практики по данной категории споров, при преподавании курсов гражданского и предпринимательского права, спецкурсов о защите прав на нематериальные блага в сфере предпринимательства.

Ключевые слова: *деловая репутация, субъекты предпринимательской деятельности, порочащая информация, защита деловой репутации, распространение сведений, свобода слова*

Для цитирования: *Бусленко Е.О. Теоретико-правовой анализ судебной защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 161–166. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-161-166.*

На сегодняшний день экономические процессы, имеющие место в Российской Федерации, демонстрируют отсутствие условий, необходимых для развития предпринимательства надлежащего уровня. Субъекты предпринимательской деятельности, сталкиваясь с рисками различного характера, в первую очередь несут ущерб по причине наличия недобросовестных конкурентов. В рамках процесса, предполагающего использование инструментов недобросовестной конкуренции, субъект предпринимательской деятельности сталкивается с причинением вреда его деловой репутации, что не только может причинить материальный, но и моральный ущерб предпринимателю.

Актуальность исследования судебной практики по защите деловой репутации субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, обусловлена возрастающим количеством открытых информационных источников, где излагаются точки зрения, содержащие порочащие сведения, которые могут нанести серьёзный ущерб репутации предпринимателя. На сегодняшний день деловая репутация играет существенную роль в успешности любого бизнеса, в то же время она особенно уязвима и нуждается в защите. Основным способом защиты деловой репутации является защита в судебном порядке.

В то же время отмечаются отсутствие единообразия в судебной практике по данной категории

дел, а также сложности с доказыванием субъектами предпринимательской деятельности факта нарушения деловой репутации.

В рамках настоящего исследования проанализирован целый ряд научных публикаций, содержащих определения ключевых понятий и проливающих свет на сущность предпринимательской деятельности и важность защиты нематериальных благ, в том числе деловой репутации. Кроме того, в основу исследования легла российская и зарубежная правоприменительная практика по рассматриваемому вопросу.

Настоящее исследование необходимо начать с изучения основополагающих понятий, которые дают возможность наиболее полно понять сущность исследуемого материала.

Полагаем необходимым раскрыть сущность категории «деловая репутация». Проблема заключается в том, что анализ нормативно-правовых актов РФ свидетельствует о том, что в законодательстве отсутствует определение понятия «деловая репутация».

По мнению А.М. Эрделевского, деловая репутация может быть определена как сопровождающееся оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании [1]. А.Л. Анисимов трактует деловую репутацию организации как оценку производственной или иной деятельности в соответствии с его правовым статусом в условиях предпринимательских и рыночных отношений [2].

На наш взгляд, деловая репутация субъекта предпринимательской деятельности – это оценка неопределенного круга лиц о надежности, добросовестности, компетентности данного субъекта. Именно ею руководствуются потенциальные клиенты при выборе продукции. С другой стороны, испорченная репутация может привести к существенным убыткам и потере клиентов.

Современные информационные технологии дают возможность быстрого и широкого распространения информации, что еще больше увеличивает уязвимость репутации как нематериального блага. Это обусловливает необходимость обеспечения ее надлежащей защиты.

Деловая репутация – нематериальный, но очень ценный актив. Она имеет ключевое значение как для коммерческих, так и для некоммерческих организаций, стремящихся получить конкурентные преимущества. С точки зрения внутренних и внешних заинтересованных сторон, деловая репутация играет большую роль в построении доверия, взаимоотношений и социальной ответственности.

Деловая репутация, дающая много преимуществ для субъекта предпринимательской деятельности, есть результат различных факторов, таких как организационные процессы, управленческие решения, качество предлагаемых товаров, работ и услуг, отношения с заинтересованными лицами и коммуникационные процессы. Деловая репутация достигается в результате длительных и серьезных усилий, однако она может быть потеряна за очень непродолжительный период. Таким образом, помимо достижения деловой репутации, очень важны ее поддержка и защита. Отсутствие должных мер по поддержанию и защите своей репутацией может повлечь потерю клиентов.

Диффамация включает в себя любые виды разглашения ложных или порочащих сведений о социальной жизни гражданина, а также тех, что касаются его личной жизни. Кроме того, диффамация также подразумевает разглашение тех сведений, что являются соответствующими действительности, но которые наносят вред авторитету или чести гражданина.

Полагаем необходимым акцентировать внимание на том, что функциональность и успешность крупного предприятия, а также бизнес-проекта различной величины находятся в зависимости от феномена деловой репутации. Это подтверждается анализом процесса, в рамках которого взаимоотношения, включающие в себя предпринимательские компетенции, развиваются и оформляются. На сегодняшний день стремительное развитие предпринимательского сообщества опосредует изучение способов защиты деловой репутации предпринимателей [3].

Если рассматривать деятельность предпринимателей с позиции экономических взаимоотношений, то становится очевидно, что репутация делового характера является нематериальным активом, которому возможно дать имущественную оценку. Если деловой репутации предпринимателя причиняется ущерб или на нее оказывается отрицательное влияние, то негативные последствия в первую очередь отразятся на экономическом состоянии предприятия или предпринимателя [4].

Рассмотрим критерии, на основании которых можно говорить о защите репутации предпринимателей со стороны судебных инстанций. Анализ как научной, так и правоприменительной практики говорит о наличии трех критериев:

– ***Возникновение данных правоотношений основано на распространении о субъекте порочащих сведений.*** В качестве распространения в данном случае необходимо понимать предоставление имеющейся о субъекте предпринимательской деятельности информации другим лицам в различной форме. Здесь важно говорить о распространении таких сведений в отношении широкого круга лиц (посредством СМИ, радио и телепередач и т.п.). Следует учитывать распространение таких сведений посредством сети Интернет.

Ответчик должен распространять порочащие сведения неограниченному кругу лиц, и эти сведения должны касаться предпринимательской деятельности истца. При выполнении этих двух условий воз-

можно говорить о том, что данные правоотношения имели место.

– Сведения должны демонстрировать характер порочности, что заключается в следующем: в распространении ложной информации о субъекте предпринимательской деятельности в отношении оказываемого им направления деятельности (о недобросовестном отношении к выполняемой деятельности, о нарушении законодательства и др.).

Такая информация может содержать случаи нарушения организацией закона, размещения недостоверной рекламы, ведения нелегальной деятельности, и т.д. В качестве доказательств ее размещения могут использоваться материалы СМИ, информация из интернета, фото- и видеодоказательства и пр. При этом целесообразно оформить протокол осмотра доказательств, заверенный нотариусом, либо сделать запись эфира.

Вред деловой репутации субъекту предпринимательской деятельности проявляется в наличии у него ущерба из-за опубликования порочащей информации о руководителе, собственнике, работнике, который проявляется в ухудшении мнения о деловых качествах субъекта в обществе, бизнес-среде, у клиентов, потере или снижении конкурентоспособности, потере клиентов, снижении стоимости акций, падении продаж и т.п.

При этом если истец намерен взыскать убытки, он должен доказать их размер, а также связь между размещением информации и возникновением убытков, т.е. наличие прямого негативного эффекта для его бизнеса в виде финансового ущерба, потери клиентов, падения продаж и т.п. По сути, организация должна доказать, что в отсутствие публикации клеветнических заявлений ее финансовое положение было бы лучше. Например, результаты финансовой деятельности за прошлые периоды дадут представление о том, где находился бизнес на момент публикации дискредитирующей информации. В случае невозможности установить ответчика невозможно обратиться к тому, кто имеет техническую возможность удалить соответствующую статью, комментарий или пост.

Основной проблемой в данном случае выступает установление субъективности распространяемой информации, которая порочит достоинство субъектов предпринимательской деятельности. Оценка относимости информации к категории «порочащей» осуществляется непосредственно судом. По таким делам суды, как правило, основывают свои решения на заключении лингвистических экспертиз, которые определяют, носят ли распространенные сведения порочащий субъекта характер.

Установление фактов, свидетельствующих о распространении порочащей информации, достаточно сложно в правоприменительной практике. Данное обстоятельство объясняется тем, что намерения лиц, распространяющих порочащие сведения, индивидуальны, и для вынесения справедливого решения суду необходимо их установить. Реализация этого представляется затруднительной, так как для установления истинности намерения суду необходимо исходить из принципов объективности и непредвзятости.

Другим сложным вопросом при рассмотрении данной категории дел является отнесение информации к категории «порочащей». Так, анализ правоприменительной практики указывает на то, что судебные органы понимают понятие «порочащие сведения» неодинаково.

Семнадцатым Арбитражным апелляционным судом рассмотрено дело, при котором причиной спора является распространение сведений о задолженности фирмы перед иными организациями [5]. Распространение данных сведений стало причиной того, что предварительно согласованные договоры были расторгнуты по причине ухудшения деловой репутации фирмы, что свидетельствовало о ее ненадежности.

Для удовлетворения требований негативная информация должна быть утверждением, а не субъективной оценкой. Кроме того, истцу нужно доказать, что:

• доверие к его репутации утрачено или подорвано;

• наступили другие негативные последствия (потеря клиентов, отказ контрагентов от сотрудничества).

– Распространенные сведения не являются действительными. Установление данного положения в правоприменительной практике не является затруднительным. В данном случае суду необходимо установить истинность данных сведений. Например, при рассмотрении дела в отношении ООО «Мираторг» суду было необходимо установить объективность распространяемых сведений, согласно которым организация осуществляет свою деятельность за счет государственного бюджета [6]. Судом были проверены данные обстоятельства путем проверки бухгалтерской и налоговой отчетности. В результате было установлено, что сведения не являются действительными.

Итак, порочащие сведения должны не соответствовать действительности. Если имеется реальный факт, порочащий деловую репутацию (нарушение законодательства, деловой этики и др.), то его распространение не будет наказываться.

В случае признания информации, порочащей деловую репутацию, истец вправе потребовать (специальные способы защиты):

• опубликовать опровержение информации в СМИ, интернете;

• удалить информацию с сайтов;

• изъять документы (экземпляры газет, журналов).

Организации могут использовать как специальные способы защиты деловой репутации, так и общегражданский способ защиты – возмещение убытков, причиненных распространением порочащих сведений [7].

При определении размера компенсации суды учитывают степень распространения порочащей информации. Это тираж печатного издания, охват аудитории, индекс цитируемости издания, количество просмотров у сайта (например, см.: Решение Арбитражного суда города Москвы от 01.10.2014 г. и постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.12.2014 г. по делу № А40-102076/2014).

При этом тенденцией в судебной практике защиты деловой репутации в настоящее время является уменьшение размера удовлетворенных требований или вообще отказ в выплате компенсации за вред репутации организации [8].

Полагаем необходимым обратиться к зарубежной практике по указанному вопросу. Так, анализ зарубежной юридической литературы указывает на наличие следующей тенденции. Публичные лица часто подают иски на блогеров и журналистов, распространяющих о них какие-либо сведения, с целью получить денежную компенсацию за распространение указанной информации [9].

Стратегические иски против участия общественности (также известные как иски *SLAPP* или иски о запугивании) или стратегические иски против участия общественности [10] – это иски, в которых идея истца заключается в следующем. Его цель – запугать критиков, блогеров и журналистов возможной компенсационной выплатой, а также принудить их не выпускать материал в публичное пространство. Чаще всего указанные лица отказываются от публикации сведений, так как не имеют финансовых средств для выплаты истцу в случае, если суд встает не на их сторону [11].

Идея заключается не в реальном получении денежной выплаты истцом, а в том, чтобы не дать возможность журналисту опубликовать свой материал, содержащий сведения, соответствующие действительности [12].

В этом случае на истца ложится бремя доказывания. Если истцы не справляются с этим, их иск отклоняется, а суд может обязать их выплатить штраф за возбуждение дела [13].

Например, в Соединенных Штатах Америки, 32 штата уже ввели законы, защищающие журналистов и блогеров от возможных исков [14].

В качестве примера обратимся к американской судебной практике. Так, Первый [15] и Пятый [16] суды из штатов Мэн, Луизиана, соответственно, удовлетворили требования истцов, указавших, что с них неправомерно требуют удалить сведения, в действительности не являющиеся порочащими. Окружной суд округа Колумбия принял обратное решение для истцов из округа Колумбия [17].

Законы о борьбе с неправомерными действиями иногда подвергаются критике со стороны тех, кто считает, что не должно быть препятствий для права на подачу иска [18; 19]. Таким образом, сложность при разработке и применении законодательства против *SLAPP* заключается в разработке подхода, который позволяет досрочно прекратить недействительные, неправомерные иски, не отказывая в праве добросовестным истцам. Законы против *SLAPP* демонстрируют характер эффективности, в результате чего многие юристы и правоведы в США защищают их.

На наш взгляд, такие Законы, как закон против *SLAPP*, позволяют построить в государстве действительное гражданское общество, где представители СМИ могут высказывать свою позицию, не опасаясь обременительных исков. В этом отношении зарубежная практика может быть взята на вооружение в РФ.

Таким образом, в законодательстве отсутствуют определения следующих терминов: достоинство, честь, а также деловая репутация. Это создает сложности в разрешении судами подобных дел. Кроме того, полагаем необходимым добавить, что вопросы, регулирующие их защиту, также раскрыты в недостаточной степени.

Итак, для удовлетворения иска субъект предпринимательской деятельности должен доказать следующие обстоятельства:

1. Информация является недостоверной и наносит ущерб деловой репутации субъекта.

2. Информация касается истца, в том числе его директора или сотрудников.

3. Информация была опубликована, т.е. доведена до лица, отличного от истца.

Сведения должны демонстрировать характер конкретности, что исключает суждения оценочного характера, выражение субъективного мнения, гипотезы, предположения и так далее;

Опираясь на анализ правоприменительной практики, отметим, что в деятельности судебных органов возникают правовые проблемы при рассмотрении этой категории дел. Для достижения единообразия судебной практики следует внести изменения в нормы законодательства:

– раскрыть содержание понятия «деловая репутация» организаций или ее признаки;

– предусмотреть признаки, по которым суд сможет устанавливать наличие и содержание репутации;

– определить критерии при оценке ущерба, причиненного репутации.

В результате анализа судебной практики выявлено возникновение неясностей в плане того, что считается достаточными идентификационными признаками для привлечения к ответственности

за распространение сведений, порочащих деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности в интернете. По нашему мнению, для решения данной проблемы необходимо законодательно зафиксировать различия между авторами публикуемой информации в интернете, владельцами сайтов, провайдерами услуг.

Анализ зарубежной судебной практики (США) свидетельствует о том, что происходит обратная ситуация: ссылаясь на ущерб своей деловой репутации, медийные лица оказывают давление на блогеров, журналистов. По этой причине действуют *SLAPP-back* законы, чья задача – защитить граждан от исковых заявлений людей, полагающих, что распространение каких-либо сведений об их личностях требует крупных финансовых компенсаций. Полагаем, что данная практика является положительной, ведь задача государства – обеспечить гражданам и СМИ свободу слова. Это поможет избежать злоупотреблений со стороны крупных корпораций. *SLAPP-back* законодательство может быть полезным для избежания необоснованных исков и, как следствие, существенного затруднения или невозможности реализации права на свободу слова.

Литература:

1. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. Комментарий. М.: БЕК, 2000. 237 с.
2. Анисимов А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация под защитой закона. М.: Норма, 2004. 214 с.
3. Капинус Н.И. Особенности оценки деловой репутации // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2021. № 66. С. 12–19.
4. Гаврилов Е.В. Гражданско-правовая диффамация как гражданско-правовое нарушение // Налоги. 2010. № 29. С. 27–30.
5. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2018 г. по делу № А60-67755/2017. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/tGQw96jNU1Zg/?page=2&arbitraljudge=&arbitral (дата обращения: 10.03.2023).
6. Решение Арбитражного суда Самарской области от 15.09.2016 г. по делу № А55-11862/2016. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/S6bjhx2yyRV8/?page=3&arbitral-judge=&arbitralcourt=&arbitral-case_doc=&arbitral (дата обращения: 10.03.2023).
7. Борха С.С. Защита деловой репутации юридических лиц // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 7 // СПС «Консультант Плюс».
8. Федотова М.И. Актуальные проблемы защиты деловой репутации юридических лиц // Актуальные вопросы юриспруденции. Сборник статей II Межд. науч.-практ. конф. Пенза, 2020. С. 437–440.
9. Животягина Ю.И. Защита деловой репутации субъекта предпринимательской деятельности // Интернаука. 2022. № 38–3 (261). С. 7–8.
10. Strategic Litigation Against Public Participation (Freedom of Expression) Bill [HL]. URL: https://bills.parliament.uk/bills/3335.
11. Сотниченко М.А. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности // Межотраслевые проблемы формирования правовой культуры в молодежной среде. III межвуз. студ. науч.-практ. конф. 2020. С. 437–440.
12. Репалова Н.А. Деловая репутация юридических лиц в гражданском обороте // Юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Материалы II Нац. (всеросс.) науч.-практ. конф. 2019. С. 225–231.
13. Shrivastava A., Jain R. Social Media Influencer and Corporate Brand Reputation // An Experimental Study. Global Business Review. 2022. DOI: 10.1177/0972150922112007.
14. State Anti-SLAPP Reference Chart. URL: https://anti-slapp.org/your-states-free-speech-protection/ (дата обращения: 10.03.2023).
15. Godin v. Schenks; 629 F.3d 79 (1st. Cir. 2010). URL: https://caselaw.findlaw.com/us-1st-circuit/1549287.html (дата обращения: 10.03.2023).
16. United States v. Lockheed Missiles and Space Company. URL: https://www.casp.net/california-anti-slapp-first-amendment-law-resources/caselaw/slapp-cases-decided-by-the-ninth-circuit-court-of-appeals/united-states-v-lockheed-missiles-and-space-company/ (дата обращения: 10.03.2023).
17. Abbas v. Foreign Policy Grp., LLC; 783 F.3d 1328 (D.C. Cir. 2015). URL: https://www.cadc.uscourts.gov/internet/opinions.nsf/5B050339AFB57A9D85257E3100552532/$file/13-7171-1549030.pdf (дата обращения: 10.03.2023).
18. Pring G.W., Canan P. SLAPPs: Getting Sued for Speaking Out. Temple University Press, 1996. 279 p.
19. Ní Mhainín J. Fighting the laws that are silencing journalists: Vexatious legal threats are part of the European media landscape. We need to take action against them, says a new Index report // Index on Censorship. 2020. Vol. 49(3). P. 63–65.

Theoretical and Legal Analysis of Judicial Protection of Business Reputation of Business Entities

Buslenko E.O.
Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel)

The article analyzes the problem of protecting the business reputation of business entities. The purpose of study is to analyze and identify existing problems of judicial protection of business reputation of business entities and propose ways to eliminate them. The scientific significance of the research results lies in the analysis of the problem of protecting the business reputation of business entities; consideration of criteria on the basis of which it is possible to talk about protecting the reputation of entrepreneurs by judicial authorities.

The practical significance lies in the fact that the results of the study can be used to improve civil legislation, as well as to achieve the necessary uniformity of judicial practice in this category of disputes, when teaching courses in civil and business law, special courses on the protection of rights to intangible assets in the field of entrepreneurship.

Keywords: business reputation, business entities, defamatory information, protection of business reputation, dissemination of information, freedom of speech

УДК 349.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-167-170

О проблемных вопросах, связанных с защитой водных объектов от загрязнения



Васильев А.А.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, заместитель Саратовского межрайонного природоохранного прокурора, советник юстиции



Карданов А.А.
Аспирант Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, помощник Саратовского транспортного прокурора, юрист 3 класса

В условиях нарастающей экологической угрозы, связанной с загрязнением водных объектов, обеспечение их защиты приобретает особую значимость. Водные ресурсы являются стратегически важным элементом экосистемы и социально-экономического развития, однако действующая система правового регулирования сталкивается с рядом проблем, требующих совершенствования.

Цель исследования – выявление актуальных проблем охраны водных объектов в Российской Федерации, анализ прокурорского надзора в этой сфере и разработка предложений по совершенствованию законодательства. В рамках исследования рассматриваются ключевые аспекты правоприменительной практики, выявляются недостатки действующих норм и механизмы их реализации.

Научная и практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для совершенствования законодательства, повышения эффективности прокурорского надзора и разработки более действенных механизмов защиты водных объектов.

В результате проведенного анализа установлены правовые коллизии, возникающие при реализации норм Водного кодекса РФ и иных нормативных актов. Рассмотрены примеры из прокурорской практики, демонстрирующие сложности в привлечении к ответственности виновных лиц и устранении последствий загрязнения. Авторы предлагают конкретные меры по усилению правовой защиты водных объектов, включая внесение изменений в законодательство, направленных на устранение пробелов и повышение эффективности надзорной деятельности.

Ключевые слова: *водные объекты, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, прокурорский надзор, водный кодекс*

Для цитирования: *Васильев А.А., Карданов А.А. О проблемных вопросах, связанных с защитой водных объектов от загрязнения // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 167–170. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-167-170.*

Использование водных объектов как основы жизнедеятельности человека должно осуществляться на основе принципа приоритета их охраны перед использованием (п. 2 ст. 3 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ)).

Изложенное следует из закрепленных Основным законом Российской Федерации положений о праве каждого на благоприятную окружающую среду, а также обязанности сохранять природу и окружающую среду, относиться бережно к природным богатствам (ст.ст. 42, 58 Конституции Российской Федерации).

Законодательное регулирование охраны окружающей среды также исходит из принципов охраны и рационального использования природных ресурсов как необходимых условий обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду и экологическую безопасность, согласно ст. 3 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Охрана и уважение природы – святой долг не только каждого гражданина Российской Федерации, но и всех людей, живущих на нашей планете.

Сложно переоценить значение вышеизложенных законоположений. Действительно, вся жизнь человечества с момента зарождения и по настоящее время неразрывно связана с водой и иными природными ресурсами. Их использование и применение позволяет улучшать жизнь общества и достигать прогресса в тех или иных отраслях производства, экономики. Особенно велика роль водных объектов в сфере транспорта – внутренние водные пути Российской Федерации подобны артериям, через которые удается осуществлять перевозку пассажиров, необходимых товаров по всей стране. Нередко водные пути – единственный путь передвижения от одной точки до другой, что особенно актуально для восточных регионов России.

В настоящее время экологическая ситуация в области загрязнения и засорения планеты рассматривается на всех официальных уровнях мирового содружества и характеризуется как неблагополучная [1].

Между тем в правовом поле по настоящее время остаются актуальными некоторые вопросы, связанные с охраной и защитой от негативного воздействия природных ресурсов, а в особенности – водных объектов.

Так, в силу ч. 1 ст. 47 ВК РФ использование поверхностных водных объектов для целей внутреннего водного транспорта осуществляется в соответствии с законодательством в области внутреннего водного транспорта Российской Федерации.

В свою очередь, Кодексом внутреннего водного транспорта Российской Федерации (далее – КВВТ РФ) установлен запрет на оставление без надзора на водных объектах и береговой полосе судов, сооружений, которые оказывают негативное влияние на состояние внутренних водных путей и береговой полосы и (или) затрудняющих их использование (ч. 13 ст. 10 КВВТ РФ).

Между тем иногда возникают ситуации, при которых тяжело определить, кто именно несет ответственность за вред, причиненный водным объектам вследствие нарушения установленных запретов.

По общему правилу, бремя содержания имущества несет его собственник (ст. 210 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Бремя содержания имущества включает в себя также бремя несения ответственности за вред, причиненный этим имуществом, что следует из ст. 1064 ГК РФ.

Основания возникновения права собственности, как известно, предусмотрены ст. 8 ГК РФ. К ним относятся в числе прочего договоры и иные сделки.

Согласно взаимосвязанным положениям ст.ст. 8.1, 130 ГК РФ, а также ст. 15 КВВТ РФ, суда относятся к недвижимому имуществу, и права на них, в том числе собственности, возникают с момента государственной регистрации таких прав в соответствующих реестрах.

В практике прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране окружающей среды и природопользования нередко возникают случаи, требующие неординарного подхода к разрешению возникшей правовой ситуации, вызванные несоблюдением обязанными субъектами требований законодательства об охране окружающей среды и влекущие за собой истощение природных ресурсов [2].

Так, в частности, в ходе одной из прокурорских проверок установлено, что хозяйственным обществом *N*. в 2016 г. передано по договору пожертвования одному из муниципалитетов передано в собственность судно «Дебаркадер». По условиям договора обязанность по государственной регистрации права собственности лежит на одаряемом. Вместе с тем одаряемым такая государственная регистрация не осуществлена, а судно передано в хозяйственное ведение муниципального предприятия. Переданное судно было пришвартовано к берегу реки Волги Волгоградского водохранилища и в течение нескольких лет пришло к неудовлетворительное техническое состояние, ввиду чего его часть смыло течением в реку, а оставшаяся часть – окисляется и продолжает разрушаться, чем причиняет вред водному объекту.

Справедливо ли в таком случае возлагать ответственность за вред, причиненный судном, на жертвователя, добросовестно исполнившего свои обязанности по договору и передавшего по акту приема-передачи судно муниципалитету?

Древние римляне говорили, что право – это искусство доброго и справедливого. Анализ сложившейся ситуации свидетельствовал о том, что хозяйственное общество *N*., несмотря на невыполнение муниципалитетом обязанности по государственной

регистрации права собственности на судно, с момента передачи судна более не является его собственником и не отвечает за вред, причиненный им экологии, в силу следующего.

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации и Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества»», вступившим в силу до заключения договора пожертвования, в КВВТ РФ внесены изменения, которыми дебаркадеры перестали признаваться судами и отнесены законом к категории плавучих объектов, а следовательно, права на них теперь возникают с момента передачи плавучего объекта (ст. 223 ГК РФ).

Таким образом, хозяйственное общество *N*. не является лицом, ответственным за причинение дебаркадером вреда окружающей среде, поскольку с момента передачи муниципалитету дебаркадер, невзирая на невыполнение обязанности по государственной регистрации права, перешел в его собственность.

Однако означает ли это, что деликтную ответственность будет нести муниципалитет? В данном случае, представляется, нет.

Как гласит ст. 294 ГК РФ, муниципальное унитарное предприятие владеет, пользуется и распоряжается (триада собственности) имуществом, переданным ему на праве хозяйственного ведения.

Вместе с тем положения ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» провозглашают, что право хозяйственного ведения на имущество, закрепляемое за муниципальным унитарным предприятием, возникает у него с момента передачи имущества.

При этом в силу ч. 2 ст. 7 того же закона муниципальное образование не несет ответственности по обязательствам, в том числе деликтным, муниципального унитарного предприятия.

Таким образом, учитывая, что муниципальному унитарному предприятию дебаркадер передан муниципалитету по акту приема-передачи в надлежащем техническом состоянии, до причинения им вреда экологии, согласно положениям ст. 210 ГК РФ именно муниципальное унитарное предприятие обязано возместить вред, причиненный водному объекту.

Сложности в защите водных объектов также обусловлены переплетением норм природоохранного законодательства с другим отраслями права, к примеру, таким, как законодательство о внутреннем водном транспорте, когда одни нормы работают исключительно во взаимодействии с другими.

В частности, речь идет о механизме удаления затонувших объектов (судов и другого имущества) из внутренних водных путей, правовая регламентация которого закреплена в гл. VIII КВВТ РФ.

В общих чертах его можно представить следующим образом: собственник судна или иного затонувшего имущества обязан его поднять в течение года или, в случае если таким имуществом создается угроза безопасности судоходства или окружающей среде, в срок, установленный администрацией бассейна внутренних водных путей. При этом в случае, если в установленные сроки собственник не поднимет затонувшее судно или иное имущество, закон возлагает такую обязанность на администрацию.

В практике прокурорского надзора на данном направлении встречаются неординарные случаи, при которых вышеописанная схема, которая на первый взгляд выглядит стройно и отвечает интересам общества и государства в сфере защиты окружающей среды от пагубного воздействия, не выполняет возложенные на нее функции.

К примеру, обществом А. в пределах Волгоградского водохранилища допущено затопление в мае 2023 г. судна с дизельным топливом на борту, которое использовалось им на праве временного пользования, и являлось собственностью общества В.

Администрацией Волжского бассейна внутренних водных путей в адрес общества В. направлено уведомление о необходимости поднятия судна в течение 2 месяцев со дня получения уведомления.

Между тем сроки, установленные администрацией, истекли, судно поднято не было, при этом продолжало причинять существенный вред окружающей среде. Администрация надлежащий контроль за исполнением уведомления не обеспечила. Общество В. при этом представило информацию о том, что в период затопления не являлось владельцем судна, в связи с чем обязанность по его поднятию лежит на обществе А.

Администрацией вновь направлено уведомление о необходимости поднятия, но уже в адрес общества А., со сроком в 3 месяца со дня его получения. Между тем ввиду прошествия более чем полугода со дня затопления, ни общество, ни государство не заинтересовано в том, чтобы судно с дизельным топливом находилось на дне р. Волги ни единого дня, что грозит причинением колоссального вреда флоре и фауне водного объекта.

Перед прокурором в таком случае встает вопрос о необходимости принятия срочных мер прокурорского реагирования.

Поскольку законом предусмотрено, что поднять затонувшее судно обязан его владелец, к которому относится его владелец на любом законном основании, и такой владелец по закону, в силу позднего получения уведомления, фактически еще не обязан осуществлять подъем судна, возникает ситуация, при которой угроза экологического бедствия остается без разрешения и ответственных лиц.

В таком случае предлагается внести в законодательство изменения и, в частности, ст. 49 КВВТ

РФ дополнить нормой, предусматривающей обязанность администрации бассейна внутренних водных путей во всяком случае угрозы причинения вреда окружающей среде поднять затонувшее судно или иное имущество за счет его собственника.

При таких обстоятельствах будут защищены интересы всего общества и государства, а прокурор не будет лишен возможности обратиться в суд в силу отсутствия надлежащего ответчика в случаях, не терпящих отлагательства, о возложении обязанности выполнить мероприятия по очистке водного объекта от загрязняющих его судов и топлива.

В отсутствие указанных изменений прокурор в данный момент фактически лишен, безусловно, эффективнейшего инструмента защиты прав – права на обращение в суд, ведь такое обращение не будет иметь верного ответчика в течение некоторого периода времени.

До сих пор судебная практика по подобным вопросам складывается неоднозначно, однако имеется тенденция к применению аналогии права и защите национальных интересов путем возложения обязанности на администрацию бассейна [3].

Таким образом, надзорными мероприятиями, несмотря на несовершенство правового регулирования, достигается решение таких задач как обеспечение законности в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования, что является основным из направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации. Для достижения таких задач в условиях динамично меняющихся общественных отношений необходимо постоянно совершенствовать правовую базу для регулирования отношений в сфере природопользования [4].

Литература:

1. Саркисов О.Р. Правовое обеспечение охраны водных ресурсов в России: проблемы и перспективы // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 193–198.
2. Данилов Н.Ф., Фомина Н.В. Прокурорский надзор в сфере охраны водных биологических ресурсов // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 166–168.
3. Решение Нижегородского районного суда г. Нижнего Новгорода от 13.11.2024 г. // СПС КонсультантПлюс.
4. Степаненко А.С., Барашева Е.В. К вопросу правовой охраны водных ресурсов // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 1 (19). С. 35–39.

On Problematic Issues Related to the Protection of Water Bodies from Pollution

Vasilyev A.A.
Saratov State Law Academy
Kardanov A.A.
P.A. Stolypin Volga Institute of Management a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In the face of growing environmental threats related to water pollution, ensuring the protection of water bodies is becoming increasingly important. Water resources are a strategically vital component of ecosystems and socio-economic development; however, the existing legal framework encounters several challenges that require improvement. The aim of this study is to identify current issues in the protection of water bodies in the Russian Federation, analyze prosecutorial oversight in this area, and develop proposals for legislative improvements. The research examines key aspects of law enforcement practices, highlights deficiencies in existing regulations, and evaluates their implementation mechanisms.

The scientific and practical significance of this work lies in its potential to contribute to legislative improvements, enhance the effectiveness of prosecutorial oversight, and develop more efficient mechanisms for water body protection. As a result of the analysis, legal inconsistencies in the implementation of the Water Code of the Russian Federation and other regulatory acts were identified. Examples from prosecutorial practice illustrate the difficulties in holding responsible parties accountable and addressing pollution consequences. The authors propose specific measures to strengthen the legal protection of water bodies, including legislative amendments aimed at closing gaps and improving supervisory activities.

Key words: water bodies, environmental protection, ecological safety, prosecutorial oversight, Water Code

УДК 340
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-171-175

Особенности ответственности физкультурно-спортивных организаций в гражданских правоотношениях



Гирфанов И.И.
Соискатель кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы исследования заключается в том, что спортивные отношения стали частью современной жизни и образуют особый сегмент культуры, экономики, составляют и общезначимое благо. Дискуссионность многих концептуальных основ ответственности, применяемой к субъектам спорта, сталкивается с неоднозначной практикой воплощения корпоративных норм со стороны крупных спортивных объединений как на национальном, так и международном уровне.

Научная значимость работы заключается в осмыслении особого публичного статуса отдельных видов физкультурно-спортивных объединений, предполагающего трансформацию условий наступления у них гражданско-правовой ответственности.

Ценность проведенного исследования заключается в предложении нового подхода к гражданско-правовой ответственности физкультурно-спортивных организаций, согласно которому такая организация должна иметь схожие черты с ответственностью органов государственной власти.

По результатам проведенного исследования предложена легализация специального характера гражданско-правовой ответственности спортивных федераций, которая позволит установить баланс интересов корпоративных субъектов спорта, который в современности фактически отсутствует.

Ключевые слова: *спортивные правоотношения, ответственность, гражданско-правовая ответственность, физкультурно-спортивные организации, деликтная ответственность, внутрикорпоративная ответственность*

Для цитирования: *Гирфанов И.И. Особенности ответственности физкультурно-спортивных организаций в гражданских правоотношениях // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 171–175. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-171-175.*

Аспекты ответственности в физкультурно-спортивных отношениях являются наиболее сложным объектом проводимых юридических исследований. Причинами этого выступают расхождения мнений ученых относительно правовой природы применяемых в спортивной сфере санкций [1; 2], а также неоднозначная позиция о формах и мерах специальной ответственности в спорте [3, с. 82; 4, с. 277], о субъектном составе правоотношений, возникающих в процессе применения ответственности [5]. Данные обстоятельства неизбежно влияют на формирование образа деликтоспособности физкультурно-спортивных организаций, которые выступают наиболее ярким примером совмещения в одном субъекте целого комплекса мер, образующих в итоге общее представление об ответственности в профессиональном спорте [6].

В практическом значении ответственность физкультурно-спортивных организаций сопряжена с отсутствием в законодательстве специальных норм, устанавливающих особенности возникновения оснований и порядок наложения санкций за нарушения в области профессиональных отношений.

В структурном плане регламентация ответственности спортивных корпораций во многом аналогична юридическим конструкциям имущественных основ их деятельности. Определяющее значение имеет организационно-правовая форма юридического лица, которая в свете модернизации гражданского законодательства приобрела более унифицированные черты. В частности, большинство видов физкультурно-спортивных организаций относятся к категории корпоративных юридических лиц. При этом отнесение их к коммерческим или некоммерческим организациям при возникновении гражданско-правовой ответственности в настоящее время не имеет принципиального значения [7, с. 12].

Исходя из этого, ответственность физкультурно-спортивных организаций в гражданских правоотношениях подчинена общим нормам, разграничивающих ответственность на договорную, деликтную и внутрикорпоративную.

Первый тип гражданско-правовой ответственности зависит, как и в случаях осуществления всеми юридическими лицами хозяйственной деятельности, от вида договорного обязательства, его законодательной конструкции и непосредственного его содержания применительно к каждому конкретному случаю [8; 9, с. 156; 10, с. 42]. Учитывая ряд ограничений в сделкоспособности отдельных физкультурно-спортивных организаций, конструкция договорной ответственности находится в зависимости от непосредственных целей деятельности и имущественных результатов совершаемых сделок [11; 12].

Деликтная ответственность спортивных корпораций в целом также не обременена специфическими чертами, поскольку ни возможные организационно-правовые формы, ни особенности участия в гражданско-правовых отношениях не рассматриваются в качестве изъятий из принципа полного возмещения вреда [13, с. 48; 14, с. 68].

Что касается внутрикорпоративной ответственности, то она предопределяется не характером нарушений, а общим гражданско-правовым принципом разграничения ответственности учредителей и создаваемых ими юридических лиц [15]. Исключения составляют лишь изъятия относительно отдельных организационно-правовых форм, напрямую предусмотренные законодательством, однако физкультурно-спортивные организации в данных формах не функционируют.

Вместе с тем, на наш взгляд, особый публичный статус отдельных видов физкультурно-спортивных объединений предполагает модификацию условий наступления у них гражданско-правовой ответственности.

Так, общероссийские федерации спорта, наделенные специальными нормотворческими и юрисдикционными функциями, являются субъектами государственной физкультурно-спортивной политики. В силу такого обстоятельства предполагается, что их ответственность перед государством и обществом за осуществление отдельных мероприятий должна иметь повышенный характер.

Однако действующее законодательство не содержит особых мер возмещения вреда, причиненного во внедоговорном порядке в процессе неэффективной реализации отдельных направлений политики. Равным образом законодательство не накладывает на федерации спорта обязанности компенсации вреда, возникшего в результате неправомерных действий по регламентации отношений с участием других хозяйствующих субъектов в спортивной сфере.

По нашему мнению, гражданско-правовая ответственность общероссийских федераций спорта как ключевых фигур спортивного сектора должна иметь схожие черты с ответственностью органов государственной власти. В частности, акты, издаваемые спортивными федерациями в порядке регламентации деятельности участников профессиональных спортивных отношений, могут существенным образом ограничивать или нарушать права, свободы и интересы, вытекающие из гражданского законодательства, однако в настоящее время отсутствуют нормы, предусматривающие возникновение ответственности в подобных случаях. Поэтому мы предлагаем применять к гражданско-правовой ответственности общероссийских федераций спорта положения ст. 1069 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный представителями власти, в том числе неправомерным актом, подлежит возмещению.

Однако, учитывая, что спортивные объединения не являются органами или подразделениями государственной власти и функционируют в форме общественных организаций, следует дополнить содержание ст. 1069 ГК РФ новыми субъектами ответственности – организациями, осуществляющими отдельными государственно-управленческие полномочия. В качестве таковых мы рассматриваем федерации по отдельным видам спорта.

Следует отметить, что аналогичная норма уже содержится в Ч. 1 ГК РФ. В свете модернизации гражданского законодательства в аспекте возмещения вреда, причиненного представителями государственной власти в результате правомерных действий, произошли существенные изменения. В частности, ст. 16.1 ГК РФ обязывает компенсировать ущерб даже в тех случаях, когда он возник в результате деятельности субъектов, которым со стороны государства делегированы властные полномочия. Признак противоправности в таком ракурсе отсутствует, поскольку речь идет не о юридической ответственности. По нашему мнению, данная норма в полной мере применима к случаям регламентации хозяйственной деятельности физкультурно-спортивных организаций со стороны отдельных общероссийских федераций спорта.

Легализация специального характера гражданско-правовой ответственности спортивных федераций позволит, на наш взгляд, установить баланс интересов корпоративных субъектов спорта, который фактически отсутствует в современности. Являясь лицом, накладывающим в надзорном порядке меры имущественной ответственности на спортивные клубы, федерации по отдельным видам спорта сами не обременены особым надзором со стороны государства. Между ними и другими физкультурно-спортивными организациями не возникает договорных правоотношений.

Кроме того, далеко не все спортивные федерации позволяют приобретать свое членство для подконтрольных им клубных организаций. Например, в Российской федерации баскетбола членами могут выступать либо региональные федерации спорта, либо общественные объединения. В результате таких факторов сложилась неопределенная с гражданско-правовой точки зрения ситуация с ответственностью спортивных клубов, которые вынуждены при наличии лицензии (аккредитации, аттестации, членстве) нести риск существенных убытков при различных нарушениях, в том числе незначительного характера. При этом такая ответственность, обладая всеми признаками гражданско-правовой ответственности, не регламентируется гражданским законодательством.

В вопросах применения со стороны национальных федераций спорта штрафных санкций наблюдается коллизия между физкультурно-спортивным и гражданским законодательством, вызывающая неоднозначные подходы и в судебных решениях [16–18]. С одной стороны, ГК РФ допускает штрафы как меры ответственности исключительно в случаях, прямо предусмотренных гражданским законодательством, и в порядке поддержания договорной дисциплины с соответствующим закреплением такого условия в содержании самого договора (п. 1 ст. 330 ГК РФ). С другой стороны, Федеральный закон от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» закрепил право общероссийских федераций спорта устанавливать и применять санкции в отношении тех субъектов физической культуры и спорта, которые признают их нормы и регламенты (п.п. 5 п. 1 ст. 16).

В связи с этим в литературе сложилось несколько подходов, объясняющих суть данного конфликта законов. Сторонники самостоятельности отрасли спортивного права полагают, что используемые в процессе поддержания порядка в профессиональном спорте меры материального характера не могут рассматриваться в качестве проявления гражданско-правовой ответственности и носят исключительно отраслевой характер [5; 19].

По мнению отдельных ученых, санкции федераций спорта, в том числе международных, вкладываются в понятие «дисциплинарная ответственность» [20]. Представители административно-правовой природы физкультурно-спортивных отношений полагают, что с делегированием властных полномочий у федераций по отдельным видам спорта возникают особые права по применению к другим субъектам профессионального спорта мер административной ответственности, в числе которых наиболее распространенной санкцией выступает штраф [21]. Имеются также сторонники неюридической природы применяемых к физкультурно-спортивным организациям мер ответственности, что исключает любое их сравнение с законодательными конструкциями [22].

Рассматривая спортивные федерации в качестве юридических лиц с особыми властными полномочиями по управлению отдельными сегментами профессионального спорта, непонятно, можно ли считать санкции за некоторые правонарушения спортивных клубов гражданско-правовыми инструментами воздействия. Возможно, подтверждением этому выступает предмет регулирования – хозяйственная деятельность клубных организаций.

Когда крупная спортивная корпорация в силу предоставленных ей государством полномочий дает указания подконтрольным юридическим лицам по совершению ряда сделок и поддержанию собственного финансового состояния в целях обеспечения прав и интересов кредиторов, происходит использование гражданско-правовых механизмов влияния на ход отношений, связанных с непосредственной деятельностью спортивных клубов. Воплощается в действие волевой аспект вступления в такие правоотношения – каждый клуб вправе самостоятельно решить вопрос о вступлении в членство, в спортивную федерацию или приобретения соответствующей лицензии (аккредитации, аттестации и т.п.). Хотя, с другой стороны, у спортивных клубов нет альтернативы.

Поскольку членство в юридических лицах, порядок его регламентации, средства воздействия на участников объединения остаются в зоне действия корпоративного законодательства, то и их ответственность, установленная в рамках учредительных документов, следует рассматривать как гражданско-правовую. Однако нарушения, не относящиеся к предмету регулирования гражданского законодательства, не могут служить основанием для применения гражданско-правовых мер. Такие виды ответственности находятся в зоне действия физкультурно-спортивного законодательства и прав спортивной федерации на уточнение в корпоративном порядке их мер и форм.

Несколько иначе представляется данный вопрос, если воздействие спортивной федерации на соответствующий клуб происходит без оформления членства. Как правило, в таком ракурсе ответственность постулируется на практике в качестве дисциплинарной, однако использование данного термина

не вписывается в действующее законодательство по нескольким причинам.

Прежде всего, дисциплинарная ответственность в физкультурно-спортивных отношениях может применяться, на наш взгляд, к конкретным физическим лицам за нарушение трудовой, служебной, спортивной дисциплины, а не осуществление хозяйственной деятельности. Мерами дисциплинарной ответственности не могут являться меры имущественного характера, поскольку физкультурно-спортивные организации не состоят в финансово-материальных отношениях с федерациями спорта. Вместе с тем применение гражданско-правовых приемов образования специальной правоспособности и сделкоспособности юридических лиц при помощи введения разрешительных процедур предполагает, что осуществление непосредственной деятельности спортивными клубами должно соответствовать определенным рамкам.

Поскольку законодательство не содержит подобных лицензионных условий, эту функцию при одобрении государства реализуют спортивные федерации. Исходя из данной особенности, именно они же обязаны обеспечивать соблюдение со стороны лицензиатов специальных условий, в том числе в имущественной сфере. Поэтому применяемые для достижения указанных целей меры ответственности необходимо, по нашему мнению, рассматривать как гражданско-правовые.

Следует признать, что гражданско-правовой режим хозяйственной деятельности физкультурно-спортивных организаций в Российской Федерации находится в состоянии переходного периода со свойственными ему пробелами и противоречиями. Как показало проведенное в рамках статьи исследование, воздействие на имущественные отношения спортивных корпораций происходит двумя средствами – законодательными, которые содержат лишь общие контуры регламентации хозяйственных операций, и корпоративными, которые используются в зависимости от политики, проводимой отдельными спортивными федерациями.

Санкции за некоторые правонарушения спортивных клубов являются гражданско-правовыми инструментами воздействия на их поведение в силу предмета регулирования в виде хозяйственной деятельности. Однако нарушения, не относящиеся к зоне действия гражданского законодательства, не могут служить основанием для применения гражданско-правовых мер. Такие виды ответственности являются прерогативой физкультурно-спортивного законодательства и уточняются федерациями спорта на корпоративном уровне с учетом международных стандартов и правил.

Таким образом, ответственность физкультурно-спортивных организаций в гражданских правоотношениях подчинена общим нормам, разграничивающим ответственность на договорную, деликтную и внутрикорпоративную. Однако особый публичный статус отдельных видов физкультурно-спортивных объединений предполагает трансформацию условий наступления у них гражданско-правовой ответственности. Общероссийские федерации спорта, наделенные специальными нормотворческими и юрисдикционными функциями, являются субъектами государственной физкультурно-спортивной политики. В силу такого обстоятельства предполагается, что их ответственность перед государством и обществом за осуществление отдельных мероприятий приобретает повышенный характер. По нашему мнению, их гражданско-правовая ответственность должна иметь схожие черты с ответственностью органов государственной власти. Легализация специального характера гражданско-правовой ответственности спортивных федераций позволит, на наш взгляд, установить баланс интересов корпоративных субъектов спорта, который в современности фактически отсутствует.

Литература:

1. Смирнов И.А. Юридическая ответственность в спорте // Спортивное право в России и мире: актуальные вопросы. Материалы круглого стола с межд. участием. Отв. редактор А.А. Коренная. Барнаул, 2022. С. 181–191.
2. Васькевич В.П. Споры с участием профессиональных спортсменов и правовые механизмы их разрешения // Третейский суд. 2010. № 4 (70). С. 70–74.
3. Сынтин А.В. Отдельные вопросы административной ответственности за нарушения антидопинговых правил // Административное право и процесс. 2021. № 11. С. 82–82.
4. Чеботарев А.В. Защита прав спортсменов в делах о допинге: процессуальный аспект // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 6. С. 208–227.
5. Буянова М.О. Субъект и субъективная сторона спортивного правонарушения // Спорт: экономика, право, управление. 2022. № 1. С. 12–22.
6. Васькевич В.П. К вопросу о правовом регулировании профессиональной деятельности спортсмена // Юридическая наука. 2020. № 11. С. 29–33.
7. Курбатов А.Я. Реформа положений ГК РФ о юридических лицах: требуется устранение недостатков // Хозяйство и право. 2021. № 12. С. 3–12.

8. Чистяков П.Д. Преддоговорная ответственность в российском и зарубежном праве: дисс… канд. юрид.наук. М., 2024. 241 с.
9. Чистяков П.Д. Деликтная квалификация преддоговорной ответственности в российском праве: pro и contra // Закон. 2022. № 5. С. 146–156.
10. Богданов Д.Е. Справедливые начала договора и договорной ответственности // Адвокат. 2012. № 11. С. 42–48.
11. Решение Советского районного суда г. Астрахани от 21.12.2023 г. по делу № 2А-2173/2023 – Региональная физкультурно-спортивная общественная организация «Федерация Джиу-джитсу Астраханской области» была ликвидирована с связи с не предоставлением в указанный срок информации об объеме денежных средств и иного имущества, полученных от иностранных источников, о целях расходования этих денежных средств и использовании иного имущества» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru.
12. Решение Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 15.08.2019 г. по делу № 2А-595/2019 – Физкультурно-спортивная организация как общественная организация в качестве юридического лица не представила предусмотренные законодательством сведения и подлежит ликвидации // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru.
13. Губаева А.К. Деликтное право России: современные вызовы и перспективы развития // Закон. 2020. № 3. С. 38–48.
14. Синицын С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 54–68.
15. Ключарева Е.М. Обязанности и ответственность членов органов управления юридических лиц в праве России, Германии, Великобритании и штата Делавэр (США): дисс ... канд. юрид. наук. М., 2023. 216 с.
16. Решение Верховного Суда РФ от 25.10.2023 г. по делу № АКПИ23-819 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru.
17. Решение Псковского городского суда Псковской области от 08.09.2020 г. по делу № 12-356/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru.
18. Постановление Нижегородского областного суда от 14 августа 2019 г. по делу № 4А-923/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. Адрес: https://sudact.ru.
19. Останина Е.А. Особенности деликтной ответственности за вред, причиненный в ходе спортивного состязания: сравнительно-правовое исследование // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 6. С. 56–60.
20. Рогалева И.Ю., Шония Г.В., Щербаков В.А., Рогалева Г.А. Дисциплинарная ответственность в сфере спорта: правовой аспект // Теория и практика физической культуры. 2022. № 2. С. 77–79.
21. Васильев И.А., Дмитрикова Е.А., Шевелева Н.А. Административная ответственность за нарушение правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований: анализ судебной практики // Административное право и процесс. 2021. № 12. С. 43–50.
22. Мамедов Р.Г. Анализ корпоративной социальной ответственности в спортивной индустрии за рубежом // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 5. № 11. С. 135–142.

Peculiarities of Responsibility of Physical Culture and Sports organizations in Civil Law Relations

Girfanov I.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the research topic lies in the fact that sports relations have become a part of modern life and form a special segment of culture, economy, and constitute a common good. The controversial nature of many conceptual frameworks of responsibility applied to sports actors is confronted with the ambiguous practice of implementing corporate norms on the part of major sports associations at both the national and international levels.

The scientific significance of the work lies in understanding the special public status of certain types of physical culture and sports associations, which presupposes the transformation of the conditions for their civil liability.

The value of the conducted research lies in the proposal of a new approach to the civil liability of sports and sports organizations, according to which such an organization should have similar features to the responsibility of public authorities.

According to the results of the study, it is proposed to legalize the special nature of the civil liability of sports federations, which will allow to establish a balance of interests of corporate sports entities, which is virtually absent in modern times.

Keywords: sports legal relations, responsibility, civil liability, sports and sports organizations, tort liability, corporate responsibility

УДК 342.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-176-179

К вопросу о свойствах и особенностях закрепления принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации



Зарипова Л.Н.
Соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящается анализу отличительных свойств принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина и особенностям его закрепления в различных по уровню и формам источниках права. Целью исследования выступает характер легитимации, а также отношение законодательной, исполнительной и судебной власти к данному принципу. Для ее достижения автор обратился к решению ряда задач, включая установление основных способов и средств его правового оформления, которые не получили своего освещения и систематизации в научной мысли. В результате проведенного исследования автор заключает, что принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина закрепляется различными способами, имеет многостатейную форму выражения, производные формулы, связанные с определением сферы и масштаба действия, отличается сложным нормативным содержанием.

Ключевые слова: *правовой принцип, принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, принцип уважения прав и свобод человека и гражданина*

Для цитирования: *Зарипова Л.Н. К вопросу о свойствах и особенностях закрепления принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 176–179. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-176-179.*

Как известно, основные права и свободы закрепляют свободу усмотрения человека и гражданина в целях удовлетворения его наиболее значимых материальных и духовно-нравственных потребностей и интересов, их эффективной защиты. В конституционно-правовой доктрине они, как правило, характеризуются как закрепленные в основополагающих документах государства и гарантированные им и обществом возможности, являющиеся основой правового статуса личности, позволяющие каждому гражданину и человеку самостоятельно, в пределах закона избрать вид и меру своего поведения, а также гарантирующие жизнь и свободное развитие [1, с. 7–8].

Особая юридическая природа прав и свобод человека и гражданина, как отмечает М.В. Агафонов, воплощается в их надпозитивности, определяемой тем, что «ни международное, ни внутригосударственное право не может нарушить или ограничивать их в силу естественно-правовой концепции их происхождения. При этом они сами представляют собой совокупность правовых принципов, последовательно закрепляемых и реализуемых в универсальных и национальных правовых системах» [2, с. 59].

В тоже время среди принципов, отражающих особую юридическую природу прав и свобод человека и гражданина, отмечаются: а) гарантированность, соразмерность прав и свобод как критериев правовой справедливости [3, с. 72]; б) гарантированность прав и свобод, их неотчуждаемость, неотъемлемость, универсальность, равенство, принадлежность каждому от рождения [4, с. 98–106]; в) единство прав и обязанностей [5, с. 1866]; г) законность и приоритет интересов личности [6, с. 118]; д) законность, формальное равенство, приоритет прав и свобод человека и гражданина, их высшая ценность в деятельности

государства, недопустимость произвольного вмешательства в личную жизнь, гарантированность государственной защиты прав и свобод, равенство прав и свобод, единство прав и обязанностей, гласность, ответственность государственных органов за принятые решения [7, с. 36].

Современная доктрина оперирует приоритетом прав и свобод человека и гражданина как правовым принципом, несмотря на то что прямой нормативной формой его закрепления являются конституционные нормы (федеральные, региональные) иного содержания, а именно, о человеке, его правах и свободах как высшей ценности, а также их признании, соблюдении и защите государством. В частности, В.Д. Перевалов именует принцип приоритета прав в качестве одного из основных принципов правового государства [8]. В свою очередь, Ю.Н. Новгородова отмечает, что принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, закрепленный в Конституции Российской Федерации, адресован всем ветвям государственной власти, связывает и обязывает их [9, с. 36].

Вместе с тем российской практике нормотворчества известны и другие конструкции, посвященные связанности государства правами и свободами личности. В частности, «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [10] включают норму о приоритетности прав человека по отношению к правам государства, организаций и групп, отмечая, что права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений. Соответственно, региональное законодательство, посвященное реализации культурных прав и свобод человека и гражданина, также отмечает связанность всех субъектов необходимостью соблюдать данный принцип [11, ст. 9; 12, ст. 8].

В отличие от Конституции Российской Федерации региональные конституции (уставы) могут оформлять данный принцип не только через ценностные ориентиры, понимаемые в виде индивидуальных и надындивидуальных целей, смыслов и идеалов [13], но и непосредственно. К примеру, преамбула Конституции Республики Татарстан [14] увязывает реализацию приоритета прав и свобод человека и гражданина с народным и национальным суверенитетом, а в преамбуле Устава Амурской области [15] провозглашается признание приоритета общечеловеческих ценностей, прав и свобод человека и гражданина.

Свои особенности правового оформления принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина сложились и в судебной правоприменительной практике.

К примеру, исходя из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, приоритет личности и ее прав во всех сферах отождествляется либо исключительно с конституционным принципом признания человека, его прав и свобод высшей ценностью [16], либо с группой конституционных принципов, в которую дополнительно включаются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина государственной обязанностью, а также наделение их непосредственно действующим характером в связи с тем, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием [17].

Обращаясь к праворазъяснительной практике Верховного Суда Российской Федерации, следует отметить Постановление Пленума от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [18], отмечающего верховенство конституционных норм над законами и иными нормативными правовыми актами, включая положение о непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина. Данное конституционное установление, как полагает Верховный Суд Российской Федерации, предполагает их приоритетность или верховенство в правовой системе.

Исходя из предложенной судебной правовой позиции, можно заключить, что исследуемый принцип:

а) имеет прямые связи с конституционными нормами, закрепляющими юридические свойства основных прав и свобод человека и гражданина, а значит, и с многочисленными общими конституционными правоотношениями, в рамках которых разворачивается механизм их реализации;

б) выступает принципом прав и свобод человека и гражданина, взаимосвязанным с принципами основ правового статуса личности;

в) обусловливает возникновение взаимосвязей между основными компонентами правовой системы, включающими в том числе внешние формы отечественного и международного права (общепризнанные принципы и нормы, международные договоры Российской Федерации);

г) выступает основой для конкретизирующего правового регулирования при определении правового статуса личности;

д) организует правоприменительную деятельность правоохранного и правозащитного характера.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [19] закрепляется принцип всеобщего уважения прав человека как общепризнанный принцип международ-

ного права и элемент правовой системы Российской Федерации, трактуемый в содержательном плане в виде комплекса суверенных государственных обязательств в международно-правовом пространстве (выполнять требования о соблюдении норм и принципов общего характера, имеющих отношение ко всем правам и свободам человека, а также специальных обязательствах, имеющих отношение к отдельным правам и свободам [20, с. 113]).

Вместе с тем уважение прав и свобод находит свое отражение в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации при регламентации основ правого статуса личности. К примеру, Конституция Республики Дагестан [21, ст. 18, ч. 2] предусматривает, что уважение прав других людей наряду с уважением закона является основой общественного порядка и социального мира.

Кроме этого, в текущем федеральном и региональном законодательстве фиксируются принципы: приоритета защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности [22]; приоритета прав и свобод человека и гражданина как основного принципа гражданской службы [23, ст. 4, подп. 1]; приоритета прав и свобод человека и гражданина как основного принципа муниципальной службы [24, ст. 4, подп. 1]; приоритета общечеловеческих духовных ценностей как принципа государственной культурной политики [25, ст. 5]; приоритета прав и свобод человека и гражданина как основного принципа государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования [26, ст. 3, подп. 3] и др.

Таким образом, принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина отличается многостатейной формой закрепления в разнообразных внутригосударственных отраслевых источниках права федерального и регионального значения; определением тех сфер общественных отношений, для развития которых он имеет первостепенное значение; включением в механизм регулирования и реализации конституционных прав и свобод; отнесением к общепризнанным принципам международного права; сбалансированностью юридического и морально-этического в содержании; связанностью с правовой идеологией (доктрина правового государства); воздействием на общесоциальные цели и организованные виды деятельности публичной власти.

Литература:

1. Невирко Д.Д. Права и свободы человека и гражданина: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 28 с.
2. Агафонов М.В. Теоретические и практические аспекты становления и развития принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 57–60.
3. Зиборова О. Концепция прав и свобод, реализованная в Конституции РФ // Право и управление. 2013. № 1(26). С. 71–80.
4. Лукашева Е.А. Правовой статус человека и гражданина // Права человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Юридическое изд-во «Норма», 2011. С. 98–106.
5. Зубкова В.С. Принцип единства прав и обязанностей личности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9(46). С. 1865–1870.
6. Холодная Е.В. О правовом принципе баланса интересов личности, общества и государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3(22). С. 116–120.
7. Анохин Ю.В., Чесноков А.А. Принципы защиты прав личности во внешней и внутренней правовой политике Российского государства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 33–39.
8. Теория государства и права: учеб. для бакалавров. М.: Юрайт, 2012. 415 с.
9. Новгородова Ю.Н. Права человека и способы их защиты в Российской Федерации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 36–37.
10. Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Российская газета. 1992. 17 ноября. № 248.
11. Закон Марий Эл от 31 мая 1994 г. № 85-III «О культуре» // Марийская правда. 1994. 16 июня. № 113-114.
12. Закон Республики Ингушетия от 12 августа 1998 г. № 11-РЗ «О культуре» // Ингушетия. 1998. 28 августа.
13. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья вторая) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1997. № 1. С. 20–27.
14. Конституция Республики Татарстан от 6 декабря 1992 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/406473992 (дата обращения: 20.12.2024 г.).
15. Устав (Основной Закон) Амурской области от 13.12.1995 г. № 40-ОЗ URL: https://docs.cntd.ru/document/961701970 (дата обращения: 20.12.2024 г.).

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.1999 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Клюева». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12014172/ (дата обращения: 25.12.2024 г.).
17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // Российская газета. 2006. 3 мая. № 92.
18. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996 . № 2. С. 1.
19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС Гарант.
20. Липкина Н.Н. Международно-правовое обязательство уважать права человека: основные элементы содержания и пределы // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 112–118.
21. Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_dagest/ (дата обращения: 25.12.2024 г.).
22. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
23. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
24. Федеральный закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
25. Закон Татарстана от 03.07.1998 г. № 1705 «О культуре» // Республика Татарстан. 1998. 4 августа. № 156.
26. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

On the Question of the Properties and Features of the Consolidation of the Principle of Priority of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation

Zaripova L.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the analysis of the distinctive properties of the principle of the priority of human and civil rights and freedoms and the peculiarities of its consolidation in various levels and forms of sources of law. The purpose of the study is the nature of legitimation, as well as the attitude of legislative, executive and judicial authorities to this principle. To achieve this goal, the author turned to solving a number of tasks, including establishing the main ways and means of its legal formalization, which have not received their coverage and systematization in scientific thought. As a result of the conducted research, the author concludes that the principle of priority of human and civil rights and freedoms is fixed in various ways, has a multi-line form of expression, derived formulas related to the definition of the scope and scope of action, has a complex normative content.

Keywords: legal principle, the principle of priority of human and civil rights and freedoms, the principle of respect for human and civil rights and freedoms

УДК 343.625.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-180-183

Особенности квалификации неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей



Зейналбдыева А.В.
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина



Савин В.С.
Слушатель факультета заочного обучения
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина

В данной работе авторы уделили внимание проблемным вопросам привлечения лиц к уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Целью статьи является разработка предложений по совершенствованию существующих уголовно-правовых норм. В качестве задач выступают следующие: выявление проблем, возникающих при квалификации данного деяния; комплексный анализ действующего законодательства; рассмотрение вопросов, связанных с особенностями административной преюдиции. Научная и практическая значимость обуславливаются тем, что авторами выявлены пробелы действующего законодательства в сфере неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Основными результатами стали предложения по внесению изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство РФ. Ценность проведенного исследования заключается в возможности повышения эффективности противодействия неуплате алиментных обязательств.

Ключевые слова: *алименты, административная преюдиция, нетрудоспособные родители, дети, неуплата средств, члены семей*

Для цитирования: *Зейналбдыева А.В., Савин В.С. Особенности квалификации неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 180–183. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-180-183.*

Семейные ценности и традиции играют решающую роль в формировании общества и государства. В современном мире, где технологии и глобализация стремительно меняют наш образ жизни, важность семьи как социального института становится особенно актуальной. В российском законодательстве права и обязанности ее членов регулируются различными нормативными правовыми актами. Государство активно поддерживает инициативы, направленные на укрепление семейных ценностей.

Несмотря на предпринимаемые усилия, проблема защиты имущественных прав и законных интересов детей остается крайне актуальной. Особенно это касается ситуации с неисполнением алиментных обязательств. Данная проблема вызывает серьезное беспокойство, так как она напрямую затрагивает ин-

тересы детей, которые зачастую оказываются в центре конфликтов между родителями.

По данным на 2023 г. в производстве Федеральной службы судебных приставов России находилось 1,46 млн дел по алиментным обязательствам, сумма задолженности по которым составила около 240,1 млрд руб. В течение года было открыто еще 616 тыс. новых дел на сумму 41,3 млрд руб. [1].

В последние годы государственная политика направлена на улучшение ситуации. Для этого разработаны новые механизмы контроля за исполнением алиментных обязательств, а также введены меры по упрощению процедуры взыскания долгов. Однако, несмотря на эти усилия, реальная ситуация остается довольно сложной.

В рамках данной статьи считаем целесообразным также обратиться к информации, предоставленной Федеральной службой государственной статистики. За первые десять месяцев 2023 г. в России было зарегистрировано 800,4 тыс. браков. Это число на 8 % меньше, чем в аналогичном периоде 2022 г. Количество разводов в России остается практически на прежнем уровне – 566,8 тыс.

Согласно данным судебной статистики, в последние годы наблюдается тревожная тенденция роста числа родителей, которые подвергаются уголовной ответственности за неуплату средств. В 2022 г. более 48 тыс. чел. были осуждены по ч. 1 ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Привлечение должника к уголовной ответственности по указанной статье представляет собой довольно сложный процесс, который зависит от ряда условий. В первую очередь необходимо отметить, что для того, чтобы инициировать уголовное дело, лицо должно быть ранее привлечено к административной ответственности по ст. 5.35.1 КоАП РФ. Это означает, что сначала должны быть установлены факты неуплаты алиментов, и суд должен вынести решение о назначении административного наказания, которое затем вступает в законную силу.

В соответствии со ст. 5.35.1 КоАП РФ, уклонение от исполнения обязательств определяется как действие, которое продолжается в течение двух и более месяцев с момента возбуждения исполнительного производства. В Постановлении Пленума ВС РФ определены четкие указания относительно того, как именно следует исчислять этот срок: месяцы считаются подряд, а не суммируются в течение календарного года [3].

Важно понимать, что период, в течение которого должник считается привлечённым к административной ответственности, также имеет значение. Этот срок ограничен, и если он истекает, то возможность привлечения к уголовной ответственности за неуплату алиментов исчезает. Таким образом, законодательство устанавливает определённые временные рамки, в течение которых в отношении должника может быть возбуждено уголовное дело. Однако, если после завершения срока административного наказания лицо вновь начинает уклоняться от уплаты алиментов, процесс привлечения его к уголовной ответственности снова становится актуальным. В этом случае необходимо пройти через всю процедуру привлечения к административной ответственности заново, что может занять значительное время.

Вопрос о возможности возбуждения уголовного дела в отношении лица за неуплату алиментов, особенно в контексте повторных случаев неисполнения обязательств, в настоящее время представляет собой сложную юридическую проблему. Основной акцент здесь делается на том, что для применения уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ необходимо учитывать предшествующие административные меры, предусмотренные ст. 5.35.1 КоАП РФ.

Рассмотрим более подробно постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 30.05.2018 г., которое стало важным прецедентом в данной области. В этом деле речь шла о К., который 9 ноября 2016 г. был привлечен к административной ответственности мировым судьей за уклонение от уплаты алиментов. Это было его первое привлечение к ответственности за данное правонарушение. Однако, несмотря на это, К. продолжал не исполнять свои обязательства, и 6 апреля 2017 г. он был осужден по ч. 1 ст. 157 УК РФ.

Следующий шаг в этой ситуации заключался в том, что в отношении К. было возбуждено новое уголовное дело по той же статье за новый период неуплаты средств. Оно было направлено в мировой суд, но судья, рассматривающий дело, вернул его прокурору с указанием на наличие существенных нарушений в обвинительном акте. В частности, судья отметил, что в обвинении отсутствовала информация о том, что К. был привлечен к административной ответственности после вынесения предыдущего приговора.

Для улучшения ситуации необходимо внести изменения в законодательство, указав, что наличие факта привлечения лица к уголовной ответственности за неуплату средств и неисполнение обязательств в течение нового периода является основанием для назначения повторного наказания по ст. 157 УК РФ без учета института административной преюдиции.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что совместное проживание лица, которое обязано уплачивать средства, с получателем алиментов, а также несение добровольных расходов не может считаться уважительной причиной для их неуплаты. Это означает, что даже, если родитель проживает со своим ребенком под одной крышей, это не освобождает его от уплаты средств. Алименты – это в первую очередь обязательство, установленное судом или соглашением, которое должно выполняться независимо от личных отношений между

родителями и детьми, а не просто финансовая поддержка.

Свердловским областным судом рассматривалось дело о привлечении А. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации.

А. в апелляционной жалобе ссылался на то, что активно участвовал в жизни своего сына и тратил свои средства на его содержание. А. предоставил суду информацию о том, что он нес расходы на питание ребенка, покупал ему одежду, обеспечивал его учебными принадлежностями. Также средства были затрачены на занятия в спортивных секциях, художественной школе и на проезд сына к месту летнего отдыха.

А. также упомянул о том, что пытался изменить порядок уплаты алиментов, подав иск в суд, но он не был рассмотрен. В связи с тем, что соглашение о порядке несения расходов на содержание ребенка между родителями отсутствовало, суд не признал добровольные расходы А. в качестве исполнения его обязательств по выплате алиментов, поскольку они не были оговорены с матерью ребенка.

Также стоит отметить, что в подобных делах важно учитывать не только фактические расходы, но и правовые аспекты, связанные с алиментами. В случае отсутствия соглашения суд может не признать расходы одной из сторон, что может привести к серьезным последствиям, включая уголовную ответственность за неисполнение родительских обязанностей [4].

Следует отметить, что в случае, если должник находится в тяжелом финансовом положении, это может стать смягчающим обстоятельством. Суд может учесть другие обязательства, уровень жизни должника и его финансовые возможности. Важно, чтобы должник мог обосновать свои действия и предоставить доказательства того, что он действительно пытается выполнять свои обязательства по алиментам, но по объективным причинам не может этого сделать в полном объеме [5].

Для решения проблемы, связанной с неуплатой или частичной уплатой средств, необходимо внести изменения в диспозицию ст. 5.35.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ). В частности, следует уточнить, что состав правонарушения включает как полную, так и частичную неуплату средств в размере, который установлен в соответствии с решением суда или нотариально удостоверенным соглашением [4].

Неуплата средств на содержание оказывает достаточно негативное влияние, однако на законодательном уровне не учтена степень общественной опасности содеянного при причинении ущерба двум и более лицам. Считаем целесообразным введение квалифицированного состава преступления и закрепление более строгих санкций. Это связано с тем, что такие ситуации затрагивают интересы более широкого круга людей и последствия могут быть весьма серьезными.

При рассмотрении уголовных дел по ч. 1 ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации возникают важные правовые вопросы, касающиеся учета смягчающих обстоятельств. Одним из таких обстоятельств является наличие у подсудимого малолетних детей. В соответствии с пунктом «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, суды имеют право учитывать такие факторы при вынесении приговора. Однако на практике существует множество нюансов, которые могут повлиять на это решение [6].

Судебная практика показывает, что наличие малолетнего ребенка у подсудимого, особенно если этот ребенок является потерпевшим в рамках уголовного дела, не должно рассматриваться как смягчающее обстоятельство.

Вопрос о доработке ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации является актуальным и требует особого внимания. Предлагается внести уточнение в п. «г» ч. 1 ст. 61, дополнив после фразы «наличие малолетних детей у виновного»: «…за исключением случаев, если виновный не осуществляет обязанности по воспитанию и материальному содержанию малолетнего ребенка, а также, если преступление совершено в отношении соответствующего малолетнего ребенка».

Согласно разделу V «Алиментные обязательства членов семьи» Семейного кодекса Российской Федерации, правом на взыскание алиментов на содержание обладают несколько категорий лиц. В первую очередь дети, которые могут требовать финансовой поддержки от своих родителей. Это право закреплено законодательно и направлено на обеспечение благополучия ребенка, его здоровья и образования. Родители, в свою очередь, также могут рассчитывать на алименты от своих детей в случае, если они достигли пенсионного возраста или стали инвалидами, что указывает на взаимные обязательства в семье.

К числу лиц, имеющих право на алименты, относятся также супруги, включая бывших. Это значит, что в случае развода один из супругов может требовать алименты от другого, если он находится в трудной финансовой ситуации. Кроме того, право на алименты имеют и другие члены семьи, такие как братья, сестры, бабушки и дедушки. Однако в отличие от детей и родителей их возможность на защиту законных интересов ограничена. Они не могут обращаться в суд для защиты своих прав и привлечения правонарушителей к административной и уголовной ответственности за неисполнение алиментных обязательств.

Таким образом, полагаем, что целесообразно внесение изменений в ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации и ее изложение в следующей редакции:

1. Неуплата средств членом семьи без уважительных причин на содержание лица в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов, если это деяние совершено неоднократно.

2. Те же деяния, совершенные в отношении двух или более лиц.

Литература:

1. От алиментов не скрыться. URL: https://newizv.ru/news/2024-01-23/ot-alimentov-ne-skrytsya-kak-v-rossii-vtroe-vyrosli-vzyskaniya-s-dolzhnikov-426431. (дата обращения: 17.12.2024)
2. Попова Н.М. Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // Отечественная юриспруденция. 2018. № 7(32). С. 73–74.
3. Золотухина А.А. Проблемы совершенствования уголовного законодательства России о ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы современной науки, достижения и инновации: Сб. науч. статей по материалам XII Межд. науч.-практ. конф., Уфа, 27 июня 2023 г. Ч. 2. Уфа: ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. С. 38–41.
4. Веденин Д.В., Ходос И.А. Административная преюдиция и ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // Эпомен. 2022. № 73. С. 43–64.
5. Чернышова Е.Е. Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: проблема квалификации и правоприменения // Право. Общество. Государство: Сб. науч. трудов студентов и аспирантов / Отв. ред. Е.В. Трофимов. Т. 11. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. С. 85–88.
6. Степанова Е.Е. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. 88 с.

Features of the Qualification of Non-Payment of Funds for the Maintenance of Children or Disabled Parents

Zeynalbdyeva A.V., Savin V.S.
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin

In this paper, the authors paid attention to the problematic issues of bringing persons to criminal responsibility for non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents. The purpose of the article is to develop proposals for improving existing criminal law norms. The tasks are: identification of problems arising in the qualification of this act; a comprehensive analysis of current legislation; consideration of issues related to the peculiarities of administrative prejudice. The scientific and practical significance is due to the fact that the authors have identified gaps in the current legislation in the field of non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents. The main results were proposals for amendments and additions to the current criminal legislation of the Russian Federation. The value of the conducted research lies in the possibility of increasing the effectiveness of countering non-payment of alimony obligations.

Keywords: alimony, administrative prejudice, disabled parents, children, non-payment of funds, family members

УДК 340.111.5
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-184-188

Трансформация структуры правоотношений в условиях цифровизации



Краснов А.В.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории права и государства Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия



Алемпеев Г.С.
Студент юридического факультета Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

Цифровизация как объективный процесс способна не только изменить техническую составляющую правового регулирования, но и повлиять на появление новых правовых средств, а также существенно скорректировать структуру правовых отношений, что обуславливает актуальность исследуемой тематики. Целью исследования выступает формирование научных знаний о возможных формах трансформации структуры правоотношения в цифровую эпоху. Авторы ставят такие задачи, как общий анализ структуры правового отношения, рассмотрение факторов влияния искусственного интеллекта на понимание объекта и субъекта правового отношения, раскрытие моментов сближения указанных категорий. В работе подвергаются научному переосмыслению проблемы понимания субъекта и объекта правоотношения в условиях цифровизации, а также даются практические рекомендации в плане внесения изменений в действующее законодательство. На базе использования искусственного интеллекта обосновывается введение категории «квазисубъекта» с ограниченной правосубъектностью. Тем самым исследование расширяет видение традиционных элементов структуры правового отношения, формулируя новое видение будущей категории субъекта и правосубъектности.

Ключевые слова: *цифровизация, правовое отношение, искусственный интеллект, структура правового отношения, субъект правового отношения, объект правового отношения, правосубъектность*

Для цитирования: *Краснов А.В., Алемпеев Г.С. Трансформация структуры правоотношений в условиях цифровизации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 184–188. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-184-188.*

Одной из центральных категорий теории государства и права является правоотношение. Система правоотношений выступает базисом правового регулирования и возникает в процессе реализации права. Существует множество вариантов их определения, соотношения с социальными, юридическими аспектами, нормами и т.д. Правоотношение может трактоваться: либо как фактическое общественное отношение, урегулированное нормами права, отношение между людьми (или организациями людей),

в котором их связь состоит в правомочиях и юридических обязанностях (то есть в индивидуальных моделях поведения) [1, с. 89], либо как взаимодействие сторон общественного отношения [2, с. 58], либо как регулируемое общественное отношение, взятое в единстве его юридической формы и юридически значимого содержания [3, с. 23]. Разделяется также «правоотношение-модель» и «правоотношение-отношение» (по существу – реальное, фактическое поведение) [4, с. 115, 144]. Правоотношения есть социальные отношения, урегулированные нормами права, в которых участники обладают взаимными правами и обязанностями, позволяющими реализовывать свои интересы в особом порядке, охраняемом государством [5, с. 115, 144].

Базовыми признаками правовых отношений (как особого вида общественных отношений) являются такие, как урегулированность нормами права, формальная определённость поведения участников, властность, обеспеченность государственным принуждением на случай нарушения, взаимосвязь всех субъектов на основании прав и обязанностей, а также их возникновение, изменение и прекращение на основе правовых норм [6, с. 276–277].

Структура правоотношений представляет собой сложную взаимосвязь его элементов, а именно: субъектов, объектов, юридических фактов, а также включает в себя содержание в виде субъективных прав и юридических обязанностей.

Традиционно под субъектами правоотношения понимаются их участники, которые наделяются взаимными субъективными правами и обязанностями, способные своими действиями их приобретать и осуществлять [7, с. 214]. В самом общем виде принято классифицировать субъектов правоотношений на индивидуальные (физические лица) и коллективные (организации, государственные органы, государство).

Следующим важнейшим элементом системы правоотношений выступают объекты. Именно их наличие и порождает возникновение и формирование правоотношений, как следствие, отсутствие объекта права лишает смысла существование правоотношений. Изначально на базе науки гражданского права формировалась концепция объекта-блага, которая концентрируется на интересах субъектов [8, с. 284; 9, с. 8].

Существуют две основные концепции трактовки объекта правоотношений: монистическая и плюралистическая. Сторонниками первой являлись Я.М. Магазинер, Д.М. Генкин, Б.С. Никифоров, О.С. Иоффе Согласно монистической концепции, главным объектом правоотношений выступает предмет, выраженный действием субъектов [10, с. 157].

Плюралистическая же концепция является более популярной и разделяется многими учёными (М.М. Агарков, С.С.Алексеев, Л.А. Лунц, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов). Подразумевается наличие множества объектов правоотношений, многообразных настолько же, сколько и сами правоотношения [11, с. 95–96].

Несмотря на то что система правоотношений фундаментальна и выступает базисом правового регулирования, её структура также подвержена изменениям в условиях быстро развивающегося общества. Одной из тенденций такого развития является цифровизация. По нашему мнению, наиболее значимое влияние указанный процесс оказывает на субъекты и объекты правоотношений.

Вопрос цифровизации многоаспектен; в рамках данной статьи мы исследуем проблему на примере перспектив внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в систему правового регулирования и дальнейшие тенденции её адаптации под складывающиеся условия. Реалии таковы, что ИИ развивается стремительными темпами, растёт его автономность, адаптивность, что приводит к ситуации, когда имеющиеся правовые нормы не успевают за развитием системы и возникает ряд актуальных вопросов.

Новизна регулирования приводит к тому, что отсутствуют теоретическая основа и нормативные положения, что не позволяет конкретизировать модель правосубъектности ИИ. Также стоит указать, что в мире отсутствует единая позиция по данному вопросу. Так, например, в некоторых странах ИИ наделён правосубъектностью: в Японии чат-бот *Mirai* стал резидентом *Shibuya*, в 2021 г. в ЮАР был выдан патент искусственному интеллекту и, как следствие, появился соответствующий претендент [12]. В данных ситуациях наблюдается некоторая тенденция приближения правового статуса ИИ к правосубъектности физического лица, однако существуют и иные случаи.

Ярким примером таковых является ситуация, произошедшая в 2018 г. в США [13]. Беспилотный автомобиль столкнулся с велосипедистом, что привело к смерти последнего. В ходе разбирательства вопрос об ответственности менял свой характер. В том же году обвинение было предъявлено компании *UBER*, тестировавшей и внедрявшей беспилотные такси на базе искусственного интеллекта, аргументировалось это различными недостатками системы, несовершенством ее функционирования. Но в 2020 г. лицо, привлекаемое к ответственности, сменилось на водителя, ибо было установлено, что он не соблюдал требования безопасности, как следствие, были выдвинуты обвинения в причинении смерти по неосторожности. Юнит ИИ изначально не рассматривался как ответственное лицо и, более того, выступал в роли объекта правоотношений, а не субъекта. Данная ситуация демонстрирует, что, несмотря на высокие возможности искусственного интеллекта, ключевым фактором является тот факт, что у него отсутствует сознание, что перекладыва-

ет ответственность на оператора, которому «подчинён» юнит ИИ.

В каких-то странах ИИ выступает полноправным субъектом правоотношений, а в каких-то расценивается как объект. В России за ИИ признаётся свойство объекта правоотношения, так как цифровые права рассматриваются в качестве объектов гражданских прав (ст. 141 Гражданского кодекса РФ) [14].

Существует также совсем иной взгляд на ситуацию, а именно концепция электронного лица, основной идеей которой является наделение юнита ИИ правосубъектностью. При этом стоит указать, что обладать он будет не только правами, но и обязанностями, а, как следствие, при нарушении законодательства будет облагаться соответствующими санкциями. Данная концепция подразумевает разработку отдельной модели, отличающейся от уже существующих, она должна быть адаптивной, способной изменяться параллельно с развитием систем на базе ИИ, исходя из этого, по нашему мнению, данная концепция является оптимальной и самой перспективной.

Однако возникает ряд трудностей в связи с реализацией этой концепции. Первая трудность возникает при определении и присвоении статуса электронного лица системе на базе ИИ, а именно: на основе каких критериев это будет осуществляться и в какой форме. Здесь мы обратимся к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» (авторства Д.С. Гришина (*Grishin Robotics*) и международной юридической фирмы *Dentons*) предложения дополнить Часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации новой главой и, в частности, ст. 127.1 «Понятие робота-агента» [15].

В нём описывается целый алгоритм определения и присвоения статуса так называемого «Робота-агента» электронной системе. Однако проект имеет свои недостатки. Одним из таковых является то, что он не фиксирует конкретные требования к «роботу-агенту», за исключением регистрации. То есть концепция в целом не рассчитана на высокую автономность системы, и ответственность всецело несёт собственник. Но стоит отметить, что у «робота-агента» подразумевается наличие обособленного имущества, а также возможность приобретать и осуществлять гражданские права.

Разработчики проекта тем самым сторонятся наделения юнитов ИИ полноценной правосубъектностью, однако, как мы считаем, степень развития ИИ позволяет так или иначе наделить его некоторой правосубъектностью. Данная концепция будет подразумевать постепенное развитие, которое впоследствии должно привести к полной инклюзивности [16] – то есть электронное лицо должно выступать самостоятельным субъектом права, однако есть ряд нюансов [17, с. 302].

Дабы урегулировать правосубъектность юнита ИИ должным образом, потребуется поделить сферы деятельности программы на несколько групп, по признаку степени тяжести причинённого вреда/ущерба в случае ошибки программы или сбоя в её работе. Так, если юнит ИИ осуществляет свою деятельность в сфере, где ошибка влечёт за собой замедление работы и небольшие убытки для собственника, при этом не причиняя вред здоровью, жизни, не приводя к финансовым убыткам потребителя, систему можно наделить правосубъектностью. Таким образом, однократные ошибки и сбои в работе будут приводить к соответствующим санкциям. В их реестр можно включить ограничение деятельности на какой-то срок, ограничение функционала, и юнит ИИ будет обязан их выполнить. Если же ошибки в работе системы будут повторяться, то юнит ИИ будет лишён статуса субъекта и ответственность за него будет нести лицо, на которое трудился юнит ИИ, то есть обретёт статус объекта.

Другое дело, когда юнит ИИ осуществляет деятельность в сфере, где его ошибка может нести серьезный ущерб здоровью граждан, смерть или же большие финансовые потери потребителя. В данном случае юнит ИИ не может обладать правосубъектностью, а ответственность должен нести собственник, а в некоторых случаях – и производитель.

Стоит оговориться о несовершенстве данной концепции, ибо подразумевается разработка отдельного алгоритма распределения юнитов ИИ по группам, согласно их сфере деятельности, что непосредственно потянет за собой ряд трудностей. Так или иначе, это приведёт к созданию новой формы правосубъектности, отличающейся на базовом, теоретическом уровне от уже имеющейся, где ИИ в любом случае будет оказываться на стыке субъекта и объекта, т.е. иметь адаптивную своеобразную модель, в которой правосубъектность будет присваиваться в зависимости от ситуации. В таком случае юнит ИИ, вероятно, получит статус квазисубъекта.

Именно концепция квазисубъекта, по нашему мнению, будет активно внедряться в структуру правоотношений. Как говорилось ранее, наделение юнита ИИ полной правосубъектностью не представляется возможным, по крайней мере в ближайшее время [18]. Однако существовать автономно, принимать самостоятельные решения, которые не охватываются волей владельца, система способна, а вот нести ответственность в некоторых ситуациях – нет.

Таким образом, цифровизация как объективный процесс влечёт за собой вполне осязаемые изменения в структуру правоотношений, в частности, приводит к трансформации традиционных представлений об объектах и субъектах правоотношений. ИИ, как создание рук человеческих, с одной стороны,

представляет собой объект, то есть определённое благо, явившееся результатом творческого интеллектуального труда. С другой стороны, ИИ начинает наделяться определёнными самостоятельными функциями, которые в итоге требуют признания за ним хотя бы ограниченной правосубъектности, с учётом влияния на события и человеческого поведение.

При этом образуется некоторый парадокс: с одной стороны, более примитивные системы на базе ИИ, функционирующие в сферах, где не может быть причинен вред здоровью, жизни человека, могут быть наделены правосубъектностью, а с другой, более технически сложные и совершенные программы, осуществляющие деятельность в сферах, где ошибка может привести к серьёзному ущербу для потребителя, – нет. Ситуация осложняется тем, что определить границы тех самых сфер деятельности практически невозможно, ведь большинство из них пересекаются между собой. Поэтому выглядит более логичной и перспективной доработка статуса квазисубъекта и его присвоение юниту ИИ.

Как уже говорилось ранее, юнит ИИ сможет осуществлять деятельность автономно и предоставлять ряд своих услуг, которые будут защищаться законом, но при этом нести за него ответственность будет организация, на которую он работает.

Таким образом, по нашему мнению, следующим этапом изменения структуры правоотношений будет внедрение и развитие квазисубъекта в систему правового регулирования. Это будет масштабное нововведение, которое может потянуть за собой ряд последствий. В общем и целом в условиях цифровизации прослеживается тенденция «размытия границ» между субъектом и объектом права. Различные электронные программы, «боты», юниты ИИ разработчик стремится наделить большей самостоятельностью, увеличить спектр их услуг. Поэтому создание нового элемента правоотношений, такого как квазисубъект, имеет большие перспективы для дальнейшего усовершенствования системы правоотношений, повышения её способности адаптироваться под стремительно развивающийся научно-технический прогресс.

Литература:

1. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.
2. Гревцов Ю.И. Правовые отношения и осуществление права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 127 с.
3. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрлит, 1974. 351 с.
4. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юрлит, 1980. 176 с.
5. Общая теория права и государства: учеб. / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
6. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань: Спектр, 2000. 340 с.
7. Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
8. Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Госюриздат, 1960. 404 с. С. 284–308.
9. Бевзенко А.С. Объекты гражданских правоотношений: учеб. пособие. М.: ВШЭ, 2010. 72 с.
10. Тумилович И.Э. Монистическая теория объекта правоотношений // NovaInfo. 2018. № 89. С. 156–161.
11. Горлов Е.В. Эволюционные направления развития категории объекта правоотношения // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 94–101.
12. Dev.by. URL: https://www.google.ru/url?q=https://devby.io/news/uar-pervoi-v-mire-vydala-patent-iskusstvennomu-intellektu&sa=U&ved=2ahUKEwiG2bi094mLAxX7JxAIHdC0HTEQFnoECAwQAg&usg=AOvVaw22qR-C_dxIBCqDhB2Y-Ovz
13. Postnews.ru. URL:https://postnews.ru/a/23867
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
15. Гришин Д.М. Федеральный закон «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». URL: https://www.google.ru/url?q=http://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/bESvQz3Y.pdf&sa=U&ved=2ahUKEwiR7Nmx8JqLAxV6LBAIHQOfF5cQFnoECAkQAg&usg=AOvVaw3aZx2Au7-MHUrkNxA21Ybm
16. Trends.rbc.ru. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/6260fb9d9a794768ff6beb0f
17. Мохат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дисс. ... док-р юрид. наук. М., 2018. 420 с.
18. Головина А.А. Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 149–157.

Transformation of the Structure of Law Relations in the Context of Digitalization

Krasnov A.V., Alempeev G.S.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

Digitalization as an objective process is capable of not only changing the technical component of law regulation, but also influencing the emergence of new law means, as well as significantly adjusting the structure of law relations, which determines the relevance of the topic under study. The purpose of the study is the formation of scientific knowledge about possible forms of transformation of the structure of law relations in the digital era. The authors set such tasks as a general analysis of the structure of a law relationship, consideration of the factors of influence of artificial intelligence on understanding the object and subject of a law relationship, disclosure of moments of convergence of these categories. The work scientifically rethinks the problems of understanding the subject and object of a law relationship in the context of digitalization, and also gives practical recommendations in terms of amending the current legislation. Based on the use of artificial intelligence, the introduction of the category of "quasi-subject" with limited legal capacity is substantiated. Thus, the study expands the vision of traditional elements of the structure of a law relationship, formulating a new vision of the future category of subject and law capacity.

Keywords: digitalization, law relationship, artificial intelligence, structure of a law relationship, subject of a law relationship, object of a law relationship, law capacity

УДК 343.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-189-195

Проблемы прекращения судимости при отсрочке отбывания наказания осужденным, признанным больными наркоманией



Малимонова М.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Волгоградского государственного университета

Статья посвящена актуальному вопросу прекращения судимости при освобождении осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания. Зафиксировано отсутствие в тексте ч. 3 ст. 82[1] УК РФ указания на прекращение судимости как результат принятого судом решения. Основная цель – найти приемлемые с позиции действующего уголовного закона варианты прекращения судимости у осужденных, признанных больными наркоманией и освобождаемых судом от отбывания наказания или оставшейся его части в связи с выполнением условий испытания. Автором изначально поставлена задача – определить сущность и способы прекращения судимости, выявить разницу между ее погашением и снятием. Установлено, что судимость погашается в случае освобождения лица от дальнейшего отбывания наказания. Отправным моментом течения срока, погашающего судимость, в указанной ситуации признан момент вступления в силу решения суда об освобождении, если этим же решением лицо освобождено от дополнительного наказания. Доказана принципиальная невозможность погашения и снятия судимости лица, освобожденного от отбывания наказания с отсрочкой, при постановлении приговора. Применение в подобной ситуации ч. 2 ст. 86 УК РФ признано некорректным. В результате с позиции логических основ института судимости и оснований применения такой отсрочки выдвинуто предложение о дополнении УК РФ специальным предписанием о погашении судимости в случаях окончательного освобождения осужденного от отбывания наказания, когда ему предоставлялась отсрочка. Данные предложения содержат в себе элемент научной новизны и могут оказаться полезными для совершенствования законодательной регламентации и применения института судимости.

Ключевые слова: *судимость, погашение судимости, снятие судимости, освобождение от отбывания наказания, отсрочка, больные наркоманией*

Для цитирования: *Малимонова М.А. Проблемы прекращения судимости при отсрочке отбывания наказания осужденным, признанным больными наркоманией // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 189–195. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-189-195.*

В современных условиях человек, обладающий судимостью, весьма стеснен в своих правах. Пребывая в данном правовом состоянии, он не может в полной мере реализовывать те возможности либо претендовать на те блага, которые по закону доступны другим людям. А отчужденное существование судимого лица внутри общества длительное время отнюдь не способствует эффективному выполнению таких социально значимых функций, как ресоциализация осужденных, создание благоприятных ус-

ловий для всестороннего развития личности, предупреждение преступлений. При этом препятствием скорейшему избавлению лица от бремени судимости служит не только обоснованная неуверенность государства в отпадении у осужденного общественной опасности, но также и несовершенство законодательной техники института судимости. Имеющаяся на данный момент в уголовном законе правовая неопределенность относительно круга и содержания обстоятельств, влекущих прекращение судимости, из-за которой даже правоприменитель подчас не в состоянии точно определить конечный момент ее существования, а рядовой гражданин тем более, представляет серьезную проблему.

Не менее важно для адресатов уголовно-правовых предписаний иметь четкое представление также о понятии и значении самого факта прекращения судимости. На наш взгляд, именно термин «прекращение» более удачен для описания того, что происходит с судимостью на том или ином отрезке времени. Ибо «прекращение» обозначает прерывание данного правового состояния, а значит, и утрату возможности наступления в будущем всех, связанных с ним правовых последствий. При этом прекращение судимости ни в коем случае не означает нивелирование факта существования самой судимости с момента ее возникновения, а равно тех последствий, которые она успела породить. Для такой ситуации, имеющей место быть при отмене вступившего в силу приговора суда, породившего судимость, наиболее подходящим следует признать термин «аннулирование».

Из системного толкования действующего УК РФ следует вывод, что законодателем определены всего два способа прекращения судимости: погашение и снятие. Так, об этом свидетельствует предписание ч. 1 ст. 86 УК РФ: «лицо считается судимым <…> до момента погашения или снятия судимости». Эти же понятия употреблены в тексте тех положений уголовного закона, где речь идет о правовом значении прекращения судимости (ч. 6 ст. 86, ч. 4 ст. 18 и др.). Однако то, как законодатель охарактеризовал основания прекращения судимости указанными способами, невольно заставляет усомниться в адекватности суммы погашения и снятия судимости существующим вариантам ее ликвидации. Более того, если отличительным признаком погашения судимости как способа ее прекращения считать автоматический характер, ассоциируемый с наступлением определенного события (истечение специального срока) (см., напр.: [1, с. 663]), а снятия – принятие специального решения компетентным органом, то также возникают сомнения в логичности тех предписаний УК РФ, где снятием обозначены случаи, по сути, автоматического прекращения судимости как сопутствующий и неизбежный результат принятия судом решения совсем по другому вопросу, например, снятие судимости при прекращении испытания (ч. 1 ст. 74, ч. 3 и 4 ст. 82). Верно в этой связи замечание исследователей, предлагающих более широкий взгляд на признак автоматизма и настаивающих на понимании прекращения судимости как события, если таковое наступает вследствие принятия юридического решения, в котором нет специального указания на данное последствие (см., напр.: [2, с. 63–64]). О том, что основанием события как юридического факта могут быть акты-действия, порождающие «правовые последствия не в силу их направленности на юридическое событие, а в силу самого факта их совершения» [3, с. 174–175], говорил еще С.С. Алексеев. Мы поддерживаем высказанную позицию, а потому считаем, что логичнее в законе термин «снятие судимости» применять к тем ситуациям, когда ее прекращение является итогом принятия решения, специально направленного на это и отражающего данный результат.

Так или иначе, но судьба судимости при реализации вышеназванных оснований освобождения от отбывания наказания законодателем хотя бы определена – она однозначно прекращается. А вот что происходит с судимостью лица, излечившегося от наркозависимости, в случае освобождения его от отбывания наказания в соответствии с ч. 3 ст. 82^1 УК РФ – молчок. Попробуем разобраться.

Опираясь на ч. 1 ст. 82^1 УК РФ, суд вправе отсрочить отбывание наказания лицу, впервые осуждаемому к лишению свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, ч. 1 ст. 231 УК РФ, ст. 233 УК РФ, при условии, что такому лицу поставлен диагноз «наркомания» и оно добровольно изъявило желание пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию до окончания данных мероприятий, но не более чем на пять лет. Окончание испытания в подобной ситуации может быть вызвано отменой отсрочки судом при наличии факта выполнения осужденным условий отсрочки, а равно при наличии других условий, указанных в ч. 3 ст. 82^1 УК РФ (объективно подтвержденная ремиссия, продолжительность которой составляет не менее 2-х лет после завершения лечения и реабилитации). При этом суд освобождает лицо от отбывания наказания целиком либо от оставшейся его части, по сути, ликвидируя угрозу реализации оного впредь.

Для начала обозначим все «известные» в нашем «уравнении». Итак, мы имеем наказание в виде лишения свободы, которое лицу назначено, а в ситуации нарушения условий отсрочки или совершения преступлений в период отсрочки реально им отбывается. Все преступления, поименованные в ч. 1 анализируемой статьи, относятся к категории небольшой тяжести. Освобождение от отбывания наказания может быть применено как на стадии постановления приговора, так и его исполнения.

Если лицо освобождается от отбывания оставшейся части наказания, то судимость у него погашается по правилам п. «в» ч. 3 в совокупности с ч. 4 ст. 86 УК РФ, потому что определенную часть наказания оно реально отбыло. Но вот вопрос: три года будут исчисляться с момента фактического освобождения из мест лишения свободы или с момента вступления в силу соответствующего решения суда? При толковании положений ч. 4 ст. 86 УК РФ подавляющее число ученых и правоприменителей занимают позицию, согласно которой срок погашения судимости должен исчисляться с момента фактического прекращения реального отбывания наказания (см., напр.: [4, с. 131; 5; 6; и др.]). Однако, освобождаясь фактически из мест лишения свободы, лицо помещается в медицинскую организацию государственной и муниципальной системы здравоохранения для прохождения лечения, в специализированное лечебное учреждение наркологического профиля, имеющее лицензию на оказание такой помощи, для прохождения реабилитации [7; 8]. Соответственно, все это время судимость у него имеется, и она не может исчезнуть раньше, чем лицо завершит лечение и реабилитацию, а также истечет как минимум два года после объективно подтвержденной ремиссии. Все это время осужденный обязан соблюдать условия отсрочки и не совершать новых преступлений, поскольку в противном случае он может быть направлен в место для реального отбывания наказания (ч.ч. 2, 5 ст. 82^1 УК РФ). У государства просто не было бы оснований для реализации данной угрозы и применения правил о назначении наказания по совокупности приговоров, если бы судимость прекратила свое существование (т.е. была погашена) ранее, чем суд принял решение об освобождении от отбывания наказания по основанию, указанному в ч. 3 ст. 82^1 УК РФ. Да и в самом этом решении при наличии погашенной судимости за преступление вообще нет смысла, оно неактуально. Выходит, что отправным моментом течения срока погашения судимости здесь должен признаваться день вступления в силу решения суда об освобождении. «Исчисление срока погашения судимости начинается после решения суда об освобождении осужденного от отбывания наказания» [2, с. 63], – заверяет Т.Г. Понятовская относительно рассматриваемой нами ситуации.

Кстати, и Пленум Верховного Суда РФ, обеспокоившись тем, что судимость может быть погашена ранее, чем отпадет угроза реализации наказания при досрочном освобождении, указал судам признавать судимость лица, освобожденного от наказания условно-досрочно, погашенной лишь по истечении срока оставшейся не отбытой части наказания, если таковая вдруг превышает срок, установленный для погашения судимости [5]. Подобной логики, думается, стоит придерживаться и в решении интересующего нас вопроса.

Кроме того, не стоит забывать, что санкция ст. 233 УК РФ наряду с лишением свободы закрепляет дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до 3-х лет. Значит данная мера наказания может быть также применена к осужденному. А по справедливому замечанию М.Л. Прохоровой и В.В. Полтавец, «данный вид наказания в качестве дополнительного может назначаться и в том случае, когда он не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ (например, при назначении наказания за совершение преступления, указанного в ч. 1 ст. 228 и ч. 1 ст. 231 УК РФ)» [9, с. 5].

Употребленная в ч. 3 ст. 82^1 УК РФ законодателем формулировка «от отбывания оставшейся части наказания» и прямое указание в ее ч. 1 на единственно возможный при такой отсрочке вид – лишение свободы, думается, не позволяет однозначно определить судьбу дополнительного наказания. Т.Г. Понятовская, например, подчеркивает, что истечение двухлетнего срока, объективно подтверждающего наличие ремиссии, влечет в обязательном порядке окончательное освобождение осужденного от отбывания наказания [2, с. 62–63]. Действительно (и автор в этом права), освобождение в подобной ситуации является окончательным, но стопроцентную уверенность, думается, можно выразить лишь в отношении исчезновения угрозы реального отбывания лицом лишения свободы, а вот дополнительного наказания, нет. С одной стороны, по логике полное и окончательное (т.е. в целом и навсегда) освобождение от отбывания наказания охватывает собой освобождение и от дополнительного, но с другой, когда законодатель хочет подчеркнуть, что лицо освобождается от наказания в целом, он использует формулировку: «от отбывания основного и дополнительного видов наказания» (см., например, ч. 4 ст. 86 УК РФ).

Увы, не всегда законотворец верен этой логике. Например, аналогичным образом он умолчал о судьбе дополнительного наказания при позитивной отмене условного осуждения, при котором, как известно, реально не отбывается только основное наказание, но зато объявил о снятии судимости. Данное уточнение отнюдь не лишнее и, напротив, имеет принципиальное значение в ч. 3 ст. 82^1 УК РФ, ведь если в результате ее применения лицо не освобождается от отбывания дополнительного наказания, судимость за преступление может быть погашена или снята только после полного отбытия оного.

Правила о погашении и снятии судимости применимы в ситуациях, когда осужденный, признанный больным наркоманией, отправляется в место, определенное приговором суда, для реального отбывания лишения свободы ввиду отмены отсрочки по основаниям, указанным в ч.ч. 2, 4, 5 ст. 82^1 УК

РФ, либо по окончании ее срока. Последнее обстоятельство, по мнению Р.А. Сысоева, также ведет к возвращению лица в место лишения свободы для реального отбывания наказания, поскольку есть факт «обязательного исполнения ранее назначенного приговора суда, в соответствии с которым должно быть исполнено наказание в виде лишения свободы» [10, с. 140]. Так, длительность отсрочки не может быть более 5 лет, а необходимый срок для ремиссии, дающей основания суду окончательно освободить лицо от отбывания наказания, должен составлять не менее 2-х лет. Однако может получиться так, что осужденный добросовестно прошел лечение и реабилитацию за 5 лет, но срок ремиссии уже не умещается в предельный срок отсрочки. А это значит, руководствуясь буквой закона, суд должен отменить отсрочку и направить осужденного для реального отбывания наказания. И только после отбытия такового возможно применение ч.ч. 3–5 ст. 86 УК РФ для ликвидации судимости. Естественно, в этой связи встает вопрос: а справедливо ли карать человека, который добросовестно проходил курсы лечения и реабилитации, боролся с зависимостью, но по объективным причинам не уложился в установленный срок, целесообразно ли это? Сомнения в правильности такого законодательного подхода высказали Р.А. Сысоев [10, с. 141] и Э.М. Смеленко, предложив вдобавок убрать из ч. 1 ст. 82^1 УК РФ указание на максимальный срок отсрочки [11, с. 14]. Мы эти сомнения разделяем.

Заметим, что Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении, посвященном вопросам применения норм об отсрочке отбывания наказания [12], в том числе и ст. 82^1 УК РФ, не указал на последствия истечения ее предельного срока (по сути, разъяснения даны применительно к ситуациям отмены отсрочки ввиду отказа осужденного от прохождения лечения или совершения им нового преступления), что вызывает лишь сожаления, поскольку в противном случае проблема была бы устранена. Зато он подчеркнул, что 5 лет – это предельный срок отсрочки отбывания наказания для больных наркоманией, а также обязанность судов указывать в резолютивной части приговора на период прохождения лечения и медико-социальной реабилитации, при этом «конкретный срок, необходимый для проведения курса лечения больного от наркомании и его реабилитации, должен быть определен в заключении эксперта» [12].

Очевидно, что многочисленные технико-юридические недостатки ст. 82^1 УК РФ и внутренние противоречия рассматриваемого вида освобождения от отбывания наказания усложняют и без того непростой вопрос о прекращении судимости у лиц, которые были признаны больными наркоманией и при этом ни дня не отбывали назначенное им наказание, а в итоге освобождены от него полностью. Снятие судимости в ч. 3 ст. 82^1 УК РФ не указано в качестве дополнительного действия суда, как это имеет место быть в ч.ч. 3 и 4 ст. 82 УК РФ. Положения ч. 3 ст. 86 УК РФ здесь не применимы, равно как и ч. 5 ст. 86 УК РФ, поскольку для снятия также необходимо отбыть наказание. Отбытие лицом наказания, судя по тексту ч. 2 ст. 84 и ч. 2 ст. 85 УК РФ («с лиц (а), отбывших (его) наказание»), является непременным условием снятия судимости актами амнистии и помилования. Отметим, однако, что в действительности для снятия судимости необязательно полное отбытие осужденным наказания, ведь оно осуществимо в отношении ранее окончательно освобожденного от дальнейшего отбывания наказания лица в силу, например, того же акта амнистии или помилования, но снятие в принципе не может быть осуществлено до начала течения срока, погашающего судимость. Именно поэтому данный способ прекращения судимости называется досрочным.

Увы, но готового решения действующий уголовный закон не дает, а применение УК РФ по аналогии недопустимо. В связи с этим трудно согласиться с выводами А.В. Звонова и С.В. Расторопова, что якобы в данном случае судимость снимается, оттого, что сроки погашения на данную категорию лиц не распространяются [13, с. 288]. Е.В. Кобзева говорит же об автоматическом аннулировании судимости и ссылается при этом на ч. 2 ст. 86 УК РФ [14]. Действительно, единственным возможным вариантом решения рассматриваемого вопроса, к которому может прибегнуть правоприменитель, это применение ч. 2 ст. 86 УК РФ, объявляющей несудимым лицо, освобожденное от наказания. Однако истинный смысл предписания ч. 2 ст. 86 УК РФ заключается не в закреплении специфичного способа или основания прекращения судимости, а, напротив, в акцентировании внимания на тех случаях, которые служат препятствием для возникновения данного правового состояния. Термин «освобождение от наказания», задействованный здесь, «призван охватить собою все случаи полного и окончательного избавления от наказания лица, признанного виновным в совершении преступления, когда такое избавление осуществляется тем же приговором (первоначальным или измененным), что и официальное осуждение за совершенное преступление» [15, с. 91]. По большому счету в таком ключе толкует положение ч. 2 ст. 86 УК РФ и Пленум Верховного Суда РФ [5].

Таким образом, в уголовном законе в части рассматриваемого вопроса имеется серьезный пробел, который необходимо устранить. Причем существование этого пробела настолько критично, что его нельзя восполнить актами судебного толкования, что, собственно, и объясняет почему в специальном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 г. № 47 актуальные вопросы относительно судьбы дополнительного наказания и

судимости в случае позитивной отмены отсрочки отбывания наказания больному наркоманией не разрешены. В противном случае при сложившихся обстоятельствах это означало бы вторжение судебной власти в сферу законодательной. Разумеется, для большего положительного эффекта ревизии требуют и правоустановления самой ст. 82[1] УК РФ (как минимум в части указания на возможность освобождения от дополнительного вида наказания), на что, собственно, не раз уже указывали члены научного сообщества [10; 16, с. 142; и др.], однако это уже за рамками темы нашей публикации. На данном этапе предложим в качестве возможного варианта устранения выявленного пробела дополнение УК РФ соответствующими предписаниями, относящимися к институту судимости.

Для начала напомним, что логической основой для института судимости и субинститута ее прекращения выступают предположения или суть вероятностные суждения о наличии у лица, совершившего преступление и наказанного за это от имени государства, свойства общественной опасности, а также о факте уменьшения степени такой опасности вплоть до полной ее утраты лицом по прошествии того или иного периода времени. По мысли законодателя, видимо, у лиц, к которым была применена отсрочка отбывания наказания по ст. 82[1] УК РФ, степень общественной опасности изначально небольшая или, как отмечает И.А. Ефремова, «ниже типового уровня» [17, с. 321], ведь в основу самого существования этой статьи УК РФ и ее содержания легло убеждение правотворца в нецелесообразности и даже негуманности применения реального наказания к лицам, больным наркоманией и искренне желающим от нее излечиться. Косвенным доказательством небольшой степени общественной опасности данной категории осужденных служат указанные в ч. 1 ст. 82[1] УК РФ составы преступлений, принадлежащие, как уже отмечалось ранее, к категории небольшой тяжести. По выводам специалистов и мотивация таких преступников выводит их на пониженный уровень общественной опасности, ведь указанные преступления совершаются зачастую наркоманами от безысходности с целью добыть и употребить наркотик «для приведения себя в “рабочее” состояние» [17, с. 321]. На практике основанием для применения отсрочки, в соответствии с ч. 1 ст. 82[1] УК РФ, является уверенность суда в том, что «лицо не будет угрожать безопасности человека при условии установления контроля за его уголовно-правовым поведением» [17, с. 329].

Основанием для окончательного освобождения от отбывания наказания осужденного, которому была предоставлена подобная отсрочка, служит убеждение суда в отсутствии необходимой степени общественной опасности лица. Ведь уровень таковой с самого начала был небольшим, осужденный изначально проявил сознательность и стремление к исправлению, поскольку согласился на прохождение лечения, осознавая при этом, что срок отсрочки в сравнении с назначаемым (причем отнюдь не всегда, а если да, то чаще условно) лишением свободы за указанные в ч. 1 ст. 82[1] УК РФ преступления гораздо больше. Также все это время лицо добросовестно выполняло условия отсрочки, находясь под пристальным вниманием уголовно-исполнительной инспекции, и в итоге сумело доказать свое позитивное отношение к правопорядку, что в итоге делает его, по мнению суда, принимающего соответствующее решение, безопасным для общества. Такой вывод также следует из рекомендации Пленума Верховного Суда РФ об учете судами при принятии решения об отмене отсрочки, согласно ч. 3 ст. 82[1] УК РФ, в том числе характеристики осужденного с места учебы и (или) работы, а также от уполномоченного участкового об образе его жизни и поведении [12].

Судимость, имея теснейшую связь с наказанием и его потенциальной и действительной реализацией, при окончательном освобождении лица от отбывания наказания либо дальнейшего отбывания по указанным соображениям, следовательно, также становится нецелесообразной. Если лицо утратило ту степень общественной опасности, которая обусловливала его пребывание в данном правовом состоянии, сохранение со стороны государства особого контроля и возможности воплощения в жизнь неблагоприятных последствий судимости, то в существовании самой судимости уже нет смысла, и с позиции логики она оказывается лишенной своего основания.

Конечно, проще было бы, как говорится, «отделаться малой кровью», т.е. дополнить конец законоположения ч. 3 ст. 82[1] УК РФ фразой «со снятием судимости» подобно тому, как это воплощено в ч.ч. 3 и 4 ст. 82 УК РФ, но это лишь обострит имеющееся противоречие между снятием и погашением судимости как способами ее прекращения (о чем мы уже говорили в начале данной работы) и не устранит других проблем. Так, из наших рассуждений следует вывод, что принятие судом решения об освобождении лица от отбывания наказания (впрочем, как и дальнейшего отбывания) в результате применения ч. 3 ст. 82[1] УК РФ должно служить основанием для погашения судимости. И раз мы говорим о погашении – автоматическом прекращении судимости, наступающем независимо от воли уполномоченного субъекта, то логичнее в предписании о погашении судимости при таком окончательном освобождении от отбывания наказания или оставшейся его части использовать, например, формулировку следующего типа: «Судимость погашается: <…> в отношении лиц, освобожденных от отбывания наказания или его оставшейся части по основанию, предусмотрен-

ному в части третьей ст. 82[1] настоящего Кодекса, – со дня вступления в силу решения суда об освобождении осужденного от отбывания наказания».

При этом следует заметить, что это же предписание можно дополнить указанием на случаи освобождения от отбывания наказания либо оставшейся его части, предусмотренные в ч.ч. 3 и 4 ст. 82 УК РФ, поскольку, как мы отмечали еще в самом начале, по сути, они также являются основаниями погашения судимости. Тогда за счет исключения из текста ч.ч. 3 и 4 ст. 82 УК РФ слов «со снятием судимости» и дополнения уголовного закона новым предписанием о погашении судимости, охватывающем разнообразные случаи освобождения от отбывания наказания не по приговору суда, в том числе при отсрочке исполнения приговора либо отбывания наказания, а равно случаи прекращения судимости вне связи с истечением специальных сроков, можно получить соответствующие логике, всем правилам и целям законодательной техники содержание и форму выражения правотворческой мысли.

Литература:

1. Уголовное право. Общая часть: учеб. / Отв. ред. И.Я. Козаченко. М.: Норма, 2008. 720 с.
2. Понятовская Т.Г. Порядок исчисления срока погашения судимости – неясность законодательной позиции // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 57–64.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс в двух томах. М.: Юрид. лит. Т. 2, 1982. 359 с.
4. Черненко Т.Г. Некоторые проблемные вопросы исчисления сроков судимости // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 126–135.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» // СПС Консультант Плюс.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 августа 2018 г. № 46-УД18-37. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28082018-n-46-ud18-37/ (дата обращения: 28.01.2025).
7. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 29.12.2022) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 28.01.2025).
8. Приказ Министерства юстиции РФ и Министерства здравоохранения РФ от 07.07.2015 г. № 169/425н «Об утверждении Порядка осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 28.01.2025).
9. Прохорова М.Л., Полтавец В.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Наркоконтроль. 2018. № 3. С. 3–7.
10. Сысоев Р.А. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: теоретический и прикладной аспекты: дисс. … канд. юрид. наук. Владимир, 2015. 207 с.
11. Смеленко Э.М. Пробелы законодательной регламентации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ) и пути их преодоления // Российский следователь. 2012. № 21. С. 13–15.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 г. № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 28.01.2025).
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев. М.: Проспект, 2018. 1376 с.
14. Кобзева Е.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Законность. 2012. № 6 // СПС Гарант (дата обращения: 26.01.2025).
15. Малимонова М.А. Понятие судимости: подходы к определению, поиск оптимальной дефиниции и попытка ее построения // Вестник экономики, права и социологи. 2021. № 4. С. 88–93.
16. Бурлаков В.Н., Матвеева Я.М. Новые нормы об альтернативах уголовной ответственности и наказанию в уголовном праве России в отношении экономических преступников и больных наркоманией // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 132–145.
17. Ефремова И.А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике: дисс. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 504 с.

Problems of Terminating a Criminal Record at Deferment of Serving Sentence for Convicted Persons Recognized as Drug Addicts

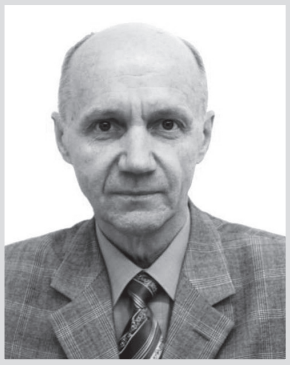
Malimonova M.A.
Volgograd State University

The article is devoted to the topical issue of termination of a criminal record upon release of a convicted person recognized as a drug addict from serving a sentence. The absence in the text of Part 3 of Article 82[1] of the Criminal Code of the Russian Federation of any indication of termination of a criminal record as a result of a court decision is recorded. The main objective is to find options acceptable from the standpoint of the current criminal law for termination of a criminal record of convicted persons recognized as drug addicts and released by the court from serving a sentence or the remaining part of it in connection with the fulfillment of probation conditions. The author initially set the task of defining the essence and methods of termination of a criminal record, identifying the difference between its expungement and removal. It is established that a criminal record is expunged in the event of release of a person from further serving a sentence. The starting point of the period expunging a criminal record in this situation is recognized as the moment the court decision on release comes into force, if the same decision exempts the person from additional punishment. The fundamental impossibility of expunging and removing a criminal record of a person released from serving a sentence with a deferment is proven when passing a sentence. The application of Part 2 of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in such a situation is considered incorrect. As a result, from the standpoint of the logical foundations of the institution of criminal record and the grounds for applying such a deferment, a proposal has been put forward to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with a special regulation on the expungement of a criminal record in cases of the final release of a convicted person from serving a sentence when he was granted a deferment. These proposals contain an element of scientific novelty and may prove useful for improving the legislative regulation and application of the institution of criminal record.

Keywords: criminal record, repayment of a criminal record, removal of a criminal record, release from serving a sentence, deferment, drug addicts

УДК 342
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-196-200

О политико-правовом содержании конституционного понятия «народ»



Малый А.Ф.
Доктор юридических наук, профессор
кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета



Качалов П.Н.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Средне-Волжского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции (Саранск)



Нигметзянов А.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Содержание конституционно-правовых, категорий, понятий является предметом пристального внимания ученых, поскольку они лежат в основе построения системы законодательного регулирования общественных отношений. Цель работы – исследовать некоторые подходы к пониманию одной из важнейших правовых категорий «народ». Использование таких методов, как формально-логический и сравнительно-правовой, позволили выделить некоторые особенности правового содержания рассматриваемого термина. Сопоставление понятий «граждане» и «народ» дало основание сделать вывод о том, что под категорией «народ» следует понимать не только граждан государства, но и всех лиц, постоянно проживающих на территории России и вносящих свой вклад в социально-экономическое развитие государства.

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации, законодательство, народ, граждане, иностранцы, общественные отношения*

Для цитирования: *Малый А.Ф., Качалов П.Н., Нигметзянов А.А. О политико-правовом содержании конституционного понятия «народ» // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 196–200. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-196-200.*

Закрепленный в Конституции РФ основополагающий принцип принадлежности власти народу определяет суть демократического государства. Его содержание многоаспектно и побуждает исследователей вновь и вновь обращаться к трактовке различных отражений этого принципа как в теории, так и

в практике его реализации в действующем законодательстве [1–3]. Объяснимо в этом контексте внимание к выявлению правового содержания понятий и терминов, используемых при формировании нормотворческой и правоприменительной практики.

Понятие «народ» использовано в тексте Конституции РФ как термин для обозначения населения государства, но при этом оно «встроено» в различные лингвистические конструкции с неодинаковым содержательным наполнением [4]. В преамбуле, ч. 1 ст. 2 и других статьях Конституции РФ используется словосочетание «многонациональный народ», в ч. 3 ст. 3 говорится о «власти народа», в ряде статей содержатся положения о правах народов в контексте государственных гарантий обеспечения их коллективных прав (сохранение родного языка, культурной самобытности, этнической идентичности). Все эти конституционные положения имеют различное смысловое наполнение, что не позволяет дать единого определения понятию «народ».

Термин «народ» не является исключительно юридическим, в словарях он определяется как «все население определенной страны» [5, с. 395; 6, с. 783]. В специальных юридических словарях дается такое же понимание этого слова [7, с. 395], но содержится и более развернутая его трактовка, исходя из контекста использования в правовых актах. Большой юридический словарь дает следующее понимание термина «народ» – «это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая общность людей, отличающаяся от других общностей единым языком, относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также общим самосознанием своего единства и фиксированным самоназванием» [7, с. 395]. Это общее определение вряд ли может быть принято для раскрытия правового содержания термина «народ» и используемых вместе с ним лингвистических конструкций, которые можно обнаружить в Конституции РФ. В многонациональном государстве, каковым является Россия с ее разнообразием культур, языков, традиций, можно говорить о народе как об устойчивой общности людей, проживающих в границах государства. Но и эта характеристика будет неполной, особенно если мы попытаемся выявить юридическое содержание терминологических конструкций с использованием слова «народ».

В одном из комментариев к Конституции Российской Федерации находим следующее понимание рассматриваемого термина: «С юридической точки зрения понятие "народ" отождествляется с понятием "граждане" и определяется как принадлежность данной, ассоциированной в рамках единого государства, совокупности людей к соответствующему государству» [8, с. 74]. Сложно согласиться с таким отождествлением, поскольку на территории страны одновременно проживают не только граждане России, но и иностранцы. Они обладают широким кругом прав и обязанностей в социально-экономической сфере [9], пользуются покровительством государства, на них в равной мере с гражданами распространяется большая часть законодательства РФ. Иностранцы участвуют в экономической жизни государства, платят налоги, участвуют в культурной жизни наряду с гражданами. В случае если иностранному гражданину понадобится защита, то государство обязано обеспечить ее. Например, в период обеспечения чрезвычайного режима на территории России, оказание помощи в период пандемии и т.д. Такая обязанность государства закреплена в ч. 3 ст. 63 Конституции РФ, где прямо указывается, что «иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации» [4]. Отсюда можно сделать вывод, что они являются частью многонационального народа России и это позволяет причислять их к категории «народ» при использовании этого термина в законодательной и правоприменительной практике.

Вопрос о соотношении понятий «народ» и «гражданин» может быть рассмотрен в контексте конституционного закрепления прав и свобод, а также отражения их в текущем законодательстве. Такой подход помогает подвести понятийную основу под использование законодателем термина «народ», поскольку совокупность граждан и образует народ, а иностранцы как часть народа могут быть рассмотрены в контексте юридического понимания этого термина. Аргументы в защиту иных взглядов на эту проблему могут быть следующие: иностранные граждане, лица без гражданства не участвуют в выборах органов государственной власти, они не могут влиять на процесс принятия политических решений. Следовательно, их политическая роль в развитии страны близка к нулю, а это один из определяющих признаков народа как источника власти.

Аргументы в защиту той или иной позиции может дать анализ конституционных норм и детализирующих норм текущего законодательства. Конституция РФ разделяет лиц, постоянно проживающих в России или находящихся временно на ее территории, на граждан и неграждан. Такое разделение проводится посредством использования терминов «каждый» и «граждане» при закреплении в гл. 2 прав и свобод человека и гражданина. На неграждан распространяются конституционные права и свободы за исключением политических прав, которыми пользуются только граждане государства. Хотя, например, реализация такого конституционного права (относимого к политическим), как право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ), возможна и иностранным гражданином [10]. Иностранец может обращаться в органы МВД по

различным вопросам, связанным с легальным пребыванием на территории страны. Постоянно проживающий в России иностранный гражданин и лицо без гражданства не может не обращаться в органы местного самоуправления в силу необходимости решения многих вопросов организации своей жизни на территории муниципального образования. Федеральный законодатель в специальном Федеральном законе от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» закрепляет право иностранцев на обращение в уполномоченные органы с заявлением. Возможно и обжалование решений уполномоченного органа в сфере миграции в соответствующий федеральный орган [11].

Конституция РФ закрепляет право граждан Российской Федерации участвовать в выборах органов публичной власти и не предусматривает участие иностранных граждан в формировании представительных органов власти, хотя и не содержит прямого запрета. Отсутствие запрета позволяет федеральному законодателю закрепить такое участие на уровне муниципальных образований при выполнении некоторых условий: постоянное проживание на территории муниципального образования; наличие международного договора с иностранным государством о взаимном предоставлении права участия в выборах органов публичной власти; закрепление такого права федеральным законом [12].

Обратим внимание на один важный момент: Конституция РФ использует понятие «народ» для обозначения не только всего многонационального народа в целом, но и для выделения таких общностей, как коренной малочисленный народ (ч. 1 ст. 69) [13]. Опять же выявление содержания этого правового конструкта не может ограничиться констатацией факта существования определенного количества в России коренных малочисленных народов, а должно содержать характеристики, позволяющие выделить эти народы из числа многонационального народа России. Конституционная формулировка о защите культурной самобытности народов России (ч. 2 ст. 69) предполагает проживание на своей исторической родине различных этносов, имеющих свои культурные, языковые особенности. Все они объединены общим понятием «народ России», все народы участвуют в формировании публичных органов, являются источником власти [14].

Значительную роль в использовании терминологии играют международные акты, которые, в свою очередь, привержены сложившимся традициям в применении понятий. Термин «народ» является краеугольным в теории народного суверенитета, который базируется на классическом его понимании в духе Ж. Руссо («Вся государственная власть исходит от народа») и отражается в текстах писаных конституций и в научной традиции. Широко представлено данное понятие в международном праве, где использование именно термина «народ», а не, например, «совокупность граждан» представляется более оправданным. Принадлежность международных прав в отношении определенных групп лиц не привязывается к наличию гражданства какого-либо государства. Так, например, использующийся в международном праве термин «народ, борющийся за свое освобождение» применяется в отношении народов, реализующих право на самоопределение и ведущих борьбу (в том числе и вооруженную) за отделение от государства и образование нового. Таким образом, для признания такого народа субъектом права необходимо только, чтобы данный народ вел борьбу за отделение государства, и, естественно, речи о гражданстве здесь быть не может. Предполагается, что в иных случаях народ не выступает субъектом международного права.

Принципы равноправия и самоопределения народов закреплены в Уставе ООН [15], а право народов на самоопределение – в международных пактах о гражданских и политических правах (1966 г.) [16] и об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) [17]. Ст. 1 данных Пактов содержат идентичные тексты: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие».

Самоопределение народа может осуществляться двумя путями. Либо оставаясь в составе государства, либо отделяясь от него. «Представляется очевидным, что если данный народ, проживающий на территории определенного государства, желает демократически самоопределиться, оставаясь в составе этого государства и избирая для этого тот или иной вид автономии, самоуправления и т.п., проблема может и должна решаться демократически, мирно и правомерно» [18, с. 13–14]. Использование в этом контексте термина «народ» оправдано и даже единственно возможно. При этом не ставится вопрос об участии или неучастии в процессе самоопределения лиц, не имеющих гражданства государства, где инициируются эти процессы, имеющие политический характер.

Следует отметить, что Конституция РФ допускает совпадение правовых статусов «граждан» и «неграждан» при закреплении основных прав и свобод. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 30 Конституции РФ, каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется

Иностранные граждане пользуются этим конституционным правом наравне с гражданами России, любая ассоциация с участием неграждан может формировать взгляды и воззрения, распространять

их, руководствуясь правом на идеологическое многообразие (ст. 13 Конституции РФ). Ч. 4 ст. 13 закрепляет принцип равенства общественных объединений перед законом, что подчеркивает «включенность» общественных объединений в общественную жизнь страны. Все общественные организации являются институтами гражданского общества, поскольку являются субъектами права без каких-либо изъятий (ограничения распространяются на все субъекты права – общественные организации в одинаковой мере).

Развитая система общественных объединений с участим иностранцев, постоянно проживающих на территории России, способствует вовлечению их в процесс культурной коммуникации, приобщения к традициям и ценностям народов России.

Конституционное право каждого на объединение включает в себя право создавать на добровольной основе общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей; право вступать в существующие общественные объединения либо воздержаться от вступления в них, а также право беспрепятственно выходить из них. Это – суть и содержание права на свободу объединения или, как принято формулировать в международных документах и зарубежных конституциях, права на свободу ассоциации с другими. Оно может осуществляться при достижении 18 лет, а применительно к профсоюзам, молодежным общественным объединениям – с 14, детским – с 10 лет.

Данное право, согласно ч. 1 ст. 20 Конституции РФ, принадлежит в Российской Федерации каждому, следовательно, не только российским гражданам. Ст. 19 Федерального закона Российской Федерации от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [19] определяет, что иностранные граждане и лица без гражданства наравне с гражданами России могут быть учредителями, членами и участниками общественных объединений, за исключением случаев, установленных федеральными законами и международными договорами Российской Федерации.

Хотя Конституция и российское законодательство содержат ограничения для иностранных граждан в публично-правовой сфере (участие в политической деятельности, занятие государственных должностей, должностей государственной службы), иностранцы широко включены в социально-экономическую деятельность, на них распространяются гарантии государства в области обеспечения безопасности, государство берет на себя защиту их конституционных прав и свобод. Поэтому понимание термина «народ» в широком смысле как совокупности людей, участвующих в создании экономического благополучия страны и защите государства (иностранцы могут быть военнослужащими), в политическом смысле позволяет относить к данной категории и иностранных граждан. Там, где следует подчеркнуть установление особых правовых отношений с участием только граждан государства, законодатель использует понятие «гражданин».

Юридическое содержание понятия «народ» определяется формулировкой (конституционной конструкцией) и в каждом конкретном случае может иметь свое правовое содержание.

Литература:

1. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.
2. Емельянов М.В. Тектоника власти. М.: Изд-во «Весь мир», 2019. 256 с.
3. Коврякова Е.В. Народное представительство. Вчера, сегодня, завтра: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 271с.
4. Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. // СПС Гарант.
5. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
6. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 1456 с.
7. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1997. VI, 790 с.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 1008 с.
9. Экономическое право: учеб. / Под науч. ред. Н.С. Бондаря. М.: Проспект, 2021. 408 с.
10. Адамова Э.Р. О политическом характере конституционного права на обращение // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Сб. трудов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Саранск, 2023. С. 3–5.
11. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

12. Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024, с изм. 13.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
13. Правовое положение коренных народов в России и зарубежных странах: монография. М.: Проспект, 2021. 360 с. DOI: 10.31085/9785392337682-2021-360.
14. Малый А.Ф., Нигметзянов А.А., Никитенко И.Г. Народовластие – фундамент демократического государства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3(65). С. 21–31. DOI 10.33184/pravgos-2021.3.2.
15. Устав ООН // СПС «Консультант-Плюс: Международные правовые акты».
16. Международный пакт о гражданских и политических правах // СПС «Консультант-Плюс: Международные правовые акты».
17. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // СПС «Консультант-Плюс: Международные правовые акты».
18. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Изд-во «Юрайт-М», 2002. 959 с.
19. Федеральный закон Российской Федерации от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 08.08.2024 г.) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

On the Political and Legal Content of the Constitutional Concept of «People»

Malyi A.F.
Kazan (Volga Region) Federal University
Kachalov P.N.
Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
Nigmetzyanov A.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The content of constitutional and legal categories and concepts is the subject of close attention of scientists, since they underlie the construction of a system of legislative regulation of public relations. The article discusses some approaches to understanding one of the most important legal categories of "people". The use of such methods as formal-logical and comparative-legal allowed us to identify some features of the legal content of the term in question. A comparison of the concepts of "citizens" and "people" gave reason to conclude that the category of "people" should be understood not only as citizens of the state, but also all persons permanently residing in Russia and contributing to the socio-economic development of the state.

Keywords: Constitution, legislation, people, citizens, foreigners, public relations

УДК 341
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-201-206

О классификации международно-правовых обязательств в сфере международной охраны окружающей среды



Марталер В.С.
Аспирант кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В условиях перманентно усиливающихся темпов межгосударственного общения возрастает необходимость понимания характера содержания международно-правовых норм в целях обеспечения их исполнения, а значит, существующего международного правопорядка. На данный момент теория и практика расходятся во мнениях относительно вопроса определения международно-правовых обязательств и оснований для их классификации. Целью данного исследования является выявление и анализ основных подходов к классификации международно-правовых обязательств применительно к сфере международной охраны окружающей среды. Проведенное исследование позволяет выявить специфические черты международно-правовых обязательств в международном экологическом праве, пробелы некоторых теоретических конструкций и возможные пути их устранения. Работа подтверждает значимость теоретической разработки вопросов типологизации международно-правовых обязательств, а также взаимосвязь с институтом международной ответственности. Результаты данного исследования могут быть полезны в исследовательских, образовательных и практических целях.

Ключевые слова: *международно-правовое обязательство, индивидуальные и коллективные обязательства, erga omnes, erga omnes partes, императивная норма, международно-правовая ответственность, международная охрана окружающей среды*

Для цитирования: *Марталер В.С. О классификации международно-правовых обязательств в сфере международной охраны окружающей среды // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 201–206. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-201-206.*

Международно-правовое обязательство представляет собой урегулированное нормой международного права отношение между участниками межгосударственного общения, в силу которого одна из его сторон обязуется либо совершить в пользу другой стороны определенные действия, либо воздержаться от совершения тех или иных действий, а другая сторона имеет право требовать от первой исполнения данной обязанности [1, с. 38].

Можно заметить, что дефиниция международно-правового обязательства во многом совпадает с гражданско-правовым подходом. По всей вероятности, именно поэтому постановка вопроса о классификации международно-правовых обязательств непосредственным образом связана с трудами специального докладчика Комиссии международного права ООН Дж. Фицмориса.

В процессе создания «Венской конвенции о праве международных договоров» 1969 г. Дж. Фицморисом была предложена к рассмотрению типология международно-правовых обязательств, согласно которой все обязательства в международном праве в зависимости от степени взаимности прав и обязанностей сторон международных соглашений можно

разделить на взаимные, взаимозависимые и интегральные (или целостные) обязательства [2, с. 36]. В области охраны окружающей среды можно найти разные примеры международных обязательств каждого типа.

Так, к нормам, содержащим взаимные обязательства государств, можно отнести, в частности: ст. 5 «Соглашения о сотрудничестве в области изучения, разведки и использования минерально-сырьевых ресурсов» 1997 г.; ст. 7 «Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния» 1979 г.; ст.ст. 1 и 3 «Соглашения о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей и природной среды между странами СНГ» 1992 г.

Будучи многосторонними, данные международные соглашения становятся основой для заключения большого количества партикулярных договоров.

Примеры обязательств взаимозависимого типа можно обнаружить в таких международных соглашениях, как: «Рамочная конвенция ООН об изменении климата» 1992 г.; «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой» 1963 г.; «Конвенция о контроле за трансграничным перемещением опасных отходов и их использованием» 1989 г.

Однако существует также точка зрения, согласно которой в международном экологическом праве отсутствуют примеры договоров, содержащих взаимозависимые обязательства, поскольку обязательства по защите окружающей среды не носят синаллагматического характера и способствуют внегосударственным интересам [3, с. 1137]. Иначе говоря, государства устанавливают правила охраны окружающей среды и природопользования не потому, что аналогичные правила обязались выполнять другие государства, а в силу специфики охраняемого объекта.

Ввиду незавершенности процесса формирования международного экологического права как самостоятельной отрасли, не так часто можно встретить природоохранные соглашения, содержащие интегральные (целостные) обязательства. Однако такие соглашения существуют. В качестве примеров договоров, устанавливающих самостоятельные правовые природоохранные режимы, можно выделить: «Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» 1977 г.; «Конвенцию Организации Объединенных Наций по морскому праву» 1992 г.; систему договоров об Антарктике, устанавливающую природоохранные принципы охраны окружающей среды Антарктики и связанных с ней экосистем.

Установление объема и характера обязательств в международном праве напрямую связано с таким общесистемным институтом международного права, как ответственность. Именно поэтому идея взаимности Дж. Фицмориса не только красной нитью прошла сквозь положения «Венской конвенции о праве международных договор» 1969 г., но также получила свое дальнейшее развитие в ходе разработок Комиссией международного права Проекта статей о международной ответственности государств 2001 г. (далее – Проект статей об ответственности). От характера нарушенного обязательства, в частности, зависит решение проблемы субъектного состава отношений по призванию к ответственности государства-нарушителя [4, с. 120].

Ст. 42 (а) Проекта статей об ответственности определяет последствия нарушения двусторонних обязательств. В данном случае последствия сходны с теми, что наступают в случае нарушения взаимных обязательств, а именно: призвать к ответственности может лишь государство, находящееся с нарушителем в отношениях двустороннего характера.

Существует мнение, что в международном праве преобладающее большинство занимают двусторонние обязательства [3, с. 1133]. Подкрепление данной позиции можно найти, в частности, в Проекте статей об ответственности 1996 г., согласно положениям которого существует презумпция двустороннего характера обязательств государств [5, с. 272]. Кроме того, двусторонние обязательства могут быть облечены как в форму двусторонних договоров, так и в форму двустороннего обычая и одностороннего обещания, адресованного одному государству [6, с. 4]. Некоторые многосторонние соглашения также могут содержать двусторонние обязательства.

Вместе с тем в сравнении с двусторонними – коллективные обязательства представляют больший интерес для исследования. Главной особенностью таких обязательств выступает их цель – «защита общего интереса, выходящего за рамки любых индивидуальных интересов соответствующих государств» [5]. Традиционно в теории международного права в качестве примера коллективных обязательств приводятся обязательства *erga omnes*. Однако существуют также коллективные обязательства *erga omnes partes* [6, с. 398].

Характеризуя обязательства erga omnes, Международный суд ООН в решении по делу «*The Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain*)» подчеркнул их обязательность для всех государств международного сообщества без исключения, а также отметил наличие правового интереса в защите соблюдения данных обязательств у каждого государства [7].

К квалифицирующим признакам обязательств *erga omnes*, по мнению некоторых авторов, относятся, во-первых, их источник, которым является исключительно нормы международного обычного права, а во-вторых, наличие в отношении данных обязательств общего правового интереса у каждого государства [8].

Не можем не согласиться с данной точкой зрения, однако считаем необходимым учитывать и такой важный квалифицирующий признак – источником обязательств *erga omnes* являются не только обычно-правовые нормы, но и императивные нормы общего международного права *jus cogens*. Кроме того, особенность обязательств *erga omnes* заключается не просто в наличии общего правового интереса у каждого государства. Данный правовой интерес состоит в установлении общего публичного порядка для всего международного сообщества, а также в наделении любого государства правом призвать к ответственности нарушителя такого обязательства. Особенно важно сделать акцент на носителе данного правового интереса – «международное сообщество в целом» [3, с. 1137].

В современном международном праве не существует какого-либо перечня обязательств *erga omnes*. Данные обязательства выявляются в практике международных судебных учреждений, в первую очередь Международного суда ООН. Например, в качестве обязательств в отношении международного сообщества в целом были признаны запрет актов агрессии и геноцида, апартеида, рабства и расовой дискриминации; право народов на самоопределение.

Несмотря на отсутствие признания международным сообществом когентного характера международной охраны окружающей среды, Международным судом ООН в деле Габчиково – Надьмарош была признана важность ее охраны по смыслу ст. 64 «Венской конвенции о праве международных договоров» 1969 г. В подтверждение формирующегося обязательства *erga omnes* по охране окружающей среды часть исследователей ссылаются на наличие широкого спектра государственной практики и *opinio juris*, нашедшего свое оформление в таких актах, как «Стокгольмская декларация об окружающей человека среде» 1972 г. В данной декларации провозглашается обязанность всех государств не причинять вреда окружающей среде другого государства или общему достоянию в качестве общего принципа международного права. В дальнейшем это обязательство получило развитие во «Всемирной хартии природы» 1982 г., а также «Декларации Рио-де-Жанейро», «Парижской конвенции» и «Рамочной конвенции ООН об изменении климата» [9].

По мнению А.М. Солнцева, к обязательствам *erga omnes* в сфере охраны окружающей среды в настоящее время можно отнести норму ст. 192 «Конвенции ООН по морскому праву» 1982 г., предусматривающую обязанность государств защищать и сохранять морскую среду, а также запрет ядерных испытаний и предотвращение экоцида [10, с. 40].

Дополнительный вес в пользу когентного характера международной охраны окружающей среды привносит профессор В.А. Василенко. По его мнению, к международным преступлениям относятся нарушения государствами норм, направленных на защиту окружающей среды [11, с. 211].

Однако не все исследователи настроены столь оптимистично. Наоборот, подчеркивается осторожный подход Международного суда ООН в наделении не потерпевших государств судебной правоспособностью [12; 13], а сами природоохранные обязательства зачастую квалифицируются как обязательства *erga omnes partes*, поскольку, в частности, концепция общей обеспокоенности или заботы (*common concern*) не подразумевает строгих правил и конкретных обязательств, а устанавливает лишь единую коллективную готовность государств действовать совместно на пути решения экологических проблем [14].

На наш взгляд, истина находится где-то посередине. Несмотря на наличие отдельных проблем обязательств *erga omnes*, под влиянием потребности обеспечить эффективную реализацию общих интересов международного сообщества в целом в международном праве перманентно зарождается и активно развивается ряд принципов и концепций, предполагающих совместную ответственность государств. Не исключено, что со временем нормы *jus cogens* появятся и в сфере международной охраны окружающей среды. Одновременно стоит помнить слова А.С. Исполинова: «Тенденция видеть императивные нормы везде, где только можно, и игнорировать при этом мнение международного сообщества ставит под угрозу существование самой доктрины *jus cogens*» [15, с. 12].

Переходя к обязательствам *erga omnes partes*, нельзя не отметить, что они, в отличие от обязательств *erga omnes*, имеют исключительно конвенционную природу. Причем стороны при заключении таких конвенций преследуют цель не столько создать взаимные права и обязанности для достижения своих индивидуальных национальных интересов, сколько защитить надгосударственные (*extra-state*) интересы, установить и сохранить общий публичный порядок, позволяющий достичь максимального уровня правовой определенности регулируемых соглашением отношений [3, с. 1135].

При рассмотрении обязательств *erga omnes partes* как нельзя громко звучат отголоски типологии, представленной Дж. Фицморисом. Полагаем возможным говорить, наряду со сходством между взаимными и двусторонними обязательствами, о тождественности по своему характеру и содержанию интегральных (целостных) и коллективных обязательств *erga omnes partes*. Следовательно, считаем допустимым экстраполяцию примеров для обязательств из первой классификации на обязательства в рамках текущей типологии.

В то же время необходимо отметить отсутствие ясности в вопросе соотношения взаимозависимых

обязательств и коллективных обязательств *erga omnes*. Возможно, именно они составляют специфику каждой из представленных выше классификаций.

Для целей установления ответственности государств в международном праве крайне важной представляется типология международно-правовых обязательств, предложенная специальным докладчиком Комиссии международного права Р. Аго при разработке проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния [16].

Р. Аго выделял обязательства поведения и результата. Причем, по его мнению, обязательства поведения являются более строгими в сравнении с обязательствами результата, поскольку последние не предписывают актору конкретное поведение, оставляя государству право выбора средств для исполнения конкретной обязанности [17]. Вместе с тем доктрина международного права и правоприменительная практика выбрали иной путь, перевернув видение Р. Аго. Обязательство результата было признано тождественным обязательству «преуспеть», а обязательство поведения, в свою очередь, обязательству «приложить все возможные усилия» [18]. Зачастую обязательства поведения являются более гибкими, нежели обязательства результата. Установить факт нарушения обязательства результата в большинстве случаев не составляет проблемы для правоприменителя, в то время как обязательства поведения требуют установления целой цепочки фактических и юридических обстоятельств, имеющих принципиальное значение для установления наличия правонарушения.

По всей вероятности, именно благодаря своей гибкости обязательства поведения являются более предпочтительными в такой области международных отношений, как охрана окружающей среды. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в нормативном закреплении вопросов ответственности государств за ущерб окружающей среде.

Профессор В.А. Василенко отмечает парадоксальный характер правового регулирования отношений из причинения экологического ущерба, при котором нормы международного права не дают достаточных оснований для привлечения виновного лица к ответственности даже при наличии фактически причиненного вреда. Иначе говоря, норма международного права носит столь неопределенный характер, что не позволяет установить какое поведение государства является противоправным.

Например, «Конвенция об охране Средиземного моря от загрязнения» 1976 г. содержит обширное обязательство поведения «принятия всех надлежащих мер по предотвращению, ограничению и сокращению» загрязнения. «Конвенция о защите озонового слоя» 1985 г. содержит положения о необходимости государств «принимать надлежащие меры» для защиты окружающей среды от антропогенного воздействия.

В то же время несколько конкретнее формулируется обязательство поведения в ст. 4 «Парижского климатического соглашения»: «Стороны принимают внутренние меры по предотвращению изменения климата, с тем чтобы достичь целей таких вкладов». Включение в текст нормы словосочетания «достичь целей» позволяет установить связь поведения государства с конкретным результатом, спецификация которого будет устанавливаться дополнительным международным соглашением или внутренним актом государства. То есть данное обязательство носит пограничный характер. С одной стороны, конкретно не определяя поведения и результата, оно, с другой стороны, связывает в единое целое два этих аспекта.

Особо примечательным в данном контексте становится решение Международного суда ООН по спору между Никарагуа и Коста-Рикой относительно нарушения обычно-правового обязательства по предотвращению трансграничного вреда окружающей среде. Суд установил ряд обстоятельств, иллюстрирующих тесную связь между обязательствами поведения и результата. Во-первых, для целей установления нарушения обязательства поведения по предотвращению трансграничного вреда окружающей среде Суд истолковал обязательство по оценке трансграничного воздействия на окружающую среду как компонент первого. Во-вторых, было установлено неисполнение Коста-Рикой обязательства по оценке воздействия. Однако Суд также указал на отсутствие доказанности наличия значительного трансграничного вреда со стороны Никарагуа. И хотя цель обязательства предотвратить трансграничный вред была достигнута (в данном случае недоказанность наличия значительного вреда), Международный суд ООН пришел к выводу о нарушении Коста-Рикой своего обязательства поведения.

Таким образом, мы можем наблюдать, как правоприменительная практика, наполняя обязательства поведения конкретным содержанием, может сделать их более жесткими в сравнении с обязательствами результата.

Контраст в данном случае становится еще ярче на примере выхода Канады из «Киотского протокола» до истечения периода действия обязательств по достижению конкретного результата. В «Киотском протоколе» установлена обязанность государств-участников обеспечивать непревышение количественных показателей совокупных антропогенных выбросов парниковых газов, установленных и рассчитанных для них во исполнение количественных обязательств. Вместе с тем Канада, денонсировав данное соглашение, создала своими действиями прецедент, не позволяющий ни оценить поведение государства как несоблюдение обязательства результата до истечения отчетного периода, ни ретроспек-

тивно применить к ней нормы об ответственности за недостижение установленных количественных показателей.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы относительно классификации международных обязательств, в том числе обязательств в сфере охраны окружающей среды. Безусловно, любые типологии являются продуктом научной деятельности и зачастую создаются для решения утилитарных академических задач. Однако в контексте классификации международных обязательств государствам как непосредственным акторам международных отношений важно понимать, что, возлагая на себя конкретный вид международного обязательства, они выражают согласие на особый порядок его реализации, а также должны учитывать специфические последствия нарушения принятого обязательства. Кроме того, понимание критериев, положенных в основу конкретной классификации международных обязательств, благоприятным образом сказывается на правоприменительной практике, а также толковании норм, особенно в условиях перманентно усиливающейся фрагментации международного права. Следовательно, вид международного обязательства является важным элементом, определяющим его правовой, нормативный характер.

Литература:

1. Международное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Ашавский Б.М. и др.]; под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М.: ОМЕГА-Л, 2008. 831 с.
2. Second report by G. Fitzmaurice, Special Rapporteur: UN Doc. A/CN.4/107 // Yearbook of the International Law Commission, 1957. Vol. II: Documents of the ninth session including the report of the Commission to the General Assembly / United Nations. New York, 1958. P. 16–70.
3. Sicilianos L.-A. The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // European Journal of International Law. 2002. № 13. P.1127–1145.
4. International Law Commission Report: UN Doc. A/56/10 // Extract from the Yearbook of the International Law Commission, 2001.Vol. II: Official Records of the General Assembly, Fifty-sixth session, Supplement No.10 / United Nations. New York, 2001. 209 p.
5. Draft articles on state responsibility with commentaries thereto / adopted by the International Law Commission on 1st reading / United Nations. New York, 1996. 373 p.
6. Fitzmaurice M., Elias O.A., Elias O. Contemporary Issues in the Law of Treaties. Utrecht: Eleven International Publishing, 2005. 398 p.
7. The Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain) // ICJ Reports. 1970. URL: https://www.icj-cij.org/case/50 (дата обращения: 01.10.2024).
8. Оралова Е.Д. О классификации международных обязательств в сфере космической деятельности // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2014. № 3 (35). С. 204–211.
9. Alarcon M.J. Consequences of Recognizing Environmental Protection as an Emerging Erga Omnes Obligation in the ISDS Context / Kluwer Arbitration Blog, 2021. URL: https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/08/31/consequences-of-recognizing-environmental-protection-as-an-emerging-erga-omnes-obligation-in-the-isds-context/
10. Солнцев А.М. Обязательство erga omnes в международном экологическом праве // Международное право. Европейское право. 2015. № 5. С. 40–42.
11. Курс международного права. В 7 т. / редкол.: В.Н. Кудрявцев (гл. ред.) и др. Основные институты международного права Т. 3 / [М.М. Аваков, М.М. Богуславский, В.А. Вадапалас и др.]; отв. ред. Н.А. Ушаков. М.: Наука, 1990. 259 с.
12. Chow P.Y. On Obligations Erga Omnes Partes // Georgetown Journal of International Law. 2021. Vol. 52 (36). P. 469–504.
13. Robinson N.A. Environmental Law: Is an Obligation Erga Omnes Emerging? 2018. URL: https://www.iucn.org/sites/dev/files/content/documents/2018/environmental_law_is_an_obligation_erga_omnes_emerging_interamcthradvisoryopinionjune2018.pdf
14. Shelton D. Common Concern of Humanity // Environmental Law and Policy. 2009. Vol. 39 (2). P. 83–96.
15. Исполинов А.С. Нормы jus cogens в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6 (99). С. 12–13.
16. Ежегодник Комиссии Международного Права: Документ ООН: A/CN.4/ SER.A/1977/Add.l // Ежегодник Комиссии Международного Права. 1977. Т. II. Ч. 1. Нью-Йорк, 1977. 194 с.
17. Seventh report on State responsibility, by Mr. Roberto Ago, Special Rapporteur The internationally wrongful act of the State, source of international responsibility: UN Doc. A/CN.4/307 // Seventh Rep. on State Responsibility. 1978. New York, 1978. P. 30–60.
18. Dupuy P.-M. Reviewing the Difficulties of Codification: On Ago's Classification of Obligations of Means and Obligations of Result in Relation to State Responsibility // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. P. 371–385.

Classifying International Legal Obligations Under International Environmental Protection

Martaler V.S.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the context of the constantly increasing pace of interstate communication, there is an increasing need to understand the nature of the content of international legal norms in order to ensure their implementation, and therefore the existing international legal order. At the moment, theory and practice disagree on the issue of defining international legal obligations and the grounds for their classification. The purpose of this study is to identify and analyze the main approaches to classifying international legal obligations in relation to international environmental protection. The conducted research makes it possible to identify specific features of international legal obligations in international environmental law, gaps in some theoretical constructions and possible ways to eliminate them. The work confirms the importance of the theoretical development of issues of typologization of international legal obligations, as well as the relationship with the institute of international responsibility. The results of this study can be useful for research, educational and practical purposes.

Keywords: international legal obligation, individual and collective obligations, erga omnes, erga omnes partes, peremptory norm, international legal responsibility, international environmental protection

УДК 04.21.61
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-207-211

Управленческие практики адвокатов на примере функционирования комиссии по молодежной политике



Пелых А.Ю.
Аспирант кафедры социологии
Новосибирского государственного университета экономики и управления

Ровбель С.В.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии
Новосибирского государственного университета экономики и управления



Адвокатура функционирует на основе принципов самоуправления и независимости. Эффективность реализации этих принципов зависит от качества принимаемых управленческих решений в адвокатуре. Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной степенью изученности принятия управленческих решений в адвокатуре. В ходе исследования были использованы результаты опроса 394 адвокатов и работников адвокатских образований Новосибирской области, а также экспертного интервью с председателем Комиссии по молодежной политике. В статье дано описание специфики управленческих практик, присущих адвокатуре, сделан вывод о наличии трансформаций управленческих методов на примере кросс-региональных дебатов молодых адвокатов. На основании теоретических подходов обосновано, что коллективные обсуждения, предшествующие принятию управленческих решений, способствуют улучшению качества принимаемых решений. На основе полученных данных сделан вывод о том, что внедрение нестандартных методов принятия решений, таких как участие комиссии по молодежной политике в принятии управленческих решений, позволяет адвокатуре адаптироваться к изменениям и повышать качество принимаемых решений.

Ключевые слова: *адвокатура, управление, принятие решений, системный подход, кросс-региональные дебаты, инкрементальное принятие решений*

Для цитирования: *Пелых А.Ю., Ровбель С.В. Управленческие практики адвокатов на примере функционирования комиссии по молодежной политике // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 207–211. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-207-211.*

Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в установленном законом порядке, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию [1].

Создавая институт адвокатуры, государство выступает гарантом прав и свобод граждан, обеспечивая потребность общества в защите интересов

граждан пред лицом государственных органов, организаций и иных граждан. Адвокатура позволяет получать информацию об общественных интересах и потребностях в сфере права. С точки зрения граждан, институт адвокатуры обеспечивает потребность общества в правовой защите. Судебное производство, в особенности уголовный процесс невозможны без участия адвокатов. В данных правоотношениях адвокатура создает преграду для злоупотребления властью государством.

Адвокатское сообщество создано и функционирует на основе принципов независимости и самоуправления, поэтому принятие управленческих решений осуществляется непосредственно адвокатами. Государственные органы, общественные объединения, органы исполнительной власти и иные лица не вправе влиять на принятие решений в адвокатуре, в том числе диктовать методы принятия решений и вопросы, требующие оценки.

Принятие решений в адвокатуре связано с культурой, принципами и ценностями адвокатуры. В теории организационной культуры Э. Шейн [2, с. 77] указывал, что коллективные представления группы, возникающие в процессе функционирования, а также при разрешении различных проблем при адаптации к изменениям внешней среды определяют культуру организации, т.к. устойчивые и успешные представления закрепляются и передаются новым членам группы. В указанной теории организационная культура имеет три уровня (ценности; базовые предположения; артефакты и символы), третий из которых представляет собой внешние проявления организационной культуры. В адвокатуре таким третьим уровнем, отражающим культуру адвокатуры, выступают традиционные способы принятия управленческих решений – на всероссийских съездах адвокатов, на региональных конференциях адвокатов, на собраниях региональных Советов адвокатских палат и т.д.; артефактом, отражающим принципы и ценности адвокатуры, выступает Кодекс профессиональной этики адвокатов.

Культура, принципы и ценности адвокатуры относятся к внутренним факторам принятия решений. Однако адвокатура как институт правозащиты является частью более широкого социально-экономического контекста. Поэтому для принятия взвешенных решений в адвокатуре необходимо учитывать устройство и направленность решений в смежных институтах, принимать во внимание изменение внешних условий, социальной действительности, текущего места адвокатуры в системе правозащитных органов, достижений технического прогресса и многое другое. В теории систем Л. Берталанфи [3, с. 15] указывал, что для выявления закономерностей развития и функционирования системы порой требуется познание законов другой, не зависимой от нее системы. Аналогичный подход применим к адвокатуре, для ее верного развития требуется понимание принципов поведения, детерминант преобразований и векторов развития социально-экономического контекста. Руководствуясь системным подходом, в процессе управления адвокатское сообщество должно учитывать как перечисленные внутренние, так и внешние факторы.

Актуальность исследования управления в адвокатуре связана с недостаточной степенью изученности этого вопроса. Исследования в области адвокатуры сосредоточены на правозащитной деятельности и описании портрета адвокатуры; теоретические и эмпирические исследования, посвященные управлению в адвокатуре, практически отсутствуют [4, с. 84], системный анализ управления в адвокатуре не проводился. В то же время исследование процесса принятия управленческих решений в институте, функционирующем на принципах самоуправления и независимости, может позволить найти пути качественного улучшения такого процесса, что, в свою очередь, может оказать влияние на качественное улучшение правозащитной деятельности.

В январе – апреле 2021 г. и декабре 2024 г. авторы провели исследование, в котором приняли участие 394 адвокатов Новосибирской области. Результаты опроса свидетельствуют о наличии сложной структуры в адвокатуре, взаимодействие элементов которой не сводится к отношениям власти-подчинения. Среди прочего был сделан вывод о наличии специфики в принятии управленческих решений: во-первых, в адвокатуре имеет место полисубъектность лиц, принимающих управленческие решения; во-вторых, наличие индивидуальной и коллективной работы при принятии управленческих решений [5, с. 182].

В настоящей статье будут исследованы управленческие практики адвокатов на примере функционирования Комиссии по молодежной политике. Такие комиссии создаются при многих региональных Адвокатских палатах. Членство в комиссии добровольное и не подразумевает внесение или получение оплаты, в состав участников могут войти молодые по стажу адвокаты в возрасте до 35 лет. Цели создания комиссий в разных регионах могут быть разными, но, как правило, они связаны с социально активными мероприятиями адвокатуры, новым взглядом на неразрешенные вопросы, изучением истории, поддержанием корпоративных традиций адвокатуры и повышением профессионального мастерства.

В 2024 г. председатель Комиссии по молодежной политике Новосибирской области согласилась пройти экспертное интервью. На вопрос о миссии и цели Комиссии по молодежной политике эксперт указал, что «*изначально комиссия создавалась как структура, включающая только молодых адвокатов, и именовалась "Совет молодых адвокатов". Целями*

совета было работа с детьми, молодёжью, продвижении интересов молодых адвокатов. Однако в последствии задачи Совета молодых адвокатов расширились, Совет был переименован в Комиссию и сейчас фактически является той структурой Адвокатской палаты Новосибирской области, которая объединяет все адвокатское сообщество путём проведения различных совместных мероприятий, вовлекая многих адвокатов не только из состава комиссии к решению различных вопросов».

На вопрос о том, как Комиссия по молодежной политике взаимодействует с другими органами Адвокатской палаты, эксперт указал, что «*Комиссия непосредственно подчиняется решениям Совета адвокатской палаты и президенту адвокатской палаты Новосибирской области. Ни одно мероприятие не проходит без согласования. Совет тесно взаимодействует со всеми структурами палаты по различным направлениям*».

Эксперт отметил, что Комиссия по молодежной политике поддерживает профессиональное развитие молодых по стажу адвокатов: «*Мы совместно с куратором Адвокатской палаты по вопросам обучения находим спикеров, сами организовываем обучающие мероприятия, как для молодых, так и немолодых адвокатов, стажёров, помощников*».

В качестве вызовов, стоящих перед Комиссией, эксперт указал Объединение адвокатского сообщества. По мнению эксперта, цель Комиссии по молодежной политике лежит в «*области формирования будущего адвокатуры, в объединении адвокатуры, т.к. объединенная адвокатура – это сильная корпорация, способная продвигать и отстаивать свои интересы*».

Ответы эксперта свидетельствуют о том, что Комиссия по молодежной политике была создана для целей, не связанных с принятием решений в адвокатуре. Однако под воздействием высокой динамичности и неопределенности среды, в которой принимаются управленческие решения, методы принятия решений в адвокатуре также не остаются статичными. В результате естественных трансформаций за несколько лет Комиссия по молодежной политике стала участвовать в принятии управленческих решений. Так, в 2024 г. в адвокатуре появился новый способ принятия решений – через кросс-региональные дебаты Комиссий по молодежной политике.

Такая трансформация произошла в связи с тем, что, как правило, молодые адвокаты не ограничены опытом и предубеждениями, свойственными старшему поколению, что позволяет им мыслить нестандартно, предлагать новые идеи и подходы к решению проблем. Молодые адвокаты, как правило, более технически подкованы, что позволяет им рассуждать и предлагать новые методы защиты доверителей, предлагать новые способы коммуникации, оптимизировать и оцифровывать рабочий процесс.

Адвокатура представляет собой ту сферу, где повышение эффективности работы возможно за счет человеческих ресурсов – за счет удовлетворения социальных мотивов и потребностей адвокатов в успехе, причастности к власти и управлению, признании и уважении. Представляется, что если в ходе решения задач, стоящих перед адвокатурой, адвокаты будут удовлетворять указанные социальные потребности, то они будут иметь мощный внутренний стимул для работы над решением таких задач. Концепция управления «Теория U» МакГрегора базируется на том, что в мотивах поведения людей присутствуют социальные потребности в самовыражении: возможность выступить с инициативой, проявить изобретательность, заявить о себе [см.: 6, с. 97]. То есть работники действуют, руководствуясь внутренними стимулами, а не в связи со страхом быть наказанным за невыполненные обязательства.

Таким образом, помимо очевидных преимуществ привлечения представителей молодых адвокатов к принятию решений, существует возможность повысить качество принимаемых решений за счет того, что участие в такой деятельности отвечает внутренним социальным интересам и потребностям адвокатов, в связи с чем такие адвокаты участвуют в принятии решений с максимальной вовлеченностью и самоотдачей.

Примером решения задач, стоящих перед адвокатурой, на основе внутренних мотивов и целей адвокатов выступают кросс-региональные дебаты Комиссий по молодежной политике. Летом 2024 г. состоялся очередной Всероссийский конгресс молодых адвокатов, на котором дебаты проходили впервые. В дебатах участвовали 16 команд молодых адвокатов из разных регионов страны – членов Комиссий по молодежной политике. Перед командами были поставлены восемь актуальных вопросов для адвокатского сообщества, в том числе: по вопросу заключения соглашений об оказании юридической помощи в электронном виде; о возможности существования формы адвокатского образования в виде коммерческой организации; о необходимости подтверждения статуса адвоката через определенные промежутки времени; о необходимости использования ордера адвоката; о наделении адвокатов правом получения сведений, составляющих медицинскую тайну.

По указанным темам длительное время на разных уровнях адвокатского сообщества проходят дискуссии. Дебаты были призваны найти новые аргументы для уже существующих позиций, а также попробовать найти принципиально новые подходы к решению указанных вопросов.

Эксперт отметил, в ходе дебатов «*членам Комиссий по молодежной политике удалось найти интересные подходы к решению давних задач. На дебатах присутствовали президент Федеральной*

палаты РФ и президенты большого числа региональных адвокатских палат, они безусловно будут использовать результат этих дебатов в ходе дальнейшего принятия официальных решений по этим вопросам».

Применение подобного подхода является допустимым и оправданным с точки зрения теории управления. Согласно концепции самообучающейся организации П. Сенге [см.: 7, с. 116], существует модель организации, где на всех уровнях управления используется преданность людей делу и их нацеленность на саморазвитие. Развитие таких организаций происходит в результате воплощения нескольких принципов: обучение организации происходит за счет постоянного индивидуального развития и обучения каждого сотрудника, в организации происходит свободный обмен информацией, сотрудники могут выстраивать гипотезы, пригодные для воплощения, участвуют в формировании коллективного мнения о направлении развития организации [8, с. 600].

Вовлечение адвокатов разных уровней в процесс принятия решений и обеспечение возможности обмена опытом оправдано также с точки зрения теории группового принятия решений [9, с. 213] и коллективного интеллекта [10, с. 3]. Согласно этим теориям, вовлечение широкой группы специалистов способствует улучшению качества принятия решений, так как коллективный интеллект, возникающий в ходе обмена опытом и мнениями, позволяет учитывать большее число факторов.

Дискуссии на разных уровнях адвокатского сообщества демонстрируют развитие методов принятия решений, обеспечивающих вовлечение широкого круга адвокатуры, и готовность сообщества учитывать разнообразные точки зрения при принятии решений.

Следует отметить, что, согласно теории инкрементального процесса принятия решений, предложения Комиссий по молодежной политике на дебатах являются самостоятельным этапом принятия управленческого решений. Так, согласно указанной теории, модель принятия решений состоит из трех стадии: определение круга проблем, разработки множества альтернатив управленческих решений и выбора оптимального решения [11, с. 199].

Институт адвокатуры, как отмечалось выше, выступает важным механизмом защиты прав и свобод граждан. Принятие управленческих решений в адвокатуре оказывает существенное влияние на эффективность работы всего института. Системный подход, предложенный Л. Берталанфи, позволяет рассматривать адвокатуру как часть более сложной социальной системы, в которой управление должно учитывать как внутренние, так и внешние факторы. Методы принятия управленческих решений в адвокатуре со временем изменяются, подстраиваясь под динамичность внешней среды. Это находит свое отражение в применении экспериментальных и нестандартных методов, таких как кросс-региональные дебаты, которые помогают адвокатскому сообществу искать новые подходы к решению актуальных проблем.

Дискуссии среди Комиссий по молодежной политике свидетельствуют о применении модели самообучающейся организации. Вовлечение молодых адвокатов в процесс принятия решений имеет особое значение, так как это позволяет не только привнести свежие идеи и применить технологические решения, но и удовлетворить социальные потребности молодых адвокатов, что, в свою очередь, влияет на их готовность и высокие внутренние стимулы к участию в такой деятельности. Применение теории коллективного интеллекта также подтверждает, что вовлечение более широкого круга специалистов в процесс принятия решений улучшает их качество. Обмен опытом между адвокатами из разных регионов позволяет учитывать различные подходы, выявлять потенциальные риски на ранних этапах и минимизировать возможные негативные последствия. Внедрение нестандартных методов принятия решений, таких как участие Комиссии по молодежной политике в принятии управленческих решений, позволяет адвокатуре адаптироваться к изменениям и повышать качество принимаемых решений.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС Гарант.
2. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб., 2002. 330 с.
3. Соколов М.А. Системный подход как исследовательская программа в творчестве Л. Берталанфи // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 5–17.

4. Ильиных С.А. Адвокатура: специфика принятия управленческих решений // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 2. С. 84–88.
5. Пелых А.Ю. Детерминанты социально-управленческих трансформаций в адвокатских образованиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. С. 180–186.
6. Ильиных С.А. Социология управления: роль зарубежных школ в становлении // Идеи и идеалы. 2015. № 2(24). Т. 1. С. 94–106.
7. Идрисова А.Р. Понятие самообучающейся организации // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 1–4. С. 115–117.
8. Широнина Е.М. Организация как объект изменений // Экономика и управление. 2020. № 26 (6). С. 597–605.
9. Аймаутова Н.Е. Специфика группового принятия решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2003. № 4–5. С. 213–218.
10. Славин Б.Б. Технологии коллективного интеллекта // Проблемы управления. 2016. № 5. С. 2–9.
11. Сазонов А.А. Особенности моделей теории принятия решений // Достижения вузовской науки. 2015. № 19. С. 195–200.

Management Practices of Attorneys on the Example of the Functioning of the Commission on Youth Policy

Pelykh A.Y., Rovbel S.V.
Novosibirsk State University of Economy and Management

The Advocacy operates on the basis of the principles of self-government and independence. The effectiveness of the implementation of these principles depends on the quality of management decisions made in the legal profession. The relevance of the research topic is due to the insufficient degree of knowledge of managerial decision-making in the legal profession. The study used the results of a survey of 394 lawyers and employees of law schools in the Novosibirsk region, as well as an expert interview with the Chairman of the Commission on Youth Policy. The article describes the specifics of management practices inherent in the legal profession, and concludes that there are transformations of management methods on the example of cross-regional debates of young lawyers. Based on theoretical approaches, it is proved that collective discussions preceding the adoption of managerial decisions contribute to improving the quality of decisions made. Based on the data obtained, it is concluded that the introduction of non-standard decision-making methods, such as the participation of the Youth policy commission in managerial decision-making, allows the bar to adapt to changes and improve the quality of decisions.

Keywords: advocacy, management, decision-making, Systematic approach, cross-regional debates, incremental decision-making

УДК 342.55
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-212-217

Правовой статус Конституционного совета Республики Саха (Якутия)



Сабитов Р.Э.
Аспирант кафедры конституционного
и административного права юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность настоящей статьи заключается в изучении нового для российской правовой системы объекта исследования – конституционных (уставных) советов субъектов РФ. Преследуя цель выявить содержание правового статуса советов на примере опыта Республики Саха (Якутия), автор поставил следующие задачи: определить правовую основу организации и деятельности Конституционного совета РС(Я), охарактеризовать отдельные элементы его правового статуса, на основе полученных данных сформулировать перспективы конституционного надзора в Республике Саха (Якутия). Выявлено, что Конституционный совет РС(Я) – конституционный надзорный несудебный орган, тем не менее воспринявший многолетнее развитие конституционного судопроизводства в Республике Саха (Якутия). Статья вносит вклад в развитие научных представлений о конституционных (уставных) советах, ее содержание может быть использовано, в частности, в работе советов в части обеспечения правового воздействия их решений на общественные отношения.

Ключевые слова: *конституция, конституционные (уставные) советы, Республика Саха (Якутия), полномочия*

Для цитирования: *Сабитов Р.Э. Правовой статус Конституционного совета Республики Саха (Якутия) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 212–217. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-212-217.*

В Российской Федерации в 2020 г. появился новый объект исследования – конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации (далее – советы) [1]. Их появление произошло на фоне упразднения конституционных (уставных) судов и является примечательным фактом, достойным лечь в основу обновления периодизации развития специализированной правовой охраны конституций и уставов субъектов РФ.

Так, в новый период, в котором судебный конституционный (уставный) контроль сменился государственным конституционным надзором, Республика Саха (Якутия) (далее – РС(Я)) стала первым субъектом Российской Федерации, создавшим Конституционный совет.

Нормативное правовое регулирование организации и деятельности нового органа конституционно-надзорной деятельности включает в себя – помимо немногословного федерально-законодательного – конституционное, конституционно-законодательное регулирование и саморегулирование советом своей деятельности.

Появление нового органа потребовало внесения соответствующих изменений и дополнений в действующую Конституцию Республики Саха (Якутия) [2].

Практически все конституционные новеллы о Конституционном совете были размещены в гл. 4 «Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)», при этом название главы было сохранено, что может служить штрихом к определению места конституционного совета в системе публичной власти субъекта РФ, интерпретирующим то, что в формулировке федерального законодателя советы создаются при законодательных (представи-

тельных) органах государственной власти субъектов РФ.

Лишь одно конституционное положение о том, что присяга Главы РС(Я) приносится в торжественной обстановке в присутствии в том числе конституционных советников РС(Я), было логично размещено в ч. 2 ст. 71 (гл. 5 «Глава Республики Саха (Якутия)»). Что характерно, ранее вместо конституционных советников был Конституционный суд РС(Я), логично шедший сразу после Верховного суда и Арбитражного суда РС(Я). Конституционные советники же стоят в конце списка присутствующих на присяге Главы РС(Я), что, на наш взгляд, подчеркивает субсидиарность Конституционного совета в системе государственных органов.

Гл. 4 дополнили ст. 67.1, посвященной непосредственно Конституционному совету: «Конституционный совет Республики Саха (Якутия) является постоянно действующим государственным органом Республики Саха (Якутия), осуществляющим, в соответствии с настоящей Конституцией, Конституционным законом "О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)" деятельность в целях соблюдения верховенства Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) в системе законодательства Республики Саха (Якутия), прямого действия Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) на территории Республики Саха (Якутия), укрепления конституционной законности, сохранения и развития конституционных ценностей правового демократического государства в Республике Саха (Якутия) как субъекте Российской Федерации.

Конституционный совет Республики Саха (Якутия) создается при Государственном Собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)».

Данная конституционная статья является основной, регулирующей конституционный статус Конституционного совета РС(Я).

Согласно абз. 1 ст. 67.1, Республика Саха (Якутия) решила определить совет постоянно действующим органом, деятельность которого описывается в первую очередь довольно подробно закрепленными целями, но практически не конкретизируется иначе, например, полномочиями. Показательно получение советом статуса постоянно действующего органа, что отвечает целям его создания и деятельности.

В абз. 2 ст. 67.1 конституционный законодатель субъекта РФ избрал путь повторения формулы «при» из федерального законодательства без дополнительной конкретизации связи с парламентом.

Остальные конституционные положения о совете содержатся в ст. 56 (гл. 4), в которой закреплены предметы ведения Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) – к его ведению отнесли заслушивание доклада Конституционного совета РС(Я) о состоянии и развитии конституционного законодательства (пункт 4, ранее в нем речь шла о заслушивании посланий Конституционного суда РС(Я), образование Конституционного совета РС(Я) (п. 12.1, введен впервые), назначение на должность конституционных советников РС(Я) (п. 15, ранее в нем говорилось о назначении на должность судей Конституционного суда РС(Я). Данные новеллы Конституции РС(Я), равно как и остальные, говорят о том, что конституционный законодатель Республики Саха (Якутия), безусловно, принял во внимание установку федерального законодательства на связь советов с парламентами субъектов РФ. Вместе с тем Конституция РС(Я) не говорит по данному вопросу ничего принципиально нового и оставляет нас в парадигме необходимости осмысления и толкования формулы «конституционный (уставный) совет субъекта РФ при парламенте субъекта РФ», не меняя формулировку федерального закона на, например, иную: «конституционный (уставный) совет субъекта РФ парламента субъекта РФ».

Выбор конституционно-законодательного уровня регулирования создания, формирования, деятельности совета в настоящем случае обусловлен тем, что правовая система Республики Саха (Якутия) строится в том числе на основе органического, конституционного законодательства. Абз. 1 ст. 67.1 Конституции РС(Я) предусматривает принятие Конституционного закона «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)», что ставит нормативное правовое регулирование о совете в один ряд с конституционными законами РС(Я) о порядке внесения изменений и дополнений в Конституцию РС(Я), о Главе РС(Я), о Государственном Собрании (Ил Тумэн) РС(Я), о Правительстве РС(Я) и, что характерно, утратившими силу конституционными законами о Конституционном суде РС(Я) и конституционном судопроизводстве и об обеспечении доступа к информации о деятельности Конституционного суда РС(Я). Это также делает более определенным статус Конституционного совета и как преемника Конституционного суда РС(Я), и как субъекта особой значимой деятельности по «укреплению конституционной законности, сохранения и развития конституционных ценностей правового демократического государства в Республике Саха (Якутия) как субъекте Российской Федерации».

Следует обратить внимание еще на один важный конституционный орган – Конституционную комиссию РС(Я) [3], чей статус урегулирован, в том числе конституционным законом. Здесь стоит сделать краткое отступление и подчеркнуть разнообразие и сходство, пересечение путей конституционного развития в субъектах Российской Федерации.

Конституционная комиссия РС(Я), в числе задач которой на первом плане стоит предварительное рассмотрение предлагаемых изменений в Конституцию РС(Я), параллельно работала с Конституционным судом РС(Я), а теперь сохранила свой статус

и функционирует наряду с Конституционным советом РС(Я). Это особенность, которой нет, например, в Республике Адыгея, также создавшей конституционный совет. Конституционный суд Республики Адыгея – орган, близкий по своим характеристикам к Конституционному суду РС(Я), – получил преемника (Совет), никак не напоминающего по характеру деятельности и полномочий прежний Суд. Образованный Конституционный совет Республики Адыгея ввиду отсутствия ненадзорных функций ближе к усеченной версии Конституционной комиссии РС(Я) и создан только «в целях выработки заключений по внесенным в Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея проектам конституционных законов Республики Адыгея», то есть по предлагаемым изменениям в Конституцию Республики Адыгея.

Вернемся к Конституционному совету РС(Я). Дальнейшую конкретизацию правового статуса он получил в Конституционном законе РС(Я) от 26.05.2021 г. № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» (далее – Закон о совете). Данный закон был принят и опубликован одновременно с Конституционным законом РС(Я) от 26.05.2021 г. № 2357-З № 625-VI «Об упразднении Конституционного суда Республики Саха (Якутия) и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Республики Саха (Якутия)» и Конституционным законом Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 г. № 2355-З № 621-VI «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Республики Саха (Якутия)» (в том числе вводящим совет). Таким образом к нормативному правовому переходу от суда к совету в Республике Саха (Якутия) подошли без временного промежутка.

Организационно процесс выглядел следующим образом. Суд был упразднен с 1 июля 2021 г. Совет, состоящий из 9 конституционных советников (далее также – советники), формировался в два захода – сначала 16 июня 2021 г. были назначены 4 советника, осуществляющих свои полномочия на профессиональной постоянной основе и замещающих государственные должности (Председатель совета, два его заместителя и секретарь-советник), затем 20 октября 2021 г. назначены оставшиеся 5 конституционных советников, осуществляющих свои полномочия на непостоянной основе, а свою деятельность – на общественных началах; первое заседание совета прошло 28 октября 2021 г. [4].

По мнению О.В. Брежнева, дифференциация статуса конституционных советников, несмотря на декларацию в Законе о совете равенства их прав, едва ли допустима в свете ограничений, которые ложатся на советников, замещающих государственные должности, но отсутствуют в отношении советников, работающих на общественных началах: для первых, например, предусмотрены запреты участия в различных формах политической деятельности, что может быть урегулировано только федеральным законом [5, с. 34–35]. Несмотря на наличие подобных изъянов в реализации, на наш взгляд, модель «смешанного» состава совета представляет собой достаточно приемлемый вариант, не противоречащий в своей идее смыслу конституционализма.

На первом заседании совета среди прочих актов был принят регламент. Этот и ранее важный в деятельности конституционных (уставных) судов акт, в деятельности совета предполагается еще более важным. Согласно ч. 3 ст. 1 Закона о совете, «вопросы внутренней организации, порядок деятельности, основания, форма, порядок обращения в Конституционный совет и порядок рассмотрения им обращений, а также порядок взаимодействия с Главой Республики Саха (Якутия), Государственным Собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Правительством Республики Саха (Якутия), иными органами государственной власти, органами местного самоуправления устанавливаются Регламентом Конституционного совета», в то время как для регламента Конституционного суда РС(Я) это были только «вопросы внутренней деятельности».

Нельзя сказать наверняка, с чем именно связано такое увеличение регулирующей нагрузки на регламент по сравнению с регулированием конституционных и уставных судов. Вероятно, такая свобода для нового государственного органа вызвана отходом от сформированных стандартов регулирования организации суда и судейской деятельности. Возможно, создатели якутской модели конституционного совета решили предоставить большую свободу впоследствии сформированному органу в определении нюансов его деятельности, чтобы возможные ошибки не приходилось исправлять очередным заводом законодательного механизма. К тому же отсутствие установленного института конституционной жалобы потенциально сократило взаимодействие совета с гражданами и их объединениями по сравнению с судом, в особенности по поводу собственной компетенции совета, что могло также подтолкнуть законодателя субъекта РФ к малому размеру Закона о совете – ведь теперь основное взаимодействие совета, в соответствии с его полномочиями, будет происходить с органами публичной власти, соответственно, вопросы по поводу внешней стороны деятельности совета будут акцентироваться на межведомственном взаимодействии. Впрочем, ничего из этого не представляет собой аргумента против дальнейшего необходимого исправления правовой основы организации и деятельности совета.

Согласно Закону о совете, конституционные советники назначаются Государственным Собранием (Ил Тумэн) по представлению Главы РС(Я), что повторяет прошлый порядок назначения конституци-

онных судей в Республике Саха (Якутия). Порядок рассмотрения кандидатур на должности конституционных советников РС(Я) устанавливается Регламентом Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я).

Такая модель назначения в целом характерна для Конституционного Суда РФ и упраздненных конституционных и уставных судов субъектов РФ, что говорит о нахождении в русле отечественной традиции формирования органов судебной конституционной юстиции. В науке высказывается позиция, что такой подход устарел, порождает избыточную зависимость членов конституционных советов от главы субъекта РФ; вызывают вопросы непрозрачность и недемократичность подбора кандидатур и их выдвижения на должность, ограниченность в субъектном составе участников данного процесса как со стороны государства, так и общества [6, с. 61]. Между тем формирование советов является одним из самых урегулированных вопросов в законах о советах и непосредственно влияет на их деятельность [7].

Советники назначаются сроком на определенный срок – 10 лет, но могут быть переназначены на новый срок по представлению Главы РС (Я). Конституционные судьи назначались на должность на 15 лет и не могли быть переназначены. По мнению А.Т. Карасева, А.В. Савоськина и В.А. Мещерягиной, срок полномочий советников должен быть существенно больше, чем сроки полномочий представителей ветвей государственной власти. Мы согласны с тем, что это имеет смысл в целях укрепления независимости совета. Еще один приводимый исследователями аргумент о «времени на раскачку» для впервые назначенных советников на этом фоне может показаться не столь важным, но также должен учитываться при определении сроков полномочий [6, с. 62].

Полномочия Конституционного совета РС(Я):

• толкование Конституции;

• дача заключений о соответствии Конституции законодательных, подзаконных и муниципальных правовых актов – абстрактный последующий надзор;

• дача заключений по обращению Главы РС(Я) о соответствии Конституции принятых законов до их подписания и обнародования – предварительный факультативный надзор;

• дача заключений о соответствии Конституции проектов законов и конституционных законов, предметом регулирования которых являются основы конституционного строя, национально-государственный статус и административно-территориальное устройство Республики Саха (Якутия) – предварительный обязательный надзор.

Несмотря на относительно широкий перечень инициаторов процесса рассмотрения указанных вопросов, заметно отсутствие института конституционной жалобы. Между тем сохранение права на обращение в конституционные и уставные советы с целью защиты своих прав и свобод за физическими и юридическими лицам остается достаточно обоснованным по крайней мере с точки зрения наполняемости советов актуальными делами; возможности граждан получить оценку нормативных правовых актов органов местного самоуправления особым экспертным органом специализированной правовой охраны конституции (устава) субъекта РФ; в целом дополнительного механизма защиты прав и свобод граждан и организаций и т.д.

Также заметной новеллой стал предварительный надзор. Как пишет И.С. Галяева, по сравнению с Конституционным судом РС(Я), у которого предварительная проверка конституционности законов ограничивалась формальной проверкой законов о внесении конституционных изменений, компетенция совета была расширена (два соответствующих полномочия перечислены выше) [8, с. 43]. Но данный аспект также не лишен недостатков и требует дальнейшей правовой разработки. Например, в этой связи неясно соотношение набора полномочий совета: предварительных надзорных полномочий между собой; предварительного и последующего надзора. Возникают вопросы о допустимости повторной проверки конституционности закона, ранее «одобренного» советом [8, с. 46]. В целом можно заметить, что развитие предварительного конституционного надзора в Республике Саха (Якутия) – это процесс, подхваченный сходными изменениями в полномочиях Конституционного суда Российской Федерации. Вероятно, мы бы наблюдали схожие процессы и в наиболее пассионарных конституционных (уставных) судах, к которым относился и якутский суд.

Рекомендательный характер решений является еще одним острым углом для советов, включая якутский. В Законе о совете рекомендательность и необязательность к исполнению его решений «фиксируется» отсутствием прямой характеристики юридической силы решений. Ввиду этого мысль о несостоятельности создания и деятельности Конституционного совета РС(Я), в частности, и конституционных (уставных) советов вообще [9–12] популярна в научной литературе. Вместе с тем анализ правового воздействия деятельности советов на правовую систему субъекта Российской Федерации может быть продолжен. В случае решений Конституционного совета РС(Я) мы констатируем, что это официальный документ, принимаемый в рамках урегулированной правовыми актами процедуры и, что важно отдельно отметить, публикующийся. Согласно ч. 6 ст. 8 Закона о совете, решение совета подлежит опубликованию на сайте совета, в газете «Ил Тумэн» (парламентская газета) и на официальных сайтах государственных органов Республики Саха (Якутия), органов местного самоуправления, должностных лиц, которых касается решение совета.

В этой связи требующую внимания точку зрения озвучил заведующий кафедрой конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета Е.Б. Султанов на круглом столе «Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: опыт и перспективы» [13]: во-первых, опыт показал, что судебная модель конституционного контроля не вписалась в систему разделения властей субъектов РФ и пытаться вписать ее туда снова на тех или иных властных основаниях будет ошибкой; во-вторых, не стоит недооценивать силу слова в решениях совета – и без формальной обязанности к их исполнению они могут играть серьезную роль в информационном пространстве, если их грамотно, в доступной форме подавать обществу и подмечать, что к мнению совета не прислушиваются, а его решения не исполняются.

На наш взгляд, стоит добавить, что судебная модель регионального конституционного контроля в свое время оказала заметную роль в государственно-правовом строительстве субъектов РФ, а все последние преобразования можно рассматривать в эволюционном контексте как сохранение ценности специализированной правовой охраны конституции (устава) и ее приспособление к текущим условиям развивающейся во времени действительности, в частности, правовой, экономической и политической. Также немаловажно доносить до граждан не только случаи неисполнения решений совета, но и их успешное воздействие на рассмотренный вопрос в целях формирования позитивных правовых ожиданий.

На том же круглом столе председатель Конституционного совета РС(Я) П.В. Гоголев также выступил с речью и поднял тему ненадзорных функций Конституционного совета РС(Я). П.В. Гоголев рассказал об исправно практикуемом ежегодном представлении на пленарном заседании Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) докладов о состоянии и развитии конституционного законодательства Республики Саха (Якутия), которые находят своего читателя в органах публичной власти и научном сообществе. Отдельным направлением является конституционно-правовое просвещение среди детей и молодежи. Также совету законодательно предписано осуществление научно-методического обеспечения развития конституционного законодательства Республики Саха (Якутия).

Перспективы сохранения и развития конституционного надзора в Республике Саха (Якутия) можно оценить как умеренно оптимистичные. Создание совета само по себе позволяет сделать вывод о значительном внимании в Республике к формированию структуры, в задачу которой входит обеспечение специализированной правовой охраны Конституции (Основного закона) РС(Я). Имеющийся опыт будет полезен и для остальных субъектов РФ, тем более что правовой статус совета требует глубокого осмысления с точки зрения его места в системе государственных органов субъекта РФ [14], юридической характеристики принимаемых советом актов.

Литература:

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 г. № 621-VI «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Республики Саха (Якутия)» // Якут. ведомости (прил. к газ. «Якутия»). 2021. № 20.
3. Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2002 г. № 361-II «О порядке принятия Конституционного закона Республики Саха (Якутия) «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Республики Саха (Якутия)» // Ил Тумэн. 2002. № 27.
4. Государственное собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). URL: https://www.iltumen.ru (дата обращения: 24.12.2024).
5. Брежнев О.В. Правовой статус конституционного (уставного) совета субъекта Российской Федерации: первый опыт законодательного регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 11. С. 32–36.
6. Карасев А.Т., Савоськин А.В., Мещерягина В.А. Конституционные советы Республик Адыгея, Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия): кто в лес, кто по дрова? // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 2. С. 58–67.
7. Савоськин А.В., Курятников В.В. Порядок формирования конституционных (уставных) советов субъектов РФ: проблемы и решения // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 4 (197). С. 94–105.

8. Галяева И.С. Предварительный конституционный надзор за региональным законодательством как полномочие конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации: причины появления и проблемы регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 8. С. 40–48.
9. Кряжков В.А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65–74.
10. Миронов Д.Н. Конституционный совет при парламенте субъекта РФ (к вопросу об интеллектуальной модели) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 71–75.
11. Цалиев А.М. О судебной власти в России (в свете конституционных новелл) // Российский судья. 2021. № 4. С. 35–40.
12. Митусова И.А. Региональный конституционный контроль в свете конституционной реформы 2020 года // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1(23).С. 40–49.
13. Круглый стол прошел в рамках Казанского международного юридического форума 2024. URL: https://kazanlegalforum.org (дата обращения: 26.09.2024).
14. Малый А.Ф. Организация органов государственной власти области как субъекта Российской Федерации: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. М., 2000. 46 с.

Legal Status of the Constitutional Council of the Republic of Sakha (Yakutia)

Sabitov R.Ed.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of this article lies in the study of a new object of research for the Russian legal system – constitutional (statutory) councils of the constituent entities of the Russian Federation. Pursuing the goal of identifying the content of the legal status of councils using the experience of the Republic of Sakha (Yakutia), the following tasks were set: to determine the legal basis for the organization and activities of the Constitutional Council of the Republic of Sakha (Yakutia), to characterize individual elements of its legal status, and to formulate the prospects for constitutional supervision in the Republic of Sakha (Yakutia) based on the data obtained. It was revealed that the Constitutional Council of the Republic of Sakha (Yakutia) is a constitutional supervisory non-judicial body, which nevertheless adopted the long-term development of constitutional proceedings in the Republic of Sakha (Yakutia). The article contributes to the development of scientific ideas about constitutional (statutory) councils; its content can be used, in particular, in the work of councils in terms of ensuring the legal impact of their decisions on public relations.

Keywords: constitution, constitutional (statutory) councils, Republic of Sakha (Yakutia), powers

УДК 343.622
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-218-222

Проблемы правовой регламентации убийства матерью новорожденного ребенка



Свиридов Р.В.
Кандидат юридических наук, начальник отдела кадров
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина



Зейналбдыева А.В.
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина

В настоящее время в Российской Федерации фиксируется рост преступлений против несовершеннолетних. В данной работе авторы уделили внимание особенностям квалификации убийства матерью новорожденного ребенка. Целью статьи является разработка уголовно-правовых мер по противодействию данному негативному явлению. В качестве задач выступают следующие: выявление проблем, возникающих при квалификации данного деяния; разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства; рассмотрение вопросов, связанных с моментом начала жизни и правовым статусом эмбриона. Научная и практическая значимость обуславливаются тем, что авторами выявлены пробелы действующего законодательства в сфере убийства матерью новорожденного ребенка. Основными результатами стали предложения по внесению изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство Российской Федерации. Ценность проведенного исследования заключается в возможности повышения эффективности противодействия убийствам матерями новорожденных детей.

Ключевые слова: *убийство, суррогатная мать, новорожденный, психотравмирующая ситуация, привилегированное убийство, начало жизни*

Для цитирования: *Свиридов Р.В., Зейналбдыева А.В. Проблемы правовой регламентации убийства матерью новорожденного ребенка // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 218–222. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-218-222.*

В официальной статистике преступлений, публикуемой Министерством внутренних дел (МВД) России, Генеральной прокуратурой РФ и Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, данные по привлечению к уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ («Убийство матерью новорожденного ребенка») отсутствуют. Это объясняется крайне низкой частотой совершения таких преступлений, что делает их анализ затруднительным. Данные, как правило, агломерируются в более широкие категории, такие как убийства в целом или преступления против жизни и здоровья, тем самым «размывая» специфику данной нормы.

Несмотря на то что статистика по преступлениям, предусмотренным ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, имеет положительную динамику снижения числа осуждённых, остаётся тревожным тот факт, что убийство детей является крайне серьезным и бесчеловечным преступлением. В 2019 г. было осуждено 38 женщин, в 2020 г. – 51, в 2021 г. – 45, а в 2022 г. – 27 [1].

Однако в рамках данной статьи считаем целесообразным обратить внимание на проблемы, связанные с привлечением к уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ.

В настоящее время в правоприменительной практике возникает крайне важный и сложный вопрос о квалификации убийства новорожденного, совершенного женщиной, умысел на которое возник еще во время беременности. Действующая редакция ст. 106 УК РФ предусматривает смягченное наказание, опираясь на специфические обстоятельства, связанные с постнатальным состоянием женщины: гормональный дисбаланс, психологическая лабильность, посттравматический стресс, а также на возможное восприятие новорожденного как части собственного тела, источника боли и страданий. Однако ситуация существенно меняется, если умысел на убийство формируется задолго до родов, непосредственно не связанным с этими постнатальными факторами. В таком случае применение ст. 106 УК РФ представляется неправомерным и противоречит самой сути её привилегированного характера.

Анализ судебных решений по уголовным делам, касающимся убийств, совершённых матерями, показывает, что лишь в 5,5 % случаев женщины, совершившие это преступление, находились в состоянии эмоционального напряжения, которое было вызвано длительными психотравмирующими ситуациями [2]. Эти ситуации могут включать в себя различные стрессовые факторы, например, внезапную смерть супруга, наличие на иждивении малолетних детей, а также проблемы, связанные с алкоголизмом, безработицей и отсутствием средств к существованию. В частности, в судебных материалах упоминаются случаи, когда женщины убивали своих детей на фоне таких обстоятельств, как потеря близкого человека или тяжёлые финансовые трудности.

Однако в подавляющем большинстве случаев (94,5 %) психолого-психиатрические экспертизы не выявили у обвиняемых женщин никаких временных болезненных психических состояний [2]. Это ставит вопрос о том, насколько объективными могут быть оценки психотравмирующих ситуаций, поскольку они зависят от личного восприятия и оценок правоприменителей.

Психотравмирующая ситуация – это субъективная категория, которая может варьироваться в зависимости от индивидуальных обстоятельств, таких как семейные и финансовые проблемы, сложности в личных отношениях и профессиональные неудачи.

Правоприменители часто сталкиваются с трудностью определения того, какие обстоятельства действительно могут считаться психотравмирующими. Иногда суды признают убийство новорожденного совершённым в условиях психотравмирующей ситуации, но не указывают конкретные причины, по которым эта ситуация была признана таковой. Это создает неопределённость в правоприменительной практике и может привести к различным интерпретациям одних и тех же обстоятельств в разных делах [3].

Таким образом, проблема определения психотравмирующих ситуаций в делах о детоубийствах остаётся актуальной и требует более глубокого анализа. Это может включать в себя не только судебно-психиатрические экспертизы, но и более широкий подход, учитывающий социальные, экономические и культурные факторы, влияющие на психоэмоциональное состояние женщин в кризисных ситуациях. Важно, чтобы судебная система не только учитывала индивидуальные обстоятельства, но и стремилась к более комплексному пониманию причин, приводящих к таким трагическим событиям.

Вопросы, касающиеся квалификации преступления, предусмотренного ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, вызывают множество споров, особенно в контексте определения субъекта преступления и его связи с новорожденным. Важно отметить, что законодатель не дал четкого определения термина «мать новорожденного ребенка». Эта неопределенность во многом связана с тем, что при принятии УК РФ в 1996 г. суррогатное материнство не рассматривалось как явление и, следовательно, не было предусмотрено в юридическом контексте. Однако с течением времени общественные и правовые реалии изменились, суррогатное материнство стало более распространенной практикой, что создало новые вызовы для правоприменения.

Важно отметить, что в большинстве правовых систем акцент делается на физическом процессе вынашивания и рождения ребенка, что подчеркивает значимость роли суррогатной матери. Она не просто носит ребенка, но и проходит через множество физических и эмоциональных испытаний, которые могут оказывать серьезное воздействие на ее психическое состояние. В некоторых случаях это может привести к психическим расстройствам, особенно если беременность осложняется стрессами или другими неблагоприятными факторами.

С учетом этих обстоятельств представляется целесообразным пересмотреть юридическую терминологию, используемую в законодательстве. В частности, в названии и диспозиции ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, где речь идет о понятии «мать», следует рассмотреть возможность замены этого термина на «женщина». Это изменение

могло бы более точно отразить сложную природу отношений в контексте суррогатного материнства и обеспечить более справедливую защиту прав всех сторон.

Уголовная ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, наступает с 16 лет. Это связано с тем, что именно в этом возрасте у граждан возникает полная родительская правоспособность, позволяющая им принимать осознанные решения, касающиеся их детей. Однако реальность показывает, что случаи ранней беременности среди подростков, которая может наступать уже в 14–16 лет, становятся довольно распространёнными. В результате молодая мать, которая родила в этом возрасте, не подпадает под действие ст. 106 УК РФ, поскольку её возраст не достигает 16 лет, что вызывает определённые правовые коллизии. Тем не менее такая роженица может оказаться в числе обвиняемых по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, которая касается убийства малолетнего лица.

В связи с вышеописанными обстоятельствами, возникает необходимость внести изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ. Предлагается следующая формулировка: «Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ)». Это изменение могло бы помочь устранить правовые несоответствия и обеспечить более справедливое правоприменение [4].

Теория уголовного законодательства рассматривает жизнь человека как самостоятельный объект преступления с момента его рождения. Это утверждение вызывает множество вопросов, особенно касающихся правового статуса человеческого эмбриона и нерожденного ребенка. Дискуссия о том, когда начинается жизнь, является не только философским, но и юридическим вопросом, а его решение может иметь серьезные последствия для уголовного законодательства. На сегодняшний день ни на международном, ни на национальном уровнях не существует четкого и однозначного определения правового положения эмбриона, что создает неопределенность и затрудняет принятие решений в судебной практике.

Интересный случай произошел в Канаде 30 мая 1996 г., когда 28-летняя женщина по имени Драммонд родила мальчика. На следующий день после рождения состояние новорожденного резко ухудшилось, его доставили в больницу, где медики обнаружили в голове ребенка свинцовую пулю. В ходе расследования выяснилось, что за два дня до родов женщина, вставив дуло пневматического пистолета во влагалище, произвела выстрел. Несмотря на это ужасное деяние, мальчик, к счастью, выжил.

Судебный процесс, который последовал за этим инцидентом, стал настоящим прецедентом в канадском праве. Адвокаты Драммонд добились оправдания своей клиентки, аргументируя свою позицию тем, что, согласно Уголовному кодексу Канады, жизнь человека начинается только с момента полного отделения ребенка от тела матери. Это решение вызвало бурные дебаты в обществе и среди юристов, так как оно поставило под сомнение существующие представления о правовом статусе нерожденных детей и их защите от насилия [5].

Вопрос о начале жизни и правовом статусе эмбриона остается актуальным и требует дальнейшего изучения и обсуждения как в научной, так и в юридической среде. Существует необходимость более четкого закрепления данной позиции в уголовном законодательстве и в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Это связано с тем, что на практике существуют различные толкования, что может привести к затруднениям в правоприменении. Например, отсутствие однозначного определения момента начала жизни может стать причиной споров и затруднить защиту прав новорожденных.

На сегодняшний день в Уголовном кодексе Российской Федерации нет четкого регулирования, касающегося преступлений, связанных с убийством двух или более новорожденных. В частности, ст. 106 УК РФ, которая касается убийства матерью своего ребенка, не содержит квалифицирующих признаков для таких случаев. Это создает правовой пробел, который может привести к неадекватной оценке действий матери.

Согласно действующему законодательству, если женщина убивает своего новорожденного, она может быть привлечена к ответственности по ст. 106 УК РФ, которая предусматривает более мягкое наказание, чем за убийство, предусмотренное ст. 105 УК РФ. Однако, если мать убивает двух или более новорожденных детей, она несет такую же уголовную ответственность, как и за убийство одного ребенка. Это вызывает серьезные вопросы о справедливости и соразмерности правовой оценки, ведь жизнь каждого человека, независимо от его возраста, является высшей ценностью.

Принцип справедливости в уголовном праве предполагает, что наказание должно соответствовать тяжести совершенного преступления. Убийство двух или более лиц, как это прописано в ст. 105 УК РФ, является отягчающим обстоятельством, а за такое преступление предусмотрено более строгое наказание. Однако, в случае с матерью, убившей своих новорожденных, законодатель не учитывает, что умысел на лишение жизни формируется в отношении каждого из детей.

Для устранения этого пробела необходимо внести изменения в ст. 106 УК РФ, добавив в нее квалифицирующий признак для случаев, когда мать убивает двух или более новорожденных. Это позволит

более точно отражать степень общественной опасности таких деяний и обеспечит справедливое наказание для виновных.

Ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации относится к категории преступлений средней тяжести, и в случае совершения данного преступления лицу предоставляется возможность получения отсрочки отбывания наказания, что регламентировано ст. 82 УК РФ. Эта норма позволяет осужденным, которые впервые совершили преступление и не представляют опасности для общества, избежать немедленного лишения свободы. Однако, если преступление подпадает под признаки п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть относится к особо тяжким преступлениям, такая отсрочка не предоставляется.

Интересно отметить, что в практике правоприменения существуют случаи, когда женщины, совершившие преступление, связанное с лишением жизни своего новорожденного ребенка, могут быть освобождены от уголовной ответственности. Это возможно в связи с примирением с потерпевшим, что регулируется ст. 76 УК РФ. В таких ситуациях, как правило, учитываются обстоятельства, при которых произошло преступление, а также личные характеристики обвиняемой. Например, если женщина совершила преступление впервые, проявила раскаяние и принесла извинения потерпевшему, это может сыграть решающую роль в решении суда.

Рассмотрим конкретный случай, который произошел 24 мая 2011 г., когда Коряжемский городской суд Архангельский области принял решение прекратить уголовное дело в отношении женщины, обвиняемой по ст. 106 УК РФ. Было установлено, что женщина, лишившая жизни своего новорожденного ребенка, примирилась с потерпевшим, которым являлся отец ребенка. Важно отметить, что гражданский иск по данному делу не был заявлен, что также способствовало прекращению уголовного преследования [6].

На наш взгляд, Пленум Верховного Суда Российской Федерации чрезмерно широко интерпретирует положения ст. 76 Уголовного кодекса РФ, включая в их действие случаи, когда последствия преступления приводят к смерти потерпевшего. Важно отметить, что в ч. 1 ст. 76 УК РФ законодателем подразумевается потерпевший не как формальный участник уголовного процесса, а как конкретное лицо, которое стало жертвой преступления небольшой или средней тяжести [2].

Согласно действующему законодательству, только это лицо наделено правом давать согласие на освобождение виновного от уголовной ответственности в результате примирения. Это согласие подразумевает, что потерпевший имеет возможность оценить ситуацию, принять решение о том, каким образом и в каком размере будет возмещён причинённый вред. Важно, чтобы потерпевший был в состоянии осознанно и свободно принимать такие решения, что невозможно в случаях, когда речь идет о смерти.

Расширенное толкование ст. 76 УК РФ на случаи, связанные со смертью потерпевшего, может привести к правовым последствиям, которые не соответствуют духу и букве закона. Это создаёт риск нарушения прав потерпевших, которые не могут участвовать в процессе примирения и не имеют возможности выразить своё мнение о последствиях преступления.

В настоящее время проблема квалификации убийства матерью новорожденного ребенка является весьма актуальной и многогранной. Существующие нормы уголовного законодательства, в частности ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, требуют пересмотра и уточнения, чтобы более точно отражать особенности таких преступлений. Необходимо учитывать, что убийство новорожденного зачастую происходит в условиях сильного эмоционального стресса, вызванного послеродовыми психозами или другими психическими расстройствами, что требует более деликатного подхода к квалификации таких деяний.

В связи с этим целесообразно внести изменения в ст. 106 УК РФ, чтобы учесть специфику подобных случаев. Кроме того, важно разработать отдельное Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве матерью новорожденного ребенка», которое могло бы систематизировать и разъяснить практику применения данной статьи, а также дать рекомендации по учету психологического состояния обвиняемых.

Литература:

1. Количество зарегистрированных случаев детоубийств, совершенных матерями с 2008 по 2021 гг. URL: https://www.statista.com/statistics/1036554/russia-number-of-infanticides-by-mothers/.
2. Скрипченко Н.Ю., Корнеева Я.А. К вопросу об уголовно-правовой охране жизни новорожденного ребенка // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 202–209.
3. Изаксон Р.А. Проблемы современной регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в России // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3(82). С. 61–66.

4. Гоппе О.А. Суррогатная мать, биологическая мать как субъекты уголовной ответственности за убийство новорожденного ребенка // Роль молодежи в развитии общества: материалы V региональной учебно-исследовательской конф. студентов проф. образ. организаций, Омск, 18 марта 2021 г. Омск: ЧПОУ «Омский юридический колледж», 2023. С. 38–41.
5. Евстратенко Е.В. Внутриутробное отравление новорожденного: вопросы теории и практики уголовной ответственности матери // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 24. № 2. С. 15–20.
6. РосПравосудие. URL: https://rospravosudie.com/act.
7. Курилова Е.Н. Проблемные аспекты ответственности за преступления в сфере сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, занимающихся проституцией // Наука Красноярья. 2017. Т. 6. № 4-2. С. 11–15.

Problems of Legal Regulation of the Murder of a Newborn Child by a Mother

Sviridov R.V., Zeynalbdyeva A.V.
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin

Currently, there is an increase in crimes against minors in the Russian Federation. In this paper, the authors paid attention to the peculiarities of the qualification of the murder of a newborn child by a mother. The purpose of the article is to develop criminal law measures to counteract this negative phenomenon. The tasks are: to identify problems arising in the qualification of this act; to develop proposals for improving current legislation; to consider issues related to the moment of the beginning of life and the consolidation of the legal status of the embryo. The scientific and practical significance is due to the fact that the authors have identified gaps in the current legislation in the field of the murder of a newborn child by a mother. The main results were proposals for amendments and additions to the current criminal legislation of the Russian Federation. The value of the conducted research lies in the possibility of increasing the effectiveness of countering the murders of a newborn child by mothers.

Keywords: murder, surrogate mother, newborn, traumatic situation, privileged murder, the beginning of life

УДК 347.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-223-226

Проблемные вопросы реализации права на доступ к правосудию в условиях цифровизации судебной системы



Шухарева А.В.
Кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры гражданского права
и процесса Нижегородской академии МВД России

В статье анализируется проблема обеспечения доступа граждан к правосудию в условиях внедрения цифровых технологий в гражданское судопроизводство. Автор рассматривает проблемы существующих механизмов электронного документооборота, причинами которых являются в том числе технические барьеры и сбои в работе. Анализируются материалы судебной практики в части решения вопросов о восстановлении процессуальных сроков, пропущенных по причине сбоев в работе электронных сервисов. Ценность проведенного исследования заключается в выработке рекомендаций по обоснованию уважительности причин пропуска срока в случае технического сбоя, а также по повышению эффективности удаленного взаимодействия участников гражданского процесса.

Ключевые слова: *правосудие, цифровизация, электронное правосудие, технический сбой, процессуальный срок, восстановление срока*

Для цитирования: *Шухарева А.В. Проблемные вопросы реализации права на доступ к правосудию в условиях цифровизации судебной системы // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 223–226. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-223-226.*

Активное использование информационных технологий является современной мировой тенденцией. Все больше юридических процедур и процессуальных действий реализуется с помощью цифровой информации, что, по словам Президента России В.В. Путина, «должно служить повышению гарантий прав граждан и юридических лиц на качественную и справедливую судебную защиту» [1]. Революционные изменения в области информационных технологий существенно повлияли на процесс судопроизводства, сделав его более доступным для граждан. Законодательное закрепление и практическое внедрение электронных форм взаимодействия с судебными органами стало значительным шагом вперед в развитии российской правовой системы.

Стремительный рост популярности дистанционной подачи процессуальных документов обусловлен не только технологическим прогрессом, но и глобальными вызовами современности, требующими адаптации судебной системы к новым реалиям. Однако по мере развития электронного правосудия возникает множество вопросов, требующих тщательного анализа и проработки.

Особую озабоченность вызывает необходимость обеспечения равного доступа всех категорий граждан к электронным сервисам судебной системы. Критически важно оценить, насколько цифровизация судопроизводства действительно облегчает взаимодействие граждан с судебными органами, не создает ли она дополнительных барьеров для отдельных категорий населения. Требуется постоянный мониторинг эффективности внедряемых электронных процедур и их соответствия конституционным принципам равенства и доступности правосудия.

Однако существующие механизмы электронного документооборота в судах сталкиваются с рядом существенных ограничений и технических барьеров.

Судебный департамент, регламентируя процедуру подачи документов в электронном виде, установил достаточно консервативный подход, ограничив возможности заявителей единственным каналом коммуникации – заполнением специальной формы на официальных сайтах судов [2]. Такая монополизация способа подачи документов в совокупности с избыточными требованиями к предоставляемой информации об участниках процесса и техническими ограничениями по объему загружаемых файлов существенно снижает потенциальную эффективность цифровой трансформации судопроизводства.

Практика показывает, что функционирование электронных систем часто осложняется техническими неполадками и системными сбоями, что создает дополнительные препятствия для граждан при обращении в суд. Назрела необходимость модернизации существующей системы путем внедрения альтернативных каналов электронной подачи документов и оптимизации технических требований к загружаемым материалам.

Так, из-за хакерской атаки 7 октября 2024 г. перестали работать сайты федеральных судов (на доменах *arbitr.ru, sudrf.ru*), мировых судей (*msudrf.ru*), Судебного департамента при Верховном Суде РФ и его управлений в субъектах Федерации, а также официальные ресурсы органов судейского сообщества. Подача процессуальных обращений и жалоб в электронном виде через модули «Электронное правосудие» и «Система подачи жалоб» на сайтах судов и на Едином портале государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) также не работала.

При рассмотрении правовых вопросов в судебной практике нередко возникают ситуации, связанные с процессуальными сроками. Решение о восстановлении срока принимается судьями индивидуально в каждом конкретном случае, основываясь на их профессиональном опыте и внутреннем убеждении. Несмотря на наличие общих правовых норм и критериев, определяющих возможность восстановления срока, окончательное решение во многом зависит от субъективной оценки обстоятельств дела конкретным судьей. Это создает определенную степень непредсказуемости в исходе подобных ходатайств. Поэтому заявителям следует максимально убедительно обосновывать уважительность причин пропуска срока и подкреплять свою позицию весомыми доказательствами.

Перечень уважительных причин пропуска срока открытый. Поэтому участник спора может ссылаться и на технический сбой в доступе к информационных сервисам подачи заявлений. Анализ материалов судебной практики в части решения вопроса о восстановлении пропущенного срока по причине невозможности воспользоваться электронным ресурсом показывает, что один только факт технического сбоя не является абсолютным и безусловным основанием для восстановления.

Так, например, участнику отказано в восстановлении процессуального срока с целью обращения в суд с заявлением о признании незаконным решения финансового уполномоченного от 17.02.2020 г. При этом в тексте определения от 15.05.2020 г. указано, что в качестве обоснования для длительного пропуска срока обращения в суд заявитель ссылался на технический сбой в ГАС «Правосудие», однако суд признал изложенные заявителем причины неуважительными и пришел к выводу об отказе в восстановлении срока [3].

В другом определении Верховным Судом РФ отмечено, что заявитель не привел причины, объективно воспрепятствовавшие направлению кассационной жалобы в Верховный Суд Российской Федерации в установленный законом срок – с 04.08.2022 по 03.10.2022 гг., в том числе другими (помимо электронной системы подачи документов) предусмотренными законом способами. Кроме того, приложенный к кассационной жалобе документ не подтверждает невозможность подачи жалобы посредством электронной системы подачи документов в период с 03.10.2022 по 10.10.2022 гг. Даже если согласиться с невозможностью подачи жалобы 03.10.2022 г., уважительность причин просрочки в период с 04.10.2022 по 07.10.2022 гг. (последний рабочий день перед днем подачи жалобы) не подтверждена [4].

Таким образом, суды указывают на возможность подачи документов иным способом и отсутствие в деле доказательств сбоя в системе. «Истец был вправе подать апелляционную жалобу посредством почтового отправления или непосредственно в суд через канцелярию суда. Указанным правом истец не воспользовался» [5]. Практически во всех «отказных» определениях суды мотивируют свое решение тем, что участники допускали длительную просрочку направления документа: от месяца и более.

В некоторых случаях сроки по обсуждаемому основанию все же восстанавливают. И ключевую роль в этом играет именно количество дней, на которые опоздал заявитель. Примером является определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-2932/2023. В этом споре заявитель своевременно подал апелляционную жалобу в электронном виде, но из-за сбоя в системе документ не поступил. Суд восстановил пропущенный срок, приняв во внимание незначительный пропуск – всего четыре дня. Верховный Суд РФ также не раз подтверждал правильность восстановления сроков при техническом сбое при определенных условиях. Сбой подтверждался снимками экранов, в дополнение к этому указывается на незначительный пропуск срока.

При рассмотрении правовых вопросов в судебной практике нередко возникают ситуации, связан-

ные с процессуальными сроками. Восстановление пропущенного срока представляет собой сложную юридическую процедуру, требующую тщательного обоснования. Важно понимать, что решение о восстановлении срока принимается судьями индивидуально в каждом конкретном случае, основываясь на их профессиональном опыте и внутреннем убеждении. Несмотря на наличие общих правовых норм и критериев, определяющих возможность восстановления срока, окончательное решение во многом зависит от субъективной оценки обстоятельств дела конкретным судьей. Это создает определенную степень непредсказуемости в исходе подобных ходатайств. Поэтому заявителям следует максимально убедительно обосновывать уважительность причин пропуска срока и подкреплять свою позицию весомыми доказательствами.

Следует отметить, что суды восстанавливали сроки, пропущенные по причине сбоя не только в работе систем ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», а также сайтах судов, но и в работе сервиса отправки электронных писем «Почты России». Участник указывал на то, что 29.12.2023 г., одновременно с апелляционной жалобой, направленной в суд апелляционной инстанции, им была подана в суд первой инстанции апелляционная жалоба на решение суда по настоящему делу посредством почтового отправления в виде электронного письма, однако указанное отправление не было принято в связи с тем, что в работе сервиса «Электронные заказные письма Почты России» с 19.12.2023 по 25.01.2024 гг. возникли технические проблемы, повлиявшие на обработку и прием писем, в связи с чем электронные почтовые отправления не были приняты, трек-номера не были сформированы. Обстоятельства, на которые ссылается податель жалобы, подтверждаются письмом Почты России от 06.03.2024 г. № Ф82-05/31981. Таким образом, материалами дела подтверждается, что общество подало апелляционную жалобу в виде электронного письма через сервис Почты России в пределах установленного процессуального срока, но жалоба не поступила в арбитражный суд в связи с имевшим место техническим сбоем в работе сервиса «Электронные заказные письма Почты России», то есть не по вине подателя жалобы. Срок восстановлен [6].

Несмотря на наличие положительной судебной практики по восстановлению сроков в случае технических сбоев, не стоит полагаться лишь на электронную подачу документов. Это поможет избежать пропуска важных процессуальных сроков и связанных с этим рисков для участников споров. А если нарушения сроков избежать не удалось, нужно сделать все, чтобы он был незначительным, – это повысит шансы на его восстановление судом.

Для повышения доступности правосудия целесообразно рассмотреть возможность использования других защищенных электронных каналов связи, включая государственные информационные системы и специализированные мобильные приложения.

В современном цифровом мире автоматизация процессов подачи и обработки документов становится неотъемлемой частью делопроизводства. Эффективное функционирование электронных систем документооборота напрямую зависит от четкой регламентации всех процессов взаимодействия.

Важным элементом является прозрачность алгоритмов обработки заявок, поскольку их непрозрачность существенно затрудняет процесс обжалования автоматических отказов. Заявители часто сталкиваются с ситуацией, когда система отклоняет документы без детального объяснения причин, что создает дополнительные сложности при попытках исправить ошибки.

В этой связи первостепенное значение приобретает четкая организация работы технической поддержки и установление регламентированных процедур взаимодействия с ней. Необходимо законодательно закрепить статус обращений в службу поддержки, определить четкие временные рамки их рассмотрения и порядок обработки запросов.

Для участников споров в качестве рекомендаций следует отметить следующее. Первостепенной задачей является документирование всех технических сбоев и неудачных попыток подачи документации в электронном виде. Это включает создание скриншотов экрана с ошибками и немедленное обращение в службу технической поддержки информационной системы.

Далее необходимо зафиксировать объективные препятствия, такие как территориальная удаленность заявителя от места подачи документов, режим работы почтовых отделений и другие существенные обстоятельства, делающие невозможным своевременную подачу документов иными способами.

При первой же возможности следует незамедлительно направить документы в судебную инстанцию, приложив ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока. В ходатайстве важно подробно описать все предпринятые попытки своевременной подачи документов и приложить собранные доказательства технических сбоев и объективных препятствий. Такой комплексный подход поможет обосновать уважительность причин пропуска срока и увеличит шансы на его восстановление судом.

Особую актуальность данному вопросу придает то обстоятельство, что несвоевременная подача документов может иметь серьезные правовые последствия для заявителей. Поэтому крайне важно создать эффективную систему технической поддержки, способную оперативно решать возникающие проблемы и предотвращать срывы сроков подачи документов.

Решение этих вопросов требует комплексного подхода, включающего как технические, так и организационно-правовые меры по совершенствованию существующей системы.

Литература:

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина. URL: https://newtech.legal/cabinet/catalog/sudya/4279/5091/
2. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.
3. Решение Ленинского районного суда г. Тамбова от 8 сентября 2020 г. по делу № 2-1653/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/J12nB8bUHpxE/(дата обращения: 16.01.2025).
4. Определение Верховного Суда от 12 октября 2022 г. по делу № А40-69663/2017. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/tovXIKqXr8N/ (дата обращения: 16.01.2025).
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 октября 2022 г. по делу № А40-288477/21. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/f8712865-1ccd-4d0f-9e26-1219a7322e42/ (дата обращения: 16.01.2025).
6. Постановление Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 28 марта 2024 года по делу № А56-73306/2023. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/1703a9c6-59e8-4d23-b69f-0ccc64c1f1b3 (дата обращения: 16.01.2025).

Problematic Issues of Implementing the Right to Access to Justice in the Context of Digitalization of the Judicial System

Shukhareva A.V.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the problem of ensuring citizens' access to justice in the context of the introduction of digital technologies in civil proceedings. The author examines the problems of existing electronic document management mechanisms, the reasons for which include technical barriers and operational failures. The materials of judicial practice are analyzed in terms of resolving issues of restoring procedural deadlines missed due to failures in the operation of electronic services. The value of the study lies in the development of recommendations for justifying the validity of the reasons for missing a deadline in the event of a technical failure, as well as for increasing the efficiency of remote interaction between participants in civil proceedings.

Key words: justice, digitalization, electronic justice, technical failure, procedural deadline, restoration of deadline

УДК 349.22
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-227-231

Правовое регулирование института наставничества: вопросы теории и практики



Щурикова Л.Г.
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры инновационного предпринимательства,
права и финансового менеджмента Казанского национального
исследовательского технологического университета



Макаров Т.Г.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского
государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева



Ситникова И.Е.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева

Актуальность данного исследования определена тем, что в сложных экономических условиях, когда большинство работодателей сферы производства сталкивается с необходимостью решения проблемы дефицита квалифицированной рабочей силы, обеспечивающей решение задач в сфере производства государственно-значимой продукции, кадровое обеспечение деятельности организации становится не только задачей отдельных работодателей, но и государства в целом, приобретая политический характер. В качестве одного из направлений деятельности государства в данной сфере является повышение эффективности правовой регламентации института наставничества как одной из форм профессиональной адаптации и удержания специалистов в организации.

Целью данного исследования является анализ эффективности правовых основ функционирования института наставничества. Задачей исследования является изучение имеющейся на момент исследования нормативной базы, лежащей в основе функционирования института наставничества. Научная значимость исследования состоит в выявлении правовых пробелов, снижающих эффективность правовой регламентации функционирования института наставничества.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в целях повышения эффективности правового регулирования функционирования ин-

ститута наставничества. Научная новизна исследования состоит в предложенных авторами направлениях повышения эффективности правового регулирования функционирования института наставничества.

В процессе проведенного исследования авторами делается вывод о необходимости усиления роли государственных органов в правовой регламентации института наставничества в целях решения задачи кадрового обеспечения деятельности организаций.

Ключевые слова: *кадровый дефицит, профессиональная адаптация, институт наставничества, правовая регламентация института наставничества*

Для цитирования: *Щурикова Л.Г., Макаров Т.Г., Ситникова И.Е. Правовое регулирование института наставничества: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 227–231. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-227-231.*

В современных условиях экономического развития все большее количество работодателей сталкивается с необходимостью решения задачи кадрового обеспечения деятельности организации. Особенно дефицитными стали рабочие профессии. Причинами дефицита кадров на рынке труда рабочих профессий являются как наличие демографических проблем и достаточно невысокий уровень автоматизации на промышленных предприятиях, так и недостаточно эффективная политика государства в сфере подготовки специалистов рабочих профессий, в результате которой с рынка труда уходит большое количество работников, достигших пенсионного возраста, а подготовке молодого поколения не уделялось должного внимания. Кадровый голод оказывает негативное влияние не только на производство социально-ориентированной продукции, необходимой для выполнения государством социальных обязательств перед населением страны, но и влияет на производство товаров, обеспечивающих экономический и политический суверенитет государства в целом. В связи с этим возникает необходимость принятия государственных мер, направленных на решение задачи кадрового обеспечения деятельности организаций, необходимого для их эффективной экономической деятельности.

В условиях дефицита рабочей силы перед работодателями стоит задача не только поиска необходимых им работников нужной квалификации, но и их удержания. Решение данной задачи обеспечивается посредством планирования и реализации деятельности по трудовой адаптации работников в организации, посредством которой формируются необходимые связи работника с организацией и обеспечивается наиболее комфортное его включение в ее деятельность.

В настоящее время основными формами трудовой адаптации являются следующие:

1. Профессиональная подготовка и переподготовка непосредственно у работодателя. Данная форма трудовой адаптации применяется в отношении как вновь принимаемых работников, не имеющих профессии и желающих получить ее, так и работников организации, желающих получить новую профессию, в том числе и в связи с принятием работодателем решения о сокращении численности или штата работников организации вследствие невостребованности того функционала, который ранее ими реализовывался. С данными работниками заключается ученический договор. Порядок его заключения, а также права и обязанности сторон ученического договора достаточно подробно урегулированы положениями гл. 32 Трудового кодекса РФ. [1] Основной целью данной формы является решение проблемы дефицита рабочей силы посредством организации внутреннего профессионального обучения.

2. Наставничество. Представляет собой решение проблемы адаптации и профессионального развития вновь принимаемых в организацию работников посредством передачи им навыков и опыта наставника, создания приемлемых для них условий труда и мотивирующих их как можно к более долгому сохранению профессиональной связи с данным работодателем.

Несмотря на то что институт наставничества имеет достаточно долгую историю и хорошо известен всем работодателям, далеко не все они используют в полной мере тот потенциал, который имеет данный институт именно в сфере удержания необходимых работодателю специалистов. А те работодатели, которые практикуют институт наставничества у себя в организациях, как правило, это достаточно крупные промышленные предприятия, чаще всего рассматривают его как бесплатный ресурс, который должен решить проблему адаптации вновь принимаемых в организацию работников посредством возложения на отдельных высококвалифицированных работников практически общественной нагрузки по их сопровождению, что в отсутствии заинтересованности наставника в результатах наставничества делает эту процедуру достаточно формальной и не приводит к желаемому результату.

Среди основных проблем повышения эффективности функционирования института наставничества – отсутствие регламентов и стандартов деятельности наставников, формальное выполнение обязанностей в связи с отсутствием мотивации к выполнению обязанностей наставника и вследствие этого – интереса к дальнейшей профессиональной судьбе подопечного, формальное или полное отсутствие контроля за выполнением наставником его обязанностей.

По нашему мнению, повышение эффективности функционирования института наставничества неразрывно связано с деятельностью государства по определению и закреплению его правовых основ как на законодательном уровне, посредством внесения соответствующих положений в содержание базового законодательного акта в сфере регулирования труда – Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), так и посредством подзаконного нормотворчества.

Определенные шаги в сфере повышения эффективности правового регулирования функционирования института наставничества на государственном уровне уже предпринимаются. В частности, Федеральным законом от 09.11.2024 г. № 381-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации» Трудовой кодекс дополнен ст. 351.8, закрепляющей правовые основы организации наставничества (вводится в действие с 1 марта 2025 г.) [2]. Положениями данной статьи определено понятие наставничества, а также определены его правовые основы. На законодательном уровне закреплена обязанность работодателя получать письменное согласие работника на выполнение обязанностей наставника, а также включать условия выполнения функции наставника в содержание трудового договора или дополнительного соглашения к трудовому договору, а именно – сроки, формы и содержание такой работы. Закреплена также обязанность оплаты выполнения работником обязанностей наставника, что призвано обеспечить решение задачи повышения мотивации работников к реализации данных функций.

Несмотря на всю значимость данной статьи для установления правовых основ реализации института наставничества, в случае определения размера денежного вознаграждения наставника, что является значимым мотивационным фактором реализации работником данных обязанностей, она имеет отсылочный характер. Данной статьей закреплен порядок определения денежного вознаграждения наставников государственных и муниципальных учреждений посредством принятия нормативных актов федерального и регионального уровней. Денежное вознаграждение наставников иных организаций определяется посредством принятия коллективных договоров, иных локальных нормативных актов организации, отраслевыми соглашениями.

Коллективный договор имеет особое значение для защиты интересов работников в трудовых отношениях, так как именно при его заключении работники могут максимальным образом реализовать свое право на участие в управлении организацией. Посредством включения в коллективный договор соответствующего раздела, определяющего правовой статус наставника данной организации, могут быть максимально обеспечены его интересы, прежде всего в сфере материального стимулирования его труда.

Кроме того, включение в коллективный договор данного раздела также позволит включить в деятельность по трудовой адаптации работников их представительные органы посредством создания совместных комиссий по организации наставничества и по осуществлению контроля в данной сфере. В этом случае эффективность деятельности первичных профсоюзных организаций может оцениваться вышестоящими профсоюзными организациями, в том числе посредством оценки эффективности их участия в деятельности по трудовой адаптации работников организации.

К сожалению, анализ существующей практики реализации положений коллективных договоров позволяет нам сделать вывод о том, что далеко не все их положения реализуются работодателем в полной мере. На это также указывают в своих исследованиях А.В. Присекин, А.С. Новиков. Данные исследователи совершенно верно акцентируют наше внимание на том факте, что в сложных экономических условиях работодатели стараются минимизировать свои издержки, в том числе и посредством отказа от выполнения дополнительных финансовых обязательств, предусмотренных положениями коллективных договоров [3, с. 356], а для многих работодателей коллективный договор носит и вовсе формальный характер. На формальность положений коллективных договоров в части финансовых обязательств работодателя влияет также отсутствие в настоящее время эффективного правового механизма осуществления государственного контроля в сфере исполнения работодателем обязательств, предусмотренных коллективным договором. При этом общественный контроль в сфере исполнения положений коллективных договоров, осуществляемый представительными органами работников, носит достаточно условный характер в силу зависимости их членов от работодателя, что не делает его эффективным средством реализации интересов работников, в том числе и при осуществлении функций наставников. На наличие проблем осуществления контроля за соблюдением положений коллективного договора также указывает в своем исследовании и Н.А. Филипцова [4]. Данный автор обращает внимание на наличие административной ответственности сторон социального партнерства за неисполнение условий

коллективных договоров. Вместе с тем необходимо отметить, что предусмотренная положениями ст. 5.31 Кодекса РФ об административных правонарушениях [5] ответственность работодателя за неисполнение им обязательств по коллективному договору носит достаточно редкий характер вследствие того, что плановые контрольно-надзорные мероприятия, предметом которых может быть соблюдение работодателем положений коллективных договоров, законодательством не предусмотрены. В настоящее время предметом плановой проверки может быть только соблюдение работодателем условий отраслевых и межотраслевых соглашений. Государственный контроль в сфере исполнения обязательств по коллективному договору может осуществляться исключительно во внеплановом порядке по заявлениям заинтересованных лиц. В свою очередь, представительные органы работников либо сами работники, как правило, стараются не обращаться в государственные органы за защитой своих прав в сфере реализации обязательств работодателя, предусмотренных коллективным договором, опасаясь дальнейшей негативной реакции с его стороны.

Решение вопроса повышения эффективности положений коллективного договора в сфере функционирования института наставничества возможно посредством усиления регуляторной функции отраслевых соглашений, предусматривающей включение в их содержание норм обязательного характера, закрепляющих необходимый для обеспечения эффективности деятельности наставников уровень гарантий, в том числе и в сфере оплаты их труда. В настоящее время большинство положений отраслевых соглашений, предполагающих возложение на работодателя дополнительных финансовых обязательств по отношению к работникам, носит рекомендательный для работодателя характер, что значительно снижает их регуляторную эффективность в сфере защиты финансовых интересов работников. Закрепляя обязанность работодателя по выплате денежного вознаграждения за выполнение обязанностей наставника, как правило, отраслевые соглашения предусматривают определение его размера самими работодателями. Особенно это характерно для отраслевых соглашений, заключаемых в отношении предприятий бюджетной сферы, предполагающей наличие обязанностей по дополнительному бюджетному финансированию данных организаций [6]. Кроме того, альтернативный порядок установления дополнительных выплат наставникам, установленный положениями ст. 351.8 ТК РФ, не предусматривающий обязанности регулирования оплаты труда наставника именно на уровне отраслевых соглашений, являющихся обязательными для работодателей, и дающий право работодателям устанавливать размер доплат наставникам посредством положений коллективного договора либо иного локального акта организации, позволяет работодателям устанавливать минимальные надбавки в данной сфере деятельности работника, что только формально обеспечит соблюдение требований трудового законодательства и не отвечает интересам работников, на которых возлагается реализация функций наставника.

В целях регулирования труда наставников в организациях также могут приниматься и иные локальные нормативные акты, например, Положение о наставничестве. Порядок оплаты труда наставника может быть также урегулирован Положением об оплате труда работников организации.

В качестве заключения можно сделать следующий вывод: наличие имеющихся проблем в сфере повышения эффективности функционирования института наставничества требует более активного вмешательства государственных органов в его регламентацию. В целях оказания правовой информационной поддержки в сфере локального регулирования деятельности наставника на государственном уровне могут быть разработаны как Методические рекомендации организации деятельности наставника, так и примерное Положение о наставничестве, которое может служить образцом для принятия соответствующих документов на уровне организации.

Кроме того, в целях повышения роли представительных органов работников в деятельности по профессиональной адаптации работников ст. 27 ТК РФ, определяющая формы социального партнерства, может быть дополнена следующей формой – участие работников, их представителей в деятельности по профессиональной адаптации работников организации. Включение данной формы социального партнерства может стать правовой основой создания в организации совместных комиссий по организации и контролю в сфере профессиональной адаптации вновь принимаемых работников, способствующей решению задачи кадрового обеспечения деятельности организации.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон от 09.11.2024 г. № 381-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Присекин А.В., Новиков А.С. Проблемы реализации коллективного договора в трудовом законодательстве // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 4 (33). С. 356–359.
4. Филипцова Н.А. Проблемы осуществления контроля за выполнением коллективного договора // Вестник Воронежского государственного университета. 2020. № 2. С. 112–117.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
6. Малышев М.А. Проблема реализации Генерального соглашения через систему коллективных договоров и соглашений // Труд и социальные отношения. 2021. Т. 32. № 1. С. 119–138.

Legal Regulation of the Institution of Mentoring: Issues of Theory and Practice

Shchurikova L.G.
Kazan National Research Technological University
Makarov T.G.
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice
Sitnikova I.E.
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov,
Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

The relevance of this study is determined by the fact that in difficult economic conditions, when most employers in the manufacturing sector face the need to solve the problem of a shortage of skilled labor, ensuring the solution of problems in the production of state-important products, staffing of the organization's activities becomes not only the task of individual employers, but also of the state as a whole, acquiring a political character. One of the areas of state activity in this area is to increase the effectiveness of legal regulation of the mentoring institution as one of the forms of professional adaptation and retention of specialists in the organization.

The purpose of this study is to analyze the effectiveness of the legal framework for the functioning of the mentoring institution. The objective of the study is to study the existing regulatory framework at the time of the study, which underlies the functioning of the mentoring institution. The scientific significance of the study is to identify legal gaps that reduce the effectiveness of legal regulation of the functioning of the mentoring institution.

The practical significance of the study lies in the possibility of using its results to improve the efficiency of legal regulation of the functioning of the mentoring institution. The scientific novelty of the study lies in the directions proposed by the authors for improving the efficiency of legal regulation of the functioning of the mentoring institution.

In the course of the study, the authors conclude that it is necessary to strengthen the role of government agencies in the legal regulation of the mentoring institution in order to solve the problem of staffing the activities of organizations.

Keywords: personnel shortage, professional adaptation, mentoring institution, legal regulation of mentoring institution

УДК 346.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-232-238

Правовое регулирование франчайзинга во Франции*



Ющенко Н.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры юридических дисциплин
Набережночелнинского института (филиала)
Казанского (Приволжского) федерального университета

На европейском континенте Франция является основным лидером по количеству франчайзинговых сетей и объему прибыли от их оборота, что обусловлено длительной историей применения франчайзинговых моделей в этой стране. Правовая база регулирования франчайзинговых отношений включает в себя нормы гражданского и торгового права, а также ряд специальных законодательных актов публично-правового порядка, направленных на обеспечение интересов их участников. Французское законодательство характеризуется «мягким» правом, что способствует популярности и динамичному развитию франчайзинга. Однако сложность и многогранность франчайзинговых отношений, а также появление новых технологических особенностей производства и рынков сбыта требуют постоянного анализа и совершенствования механизмов правового регулирования данной сферы бизнеса.

Целью исследования является анализ законодательства, доктринальных подходов и правоприменительной практики в области франчайзинговых отношений во Франции. Цель научного исследования обуславливает его задачи: определить частноправовую основу регулирования франчайзинговых отношений с учетом реформирования законодательства Франции; выявить ключевые проблемы и риски, возникающие в рамках франчайзинговых отношений; рассмотреть механизм регулирования ограничительной торговой практики, направленный на защиту конкуренции и стабильности рынка.

Практическая значимость исследования заключается в определении тенденций развития современной системы нормативного регулирования франчайзинговых отношений во Франции и возможности формирования аналогичных правовых институтов в России. В работе определено, во-первых, влияние общего договорного права на специальное регулирование франчайзинговых отношений; во-вторых, сделан акцент в правовой регламентации частноправовых отношений на преддоговорные обязательства их участников, имеющих сложную структуру; в-третьих, рассмотрено включение в нормы законодательства механизмов, направленных на сбалансированность договорных отношений, таких как злоупотребление экономической зависимостью, ограничительная торговая практика и др. Основные выводы, сделанные в работе, могут способствовать гармонизации французского законодательства и международному сотрудничеству, а также содействовать более устойчивому развитию франчайзинговых отношений.

* Публикация осуществляется в рамках проекта «Создание учебного курса «Актуальные проблемы правового регулирования франчайзинга в России и за рубежом», реализуемого победителем грантового конкурса для преподавателей 2023/2024 Стипендиальной программы Владимира Потанина.

Ключевые слова: *франчайзинг, франшиза, гражданское право, интеллектуальная собственность, договорное право, законодательство Франции*

Для цитирования: *Ющенко Н.А. Правовое регулирование франчайзинга во Франции // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 232–238. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-232-238.*

Современное развитие франчайзинга во Франции приходится на 60-е гг. прошлого столетия в основном на такие секторы услуг, как: продукты питания, производство оборудования и др. [1]. В 2023 г. Франция насчитывает около 2035 сетей или 92 132 торговых точек (по сравнению с 84 497 в 2022 г.), на которые приходится 88,49 млрд евро оборота (по сравнению с 76,62 млрд евро в 2022 г.) и 952 620 прямых и косвенных рабочих мест (842 140 прямых рабочих мест) [2]. Перспективными сферами развития франчайзинга во Франции в настоящее время являются: оптовая и розничная торговля продуктами питания, сфера обслуживания, легкая промышленность и быстрое питание [3]. Большинство франчайзинговых сетей являются смешанными, то есть они объединяют собственные торговые точки франчайзера и франчайзи [4].

Легального определения понятия франчайзинга во Франции не существует. За многолетнюю практику его применения во Франции рассматриваемое понятие было выработано доктриной и правоприменительной практикой.

В соответствии с Европейским кодексом этики франчайзинга (*EEF*) [5] Европейской федерации франчайзинга (*EFF*) [6], членом которой является Французская федерация франчайзинга и на которую она ссылается, «франчайзинг – это система маркетинга продуктов и/или услуг и/или технологий, основанная на тесном и постоянном сотрудничестве между юридически и финансово обособленными и независимыми компаниями, франчайзером и его франчайзи, в которой франчайзер предоставляет своим франчайзи право и налагает на них обязательства вести бизнес в соответствии с концепцией франчайзера. Предоставляемое таким образом право уполномочивает и обязывает франчайзи в обмен на прямой или косвенный финансовый взнос использовать бренд и/или торговую марку продуктов и/или услуг, ноу-хау и другие права интеллектуальной собственности, подкрепленные постоянным предоставлением коммерческой и/или технической помощи, в рамках и на срок действия письменного договора франчайзинга, заключенного между сторонами для этой цели».

Таким образом, для признания сложившихся фактических отношений между их участниками как договором франшизы необходимо наличие следующих критериев: во-первых, договор должен включать передачу права использования отличительных знаков (торгового наименования, товарного знака или знака обслуживания, или и того и другого); во-вторых, договор должен предусматривать передачу ноу-хау; в-третьих, франчайзер должен осуществлять постоянную коммерческую и техническую помощь в ходе исполнения договора.

При квалификации договора франчайзинга суды оценивают обязательное наличие ноу-хау как основного критерия отграничения договора франчайзинга от других типов договоров. Если при анализе фактических отношений будет установлено отсутствие ноу-хау, суд может либо расторгнуть договор, либо присудить возмещение убытков за нарушение договора «псевдо-франчайзером» [7].

Нормативной основой франчайзинга во Франции является Торговый кодекс Франции (далее – ТК) [8] а именно:

– нормы, запрещающие антиконкурентные действия, выражающиеся в: установлении цен, ограничении доступа на рынок, ограничении или контроле производства и инвестиций, а также распределении рынков и поставок товаров (ст. L420-2 и др.);

– нормы, устанавливающие запрет на ограничительную торговую практику, направленную на извлечение необоснованных преимуществ от контрагента, формирование намеренного дисбаланса в распределении прав и обязанностей между участниками правоотношений (ст. L442-1 и др.);

– нормы, определяющие максимальный срок действия соглашения о предоставлении исключительных прав на реализацию определенных товаров и/или услуг на согласованной территории и предусматривающие запрет на заключение аналогичных сделок с другими конкурентами – 10 лет (ст. ст. L330-1 и L330-2);

– нормы, обуславливающие требования о раскрытии информации до заключения соглашений об исключительности и квазиисключительности (то есть не предполагающие абсолютный запрет на взаимоотношения с другими контрагентами на предусмотренной территории, но ограничивающие количество и масштабы деятельности) и соответствующие общим условиям о предварительном раскрытии информации в соответствии с нормами договорного права (ст. L330-3);

– нормы, закрепляющие требования об определении даты прекращения соглашения о предоставлении исключительных прав, а также обязательное установление о постдоговорных отношениях о неконкуренции между участниками этого соглашения (ст.ст. L 341-1 и L 341-2).

Общее договорное право Франции, основанное на принципах обязательности силы договоров и добросовестности поведения их участников и применимое ко франчайзинговым отношениям, подверглось масштабному реформированию в 2016 г. [9]. На основании Гражданского кодекса Франции (далее – ГК) [10] юридически оформленные соглашения для сторон приобретают обязательную силу, такую же как и закон, и должны заключаться и исполняться добросовестно (ст.ст. 1103 и 1104 ГК).

Договор франчайзинга, согласно ГК Франции, можно определить как договор присоединения, общие условия которого не подлежат пересмотру в связи с тем, что по своей правовой природе он направлен на создание единой сети. Признание договора франчайзинга договором присоединения основывается не на фактической, а на потенциальной возможности согласования его положений вне зависимости от того, подлежали ли они пересмотру или нет [11]. Согласно ст. 1171 ГК, если условие договора (за исключением условий о его предмете и цене) «создает существенный дисбаланс между правами и обязанностями сторон, он считается ненаписанным».

Договор, при котором злоупотребление состоянием зависимости одной стороны повлекло вступление в обязательство более слабую сторону, которая не приняла бы на себя обязанности при отсутствии такого состояния, и позволило другой стороне получить «явно чрезмерную выгоду», может быть расторгнут в суде (ст. 1143 ГК). Критерий «злоупотребления экономической зависимостью» определяется правилами ст. L420-2 ТК Франции.

Еще одно «злоупотребление» предусмотрено ст. 1165 ГК: сторона договора, в одностороннем порядке установившая цену (злоупотребление при одностороннем установлении цены) и в случае возникновения спора, не способная обосновать механизм ее формирования, обязана возместить убытки другой стороне.

Ст. 1195 ГК вводит понятие «непредвиденных обстоятельств», которое может применяться сторонами как основание для пересмотра условий договора или его расторжения. Так, при непредвиденном изменении обстоятельств, делающими для стороны исполнение обязательств чрезмерно обременительными, и не согласившаяся принять на себя риск последствий, вправе требовать в судебном порядке изменения или расторжения договора. Однако при механизме пересмотра условий договора должно соблюдаться в совокупности три обстоятельства: 1) факт изменения обстоятельства, которое стороны не могли предусмотреть на момент заключения договора; 2) такое изменение делает исполнение договора чрезмерно обременительным для одной из сторон; 3) такая сторона не приняла на себя риск последствий [12].

Одним из ключевых моментов правового регулирования франчайзинговых отношений является закрепление для обоих его участников обязанности по предоставлению преддоговорной информации.

Преддоговорные отношения участников должны отвечать требованиям добросовестности (ст. 1112 ГК) и предусматривать обязательное предоставление информации, необходимой для заключения договора (ст. 1112-1 ГК). Норма об обязательном раскрытии информации распространяется на любые соглашения и носит императивный характер. Согласно ст. 1112-1 ГК, каждая из сторон должна добровольно проинформировать своего будущего партнера о любых данных, которые она знает и имеют решающее значение для заключения договора.

Для франчайзера предусмотрено второе преддоговорное обязательство по раскрытию информации. На основании ст. L330-3 ТК франчайзер обязан раскрыть определенную информацию о стаже и опыте компании, состоянии и перспективах развития соответствующего рынка, размере сети операторов, сроках действия, условиях продления, расторжения и передачи договора, а также объеме исключительных или квазиисключительных прав. Сам перечень информации, подлежащей предоставлению, указан в ст. R330-1 ТК (с изменениями, вступившими в силу 01.0.1.2024 г. [13]). Он носит исчерпывающий характер и касается:

а) франчайзера (личность и опыт менеджеров, карьерный путь и т.д.);

б) бизнеса франчайзера (дата создания, головной офис, банковские счета, история развития бизнеса, годовая отчетность и т.д.);

в) действующей сети (список участников с указанием даты заключения договоров, список предприятий, предлагающих аналогичную продукцию/услуги в сфере планируемой деятельности, количество участников, вышедших из сети в течение года, предшествовавшего выдаче преддоговорного информационного документа с указанием причин выхода и т.д.);

г) лицензированного товарного знака (дата регистрации, права собственности и использования);

д) общего состояния рынка (о товарах или услугах, охватываемых контрактом) и локального состояния рынка (о планируемой территории), а также информации, относящейся к факторам конкуренции и перспектив развития;

е) существенных элементов проекта договора (срок его действия, продления, расторжения и уступки, а также объем исключительных прав);

ж) финансовых обязательств, возлагаемых на договаривающуюся сторону (характер и размер расходов и инвестиций, которые необходимо будет понести до начала эксплуатации (первоначальный взнос, расходы на установку и т.д.)).

Информация предоставляется франчайзером за последние пять лет, предшествующие году ее передачи, и подтверждается двухлетними финан-

совыми отчетами. Информация должна быть представлена предполагаемой стороне договора письменно в виде преддоговорного информационного документа (далее – *DIP*) не позднее двадцати дней до заключения договора, а в случаях, предусмотренных договором, до предварительной оплаты в преддоговорный период в качестве резервирования исключительного или квазиисключительного права. Вместе с *DIP* предоставляется и проект договора франчайзинга.

Бремя доказывания непредставления информации, в нарушение положений законодательства, лежит на стороне, которой она должна была быть предоставлена. Также эта сторона должна доказать, что она имеет право на ее предоставление (ст. 1112-1 ГК). Правовые последствия неисполнения обязанности по раскрытию информации предусмотрены в виде расторжения договора или признания его недействительным (ст. 1130 ГК). При этом будут учитываться характер участников отношений и обстоятельства, при которых сторона дала согласие на заключение договора (например, ошибка, обман или насилие). Недействительность соглашения может привести к признанию судом дефекта согласия, которую сторона дала в нарушение ст. L330-3 ТК. Следовательно, должник, на котором лежит обязанность по предоставлению информации, должен иметь доказательства факта передачи *DIP* (наличие даты и подписи франчайзи на экземпляре *DIP* франчайзера) [14]. Включение в договор условия о подтверждении получения франчайзи полного *DIP* не признается судом доказательством предоставления информации. В этом случае для привлечения франчайзера к ответственности суды осуществляют неформальный контроль за нарушением обязательства по предоставлению преддоговорной информации и проверкой того, содержал ли предоставленный франчайзером *DIP* информацию, соответствующую требованиям ст. L330-3 ТК Франции. То есть суду необходимо установить конкретное знание франчайзи концепции франчайзинга в целом, принимая во внимание навыки и опыт кандидата на франчайзи [15].

Еще одним из спорных моментов при рассмотрении дел о расторжении договора франчайзинга в связи с нарушением ст. L330-3 ТК Франции является предоставление франчайзером неполной информации в *DIP* и «чрезмерно оптимистического прогноза оборота» [16]. Так, в одном из дел судом было установлено, что *DIP* не соответствовал требованиям законодательства о предоставлении информации о национальном и местном рынках и о количестве компаний, с которыми были расторгнуты договоры франчайзинга в течение года, предшествующего году выдачи *DIP*, а также сообщение франчайзи оптимистически завышенного прогноза оборота от сети. Отказывая в требовании франчайзи о расторжении договора франчайзинга, Апелляционный суд Парижа, отметил, что, во-первых, предоставление франчайзером устаревшей и расплывчатой информации о рынке не может быть квалифицировано как его обман, поскольку компенсируется значительным опытом работы франчайзи в этом секторе [17]. То есть заблуждения франчайзи относительно прибыльности сети не является следствием недостоверной информации, предоставленной франчайзером. Во-вторых, франчайзи должен доказать, что он не заключил бы договор франчайзинга, если бы получил всю требуемую законом информацию. Таким образом, у франчайзи сохраняется только право на возмещение убытков за невыполнение обязательства франчайзером по предоставлению преддоговорной информации [18].

Однако суд может взыскать убытки за завышенный оптимистический прогноз от франчайзинга при условии, если у франчайзи не было возможности контролировать достоверность информации в связи с незначительностью масштаба его деятельности, и если завышение показателей осуществлялось в таких пропорциях, что франчайзи не смог достичь экономической модели, определенной франчайзером [19].

Ст. R330-2 ТК признает невыполнение обязательств, связанных с *DIP* преступлением пятого класса, и предусматривает уголовную ответственность в виде штрафа в размере до 1500 евро, а в случае повторного совершения такого же деяния – до 3000 евро. Если же повторно франчайзер нарушает обязательства по предоставлению преддоговорной информации и действует в качестве юридического лица, то штраф увеличивается в пять раз.

Во Франции сложилась достаточно жесткая нормативная правовая база, регулирующая ограничительную торговую практику, направленную на борьбу с крупными франчайзинговыми сетями в отношениях со своими поставщиками, например, получение неоправданных преимуществ, расторжение долгосрочных договоров и т.д., которые пытаются обойти французское законодательство путем выбора применимого законодательства или юрисдикции другой страны [20]. Это обусловлено тем, что Франция является участницей ЕС и на нее распространяется Регламент ЕС 593/2008 [21] о праве, применимом к договорным положениям (известного как Регламент «Рим I»), который гласит, что: «Преобладающие обязательные положения — это положения, соблюдение которых считается в стране критически важным для защиты ее общественных интересов, таких как политическая, социальная или экономическая организация, в такой степени, что они применимы к любой ситуации, подпадающей под их действие, независимо от закона, применимого к договору в соответствии с настоящим Регламентом» (ст. 9).

С целью формирования прозрачности коммерческих отношений и пресечения недобросовестной конкуренции 30 марта 2023 г. в ТК Франции была введена ст. L444-1 A, устанавливающая, что главы ТК об ограничительной торговой практике применяются к любому соглашению между поставщиком и покупателем, товаров или услуг, продаваемых на территории Франции. Эти положения имеют публично-правовой порядок. Любой спор, связанный с их применением, подпадает под исключительную юрисдикцию французских судов при условии соблюдения законодательства Европейского союза и международных договоров, ратифицированных или одобренных Францией. Следовательно, нормы ТК Франции будут применяться к договору франшизы независимо от выбора сторонами права. Это касается следующих договорных положений, во-первых, об обязательном предоставлении франчайзи счетов и условий оплаты; во-вторых, об определении достаточных сроков уведомления со стороны франчайзера о прекращении договорных отношений; в-третьих, о недопустимости установления односторонних условий, создающих дисбаланс между взаимными обязательствами франчайзера и франчайзи.

Публично-правовым инструментом от ограничительной торговой практики является наделение министра экономики правом подачи заявления в суд на защиту слабой стороны, в том числе в случаях навязывания контрагентом односторонних условий в разработанных последним стандартных соглашений [22]. Так, в деле против *Domino's Pizza*, возбужденном министром экономики Франции, высшие суды Франции признали недействительными ряд положений договора франчайзинга между франчайзером и франчайзи в связи с тем, что они не носили взаимный характер или были слишком условными. Суды пришли к выводу, что при оценке условий договора франшизы необходимо определить наличие существенного дисбаланса между обязательствами франчайзера и франчайзи на основе общего толкования содержания договора и возможностей преимущественного участия в формировании его условий одной из сторон. Таким образом, рассматриваемые решения определили, что вступление во франчайзинговую сеть не означает, что все односторонние положения в договоре франчайзинга являются обоснованными и впоследствии не могут быть аннулированы судом [23].

В рассмотренном контексте правового регулирования франчайзинговых отношений можно сделать ряд выводов. Во-первых, главенствующими нормативными актами, регулирующими франчайзинговые отношения, являются Торговый и Гражданский кодексы Франции, в которых ключевая роль отводится преддоговорным обязательствам. Во-вторых, основой дисбаланса во франчайзинговых отношениях могут служить такие обстоятельства, как недостаточная прозрачность преддоговорной информации и/или введение в заблуждение франчайзи относительно реальной прибыльности бизнеса; включение в договор односторонних условий, что способствует ущемлению прав франчайзи и возникновению споров; навязывание франчайзером невыгодных условий договора при злоупотреблении экономической зависимостью.

Таким образом, усиление судебного контроля за предоставлением преддоговорной информации и предотвращение злоупотреблений со стороны франчайзера, разработка Французской федерацией франчайзинга стандартных форм франчайзинговых соглашений, закрепление норм об ответственности франчайзера за неоказание поддержки франчайзи будут способствовать совершенствованию французского законодательства, минимизации рисков и защите участников франчайзинговых отношений.

Автор выражает благодарность Ющенко Снежане Анатольевне за осуществление перевода иностранной литературы.

Литература:

1. Franchise (réseau commercial). URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Franchise_(réseau_commercial).
2. Indicateurs clés de la franchise: de solides performances confirmées en 2023. Communiqué de presse Février 2024. Fédération Française de la Franchise. URL: https://www.franchise-fff.com/wp-content/uploads/2024/02/FFF-CPA4-indicateursFranchise2024-V5.pdf.
3. Felix W. Attractiveness of France for the development of franchise business. Franchise opportunities in France. URL: https://topfranchise.com/international-franchise-opportunities/european/franchises-in-france/
4. Mellerio R. A general introduction to franchise law in France. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=87ab1ef4-8a9d-4761-9c43-480011006d96.

5. Europese Erecode Inzake Franchising. European Franchise Federation. URL: https://franchiseplus.nl/sites/default/files/paragraph/attachment/file/NFV%20Europese%20Erecode%202016.pdf.
6. European Franchise Federation. URL: https://eff-franchise.com/
7. Bourguet F. France: The intangible elements of the franchise. URL: https://www.roedl.com/insights/france-franchise-franchisor-trademarks#trademark.
8. Code de commerce. URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/fr/fr199en.pdf.
9. Ordonnance № 2016-131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats, du régime général et de la preuve des obligations. NOR : JUSC1522466R. // JORF. 2016. № 26. 11 février. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf?id=uNpE2icpAZrhs7GxvVHBoeNldSv3V6deoj07JYZtOrw=
10. Code civil: Titre III : Des sources d'obligations (Articles 1100 à 1303-4). Création Ordonnance n°2016-131 du 10 février 2016. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA000006118032/#LEGISCTA000032040794.
11. Héry C. L'impact de la réforme du droit des contrats sur les contrats de distribution. URL: https://cheryleblogdeladistrib.wordpress.com/2018/05/20/limpact-de-la-reforme-du-droit-des-contrats-sur-les-contrats-de-distribution/
12. Edon C., Edon O. Distribution L'impact de la réforme du droit des contrats sur les contrats de franchise // Expression Acheter-Louer.fr. 2016. № 51. juillet/août. URL: https://cheryleblogdeladistrib.wordpress.com/2016/07/28/limpact-de-la-reforme-du-droit-des-contrats-sur-les-contrats-de-franchise/
13. Décret № 2023-1394 du 30 décembre 2023 pris en application de l'ordonnance № 2023-1142 du 6 décembre 2023 relative à la publication et à la certification d'informations en matière de durabilité et aux obligations environnementales, sociales et de gouvernement d'entreprise des sociétés commerciales. // JORF. 2023. № 0304. NOR : JUSC2327667D. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000048870007/2024-01-01/
14. Cour de Cassation, Chambre commerciale, du 7 juillet 2004, 02-15.950. // Bulletin. 2004. № 150. P. 164. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007048438.
15. Héry C. Le controle de l'informAtion du frAnchisé. //Eexpression. 2018. № 61. P. 16. URL: https://www.magazineexpression.fr/pdf-reader/?file=https:%2F%2Fwww.magazineexpression.fr%2Fapi%2Feditions%2Fedition61.pdf.
16. Arrêt de la Cour d'appel de Paris du 20 janvier 2021 n 19/03382. URL: https://www.labase-lextenso.fr/jurisprudence/CAPARIS-20012021-19_03382.
17. Toulouse G., Ferly A. De l'importance de l'expérience du franchisé dans l'appréhension du vice du consentement au stade précontractuel. // Franchise and Distribution newsletter. 2021. № 25. URL: https://www.taylorwessing.com/fr/people/france/paris/axel-ferly.
18. Héry C. L'information precontractuelle du franchisé experimente. URL: https://cheryleblogdeladistrib.wordpress.com/2021/03/08/326/
19. Cour de cassation, civile, Chambre commerciale, 10 février 2021, 18-25.474, Inédit. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000043168281.
20. Mellerio R. Mandatory nature of French legislation on restrictive trade practices. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=c12ae216-b1cd-4c9f-bce0-aef445972a24.
21. Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // OJL. 2008. № 177. P. 6–16. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2008/593/oj.
22. Jouy M. La loi "Descrozailles" : L'impact de l'application étendue du droit français s'agissant des relations commerciales entre franchiseurs et franchises. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=b9f123de-b710-4ab7-956d-93de6764e7fa.
23. Mellerio R. Year in review: franchise law in France. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3a449e14-c5e2-41ed-a670-6880a8cda516.

Legal Regulation of Franchising in France

Yushchenko N.A.
Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny

On the European continent, France is the main leader in the number of franchise networks and the volume of profit from their turnover, which is due to the long history of using franchising models in this country. The legal framework for regulating franchising relations combines the norms of civil and commercial law, as well as a number of special legislative acts of public law aimed at ensuring the interests of their participants. French legislation is characterized by "soft" law, which contributes to the popularity and dynamic development of franchising. However, the complexity and versatility of franchising relations, as well as the emergence of new technological features of production and sales

markets, require constant analysis and improvement of the mechanisms of legal regulation of this area of business. The purpose of the study is to analyze the legislation, doctrinal approaches and law enforcement practice in the field of franchising relations in France. The purpose of the scientific research determines its objectives: to determine the private law basis for regulating franchising relations, taking into account the reform of French legislation; to identify key problems and risks arising within the framework of franchising relations; analyze the mechanism for regulating restrictive trade practices aimed at protecting competition and market stability.

The practical significance of the study lies in determining the trends in the development of the modern system of regulatory control of franchising relations in France and the possibility of forming similar legal institutions in Russia. The work defines, firstly, the influence of general contract law on the special regulation of franchising relations; secondly, the emphasis in the legal regulation of private law relations on the pre-contractual obligations of their participants having a complex structure; thirdly, the inclusion in the norms of legislation of mechanisms aimed at balancing contractual relations such as: abuse of economic dependence, restrictive trade practices, etc. The main conclusions made in the work can contribute to the harmonization of French legislation and international cooperation, as well as contribute to a more sustainable development of franchising relations.

Keywords: franchising, franchise, civil law, intellectual property, contract law, French legislation

УДК 303.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-239-244

Методологические подходы к изучению социального самочувствия молодежи



Алексеев С.А.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного управления, истории, социологии
Казанского национального исследовательского
технологического университета

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением социального самочувствия молодежи. Цель исследования – проанализировать подходы, позволяющие оценивать социальное самочувствие молодежи как в целом, так и ее отдельных групп. Автор выделяет основные теоретические положения концепций изучения социального самочувствия как в западной, так и отечественной традиции. Определены сферы жизнедеятельности современной молодежи, определяющие ее социальное самочувствие. В статье представлены результаты эмпирического исследования оценок важности областей жизнедеятельности молодежи в структуре социального самочувствия, оценки уверенности в достижении результатов в этих сферах, мнения о возможности достижения результатов в этих сферах самостоятельно и при поддержке со стороны государства, предложены индексы для оценки социального самочувствия молодежи. Результаты исследования вносят научный вклад в методологию социального самочувствия молодежи. Практическая значимость заключается в возможности использовать полученные результаты для организации мониторингов социального самочувствия молодежи в целях сбалансированного развития государственной молодежной политики.

Ключевые слова: *социальное самочувствие, молодежь, индекс социального самочувствия, субъективное благополучие, социальное настроение, удовлетворенность жизнью, фелицитарность*

Для цитирования*: Алексеев С.А. Методологические подходы к изучению социального самочувствия молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 239–244. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-239-244.*

Современное общество предъявляет к молодежи повышенные ожидания. Предполагается, что для того, чтобы гарантировать стабильное развитие нашей страны представители молодого поколения должны быть активными, наполненными творческой энергией, способными успешно адаптироваться к динамично изменяющимся условиям современного социума, готовыми воспринимать инновации и участвовать в общественной жизни. Это актуализирует интерес к изучению молодежи как особой социально-демографической группы, обращение со стороны научного сообщества к исследованию молодежных интересов, потребностей и проблем. При этом особенно важно уделять внимание вопросам, связанным с социальным самочувствием молодежи как оценкой уровня удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей, интересов, положения в социуме.

Следует заметить, что для понятия «социальное самочувствие» в современной научной литературе характерно существование достаточно большого спектра теоретических интерпретаций.

Так, например, исследователи в рамках западной социологической традиции оперируют близким по смыслу понятием «субъективное благополучие», обращая внимание на благополучие в наиболее зна-

чимых областях жизнедеятельности человека – состоянии здоровья, возможностях для образования, трудовой деятельности, материальном благополучии, жилищных условиях, состоянии окружающей среды, благополучием социальной среды и обеспечении личной безопасности. Отметим, что переход к указанному конструкту «субъективное благополучие» возникает на основе выявления, насколько счастливы люди как представители определенных социальных групп, живущие в рамках определенного общества. Заметим, что понятие «субъективное благополучие» возникло как ответ на необходимость введения определения, близкого по содержанию к понятию «счастье», допускающего при этом возможность операционализации [1].

Среди зарубежных ученых внесших существенный вклад в формирование теории социального благополучия следует указать Х. Кэнетрила, который определил его как оценку индивидом своего места в жизни, Н. Брэдберна, заметившего, что социальное самочувствие можно рассматривать как определенный баланс между индивидуальными состояниями индивида, позитивным и негативным и, наконец, А. Кэмпбелла, обратившего внимание на тот факт, что для социального благополучия в значительной степени важны определенные достижения в значимых сферах жизни [2].

Самый же значительный вклад внес в 1984 г. американский психолог Э. Динер, который в рамках разработанной им теории субъективного благополучия предложил выделять три компонента субъективного благополучия: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Когнитивный компонент социального благополучия формируется на основе имеющихся у индивида представлений о благополучии и об удовлетворенности своей жизнью в целом. Эмоциональный компонент представляет собой эмоциональное состояние индивида и связано с эмоциями (позитивными или же негативными), которые этот индивид испытывает. Третий, деятельностный, компонент субъективного благополучия связан с активностью индивида [3].

А.В. Кученкова отмечает, что в зависимости от того, исследованию каких компонентов социального благополучия исследователи отдают предпочтение, можно говорить о различных подходах к его изучению. Так, внимание к когнитивному и эмоциональному компонентам субъективного благополучия лежит в основе гедонистического подхода к измерению субъективного благополучия, а внимание к деятельностному компоненту субъективного благополучия задает основу эвдомонического подхода [4].

Отечественная традиция изучения социального самочувствия зародилась еще в 60-е гг. прошлого века, когда советскими исследователями были предприняты попытки сформулировать понятие «социальное самочувствие» и исследовать его сущность в рамках философии, психологической, социологической, политической наук, выявить его природу, определяющие его факторы и структуру [5].

Обращаясь к отечественной традиции изучения социального самочувствия, можно выделить наличие двух подходов к изучению социального самочувствия. Первый подход предполагает обращение не только к общей оценке индивидом собственной жизни, но и учитывает оценку им состояния общества в целом. Второй подход к изучению социального самочувствия не предполагает широкого рассмотрения социального самочувствия и оперирует исключительно удовлетворенностью индивида отдельными аспектами своей жизни [4].

Наиболее известным советским и российским исследователем, внесшим значительный вклад в изучение феномена социального самочувствия в рамках первого подхода, является Ж.Т. Тощенко. В рамках его подхода социальное самочувствие выступало в качестве одного из элементов более общего феномена – социального настроения, особого устойчивого эмоционального состояния как общества в целом, так и отдельных, составляющих его социальных групп, формирующегося под воздействием самого широкого набора факторов (прежде всего социальных, экономических, политических). Концепция социального самочувствия базируется на значимости для человека своего положения в обществе, стабильность которого определяет и задает удовлетворенность собственной жизнью. Ж.Т. Тощенко считал, что на социальное самочувствие в значительной степени влияют благополучие окружающей индивида микросреды, социальные взаимоотношения индивида и его социальные ожидания, связанные с развитием общества и перспективами собственной жизни. Таким образом, социальное самочувствие имеет сложный комплексный характер и обусловлено различными факторами, определяющими в конечном итоге отношение человека к своему социальному положению [6].

Среди исследователей, работающих в русле первого подхода, необходимо также отметить Л.Е. Петрову, которая, подчеркивая интегральный характер социального самочувствия, связывает его в первую очередь с реализацией жизненной стратегии личности. Социальное самочувствие для Л.Е. Петровой возникает на базе соотношения уровня притязаний, характерного для субъекта, и степени удовлетворения его потребностей, возникающих в процессе организации социальной жизни [7].

Следует отметить, что крупнейшие российские социологические агентства также обращаются к исследованиям социального самочувствия. Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения проводит замеры социального самочувствия населения России ежемесячно и опирается на вопросы, позволяющие определить удовлетворенность

респондентов жизнью, ожидания респондентов от будущего, оценку собственного материального положения, оценки респондентов экономического положения и политической обстановки в России и согласия респондентов с общим направлением развития дел в стране [8].

Другой подход применяет Фонд «Общественное мнение», который, например, изучает аспекты социального самочувствия населения путем выявления оценок респондентов о том, удалось ли им занять свое место в обществе, и оценок направленности изменений их жизни в будущем (исследования социального настроения) [9] или на основе оценки своей личной фелицитарности (индекс счастья) [10].

В связи с этим при исследовании социального самочувствия интересно и обращение к изучению феномена фелицитарности [11–13]. Особого внимания заслуживает исследование фелицитарности, проведенное Н.В. Качур [14]. Исследователь предлагает определять социологическое содержание понятия фелицитарности на основе синтеза объективистских подходов к феномену счастья, утвердившихся в социологической науке и присущих психологической науке субъективистских подходов. В рамках субъективистских подходов развиваются концепции, связывающие счастье с возможностями для полноценной реализации потенциала человека и достижения определенного уровня благополучия. В рамках объективистских подходов исследователи склонны уделять основное внимание переживаниям и эмоциям, присущих человеку и формирующих в целом субъективное ощущение счастья. Объединяя наработки, сделанные в рамках указанных подходов, Н.В. Качур констатирует, что фелицитарность в рамках социологии может рассматриваться как социальное явление и доминирующая направленность сознания (как индивидуального, так и группового), проявляющегося в высоком уровне удовлетворенности своей жизнью и отражающегося в эмоциях радости [14].

Второй подход к исследованию социального самочувствия предполагает учет только оценки, преимущественно аспектов собственной жизни человека как в целом, так и отдельных ее составляющих. Практическая реализация теоретических предположений которого предполагает выделение набора индикаторов, отображающих социальное самочувствие с последующим конструированием интегрального индекса на их основе. Здесь необходимо отметить, что набор индикаторов социального самочувствия, используемый исследователями, определяется спецификой изучаемого объекта – социальной группы, которая исследуется. Типичный пример – такими сферами могут быть здоровье, безопасность, материальное положение, возможности для досуговой деятельности, отношения в семье, качество среды обитания, возможности для самореализации [4].

Для выявления особенностей социального самочувствия молодежи автором был проведен социологический опрос молодежи. Выборочная совокупность составила 400 респондентов в возрасте 18–23 года. Для разработки исследовательского инструментария были проведены фокус-группы, которые позволили выбрать сферы жизни, определяющие социальное самочувствие, наиболее важные с точки зрения молодежи. К таким сферам жизни молодежь отнесла безопасность, здоровье, семью, работу, материальное благополучие, возможности для саморазвития. Для этих сфер были выделены отдельные составляющие социального самочувствия. Разработанный инструментарий представляет собой шкалы для оценки значимости для респондентов определенных составляющих социального самочувствия, оценки возможности достижения удовлетворенности составляющими социального самочувствия, оценки возможностей для достижения удовлетворенности составляющими социального самочувствия без участия (самостоятельно) и с участием государства.

Проведенное исследование показывает, что наиболее важными составляющими социального самочувствия студенческой молодежи являются прежде всего долгая продолжительная жизнь своих близких – на ее важность указали 91 % опрошенных. На важность сохранения своего здоровья и здоровья своих близких указали 90 и 89 % опрошенных соответственно. Для 83 % респондентов представляется важным обретение собственного жилья. На важность возможности покупать себе необходимые вещи указал 81 % опрошенных представителей молодого поколения, на важность стабильного заработка – 76 % опрошенных. Также 76 % опрошенных указывают на важность создания счастливой семьи. На значимость реализации таких составляющих социального самочувствия, как возможность материально поддерживать своих родителей, реализация своей карьеры, возможность откладывать сбережения, указывают 70 % респондентов. Наименьшую значимость для опрошенной молодежи имеют сохранение благоприятной экологической обстановки, рождение детей и наличие социальных гарантий (табл. 1).

Что касается уверенности в достижении удовлетворенности отдельными составляющими социального самочувствия, то результаты проведенного исследования показывают, что в наибольшей степени для молодежи характерна уверенность в долгой продолжительной жизни и возможности покупать необходимые вещи (доля респондентов, указавших на это составляет 88 %), уверенность в долгой продолжительной жизни своих близких (доля указавших на уверенность в этом составляет 85 %), уверенность в сохранении своего здоровья, в возможности полноценно проводить досуг, в возможности иметь близких друзей (доля указавших на уверенность

Таблица 1

Важность отдельных составляющих социального самочувствия для молодежи

Составляющая	Доля указавших на важность
Долгая продолжительная жизнь своих близких	91 %
Сохранение своего здоровья	90 %
Сохранение здоровья своих близких	89 %
Обретение собственного жилья	83 %
Возможность покупать необходимые вещи	81 %
Стабильный заработок	76 %
Создание счастливой семьи	76 %
Возможность материально поддерживать своих родителей	70 %
Реализация своей карьеры	70 %
Возможность откладывать сбережения	70 %
Стабильная ситуация в стране	69 %
Возможность путешествовать	68 %
Возможность полноценно проводить досуг	68 %
Наличие работы	63 %
Возможность духовно и творчески самореализоваться	63 %
Наличие близких друзей	60 %
Долгая продолжительная жизнь	60 %
Сохранение благоприятной экологической обстановки	52 %
Рождение детей	49 %
Наличие социальных гарантий	47 %

в этом составляет 83 %), уверенность в сохранении здоровья своих близких, в возможности делать сбережения (доля указавших на уверенность в этом составляет 82 %), уверенность в создании счастливой семьи (доля указавших на уверенность в этом составляет 81 %) и, наконец, уверенность в наличии работы и в возможности духовно и творчески самореализоваться (доля указавших на это составляет 80 %). Наименее уверены опрошенные в сохранении благоприятной экологической обстановки, в стабильной ситуации в стране, в наличии социальных гарантий (табл. 2).

Для оценки социального самочувствия различных групп молодежи автор предлагает комплексный индекс социального самочувствия. Его расчёт строится на определении показателей социального самочувствия отдельных представителей изучаемой группы, учитывающих значимость для респондентов определенных составляющих социального самочувствия и оценок возможности достижения удовлетворенности этих составляющих:

$$s = \frac{\sum_{i=1}^{n} p_i I_i}{\sum_{i=1}^{n} p_i}$$

Таблица 2

Уверенность респондентов в возможности достижения удовлетворенности отдельными составляющими социального самочувствия

Показатель	Доля указавших на высокую степень уверенности
Уверенность в долгой продолжительной жизни	88 %
Уверенность в возможности покупать необходимые вещи	88 %
Уверенность долгой продолжительной жизни своих близких	85 %
Уверенность в сохранении своего здоровья	83 %
Уверенность в возможности полноценно проводить досуг	83 %
Уверенность в возможности иметь близких друзей	83 %
Уверенность в сохранении здоровья своих близких	82 %
Уверенность в возможности делать сбережения	82 %
Уверенность в создании счастливой семьи	81 %
Уверенность в наличии работы	80 %
Уверенность в возможности духовно и творчески самореализоваться	80 %
Уверенность в возможности материально поддерживать своих родителей	79 %
Уверенность в возможности путешествовать	79 %
Уверенность в стабильном заработке	78 %
Уверенность в реализации своей карьеры	77 %
Уверенность в рождении детей	73 %
Уверенность в обретении собственного жилья	71 %
Уверенность в наличии социальных гарантий	65 %
Уверенность в стабильной ситуации в стране	64 %
Уверенность в сохранении благоприятной экологической обстановки	59 %

где p_i – коэффициент значимости составляющей социального самочувствия, а I_i – оценка возможности достижения удовлетворенности составляющей социального самочувствия, n – число составляющих. Значения s лежат в диапазоне от 0 до 1, где ноль соответствует самой низкой степени социального самочувствия, а 1 – самой высокой степени социального самочувствия респондента.

Сам комплексный индекс социального самочувствия может представлять медиану полученных значений, указывая таким образом значение, выше которого лежат показатели социального самочувствия 50 % респондентов:

$$S = Me\ \{все\ s\}.$$

Понятно, что чем ближе значение S к единице, тем выше уровень самочувствия изучаемой группы.

В нашем случае комплексный индекс социального самочувствия достаточно высок – его значение равно 0,75. Отметим, что его значение зависит от уровня жизни определенной группы молодежи. Так, для группы молодежи со средним и высоким уровнем жизни он составляет 0,89, для группы молодежи с уровнем жизни ниже среднего – 0,64.

Также полезными могут быть индекс степени самостоятельного формирования социального самочувствия M и индекс степени формирования социального самочувствия государством G:

$$M = Me\ \{\text{все } m\}, m = \frac{\sum_{i=1}^{n} p_i I_{mi}}{\sum_{i=1}^{n} p_i},$$

$$G = Me\ \{\text{все } g\}, g = \frac{\sum_{i=1}^{n} p_i I_{gi}}{\sum_{i=1}^{n} p_i}$$

где p_i – коэффициент значимости составляющей социального самочувствия, а I_{mi} – оценка самостоятельной возможности достижения удовлетворенности составляющей социального самочувствия, I_{gi} – оценка возможности достижения удовлетворенности составляющей социального самочувствия только при участии государства, n – число составляющих, m – показатель степени самостоятельного формирования социального самочувствия для отдельного респондента, g – показатель степени формирования социального самочувствия государством для отдельного респондента. Чем ближе значение этих индексов к единице, тем выше возможность достижения удовлетворенности составляющей социального самочувствия самостоятельно или при участии государства. Заметим, что среди составляющих социального самочувствия, достижение удовлетворенности которых в большей степени зависит от собственных сил, молодежь указывает возможность откладывать сбережения, реализацию своей карьеры, возможности духовно и творчески самореализоваться, возможность покупать необходимые вещи, наличие работы. На участие же государства молодежь закономерно возлагает надежды в обеспечении стабильной ситуации в стране, наличии социальных гарантий, сохранении благоприятной экологической обстановки. Для исследуемой молодежи значение индекса степени самостоятельного формирования социального самочувствия M составляет 0,84, а индекс степени формирования социального самочувствия государством G составляет 0,64. Что, очевидно, свидетельствует о наличии достаточных условий для успешной самореализации молодежи в жизни общества.

Разработанная автором методология исследования социального самочувствия молодежи, в частности, комплексный индекс социального самочувствия позволили выявить доминирующие в молодежной среде субъективные представления о социальном благополучии, определить сферы, в наибольшей степени влияющие на социальное самочувствие, определить степень участия личности и государства в его формировании. Полученные результаты могут быть использованы при проведении исследований социального самочувствия молодежи и при разработке направленных на его повышение мероприятий в рамках реализации государственной молодежной политики.

Литература:

1. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг. 2020. № 1 (155). С. 14–37.
2. Винокурова А.В., Хамаганова Т.Б. Основные подходы к изучению социального самочувствия в отечественной и зарубежной науке // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. № 4. С. 3–11.
3. Кужильная А.В. О подходах к изучению субъективного благополучия личности в зарубежных исследованиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60). С. 83–86.
4. Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 118–127.
5. Осинский И.И., Бутуева З.А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник БГУ. 2015. № 14. С. 38–45.
6. Усова Е.Н. Социальное самочувствие: теоретико-методологические подходы к исследованию // Саратовский научно-медицинский журнал. 2017. № 3. С. 554–559.
7. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. №12. С. 50–55.
8. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Индексы социального самочувствия. URL: https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstvija (дата обращения: 25.02.2025).

9. Фонд «Общественное мнение». Социальные настроения. Осень – зима 2024. URL: https://fom.ru/Nastroeniya/15122 (дата обращения: 25.02.2025).
10. Фонд «Общественное мнение». Индекс счастья. URL: https://fom.ru/Nastroeniya/11037 (дата обращения: 25.02.2025).
11. Сидоренко И.В. Фелицитарная антропология: принципы и методы // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2007. № 2. С. 95–100.
12. Ковалева Н.Б. Феномен счастья в представлениях современной молодежи // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 1-2 (55). С. 148–154.
13. Алексеев С.А., Никитина Т.Н. Методологические принципы социологического исследования представлений молодежи о счастье // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 170–176.
14. Качур Н.В. Эволюция социологической интерпретации счастья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13, № 4. С. 44–48.

Methodological Approaches to Studying the Social Well-Being of Young People

Alekseev S.A.
Kazan National Research Technological University

The article considers issues related to the study of social well-being of young people. The purpose of the study is to analyze approaches that allow assessing the social well-being of young people both in general and in individual groups. The author highlights the main theoretical provisions of the concepts of studying social well-being in both Western and domestic traditions. The spheres of life of modern youth that determine their social well-being are determined. The article presents the results of an empirical study of assessments of the importance of areas of youth activity in the structure of social well-being, assessments of confidence in achieving results in these areas, opinions on the possibility of achieving results in these areas independently and with state support, and proposed indices for assessing the social well-being of young people. The results of the study make a scientific contribution to the methodology of social well-being of young people. The practical significance lies in the possibility of using the obtained results to organize monitoring of the social well-being of young people for the purpose of balanced development of state youth policy.

Key words: social well-being, youth, index of social well-being, subjective well-being, social mood, life satisfaction, felicity

УДК 378.14.014.13
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-245-249

Дополнительное образование студентов в образовательном пространстве современного вуза



Блохина М.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета



Блохин И.Л.
Аспирант кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

Статья посвящена дополнительному образованию студентов в современном российском вузе. Актуальность темы исследования обусловлена динамичным развитием дополнительного образования студентов, его востребованностью личностью и обществом. Цель исследования – проанализировать основные аспекты реализации дополнительных образовательных программ для студентов современного вуза, задачи – раскрыть проблемы и перспективы развития дополнительного образования студентов, выявить мотивы и предпочтения обучающихся, их представления об оптимальных условиях освоения программ дополнительного образования. На основе данных прикладного социологического исследования, проведенного в Тверском государственном техническом университете, раскрыты основные характеристики студента как субъекта дополнительного образования, выявлены факторы, способствующие и препятствующие развитию дополнительного образования студентов в региональном вузе.

Ключевые слова: *студенты, высшее образование, непрерывное образование, дополнительное образование, региональный вуз, социологическое исследование*

Для цитирования: *Блохина М.В., Блохин И.Л. Дополнительное образование студентов в образовательном пространстве современного вуза // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 245–249. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-245-249.*

Одной из заметных тенденций развития образовательной системы РФ последних десятилетий стала институционализация и все более широкое распространение дополнительного образования. Специалисты обычно рассматривают дополнительное образование как «получение совокупности тех знаний и навыков, которые выходят за рамки имеющегося у социального субъекта в данное время общего и специального образования» [1, с. 207]. Дополнительное образование можно получить как в специализированных учебных заведениях, так и параллельно с основным образованием в общеобразовательных и профессиональных организациях. Субъектами дополнительного образования выступают учащиеся

общеобразовательных школ, студенты всех уровней профессионального образования, а также специалисты, повышающие квалификацию на протяжении всей своей профессиональной деятельности.

Общепризнанно, что дополнительное образование является формой непрерывного образования, представляющего собой «основу для мобильности личности и выстраивания дальнейших образовательных и профессиональных траекторий развития в условиях постоянного изменения требований рынка труда» [2, с. 114]. В российском обществе постепенно формируется особая культура непрерывного образования [3].

Особым сегментом в многогранной системе дополнительного образования становится организация дополнительного образования студентов в высших учебных заведениях [4]. Первоначально вузы сосредоточились на разработке и реализации разнообразных дополнительных образовательных программ, востребованных специалистами предприятий и организаций уже получившими высшее образование. Позднее в качестве значимого субъекта дополнительного образования стали рассматриваться студенты, осваивающие в вузе основные образовательные программы. Внимание вузов к дополнительным образовательным потребностям студентов и стремление студентов к их удовлетворению в стенах университетов обусловлено целым рядом факторов. Среди них особо следует отметить ужесточение требований рынка труда к молодым специалистам; развитие законодательной базы в отношении нормативно-правового статуса дополнительных образовательных программ для студентов; высокая степень готовности вузов к реализации подобных программ; ориентация студентов на успешное трудоустройство, условием которого может быть приобретение дополнительных компетенций [1, с. 206].

Следует отметить, что проблема развития дополнительного образования студентов в вузе носит двухсторонний характер. С одной стороны, вузы недооценивают существующий потенциальный спрос студентов на дополнительные образовательные программы, предлагают их ограниченный перечень, не анализируют динамику образовательных потребностей студентов. С другой стороны, часть студентов плохо информирована о возможностях получения дополнительного образования параллельно с освоением основных образовательных программ, слабо ориентируется на рынке труда, не стала «менеджерами своего дальнейшего обучения» [5]. В этих условиях возрастает значение социологических исследований различных аспектов дополнительного образования студентов в вузе [6–8].

В связи с этим в Тверском государственном техническом университете (ТвГТУ) осенью 2024 г. было проведено прикладное социологическое исследование, посвященное дополнительному образованию студентов. С помощью метода анкетирования всего было опрошено 230 студентов 2 и 3-го курсов, представляющих все факультеты университета. Среди участников исследовательского проекта 70 % юношей и 30 % девушек. Исследование было инициировано специалистами Института заочного и дополнительного образования ТвГТУ, планирующего расширить перечень дополнительных образовательных программ, ориентированных на студентов университета. В ходе исследования были получены следующие данные.

Отношение студентов к получению дополнительного образования во многом определяется их удовлетворенностью образованием основным. Поэтому участникам исследовательского проекта было предложено ответить на вопрос «Удовлетворены Вы обучением по выбранной Вами профессии в ТвГТУ?». В целом студенты позитивно воспринимают получаемое образование по программам бакалавриата (специалитета): полностью удовлетворены 34,2 % обучающихся, скорее да, чем нет – 50,6 % респондентов. Положительное отношение к собственной образовательной деятельности во многом определяет социальное самочувствие студентов, формирует адекватную самооценку и уверенность в своих силах, детерминирует карьерные планы обучающихся. Именно на этом фоне возникает потребность в получении дополнительного образования.

Еще одним фактором, влияющим на отношение студентов к дополнительному образованию, является вторичная занятость студентов, ее конкретные формы. Выяснилось, что значительная часть студентов «в настоящее время не работает, но планирует устроиться работать по профессии» (41,1 %), примерно каждый седьмой студент «работает не по профессии, но планирует устроиться на работу по профессии» (14,7 %) или «в настоящее время не работает, но планирует устроиться на любую работу» (14,3 %). Каждый десятый студент «работает, но в должности, не связанной с получаемой в вузе профессией» (10,8 %), или «работает в должности, связанной с будущей профессией» (10,4 %). Желания укрепить свои позиции на рынке труда, расширить профессиональные компетенции, формируемые в рамках основной образовательной программы, или, напротив, получить дополнительные знания и возможности изменить сферу будущей профессиональной деятельности побуждают студентов задуматься о получении дополнительного образования.

В связи с этим особый интерес представляют профессиональные планы студентов, в частности, их намерение работать по профессии после завершения обучения в университете. Исследование показало, что планируют трудиться по полученной в вузе специальности подавляющее большинство респондентов (79,7 %), каждый шестой участник опроса затруднился ответить на данный вопрос

(16,5 %), лишь 3,8 % не намереваются работать по профессии.

Не менее важными для профессионального становления студентов являются их образовательные планы, желание продолжить учебу после получения диплома бакалавра (специалиста). По данным исследования такие планы оказались разнообразными. Выяснилось, что чуть больше половины респондентов намерены продолжить обучение в магистратуре (51,3 %), каждый десятый рассчитывает получить второе высшее образование уровня бакалавриата или специалитета (9,6 %), прохождение профессиональной переподготовки устроит 8,7 % обучающихся, поступление в аспирантуру привлекает лишь 3 % студентов ТвГТУ. При этом около трети опрошенных не собираются в дальнейшем получать какое-либо образование (32 %).

Перспективы получения дополнительного образования параллельно с основным непосредственно в стенах альма-матер во многом определяются осведомленностью студентов о существующих в вузе дополнительных образовательных программах. Поэтому участникам исследования предлагалось также оценить уровень информированности о возможностях получения дополнительного образования в ТвГТУ. Каждый пятый участник опроса охарактеризовал свою информированность о получении дополнительного образования в ТвГТУ как высокую (19,2 %), примерно две трети студентов сообщили о среднем уровне осведомленности в этой сфере (61,5 %). В то же время значительная доля обучающихся пока еще слабо информированы о дополнительном образовании студентов в ТвГТУ (19 %).

Участникам исследования требовалось также ответить на вопрос «Хотели бы Вы получать дополнительное образование параллельно с обучением в вузе по программе бакалавриата (специалитета)?». Выяснилось, что половина студентов ориентированы на получение такого образования еще в период обучения по основным образовательным программам («да, обязательно» (13 %), «скорее да, чем нет» (36,4 %)), а немногим более трети респондентов придерживаются противоположного мнения («скорее нет, чем да» (23,8 %), «нет, не хочу» (12,1 %)). Очевидно, что запрос на получение дополнительного образования параллельно с основным в студенческой среде пока еще находится в стадии формирования.

Также важно было выяснить, в чем заключается смысл получения дополнительного образования студентами в период учебы в вузе, ради чего они готовы были бы пойти на такой шаг.

Исследование показало, что около трети студентов готовы получить дополнительное образование «для удовлетворения личных потребностей (например, водительские курсы, разговорный иностранный язык, деловое общение, основы предпринимательства)» (34,6 %), еще треть обучающихся рассматривают дополнительное образование как возможность «для углубления и расширения знаний в рамках получаемой профессии (направления, специальности)» (35,9 %), лишь каждый седьмой респондент видит в дополнительном образовании инструмент «для получения новой профессии, отличной от той, по которой он уже обучается» (15,6 %). Показательно, что только 8,7 % участников опроса заявили, что «не хотят получать никакое дополнительное образование». Полученные данные могут использоваться для структурирования дополнительных программ вуза с учетом потребностей студентов.

Каковы мотивы получения студентами дополнительного образования, что может побудить их осваивать дополнительные образовательные программы? Проведенное исследование позволило получить ответ на эти важные вопросы. Студенты заинтересованы в получении дополнительного образования прежде всего потому, что «дополнительное образовании в сочетании с основным способствует профессиональному росту» (44,3 %), а также, по мнению респондентов, «дополнительное образование увеличивает шансы найти работу» (43,4 %). Для многих студентов, планирующих получение дополнительного образования, значимо то, что оно «будет способствовать успешной карьере» (30,7 %), «поможет завести новые полезные знакомства» (23,6 %), «обеспечит более высокий доход» (22,6 %). Для части участников опроса интерес к получению дополнительного образования вызван сомнениями в правильности выбора основного образования («продолжаю искать профессию "по душе"» (25,9 %)). Следует отметить, что, несмотря на различия в конкретных мотивах получения дополнительного образования, практически все студенты рассматривают его как инструмент достижения жизненного успеха.

Особый интерес представляют причины незаинтересованности в получении дополнительного образования. Студенты, участвовавшие в исследовании, объясняли свое равнодушие к программам дополнительного образования отсутствием свободного времени (34,8 %), полной удовлетворенностью своим основным образованием (34,8 %). Среди других аргументов приводились такие суждения: «практический опыт работы гораздо важнее дополнительного образования» (21,7 %), «дополнительное образование обычно носит формальный характер ("диплом, а не знания")» (8,7 %), «дополнительное образование помешает качественно освоить содержание основного образования» (8,7 %). Большинство указанных факторов не являются непреодолимыми преградами в получении дополнительного образования. Проблема нехватки свободного времени может быть решена благодаря использованию дистанционных образовательных технологий, внедрению индивидуальных планов и гибких графиков учебно-

го процесса. В других случаях необходимы обычная просветительская работа, хорошо известные инструменты маркетинга образовательных услуг.

Участникам исследовательского проекта предлагалось также назвать конкретные дополнительные образовательные программы, которые они хотели бы освоить. Наиболее востребованными программами оказались – предпринимательская деятельность (33,3 %), дизайн (31,1 %), иностранный язык (26,3 %), маркетинг (22,4 %), психология (19,7 %), оценка стоимости бизнеса (16,2 %).

Полученные результаты показывают, что в настоящее время студентов привлекают прежде всего универсальные программы, укрепляющие позиции выпускников на рынке труда в качестве наемных работников или способствующие их включению в успешные бизнес-проекты.

Одной из задач исследования стало изучение представлений студентов о наиболее приемлемом для них формате получения дополнительного образования. В частности, участникам опроса требовалось оценить значимость для них различных условий получения дополнительного образования (табл. 1).

Исследование показало, что наиболее значимые характеристики получаемого дополнительного образования для студентов – преподавательский состав (как очень важный этот фактор оценили 69,3 % респондентов), применяемые педагогами методы и технологии обучения (58,9 %), возможность практических занятий на предприятиях (57,1 %). К менее существенным условиям получения дополнительного образования студентами можно отнести возможность дистанционного обучения (как неважный этот фактор оценили 32,9 % участников опроса), формы контроля (30,3 %), обеспеченность учебными пособиями (26,4 %).

Таблица 1

Значимость различных условий получения дополнительного образования для студентов

Условие обучения	Очень важно	Важно	Не важно
Варианты ответов	Доля ответивших, %		
Преподавательский состав	69,3	27,3	3,5
Расписание занятий	48,1	44,6	7,4
Очное обучение, личный контакт с педагогами	35,1	43,3	21,6
Возможность дистанционного обучения	16,5	50,06	32,9
Методы и технологии обучения	58,9	36,4	4,8
Обеспеченность учебными пособиями	29,4	44,2	26,4
Формы контроля	13	56,7	30,3
Продолжительность обучения	25,1	55,8	19
Практические занятия на предприятиях	57,1	35,9	6,9

В ходе исследования были выявлены представления студентов об оптимальной продолжительности дополнительных курсов и их приемлемой стоимости. Наиболее подходящими, по мнению студентов, являются дополнительные образовательные программы со сроком освоения 3-6 месяцев (43,7 %) или 1–3 месяц (37,2 %). Примерно каждый пятый студент высказался за продолжительность обучения более 6 месяцев (18,6 %).

Наиболее приемлемой стоимостью обучения почти половина опрошенных студентов считают сумму в диапазоне от 5000 до 10000 руб. Примерно четверть респондентов высказались за бесплатное получение дополнительного образования в период обучения в вузе (23,4 %).

Проведенное исследование показало, что, хотя пока еще небольшая часть обучающихся осваивает дополнительные образовательные программы в вузе, расширение масштабов дополнительного образования студентов представляется одной из приоритетных задач развития всей системы дополнительного образования. Решение этой задачи предполагает определенную переориентацию вузовских подразделений, отвечающих за реализацию дополнительных образовательных программ, на студенческую аудиторию, расширение перечня учебных курсов, предназначенных для разных категорий студенческой молодежи (студентов младших курсов и старшекурсников; студентов бакалавриата и магистратуры, «гуманитариев» и «технарей», «очников» и «заочников»), совершенствование учебно-методического сопровождения подобных программ, адаптацию существующих образовательных технологий к потребностям обучающихся, привлечение в вуз большего числа преподавателей-практиков. Очевидно, что важным условием дальнейшего поступательного развития дополнительного образования студентов в вузе становится его полноценное социологическое сопровождение.

Литература:

1. Меренков А.В., Сущенко А.Д. Потребности студентов вузов в дополнительном образовании: особенности формирования и реализации // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 204–223.
2. Сущенко А.Д. Потребность студентов в дополнительном образовании// Дискуссия. 2015. № 6. С. 114–120.

3. Колесникова И.А. Культура непрерывного образования: к обоснованию понятия // Непрерывное образование: XXI век. Научный электронный журнал. 2014. Вып. 1 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-nepreryvnogo-obrazovaniya-k-obosnovaniyu-ponyatiya/viewer
4. Фейлинг Т.Б. Формирование профессиональных компетенций студентов вузов в процессе дополнительного образования // Человек и образование. 2011. № 3. С. 70–74.
5. Игнатович Е.В. Студент вуза как субъект непрерывного обучения: диагностика готовности к дополнительному и дополнительному профессиональному образованию // Непрерывное образование: XXI век. Научный электронный журнал. 2015. Вып. 2 (10). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/student-vuza-kak-subekt-nepreryvnogo-obucheniya-diagnostika-gotovnosti-k-dopolnitelnomu-i-dopolnitelnomu-professionalnomu/viewer
6. Гайворонская Е.А. Эффективность развития непрерывного образования в сфере дополнительных образовательных услуг для студентов вузов // Вестник науки. 2023. № 12 (69). Т. 3. 2023. С. 589–596.
7. Кошкин А.П., Новиков А.В. Роль социальных представлений в мотивации студентов к получению дополнительного профессионального образования // Современное образование. 2017. № 4. С. 48–75.
8. Никифорова Н.А. Дополнительное профессиональное образование: осознанный выбор студентов или реалии современного общества // Научно-педагогическое обозрение. 2016. № 2. С. 147–160.

Additional Education of Students in the Educational Space of a Modern University

Blokhina M.V., Blokhin I.L.
Tver State Technical University

The article is devoted to the additional education of students in a modern Russian university. The relevance of the topic of research is due to the dynamic development of additional education of students, its demand for personality and society. The purpose of the study is to analyze the main aspects of the implementation of additional educational programs for students of a modern university, the tasks are to reveal the problems and prospects for the development of additional education for students, to identify the motives and preferences of students, their ideas about the optimal conditions for mastering additional education programs. Based on the data of applied sociological research conducted at the Tver State Technical University, the main characteristics of the student as a subject of additional education are disclosed, factors that contribute to and impede the development of additional education for students in a regional university are identified.

Key words: students, the higher education, lifelong education, additional education, regional University, sociological research

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-250-256

Ценностные ориентации студентов в контексте реализуемой семейно-демографической политики Российской Федерации



Боброва Д.Н.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного, муниципального
и социального управления Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)



Осипова Д.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

Семья, выступая одним из фундаментальных социальных институтов, всегда представляла собой чрезвычайно важный объект государственной социальной политики. В последние годы можно наблюдать повышенное внимание со стороны органов власти к вопросам комплексной поддержки институтов семьи и детства.

В рамках данного исследования особенности современной социально-демографической политики рассматриваются сквозь призму ценностных ориентаций студентов. Интерес к студенчеству обусловлен тем, что оно не просто выступает источником пополнения квалифицированных кадров, но и составляет многочисленную социально-демографическую группу, активную и динамичную, характеризующуюся особым социальным поведением. Изучение ценностных ориентаций представителей данной социальной группы относительно проводимой в нашей стране семейно-демографической политики выступает важным этапом выявления существующих в данной сфере проблем и построения прогнозов относительно перспектив развития семьи как социального института.

Несмотря на относительно локальный характер проведенного исследования, его результаты, с учетом типичности рассматриваемого субъекта Российской Федерации как индустриального, делового региона, позволяют говорить о проявлении общих тенденций. Поэтому результаты исследования могут быть использованы для разработки действенных мер по преодолению кризиса, связанного с деформацией института семьи и неблагоприятной социально-демографической ситуацией в отдельных регионах, а также в стране в целом.

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного с использованием метода анкетного опроса. Авторы делают выводы о важности построения крепкой семьи в системе ценностей большинства современных студентов, а также выявляют факторы, влияющие на принятие ими решения о заключении брака, а также обуславливающие наличие

в браке детей и их количество. Авторами обосновывается актуальность современной государственной семейно-демографической политики, и необходимость изучения ценностных ориентаций отдельных социальных групп для повышения эффективности ее реализации.

Ключевые слова: *государственная семейная политика, студенты, социальная группа, социальный институт, эффективность, ценностные ориентации, семейные ценности, социологическое исследование, анкетирование*

Для цитирования: *Боброва Д.Н., Осипова Д.В. Ценностные ориентации студентов в контексте реализуемой семейно-демографической политики Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 250–256. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-250-256.*

В условиях текущей неблагоприятной социально-демографической ситуации в стране, а также с учетом среднесрочных и долгосрочных прогнозов в этой сфере государство в лице высших должностных лиц и органов публичной власти все больше внимания уделяет разработке и внедрению механизмов по поддержке института семьи на всех этапах его воспроизводства. Для того, чтобы эти усилия привели к желаемым, планируемым результатам в первую очередь необходимо соотносить их с реальными потребностями и интересами лиц, на которых они ориентированы. Более того, необходимо не просто изучать ценностные ориентации и поведенческие установки отдельных социальных групп, но и целенаправленно заниматься их формированием с учетом стратегических национальных приоритетов.

Студенчество во все времена играло важную роль в воспроизводстве и развитии общества и сохранении его целостности, в связи с чем изучение взглядов студентов на институт семьи может помочь не только оценить особенности ценностных ориентаций данной социальной группы и дать прогноз перспектив развития института семьи, но и определить наиболее эффективные пути улучшения демографической ситуации в стране. Если обратиться к синергетической парадигме государственного управления [2], становится очевидным, что эффективное управление предполагает знание субъектом управления внутренних тенденций управляемых систем, происходящих в системах процессов, и осуществление таких управленческих действий, которые помогают выводить управляемые системы на их собственные траектории эволюции. Соответственно, изучение ценностных ориентаций современного студенчества и анализ тех проблем, которые студенты видят в данной области, является важным шагом в процессе выстраивания эффективной семейной политики.

Материалы и методы исследования

Для достижения целей исследования в декабре 2024 г. был проведен опрос среди студентов нескольких вузов Санкт-Петербурга. В анкетировании приняли участие студенты разных форм и уровней обучения четырех высших образовательных учреждений региона: Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и Автономной некоммерческой организации высшего образования «Национальный открытый институт г. Санкт-Петербург».

Значение простой случайной выборки с учетом генеральной совокупности, а именно численности студентов образовательных организаций Санкт-Петербурга, осуществляющих образовательную деятельность по программам высшего образования (331,9 тыс. чел.) [1], доверительной вероятности 95 % и доверительного интервала 5 %, составило 384 чел.

С точки зрения основных социально-демографических переменных, актуальных для целей исследования, выборочная совокупность является репрезентативной, поскольку определение респондентов генеральной совокупности производилось с учетом баланса по полу, возрасту и уровню образования.

Результаты исследования и их обсуждение

С целью выявления ценностных установок современных студентов респондентам было предложено выразить согласие или несогласие с предлагаемыми вариантами жизненных целей. Полученные данные позволяют констатировать, что наиболее важными целями личного характера для опрошенных являются: «*собственное просторное жилье*» (97,5 %), «*интересная работа, приносящая удовольствие и возможность самовыражения*» (96,7 %), «*высокооплачиваемая работа*» (96,6 %), «*свобода, независимость, возможность заниматься тем, чем хочется*» (95,1 %), «*построение успешной профессиональной карьеры*» (94,2 %) и «*крепкая счастливая семья*» (также 94,2 %), «*чувство безопасности, уверенность в завтрашнем дне*» (92,5 %), «*наличие достаточного количества свободного времени для себя*» (91 %), «*возможность часто общаться с родными и родственниками*» (89,2 %), «*вступление в брак и рождение детей в браке*» (80,1 %). При этом большинство респондентов считает наи-

менее значимыми следующие ориентиры в жизни: «*стремление к Богу*» (27,3 %), «*дом или дача за городом*» (59,5 %) (рис. 1).

Распределение ответов на рисунке 1 позволяет сделать несколько выводов о существующей иерархии ценностных установок и определить в ней место семейно-ориентированных идеалов у студентов.

Во-первых, респонденты достаточно высоко ставят ценность семьи в общей иерархии жизненных целей, при этом не связывая ее благополучие напрямую с официально оформленными отношениями и рождением детей. В целом стоит отметить преобладание у респондентов целерациональных смыслов восприятия семьи как зарегистрированного брака над ценностными. Так, при ответе на вопрос о том, какие факторы респонденты считают значимыми для регистрации брака, большинство отметили, что «*зарегистрированный брак упрощает процесс взаимодействия супругов друг с другом и государством по формальным вопросам*» (69,5 %), а также что «*приобретение жилья, автомобиля и других дорогостоящих вещей в браке гарантирует супругам равные права на них*» (57,8 %). Также высокое значение по сравнению с другими показал вариант ответа «*дети должны рождаться в официальном браке*» (64,7 %), однако в данной ситуации его невозможно отнести к определенному типу поведения без дополнительных уточнений. Наименьшее количество респондентов согласилось с аргументами о том, что «*зарегистрированный брак способствует крепости союза*» (34,2 %) и что «*нормы морали и принятые в обществе представления говорят, что брак нужно регистрировать официально*» (48,3 %) (рис. 2). Ответы на данный вопрос также демонстрируют доминирование у респондентов целерационального подхода к созданию семьи при одновременном ослабевании влияния традиционных социокультурных стереотипов.



Рис. 1. Ценностные установки студентов, чел. в %

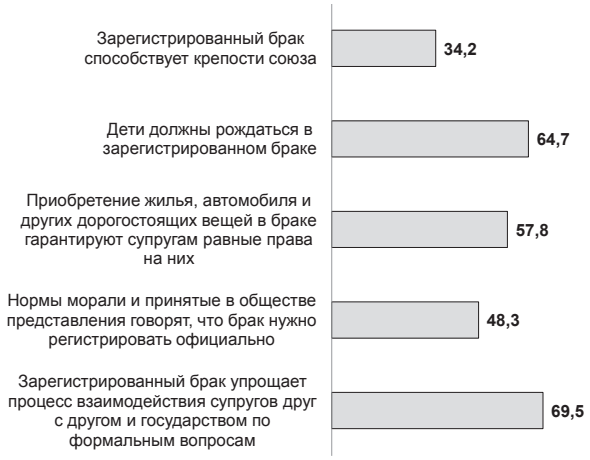


Рис. 2. Если Вы считаете, что брак нужно регистрировать, то какие факторы кажутся Вам значимыми?, чел. в %

Во-вторых, как показало исследование, обеспеченность материальными благами и социально-трудовая сфера, в первую очередь в виде собственной жилплощади и высокооплачиваемой работы, являются главными приоритетами для данной социальной группы.

В-третьих, в жизненных ориентирах опрашиваемых просматривается явная связь между достигнутым социальным статусом, в частности, обеспеченностью стабильной, доходной работой и созданием собственной семьи. Это подтверждается ответами на вопрос, в котором респондентам было предложено оценить аргументы, обуславливающие принятие решения о создании семьи. Так, большинство респондентов посчитали необходимыми следующие условия: *наличие сильного взаимного чувства* (99,2 %) и *стабильного дохода у хотя бы одного* (89,4 %) или *обоих супругов* (79,3 %), а также наличие *собственного жилья* (78,4 %) (рис. 3).

Конечно, при анализе ответов нельзя исключать особенности социальной группы, которая явилась объектом исследования, а именно такую ее характеристику, как период получения высшего образования, на котором в данный момент находятся респонденты, т.е. прохождение этапа активного профессионального самоопределения. А также необходимо отметить, что сам Санкт-Петербург, выступающий местом проведения исследования, как деловой, индустриальный регион, является центром притяжения людей, ориентированных преимуще-

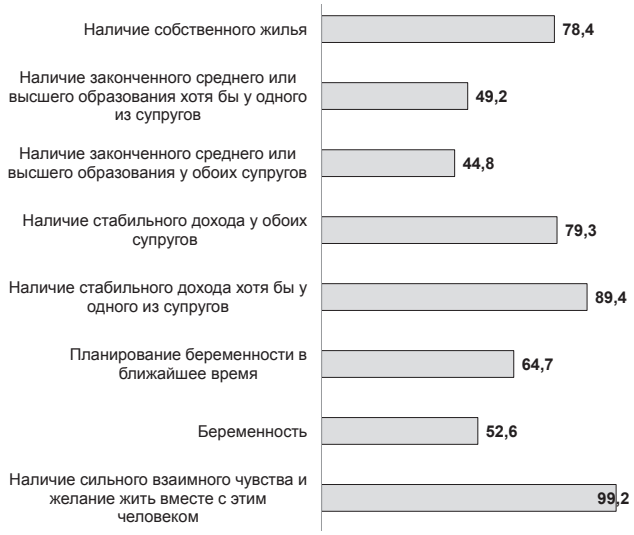


Рис. 3. Оцените, пожалуйста, значимость приведенных условий при принятии решения о создании семьи, чел. в %

ственно на достижение успехов в трудовой (профессиональной) сфере.

Таким образом, результаты опроса показали существование причинно-следственных связей между решением респондентов создавать семью и наличием у них определенных благ и условий, а также важность для студентов соответствующих мер социальной поддержки. В частности, в вопросах обеспечения жильем ответы респондентов подчеркивают актуальность проводимой государственной политики, направленной на поддержку молодых семей в Российской Федерации. Можно сделать вывод, что развитие форм льготного ипотечного кредитования, предоставление жилья на условиях социального контракта и иные категориальные и адресные субсидии и преференции следует рассматривать как эффективные инструменты государственной семейно-демографической политики в отношении исследуемой социальной группы. Однако представляется очевидным, что неверно сосредотачивать внимание исключительно на экономических факторах. Так, в рамках социально-трудовой сферы можно предположить, что для успешного совмещения ролевых моделей родителя и работника положительную роль должны сыграть такие механизмы, как представление права приоритетного трудоустройства лицам, испытывающим трудности при поиске работы, а именно: многодетным и одиноким родителям, матерям с ребенком (детьми), не достигшим возраста 7 лет, стимулирование работодателей к обустройству комнат матери и ребенка, предоставлению дополнительных выходных дней и предложение других преференций в рамках расширенной версии корпоративного социального пакета.

В данной связи стоит также отметить, что респонденты почти единогласно разделяют идею о том, что в настоящее время «*оба супруга в семье имеют право стремиться выстроить профессиональную карьеру*» (95,7 %). Кроме того, исследование показало высокий процент согласившихся с тезисами о том, что «*оба супруга должны принимать участие в ведении домашнего хозяйства*» (93 %), и о том, что «*оба супруга должны принимать участие в уходе за детьми*» (98,3 %) (рис. 4). Подобная позиция заслуживает внимания, так как она является важным этапом на пути выстраивания эгалитарной партнерской модели семьи. Как известно, эгалитарная семья – это семья, которая строится на принципах стремления партнеров к равенству как в принятии решений, так и в распределении обязанностей, в том числе касающихся ухода за детьми. Подобная партнерская модель отношений между супругами выстраивается на понимании ценности личности и уникальности вклада каждого из участников взаимодействия. Основой таких отношений является не только привязанность и любовь, но и согласование позиций и устремлений между партнерами, уважение друг к другу, сознательно выбранные обязательства [3]. Отношения в рамках такой модели строятся на умении находить консенсус, на взаимоуважении и доверии, что не может не способствовать крепости союза, т.е. укреплению института брака в целом.

Также представляют особый интерес ответы респондентов на вопрос о причинах кризиса института семьи. Так, подавляющее большинство опрошенных ответили, что «*стремление жить для себя, когда люди не хотят создавать семьи и иметь детей*», является основной причиной снижения потребности создания данного социального института как гендерно-ролевой модели жизненного уклада. Получается неоднозначная ситуация, заключающа-



Рис. 4. Оцените, пожалуйста, степень согласия со следующими суждениями, касающимися семейной жизни, чел. в %

яся в том, что респонденты, признавая «*стремление жить для себя*» в качестве ключевой причины кризиса института семьи, одновременно выбирают приоритетом в жизни «*свободу, независимость, возможность заниматься тем, чем хочется*», а также «*работу, включая построение профессиональной карьеры*» (рис. 5).

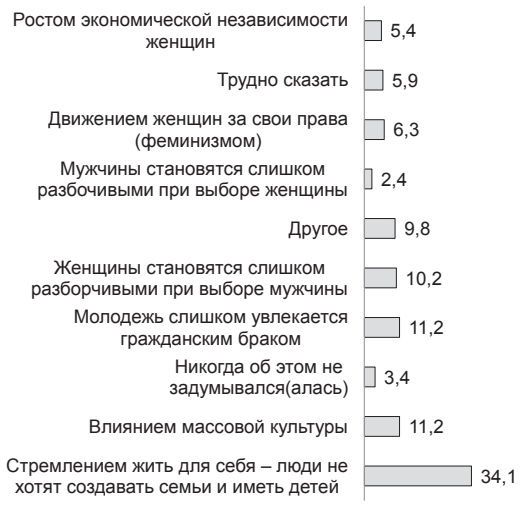


Рис. 5. Сегодня иногда говорят о кризисе института семьи. Как Вы думаете, чем может быть вызван этот кризис?, чел. в %

Необходимо отметить, что здесь органами власти уже проводится государственная политика, направленная на формирование ценностных ориентаций и поведенческих установок части населения. И в «Концепции семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.», которая являлась действующим нормативно-правовым актом до 2025 г., и во вступившем в силу с января 2025 г. Национальном проекте «Семья», была поставлена задача повышения ценности семейного образа жизни, предложена система мер, направленных на укрепление престижа брака и семейного образа жизни [4]. В качестве примера подобных мер можно отметить, что в учебную программу общеобразовательных учебных учреждений среднего общего образования с 2024 г. был включен предмет «Семьеведение». Целью освоения курса, как заявлено Министерством просвещения Российской Федерации в официальных документах, является «формирование позитивного ценностного отношения обучающихся к семье и браку» [5].

Относительно проводимых государством мер в рамках политики, направленной на улучшение воспроизводства населения, в том числе посредством повышения в сознании общественности статуса многодетной семьи, пока, к сожалению, приходится констатировать неприятие этой идеи большинством респондентов. Так, с тезисом об обязательном наличии в семье одного ребенка согласились 54,7 % респондентов, а с тезисом об обязательно наличии в семье трех и более детей – только 12,9 % опрошенных. При этом несогласие с идеей многодетной семьи высказали более половины респондентов, а именно 57,8 % (см. рис. 4). Подобная позиция может быть обусловлена факторами как субъективного, так и объективного характера. Однако, в зоне влияния государства в данном случае находятся финансово-экономические и административные рычаги регулирования, которые могут способствовать улучшению в первую очередь материального статуса многодетных семей, ведь, как показывает официальная статистика, именно многодетные семьи являются категорией семей, которые в наибольшей степени подвержены риску попадания в число малоимущих.

Таким образом, на основе анализа результатов проведенного исследования можно сделать выводы об особенностях ценностных ориентаций и поведенческих установок студентов по отношению к институту семьи. В студенческой среде зафиксировано наличие противоречащих друг другу поведенческих установок. При ориентации большей части студентов помимо материального благополучия на «*свободу, независимость, возможность заниматься тем, чем хочется*» и «*наличие достаточного количества свободного времени для себя*», большинство респондентов главной причиной кризиса института семьи называют «*стремление жить для себя*». Отдельного внимания заслуживает тот факт, что значительная часть респондентов не отождествляет создание семьи с официальной регистрацией отношений. Так, против аргумента о том, что «*настоящий брак – это зарегистрированный брак, а сожительство – это не семья*», высказались 39,6 % респондентов и 20,7 % затруднились с ответом.

В этой связи представляет интерес определение студенческой семьи, которое в ближайшее время должно быть урегулировано в правовом поле федерального законодательства. Так, в соответствии с Проектом закона, поступившего на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации, к этой категории предлагается отнести супругов моложе 35 лет, обучающихся в вузах и колледжах, а также одиноких студентов, воспитывающих детей. Как видно из формулировки положения, речь здесь идет о зарегистрированных отношениях, но, учитывая ответы респондентов, становится очевидно, что на сегодняшний день официально зарегистрированные студенческие семьи – это лишь их малая часть, и сводить поддержку студенческой семьи лишь к ним, будет не вполне корректно.

В рамках данного исследования был проведен многофакторный анализ ценностных ориентаций студенчества как особой социально-демографической группы, а также анализ отношения студентов Санкт-Петербурга к институту семьи и проводимой государством семейной политики. В ходе проведенного исследования было выявлено, что для

большинства респондентов создание крепкой и счастливой семьи является одной из наиболее важных целей личного характера. В целом большинство респондентов продемонстрировали достаточно прагматичный подход как при ответе на вопросы о факторах, которые могут повлиять на их решение о заключении брака, так и при ответе на вопросы, касающиеся рождения детей. Однако по результатам проведенного исследования также можно сделать вывод о том, что в студенческой среде наблюдается неоднозначное отношение к институту семьи и семейным ценностям, присутствуют определенные противоречия. С одной стороны, это подчеркивает актуальность проводимой государством семейно-демографической политики, а с другой – доказывает необходимость привлечения внимания на государственном уровне к вопросам формирования ценностных ориентаций с учетом специфики социальных групп. И именно государству в лице отдельных должностных лиц и органов власти посредством реализации семейно-демографической политики предстоит сыграть ключевую роль в решении данных вопросов.

Литература:

1. Официальные данные Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Образование и культура в 2023 году». URL: https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Образование%20и%20культура%20в%20Санкт-Петербурге %20в %202023 %20году.pdf
2. Государственная политика и управление. Концепции и проблемы: учеб для вузов / Л.В. Сморгунов [и др.]; под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Издательство Юрайт, 2024. 395 с.
3. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72–90.
4. Боброва Д.Н., Осипова Д.В. Реализация Концепции государственной семейной политики в России: предварительные итоги // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 224–230.
5. Методические рекомендации по реализации курса внеурочной деятельности «Семьеведение». URL: https://shkola22kurgan-r45.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/170/2819/Metodicheskie_rekomendatsii_po_ realizatsii_kursa_vneurochnoy_deyatelnosti_Semevedenie.pdf

Students' Value Orientations in the Context of the Implemented Family and Demographic Policy of the Russian Federation

Bobrova D.N.
The Russian state pedagogical university of A.I. Herzen
Osipova D.V.
The North-West Institute of Management branch of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The family, acting as one of the fundamental social institutions, has always been an extremely important area of state social policy. In recent years, there has been increased attention from the authorities to issues of comprehensive support for family and childhood institutions. Within the framework of this study, the features of modern socio-demographic policy are considered through the prism of students' value orientations. The interest in students is due to the fact that they not only act as a source of replenishment of qualified personnel, but also constitute a large socio-demographic group, active and dynamic, characterized by a special social behavior. The study of the value orientations of representatives of this social group regarding the family and demographic policy pursued in our country is an important stage in identifying existing problems in this area and making predictions about the prospects for the development of the family as a social institution.

Despite the relatively local nature of the study, its results, taking into account the typical character of the considered region of the Russian Federation as an industrial and business region, allow us to talk about the appearance of general trends. Therefore, the results of the study can be used to develop effective actions to overcome the crisis associated with the deformation of the family institution and the

unfavorable socio-demographic situation in individual regions, as well as in the country as a whole.

The article presents the results of a sociological study conducted using the questionnaire survey method. The authors draw conclusions about the importance of building a strong family in the value system of most modern students, and also identify the factors that influence their decision to marry, as well as the presence of children in marriage and their number. The authors substantiate the relevance of modern state family and demographic policy, and the need to study the value orientations of individual social groups in order to increase the effectiveness of its implementation.

Key words: state family policy, students, social group, social institution, effectiveness, values orientation, family values, sociological research, questionnaire survey

УДК 316.47-055.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-257-260

Динамика карьерной траектории женщин после отпуска по уходу за ребенком: результаты исследования



Вайсбург А.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

В последние десятилетия меняется статистика пребывающих в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком женщин. Все большее количество россиянок под влиянием различных факторов предпочитает совмещать трудовую и материнскую деятельность, многие в период отпуска по беременности меняют карьерную траекторию. Целью научного исследования является анализ основных проблем и разработка эффективных стратегий трудоустройства женщин после отпуска по уходу за ребенком. Представлены результаты социологического исследования с целью анализа карьерных траекторий женщин города Твери в отпуске по уходу за ребенком. Результаты данного исследования помогут работодателям сформировать более комфортные условия для удержания персонала после рождения детей, а женщинам – лучше осознать возможности карьерных ожиданий. Выявлены основные сложности для женщин при выходе из отпуска по уходу за ребенком; возможности совмещения ролей матери и работника; влияние материнства на профессиональную жизнь женщины; профессиональные пожелания и стремления женщин; предпочтения в занятости и форматах трудоустройства после отпуска по уходу за ребенком. Разработан ряд рекомендацией для реализации более эффективной профессиональной деятельности женщин после отпуска по уходу за ребенком.

Ключевые слова: *женщина, отпуск по уходу за ребенком, карьера, профессиональна траектория*

Для цитирования: *Вайсбург А.В. Динамика карьерной траектории женщин после отпуска по уходу за ребенком: результаты исследования // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 257–260. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-257-260.*

В настоящее время пребывание в отпуске по уходу за ребенком, согласно законодательству РФ, возможно до достижения ребенком 3 лет. Отпуска по уходу за ребенком могут быть использованы полностью или по частям также отцом ребенка, бабушкой, дедом, другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком [1]. Однако пособие на ребенка выплачивается только до достижения ребенком 1,5 лет. Отсутствие последующих выплат, опасения потерять занимаемую до рождения ребенка должность, финансовые затруднения, потеря профессиональной квалификации, психологические барьеры зачастую подталкивают женщину на прерывание отпуска, к поиску дополнительно подработки в нем (часто связанной со сменой профессиональной траектории) или полному отказу от пребывания в отпуске по уходу за ребенком.

По результатам обобщенных исследований ВШЭ выявлено, что «введение отпусков по уходу или увеличение их длины в кратко- и среднесрочной перспективе приводит к удлинению перерывов в занятости и общему снижению вовлеченности женщин

в рынок труда. При этом положительное влияние на уровень занятости обнаруживается в тех странах, где развиты ее нестандартные формы, частичная занятость и сфера услуг по уходу за детьми» [2].

Например, в 2021 г., по данным Росстата, 72 % россиянок вернулись из отпуска по уходу за ребенком на прежнее место работы, тогда как каждая третья, родившая ребенка женщина (28 %) сменила место работы. В качестве основной причины смены места работы явилась личная инициатива с необходимостью изменения графика работы [3].

Согласно результатам опроса сервиса «Авито работа» (n = 3000 работающих женщин в России) в 2024 г., чаще всего отпуск по уходу за ребенком берут женщины в возрасте 35–44 лет (84 %), в то время как респонденты в возрасте 18–24 лет (18 %) чаще ограничиваются переходом на удаленный формат занятости, предпочитая продолжать работать даже после появления ребенка. 6 % респондентов отметили, что брали только декретный отпуск (отпуск по беременности и родам), а 1 % опрошенных женщин указал, что в отпуск по уходу за ребенком ушли их партнеры или родственники. 3 % россиянок продолжили свою профессиональную деятельность, но перешли на удаленный формат работы. А 8 % опрошенных женщин приступили к работе сразу после родов. В Москве женщины чаще, чем в других городах, продолжают работать после рождения ребенка, переходя на удаленный формат работы [4].

По результатам исследования в 2020 г. среди женщин г. Саранска, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до трех лет (n = 25 чел.), во время отпуска по уходу за ребенком женщинами рассматриваются различные варианты карьерных стратегий и формируются предпосылки для изменений в профессиональной сфере. Также дифференцированы такие карьерные стратегии женщин после рождения ребенка: поиск новых вариантов трудоустройства с самовыражением за символическую плату; полная смена профессиональной деятельности; продолжение работы на предыдущем месте; повышение квалификации для безболезненного возвращения на прежнее место работы [5].

По результатам психологического исследования, проведенного Г.И. Моревой, А.В. Саночкиной (2020 г., n = 61 женщина, находящиеся в декретном отпуске и в отпуске по уходу за ребенком), те женщины, которые видят перспективой своего развития лишь профессиональную самореализацию, чаще имеют проблемы в семейной жизни, сфере здоровья, считают невозможным развитие своих способностей, корректировки жизненных целей и наступление периода стагнации в связи с рождением ребенка [6, с. 166].

Весной 2024 г. была проведена фокус-группа с целью анализа карьерных траекторий женщин в отпуске по уходу за ребенком в городе Твери. Участницами фокус-группы выступили 6 женщин с детьми до 4 лет, разного возраста и различными социально-демографическими характеристиками. Автор выражает глубокую признательность за помощь в проведении исследования магистрантам второго курса направления подготовки «Социология» Тверского государственного технического университета К. Рубичевой, С. Дометиной, Д. Добрякову, С. Степановой, эксперту по профориентации взрослых и подростков, игропрактику и гештальт терапевту В.А. Сибаевой, Детскому центру «Круиз», участницам ватсап-канала «Мамочки Твери».

Выход из отпуска по уходу за ребенком для мам представляет собой сложный эмоциональный и психологический процесс. Участницы фокус-группы отметили, что длительное время, проведенное в декрете, может привести к «взрыву эмоций» и переосмыслению жизни. Некоторые испытывают трудности с коммуникацией, названные ими понятием как «декретный мозг», что также вызывает неловкость. Мамы ощущают страх и неопределенность по поводу необходимости совмещения работы и заботы о детях, что приводит к высоким ожиданиям и стрессу. Участницы подчеркивают, что выход на работу связан с новыми обязанностями и дополнительной нагрузкой, что затрудняет восстановление профессиональных навыков. Тревожность по поводу адаптации ребенка и выполнение профессиональных обязанностей также становится источником стресса. Чтобы успешно вернуться на работу, молодым мамам нужна поддержка общества и работодателей, а также гибкость в требованиях. Период выхода из отпуска по уходу за ребенком требует осознанного подхода и понимания, чтобы помочь мамам преодолеть эти вызовы, независимо от их возрастной категории.

Совмещение ролей матери и работника рассматривается по-разному в возрастных группах. В группе старше 36 лет подчеркивается важность качественного времени, проведенного с ребенком и преодоление трудностей в игровом взаимодействии. Участницы отмечают, что сокращенное время можно компенсировать качественным общением, а также предпочитают работать и зарабатывать с акцентом на короткие, но насыщенные моменты общения. Группа информантов в возрасте 24–29 лет акцентирует внимание на приоритетах и делегировании задач, а также на важности внутренней дисциплины и четкого разделения ролей. Участницы этой группы указывают на необходимость силы воли и признают сложности в уделении времени детям, что может вызывать сомнения в их способности совмещать роли.

Обе группы считают, что баланс между работой и семьей важен для самореализации, создавая хороший пример для детей. Обсуждение охватывает стратегии успешного совмещения, подчеркивая необходимость саморефлексии и индивидуальных обстоятельств.

В обсуждении мнений молодых мам после отпуска по уходу за ребенком выявлены различные желания и стремления. Участницы в возрасте 24–29 лет озвучили, что некоторые стремятся вернуться к прежней деятельности, подчеркивая стабильность своих компаний.

При этом другая участница чувствует необходимость переосмыслить свои карьерные цели. Мама в группе 30-35 лет выразила желание попробовать новое, но была разочарована условиями вакансий, что создает стресс и неопределенность. Женщины 36 лет и старше, имеющие опыт работы более 6 лет, отметили, что многие ищут новые возможности из-за недовольства текущими условиями работы. Обсуждались проблемы профориентации и образования, которые влияют на карьерный выбор. Также упоминалась тенденция к самозанятости, особенно в *beauty*-сфере, где обеспечивается гибкий график. Это указывает на рост интереса к независимой работе, позволяющей совмещать карьеру и семейные обязанности.

Участницы фокус-группы, обсуждая предпочтения в занятости после отпуска по уходу за ребенком, подчеркивают, что выбор зависит от индивидуальных обстоятельств и окружения. Основные факторы, влияющие на решение о типе занятости, включают поддержку со стороны родственников и друзей, а также готовность самой мамы оставить ребенка. Участницы отмечают растущую популярность удаленной работы, которая позволяет совмещать трудовые обязанности с уходом за ребенком благодаря современным технологиям. Частичная занятость представляется более приемлемой для большинства участниц – многие из них привыкли к этому формату, который обеспечивает удобство. Отношение работодателя к сотрудникам также играет важную роль. Лояльные компании с гибкими условиями работы делают частичную и удаленную занятость более привлекательными для мам с маленькими детьми.

Форматы трудоустройства, обсуждаемые участницами группы, отражают потребности и ограничения молодых мам. Были обсуждены различные формат работы.

Очная работа: большинство участниц (24–29 и 30–35 лет) предпочитают этот формат, подчеркивая важность личного общения и эмоций коллег. Причина – ощущение команды и более эффективное решение рабочих вопросов.

Удаленная работа: участница старше 36 лет отмечает необходимость удаленной работы из-за маленького ребенка. Причина – гибкость и возможность сочетать уход за ребенком с работой.

Смешанный формат: некоторые участники (возраст 24–29 и старше 36 лет) выражают необходимость в смешанном формате, который обеспечивает социальную адаптацию и возможность сосредоточенной работы. Причина – сочетание личного общения и концентрации на задаче.

Участницы обсуждения карьеры женщин после отпуска по уходу за ребенком поделились мнениями о влиянии материнства на профессиональную жизнь. Участница 30–35 лет отметила, что её карьерный путь не изменился, она продолжает работать и наслаждается общением с людьми. Однако многие мамы задумываются о смене профессии.

Участница старше 36 считает, что материнство заставляет женщин пересмотреть свои ценности и приоритеты. Участницы группы 24–29 лет выразили разные мнения: первая участница полагает, что мамы начинают искать более комфортную работу, даже если она не совпадает с их образованием; вторая считает, что материнство меняет мировоззрение и позволяет наладить новую карьерную линию после отпуска по уходу за ребенком. Третья участница поделилась сомнениями, обозначив, что, если начальство не пойдет на уступки в графике, ей придется искать новую работу, подчеркивая стремление к новому и необходимость финансовой стабильности.

В итоге, исследование выявило необходимость комплексного подхода к поддержке матерей в отпуске по уходу за ребенком и при возвращении к работе. Требуются новые форматы работы, учитывающие индивидуальные потребности и ситуации матерей, а также обеспечение большей гибкости и поддержки со стороны работодателей, общества и государства. Необходимо обратить внимание на вопросы профориентации и переобучения для матерей, желающих вернуться к работе, а также на создание и развитие ресурсов для эффективного и комфортного совмещения материнства и профессиональной деятельности.

По мнению всех участниц фокус-группы, выявлено, что мамы в отпуске по уходу за ребенком занимаются тем же самым, что и до него. Однако, есть ряд аспектов, которые стоит учесть, когда дело касается свободного времени. И самым ключевым фактором является сам ребенок. Дети, сами того не понимая, определяют и время, и место, и саму деятельность своей матери. Женщине необходимо перестроить всю свою жизнь с учетом ребенка в ней: изменить привычки, ритм жизни, стать в чем-то «специалистом», что раньше ее не интересовало. Эти и многие другие схожие маленькие детали привносят свои коррективы в ее жизнь.

Таким образом, для построения эффективной карьерной траектории женщине после выхода из отпуска по уходу за ребенком требуется целый ряд условий: помощь с ребенком, создание возможности комбинированных форм работы, создание новых траекторий развития карьеры для удержания работника. Работодателям следует активно развивать и предлагать гибкие условия занятости, такие как удаленная работа и неполный рабочий день. Это

поможет удовлетворить потребности мам в отпуске по уходу за ребенком, обеспечивая им возможность совмещать профессиональные обязанности и заботу о детях.

Литература:

1. Трудовой кодекс (ТК РФ). Ч. 4. Ст. 256. URL: https://base.garant.ru/12125268/f86de0dd957b7cb08bc16295d5595a7a/#friends (дата обращения: 15.01.2025).
2. Как длина отпуска по уходу за ребенком влияет на занятость женщин и рождаемость? // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: https://stratpro.hse.ru/social-policy/news/831586802.html (дата обращения: 16.01.2025)
3. В Росстате рассказали, сколько россиянок меняют работу после декрета // ТАСС. 19.01.2022. URL: https://ria.ru/20210715/dekret-1741317339.html (дата обращения 10.11.2024)
4. В РФ 81 % опрошенных женщин при беременности брали отпуск по уходу за ребенком // ТАСС. 5.11.2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/22312021 (дата обращения: 28.12.2024).
5. Алексуткина В.С., Фофанова К.В. Влияние отпуска по уходу за ребенком на карьерные стратегии женщин // Социальные нормы и практики. 2020. № 1 (3). С. 53–62.
6. Морева Г.И., Саночкина А.В. Связь субъективной оценки самореализации женщин и отношения к разным сторонам действительности в периоде отпуска по уходу за ребенком // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 3. С. 156–168.
7. Карьерные ожидания женщин России после декрета. URL: https://www.superjob.ru/community/career/41655/ (дата обращения 29.05.24).
8. Равенство в семье: от декларации к реальности? // ВЦИОМ. 2018. URL: https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/ravenstvo-v-seme-ot-deklaraczij-k-realnosti (дата обращения: 27.05.2024).
9. Тимербулатова Э.С. Влияние профессиональной деятельности женщин-матерей на уровень их удовлетворенности жизнью // Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. № 3. С. 100–104
10. Хасиева Д.Д. Карьерные ориентации женщин в России: калейдоскопная модель карьеры // Вестник СПбГУ. Менеджмент. 2021. Т. 20. Вып. 3. С. 343–370.

The Dynamics of Women's Career Trajectory after Parental Leave: the Results of the Study

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

In recent decades, the attitudes and statistics of women on maternity leave and parental leave have been changing. An increasing number of Russian women, under the influence of various factors, prefer to combine labor and maternal activities, many of them change their career trajectory during pregnancy leave. The results of a sociological study aimed at analyzing the career trajectories of Tver women on parental leave are presented. The results of this study will help employers create more comfortable conditions for staff retention after the birth of children, and women will better understand the possibilities of career expectations. The main difficulties for women when leaving parental leave are identified; the possibility of combining the roles of mother and employee; the impact of motherhood on a woman's professional life; professional wishes and aspirations of women; preferences in employment and employment formats after parental leave. A number of recommendations have been developed to implement more effective professional activities for women after parental leave.

Keywords: woman, parental leave, career, professional trajectory

УДК 331
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-261-265

Система оценки государственных служащих: преимущества и проблемы



Верещагина Л.С.
Доктор экономических наук, профессор кафедры
отраслевого управления и экономической безопасности
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А.



Ольхова Л.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и товароведения
АНОО ВО Центрсоюза РФ Поволжского кооперативного института
(филиала) Российского университета кооперации (Энгельс)



Рашидов Д.Ф.
Аспирант кафедры отраслевого управления
и экономической безопасности Саратовского государственного
технического университета имени Гагарина Ю.А.

Оценочная деятельность является одной из ключевых функций управления кадрами на государственной службе. Цель работы: на основе анализа теоретических аспектов и практической деятельности по реализации различных видов оценки в органах исполнительной власти региона выявить их преимущества и проблемы, определить направления совершенствования. Задачи работы: исследовать теоретические аспекты проведения оценочных процедур государственных служащих, провести анализ технологий оценки чиновников регионального Правительства, выявить сильные и слабые стороны данной системы. В ходе исследования применялись комплексный и системный подходы, методы сравнительного и статистического анализа, анкетирование. В работе представлены результаты анализа теоретических положений и практической деятельности по оценке персонала в региональных органах исполнительной власти: раскрыто содержание и нормативно-правовое обеспечение различных видов оценки государственных гражданских служащих, представлены преимущества и слабые стороны оценочных процедур. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов и выводов в практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: *система оценки персонала, аттестация, государственный служащий, органы государственной власти, собеседование, тестирование, кадровый резерв*

Для цитирования: *Верещагина Л.С., Ольхова Л.А., Рашидов Д.Ф. Система оценки государственных служащих: преимущества и проблемы // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 261–265. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-261-265.*

Система оценки сотрудников в органах государственной власти является неотъемлемой частью управленческого процесса, направленного на обеспечение эффективной и качественной реализации ключевых функций государственных органов. Анализ данной системы позволяет систематизировать основные виды оценки, по которым проводится определение уровня профессиональных качеств и личностных характеристик государственных служащих, а также определить сложную структуру оценочного механизма.

Система оценки государственных служащих (на примере Саратовской области) исследована по четырем основным направлениям: оценке при проведении конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы, аттестации, текущей оценке и оценке при формировании кадрового резерва.

Порядок прохождения конкурса для замещения вакантной должности государственной гражданской службы в Правительстве Саратовской области строго регламентирован и направлен на обеспечение прозрачности, справедливости и эффективности отбора кандидатов [1–3].

Конкурс проводится в два этапа: первый этап длится 30 дней, второй этап – не более 7 дней. Информация о конкурсе размещается на официальных ресурсах, таких как сайт Правительства Саратовской области и информационно-телекоммуникационная сеть «Новости Саратовской губернии», что обеспечивает реализацию принципов равенства доступа и прозрачности процедуры отбора на государственную службу. На первом этапе происходит оценка качеств участников на основе формализованных методик, стандартизированных тестов, групповых упражнений и специальных заданий, утверждённых отборочной комиссией, индивидуальных собеседований. Методы оценки кандидатов на вакантные должности в органах государственной власти: интервью, анкетирование, групповые упражнения, испытания по профессиональным пробам (аналитические материалы (реферат), тестирование по вопросам, связанным с выполнением должностных обязанностей и полномочий вакантной должности и др.), психологические тестирования, организационно-управленческие игры [4; 5].

По результатам конкурса издается нормативно-правовой акт представителя нанимателя о назначении победителя конкурса на вакантную должность государственной гражданской службы. По результатам отборочных испытаний в 2024 г. 27 % кандидатов были приняты на работу в Правительство области. Оценка потенциальных сотрудников включала анализ их профессиональной квалификации, опыта работы и коммуникативных навыков. Процедура конкурсного отбора является достаточно прозрачной, объективной, так как основана на использовании специальных программных продуктов, формализованных и неформализованных, количественных и качественных, индивидуальных и групповых методов оценки кандидатов

Аттестация государственных гражданских служащих (на примере служащих Правительства Саратовской области) регламентирована нормативно-правовыми актами федерального и регионального уровней [1; 3; 6]. График проведения аттестации ежегодно утверждается министром области – руководителем аппарата Губернатора области и доводится до сведения каждого аттестуемого гражданского служащего не позднее чем за месяц до начала аттестации. В течение одного месяца после проведения аттестации принимается решение о том, что гражданский служащий: а) подлежит включению в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста; б) направляется для получения дополнительного профессионального образования; в) понижается в должности гражданской службы и подлежит исключению из кадрового резерва в случае нахождения в нем.

При проведении квалификационного экзамена Комиссия оценивает знания, навыки и умения (профессиональный уровень) гражданских служащих в соответствии с требованиями должностных регламентов гражданских служащих, сложностью и ответственностью работы, выполняемой гражданскими служащими, на основе специальных экзаменационных процедур. На основании результатов квалификационного экзамена министр области – руководитель аппарата Губернатора области либо принимает решение о присвоении в установленном порядке классного чина гражданскому служащему, сдавшему квалификационный экзамен, либо направляет представление Губернатору области, который на основании анализа имеющихся материалов принимает окончательное решение, оформляемое постановлением, о присвоении служащему классного чина [4; 7].

В процессе исследования мнений сотрудников Правительства области об их отношении к обязательной для прохождения процедуре аттестации государственных служащих было опрошено 4,5 % всех работников (97 чел.), из них одна четвертая респондентов – руководители, три четвертых – специ-

алисты. В результате опроса определено, что 51 % государственных служащих полагает, что существующая процедура аттестации объективна, 17 % – что необъективна, на то, что данная оценочная процедура может быть усовершенствована, указали 32 % респондентов. 85,5 % участников опроса считают, что высокая оценка личности и трудовой деятельности государственного служащего способствует повышению его мотивированности и улучшению результатов работы. Само участие в процедуре аттестации и предоставление обратной связи по ее результатам воспринимается оцениваемыми как значимый стимул. По вопросу «Влияет ли аттестация и другие виды оценки служащих на социально-психологический климат в органах исполнительной власти?» ответ «влияет» выбрала четверть всех респондентов, на ответ «иногда влияет» указал 54,1 % опрошенных, 20 % полагают, что оценочные процедуры не отражаются на социально-психологическом климате в коллективе. На вопрос «Какие аспекты необходимо оценивать в первую очередь на государственной службе?» ответы распределились следующим образом: 43,2 % выбрали реальные достижения служащих, 16,8 % – имеющийся потенциал, 40 % отметили важность оценки обоих факторов.

Конкурс в кадровый резерв государственной гражданской службы области заключается в: оценке профессиональных и личностных качеств его участников на основании объективных профессионально значимых критериев; выявлении среди участников конкурса лиц, в наибольшей степени соответствующих требованиям для замещения резервируемой должности; обеспечении равных условий для всех участников конкурса в выполнении ими конкурсных заданий и процедур; соблюдении законных интересов и этических норм в отношении всех лиц, имеющих отношение к конкурсу. Конкурс на включение в кадровый резерв должностей, относящихся к группе младших должностей гражданской службы области, не проводится [3].

Текущая оценка персонала производится ежеквартально и включает анализ выполнения повседневных задач, участие в командной работе и проявление инициативы. В Саратовской области идет процесс внедрения процедуры оценки результативности работы руководителей и заместителей руководителей структурных подразделений Правительства области в рамках системы оценки эффективности региональных органов власти [2; 8; 9].

Оценка эффективности работы органов исполнительной власти региона базируется на системе показателей, включающей как универсальные параметры, применимые ко всем структурам, так и индивидуальные, учитывающие особенности конкретной сферы государственного управления [3; 7].

Регулярная текущая оценка эффективности работы заместителей Председателей Правительства, министров, глав муниципальных образований на основе *KPI* внедрена в области еще в 2022 г. По итогам оценки за год шести министрам областного Правительства была снижена зарплата на 5–10 % сроком на один год [10].

В тоже время не обеспечена практическая реализация системы ключевых показателей эффективности (*KPI*) на уровне линейных руководителей и исполнителей в структурных подразделениях Правительства области: советников, начальников управлений, референтов, консультантов. Ориентация на ключевые показатели с привязкой к стимулирующим денежным инструментам позволит всем государственным служащим более качественно выполнять работу, снизит количество недочетов, уровень коррупции, повысит лояльность населения органам исполнительной власти.

Система оценки персонала в Правительстве Саратовской области обладает рядом преимуществ и недостатков, которые важно учитывать при анализе ее эффективности. К преимуществам системы оценки государственных служащих можно отнести:

1. Регламентированность, всесторонность и комплексность оценки: проводится оценка при отборе на вакантные позиции, в процессе аттестации, при формировании кадрового резерва, в процессе текущей работы осуществляется оценка результативности труда руководителей органов исполнительной власти.

2. Объективность и справедливость: оценка основывается на валидных количественных и качественных методах, объективной информации, по закрепленной в нормативно-правовых актах процедуре; оценке подлежат только деловые, профессиональные качества и успехи в профессиональной деятельности. По результатам опроса более 50 % респондентов – государственных служащих региона считают процедуры оценки объективными.

3. Разнообразие методов оценки, которые включают: биографический и описательный, анкетирование, личностные опросники, профессиональное и психологическое тестирование, бально-факторный, эталонный методы, ранжирование, различные виды собеседований, пр.

4. Гласность, прозрачность процесса: система объективных критериев делает процесс оценки более прозрачным и понятным для сотрудников, материалы и итоги находятся в свободном доступе у оцениваемых.

5. Регулярность оценки и обратной связи, в процедурах оценки участвуют все сотрудники исполнительных органов власти за исключением категорий, указанных в соответствующих нормативных актах, уделяется большое внимание предоставлению регулярной и конструктивной обратной связи сотрудникам, что способствует их постоянному развитию и улучшению работы.

6. Использование федеральной государственной информационной системы «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации», обеспечивающей осуществление кадровой работы в автоматизированном режиме, консолидацию информации о составе госслужащих, ведение электронного документооборота, информационно-аналитическое и нормативно-правовое сопровождение процесса персонал-менеджмента.

Среди недостатков системы оценки персонала на государственной службе можно указать:

1. Следует расширить использование компетентностного подхода, позволяющего оценить способность и готовность госслужащего выполнить работу по предлагаемой должности, потенциал карьерного роста;

2. Несовершенство сервисов по оценке и аттестации персонала в программе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» [10];

3. Существующая система оценки слишком традиционна и не всегда учитывает современные тенденции и технологии оценки персонала;

4. Загруженность руководства: высокая загруженность руководящего состава часто приводит к недостаточно глубокой оценке работы сотрудников, ограничиваясь формальными критериями, отзывы о работе иногда носят субъективный характер.

5. Аттестационные комиссии и комиссии по отбору кандидатов в кадровый резерв лишь «формально» независимы от руководства, не нерегламентированным остаётся вопрос об урегулировании конфликта интересов при проведении аттестации;

6. Недостаточное использование полученных в результате аттестации сведений в дальнейшей работе по улучшению качества государственной гражданской службы;

7. Система оценки результативности труда на основе *KPI* не распространяется на линейных руководителей и специалистов подразделений Правительства области.

Таким образом, предложения по совершенствованию рассмотренной системы оценки могут включать: уточнение перечня критериев для оценки руководителей и разработку ключевых показателей результативности для линейных руководителей и специалистов подразделений органов исполнительной власти, использование метода «360 градусов», который позволит оценить как компетенции, так и трудовое поведение, сопоставить различные точки зрения о личности чиновника; доработку модулей Единой информационной системы управления кадровым составом (ЕИСУКС) или интеграцию ЕИСУКС с ИС «1С: Оценка персонала» для автоматизации современных технологий оценки и аттестации персонала.

Система оценки чиновников непосредственно воздействует на их мотивацию к служению на благо общества и государства, общую работоспособность, лояльность и приверженность органам государственной власти. Эффективность данной системы существенно влияет на социально-психологический климат в органах государственной власти, обеспечивая высокую производительность и стремление к постоянному развитию у сотрудников.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС Гарант.
2. Указ Президента РФ от 01.02.2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СПС Гарант.
3. Закон Саратовской области от 02.02.2005 г. № 15-ЗСО «О государственной гражданской службе Саратовской области» // Официальный сайт «Законодательство России».
4. Иванова Н.А., Кублин И.М., Попов М.В. Человеческий капитал и его влияние на инновационное развитие компании // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2023. № 1 (37). С. 32–39.
5. Сладкова Н.М., Воскресенская О.А., Ясинская И.А., Горковенко Ю.Л. Лучшие кадровые практики в жизненном цикле преобразований // Государственная служба. 2022. Т. 24. № 1. С. 70–79.
6. Постановление Правительства РФ от 09.09.2020 г. № 1387 «Об утверждении единой методики проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» // СПС Гарант.
7. Постановление Правительства Саратовской области от 14.09.2020 г. № 776-П «Об оценке результативности деятельности органов исполнительной власти области» // Официальный сайт «Законодательство России».

8. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт Президента России.
9. Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России.
10. Роман Бусаргин подвел итоги годовой работы системы KPI. URL: https://gtrk-saratov.ru/roman-busargin-podvel-itogi-godovoj-raboty-sistemy-kpi

Civil Servants' Assessment System: Advantages and Challenges

Vereshchagina L.S.
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
Olhova L.A.
Volga Region Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation
Rashidov D.F.
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Evaluation activities are one of the key functions of personnel management in the civil service. The purpose of the work: based on the analysis of theoretical aspects and practical activities on the implementation of various types of assessment in the executive authorities of the region, to identify their advantages and problems, to determine areas for improvement. Objectives of the work: to study the theoretical aspects of the assessment procedures of civil servants, to analyze the technologies for assessing officials of the regional Government, to identify the strengths and weaknesses of this system. The object of the work is the state authorities of the constituent entity of the federation, the subject of the work: the system of assessment of civil servants at the level of the constituent entity of the federation. During the study, an integrated and systematic approach, methods of comparative and statistical analysis, and a questionnaire were used. The work presents the results of the analysis of theoretical provisions and practical activities on personnel assessment in regional executive bodies: the content and regulatory framework for various types of assessment of state civil servants are disclosed, the advantages and weaknesses of the assessment procedures are presented. The practical significance of the work lies in the possibility of using the results and conclusions in the practical activities of state authorities and local self-government.

Keywords: personnel assessment system, certification, civil servant, government bodies, interview, testing, personnel reserve

УДК 316.37
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-266-271

Социальная типология личности как инструмент управления обществом: националист и патриот



Волкова Е.В.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского национального исследовательского технологического университета



Черкасов И.А.
Студент направления «Правовое обеспечение национальной безопасности» Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции

Данная статья рассматривает феномен «социальной типологии личности». Это понятие рассматривается в работе как один из инструментов управления обществом, дается его определение. Авторы теоретически обосновали важность изучения социальной типологии в современных условиях существования военных конфликтов, выявили основные различия между патриотами и националистами и дали им определения, базируясь на результатах проведенного социологического исследования. Исследователи констатировали тот факт, что количество патриотически настроенной молодежи в обществе значительно превышает людей с националистическими взглядами именно в поколении Z. Этот факт о консолидации общества дает большие надежды на будущее развитие социума. Новизна исследования заключается в том, что социальная типология личности служит инструментом для составления системы определенных признаков, по которым можно установить социальную идентичность каждого человека. Для консолидации общества идентификаторы несут функцию определения незнакомого человека как члена общества, а для разделения, отслеживают те показатели, по которым меняется идентичность человека при смене поколений и на больших расстояниях.

Ключевые слова: *социальная типология личности, дифференциация идентичности, националист и патриот, маркер идентичности, формирование мировоззрения целого поколения, социальное взаимодействие, этническая принадлежность*

Для цитирования: *Волкова Е.В., Черкасов И.А. Социальная типология личности как инструмент управления обществом: националист и патриот // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 266–271. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-266-271.*

Внимательно присмотритесь к обществу, в котором вы живете, и вы увидите, что оно состоит из людей, образующих социальные группы, которые в свою очередь объединяются в сообщества. История циклична, одни общества распадаются, и на смену им приходят другие, более конкурентоспособные и сильные. Однако человек всегда остается и ищет себя и свое место в обществе на протяжении тыся-

челетий. Сегодня человек разумный рассматривается через призму расовой и этнической принадлежности, умственных способностей, его деятельности и его генетического кода. Когда убеждения человека, касающиеся представлений о том, что есть общество и кто к нему принадлежит, вступают в конфликт, подозрительность в социуме растет и связи рушатся. «Предрасположенность к присоединению к группам формирует нас как личностей и является предметом многочисленных исследований» [1]. Сейчас наше общество так бурлит, что такие события, как война, террористические атаки, убийство лидеров и невинных граждан могут сформировать мировоззрение целого поколения. Такие насыщенные события определяют социальную атмосферу и общественное настроение наших будней и, безусловно, влияют на наши убеждения и формируют в нас определенный тип людей [1]. Сегодня к теме социальной типологии личности приковано особое внимание, поскольку каждый из нас сегодня столкнулся с таким процессом перепрофилирования или переформатирования человека, когда мы вынуждены задействовать наши когнитивные инструменты выживания, «чтобы принимать разные этнические группы, приспосабливаться к ним» и находить свое место в социуме. Для того, чтобы «человека принимали благосклонно, его или ее поведение должно укладываться в допустимые общественные рамки» [1].

Рассматривая вопрос социальной типологии личности с учетом расового и этнического компоненты в условиях проведения специальной военной операции и ведения военных конфликтов по всему земному шару, невольно взгляд падает на отношение человека к вопросу преданности и сопряженности его/её с обществом, в котором они живут. Поэтому мы обозначили этот термин как инновационный инструмент для управления обществом, созданный на основе классификации по определенным признакам, касающихся деятельности, сознания, психики, ценностных ориентаций, установок и стимулов развития личности человека.

Фундаментальное отличие заключается в том, что каждый из нас связан со своим социумом поразному. Проблема социального типа личности является актуальной. Поскольку понимание закономерностей развития и функционирования социальной типологии личности как инструмента для управления обществом, знания факторов, влияющих на данные процессы, создают возможности для адекватного управленческого воздействия при принятии решений как в бизнесе и экономике, так и на всех уровнях власти в контексте требований гражданского общества.

Поэтому целью нашего исследования было определить идеологические основы личности студентов с точки зрения его/ее принадлежности к националистическим или патриотическим взглядам. Исходя из целей, мы обозначили задачи нашего поиска следующим образом:

1) определить идеологические основы восприятия общества у националистов и патриотов;

2) установить основные различия у националистов и патриотов в векторах осознания развития общества;

3) сформулировать понятия «социальный тип личности», «националист» и «патриот» с точки зрения разных подходов;

4) провести социологический опрос в студенческой среде на предмет отнесения себя как личности к патриотам или националистам.

Теоретической основой для решения наших задач послужили исследования российских и зарубежных ученых. Это важный момент в исследовании, поскольку он позволяет рассматривать понятия с точки зрения западного и российского подходов. Отечественные исследования представлены работой Н.В. Дулиной, Р.М. Петруневой, В.Д. Васильевой, А.А. Любцова, Ю.В. Петруневой, в которой обсуждается тема патриотизма с точки зрения отношения представителей разных поколений и социальных групп к этой проблематике [2]. В статье Г.И. Колесниковой «социальный тип личности понимается как устойчивое ядро природных качеств, в котором наиболее ярко проявляется взаимосвязь "личность – общество"» [3]. Исследователь заявляет о необходимости рассматривать социальную типологию с позиций разных подходов в условиях современной национальной политики в Российской Федерации. Статьи Е.В. Волковой посвящены духовно-нравственным основам развития личности, выделению понятия социальной типологии как инструмента управления обществом и человеком [4–6].

Западная литература представлена монографией американской журналистки Изабель Уилкерсон «Касты. Истоки неравенства в XXI веке», в котором она рассматривает кастовую систему как жесткий порядок общественного контроля и управления, где фактически личность человека стирается и подчинена строгим законам общественной стратификации [7]. Работа Эрика Хоффера «Человек убежденный» заинтересовала нас, поскольку в ней исследуются определенные социальные группы и социальные типы людей, которые участвуют в массовых волнениях. Актуальность его монографического исследования подтверждена анализом националистических движений. Он подчеркивает связь революционных преобразований со вспышками националистических движений в борьбе за коренные изменения и проводит аналогию с современностью [8]. Мартин Липснет в своем исследовании «Политический человек» рассматривает заинтересованность человека в идеологических платформах тех или иных партий исключительно с позиций классового подхода, отношения к частной собственности и геополитиче-

ского и экономического положения в стране [9]. Работа британского и американского социолога Майкла Манна «Фашисты» посвящена истокам зарождения нацистской идеологии и проникновения ее в разные страны [10]. А исследования нидерландского философа Йохана Хейзинга привлекло нас тем, что мы увидели связь переформатирования личности человека через участие в оккультных обрядах, которое преподносится первоначально как некая игра [11]. В монографическом исследовании Марка Моффетта «Человеческий рой. Естественная история общества» показана цикличность развития человеческих обществ, идентификация человека в обществе проходит по принципу социального маркера «свой – чужой», рассматриваются идеологические основы и связи с обществом таких социальных групп, как националисты и патриоты [1]. Проанализировав литературу по теме исследования, мы выявили основные различия у патриотов и националистов в их миропонимании общества как такового и пришли к следующим выводам, представленным в таблице 1.

Методологической основой нашего исследования послужило учебно-методическое пособие Ж.В. Пузановой, И.В. Троцюк и М.И. Витковской, на базисных принципах которого мы составили анкету для опроса, в которую вошли 10 авторских завуалированных ситуативных вопросов [12]. Для этого был использован цифровой инструмент в виде *Google*-формы. В социологическом опросе приняли участие 220 студентов 1–2 курса Казанского национального исследовательского технологического университета, Всероссийского государственного университета юстиции (Казанский филиал), Московского физико-технического института (МФТИ) и др. вузов. Вопросы составлялись с учетом выявленных различий в ценностных ориентациях и установках у патриотов и националистов в отношении их миропонимания развития общества, представленных в таблице 1. А именно:

Таблица 1

Различия в восприятии общества у националистов и патриотов

Отношение к обществу	Патриоты	Националисты
1. Восприятие идентичности	Патриоты демонстрируют чувство гордости за свой народ и выражают принадлежность к общей идентичности. Эти чувства формируются естественным образом у тех, кто родился в стране, но их могут приобрести и иммигранты. «Поскольку пыл патриотов в основном направлен на собственную группу, они на первое место ставят потребности членов этой группы: убеждаются в том, что те обеспечены едой, жильем, образованием и т.д.» [1]	Националисты испытывают сходные эмоции, но определяют свою идентичность в возвеличивании. Их гордость связана с предубеждениями. Настолько же, насколько патриоты могут быть помешаны на заботе о членах общества, националисты поглощены защитой более совершенного образа жизни за счет сохранения общества целым и невредимым и выдвижения собственного народа вперед на мировой сцене [1]
2. Отношение к своему собственному народу (идентичность и этнический состав)	Патриоты ставят свою страну так же высоко, но считают, что такое положение нужно заслужить, а не бороться за него, допуская, что существуют возможности для совершенствования	Националисты выделяют доверенное большинство и выстраивают свою иерархию управления на принципах подчинения лидерам, демонстрации верности и соблюдения устава взаимоотношений. Они превозносят свой народ над другими и тщательно оберегают свои традиции и порядок взаимоотношений между этносами и расами и свято верят в свою страну
3. Отношение к этносу	Патриоты воспринимают целостность своего народа, они склонны к равенству, не обращая внимание на этнический состав. Но патриот не лишен предубеждений. В их отношении к обществу больше присутствует деление не по этническому признаку, а по принадлежности человека к патриотически настроенной социальной группе	Националисты считают народы других наций и граждан – представителей этнических меньшинств чужаками и придерживаются узких взглядов на то, кто на самом деле является частью общества. Относятся к представителям других народов подозрительно. Им больше близка идея о мажоритарной демократии, согласно которой доминантный народ должен иметь преимущественное право голоса в управлении. Для националиста человек другой этнической принадлежности, гражданин или нет, в большей степени чужой
4. Позиции националиста и патриота в отношении коммуникаций	Патриоты более благожелательно относятся к возможностям для установления сотрудничества и торговли с представителями других народов	Националисты более закрыты для сотрудничества, отгораживаясь от всего того, что «загрязняет» их культуру и отгораживаются от людей, чьи интересы не совпадают с националистическим мировоззрением. Они привержены статус-кво и иногда выступают против преобразований

1. Если бы вы иммигрировали в другое государство и ваша страна внезапно вступила бы в военный конфликт, определите ваши действия (выбрать из предложенных).

2. Если бы Вы жили в годы Великой Отечественной войны, определите Ваши действия (выбрать из предложенных).

3. Если бы Вы получили диплом инженера-программиста и Вам бы предложили высокооплачиваемую работу за границей, Ваши действия (выбрать из предложенных):

4. Если бы Вы были подростком, какие кружки по дополнительному образованию Вы бы выбрали для себя с целью посещения и развития (выбрать из предложенных).

5. Представьте, что в вашем городе проходит патриотический митинг. Ваши действия (выбрать один из вариантов).

6. Представьте ситуацию, вы заходите в автобус, а там едут представители разных национальностей. Ваши действия (выбрать один из вариантов).

7. Представьте ситуацию, Вы пришли в незнакомый коллектив, где вы планируете реализовать свои профессиональные амбиции. Ваши действия (выбрать из предложенных).

8. Вы оказались в ситуации, когда на ваших глазах отрицательно отзываются о Ваших народных традициях, показывают агрессивное поведение по отношению к символам Вашей страны. Ваши действия (выбрать из предложенных).

9. Считаете ли Вы, что народ, к которому Вы принадлежите, заслуживает больших привилегий в обществе?

10. Представьте, что вы живете в большой семье и Вашему родственнику понадобилась помощь. Ваши действия (выбрать из предложенных).

Результаты социологического опроса показали следующие данные. Почти 41 % респондентов оказались патриотически-настроенными гражданами. Мало того, косвенно поддерживающими этот настрой и высказывающимися в пользу помощи для своей страны, оказались 19 % респондентов. Свою лояльность по отношению к представителям разных национальностей продемонстрировали 80 % респондентов. Свое желание бороться за сохранение своих народных традиций и обычаев выразили почти 59 % опрошенных студентов. За готовность прийти на помощь в трудную минуту высказались 70 % респондентов. А 72 % участвующих в опросе студентов поддерживают утверждения, что все народы заслуживают одинакового уважения.

Однако в ходе исследования выявилась одна довольно противоречивая деталь. Свое желание покинуть родину с целью получения высокооплачиваемой работы выразили 36 % респондентов. При этом 48 % респондентов надеются реализовать свои профессиональные навыки и найти достойную высокооплачиваемую работу именно в своей стране. И это очень хороший показатель, более подробные данные показаны на рисунке 1.

Исходя из полученных эмпирических данных и теоретического анализа, нами было сформулировано следующее определение. Патриот – это личность, ценностными ориентирами и установками которой является любовь и преданность к Отечеству и готовность защищать его, отстаивающая интересы укрепления и единения общества и несущая чувство гордости за историческую память и настоящее своей родины.

Что касается националистически настроенной молодежи в обществе, мы получили около 13,6 % ответов респондентов, которые стоят на ярко выраженных позициях в этом вопросе. По некоторым ответам о ситуации о том, чтобы примкнуть к группе лидеров для продвижения своих интересов, мы получили менее 10 % положительных ответов респондентов. Более подробный анализ показан на рисунке 2.

Учитывая новые подходы в национальной политике, основываясь на Указе Президента РФ от 8.05.2024 г. № 314 «Об утверждении основ государственной политики РФ в области исторического просвещения» [13], мы будем рассматривать поня-



Рис. 1. Результат социологического опроса по выбору приоритета в заданной ситуации

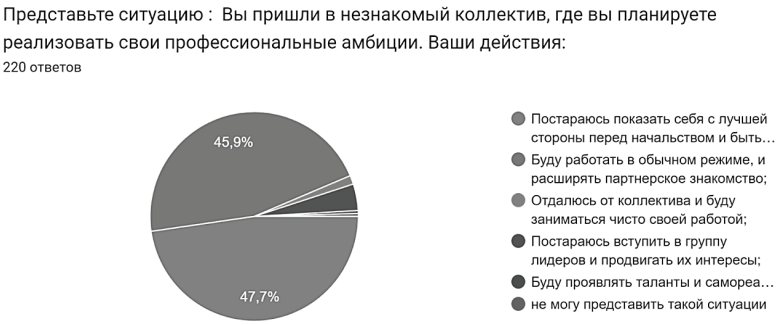


Рис. 2. Результат социологического опроса по выбору приоритета в заданной ситуации

тие националист с позиций двух разных подходов, которые были еще определены Питиримом Сорокиным [14]. Западное научное направление рассматривает Россию как нечто отсталое и требующее окультуривания в смысле европеизации. И в рамках этого подхода анализ полученных вышеуказанных теоретических и эмпирических данных позволил нам сформулировать определение этнического националиста как личность, ценностными ориентирами которой является идея национального превосходства одной нации над другой, отстаивающая интересы только своей нации как на культурном, экономическом, так и на государственном уровне. И эта категория граждан наиболее опасна для любого общества, поскольку их радикальные взгляды могут послужить почвой для экстримизма.

Однако в контексте российского (эмоционального) подхода и заявления Президента В.В. Путина по поводу национализма на форуме Валдай в 2018 г., были определены сущностные и характерные черты типов личности в России в соответствии с национальной культурой, психологий, мировоззрением, характером. Все эти характеристики человека как личности, в свою очередь, являются производными от географических особенностей страны и исторического процесса. И сегодня в России националист – это личность, «ратующая за сохранение многонациональной России» [15].

В заключение хотелось бы отметить следующее. Различия в патриотическом и националистическом движении появились еще в процессе эволюции. Люди с разными взглядами всегда существовали и будут существовать в обществе. И это один из принципов его функционирования. «Общество, в котором слишком много или слишком мало людей на каждом конце спектра может прийти к катастрофе». Признание чужаков обществом может быть реализовано только через их приспособления к требуемой идентичности. «Дифференциация идентичности между членами общества продолжает быть источником раскола. Напряженность из-за национальных или этнических различий не исчезнет» [1].

Социальная типология личности именно выступает как инструмент, который способствует созданию идентификаторов для определения человеческой личности, которые могут быть использованы как для сплочения общества, так и для его раскола. Для консолидации общества идентификаторы несут функцию определения незнакомого человека как члена общества, а для разделения отслеживают те показатели, по которым меняется идентичность человека при смене поколений и на больших расстояниях. Все вышеуказанные моменты могут быть причиной для изменения и разрушения общества.

Социальная типология личности помогает определить, как человек заново формирует свою идентичность, вовремя реагировать на эти изменения в адаптации в обществе. Именно национальная политика и законодательство в Российской Федерации будут выступать критерием при принятии решений на всех уровнях государственной власти, чтобы не допустить раскола в российском обществе.

И несмотря на то что мы все разные, нам необходимо устанавливать и поддерживать связи друг с другом с целью продолжения жизни на Земле.

Литература:

1. Моффет М. Человеческий рой: Естественная история общества / Пер. с англ. С.М. Левензон. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. 704 с.
2. Дулина Н.В., Петрунева Р.М., Васильева В.Д., Любцов А.А., Петрунева Ю.В. Патриотом быть обязан? (Об отношении к событиям и фактам истории Великой Отечественной войны современных российских студентов и соотечественников, проживающих за рубежом: сопоставительный анализ) // Alma mater (Вестник высшей школы). 2022. № 3. С. 35–45. DOI: 10.20339/AM.03-22.035.
3. Колесникова Г.И. Социальный тип личности: особенности трансформации в современной России // Международный журнал педагогики и психологии служебной деятельности. 2018. № 4. С. 42–48.
4. Волкова Е.В. Анализ ценностных ориентаций в вопросах развития личности студента: на примере американской и российской культуры // Глобальный научный потенциал. 2020. Вып. 3. С. 55–62.
5. Волкова Е.В Научный генезис феномена «личность» в отечественной литературе // Перспективы науки. 2020. Вып. 4 (127). С.164–168.
6. Волкова Е.В. Социальная типология личности: современный формат // Управление устойчивым развитием. 2021. № 2(33). С. 90–95.
7. Уилкерсон И. Касты. Истоки неравенства в XXI веке / Пер. с англ. М.В. Пономаревой. М.: Эксмо, 2022. 512 с.

8. Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Интеллектуальная литература, 2020. 200 с.
9. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики / Пер. с анг. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамакова, А.В. Матешук. М.: Мысль, 2016. 612 с.
10. Манн М. Фашисты / Пер. с англ. СПб.: Питер, Фонд «Историческая память», 2023. 592с.
11. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 400 с.
12. Пузанова Ж.В., Троцюк И.В., Витковская М.И. Практикум по курсу «Методология и методика социологических исследований». М: Издат. дом «Высшее образование и наука», 2016. 272 с.
13. Указ Президента РФ от 8.05.2024 г. № 314 «Об утверждении основ государственной политики РФ в области исторического просвещения». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?index=12 (дата обращения: 16.01.2025).
14. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «Стратегия государственной национальной политики РФ на период 2025 года». URL: http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119/ (дата обращения: 16.01.2025).
15. Путин назвал народ государствообразующим и напомнил о многонациональности РФ. URL: https://www.interfax.ru/russia/634009 (дата обращения: 16.01.2025).

Social Typology of Personality as an Instrument for Social Manipulation: a Nationalist and A Patriot

Volkova E.V.
Kazan National Research Technological University
Cherkasov I.A.
Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The article focuses on the phenomenon of "social typology of personality". This concept is considered in the article as one of the tools for social manipulation, and its definition is given. The authors emphasize the importance of studying social typology in modern conditions of military conflicts, identified the main differences between patriots and nationalists and gave them definitions, based on the results of a sociological study. The researchers stated the fact that the number of patriotic youth in society significantly exceeds people with nationalistic views in generation Z. This fact about society consolidation gives great predictions for the future development of society. The novelty of the study lies in the fact that the social typology of personality serves as a tool for compiling a system of certain characteristics, which can help to established the social identity of each person. For the consolidation of society, identifiers have the function of identifying a stranger as a member of society. And for separation of community, they track those indicators with the help of which a person's identity changes with the change of generations and over long distances.

Key words: social typology of a personality, identity differentiation, a nationalist and a patriot, forming world view of whole generation, social interaction, ethnicity

УДК 316.334.22
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-272-277

Влияние технологий искусственного интеллекта на российский рынок труда (по результатам экспертных интервью *HR*)



Гаврилова И.Д.
Магистр направления подготовки «Социология»
Высшей школы современных социальных наук
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова



Каргаполова Е.В.
Доктор социологических наук, профессор кафедры
политического анализа и социально-психологических процессов
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва)

Бурное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) стало причиной его стремительного проникновения практически во все сферы жизнедеятельности современного общества. Цель работы – исследование влияния технологий искусственного интеллекта на российский рынок труда в целом, а также на субъектов трудовых отношений – работников и работодателей, в частности. Метод исследования: авторское экспертное интервью с HR-специалистами в сфере подбора, оценки и обучения персонала. Научная новизна работы состоит в том, что на основе результатов авторского эмпирического исследования определены экспертные оценки положительного воздействия искусственного интеллекта, а также социальных рисков, связанных с внедрением технологий ИИ на российский рынок труда, работников и работодателей. Практическая значимость заключается в получении прогнозных мнений экспертов по поводу профессий, востребованность которых зависит от внедрения технологий ИИ. Основной исследовательский вывод: специалисты по подбору персонала на данный момент в основном положительно оценивают перспективы внедрения технологий ИИ на российский рынок труда.

Ключевые слова: *технологии искусственного интеллекта, социальные риски, рынок труда, работники, работодатели*

Для цитирования: *Гаврилова И.Д., Каргаполова Е.В. Влияние технологий искусственного интеллекта на российский рынок труда (по результатам экспертных интервью HR) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 272–277. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-272-277.*

В современном мире искусственный интеллект становится все более значимым и широко используемым инструментом в различных сферах деятельности [1; 2]. В научно-исследовательском дискурсе искусственный интеллект рассматривается как «технология в сфере интеллектуальной собственности» [3], «инструмент для решения задач» [4], так и «технология искусственного» [5], «искусственная социальность» [6], «искусственная жизнь» [7], «другой» [8], «искусственная глупость» [9].

Технологии искусственного интеллекта все более широко внедряются в различные сферы общественной жизни. Спектр применения готовых решений искусственного интеллекта включает банковский сектор, здравоохранение, образование, транспортную отрасль, анализ разного рода данных, государственное управление, журналистику и т.д. Государство и инвесторы активно вкладывают финансовые средства в развитие современных технологий в области искусственного интеллекта. В целом искусственный интеллект способен осуществлять либо значительно упрощать выполнение многих процессов. В сочетании с роботизацией и продвинутыми онлайн-технологиями ИИ уже сегодня эффективно справляется со многими задачами, которые раньше могли выполнять только люди.

Искусственный интеллект является одной из ключевых технологий четвертой промышленной революции, которая стремительно меняет экономический ландшафт во всем мире. Это создает новые возможности для бизнеса, повышает эффективность производства, улучшает качество услуг и уменьшает расходы.

Однако вместе с преимуществами внедрение ИИ порождает и ряд вызовов, особенно в контексте состояния рынка труда, соотношения рыночных и плановых механизмов в экономике [11]. Среди вызовов прежде всего – усугубление социального неравенства, так как работников с низкой квалификацией можно будет заменить и автоматизировать их профессии. В то же время люди с высокой квалификацией, имеющие навыки креативного мышления и взаимодействия с машинами, получат больше карьерных возможностей и повышение зарплат. Поэтому внедрение ИИ на рынок труда требует решения таких сложных социальных и этических вопросов, как избежание массовой безработицы и поддержка сотрудников с устаревшими профессиями. В связи с этим в последние годы широко обсуждается концепция ответственного искусственного интеллекта, направленная на решение неизбежно возникающих этических, юридических и социальных проблем [12–15].

Таким образом, исследование влияния ИИ на рынок труда актуально и необходимо для понимания того, как технологии меняют характер труда, каковы возможности и риски их применения, какие меры необходимы для минимизации негативных последствий и максимизации положительного эффекта от внедрения ИИ. Это позволит разработать стратегии для адаптации рынка труда к новым условиям, обеспечить справедливое перераспределение выгод и поддержку социально-экономической стабильности.

Цель исследования – анализ влияния технологий искусственного интеллекта на российский рынок труда. Метод сбора первичной социологической информации – экспертное интервью со специалистами, которые работают в России в сфере подбора, оценки и обучения персонала (HR) (n = 10). В исследовании приняли участие 5 мужчин и 5 женщин. Стаж работы в этой отрасли участников и участниц варьируется от 5 до 10 лет, возраст респондентов от 26 до 39 лет. У участников исследования отмечено наличие оконченного высшего образования (бакалавриат, магистратура, специалитет). В таблице 1 представлена структура глубинного интервью.

Гипотеза основания: внедрение технологий искусственного интеллекта негативно сказывается на российском рынке труда и приводит к появлению социальных рисков в сфере трудовых отношений.

На основе гипотезы основания были сформулированы две гипотезы следствия:

1. Внедрение технологий искусственного интеллекта негативно сказывается на работниках ввиду

Таблица 1

Структура глубинного интервью

№	Формулировка вопроса	Назначение вопроса
1	Какие технологии искусственного интеллекта Вы знаете?	Это вводный вопрос для того, чтобы поставить тему интервью и получить первичные данные
2	В каких сферах в России уже сейчас используются технологии искусственного интеллекта?	Данный вопрос необходим для того, чтобы оценить кругозор и осведомленность интервьюируемого по теме исследования
3	По Вашему мнению, каким образом технологии искусственного интеллекта влияют на рынок труда в России?	Это базовые вопросы, цель которых не только получить оценку влияния искусственного интеллекта на рынок труда, специалистов и работодателей (положительную, отрицательную или нейтральную), но и узнать у интервьюируемого, как именно это влияние реализуется, на что и кого оно распространяется, конкретизировать положительные аспекты и риски
4	По Вашему мнению, как технологии искусственного интеллекта влияют на специалистов (работников)?	
5	По Вашему мнению, как технологии искусственного интеллекта влияют на работодателя?	
6	По Вашему мнению, какие специалисты сейчас максимально востребованы на рынке труда?	Это вводный вопрос, цель которого получение у интервьюируемого обоснования его мнения причин высокого спрос
7	По Вашему мнению, какие профессии будут менее востребованы из-за технологий искусственного интеллекта в будущем?	Это базовые вопросы, цель которых выяснить у интервьюируемого не только перечень профессий, но и обоснование того, почему одни профессии будут менее востребованы, а другие более востребованы
8	Какие профессии будут более востребованы на рынке труда из-за использования технологий искусственного интеллекта в будущем?	

роста безработицы среди специалистов, которых может заменить искусственный интеллект.

2. Внедрение технологий искусственного интеллекта негативно сказывается на работодателях ввиду снижения свободной конкуренции между частными компаниями и зависимости результатов (создание продукта или услуги) от искусственного интеллекта.

Всем интервьюированным был задан общий вопрос о том, какие технологии искусственного интеллекта они знают, чтобы задать общую тему интервью и понять уровень осведомленности об объекте исследования. Исходя из ответов интервьюированных, был сделан вывод о том, что все участники исследования понимают, что такое технологии искусственного интеллекта и приводят их конкретные примеры. В большинстве ответов интервьюируемые называли нейросети, *Chat GPT,* машинное обучение («*На сегодняшний день нейросети и машинное обучение играют ключевую роль в развитии множества сфер, от медицины до финансов*» (м., 34 года)). Кроме того, эксперты называли такие сферы применения ИИ, как маркетинг, «*например, для прогнозирования поведения клиентов и персонализации предложений*» (ж., 29 лет), социальные опросы, службы поддержки, голосовые помощники, автоответчики, привели примеры использования технологий ИИ в таких сферах, как медицина, логистика, финансы, бухгалтерия, игровая индустрия (видеоигры), наука, безопасность, обучение, создание текстового, графического и видеоконтента, программирование, дизайн.

Ответы интервьюируемых на вопрос о влиянии технологий искусственного интеллекта на рынок труда в России можно разделить на три группы: положительное, негативное и незначительное влияние. При этом мнение о том, что технологии искусственного интеллекта положительно влияют на рынок труда в России, преобладает. В основном такие ответы дали мужчины в возрасте от 30 до 39 лет. Среди положительных аспектов респонденты называли ускорение и автоматизацию подбора, оценки, обучения и развития персонала, повышение скорости принятия решений, стандартизацию, автоматизацию процессов, снижение вероятности совершения ошибки (человеческого фактора), повышение качества специалистов. Так, например, один из экспертов отметил, что «*ИИ освобождает специалистов от рутины, позволяя сосредоточиться на более сложных и креативных задачах*» (м., 37 лет).

Точку зрения о том, что технологии искусственного интеллекта оказывают незначительное влияние на рынок труда в России разделили два участника исследования. Один из них считает, что «*влияние краткосрочно негативное – рабочих мест может стать меньше, но долгосрочно влияние, думаю, будет положительное, так как разовьются сферы обслуживания технологий ИИ, плюс появляться новые профессии, которые станут возможными с использованием ИИ, цифровой дизайн одежды, например*» (ж., 26 лет).

Их мнение связано с тем, что технологии искусственного интеллекта не могут полностью заменить человека; искусственный интеллект не способен пока к творческой деятельности; его возможности сильно ограничены, и он не способен существовать без специалистов, которые поддерживают и контролируют работу искусственного интеллекта.

О негативном влиянии технологий искусственного интеллекта в краткосрочной перспективе высказались только два участника исследования (ж., 26 лет и м., 39 лет). Участники исследования, которые выделили негативные последствия, назвали следующие социальные риски, возникающие с внедрением технологий искусственного интеллекта: незащищенность цифровых данных пользователей, сокращение рабочих мест в тех профессиях, в которых сотрудников заменит искусственный интеллект, изменение структуры рынка (ряд профессий перестанут быть востребованы). Один из экспертов в этой группе подчеркнул, что «*невозможность оценки soft skills, быстрый переход к автоматизации процессов ведет к вымиранию большого количества профессий*» (м., 39 лет).

По мнению участников исследования, внедрение технологий искусственного интеллекта в большей степени положительно скажется на работниках (специалистах) и приведет к повышению производительности труда, сокращению штата и оптимизации трудовых ресурсов, облегчению труда и освобождению от рутинных задач, снижению вероятности допущения ошибки. Однако респонденты также считают, что в результате внедрения технологий искусственного интеллекта на рынок труда для работников (специалистов) могут возникнуть следующие социальные риски: специалисты, которые выполняют рутинные, простые задачи, потеряют работу и будут вынуждены переквалифицироваться; обесценятся некоторые виды труда (умение создавать текст, изображение или видео); может вырасти напряжение на рынке труда, так как специалистам нужно будет доказать свою ценность и полезность для работодателя; могут снизиться социальные и коммуникативные навыки работников.

В целом влияние технологий искусственного интеллекта на работодателя интервьюеры оценивают также положительно. По их мнению, это приведет к сокращению расходов, расширению возможностей для аналитики и принятия более точных бизнес-решений, повышению качества произведенной продукции, выполненных работ, оказанных услуг, точности и прозрачности внутреннего менеджмента. Так, один из экспертов отметил: «*ИИ позволяет минимизировать ошибки при анализе данных и*

снижает затраты на ведение бизнеса» (м., 31 год). Эксперты приводили также конкретные примеры применения: «*Системы на базе ИИ, такие как "СберМедИИ", уже сейчас помогают врачам анализировать медицинские данные и быстрее ставить диагнозы*» (ж., 35 лет). В сфере образования ИИ используется для создания адаптивных учебных программ, которые подстраиваются под уровень подготовки каждого ученика. *Skyeng* предлагает абитуриентам проверить свой уровень английского языка с помощью разговорного теста с ИИ. Нейросеть проводит независимую оценку работы преподавателей, «отсматривая» все уроки. ИИ внедрен и в учебную платформу школы для проверки выполненных заданий.

Однако наши респонденты также понимают, что внедрение технологий искусственного интеллекта может привести к возникновению ряда социальных рисков для работодателей, среди которых:

– во-первых, снижение свободной конкуренции между компаниями, так как крупные компании быстрее вводят технологии искусственного интеллекта и получают преимущество на рынке;

– во-вторых, необходима будет организация системы тщательного контроля за качеством продукта (услуги), который производит искусственный интеллект. Для этого нужны квалифицированные специалисты, ресурсы для использования искусственного интеллекта (техника, скорость интернета, сервера, программное обеспечение), которые дорого обходятся работодателю;

– в-третьих, непредсказуемы результаты эффективности использования искусственного интеллекта. То есть могут быть затрачены значительные финансовые и человеческие ресурсы на создание и внедрение технологий ИИ, но при этом результат будет хуже, чем без их использования;

– в-четвертых, технологии искусственного интеллекта могут привести к потере связи с действительностью. В какой-то момент искусственный интеллект может начать обрабатывать данные по своей выработанной логике и алгоритму, что не гарантирует предсказуемости и ясности результата.

Нами был проведен анализ ответов интервьюируемых о востребованности специалистов на рынке труда в результате внедрения технологий искусственного интеллекта (табл. 2). Эти данные, полученные на основе экспертных интервью со специалистами в области подбора персонала, могут быть ценными как для научного сообщества, органов власти, принимающих решения в сфере регулирования трудовых отношений, образовательной деятельности, так и обычных людей, особенно молодежи, выходящей на рынок труда. Использование ИИ требует постоянного обновления программного обеспечения, построения алгоритмов, а, следовательно, специалисты со знаниями информационных технологий являются критически важными. Для того, чтобы внедрить ИИ, рынок труда требует квалифицированных инженеров. Автоматизация не сможет заменить врачей, хирургов, медиков, она, бесспорно, улучшит диагностику, но при этом ключевые решения будет принимать человек. В проектировании и строительстве использование ИИ оптимизирует процесс проектирования, но при этом уникальность создания проектов и контроль качества строительства остаются важными в процессе строительства.

Изменения, вызванные внедрением ИИ, оказывают значительное влияние на интеллектуальный бизнес, региональную экономику, предпринимательство и бизнес-культуру, а также на глобальную экономику в целом. Интеллектуальный бизнес, базирующийся на использовании новейших технологий и данных, получает особые преимущества от интеграции ИИ. Это позволяет предприятиям автоматизировать рутинные задачи, повышать эффективность и принимать более обоснованные решения на основе анализа больших объемов данных. Одна-

Таблица 2

Востребованность специалистов на рынке труда в результате внедрения технологий искусственного интеллекта

Специалисты		
максимально востребованные на рынке труда на данный момент	менее востребованные на рынке труда в будущем	более востребованные на рынке труда в будущем
- it-специалисты (программисты и разработчики); - аналитики; - специалисты по работе с данными; - архитекторы данных; - управленцы; - инженеры; - специалисты по автоматизации; - медицинские специалисты; - строители; - архитекторы; - специалисты в сфере онлайн-образования; - психологи	- дизайнеры; - звукорежиссёры; - копирайтеры; - специалисты колл-центров и техподдержки; - низкоквалифицированные программисты; - наборщики текста; - продавцы-кассиры; - водители; - сборщики на заводах; - переводчики; - курьеры; - корректоры; - сотрудники банка; - спортивные судьи	- высококвалифицированные it-специалисты; - специалисты, которые создают, развивают, обслуживают технологии искусственного интеллекта; - специалисты по работе с данными; - архитекторы данных; - управленцы; - творческие специалисты, которые используют технологии искусственного интеллекта в работе; - специалисты, которые проверяют продукт, создаваемый искусственным интеллектом; - специалисты, способные формулировать задачи и интерпретировать результаты искусственного интеллекта

ко вместе с этими преимуществами встает вопрос о том, как автоматизация повлияет на занятость.

По результатам проведенного исследования авторы пришли к следующим выводам:

1. Первая гипотеза следствия о том, что внедрение технологий искусственного интеллекта негативно сказывается на работниках (специалистах) и приводит к появлению социальных рисков, подтвердилась частично, так как по мнению большинства экспертов, внедрение технологий искусственного интеллекта в большей степени положительно скажется на специалистах, а негативные моменты будут краткосрочными. Эксперты конкретизировали данные негативные моменты.

2. Вторая гипотеза следствия о том, что внедрение технологий искусственного интеллекта негативно сказывается на работодателях и приводит к появлению социальных рисков, также подтвердилась частично. Так как эксперты выделяют социальные риски влияния ИИ на работодателя, но в целом оценивают это влияние, также как и влияние на работника, положительно.

В целом, по мнению экспертов, внедрение технологий ИИ положительно сказывается на российском рынке труда. Замена рутинных механических задач автоматикой, оптимизация процессов и улучшение диагностики, уменьшение количества ошибок и многоэтапные проверки лишают работы низкоквалифицированных специалистов. Но при этом высококвалифицированное обслуживание систем, творчество, уникальные идеи, работа с большими данными создают перспективы появления множества новых востребованных интересных и высокооплачиваемых профессий.

Литература:

1. Анохин К.В., Новоселов К.С., Смирнов С.К. Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М. Искусственный интеллект для науки и наука для искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 93–105.
2. Ущеко А.В. Искусственный интеллект в образовании. Применение искусственного интеллекта для обеспечения адаптивности образования // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 6(63). С. 859–866.
3. Усманов А.Р., Рахматуллина Р.Ш. Искусственный интеллект: понятие, признаки и виды искусственного интеллекта как технологии в сфере интеллектуальной собственности // Российский научный вестник. 2023. № 1. С. 61–67.
4. Григорьев С.Г., Сафронов А.А. Искусственный интеллект в образовании: приложения систем искусственного интеллекта к анализу и построению онтологических конструкций // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. 2024. № 1(67). С. 7–17.
5. Халявина К.А. Цифровая трансформация бизнеса на основе технологии искусственного интеллекта // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 10. С. 199–202.
6. Меньшиков В., Комарова В. Коммуникация человека и технологии искусственного интеллекта как основа искусственной социальности: на примере коммуникации с ChatGPT // Sociālo Zinātņu Vēstnesis. 2023. Vol. 36. № 1. P. 58–90.
7. Бекиров С.Н. Социально-философские проблемы внедрения в высшее образование искусственного интеллекта и искусственной жизни // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-2. С. 49–52.
8. Володина О.В. Искусственный Другой: роль искусственного интеллекта в современных кинематографических произведениях // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 4-1. С. 232–243.
9. Горчакова А.П. Рынок, искусственный интеллект и право в статье Кларка Эсея «Искусственная глупость» // Право и бизнес. 2022. № 1. С. 9–13.
10. Борулева Е.Д. Роль искусственного интеллекта в искусственной репродукции и возможность правового регулирования: вопросы медицинского права // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 2(19). С. 20–28.
11. Корелин И.М. Влияние искусственного интеллекта на разделение труда в экономике и соотношение рыночных и плановых механизмов в экономике. Развитие искусственного интеллекта в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 6-1. С. 38–44.
12. Германов Н.С. Концепция ответственного искусственного интеллекта – будущее искусственного интеллекта в медицине // Digital Diagnostics. 2023. Т. 4. № S1. С. 27–29.
13. Алешковский И.А., Гребенюк А.А., Сидоров И.Н. Социальные риски и негативные последствия распространения технологий искусственного интеллекта // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 4 (114). URL: https://history.jes.su/s207987840019849-2-1/
14. Шульц В.Л., Гребенюк А.А., Ашманов И.С. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 126–144.
15. Права человека в эпоху Искусственного Интеллекта: Европа как созидатель международных стандартов в области искусственного интеллекта // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2021. № 2(224). С. 142–144.

The Impact of Artificial Intelligence Technologies on the Russian Labor Market (Based on the Results of HR Expert Interviews)

Gavrilova I.D.
Lomonosov Moscow State University
Kargapolova E.V.
Plekhanov Russian University of Economics

The rapid development of artificial intelligence (AI) technologies has caused its rapid penetration into almost all spheres of life in modern society. The purpose of the work is to study the impact of artificial intelligence technologies on the Russian labor market in general, as well as on subjects of labor relations – employees and employers, in particular. Research method: author's expert interview with HR specialists in the field of recruitment, evaluation and training of personnel. The scientific significance of the work lies in the fact that, based on the results of the author's empirical research, expert assessments of the positive impact of artificial intelligence, as well as social risks associated with the introduction of AI technologies into the Russian labor market, employees and employers were determined. The practical significance lies in obtaining predictive expert opinions on professions, the relevance of which depends on the introduction of AI technologies. The main research conclusion: at the moment, recruitment specialists mostly positively assess the prospects for the introduction of AI technologies into the Russian labor market.

Keywords: artificial intelligence technologies, social risks, labor market, employees, employers

УДК 316.422
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-278-284

Восприятие китайскими студентами коммуникативных технологий и общения в управлении: итоги пилотажного исследования*



Дерюгин П.П.
Доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ)



Чжао Цзе
Аспирант кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета



Юй Ян
Магистрант кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета



Чжэн Сяокэ
Магистрант кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета

На основе разработанной методики выявлены и систематизированы характеристики восприятия китайскими студентами коммуникативных технологий и общения в контексте управления. Обобщены и структурированы особенности восприятия коммуникативных технологий европейского менеджмента китайскими студентами, показаны различия в понимании целей и роли управленческого общения в среде китайских студентов. Зафиксировано важное значение внешних поведенческих актов и иррациональных технологий общения, воспринимаемых китайскими студентами как условия обеспечение эффективных коммуникаций. Выявлены и эмпирически подтверждены типовые коммуникативные технологии, которые выстраиваются в определенной иерархии по важности в восприятии китайских студентов. Даны рекомендации о возможных направлениях дальнейших исследований по рассматриваемой теме.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (№ 24-28-01448).

Ключевые слова: *коммуникативные технологии, приемы и способы общения, группы методов общения, сетевой анализ коммуникаций*

Для цитирования: *Дерюгин П.П., Чжао Цзе, Юй Ян, Чжэн Сяокэ. Восприятие китайскими студентами коммуникативных технологий и общения в управлении: итоги пилотажного исследования // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 278-–284. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-278-284.*

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения особенностей восприятия китайскими студентами коммуникативных технологий в иноязычной среде. Это важно, поскольку рост числа обучающихся студентов из Китая по направлениям социологии управления, социологических исследований организационной культуры и социологии организаций постоянно увеличивается. В 2024 г. в России насчитывалось более 40 тыс. китайских студентов [1], планируется, что в 2025 г. их число увеличится. При этом не секрет, что китайские студенты нередко создают локации, которые продолжают жить своей обособленной жизнью в социальном пространстве принимающей стороны. Одной из основных причин этого явления выступают отличия восприятия способов включения в коммуникативные технологии и общение. В частности, эта проблематика становится все более актуальной в цифровом пространстве, где общение становится все более специфичным, по-особому влияет на успешность социализации [2] и эффективность обучения китайских студентов в российских университетах [3].

Целесообразность разработки темы обусловлена возникающими расхождениями в понимании особенностей управленческого коммуникативного пространства между студентами-россиянами и студентами-китайцами, что в условиях расширения академической мобильности составляет определенную трудность организации учебного процесса. **Основная проблема** исследования заключена в совокупности существующих противоречий в понимании роли и значения коммуникаций, в их разнонаправленности между достижением целей управления и социального контекста взаимодействий, между поддержанием духа коллективизма и реализации личных интересов, между рациональными и эмоциональными гранями управленческих коммуникаций.

Цель пилотажного исследования – построение методики выявления, структурирования и систематизации основных особенностей восприятия китайскими студентами коммуникативных технологий управления, а также эмпирической апробации полученных результатов.

Методологическая основа исследования выстраивается на базе интегративной концепции, включающей, во-первых, положения теории П. Бергера и Т. Лукмана о коммуникативных практиках, часть из которых теряет смысл в «расходящемся мире», например, в условиях миграции, туризма и пр., в том числе в условиях академической мобильности [4]. Во-вторых, в статье использованы концептуальные идеи о возрастающей роли субъектно-ориентированного, человекоцентричного управления, где роль диалога все более возрастает [5]. В-третьих, исследование опирается на положения о познавательных возможностях сетевого анализа социальных явлений (М. Кастельс) [6].

Методика эмпирической части исследования сконструирована следующим образом. В качестве базового инструментария использован опросник «Знание способов общения» [7]. Автор опросника англичанин В.Д. Реддин – признанный специалист по управленческому поведению. Основное внимание его работ уделено исследованиям методов успешного управления и их влияния на достижение целей организаций. Опросник используется в преподавании курсов менеджмента в российских университетах, переиздавался в нескольких российских изданиях, использован в качестве пособия в учебных программах, начиная с 2000-х гг. Одним из достоинств рассматриваемой процедуры является база эмпирических данных, где на основе анализа результатов опроса 1648 успешных менеджеров автором сформирован эталонный вариант оценивания технологий управленческого общения. Опросник состоит из 80 вопросов, раскрывающих конкретные способы управленческой коммуникации. 40 вопросов сформулированы как верные позиции, другие 40 вопросов характеризуют распространенные ошибочные суждения по поводу приемов управленческого общения. Часть вопросов тестовой процедуры были адаптированы нами в интересах лучшего понимания их смысла китайскими студентами. Таким образом, **предметом эмпирического исследования** выступает выявление особенностей восприятия китайскими студентами европейских технологий управленческой коммуникации.

В качестве респондентов выступили студенты – китайцы, обучающиеся в российских университетах, прошедшие программы подготовки по менеджменту, социологии управления, социологии организаций и организационного консалтинга. Всего в пилотажном тестировании приняли участие 55 чел. Результаты тестирований обсуждались с китайскими студентами и аспирантами (фокус-группы). В целом эти обсуждения показали адекватность полученных результатов. Основные мероприятия

исследования проведены в 2024 г. Несколько значимых **ограничений исследования** обусловлены, во-первых, проблемами перевода и понимания текстов опросника; во-вторых, небольшим числом выборки; а также, в-третьих, отсутствием практического опыта управления у части респондентов.

Результат 1. По результатам опроса проанализирован массив данных – 4 400 оценок технологий общения (80 позиций опросника оценены 55-ю респондентами). Эти результаты сведены в таблицы. В качестве примера здесь представлена только одна из таблиц (см. рис. 1).

Обобщенный результат в показанных таблицах раскрывает некоторые особенности восприятия верных и ошибочных технологий общения (рис. 2).

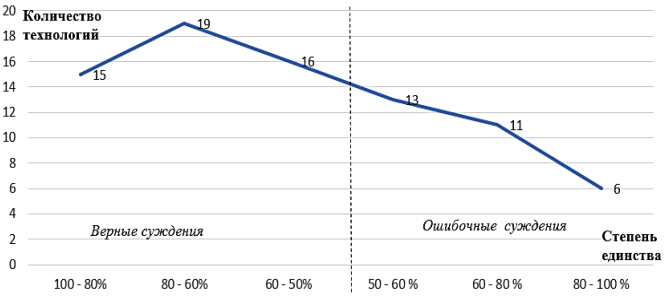


Рис. 2. Восприятие коммуникативных технологий европейского менеджмента китайскими студентами

Во-первых, *только половина рассматриваемых коммуникативных технологий воспринята китайскими респондентами в соответствии с оценкой их значения в европейском менеджменте.* Из предложенных к оцениванию китайским студентам 80-ти технологий общения только 45 совпали в понимании их роли в общении таким же образом, как их трактуют европейские менеджеры. В частности, по результатам опроса не было выявлено *ни одной коммуникативной технологии, которая была бы оценена всеми респондентами-китайцами таким же образом, как их понимают европейские менеджеры.*



Рис. 1. Восприятие китайскими студентами коммуникативных технологий, оцениваемых как положительные в европейском менеджменте

Во-вторых, *технологии управленческого общения восприняты китайскими студентами с различной степенью единства.* Самыми высокими показателями единства восприятия методов общения китайскими студентами характеризовались три позиции: 1. Неодинаковые (различные) *чувства у разных людей, которые могут быть вызваны одними и теми же обстоятельствами общения* (54 чел. из 55); 2. Признание *важности манеры ведения диалога*, которая может повлиять на смысл высказанного (53 чел из 55). Подчеркнем, эти две позиции воспринимаются китайскими студентами как верные, что совпадает с мнением европейских менеджеров. 3. Для китайских респондентов *неоспорима позиция важности любых форм общения*, независимо от того, это устное или письменное общение (53 чел. из 55). Напротив, такое суждение признается спорным или даже ошибочным с точки зрения европейцев, которые отдают явный приоритет устному общению.

В-третьих, *50 технологий восприняты китайскими студентами как верные, и они оценены с большой степенью единства.* Напротив, технологии, представленные в опроснике как ошибочные суждения (таких технологий по мнению китайцев оказалось 30), оценены с меньшим единством. Соотношение этих технологий составляет 50:30. Так, 21 суждение (15 верных и только 6 ошибочных) воспринято китайскими

студентами с высокой степенью согласованности – от 80 до 100 % опрошенных. 30 суждений (19 и 11 соответственно) воспринято с единством от 80 до 60 % респондентов. 29 технологий (16 верных и 13 ошибочных) восприняты китайскими респондентами с единством, оцениваемым от 60 до 50 % участников опроса. К тому же китайские студенты были не согласны с шестью позициями из 40 верных суждений и с 11-ю позициями, которые трактуются как ошибки общения. Таким образом, соотношение 6:11 в пользу тех приемов и способов, которые сформулированы в позитивном варианте. Отметим, верные суждения о технологиях общения оказались не только более понятными для китайских студентов, но также и единство восприятия таких технологий было более высоким.

Выводы 1. Только немногим более половины технологий общения воспринимается китайскими студентами тождественно с теми характеристиками, которые важны для этих технологий общения в европейском менеджменте. 2. Китайские студенты воспринимают верные (правильные) формулировки технологий общения как более понятные, напротив, формулировки, выражающие ошибочные суждения, воспринимаются ими с меньшим единством и с меньшей степенью понимания.

Результат 2. Восприятие китайскими студентами коммуникативных технологий менеджмента фиксирует *иерархию приоритетных приемов и способов общения и признания степени их важности в такой последовательности: конкретные формы поведения, актуальные для поддержания общения – иррациональные методы общения – абстрактные правила общения – рациональные методы общения – приемы и способы обеспечения лидерства и влияния в процессе общения.*

На основе экспертных оценок способов общения в процедуре тестирования изучаемые методы общения были классифицированы по пяти основаниям: 1. *Иррациональные приемы и способы общения*, в основе которых лежат эмоции и чувства, ощущения и интуиция [8]. Такие приемы могут повлиять как на поддержание позитивного фона общения, так и на напряжения в отношениях и конфликтное общение. В частности, к таким способам общения в настоящей процедуре отнесены все те вопросы, в которых упоминаются чувства, настроения, эмоции страха и радости, напряженность, обида, гнев и т.д.; 2. *Конкретные формы внешнего поведения, характеризующие контекст общения* [9]. К таким поведенческим актам отнесены вопросы, где говорится о манере поведения, оформлении пространства общения, жестах, оговорках, дистанции общения, в целом все то, что так или иначе влияет на характер общения и проявляется во внешней среде; 3. *Коммуникативные технологии обеспечения лидерства и влияния* [10]. В тестовой процедуре к таким приемам отнесены стиль рукопожатия, размещение за столом во время заседания, исполнение роли председательствующего на собрании, активность жестикуляции, способность убеждать и другие; 4. *Абстрактные установки и правила общения* [11]. В процедуре тестирования ряд вопросов характеризовали общие установки на понимание принципов общения, например, «общение – это простой процесс» или «лучшая новость – это отсутствие новостей». Эти и другие установки об общении были отнесены в разряд абстрактных правил. 5. *Рациональные приемы и способы общения* [12] предполагали анализ восприятия тех вопросов, в которых говорится о «понимании», «интересе», «начитанности», «пересказе», «полезности», словом, о тех приемах общения, где сделан акцент на познавательных процессах и сопровождающих эти процессы феноменах.

Далее по каждому разделу тестовой процедуры были сформированы пять таблиц по образцу примера, показанного ниже (см. табл. 1).

На основе этих таблиц построен рисунок 3.

Выводы 2. Прежде всего следует отметить важную роль совокупности актов внешнего поведения и иррациональных методов коммуникации. Такие методы общения воспринимаются как более важные, чем все другие приемы коммуникации. Далее следуют те приемы и методы, которые могут быть отнесены к категориям рационально-абстрактных, т.е. таких приемов общения, которые ориентированы на логико-познавательные моменты или общих рассуждений о пользе общения. Приемы утверждения лидерства и своего влияния на собеседников оказались на последних местах. Добавим, в процессе обсуждения полученных результатов с китайскими коллегами подчеркивалось, что последние методы общения осуждаются в среде китайцев, признаются как неправильные.

Результат 3. С точки зрения китайских респондентов, общая система восприятия коммуникативных характеристик общения и характеристика коммуникации с отдельным собеседником будут различными (см. рис. 4). Эти выводы сделаны на основании сетевого анализа.

Статистический анализ результатов тестирования, дополненный построением сетевых характеристик восприятия китайскими респондентами коммуника-

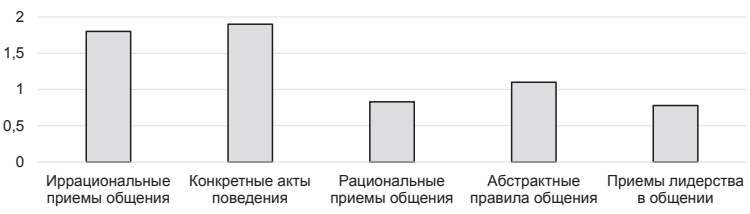


Рис. 3. Восприятие китайскими студентами значимости различных групп коммуникативных технологий

Таблица 1

Восприятие китайскими респондентами иррациональных приемов общения

Европейский эталон	Совпало с эталоном	Не совпало с эталоном	**Номера и содержание вопросов** **Иррациональные приемы общения (15 вопросов)**
+	54	1	80. Разные люди **неодинаково** выражают **схожие чувства (индивидуальность)**
+	50	5	27. Люди обычно успешнее общаются, если они в **хорошем настроении**
+	50	5	22. Люди говорят меньше, когда **боятся**, что будут **раскритикованы**
+	49	6	14. **Улыбка** – не обязательно признак радости
+	49	6	1. **Юмор** особенно нужен для того, чтобы **понизить напряжение** во время заседания
+	46	9	44. Иногда важнее чувства, чем слова, которыми они выражены
+	39	16	69. Даже **при абсолютном несогласии люди могут выразить согласие,** лишь бы прекратить дискуссию
+	45	10	42. **Боясь показать себя в невыгодном свете**, люди могут сказать, что они все поняли, тогда как на самом деле это не так
-	8	47	13. Если люди уязвлены, обижены, то плодотворное общение невозможно
-	9	46	48. Общение редко бывает продуктивным, когда люди ссорятся
-	12	43	33. **Криком ничего не добьешься**
-	24	31	46. **Бурное обсуждение** является обычно признаком эффективного общения
-	33	22	26. Лучшее средство **выражения гнева** состоит обычно в повышении тона
+	38	17	29.Обычно говорят меньше, когда **разгневаны**
-	29	26	53.Лучше избегать **слишком ожесточенных дискуссий** во время заседания
Всего	535	290	**Соотношение совпало/не совпало: 535 : 290 = 1,8**

тивных технологий, позволяет выявить наиболее важные узлы этой сети, т.е. выявить такие приемы и способы общения, которые связаны с другими приемами и способами большим количеством положительных корреляционных связей. В целом сети коммуникативных приемов и способов подтверждают роль эмоционально-чувственных связей как значимых и важных для общения. На рисунке 4 в очерченном круге показаны основные узлы эмоциональных приемов общения, это – *боязнь* критики или осуждения со стороны окружающих, признание *важности эмоций и чувств* в процессе общения, *позитивное настроение, юмор и улыбки*. Они находятся в центре системных характеристик коммуникаций.

На рисунке 4 также видно, что уверенность в себе и выражение лица являются самыми важными звеньями в отношениях к собеседнику. Эти параметры обладают самыми значимыми сетевыми связями. Вес связей сети узла *уверенность в себе* (1,7 пункта) и *выражение лица собеседника* (1,68 пункта) – самые значимые. Следует специально подчеркнуть, что эти два узла сети формируются на основе связей, отражающих различные источники их влияния. Так, *уверенность в себе складывается в подсистеме значимых связей с начитанностью, обладанием престижными вещами и стремлением понять смысл сообщения.* Как очевидно – это преимущественно рациональные методы коммуникации. Напротив, *выражение лица тесно связывается с манерами общения, улыбчивостью, жестами, юмором, настроением*, т.е. выстраиваются преимущественно на основе иррациональных способов общения. Подчеркнем, *эти два элемента сети – уверенность в себе и выражение лица связаны между собой*.

Вывод 3. Восприятие китайскими респондентами коммуникативных технологий носит связанный системный характер. Ядром этой системы выступают *иррациональные технологии,* но восприятие конкретного другого человека – собеседника формируется *на основе единства рациональных и иррациональных связей*, характеризующих его личность.

Заключение. Проведенное пилотажное исследование подтверждает выводы целого ряда исследований [13–16] о том, что коммуникативные технологии европейского менеджмента воспринимаются китайскими респондентами с серьезными особенностями:

– далеко не все коммуникативные технологии европейского менеджмента понимают-

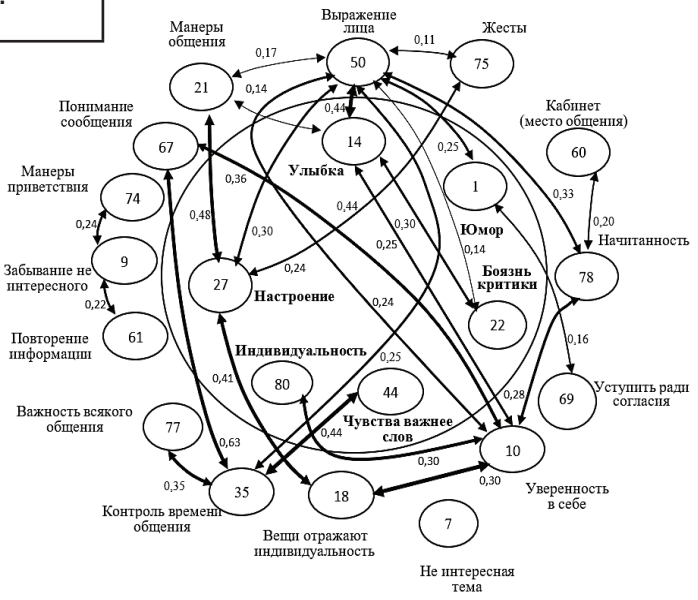


Рис. 4. Основные сетевые характеристики связей коммуникативных технологий в восприятии китайских респондентов

ся в том смысле, как они трактуются в европейских традициях, в частности, для китайцев более важной оказывается конструктивная роль любых коммуникаций, позитивный смысл общения, возможность достижения согласия, уклонение от оголтелой критики и скандалов. Этот вывод важен для организации практических занятий с китайскими студентами, обсуждения выявленных различий в понимании роли методов общения в европейском и китайском управлении. Представляется также, что данный факт может стать новым направлением дальнейших исследований;

– роль и значение атрибутивной (внешней) и эмоциональной составляющей общения для китайского понимания коммуникативных технологий не просто более значимая, эти технологии воспринимаются китайцами действительным основанием всей системы общения, нацеленного на поддержание комфорта и демонстрацию дружеских отношений, во всяком случае, хотя бы внешне. В практическом смысле этот вывод предполагает тщательную проработку множества деталей на переговорах с представителями китайского бизнеса, необходимость уделять скрупулезное внимание многочисленным деталям переговоров и поддержанию позитивного фона общения;

– в отличие от европейского менеджмента, нацеливающего выстраивание отношений с коллегами в интересах достижения целей, лидерства и влияния на других людей, в китайском понимании эффективной коммуникации лидерство и способность влияния на других людей рассматривается на вторых местах общения и не может носить открытый, явный или провокационный характер. Рациональный смысл коммуникации в настоящем случае следует рассматривать в единстве с эмоционально-чувственными составляющими.

В целом сформированная методика диагностики восприятия коммуникативных технологий китайскими студентами отражает основные цели таких исследований. Она может быть адаптирована для проведения дальнейших сравнительных исследований восприятия технологий общения с представителями других групп респондентов, россиянами и европейцами. Эта задача рассматривается авторами публикации как перспективная.

Литература:

1. Число китайских студентов в России выросло до 41 тыс. // Известия. 27 апреля 2024 г. URL: https://iz.ru/1688685/2024-04-27/chislo-kitaiskikh-studentov-v-rossii-vyroslo-do-41-tys
2. Дерюгин П.П., Колесникова Ю.А. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 3. С. 230–235.
3. Кузнецова О.В., Дерюгин П.П., Кремнёв Е.В. Социальная адаптация китайских студентов в России как управленческая проблема // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10. № 3. С. 150–167. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-0.
4. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. London: Penguin Books, 1966. 249 p.
5. Титаренко Л.Г. Управление в условиях социальной контингенности: субъектность, региональность, цифровизация // Научный результат. Социология и управление. 2021. № 4. С. 8–9.
6. Manuel Castells. Information Age: Economy, Society and Culture, vols. 1–3, 1996–1998). Wiley, 1999. 1488 p.
7. Редди В.Дж. Тесты для менеджеров / Пер. с фр. Автандиловой Е.М. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 285 с.
8. Журавлева Ю.В. Иррациональные аспекты интернет-коммуникации и виртуальная деструкция личности // Речевые технологии. 2021. № 1-2. С. 71–86.
9. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 576 с.
10. Печенкин П.А. Коммуникативный аспект лидерства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 8 (63). С. 150–153.
11. Ли Вэньлу Коммуникативные ценности гармоничного общения (по данным русской и китайской фразеологии) // Научный диалог. 2017. № 12. С. 151–163.
12. Тянь Фаньюй Инновационные технологии обучения китайских студентов в российских вузах // Власть истории – История власти. 2023. № 45. С. 100–104.
13. Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации: колл. монография / науч. ред. Е.Ю. Кошелева. Томск: «РАУШ МБХ», 2011. 204 с.
14. Иванова М.А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России: дисс. … д-ра психол. наук. СПб., 2001. 353 с.
15. Дерюгин П.П., Кремнёв Е.В., Ярмак О.В., Ши И., Вэнсинь Чжэн. Сетевые модели деловых ценностей в структуре человеческого капитала китайских студентов // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 3. С. 135–151.
16. Самохвалова А.Г., Дмитрук Л.А. Коммуникативные трудности межкультурного общения китайских и российских студентов // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4. С. 86–94.

Chinese Students' Perception of Communication Technologies in Management: Results of a Pilot Study

Deriugin P.P.
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"
Zhao Jie, Yu Yang, Zheng Xiaoke
Saint Petersburg State University

Based on the developed methodology, the characteristics of Chinese students' perception of communication technologies and communication have been identified and systematized. The peculiarities of the perception of communication technologies of European management by Chinese students are summarized, differences in understanding the goals and role of managerial communication are shown. The importance of external behavioral acts and irrational communication technologies, perceived by Chinese students as important conditions for effective communication, is documented. Five groups of communication technologies have been identified and empirically confirmed, which are arranged in a certain hierarchy according to the importance of their perception by Chinese students. Recommendations are given and possible directions for new research on the topic under consideration are shown.

Keywords: communication technologies, techniques and methods of communication, groups of communication methods, network analysis of communications

УДК 351.85; 338.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-285-290

Реализация бренд-проектов в сфере культуры как фактор развития креативной экономики региона



Дианов С.А.
Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета



Смирнов А.В.
Аспирант кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета

Актуальность работы обусловлена высокой общественной значимостью обсуждения перспектив развития секторов креативной экономики в России. В российских регионах реализация пилотных бренд-проектов в сфере культуры привела к дискуссии о преимуществах и недостатках применения креативных (творческих) индустрий. Цель исследования – проанализировать основные факторы, влияющие на показатели эффективности использования креативных индустрий при реализации культурориентированных бренд-проектов на территории региона (на примере Пермского края и регионов-соседей). В работе были поставлены задачи определения степени влияния идей о «креативном действии» зарубежных ученых на концептуальные основы бренд-проектов, разработанных коллективами российских авторов. Большое внимание уделено анализу результатов мега-культурного проекта в Пермском крае («пермский культурный проект»). Теоретической базой для работы послужили фундаментальные и прикладные исследования в области региональной экономики, государственного и муниципального управления. Результаты исследования показывают, что передовой опыт реализации бренд-проектов позволяет разграничить сферы использования креативных индустрий и полезных форм культуротворческой деятельности. Первые находят наиболее широкое применение в секторах экономики впечатлений (туризм и гостеприимство), вторые – в реализации стратегий брендинга территорий, в том числе геокультурного брендинга. Понимание данного аспекта позволяет современным специалистам компетентно определять тренды развития секторов креативной экономики в регионе.

Ключевые слова: *креативная экономика, креативное действие, креативные индустрии, брендинг, региональная экономика, культурный проект, геобренд*

Для цитирования: *Дианов С.А., Смирнов А.В. Реализация бренд-проектов в сфере культуры как фактор развития креативной экономики региона // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 285–290. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-285-290.*

Экспертное обсуждение проблем развития в России секторов креативной экономики состоялось в рамках серии мероприятий экономического профиля. Так, одним из итогов выставки «Развитие креативной экономики в России», проходившей в Центре «Зотов» в г. Москве (бывший Хлебозавод № 5 им. Зотова) в 2023 г., стали поручения Правительству РФ со стороны Президента РФ. Особое значение имело поручение о внесении изменений в действующее законодательство в части определений базовых понятий «креативная экономика», «креативные индустрии» и «креативный кластер» [1]. Этому предшествовали шаги по организации широкого общественного обсуждения законопроекта «О развитии креативных (творческих) индустрий». Отметим и то обстоятельство, что до внесения обозначенного проекта Федерального закона в тексте Распоряжения Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. № 2613-р был выделен целый ряд глобальных тенденций в современной экономике России, напрямую касающихся данной сферы. Прежде всего отмечался рост количества секторов экономики, где основную добавленную стоимость товаров и услуг формировали результаты интеллектуальной и творческой деятельности [2]. В связи с последними трендами в области искусственного интеллекта, развитием современных технологий производства и цифровизации сервисов трансформации подвержена сама структура и характер занятости населения, что, в частности, приводит к динамичному распространению новой формы – дистанционной работы. Раскрытие возможностей для самореализации и развития талантов отвечает национальным целям развития Российской Федерации, определенных Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Выдвинем предположение, что вопросы, ранее являвшиеся предметом теоретических обсуждений в среде профессионалов, на данном этапе начинают переходить в сферу практических решений в части институализации креативных индустрий.

Теоретической базой для статьи выступают результаты исследований зарубежных и российских ученых, ведущих специалистов в сфере экономики, менеджмента, государственного и муниципального управления [3–5]. Решение рассматриваемого в статье круга проблем осуществлялось с опорой на теорию маркетинга и брендинга мест, а также на концепции «креативного класса» (Р. Флорида, Ч. Лэндри, Дж. Хокинс) [6–8]. В ходе исследования были использованы и материалы, посвященные теме развития представлений о параметрах креативности в российских больших и малых городах [9; 10]. Общеизвестно, что статус креативного города ЮНЕСКО сегодня имеют Казань, Каргополь, Санкт-Петербург и Ульяновск.

Прежде всего следует отметить, что понятия «креативные индустрии», «креативная экономика» и ряд других производных категорий, связанных с ними, не являются уникальными для России и ранее получили широкое освещение в работах зарубежных исследователей, часть из которых мы кратко обозначим далее. Сегодня широко известно имя Р. Флориды, внесшего весомый вклад в изучение роли креативных индустрий в современной экономике. Он одним из первых выдвинул концепцию «креативного класса», выделяя профессионалов с инновационным мышлением (суперкреативное ядро и креативных специалистов), чья деятельность могла оказать влияние на экономику и культуру городов, посредством создания «значимых новых форм». Значимость же креативных индустрий он видел в привлечении талантливых специалистов в город, создание новых рабочих мест, нацеленных на высокоинтеллектуальную сферу деятельности и инновации. Характеризуя категорию, обозначенную как «креативный класс», автор также отмечал, что сама мотивация труда претерпевает глубинные изменения: во главу угла ставятся уже не только (а может быть и не столько) деньги, но также гибкие условия работы, менее регламентированный рабочий процесс, мобильность трудовых отношений, готовность к смене места жительства, выраженное стремление к индивидуальности. Предпосылкой же развития креативной экономики является сформулированный им принцип трех «Т»: технологии, талант и толерантность [6].

Другим не менее известным учёным-практиком, занимавшимся изучением креативных индустрий как отраслей креативной экономики, является Чарльз Лэндри, британский специалист по развитию городов. Ключевые идеи «креативного города» Ч. Лэндри связаны с созданием «креативной среды», которая была бы призвана стимулировать творчество, предпринимательство и обмен креативными идеями. При этом он сделал акцент на связанности между собой культуры и креативности, при которой первая рассматривается как базовая ценность города и его неисчерпаемый ресурс, пришедший на замену традиционным источникам из области полезных ископаемых. А вторая – креативность как способ и процесс творческого использования этого ресурса, не шаблонность во взглядах, а способность рассмотреть вопрос под неожиданным углом зрения, даже если бы отсутствовали очевидные причины для пересмотра сложившихся практик. Непременным атрибутом здесь следует обозначить активную городскую прослойку и участие жителей города в процессах принятия решений. Безусловно, конкретная специфика города, актуальные для него проблемы диктуют необходимость поиска подходящей формы креативности, собственной ниши в глобальной экономической иерархии и конкуренции городов,

но одновременно с этим – и поиск возможной взаимодополняемости друг друга [7]. Применительно к данным работам стоит сделать несколько оговорок. Так, социологической базой данных для Р. Флориды являлись города США, что в силу особого глобального положения страны вносит специфичность в результаты исследований. Что же касается Ч. Лэндри, то его выводы основываются преимущественно на опыте работы в странах Европы и особенно в Великобритании. В связи с чем, на наш взгляд, допущение безоговорочных, механистических переносов на другие регионы или констатация обобщающих выводов были бы преждевременными. Однако в целом результаты исследований нам представляются интересными и не лишенными некоторых общих закономерностей. Следует предположить, что глобальные изменения, с которыми сталкиваются страны по всему миру, в том числе Россия, заставляют ориентироваться в новейших тенденциях или предсказывать их, а также находить нестандартные решения имеющихся либо возникающих вызовов. Тем не менее вопрос о степени применимости новаторских подходов к специфическим региональным культурным ситуациям остается предметом дискуссий и скорее всего не предполагает простого переноса тех или иных практик, требует анализа имеющегося опыта и критического подхода к оценкам его результативности. Представляется логичным выдвинуть тезис о том, что попытки развития творческих индустрий в качестве драйвера креативной экономики уже имели место на региональном уровне в РФ еще в первое десятилетие XXI в.

Ярким примером такой практики является проводившийся в 2008–2012 гг. в Пермском крае мега-культурный проект, также известный как пермская «культурная революция». Пермский культурный проект (далее – ПКП) был призван продемонстрировать успешность креативных сфер в целях повышения качества жизни, изменения структуры экономики, снижения оттока населения и создания точек постиндустриального роста [11]. Согласно авторской точки зрения, ПКП следует рассматривать как бренд-проект, нацеленный не только на трансформацию культурной политики в конкретном регионе, но и на развёртывание в РФ пилотной площадки для демонстрации креативных продуктов как элементов креативной экономики. Инициаторы проекта исходили из необходимости преодоления одной из фундаментальных проблем Перми (впрочем, характерной и для других городов), заключавшейся в том, что «<…> талантливые и активные люди уезжали из города <…>» [12]. Соответственно, задача виделась посредством культурных преобразований, добиться создания среды, способной привлекать талантливых людей как ключевой ресурс экономического роста. А сделать это необходимо, чтобы человек понимал, что: «<…> его жизнь проходит не зря, что она насыщенна, что он находится в гуще событий <…>» [13]. В свою очередь, новая культурная политика в частности рассматривалась в одноименной Концепции как «проектно-инновационное действие, изменяющее институции, среду и сознание людей» [11, с. 12]. В чем это проявилось в практической плоскости в ходе реализации ПКП? В рамках культурного мега-проекта был создан Музей современного искусства *PERMM*; реализована *public-art* программа «Музей в городе» (арт-объекты: «Красные человечки», «Счастье не за горами», «Пермские ворота», «Яблоко» и ряд других); возникло фестивальное движение («Дягилевские сезоны: Пермь – Петербург – Париж», «Арабеск», «Флаэртиана», «Пространство режиссуры», «Белые ночи в Перми»); разработан фирменный городской шрифт (*Permian*) и минималистичный логотип – красная буква «П».

Нельзя не заметить, что похожая событийность в этот же период времени имела место в других российских регионах. В г. Кирове творческие группы дизайнеров-маркетологов предприняли креативные действия по внедрению в городскую среду «дымковского стиля» [14]. Интересен опыт и г. Иваново по продвижению геобренда «Иваново – сердце равнинно-фабричной цивилизации». Далее, следует иметь в виду, что, несмотря на внезапное завершение ПКП, наследие проекта отчасти сохранено и продолжает оказывать влияние на социокультурную ситуацию в г. Перми и других территориях края. Само же отношение к наследию «культурной революции» со стороны пермяков заметно улучшилось в сравнении с периодом непосредственного проведения проекта: скорее полезными для Перми установку арт-объектов («П», «Красные человечки», «Яблоко») оценили 50,8 % опрошенных пермяков (в 2014 г. – 31,1 %), при этом количество противников снизилось до 13,1 % (в 2014 г. – 30,1 %). Что же касается большого летнего фестиваля «Белые ночи в Перми», то его возвращения хотели бы 62 % опрошенных пермяков [15]. Выдвинем предположение, что приоритизация культуры в контексте преобразования городской среды выглядит новаторски и имеет параллели с концепцией «креативного города» Ч. Лэндри. Что касается привлечения активных и творческих людей через создание атмосферы, стимулирующей креативную обстановку в городе, то можно проследить отсылки к теории «креативного класса» Р. Флориды. Однако если обратиться к экономической части заявленных целей в виде «создания точек постиндустриального роста» и формирования новой креативной экономики Пермского края, то мега-культурный проект, по-видимому, все же не привёл к появлению действительно «новой социально-экономической реальности» в регионе, ориентированном на промышленный сектор и добычу полезных ископаемых.

Одной из причин можно назвать слабую заинтересованность нового губернатора В.Ф. Басаргина и членов его команды в продолжении культурного проекта. Многие решения их предшественников им казались довольно спорными, принятыми в буквальном смысле «на ходу»: непрозрачность или избыточность затрат на некоторые мероприятия; широко анонсированные, но так и не реализованные крупные инфраструктурные проекты; неоднозначная реакция деятелей культуры на выбор мероприятий и, отчасти, не вовлеченность в процесс местных деятелей искусства [16]. Также считаем, что очевидные пробелы в коммуникации с местными сообществами и средствами массовой информации привели к непониманию необходимости проведения проекта у населения и созданию ощущения чуждости привнесённых со стороны инициатив. Последовавшее решение завершить ПКП не дало возможности полноценно оформить и презентовать главные результаты мега-культурного проекта, которые бы могли позволить продолжить дискуссии о путях развития креативной экономики в регионе. Вместе с тем, по мнению авторов, культурные проекты не лишены экономического потенциала и могут становиться драйверами креативной экономики при условии взвешенности в принятии управленческих решений и учете культурных ресурсов территории.

Полагаем, что удачным примером может служить опыт бренд-проектирования, сформированный в рамках празднования 300-летия Перми. Напомним, что для его проведения был создан Проектный офис «Пермь-300», осуществлявший межведомственное взаимодействие в целях формирования программы событий, брендирования инфраструктуры, взаимодействием с партнёрами и информационной поддержкой юбилея города. Вместе с тем информирование о юбилейных мероприятиях проводилось в режиме реального времени с использованием современных коммуникаций в соцсети *ВК* и мессенджере *Telegram* (группа и канал «Пермь-300. Все реально!»), а также имелась возможность для обратной связи с проектным офисом. Сама же концепция проведения праздничных мероприятий, растянутых по продолжительности во времени и в пространстве, имеет схожесть с фестивальным движением времен «культурной революции». В период с июня по август 2023 г. был проведен этнофестиваль «Обряды-наряды», театральный фестиваль «Пермское море», а во время фестиваля «Ведем себя культурно» выступление экстремальных спортсменов сопровождалось игрой на фортепиано маэстро Дениса Мацуева. Одними из флагманских событий были фестиваль «Город встреч» с выступлением рок-группы «Чайф» и «Ночь города», в ходе которой проводились ночные экскурсии по городу, до поздних часов работали кафе и рестораны, выступала со специальной программой пермская филармония, Лев Лещенко и группа «Ленинград» [17].

Результативность проведенных юбилейных мероприятий 2023 г. подтверждается и ростом туристического потока в г. Пермь и другие города региона: на 41 % в сравнении с 2022 г. выросло число размещений в гостиницах, а в общей сложности индустрия гостеприимства приняла в 2023 г. более одного миллиона туристов [18]. За январь – июль 2024 г. в Перми было зафиксировано свыше 900 тыс. туристических прибытий. Город оправдал свой имиджевый статус «пермских ворот» [19]. В целом проектный подход к юбилею г. Перми запустил не только череду проведения культурных мероприятий, что в итоге показало положительную динамику в развитии туристической отрасли, но также материализовался в ряде значимых объектов и общественных пространств, строительство и реконструкция которых были направлены на повышение качества городской среды.

Дискуссия. Бренд-проекты в сфере культуры вызывают различные отклики и оценки у ведущих исследователей, экспертов, культрегеров. Практики реализации Пермского культурного проекта прошли обсуждение на площадках научных конференций, профессиональных форумов (например, Международная научно-практическая конференция «Современный город: власть, управление, экономика. Город: от индустриального прошлого к цифровому будущему», г. Пермь, ПНИПУ, 14 декабря 2023 г.; Международная научно-практическая конференция «Города и местные сообщества», г. Пермь, ПНИПУ, 5 марта 2024 г. и др.). Непосредственное участие авторов в дискуссии позволяет выделить специфические черты бренд-проекта. Во-первых, данный вид проекта нацелен на реальное изменение ситуации в сфере культуры территории. Для этого городские администрации и местные сообщества формулируют амбициозные цели, аттрактивные лозунги и имиджевые образы. В Пермском культурном проекте эти моменты нашли отражение в развёрстке имиджевого паспорта территории «Пермь – культурная столица Европы» [11, с. 27]. Во-вторых, инструментами реализации целей бренд-проекта выступают не только креативные, но и культурные индустрии. В последнем случае акторами являются как представители креативного слоя, так и коллективы тружеников культурных институций. Немаловажную роль играют и выразители творческих решений в рамках самодеятельного творчества. Поэтому завершение Пермского культурного проекта не повлекло угасание в городе полемики о перспективах развития креативных продуктов. На некоторое время дискуссии о креативных индустриях были фактически замещены обсуждением проблем внедрения культурных индустрий [20]. В-третьих, в бренд-проектировании определенную важность приобретают отнюдь не

стандартные подходы к территориальному брендингу. Так, в ходе анализа результатов Пермского культурного проекта состоялось обсуждение концепции геокультурного брендинга города. Д.Н. Замятин определяет геокультурный брендинг как перспективную сферу интеллектуальной занятости, один из видов креативных индустрий [21]. В свою очередь, считаем геокультурный брендинг города не столько креативной индустрией, сколько разновидностью проектной творческой деятельностью, которая охватывает различные слои городского населения и вовлекает людей в формы созидательного творчества (в том числе самодеятельного) [16]. Наконец, в-четвертых, методами реализации бренд-проектов прежде всего выступают как методы проектного управления в сфере муниципального управления (например, метод ранжирования проектов, метод оценки проектов на соответствие стратегии), так и методы управления проектами из сферы экономики общественного сектора (*Agile* и др.). Конечно, опыт реализации бренд-проектов в Перми, как и в других городах (Киров, Иваново и др.), адресуется сегодня тем городским сообществам, которые демонстрируют высокий уровень активности в продвижении культурных ресурсов территории. Как яркий пример из событийности новейшего времени можно привести результаты деловой активности муниципальных властей г. Ирбита Свердловской области, которые, несмотря на сложную международную ситуацию, подали заявку в Сеть креативных городов ЮНЕСКО [22]. Ирбит претендует на мировое признание города-музея, в котором динамично развивается сфера средового дизайна. Выразим уверенность, что старейший российский город-ярмарка достигнет своей цели и станет одним из центров по развитию креативных индустрий в уральском макрорегионе.

Как полагает Дж. Хокинс, член Консультационного Совета по креативной экономике ООН, креативность становится все более важной часть современной экономики, в основе которой находится интеллектуальная собственность и творчество, а не простое производство товаров, характерное для периода промышленной революции. Более того, как отмечает исследователь, именно форма креативной экономики становится преобладающей в XXI в. [8]. Действительно, креативные индустрии сегодня признаются актуальным и востребованным направлением развития инновационной экономики, а также обладают высоким потенциалом для запуска процессов трансформации социокультурной среды. Региональный опыт построения креативной экономики через инструментарий проведения мега-культурного проекта – пермской «культурной революции» оставил после себя противоречивое наследие, продемонстрировав как положительные, так и отрицательные результаты. Его итоги продолжают осмысливаться в новейшей научной периодике и, безусловно, представляют практический интерес для перспективных сценариев по бренд-проектированию в рамках деятельности по разработке программ развития креативных (творческих) индустрий в крупных и малых городах в уже определённых законодателем правовых режимах.

Литература:

1. Перечень поручений по итогам посещения выставки «Развитие креативной экономики в России» 30 мая 2023 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72053.
2. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. URL: http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf.
3. Юхина А.А. «Креативные индустрии»: концепции и определения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 8А. С. 300–309.
4. Гущина Е.Г., Тарабанова Е.В. Креативные индустрии: новые возможности для развития российских городов и регионов // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. Т. 24. № 1. С. 91–104.
5. Морданов М.А. Креативные индустрии как драйвер экономического роста // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 10. С. 3725–3740.
6. Флорида Ричард. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2007. 432 с.
7. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика XXI, 2011. 400 с.
8. Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М.: Классика-XXI, 2011. 256 с.
9. Стахова Л.В., Никольская Е.Ю., Христов Т.Т., Гончарова О.В. Креативность как новый фактор роста туристской привлекательности городов // Современные проблемы сервиса и туризма. 2023. Т.17. № 2. С. 67–81.
10. Тургель И. Д., Антонова И. С. Креативная реиндустриализация городов «второго эшелона» в условиях цифровой трансформации: исследование инструментами SciVal // Экономика региона. 2023. № 19 (3). С. 629–650.
11. Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края / Авт. кол. Н.В. Гладких, Е.В. Зеленцова, Е.Х. Мельвиль. Пермь: Агентство креативных индустрий, 2010. 121 с.

12. Сергей Гордеев: «Была мечта создать что-то вроде Apple в жилой недвижимости» // Ведомости. 2017. URL: https://www.vedomosti.ru/realty/characters/2017/11/21/742487-sozdat-apple-nedvizhimosti
13. Олег Чиркунов: «У нации должна быть мечта» // Ведомости. 2011. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/09/23/mechta_bez_straha
14. Ходырева О.В. «Дымковские войны»: к проблеме разработки визуальной политики российских городов (на материале города Кирова) // SCI-ARTICLE.RU: электронный периодический журнал. 2019. № 67. URL: https://sci-article.ru/stat.php?i=1552038342
15. За 10 лет буква «П» и «красные человечки» стали популярнее в 1,5 раза. URL: https://www.chitaitext.ru/novosti/za-10-let-bukva-p-i-krasnye-chelovechki-stali-populyarnee-v-1-5-raza-/
16. Дианов С.А., Дианова Ю.В. Геокультурный потенциал пермского города: стратегия, бренд, дизайн. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2022. 224 с.
17. На гала-шоу «Ночь города» в центре Перми выступила группа «Ленинград». URL: https://properm.ru/news/2023-08-26/na-gala-shou-noch-goroda-v-tsentre-permi-vystupila-gruppa-leningrad-fotoreportazh-3023379
18. Мильон признаний. Как юбилей Перми сказался на туристическом потоке. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6412013
19. Постюбилейный эффект. Зачем туристы едут в Пермский край. URL: https://www.business-class.su/news/2024/09/27/postyubileinyi-effekt-zachem-turisty-edut-v-permskii-krai
20. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 668 с.
21. Игнатьева О.В., Лысенко О.В. Культурная политика и стратегия конструирования имиджа территории // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 6–16.
22. Ирбит пообещали превратить в первый в мире город-музей // Сетевое издание «66.RU». 2023. 26 октября. URL: https://66.ru/news/society/268268/

Implementation of Brand Projects in the Cultural Sphere as a Factor in the Development of the Creative Economy of the Region

Dianov S.A., Smirnov A.V.
Perm National Research Polytechnic University

The relevance of the work is due to the high social significance of discussing the prospects for the development of creative economy sectors in Russia. In Russian regions, the implementation of pilot brand projects in the cultural sphere has led to a discussion about the advantages and disadvantages of using creative industries. The purpose of the study is to analyze the main factors influencing the performance indicators of creative industries in the implementation of culture-oriented brand projects in the region (using the Perm Territory and neighboring regions as an example). The work sets the tasks of determining the degree of influence of the ideas of foreign scientists on the "creative action" on the conceptual foundations of brand projects developed by teams of Russian authors. Much attention is paid to the analysis of the results of the mega-cultural project in the Perm Territory ("Perm cultural project"). The theoretical basis for the work is fundamental and applied research in the field of regional economics, state and municipal administration. The results of the study show that advanced experience in implementing brand projects allows us to distinguish between the spheres of using creative industries and useful forms of cultural and creative activity. The former are most widely used in the sectors of the experience economy (tourism and hospitality), the latter – in the implementation of territorial branding strategies, including geocultural branding. Understanding this aspect allows modern specialists to competently determine the trends in the development of creative economy sectors in the region.

Keywords: creative economy, creative action, creative industries, branding, regional economy, cultural project, geobrand

УДК 316.422.42
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-291-295

«Диагноз» общества потребления в институте туризма



Ефремова Д.В.
Аспирант Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

Статья описывает роль института туризма в обществе потребления, рассматривая его как средство решения различных социальных «диагнозов». Автор анализирует, каким образом туризм может помочь в решении этих проблем, предоставляя возможности для личного роста, укрепления семейных связей, творческого самовыражения и преодоления зависимости от социальных сетей.

Исследование ставит своей ключевой целью выявление главных направлений, посредством которых изучаемый институт может содействовать современному потребителю с помощью своих положительных функций. Задачи исследования включают в себя описание состояния общества потребления, анализ «диагнозов» общества, а также описание возможных способов решения изучаемых проблем.

Результатом исследования является описанная модель решения изученных «диагнозов» общества потребления с помощью инструментов института туризма. Проведенное исследование подчеркивает важность института туризма в современной социологии, оказывая значительное влияние на социальные структуры, ценности и образ жизни людей.

Ключевые слова: *общества потребления, социальный институт, «диагноз» состояния общества, мотивы, потребности, функции туризма*

Для цитирования: *Ефремова Д.В. «Диагноз» общества потребления в институте туризма // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 291–295. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-291-295.*

В последнее время институт туризма стал важным фактором социально-экономического развития, вызывая активный интерес у социологов. Это представляется перспективным направлением деятельности с точки зрения пользы не только для города и его жителей, но и для глобального общества. Человек, являясь ключевым субъектом института туризма, представляет собой особую единицу изучения в данном контексте. Для развития данного института особенно важно наблюдать за поведением потребителей, оценивая их быстроменяющиеся потребности, мотивы и цели. Актуальность исследования заключается в исследовании современного состояния общества потребления в контексте института туризма, проблем, с которыми оно сталкивается. Целью исследования является определение ключевых направлений «помощи» современному потребителю за счет положительных функций исследуемого института.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты статьи могут представлять интерес для социологов, работающих над изучением потребностей индивида, особенностей современного состояния общества потребления и социального института туризма.

Общество потребления начинает диктовать новые правила, под которые институт туризма вынужден подстраиваться, но за счет своей мобильности это удается сделать за короткие сроки. Общество потребления определяется как совокупность общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления. Наряду

с этим понятием принято характеризовать тип социального устройства, при котором индивид приобретает больше товаров и услуг, чем необходимо ему на самом деле для удовлетворения своих потребностей [1, с. 3]. Именно рост раскрученных потребностей, индивидуализация способствовали становлению туризма как социального института.

Общество потребления оказывает значительное влияние на развитие туризма, что проявляется в ряде характерных особенностей.

Во-первых, наблюдается тенденция к увеличению спроса на туристические услуги, так как все больше людей стремится к потреблению новых впечатлений и культурных продуктов. Во-вторых, растет спрос на индивидуальный подход к потребностям туристов. Туристы становятся более требовательными и ожидают от туроператоров высокого уровня сервиса и уникальных предложений. Это приводит к тому, что компании начинают разрабатывать персонализированные программы и маршруты, ориентируясь на интересы и предпочтения каждого клиента. Третья особенность заключается в том, что общество потребления изменяет восприятие путешествий. Вместо того, чтобы воспринимать их как способ удовлетворения потребности в отдыхе и новых впечатлениях, люди все чаще рассматривают путешествия как возможность приобретения новых товаров и услуг.

С точки зрения социологии, особенности общества потребления в туризме связаны с изменениями в социальных структурах и ценностях. В обществе потребления важную роль играют материальные блага и услуги, которые становятся символами статуса и успеха. Туризм играет ключевую роль в этом процессе, так как он предоставляет возможность потреблять разнообразные товары и услуги, которые могут быть использованы для демонстрации социального статуса.

Однако, кроме этого, общество потребления также влияет на структуру семьи и отношения между людьми. Например, увеличивается число одиноких людей, которые предпочитают проводить свободное время в путешествиях и отдыхе вместо того, чтобы строить традиционные семейные отношения. Также растет популярность временных отношений и гостеприимства, когда люди проводят время вместе в поездках и путешествиях, но затем возвращаются к своей обычной жизни.

Институт туризма – это диагноз состояния общества. Диагноз в том смысле, что потребность в туризме возникает только при определенных условиях. Этим словам находит подтверждение исследование В.П. Шалаева, который утверждает, что туризм приобретает особый статус социального института под воздействием массовости потребления, что говорит о состоятельности общества, ведь потребность в путешествиях возникает тогда, когда основные потребности удовлетворены [2, с. 8]. Туризм начинает выступать ни как случайное явление, а как закономерное развитие общества, а точнее – общества потребления.

Мотивы туриста являются одной из основных ключевых позиций института туризма. Существует множество факторов, которые могут мотивировать туристов к путешествиям. Одним из основных мотивов является желание отдохнуть и побыть в новой обстановке, избавившись от стресса и рутины повседневной жизни. Кроме того, многие люди стремятся познавать новые культуры, исследовать исторические достопримечательности и познакомиться с местным населением. Для других туризм является способом расширить свой кругозор, улучшить знания о мире и саморазвиваться.

Все мотивы так или иначе связаны с «диагнозом» общества потребления, который является ведущей силой в контексте данного института. Под «диагнозом» общества потребления будем понимать особое состояние общества, указывающее на уязвимые точки потребителя в современных условиях, которые требуют «лечения». В данном контексте институт туризма, выступая в роли «врачевателя» современного общества, предоставляет человеку свободу, чувство собственного Я, при этом создает особый класс путешествующих людей, усложняя стратификационную структуру общества [3, с. 29].

Социология определяет диагноз состояния общества как оценку социального статуса, уровня общественного взаимодействия и функциональности человека в различных сферах жизни. Он охватывает такие аспекты, как экономическое и социальное прогнозирование, уровень технологического развития, демографическая ситуация и бюджетные прогнозы. Также учитываются характеристики социального дефекта, который проявляется в снижении функциональности человека в работе, дружбе, семье, воспитании детей и отношениях с родителями [4, с. 41–45].

Современный человек сталкивается с рядом «диагнозов», таких как:

1. Поиск свободы. Для человека, к которому предъявляются большие требования на работе, в личной жизни, в вопросах саморазвития и самореализации, актуальным встает экзистенциальный вопрос. Большой поток информации наталкивает человека на постоянный поиск свободы.

С точки зрения социологии свобода человека тесно связана с социальной структурой общества и взаимодействием индивидов внутри этой структуры. Бедность, низкий уровень образования и отсутствие социальных связей могут ограничить свободу действий человека [5].

2. Разорванные семейные и дружеские связи. Данная проблема является распространенной в современном обществе. Социологи выделяют несколько причин этого явления:

– экономическая нестабильность: финансовые трудности, безработица и долги могут привести к напряжению в отношениях и разрыву связей;

– технологический прогресс: интернет и социальные сети создали новую форму общения, которая иногда заменяет реальные встречи и беседы;

– различия в жизненных приоритетах: каждый человек имеет свои цели и интересы, которые могут не совпадать с интересами близких людей;

– распространение индивидуализма: индивидуализм предполагает стремление к независимости и самореализации, что может привести к пренебрежению отношениями с близкими;

– высокие требования к времени: современный ритм жизни часто не оставляет достаточно времени для поддержания глубоких личных отношений [6, с. 7–9].

3. Отсутствие творческой самореализации. С точки зрения социологии данная проблема связана с рядом социальных факторов. Важную роль играют условия, в которых живет человек, его доступ к образованию, культуре и искусству, а также поддержка и поощрение творчества со стороны общества.

Одна из основных проблем заключается в том, что современное общество зачастую направлено на производство и потребление материальных благ, что приводит к тому, что творчество становится менее значимым и ценимым. Кроме того, высокая конкуренция и давление стандартов могут подавлять креативность и желание выражать себя.

4. Бегство от обыденности. Данное явление заключается в том, что человек стремится уйти от повседневной рутины и скуки, чтобы испытать новый опыт и изменить свой образ жизни. Основными причинами возникновения могут быть: усталость от однообразия, рутинных дел, скука; потребность в выражении своей индивидуальности и уникальности; желание изменить свою жизнь; поиск новых знаний; необходимость справиться с внутренними конфликтами, стрессом или депрессией.

5. Зависимость от социальных сетей. В социологическом контексте эта зависимость отражает изменения в структуре межличностных отношений и способах коммуникации, вызванных развитием технологий. Зависимость от социальных сетей стала настоящей проблемой современности, особенно среди молодежи. По данным исследовательской компании Медиаскоп, более 85 % жителей России старше 12 лет используют социальные сети, проводя в среднем около 3 ч. 52 мин. в день. Молодежь в возрасте от 12 до 24 лет проводит онлайн почти 6 часов ежедневно. Наименьшее количество времени используется в субботу – примерно 3 ч. 45 мин. По структуре онлайн-потребления больше всего времени россияне тратят на социальные и контентные сервисы [7].

Институт туризма, имея ряд положительных функций, способен «излечить» современного потребителя от описанных «диагнозов». Рассмотрим конкретные возможности.

Туризм играет важную роль в поиске свободы для человека. Он предоставляет возможность выбраться из повседневной рутины и открыть для себя новые перспективы. Вот несколько способов, как туризм помогает человеку обрести свободу: путешествия дают возможность познакомиться с новыми культурами и традициями, что способствует расширению кругозора и развитию терпимости к различиям; туризм позволяет человеку выйти из зоны комфорта и столкнуться с новыми вызовами, что помогает развивать уверенность в себе и способность справляться с трудностями; путешествия способствуют самостоятельности и независимости, так как человек сам планирует маршрут, выбирает места для посещения и принимает решения; туризм дает возможность отключиться от повседневных забот и стресса, что способствует улучшению психического здоровья и общего благополучия; путешествия способствуют социализации и установлению новых дружеских и профессиональных связей, что расширяет круг общения и возможностей; туризм помогает развить творческие способности и воображение, так как новые места и культуры вдохновляют на создание произведений искусства и литературы.

Сложности в семейных и дружеских взаимоотношениях можно решить с помощью института туризма несколькими способами:

1. Совместные путешествия: семьи могут планировать совместные поездки, чтобы провести время вместе.

2. Встречи на нейтральной территории: если члены семьи живут далеко друг от друга, туры могут предоставить возможность встретиться на нейтральной территории.

3. Семейные традиции: туризм может стать частью семейных традиций, когда каждое лето или праздники семья собирается вместе и отправляется в путешествие. Это помогает поддерживать связь между поколениями и передавать семейные ценности.

4. Личное развитие: туризм может способствовать личному развитию членов семьи, открывая новые горизонты и возможности для обучения и самосовершенствования.

Решение проблемы отсутствия творческой самореализации и бегства от обыденности с помощью института туризма возможно за счет нескольких ключевых идей: путешествия предоставляют возможность увидеть новые места, культуры и обычаи, что может стать источником вдохновения для творчества. Время, проведенное вдали от повседневной рутины, позволяет человеку задуматься о своем месте в мире и своих целях. Это может привести к осознанию собственных талантов и интересов, что в свою очередь способствует творческой самореализации. Институт туризма может предоставить

доступ к образовательным ресурсам, таким как музеи, галереи и мастер-классы, которые стимулируют творческое мышление и навыки. Также сейчас преобладает количество самостоятельных путешествий, что дает потребителю возможность самому составить маршрут, определить путь следования, проявить фантазию в планировании [8].

Институт туризма может помочь решить проблему зависимости от социальных сетей, предоставляя альтернативные способы проведения времени и взаимодействия с миром. Вот несколько способов, как это работает:

1. Офлайн-активность: путешествия предлагают множество офлайн активностей, таких как походы, экскурсии, осмотр достопримечательностей и спортивные мероприятия.

2. Перезагрузка: туризм предоставляет возможность отключиться от социальных сетей и гаджетов, что способствует цифровому детоксу и перезагрузке. Существует отдельный вид туризма, такой как детокс путешествия.

3. Новые знакомства: в путешествиях человек встречается с новыми людьми, что помогает устанавливать реальные социальные связи и уменьшает потребность в виртуальном общении.

4. Спорт и активный отдых: туризм предлагает множество спортивных и активных занятий, таких как горные лыжи, серфинг, рафтинг и велосипедные прогулки.

Таким образом, туризм может стать мощным инструментом для снижения зависимости от социальных сетей, предоставляя альтернативы для проведения времени и взаимодействия с миром.

Институт туризма в социологии является многогранным и сложным феноменом, который влияет на различные аспекты социальной жизни человека и его взаимодействия. «Лечение» туризмом становится возможностью для выстраивания здоровых взаимоотношений между обществом и индивидом. Общество потребления, приписывая правила и ограничения, ставит человека в жесткие рамки следования им. Малейшее отставание способствует формированию «диагнозов», с которыми сталкиваются многие люди [9]. Более глубокая проблема кроется в недостатке возможностей к совершению турпоездок: финансовые ограничения, недостаток времени, физическое состояние здоровья, психологический барьер, социальная изоляция, экзистенциальные причины. Понимание этих ограничений помогает лучше осознать сложности, с которыми сталкивается человек при планировании путешествий.

Институт туризма является важным элементом общества потребления, играющий значительную роль в решении социальных «диагнозов» современного человека. Туризм, благодаря своим положительным функциям, может выступать средством преодоления этих проблем, предлагая людям новые впечатления, укрепляя семейные и дружеские связи, стимулируя творческий потенциал и решая проблему чрезмерного использования социальных сетей. Таким образом, статья подчеркивает значение института туризма в контексте общества потребления и его вклад в улучшение качества жизни людей и общества в целом.

Литература:

1. Сонина Л.А. Общество потребления: понятие и феноменологические рамки // Гуманитарный вестник. 2020. № 4. С. 1–10.
2. Шалаев В.П. Институт туризма в глобальном обществе потребления // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2021. № 13. С. 5–16.
3. Шалаев В.П. Туризм как фактор социального мира и развития обществ и территорий в Центральной Азии (опыт философского анализа) // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2019. № 10. С. 27–32.
4. Симонян Р.Х. Общество без социологии или социологи без общества // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 41–51.
5. Гудков Л. Три образа «свободы». О чем думают в России: социологическая рубрика // Журнал нового мышления. URL: https://gorby.media/articles/2024/03/04/tri-obraza-svobody (дата обращения: 05. 10. 2024).
6. Ковалева А.С. Методология социологического исследования дружеских отношений в молодежной среде: учебно-метод. пос. СПб., 2006. 20 с.
7. Как россияне используют интернет на смартфоне // Официальный сайт исследовательской компании «Медиаскоп». URL: https://mediascope.net/news/2654610/ (дата обращения: 05. 10. 2024).
8. Сам себе турагент: в России растет популярность самостоятельного туризма // Известия. URL: https://iz.ru/1580742/ekaterina-militckaia/sam-sebe-turagent-v-rossii-rastet-populiarnost-samostoiatelnogo-turizma (дата обращения: 05. 10. 2024).
9. Антонова Н.А. Тренды в стратегиях потребления на туристическом рынке услуг // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2022. № 4. С. 18–24.

The «diagnosis» of the consumer society at the Institute of Tourism

Efremova D.V.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

The article describes the role of the institute of tourism in the consumer society, considering it as a means of solving various social «diagnoses». The author analyzes how tourism can help solve these problems by providing opportunities for personal growth, strengthening family ties, creative self-expression and overcoming dependence on social networks.

The research aims to identify the main directions through which the institute under study can contribute to the modern consumer through its positive functions. The objectives of the study include a description of the state of consumer society, an analysis of the «diagnoses» of society, as well as a description of possible ways to solve the problems under study.

The result of the study is the described model for solving the studied «diagnoses» of consumer society using the tools of the Institute of Tourism. The conducted research highlights the importance of the institute of tourism in modern sociology, having a significant impact on social structures, values and lifestyle of people.

Keywords: consumer societies, social institution, «diagnosis» of the state of society, motives, needs, functions of tourism.

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-296-302

Социологическое исследование социальных действий российского поколения зет



Зинуров Э.А.
Аспирант кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Усложнение социальных процессов, внешние факторы, направленные на разрушение общегражданской идентичности российских поколений, внутренние процессы, связанные с социально-экономическим положением в стране, оказывающей активное сопротивление «коллективному Западу», актуализировало исследование социальных действий российских поколений и межпоколнеческого взаимодействия. Методологией исследования выступает социологический номинализм М. Вебера, структура социального действия Т. Парсонса с фокусом на ориентации, мотивы и ценности для типизации социальных действий. Целью исследования является выявление особенностей социальных действий социально-демографической подгруппы молодежи, имеющей собирательное название «поколение зет». Основными задачами стали выявление отношения к событиям в современной политической, социальной, экономической сферах российского общества; к культурным нормам, ценностям свободы и справедливости; индивидуализма и коллективизма, патриотизма, отношение к семье и семейным ценностям, к проблемам экологии и защиты окружающей среды; будущей профессиональной сфере; бюджету времени, досуга; офлайн- и онлайн-взаимодействии; о своем будущем и перспективах развития России.

Значимость и результативность работы состоит в том, что проведено качественное социологическое исследование в формате фокус-групп среди школьников, позволяющее выявить не только долю ответов по предложенным параметрам, а определить смыслы социальных действий поколения зет.

Ключевые слова: *социальное действие, поколение зет, поколенческий подход*

Для цитирования: *Зинуров Э.А. Социологическое исследование социальных действий российского поколения зет // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 296–302. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-296-302.*

В современной России проблема возрастной стратификации общества становится объектом особого исследовательского интереса, поскольку каждая из когорт, одновременно проживающая в данный период истории, имеет свои социально-исторические особенности, особую конфигурацию прошлого-настоящего в их жизненном мире [1]. Каждое поколение под влиянием социально-исторических (социальное время) и временных изменений жизненного цикла (субъективное время поколенческой когорты) вырабатывают общие нормативы (паттерны). В процессе прохождения жизненных стадий формируется жизненный опыт как опыт социализации, влияющий на социальные действия поколения.

Социальное действие – одна из базовых категорий социологического номинализма поведения

[2], в рамках которого единственным субъектом социологии является индивид и его социальное действие. Классическая разработка социального действия в концепции социологического номинализма принадлежит М. Веберу. Он обосновал, что только люди могут быть носителями ориентированного действия, имеющего смысл, а любое социальное образование нужно рассматривать как продукт и способ организации, систему специфических действий отдельных людей.

В современной социологии номиналистическая ориентация осуществляется в теории социального действия, где «социальная система рассматривается как система действий индивидов, как система мотивированного человеческого поведения» [3].

Таким образом человеческая деятельность рассматривается как «совокупность неопределенного множества действий обособленных индивидов, а каждое из таких индивидуально мотивированных действий предстает как простейшая единица (первоэлемент) такого рода деятельности. Социальное действие – это действие, сознательно ориентированное индивидом на ожидания других людей и тем самым уже соотнесенное с их настоящим, прошлым или будущим поведением. Социальным является далеко не всякое действие индивида, но лишь такое, которое предполагает существование других людей – обобщенного "другого"» [4]. Акцент на вменяемости человеческого действия, определяющей его социальную значимость, дает возможность М. Веберу внести её в понятие социологии и отграничить свою «понимающую социологию».

Благодаря Т. Парсонсу появилось понятие структуры социального действия, в которой исследовательский фокус автора сосредоточен на элементе «ориентации», включающий мотивы и ценности, что позволяет типизировать социальное действие поведения [5].

На типизации социального действия построена методика исследования, в которой различаются и изучаются: «интеллектуальная деятельность человека определена познавательными ориентациями; экспрессивная деятельность отражает поиск прямого удовлетворения потребностей; моральная деятельность связана с ценностями и принципами, то есть более широким кругом мотивов к действию; инструментальная деятельность не является самостоятельной, она скорее подготавливает или сопровождает другие типы социального действия человека» [6].

Поколенческий подход – адекватный инструмент для понимания общества с точки зрения временной перспективы. Существуют два основных подхода для анализа поколений. Один концентрируется на межпоколенческом подходе как сравнительном анализе разных поколений – что происходит в обществе с хронологическим процессом смены поколений, и другой подход (внутригенерационный) – что происходит с одним поколением во временной перспективе, как проявляется на поколении эффект времени. На данной методологии были построены программы поколенческих исследований внутри каждого из поколений, ставших объектом научного анализа. В дальнейшем при исследовании межпоколенческих взаимодействий мы будем опираться на понятие «образ социальных действий», так как во времени и пространстве соединяются не реальные поведенческие паттерны, а конструируются системы ориентаций нескольких поколений российского общества, которые могут напрямую не пересекаться в реальной жизни. Исследование проводится в номинальных условных группах, включающих старшие, средние и юные поколения.

Для проведения эмпирического исследования были выбраны три поколения, в данный момент развития российского общества одновременно проживающих в стране и представленных в социально-демографической структуре общества. Значимым фактором также являлось обоснование их активной роли в профессиональной структуре, концентрации социальной активности, реальном влиянии на духовно-нравственную и социально-политическую жизнь. Такими поколениями, в соответствии с годами рождения и научно-обоснованной классификацией, стали: поколение *Z* (2003–2023 гг.), поколение *Y* (1985–2002 гг.), поколение *X* (1964–1984 гг.).

Эмпирическая часть данной статьи будет посвящена поколению зет, что вызвано следующими обстоятельствами. Молодежь, как мобильная социально-демографическая группа современных обществ, выступает одним из основных субъектов развития. Ориентации и поведенческие паттерны самого молодого поколения меняются быстрее других поколений, уже прошедших период социализации и находящихся в эволюционной фазе своего развития. Поэтому в качестве объекта исследования мы определили социальные действия особой социально-демографической подгруппы молодежи, имеющей собирательное название «поколение зет».

Следующие 20 лет по нарастающей именно модели поведения поколения зет будут определять содержательно и формально социальные практики российского гражданского общества. Все основные общественные процессы, касающиеся политических, социально-экономических, духовно-ценностных преобразований, идут с массовым и качественно заметным участием молодых людей в своих странах. Молодежь поколения зет наследует степень развития общества, формирует образ будущего и рассматривается как потенциал жизнедеятельности общества [7].

Молодежь поколения зет «созрела» и проявляет готовность к социальной (гражданской активности), но им нет места в российской политике. Они не хотят лишь доделывать то, что не сделали их родите-

ли (в контексте патернализма: родители – взрослые – государство), они требуют равных прав в обществе, так как государство на них возлагает равную ответственность (за стариков, за ветеранов, за память о войне, за сирот, за безнадзорных, за порядок во дворах, за недостаток средств в медицине, за межконфессиональные конфликты, за мигрантов, за инвалидов). Волонтерство и добровольчество стали основными формами деятельностного участия молодых людей в социальной жизни страны, однако это не приблизило их к преодолению проблем неравенства, безработицы, сохранению здоровья и т.д. [7].

Российская действительность реализует общие мировые тренды, прежде всего технологические тренды цифровизации, с определенным запозданием, поэтому изучение поколения зет в российском обществе может вызвать научный интерес с точки зрения их описания и классификации. Именно в социальных сетях организуется пространство, в котором новое поколения ищет и находит свою идентификацию, у поколения зет вырабатывается особый язык коммуникации в информационно-сетевых ресурсах, «агенты социализации» этого поколения конструируют и «выбрасывают» смыслы и ценности в сетевое пространство. «Почти неограниченные возможности к социальным коммуникациям обеспечивают представителям нового поколения выбирать те формы самопрезентации, в которых в данный момент они могут наиболее ярко выразить себя и подстроить под "культуру момента" фрагментарность и множественность интересов» [8]. Все это требует «выстраивания коммуникаций с новыми представителями молодого поколения с учетом их специфики» [9].

Идентифицируя данное поколение, мы исходим из теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хоува [10]. При этом годы жизни и социализации поколения зет в разных странах могут несколько различаться. Мы рассчитали, исходя из классификации прежних поколений, что в России это могут быть молодые люди, родившиеся, начиная с 2000 г. Несмотря на то, что в разных исследованиях российских ученых границы поколений не совпадают однозначно, тем не менее общие границы поколений и их значимые характеристики могут быть признаны.

Это молодежь, которая так или иначе связана с образовательными институтами общества, так как в этом поколении утвердился принцип: образование через всю жизнь. Таким образом, в научной литературе хорошо представлены методологические подходы к диверсификации поколений. В российском информационном пространстве материалы, связанные с теорией поколений и аналитическими исследованиями по этой проблеме, можно найти на сайте проекта «*RuGenerations* – российская школа Теории поколений» и в других источниках, посвященных поколенческому анализу.

Особое значение имеет развитие отечественной социологии молодежи как специфической области социального знания. Значительный вклад в новейшую отечественную историю и практику изучения роли и места российской молодежи в меняющемся российском обществе, ее потенциала и перспективы его реализации внесен такими исследователями, как Ю.Р. Вишневский, И.М. Ильинский, В.Ф. Левичева, Е.Е. Леванов, В.Т. Лисовский, Б.А. Ручкин, В.И. Чупров и др. [11–15]. В последний период появились также исследования, раскрывающие природу сетевых коммуникаций молодежи, что предоставляет возможность проследить эволюцию и роль сетей, в которых формируются смыслы и ценности гражданской активности поколения зет.

Социальные действия рассматривались авторами в разных парадигмах: П. Бурдье, М. Вебер, И. Валлерстайн, Р. Дарендорф, Р. Мертон, Н. Луман и др. в социологической парадигме [4; 16–19]; К. Лоренц, А.А. Борисенков, Ю.Г. Запрудский в конфликтологической парадигме [20–21].

Бихевиористы Д. Истон, П. Лазарсфельд, А. Кэмпбелл видели в социальных действиях реализацию убеждений личности, его политического выбора на индивидуальном уровне [22–24]. Т. Парсонс, А. Турен анализировали социальное действие через деятельность как коллективное действие [25; 26]. Именно в рамках политической науки ученые в качестве предмета исследования начали изучать гражданскую активность индивидов, групп, институтов. В исследованиях Е.Н. Кутыгиной, Ю.А. Зубок, Ф.Э. Шереги, В.И. Чупрова интерпретируются институциональные и социально-политические предпосылки политической социализации молодежи и особенностей формирования культуры протеста [27–29]. Активность молодежи в контексте аккультурации, то есть усвоения индивидом новых ценностей, анализировали Т. Лукман, Ю. Хабермас [30; 31].

Однако анализ публикаций показывает, что, несмотря на значительный перечень авторов, системные социологические исследования, посвященные образу социальных действий в межпоколенческом разрезе номинального условного поколения, еще не обеспечили накопление эмпирического материала и базы объективных данных о поколениях, одновременно действующих и взаимодействующих в современном российском обществе.

В эмпирической части данной статьи мы решили представить результаты изучения самого младшего из трех поколений, интеграции и взаимодействию которых будет посвящена дальнейшая исследовательская работа (поколение зет (2003–2023 гг.). С учетом результатов полевых исследований по выявлению образа социальных действий каждого поколения глазами других поколений будет создана картина комплексного видения потенциального со-

циального взаимодействия и совпадения/несовпадения разных поколений. Помимо количественной методики в форме анкетирования в каждом поколении проводятся фокус-группы, позволяющие качественно оценить параметры социальных действий.

Авторское исследование самого младшего из трех заявленных поколений было проведено методом фокус-групп, участниками которых выступили юноши и девушки 9–11 классов – учащиеся общеобразовательных учреждений города Казани. Качественное исследование, целью которого явилось не столько констатация и выявление тенденций социальных действий поколения, а распознание и понимание смыслов социальных действий участников фокус-группы, а также сопереживание им. Организовано и проведено три фокус-группы в составе 10 чел. каждая, в равной гендерной пропорции с учетом данных статистики. Фокус-группы проводились в школах разных районов.

В результате работы фокус-группы получены данные по таким направлениям, как степень ориентированности на избегание неопределенностей и потребность в формальных правилах (юридических); степень толерантности к отклонениям от принятых культурных норм (писанных и неписанных); степень дистанции между человеком и властью; свобода и справедливость; человек/природа/экология (природа для человека, человек – царь природы?); понимание смысла работы (самореализация или просто заработок); семейные ценности (значимость брака или просто союз двоих, ориентация на родительство); ценность и стиль потребления; образ будущего (кто я через 10 лет, моя страна через 10 лет, каким себя хочу видеть и какую страну); образование (диплом, знания или набор полезных навыков); досуг (желаемый вариант досуга); самовыражение (ценность и способы); общение (онлайн, оффлайн); восприятие времени (успеть за успехом или созерцание); цифровой мир; индивидуализм и коллективизм (Я или МЫ).

В современной жизни молодежь считает неопределенность нормальным естественным состоянием, связанным с политической, экономической и социальной ситуацией в стране. Неопределенности могут выполнять как позитивную, так и негативную роль в жизни общества и государства. Стремление контролировать свое будущее также является нормой для современной молодежи. Это выражается в желании надеяться только на себя, на свои знания. Наличие формальных (юридических, правовых) правил, по мнению молодежи, востребовано в обществе для нормальной жизнедеятельности людей. Главной формой участия в политической жизни страны молодое поколение считает участие в выборах и уплату налогов.

Поколение современной молодежи более толерантно, в сравнении с их родителями, относится к другим культурным нормам и может допустить общение с представителями меньшинств. Принуждение к толерантности считает недопустимым, «*нельзя вмешиваться в жизнь или осуждать людей с другими культурными нормами*» (респондент К., 17 лет, жен.). Рассмотрение вопроса о толерантности к другим нациям трансформируется в рассуждение о русофобии в современном мире. Они считают, что и другие нации не вправе рассуждать об отношении к русской нации, так как происходящие события их не касаются. Конфликты становятся обратным событием толерантности в мире.

Молодежь считает, что патриотизм в современной России приобретает форму патриотизма «*как любви к власти, а не к стране*» (респондент М., 17 лет, муж.). Высокая дистанция молодежи от власти, продемонстрированная участниками фокус-групп, консолидирована с терпимостью к авторитарному стилю управления, уважительным отношением к статусу и государственным должностям. Это также отражается в особенности не выражать открыто несогласие с органами власти, делегировать инициативу. Отмечается слабое представление о себе как активном гражданине.

Современное поколение имеет представление о ценностях свободы и справедливости. Считают, что человек не может быть воспитан вне свободы, но свобода – относительное понятие и в обществе нельзя быть или чувствовать себя свободным. Справедливость – также спорное понятие, что проявляется в таких мнениях, как «*справедливость в обществе невозможна*» (респондент С., 16 лет, жен.), «*в справедливом обществе человек не может быть свободен*» (респондент И., 16 лет, муж.).

Проблемы экологии взаимосвязаны с уровнем жизни населения. Только в состоявшемся, экономически развитом обществе защита окружающей среды становится главной задачей, в российском обществе экологией должно заниматься государство, для человека с неудовлетворенными жизненно важными потребностями и минимальным размером оплаты труда вопросы экологии уступают место выживанию в сложных экономических условиях. Отмечено низкое экологическое сознание. Оправдывается несоблюдение экологических законов состоянием экономики в стране, от которого зависит уровень самосознания. Развит внешний локус контроля, который проявляется в потребности санкций со стороны государства за несоблюдение экологических норм вместо развития экологического самосознания.

В отношении митингующих и открыто выражающих протесты в социальных сетях в среде молодых людей существует мнение, что проявление такого рода активности – это осознанный выбор, сделанный на основе личных убеждений и знаний. Молодые люди понимают, что существует ответственность за совершенный противоправный поступок,

учитывают связанные с участием в митингах определенные риски. Петиции не считаются оптимальной формой высказывания своего мнения в силу бюрократических проволочек. Митинги вызывают события, которые касаются большинства граждан. Интернет является ведущим механизмом информирования граждан о происходящих или будущих событиях. Существует понимание ответственности за репостинги или комментарии в социальных сетях о подобных событиях. По мнению молодежи, «*активный гражданин – тот, кто платит налоги, участвует в экологических акциях, принимает участие в выборах*» (респондент Е., 16 лет, муж.). Отсутствуют знания о легитимных формах гражданского участия.

При выборе профессии поколение зет отмечает значение самореализации и удовлетворение своих творческих интересов. Отмечается также значение материального вознаграждения, «*деньги необходимы, чтобы реализовать свои жизненные проекты*» (респондент З., 17 лет, жен.).

В сознании современного поколения происходит трансформация представлений о семье. Несмотря на то что молодежь считает приоритетной традиционную семью, к семье они могут отнести и социальные молодежные коллективы, где находят понимание. Современная молодежь не отказывается от брака в общепринятом понимании этого понятия, считая на первоначальном этапе семейной жизни нормальной материальную поддержку родителей молодых.

В настоящее время молодежь ориентирована на повышение уровня жизни, получение хорошего образования, поиск престижной работы, профессиональный и карьерный рост. Потребительство является одним из основных мотивов жизнедеятельности современной молодежи. Склонность к инновациям и экономическое мышление определяют способы совершения покупок. Большинство опрошенных молодых людей считают удобным способом совершение покупок через интернет-сайты.

Современная молодежь большое внимание уделяет всестороннему развитию, активному проведению досуга. Появляются новые виды проведения досуга, связанные с интернет-технологиями (киберигры). При этом отмечается, что возможна их трансформация в заработок.

Современная молодежь серьезно относится к профессиональной карьере и своему будущему, связывает свое развитие с возможностью получения образования за рубежом, сожалея о закрытии границ.

Большое значение уделяется научной сфере и технологиям, которые обеспечат будущее России. Четко разграничивают получение образования для профессии и получение диплома о высшем образовании. Считают, что «*высшее образование не означает гарантированное трудоустройство по специальности*» (респондент Ю., 17 лет, муж.). По мнению респондентов, «*нельзя отделять компетенции Soft skills от профессиональных компетенций*» (респондент Р., 17 лет, жен.)

Молодые люди положительно относятся к такому социальному явлению, как хайп, для них – это возможность участия в коллективных действиях, сопровождаемых чувством единения, определенным эмоциональным настроем. Считают, что только при наличии определенных личностных качеств человек может стать публичным и популярным.

Онлайн и офлайн общение имеют аналогичное значение для молодежи. Предпочтение отдают офлайн общению.

Респонденты считают, что культурное и историческое понимание дружбы, принятое в социуме, находит свое подтверждение и в наше время. Происходит трансформация чувства любви, это прослеживается в ответе о соединении любви и дружбы.

Восприятие времени в современном мире трансформируется. Сон для современной молодежи становится второстепенным. Время, отведенное на сон и восстановление жизненных сил, используется для проведения свободного времени. Отмечается токсическая продуктивность молодежи, что означает быть продуктивным каждую минуту, постоянно идти к целям. Существует потребность в обучении тайм-менеджменту.

Для современной молодежи цифровизация является неотъемлемым настоящим. Молодые люди считают, что «*цифровой мир – это выбор человека*» (респондент А., 15 лет, муж.), а не навязывание глобализационных трендов. Негативной тенденцией цифровизации считают усиливающийся контроль со стороны государства и внедрение технологий слежения за социумом в целях предотвращения преступлений, ставя в пример Китай. В молодежной среде существует понимание важности для прогресса и развития общества коллективных действий. Но большинство называет себя индивидуалистами, для которых главное – они сами, члены их семей, благополучие и здоровье близких.

Выводы. Анализируя результаты фокус-групп среди старшеклассников трех школ города Казани, можно сделать предварительные выводы о специфике социальных действий по ключевым направлениям жизнедеятельности молодого поколения, отличающих их от других поколений. Наиболее существенные отличия проявились в принятии неопределённости как нормы жизни и неготовности принимать формальные правила поведения. Скорее всего следствием этого является и готовность признавать отклонения от культурных норм родительских семей, в которых они выросли. Большое значение для молодого поколения имеют такие понятия, как свобода и справедливость, однако обсуждение в фокус-группах не привело к однозначному пони-

манию их смыслов. Образ поколения, представленный экспертами в медийном пространстве как максимально погруженное в цифровой мир, на взгляд самих представителей поколения, не является их базовой характеристикой. Возможно, этот взгляд объясняется тем, что они сами и есть уже цифровой мир. Конструктивными характеристиками данного поколения можно считать ориентацию на повышение уровня жизни, получение хорошего образования, поиск престижной работы, профессиональный и карьерный рост.

Литература:

1. Зинуров Э.А. Особенности подходов к исследованию возрастной структуры общества // Управление устойчивым развитием. 2023. № 1(44). С. 56–60.
2. Скороходов Н.А. Основная социологическая категория: проблемы определения // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1 (115). С. 39–42.
3. Действие социальное. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01e90282453e136f02d6f1e8
4. Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произв. Прогресс, 1990. 808 с.
5. Parsons T. The Social System. N.Y.-L., 1951. 575 p.
6. Социальное действие. URL: https://www.e-xecutive.ru/wiki/index.php/Социальное_действие
7. Зинурова Р.И. Формы гражданской активности молодого поколения // Управление устойчивым развитием. 2021. № 6(37). С. 45–49.
8. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Предпринимательские практики поколения зет: формат институционализации // Управление устойчивым развитием. 2022 №1(38). С.32-36.
9. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Цифровые технологии в государственной молодежной политике // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего. Сб. статей Межд. конференц-сессии. Т. 4. М., 2022. С. 456–463.
10. The Fourth Turning by William Strauss and Neil Howe. URL: https://leaderself.com/summary/the-fourth-turning-william-strauss-and-neil-howe/
11. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи: учеб. пособие. Екатеринбург; Н. Тагил, 1995. 311 с.
12. Ильинский И.М., Бабочкин П.И. Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений // Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: Доклад Комитета Российской Федерации по делам молодежи. М., 1995. С. 214.
13. Левичева В.Ф. Социальное самоопределение молодежи // Энциклопедия гуманитарных наук. 2012. № 2. С. 322–324.
14. Лисовский В.Т. Советское студенчество. Социологические очерки. М., 1990. 302 с.
15. Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 93–105.
16. Бурдье П. Социология политики. М.: Sociologos, 1993. 336 с.
17. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. 385 с.
18. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. 536 с.
19. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Изд-во «Логос», 2004. 232 с.
20. Борисенков, А.А. Особенности политического конфликта // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 4. С. 34–41.
21. Запрудский Ю.Г. Культура конфликта // Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и Политология. 2002. № 4. С. 78–83.
22. Истон Д. Подход к анализу политических систем // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2015. № 5. С. 17–37.
23. Lazarsfeld P.P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choise. N.Y.: Columbia University Press, 1944. 224 p.
24. Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American Voter. N.Y.: Wiley, 1960. 573 p.
25. Парсонс Т. Система современных обществ // Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; Научн. ред. перевода М.С. Ковалева. М.: Аспект-Пресс, 1997. 270 с.
26. Touraine A. Critique de la modernite. P.: Fayard, 1992. 463 p.
27. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социс. 2009. № 1. С. 78–88.
28. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность формы, проявления, тенденции. М.: Academia, 2009. 320 с.
29. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
30. Луман Н. Невероятность коммуникации. URL: http://www.soc.pu.ru:8101/publications/pts / luman_c.html.
31. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма. URL: http://znl.boom.ru/bibl/Hbrms.htm.

A Sociological Study of the Social Actions of the Russian Generation Z

Zinurov E.A.
Kazan National Research Technological University

The complication of social processes, external factors aimed at destroying the civil identity of Russian generations, internal processes related to the socio-economic situation in a country that actively resists the "collective West" actualized the study of social actions of Russian generations and inter-communal interaction. The methodology of the research is the sociological nominalism of M. Weber, the structure of social action by T. Parsons with a focus on orientations, motives and values for the typification of social actions. The purpose of the study is to identify the features of social actions of a socio-demographic subgroup of youth, collectively called "generation Z".

The main tasks were to identify the attitude to events in the modern political, social, and economic spheres of Russian society; to cultural norms, values of freedom and justice; individualism and collectivism, patriotism, attitude to family and family values, to problems of ecology and environmental protection; future professional sphere; budget of time, leisure; offline and online interaction; about their future and prospects for the development of Russia.

The significance and effectiveness of the work lies in the fact that a qualitative sociological study was conducted in the format of focus groups among schoolchildren, which allows us to identify not only the proportion of answers according to the proposed parameters, but also to determine the meanings of social actions of generation Z.

Keywords: social action, generation Z, generational approach

УДК 316.35
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-303-306

Ценности российской молодежи: традиционность в эпоху перемен



Ильиных С.А.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии Новосибирского
государственного университета экономики и управления

Статья посвящена изучению проблематики ценностей российской молодежи. Научный интерес к данной проблематике связан с тем, что трансформации российского общества повлияли все сферы жизнедеятельности человека, в том числе духовную. В общественном сознании некоторые из прежних ценностей получили новую трактовку. Обосновано, что подобного рода изменения в ценностной картине мира молодежи нуждаются в исследовании. В теоретической части работы представлены подходы к пониманию ценностей с позиции Э. Дюркгейма, М. Вебера, М. Рокича, В. Ядова. В эмпирической части приведены сравнительные результаты исследования ценностей российской молодежи 2022 г. (n = 1592) и 2024 г. (n = 6543). Научной новизной проведенного исследования является вывод о том, что традиционные ценности для молодого поколения остаются неизменными. К их числу относятся семья, безопасность родных, здоровье, взаимоотношения в семье. Однако важно поддерживать эти традиционные ценности, а также создавать условия для формирования и развития других ценностей, таких как ценность волонтерской и добровольческой деятельности.

***Ключевые слова**: ценности, ценностная картина мира, российская молодежь, семья, здоровье, безопасность*

***Для цитирования:** Ильиных С.А. Ценности российской молодежи: традиционность в эпоху перемен // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 303–306. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-303-306.*

Устойчивое развитие российского общества зависит от ряда разновекторных факторов, одним из которых является ценностная картина мира молодежи. Стоит отметить, что существует взаимно обратное влияние друг на друга этих двух феноменов: общества, с одной стороны, и ценностного отношения к миру у молодежи, с другой стороны. Реформирование российского общества, которое мы наблюдали последнее десятилетие, не могло не отразиться и на многих сферах жизнедеятельности общества, включая духовную. Процесс формирования ценностей у молодого поколения оказался под влиянием, с одной стороны, внутренних факторов развития российского общества, а с другой стороны, внешних факторов – социально-политических, глобализационных. Глубокие социальные, экономические, политические трансформации российского общества в той или иной мере затронули традиционные ценности. Они, безусловно, сохраняются, но ранжируются в соответствии с новыми условиями. В связи с этим изучение аксиологических аспектов жизнедеятельности молодежи является актуальной и востребованной проблематикой.

Ценности являются объектом исследования многих научных дисциплин – философии, социологии, психологии и других. Кратко рассмотрим представления социологов о том, что такое ценности. Э. Дюркгейм в своей работе «Ценностные и "реальные" суждения» представил идею ценностного мира, разделенного на две части – реальное и идеальное [1, с. 295]. Реальные суждения отражают объективную реальность. Ценностные, напротив,

отражают воздействие идеала: «одна и та же вещь может или утратить имеющуюся у нее ценность, или приобрести иную ценность, не изменяя свою природу; достаточно того, чтобы изменился идеал» [1, с. 309].

Интерес представляет также подход М. Вебера, разработавшего теорию «идеального типа» [2, с. 46]. На основе выделенных им трех идеальных типов власти – традиционный, харизматический и рациональный – ученый рассматривает такие ценности, как братская любовь, формальная рациональность, стихийно-экстатическое начало, харизма. При этом ценность трактуется им как норма, которая значима для социального субъекта.

Отметим еще одного ученого, внесшего существенный вклад в понимание ценностей. С точки зрения П.А. Сорокина, культуру образует совокупность определенных ценностей, а сами культурные ценности есть не что иное, как смысл существования людей и общества [3].

М. Рокич имеет свой подход к изучению ценностного мира человека [4]. Его суть в разграничении социальных установок и ценностей. Первые – это конкретные предрасположенности к определенному поведению, а вторые – абстрактные интенции, но тем не менее более важные в жизни человека. С точки зрения ученого, ценности немногочисленны и образуют иерархические системы. Чтобы произошло изменение в иерархической системе ценностей, индивид должен осознать несоответствие, противоречие, которое возникло между отдельными ценностями.

Адаптируя методику М. Рокича к советским реалиям, В.А. Ядов проверил гипотезу об иерархической структуре диспозиций личности на высшем уровне [5]. В результате эмпирических исследований была предложена диспозиционная теория саморегуляции социального поведения человека, в которой был показан системный характер ценностных ориентаций [6].

Итак, в рамках социологии ценности – это то, что наиболее значимо для человека. Они динамичны, но при этом системно организованы. Ценности образуют культуру.

Что касается эмпирических исследований ценностей молодежи, то стоит обратиться к исследованию ВЦИОМ, проведенному в 2022 г. Было опрошено 1592 респондента в возрасте от 14 до 35 лет [7].

Рассмотрим, какие ориентиры выбирает сегодня российская молодежь. На вопрос о том, как бы опрошенные хотели прожить свою жизнь, было получено следующее распределение ответов (рис. 1). Можем видеть, что главной ценностью является карьера (58 %). На втором месте – спокойная жизнь, работа, семья (54 %). На третьем месте – польза народу, обществу при участии в общественной, политической жизни (26 %). Эти результаты свидетельствуют о том, что в ценностной картине мира имеют приоритетное значение следующие ценности: карьера, работа, семья, польза обществу.

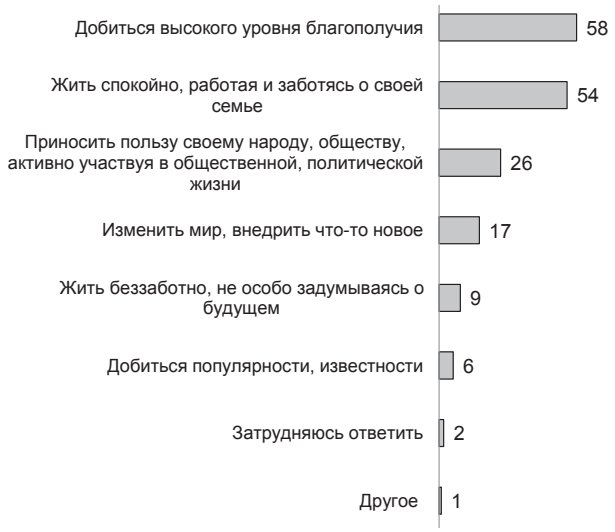


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы хотели прожить свою жизнь?», % [7]

В варианте «другое» респонденты отметили: «Весело и счастливо», «Достичь высокого уровня развития личных качеств и навыков», «Жить по совести», «Иметь финансовую возможность закрывать потребности близких и получать удовольствие от жизни, путешествовать по миру, помогать ближним, заботиться об экологии», «Жить свободно и мирно», «Не быть обманутой и брошенной в беде своей страной», «Приносить пользу окружающим», «С кошками», «Стать великим хирургом», «Счастливо, реализовать свои таланты, помогать людям, вырастить из своих детей хороших людей, любить жизнь», «Чтобы моим детям на все хватало – еду, дополнительное образование, развлечения».

Как видим, ценности и терминальные, и инструментальные, гедонистические, альтруистические, прагматические и др.

В структуре ценностных ориентаций российской молодежи, согласно результатам ВЦИОМ, в 97 % случаев важно здоровье членов семьи, в 96 % – отношения в семье, в 95 % – материальное положение семьи (рис. 2).

Отметим, что период 2022 г. был достаточно напряженным для российского общества, но, несмотря на это, такие традиционные ценности, как семья, здоровье, безопасность, взаимоотношения в семье, не только сохранились, но и оказались доминирующими. О ценностной картине мира молодежи в этот же период времени представляет результаты эмпирического исследования Э.И. Никонова [8].

Также для сравнения ценностных ориентаций современной молодежи приведем результаты социологического исследования, проведенного в 2024 г. в рамках проекта «ДНК России». Исследование проведено при участии автора статьи. В опросе приняли участие 6543 респондента. Выборочную со-



Рис. 2. Оценка важности сторон жизни респондента (результаты ВЦИОМ), %

вокупность составили студенты первого курса нескольких регионов СФО – Новосибирской области, Алтайского края, Иркутской области.

Такие показатели, как здоровье респондента и членов семьи, безопасность членов семьи, взаимоотношения в семье, материальное положение респондента и его семьи и другие, оценивались по бальной системе, где 1 балл – совершенно не важно, 5 – очень важно (рис. 3).

Можем видеть, что результаты нашего исследования коррелируют с результатами ВЦИОМ, хотя используется бальная оценка. Состояние здоровья, безопасность членов семьи, взаимоотношения являются доминирующими среди совокупности предложенных для оценки ценностей.

Исследование ценностей молодежи представляет собой актуальную проблематику для социологии. Ценности представляют собой динамичную систему, меняющуюся под влиянием разного рода обстоятельств. В связи с этим важно как формировать систему ценностей молодых россиян, так и постоянно выявлять состояние ценностной картины мира. При-



Рис. 3. Оценка важности сторон жизни респондента (регионы СФО)

веденные в статье два достаточно крупных исследования ценностей российской молодежи показывают, что традиционные ценности для молодого поколения, которые можно назвать и базовыми, остаются неизменными. К их числу относятся семья, безопасность родных, здоровье, взаимоотношения в семье. В связи с этим важно поддерживать эти базовые ценности, а также создавать условия для формирования и развития других. В частности, ценность волонтерской и добровольческой деятельности. Благодаря формированию системы ценностей молодежи сейчас создаются условия для устойчивого развития российского общества в будущем.

Литература:

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с франц., составл., вступ. ст. и примеч. А. Гофмана. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. 400 с.

2. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с немецкого; Состав., общая ред. и послесловие д. фил. н. Ю.Н. Давыдова; Предисловие д. фил. н. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
4. Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28
5. Лапин Н.И. Проблема ценностей в исследованиях В.А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. № 3. С. 82–93.
6. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
7. Ценности молодежи // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения: 24.12.2024).
8. Никонова Э.И. Российская молодежь в условиях кризиса: трансформация традиционных ценностей // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 130–133.

Values of Russian Youth: Tradition in an Era of Change

Ilynykh S.A.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The article is devoted to the study of the problems of values of Russian youth. Scientific interest in this problem is associated with the fact that the transformation of Russian society has affected all spheres of human activity, including spirituality. In the public consciousness, some of the old values have received a new interpretation. It is substantiated that such changes in the value picture of the world of young people need to be studied. The theoretical part of the work presents approaches to understanding values from the standpoint of E. Durkheim, M. Weber, M. Rokeach, V. Yadov. The empirical part presents comparative results of the study of the values of Russian youth: 2022 (N = 1592) and 2024 (N = 6543). The scientific novelty of the study is that traditional values for the younger generation remain unchanged. These include family, safety of relatives, health, and family relationships. However, it is important to maintain these traditional values, as well as create conditions for the formation and development of other values, such as the value of volunteering and volunteer activities.

Keywords: values, value picture of the world, Russian youth, family, health, safety

УДК 316.334.56
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-307-314

Особенности формирования городской идентичности жителей Нижнего Новгорода



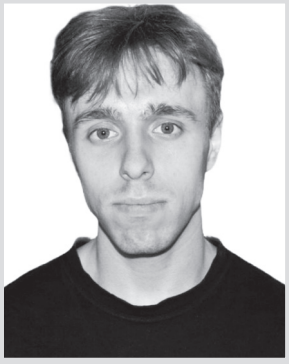
Куликова А.В.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского



Солдаткин А.Е.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского



Грунин Г.А.
Магистрант факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского



Гринько М.А.
Магистрант факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Изучение городской идентичности сегодня приобретает особую актуальность в условиях глобализации и урбанизации, а также в контексте развития центростремительной миграции. К тому же уровень низовой активности, включенности жителей в процессы развития городской среды, в городскую жизнь также определяется структурой городской идентичности. Цель данной работы – описать особенности городской идентичности нижегородцев. Статья написана по результатам социологического исследования (экспертный опрос, n = 8 чел., анкетный интернет-опрос жителей города, n = 100 чел.), результаты которого показали, что у нижегородцев формируется два типа идентичности: городская и районная, чему способствует восприятие города как полицентричного, а также специфический географический и городской ландшафт. Выявлено также, что у нижегородцев формируется определенная идентичность, связанная с их укорененностью в городе, но тем не менее жители скорее демонстрируют лишь частичную вовлеченность в городские пространства. Подчеркивается значимость проектных процессов в формировании и укреплении городской идентичности, однако в восприятии экспертного сообщества это остается дискуссионным вопросом.

Ключевые слова: *идентичность, городская идентичность, типы идентичности, социология города, городское пространство*

Для цитирования: *Куликова А.В., Солдаткин А.Е., Грунин Г.А., Гринько М.А. Особенности формирования городской идентичности жителей Нижнего Новгорода // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 307–314. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-307-314.*

Рост городских систем и их социально-культурная трансформация актуализирует изучение городского сообщества. Тезис о том, что именно качество населения, социальный капитал определят успех города в конкурентной ситуации, стал широко распространенным и почти общепринятым [1]. Одним из критериев оценки включенности населения в жизнь города является городская идентичность, которая, как отмечают исследователи, выступает средством адаптации человека к сложной социально-пространственной среде, каковой является современный город, а также условием координации совместных действий между многочисленными группами городского сообщества [2]. Особенную актуальность вопросы изучения городской идентичности приобретают в фокусе проблем центростремительной миграции, особенно молодежи, поскольку устойчиво сформированная идентичность может снизить миграционные установки [3].

В современной социологии территориальная и, в частности, городская идентичность чаще всего рассматривается через призму конструктивистской парадигмы [см., например, 2; 4–7], где идентичность представляет собой социальный феномен, который образуется в результате диалектической связи индивида и общества [8]. В рамках конструктивизма городская идентичность жителей формируется в результате взаимосвязи с городом. Город является сложной социальной системой, где роль, место, функции каждого элемента могут быть обозначены через отношения, связи, взаимодействия между ними. Социальное пространство выступает основным элементом города как социальной системы, где осуществляется процесс взаимодействия и взаимовлияния социальных и культурных параметров города. Социальное пространство города представляет совокупность социальных связей его жителей. Горожане отличаются социальной активностью, основанной на соблюдении принятых в городском сообществе норм. Формирование же городской идентичности осуществляется в результате социализации жителей и их взаимодействия с объектами города. К объектам относятся его архитектура и символы, отражающие отличительные свойства города.

В своей работе мы будем использовать понятие «городская идентичность» как некий социально-культурный, психоэмоциональный конструкт, который формируется в результате взаимодействия жителя с городской средой, являясь по сути результатом социализации личности в городском пространстве [см., например, 2; 5; 6]. Стоит отметить, что в работах последних лет, посвященных изучению городского пространства и идентичности горожан, мы можем видеть разные трактовки предмета исследования, предлагается разграничить понятия: 1) «идентичность с городом» как особый конструкт персональной идентичности, в котором город воспринимается в контексте личной биографии, 2) «городская идентичность» как представление о самом себе как жителе этого города и 3) «идентичность города», понятие, которое больше относится к пониманию бренда города, чем описывает отношения между городом и его жителями [5; 6].

Предметом нашего исследования будет именно городская идентичность, важным аспектом которой является активная позиция, занимаемая индивидом по отношению к городу и различным аспектам городской жизни. Такая включенность может реализовываться на нескольких уровнях, в частности, выделяются три типа идентичности: активная включенность во все виды пространства, частичная включенность через принятие и включенность в одни элементы пространства при дистанцировании от других, дистанцирование, т.е. сознательная невключенность в городское пространство [9; 10]. При этом под пространством мы также будем понимать не только места в городе, но и различные измерения городской жизни: социальное, коммуникационное, территориальное [9]. Процесс формирования городской идентичности тесно связан с освоением городского пространства, формированием индивидуальной карты города, где выделяются как индивидуально предпочитаемые, так и избегаемые места, т.е. происходит некая персонализация пространства.

В ценностном измерении формирование городской идентичности связано с освоением и признанием желательности городского образа жизни и способа действий. Этот ценностный аспект может выражаться в противопоставлении городского и сельского образов жизни, разделении городской принадлежности на столичность и провинциальность, а также в идентификации с конкретной городской общностью, с принятием именно ее ценностей в противопоставление ценностям жителей других городов [см. подробнее: 11; 12].

Важнейшим компонентом развития городской идентичности выступает укорененность в пространстве. Исследователи даже вводят понятие идентич-

ность-укоренения, что предполагает соотнесение к некому устойчивому основанию, в противовес идентичности-тождества, которая предполагает постоянный выбор из множества вариантов в условиях текучей модерности (термин З. Баумана), который никогда не может быть завершен и совершен окончательно. Основанием для формирования идентичности-укоренения является соразмерность города и человека, понимаемая как устроенность городского пространства в архитектурно-градостроительном отношении под актуальные нужды и стремления горожан [11; 13]. Компонентами соразмерности здесь выступают происхождение, принадлежность и ресурсность. Происхождение связано с прошлым, местами памяти, привязанными к топографии города и насыщенными смыслами. Принадлежность связана с повседневностью и практиками поведения в городе, включением городских территорий в эти практики как доступных и удобных горожанам мест. Ресурсность связана скорее с восприятием города и действиями за пределами повседневности. Это, во-первых, такие особенности городской среды, которые воспринимаются горожанами как символы позитивных возможностей жизни именно в этом городе; во-вторых, это аспекты городской среды, связанные с рекреационной и праздничной активностью.

Отдельный интерес представляет вопрос о возможности технологий формирования городской идентичности с заданными параметрами. Различные авторы [14; 15] приводят успешные кейсы формирования городских сообществ вокруг тех или иных городских практик, отмечается, что эффективным механизмом формирования городской идентичности будет включенность жителей в социальное взаимодействие по проблемным вопросам городской жизни при помощи социальных сетей.

При характеристике процесса формирования городской идентичности необходимо также учитывать специфику города как территориальной единицы. Современные городские системы характеризуются полицентричностью, что означает наличие в географических границах города множества центров, вокруг которых разворачивается социальная активность горожан. Вследствие данного фактора может осложняться описание процесса формирования идентичности жителей города и особенно мегаполиса [16; 17].

Целью данного исследования было выявление специфики формирования городской идентичности жителей Нижнего Новгорода, города-миллионника, имеющего богатое историческое прошлое, стремительно развивающегося в последние несколько лет, но территориально находящегося близко к Москве, что несет определенные риски для увеличения темпов миграции в столицу.

В рамках социологического исследования были опрошены представители экспертного сообщества и население города (интернет-опрос жителей разных районов г. Нижнего Новгорода, n = 100 чел., в января – феврале 2025 г.). Экспертами выступили представители научного сообщества, занимающиеся изучением проблем урбанистики и социологии города, сотрудники ИРГСНО (Институт развития городской среды Нижегородской области), нижегородских СМИ (изданий, которые рассказывают о культурной и общественной жизни города), НКО, которая принимает участие в преобразовании городской среды. Всего методом интервью средней продолжительностью 40 мин. было опрошено 8 чел.

Эксперты в целом положительно характеризуют динамику развития городской среды в Нижнем Новгороде. За последние годы в городе произошел ряд событий, подготовка к которым улучшила городскую инфраструктуру. Среди наиболее значимых назывались: празднование 800-летия города (2021 г.), проведение Чемпионата мира по футболу (2018 г.), XVI саммита БРИКС (2024 г.). Организация проведения этих событий, особенно первых двух, кардинально изменила городской ландшафт и стала толчком для дальнейшего развития города. Активная позиция губернатора Г.С. Никитина способствовала привлечению федерального финансирования в город. И сегодня мы можем говорить, что в Нижнем Новгороде сложилась достаточно эффективная система взаимодействия между властью и горожанами по поводу городского развития [см. также: 15].

«*Что касается именно городской среды и города, то как раз таки рост тут есть, и это хорошо видно. Рост этот связан и с Чемпионатом мира, и с 800-летием. С крупными событиями, на которые выделяются деньги. Но я думаю, что важно и сейчас, и после 800-летия, – это выделение продолжается*» (Сотрудник ИРГСНО).

Вместе с этим в городской среде имеются противоречия в развитии. С одной стороны, Нижний Новгород переживает позитивные изменения. С другой – в значительной части эти изменения затрагивают культурно-досуговую инфраструктуру, в то время как в сферах, касающихся повседневной жизни горожан, сохраняются значительные проблемы. В 2025 г. в Нижнем Новгороде продолжается реформа городского транспорта, и на данный момент его состояние вызывает заметное недовольство нижегородцев.

«*Если говорить о той инфраструктуре повседневной жизни, скажем так, с которой сталкивается рядовой житель, рядовой гражданин, сильных ухудшений не наблюдается: метро продолжает строиться, электробусы на линии выходят вместо троллейбусов, хотя, конечно, остается наша фирменная нижегородская проблема с общественным транспортом*» (Социолог-урбанист).

Противоречивым является и значительное усиление потока туристов в город. Некоторые эксперты отмечают, что центр Нижнего Новгорода ориенти-

руется больше на туристов, нежели горожан. Это выражается в стоимости товаров и услуг на центральной улице, увеличении транспортной нагрузки в центральной части города. В результате увеличения туристического потока меняются городские практики жителей как центрального, так и иных районов г. Нижний Новгород.

«*Город готов идти навстречу туристу, на потребу туристу, предлагать то, за что турист заплатит, что извольте. Это плохая история, потому что она опять-таки приводит к вырождению города. Она подменяет городскую среду каким-то симулякром туристически привлекательным*» (Социолог, д.социол.н.).

«*Сейчас проходит ЦИПР, и мы все столкнулись с утра, например, сегодня с пробками, с очень дорогим такси и так далее. Пробок не было в это время уже, которое я ищу, нет пробок. Сейчас они были. Я чуть везде не опоздала. Это бесит, потому что проходит какое-то количество больших мероприятий, которые абсолютно игнорируют горожан. Очень яркий пример, который игнорирует совершенно горожан, это канатная дорога*» (Редактор нижегородских СМИ).

На идентичность нижегородцев продолжает оказывать влияние традиционная для города полицентричность [17]. Нижний Новгород в своем современном виде сложился в XX в. под влиянием процессов ускоренной индустриализации и урбанизации, жизнь в промышленных районах города, как и во многом идентичность их жителей, определялась крупными промышленными предприятиями. Кроме того, сниженной связности районов между собой способствует и ландшафт, разделенность нагорной и заречной частей города рекой Окой. Вследствие этого единой ассоциации с понятием центра города у нижегородцев нет. Кроме локации площадь Минина, площадь Горького и улица Большая Покровская, отмечается центр Сормовского района и центр Автозаводского района. Это объясняется тем, что в упомянутых районах сложились устойчивые практики повседневной жизни их жителей. При этом районообразующие предприятия благоустраивают территорию и обеспечивают работников всей необходимой социальной инфраструктурой. Поэтому потребность в посещении исторической «верхней» части города, которая и является наиболее привлекательней для туристов, не сильно выражена у жителей «нижней».

«*Это неравенство есть, оно заложено просто городской историей, расположением и ландшафтом города. Так получилось, что есть у нас центр, и он отделен не просто как отдельный район, но и географически отделен там рекой, рельефом, холмом и так далее. И в этом городском центре исторически, собственно, была основная инфраструктура и основные места, где люди не знают там развлекались, отдыхали, ходили в рестораны и как-то праздно себя вели*» (Сотрудник ИРГСНО).

«*Насколько я помню, по нашему исследованию, в ответах людей, по код-группам, обнаружилось как минимум три центра. Центр этот, связанный с площадью Минина, Покровкой и площадью Горького. Это центр Соромова, который удивительно называется «центр», и центр Автозавода, который не так часто называется центр, он, насколько я понимаю, не имеет географического наименования Центр Автозавода*» (Социолог-урбанист).

Идентичность нижегородцев комплексная, на нее оказывает влияние принадлежность к району. Она подкрепляется участием крупных предприятий (Горьковский автомобильный завод (ГАЗ), судостроительный завод «Красное Сормово») в облагораживании территорий, взаимодействием жителей с архитектурным наследием Автозаводского и Сормовского районов. Появление досуговой инфраструктуры, включающей заведения общественного питания, парковые зоны, спортивную инфраструктуру, в «нижней» части города способствует тому, что население проводит свободное время в районе проживания. Помимо этого, отмечается, что большинство культурных мероприятий проходит в центре города, которые вследствие транспортных проблем сложно посещать. Описанная ситуация способствует формированию множества центров в городе, что впоследствии формирует районную идентичность.

«*Идентичность районная есть. Есть разделение горожан по районам. Оно больше, конечно, сформировалось в 20-м веке и закреплялось в 90-е, двухтысячные годы. Сейчас оно больше размывается. Но я думаю, что в самосознании горожанина житель Автозаводского района или Сормовского не равен жителю Нижегородского района, потому что каждый район со своей историей, со своим центром, со своим каким-то бэкграундом*» (Сотрудник ИРГСНО).

«*Идентичность, наверное, больше районная. Особенно, мне кажется, это, опять же, у жителей либо каких-то маленьких микрорайонов, либо районов, которые основаны вокруг предприятий градообразующих. Тот же, например, Автозавод или Сормово*» (Социолог, к.социол.н).

Вместе с этим в городском пространстве продолжается процесс формирования и трансформации общегородской идентичности «нижегородцы». Появление в городе новых культурных и досуговых пространств, спортивных объектов, привлекающих и жителей города, и туристов, способствует формированию единой идентичности. Среди основных городских практик эксперты отмечают посещение музейных выставок и городских экскурсий, позволяющих узнать историю города. Однако неравенство разных районов города в доступе к транспорт-

ной инфраструктуре ограничивает возможности горожан в участии в таких практиках.

«*Очень много людей стали интересоваться историей города. То есть какие-то нестандартные экскурсии по городу, это просто везде появилось тоже, в Нижнем в том числе. То есть люди стали интересоваться, а что это за улица, а почему она так названа, а что здесь за дома, а что это за памятник, а кто здесь раньше жил*» (Редактор нижегородских СМИ).

Новые технологические возможности, предоставляемые сегодня массовой цифровизацией, также способствуют формированию общей идентичности нижегородцев через контакты с представителями аут-групп в интернет-среде. Эксперты отмечают активность жителей Нижнего Новгорода в социальных сетях как одну из форм проявления городской идентичности. Отмечается, что жители отстаивают свою идентичность и выражают поддержку городу и его достижениям.

«*Если посмотреть ролики, которые снимают про путешествия именно в Нижнем Новгороде, в Нижегородской области, например, если почитать комментарии, как сами нижегородцы отзываются об этом городе. Видно, что нижегородцы в том числе тоже гордятся тем, как он превращается, как он развивается. И что людям приятно признавать, что они нижегородцы, приятно это говорить. Большая часть нижегородцев действительно очень влюбленные в свой город, это действительно ощущается, и люди без какого-то там наставления сами популяризируют Нижний Новгород и Нижегородскую область абсолютно для разных людей*» (Сотрудник НКО).

Результаты опроса нижегородцев подтверждают мнение экспертного сообщества о процессе формирования городской идентичности. Большая часть участвующих в опросе не собирается уезжать из города (86 %) и ощущает свою сопричастность и близость с жителями города (64 %).

Городская идентичность, соотнесение себя с городом занимает высокое место в структуре идентичностей нижегородцев. Наиболее распространенными идентичностями выступают «россияне» (61 %, см. табл. 1), «жители города Нижний Новгород» (54 %), «люди моей профессии» (33 %) и «одного языка» (32 %).

Другим проявлением сформированной городской идентичности является знание истории города и гордость за его достижения. Наибольшую гордость у нижегородцев вызывает то, что город стал привлекательным для туристов (54 %, см. табл. 2), проведение в 2018 г. Чемпионата мира по футболу (47 %) и присвоение статуса «Столица закатов» (46 %), что стало своеобразным брендом города и также способствует увеличению туристического потока, и звание «Культурной столицы 2024», что также работает на бренд. Промышленные и трудовые достижения значимы несколько меньше, но все же для достаточно заметной доли горожан (33–34 %), перевешивают другие исторические события.

Помимо этого, сформированная городская идентичность выражается в посещении культурных мероприятий (75 %), фестивалей («Ночь музеев», «Столица закатов» – 69 %), тематических выставок (61 %).

Результаты анализа экспертных интервью и анкетного опроса населения демонстрируют некоторую противоречивость в отношении районной идентичности. Сравнительно небольшая доля населения соотносит себя с группой «жители района Нижнего Новгорода» (23 %). Однако эта доля не так уж мала и, естественно, располагается в нисходящей последовательности территориальных идентичностей

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «О каких из перечисленных ниже групп Вы могли сказать "это мы", "это такие как я", "это свои"?», %

Россияне	61
Жители города Нижний Новгород	54
Люди моей профессии	33
Люди одного со мной языка	32
Люди моей национальности, этноса, народности	27
Люди моей веры	21
Жители района Нижнего Новгорода	21
Жители «верхней» части Нижнего Новгорода	21
Жители «нижней» части Нижнего Новгорода	16

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие события, связанные с Нижним Новгородом, вызывают у Вас особое чувство гордости?», %

Город стал привлекателен для туристов	54
Проведение Чемпионата мира по футболу в 2018 г.	47
Статус «Столица закатов»	46
Культурная столица 2024	43
Промышленные достижения заводов ГАЗ и Красное Сормово	34
Присвоение статуса «Город трудовой славы»	33
Деятельность второго Нижегородского ополчения в 1612 г.	27
Проведение Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г.	19
Проведение Международного саммита БРИКС 2024	16
Открытие канатной дороги через р. Волга	15
Позитивные отзывы блогеров и общественных деятелей о Нижнем Новгороде	11
Открытие Волго-Вятского филиала Пушкинского музея в 2010 г.	5

«россиянин – нижегородец – житель района». Районы города при всех транспортных проблемах не изолированы друг от друга, горожане часто выезжают за пределы своего района (69 %) для того, чтобы посетить родных и друзей (63 %), а также для работы (57 %) и посещения выставок, экскурсий (57 %). Примечательно, что большая часть опрошенных согласна с тем, что мероприятия проводятся во всех районах города (61 %), но вместе с этим около трети затруднилось с ответом. Несмотря на сохранение памяти о промышленных достижениях заводов («Красное Сормово», «ГАЗ» и др.) и сохраняющееся деление города на верхнюю и нижнюю части, миграция населения между районами и посещение городских мероприятий способствует формированию общегородской идентичности.

Сформированная городская идентичность у жителей важна для развития городского пространства. Она подразумевает наличие чувства привязанности и готовности принимать участие в городских мероприятиях, выражать мнение по поводу реализованных городских проектов. В процессе исследования были выявлены городские практики, способствующие сохранению облика города. Идентичность «нижегородцы» связана с участием в благоустройстве и улучшении городской среды. Некоторые представители экспертного сообщества идентифицирует себя как «профессиональные нижегородцы», что подразумевает профессиональную реализацию с внесением вклада в развитие городской среды.

«*Я и мое окружение, мы себя можем назвать очень условно профессиональными горожанами, потому что мы активно себя проявляем как жители города. Это связано со многими вещами. Я, например, занимаюсь изучением города. И у меня много есть таких друзей, знакомых, которые занимаются больше исследовательской деятельностью, например. У меня есть люди, которые активно проявляют себя в городской среде как организаторы чего-либо. То есть кто-то устраивает экскурсии по городу, какие-то прогулки, рассказывает о городе другим людям*» (сотрудник ННГУ им. Лобачевского).

«*Я даже говорю про себя иногда, что я профессиональный нижегородец, потому что все вещи, которыми я занимаюсь, все мои работы и занятости, они связаны непосредственно с Нижним Новгородом. Поэтому я точно нижегородец не только потому, что я тут родился, но потому, что я буквально работаю в Нижнем Новгороде, с ним*» (Сотрудник ИРГСНО).

Выявленные позитивные аспекты в городской идентичности не позволили избежать дискуссии относительно прикладной значимости данного феномена. Эксперты отмечают, что, с одной стороны, сформированная сильная идентичность способствует солидаризации общества, в частности, снижает перспективы эмиграции жителей. С другой стороны, проектное формирование с предварительно заданными характеристиками от начала до конца такой большой и сложной идентичности, как городская, вряд ли возможно.

«*Нет, наверное, когда у тебя есть какое-то комьюнити, и вообще какие-то сообщества создаются в городе, за счет которых ты чувствуешь свою необходимость или причастность, и, наверное, тебе в таком случае сложнее уехать и все это бросить*» (Редактор нижегородских СМИ).

«*При этом массово, я думаю, такого не существует. То есть, понятно, что горожане, особенно в других городах, говоря про себя, они упоминают, что они из Нижнего Новгорода, но описать, что это для них значит или значит ли вообще что-то, я думаю, что у них не получится. То есть, они просто по факту рождения или проживания это называют, но не могут назвать какие-то культурные особенности или какие еще либо, то есть что-то, что буквально является их идентичностью. Не знаю, существует ли она вообще*» (Сотрудник ИРГСНО).

«*Полезным будет ощущение в городе жизни и развития. Оно пока есть. Не без вопросов, но есть. Идентичность поможет. Можно следить за этим внимательно. И если что-то там такое симпатичное обнаружится, может быть его вытаскивать несколько и помогать. какой-то формирующейся идентичности. Пытаюсь вспомнить пример. Знаем ли пример, когда какая-то идентичность была проектно сформирована, прям прицельно сразу от начала до конца, и она дала какие-то положительные результаты? Пока что-то не вспоминаете. Знаем ли мы такой пример? Я не уверен*» (Социолог, к.социол.н).

В целом идентичность горожан складывается по факту рождения и социализации и, как следствие, само ощущение принадлежности к городскому пространству определяется целым рядом обстоятельств. Следовательно, успешное формирование городской идентичности не является полностью неуправляемым процессом, но скорее должно представлять собой сеть взаимодействующих проектов с очевидными для участников позитивными результатами.

Городская идентичность нижегородцев продолжает формироваться и трансформироваться в современных социальных условиях. С одной стороны, город в восприятии жителей остается полицентричным, сохраняется районная идентичность, с другой – размываются основания прошлых районных идентичностей, связанных с промышленными предприятиями, и появляются новые основания формирования идентичности и воплощающие их пространственные объекты. При этом можно говорить о формировании у нижегородцев определенной идентичности-укоренения, что проявляется в их привязанности к городу и осознании себя как его жителей, это выражается также в гордости за дости-

жения и знаковые события в жизни города, гордости за то, что город стал привлекателен для туристов, в знании истории и в относительно активном участии в городских мероприятиях. Однако в целом жители скорее демонстрируют частичную включенность в городские пространства, чему способствует полицентричность Нижнего Новгорода. Для дальнейшего формирования городской идентичности могут потребоваться и целенаправленные усилия, такие как организация культурных проектов, городских мероприятий и инициатив, которые могут помочь жителям осознать и укрепить свою связь с городом, активнее включаясь в его жизнь, формируя новые типы социальных взаимосвязей, новый опыт восприятие окружающей среды.

Литература:

1. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. 421 с.
2. Правоторова А.А., Кондратьева У.Г. Теоретические основания исследования городской идентичности // Творчество и современность. 2018. № 2 (6). С. 69–79.
3. О внутрироссийской миграции молодежи: результаты исследования Института экономики роста им. П.А. Столыпина. URL: https://stolypin.institute/research/our/o-vnutrirossijskoj-migracii-molodezhi
4. Fedotova N. The formation of urban identity: factorial and institutional aspects // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2017. Vol. 20. № 3. P. 32–49.
5. Дягилева Н.С., Журавлева Л.А. Городская идентичность: понятие, структура, основы формирования // Социология города. 2012. № 1. С. 46–61.
6. Дягилева Н.С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54–59.
7. Костко Н.А. Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 1. С. 190–216.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
9. Чернявская О.С. Управление идентичностью горожан // Социально-экономические преобразования и проблемы. 2011. № 1. С. 153–162.
10. Чернявская О.С. Ресурсы городской среды для формирования идентичности горожан. URL: https://nnov.hse.ru/data/2012/11/29/1301399221
11. Горнова Г.В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3(17). С. 43–56.
12. Горнова Г.В. Городская идентичность: философско-антропологические основания. Омск: ООО «Амфора», 2019. 167 с.
13. Санникова О.В. Основания городской идентичности в контексте соразмерности города и человека. URL: http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/22169
14. Довбыш Е.Г. Сетевые технологии формирования городской идентичности // Южно-российский журнал социальных наук. 2012. № 4. С. 111–118.
15. Солдаткин А.Е., Гурская В.В. Проблематика взаимодействия органов власти и населения в ходе планирования и реализации программ социально-экономического развития городов // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2020. № 3(59). С. 107–112.
16. Сойя Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6(40). С. 133–150.
17. Солдаткин А.Е., Широков А.А. Множественный Нижний Новгород: в поисках общих вещей // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2018. № 3(51). С. 112–120.

Features of the Formation of the Urban Identity of Nizhny Novgorod Residents

Kulikova A.V., Soldatkin A.E., Grunin G.A., Grinko M.A.
Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod

The study of urban identity is becoming particularly relevant today in the context of globalization and urbanization, as well as in the context of the development of centripetal migration. In addition, the level of grassroots activity, the involvement of residents in the development of the urban environment, in urban life, is also determined by the structure of urban identity. The purpose of this work is to describe the features of the urban identity of Nizhny Novgorod residents. The article was written based on the results of a sociological study (expert survey, n = 8, online questionnaire survey of city residents, n = 100), the results of which showed that Nizhny Novgorod residents form two types of identities: urban and neighborhood, which is facilitated by the perception of the city as polycentric, as well as a specific geographical and urban landscape. It has also been revealed that Nizhny Novgorod residents form a certain identity related to their rootedness in the city, but nevertheless residents are more likely to demonstrate only partial involvement in urban spaces. The importance of project processes in the formation and strengthening of urban identity is emphasized, but this remains a controversial issue in the perception of the expert community.

Keywords: identity, urban identity, types of identity, urban sociology, urban space

УДК 316.016
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-315-319

Феномен харизмы в проблемном поле социологии управления



Лунегов А.И.
Аспирант Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета,
преподаватель, руководитель студенческого спортивного клуба
Пермского химико-технологического техникума



Плескач Л.В.
Аспирант Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета

Статья посвящена вопросу исследования роли харизмы в социальном управлении. Существующие исследования показывают важность качеств личности руководителя для эффективного управления социальными группами. При этом данный феномен системно рассмотрен лишь с использованием психологического и педагогического предметных подходов, что не позволяет теоретически обоснованно использовать весь потенциал харизматических качеств для решения данной задачи. Цель данного исследования – теоретический анализ существующих научных взглядов на социально-психологический феномен харизмы в рамках социологии управления. В работе раскрываются механизмы социального регулирования, с помощью которых харизматичные лидеры способствуют развитию лояльности и мотивации персонала. Обоснована идея о том, что понятие харизмы тесно связано с аттрактивной мотивацией, лежащей в основе избирательного неисполнения социальных норм российским работником и принятия паттернов поведения в качестве образца социального действия. При этом харизматичность лидера призвана ориентировать индивидов на идеальный образец поведения и преодолеть импульсивность управленческого воздействия руководителя с помощью формирования культуры терпимости в коллективе.

Ключевые слова: *харизма, руководитель, лидерство, социальное управление, социальные регуляторы, лояльность персонала*

Для цитирования: *Лунегов А.И., Плескач Л.В. Феномен харизмы в проблемном поле социологии управления // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 315–319. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-315-319.*

Понятие «харизма» на протяжении развития человеческого общества было окутано аурой таинственности, загадочности и даже некой мистичности. Древнегреческие корни этого термина связаны с «благодатью», «одаренностью». В глазах простого обывателя данное понятие подразумевает обладание божественным даром как частицей не до конца постижимого феномена, но в то же время очень желанного всеми качества. Харизматичность, согласно культурологическому словарю Б.И. Кононенко, представляет собой «исключительную одаренность, а харизматический лидер – человек наделенный

в глазах его последователей авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности – мудрости, героизме, святости» [1, с. 449]. Восхищение личными качествами лидеров строится именно на харизматичности, своего рода способности очаровывать не только индивидов, но и целые социальные группы людей, использовать свои личные качества для реализации управленческого воздействия и достижения поставленных целей.

Актуальность научных исследований харизматичности не ослабевает со временем. Использование учеными предметных и межпредметных подходов к изучению харизмы дает возможность рассматривать данное явление разнообразно, не только в аспекте современного деятельностного подхода, внедренного С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым в психологии [2] и педагогике [3], но и с применением системного подхода в качестве социально-психологического феномена в контексте социологии управления. Целью текущего исследования является теоретический анализ существующих научных взглядов на социально-психологический феномен харизмы в рамках социологии управления.

До середины XIX в. понятие «харизма» имеет религиозную окраску и затрагивается исследователями исключительно в рамках католической теологии [4, с. 605], однако в последующем данный термин впервые введен в категориально-понятийный аппарат социологии немецким ученым Э. Трёльчем. На его труды [5, с. 605] повлияли идеи Ф. Шлейермахера, А. Ричля, а также И. Канта, что в конечном итоге привело к новому научному осмыслению проблемы и последующему синтезу теологического, социологического и философского подхода к предметному изучению харизмы. Будучи критиком историцизма, Э. Трёльч посвятил научную работу глубокому анализу связей церкви, секты и харизмы, обосновав вывод о том, что харизма по мере развития и институционализации религии отделяется от личности и сливается с институтом общества [6].

Исследования М. Вебера во многом осмысливают и дополняют труды Э. Трёльча, еще больше привносят социологический взгляд на явление харизмы в социуме. Рассмотрение харизмы во взаимосвязи с явлением лидерства впервые можно отметить у М. Вебера уже в труде «Хозяйство и общество» [7], где раскрывается понятие «харизматического лидерства».

Всего М. Вебер выделяет три типа лидерства. Первый тип он трактует как традиционное лидерство, которое опирается на привычку подчинения лидеру на основе веры и традиции, такой тип характерен для вождей, старейшин, монархов. Второй тип, рационально-легальное лидерство, основывается на законности порядка избрания лидера, власть четко очерчивается конституцией и нормативно-правовыми актами. Данный тип возникает, когда лидером становятся не в силу личностных качеств, а с помощью законных бюрократических структур.

Третий тип лидерства определяется М. Вебером как харизматическое и трактуется им сквозь призму особых качеств личности. При этом сама харизматичность есть ни что иное, как сверхъестественная, сверхчеловеческая, дарованная свыше сила, как исключительное свойство личности.

Таким образом, термин «харизма», по М. Веберу, раскрывается через понятие общественного лидера, способного вдохновлять последователей на революционные действия. Его власть основана не на формальных правилах, а на личном авторитете. Наиболее ярко, по мнению М. Вебера, харизма как социальное явление должна появляться в социуме в периоды экономико-политических потрясений, социальной нестабильности, угроз суверенитету государства. В таких случаях лидер, обладающий харизмой, притягивает и сплачивает вокруг себя тех, кто разделяет его идеи преодоления кризисной ситуации, восхищается личностными качествами и, по мнению Д.Б. Гениндоржиевой, «расценивает его как стабильную фигуру отца, героя, прорицателя или спасителя» [8, с. 85]. Вместе с этим М. Вебер отмечал, что со временем харизматическое лидерство склонно к рутинизации и бюрократизации, превращаясь в традиционную или рационально-легальную форму власти.

Новый взгляд на социальное взаимодействие лидера и его последователей, совместное приобретение ими навыков и описания ключевых аспектов действий лидера при управлении в кризисных условиях или условиях неопределенности предложил Б. Басс. Его научная концепция трансформационного лидерства [9] строится на выраженной заботе в личностном росте и индивидуальном подходе лидера к каждому члену своей команды. В этом случае отличительной чертой трансформационного лидерства выступает поощрение лидером нестандартных предложений по преодолению ситуаций нестабильности в социуме (государстве, рабочем коллективе, социальных группах), поиска оригинальных способов выполнения командой поставленных задач [10].

Американский политолог Чарльз Линдблом отмечал в своих трудах, что харизматичные лидеры часто отходят от рациональных моделей принятия решений, опираясь на интуицию, личное видение и эмоциональную убедительность [11]. Безусловно, необходимо отметить, что это может приводить как к успешным, так и к ошибочным решениям. Однако принятие на себя рисков и ответственности за реализацию нелинейного решения можно отнести к достаточно выраженной черте харизматичных лидеров в отличие от более традиционного подхода к решению проблем на основе приобретенного опыта с опорой на устоявшиеся социальные ориентиры. Если рассматривать данный процесс при-

менительно к государственным организациям, то Ч. Линдблом отмечает взаимосвязь лидерства с бюрократией, при этом влияние последней может как сдерживать харизматичных лидеров, так и являться административным ресурсом для реализации управленческого воздействия на общество [12].

Практический подход к развитию харизматических качеств представила в своих работах О. Кабейн [13]. Согласно ее трудам, харизма является не даром, как считают многие обыватели, а личностным качеством, которое можно и нужно тренировать. Важность харизмы для лидера трудно переоценить, так как она вызывает у людей желание работать непосредственно с ним, в его команде или компании.

Харизматичность, по мнению О. Кабейн и Дж. Поллака [14], дает конкурентное преимущество в привлечении и сохранении наиболее ценных талантов. В концепции, представленной этими учеными, харизма представляет собой то качество, которое позволяет руководителю замотивировать своих подчиненных стать в разы более успешными, чем конкуренты, работающие в той же отрасли. В отличие от точки зрения Э. Трёльча, О. Кабейн придерживается мнения о том, что харизма – это не волшебство, она не появляется у нас при рождении и не является даром свыше. Это состояние индивида, когда он контролирует и выстраивает свое социальное поведение, ориентируясь на впечатление, которое он оказывает на людей управляемые социальные группы. Эмоциональное состояние при этом тоже подвергается самокорректировке и соотносится с социальными нормами, одобряемыми обществом. Иными словами, над развитием харизмы можно регулярно и много работать, будь то стиль одежды, мимическая активность, тембр голоса, положение тела в пространстве, социальная привлекательность.

Работы О. Кабейн внесли значительный вклад в популяризацию концепции харизмы, показав, что это качество не ограничено узким кругом исторических фигур, а может быть развито и использовано широким кругом людей.

Для дальнейшего теоретического исследования такого социально-психологического феномена как харизма стоит обратиться к понятию символического интеракционизма. Данное направление в социологии, изучающее «символические связи» как один из аспектов социального взаимодействия, иными словами, это общение, осуществляемое при помощи символов, таких как язык, телодвижения, жесты. Представитель Чикагской школы социологии И. Гофман представлял харизму как особый вид социального взаимодействия [15, с. 287], в котором лидер умело управляет впечатлением о себе, используя разнообразные драматургические техники [15, с. 63–67].

Основные положения драматургической теории И. Гофмана заключаются в представлении жизни как театральной сцены для индивидов, которые используют для взаимодействия с аудиторией различные приемы и актерские техники. При этом проявления харизмы различны для «закулисного» или истинного поведения и поведения публичного. По мнению И. Гофмана, индивиды в своем социальном поведении постоянно стремятся управлять впечатлением, которое они производят на окружающих, что является ценным ресурсом контроля и управления реакциями последних.

Проявления внешних признаков харизмы, которые описывала О. Кобейн, например, одежда, рукопожатие или тембр голоса, И. Гофман относил к управлению символическими средствами. В них он видит прямую манипуляцию лидеров окружающими индивидами для создания ореола таинственности и неординарности. В целом И. Гофман показывает феномен харизмы с точки зрения «театральных представлений», где индивиды стремятся манипулировать производимым впечатлением для достижения своих целей, используя определенные «маски» при коммуникации.

Социально-психологический феномен харизмы может быть рассмотрен и как важный фактор, определяющий лояльность коллектива к своему лидеру или компании. М.Б. Перфильева определяет лояльность персонала как общую социальную характеристику отношения персонала к организации, которая находит свое выражение в количественной социологической оценке работниками, отраженной в том числе в их удовлетворенности трудом [16, с. 96].

Развивая свои научные исследования в вопросах управления лояльностью, М.Б. Перфильева в качестве субъективного фактора лояльности персонала выделяет личность самого руководителя, а также стиль управления, принятый в организации [17, с. 29–30]. Следует отметить, что механизм изменения лояльности персонала к труду прямо взаимосвязан с харизматичностью руководства. Так, повышение лояльности персонала может быть основано на развитии харизматических качеств управляющего звена. А приумножение харизматического влияния руководителя стать результатом успешного решения назревших социальных проблем и повышения лояльности к труду у подчиненных. Значимость влияния социальных факторов как на лояльность персонала, так и на производительность труда [18, с. 98–115] отмечена в научном труде Н.Л. Захарова А.Л. Кузнецова и М.Б. Перфильевой. Данные ученые придерживаются мнения о значительном потенциале исследований социального регулирования как ресурса для управления производительностью трудового коллектива [19, с. 445]

При этом стоит отметить, что, по мнению Н.Л. Захарова, «модель поведения как некий идеальный образ действия задается лидером. Поэтому в основе взаимодействия российских коллективов

лежит гибкая ориентация на лидера и генерируемые им изменчивые образцы действия» [20, с. 220]. Иными словами, харизматичность лидера является одним из условий действия системы социальных регуляторов в российском обществе.

«Импульсивный коллектив может породить из своей среды только импульсивного лидера. Но в таком случае, чтобы управление было возможным, коллектив должен быть терпим к лидеру, лоялен к принятию им импульсивных, "по наитию", решений, к его мерам принуждения» [20, с. 221] – рассуждает Н.Л. Захаров. При этом одной из основ устойчивости коллектива к внутренним процессам импульсивного управления является принятие такой социальной практики как терпимость.

Необходимо также отметить связь между аттрактивным поведением, следованию паттернам и харизмой лидера в российском коллективе. Аттрактивное поведение само по себе основывается на эмоциональном выборе, уверенности и симпатии, что приводит к игнорированию определенного числа норм и в то же время является источником широкого применения паттернов как образцов поведения. При этом харизматичность лидера является для индивида своего рода ориентиром для работы поведенческого регулятора, статусного и этического, которые во многом определяют социальное поведение человека.

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать ряд выводов относительно феномена харизмы применительно к области социального управления. Он представляет собой уникальное качество личности, которое наделяет лидера исключительными способностями и авторитетом в глазах последователей. Этот феномен имеет сложную природу, включающую как личностные характеристики, так и контекстуальные факторы социального взаимодействия. Несмотря на то что феномен харизмы был широко исследован в контексте социальных и гуманитарных наук, таких как психология и педагогика, с точки зрения социологии управления данный феномен рассмотрен недостаточно. При этом его дальнейшее изучение в рамках предметного поля социологии управления имеет большое научное значение, так как он непосредственно связан с вопросами социального регулирования, управления мотивацией и лояльностью персонала в российских организациях. Роль социально-психологического феномена харизмы заключается в обеспечении реализации механизма социального регулирования в обществе, управляемом паттернами. Харизматические качества лидера обеспечивают эффективную работу социальных регуляторов в рамках теории Н.Л. Захарова. Полученные выводы следует учитывать при выработке управленческих решений, связанных с подбором кандидатов на руководящие должности различных уровней.

Литература:

1. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече, АСТ, 2003. 511 с.
2. Васильев А.С. Деятельностный подход в решении проблемы преодоления отрицательных последствий внутриличностного конфликта // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-2(31). С. 99–101.
3. Шубина И.В. Понятия «деятельность», «деятельностный подход» в отечественной науке // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 313–327.
4. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. 672 с.
5. Трёльч Э. Метафизический и религиозный дух немецкой культуры // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. 703 с.
6. Трёльч Э. Церковь и секта // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 226–237.
7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Господство / Пер. с нем.; под ред. Л.Г. Ионина. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2019. 544 с.
8. Гениндоржиева Д.Б. Харизма как составная часть трансформационного лидерства // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 5. С. 84–87.
9. Bass B.M. Transformational leadership: Industrial, military, and educational impact. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. 208 p.
10. Bass B.M., Riggio R.E. Transofrmational Leadership (Second ed.). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. 282 p. DOI: 10.4324/9781410617095. ISBN 978-0805847628.
11. Lindblom C.E., Cohen D.K. Usable knowledge: social science and social problem solving. New Haven: Yale University Press, 1979. 129 p.
12. Lindblom C.E., Dahl R. A. Politics, economics, and welfare: planning and politico-economic systems resolved into basic social processes. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 558 p.
13. Cabane O. The Charisma Myth. How to Engage, Influence and Motivate People. New York, London: Penguin Publishing Group, 2019. 272 c. ISBN 9780670922871.
14. Cabane O., Pollack J. The Net And The Butterfly: The Art and Practice of Breakthrough Thinking. New York, London: Penguin Publishing Group, 2017. 280 p.
15. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
16. Перфильева М.Б. Управление лояльностью персонала: монография. СПб.: Институт бизнеса и права, 2010. 183 с.

17. Перфильева М.Б. Система социальных факторов и условий, детерминирующих управление лояльностью персонала организаций: дисс. … докт. соц. наук. СПб., 2011. 316 с.
18. Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л., Перфильева М.Б. Становление современной системы трудовых отношений: монография. Ижевск: Изд-во ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, 2020. 168 с.
19. Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л. Мотивация труда работников промышленных предприятий // Проблемы региональной экономики. Ижевск, 1999. № 1-4. С. 439–450.
20. Захаров Н.Л. Теория социальных регуляторов: монография / Под науч. ред. М.Б. Перфильевой. М.: ИНФРА-М, 2024. 241 с. DOI: 10.12737/2119965.

The Phenomenon of Charisma in the Problem Area of Sociology of Management

Lunegov A.I.
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm Chemical-Technological College
Pleskach L.V.
Perm State Humanitarian Pedagogical University

The article is devoted to the issue of studying the role of charisma in social management. Existing studies show the importance of the qualities of a leader's personality for effective management of social groups. At the same time, this phenomenon is systematically considered only using psychological and pedagogical subject approaches, which does not allow theoretically sound use of the full potential of charismatic qualities to solve this problem. The purpose of this study is a theoretical analysis of the systematization of existing scientific views on the socio-psychological phenomenon of charisma in the framework of the sociology of management. The work reveals the mechanisms of social regulation by which charismatic leaders contribute to the development of loyalty and motivation of personnel. The idea is substantiated that the concept of charisma is closely related to the attractive motivation underlying the selective non-fulfillment of social norms by a Russian employee and the adoption of behavior patterns as a model of social action. At the same time, the charisma of the leader is intended to orient individuals toward an ideal model of behavior and overcome the impulsiveness of the managerial influence of the leader by forming a culture of tolerance in the team.

Keywords: charisma, leader, leadership, social management, social regulators, staff loyalty

УДК 316.77
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-320-327

Репрезентация ценностей метамодернизма в проекте Метавселенной: анализ социально-психологических барьеров



Непомилуева М.А.
Аспирант кафедры социологии культуры и коммуникации
Санкт-Петербургского государственного университета

Технологическая система Метавселенной рассматривается как социальный феномен, рост популярности которого пришелся на взросление поколения зумеров. На основании гетеродоксального подхода о взаимовлиянии социального поведения и развития технологических систем выдвигается гипотеза о дополнительных, нетехнологических барьерах к реализации проекта Метавселенной. Барьеры эти имеют социально-психологическую природу и находят отражение в её социальном образе, в который инкорпорированы ценности. Проведен нарративный анализ программных документов, посвящённых метавселенным, на предмет репрезентации в них ключевых ценностей метамодернизма как наиболее устойчивой концепции глобальных социокультурных изменений. Среди транслируемых и отсутствующих ценностей выявлены проблемные, обладающие наибольшим кризисным потенциалом в реализации проекта Метавселенной.

Ключевые слова: *метамодернизм, система ценностей, Метавселенная, рендеринг, персистентность, интероперабельность, социальный образ, социальное соприсутствие*

Для цитирования: *Непомилуева М.А. Репрезентация ценностей метамодернизма в проекте Метавселенной: анализ социально-психологических барьеров // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 320–327. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-320-327.*

В 2020-х гг. современный мир все чаще сталкивается с дисфункциональными элементами западной модели глобализации, обнаруживает тяготение к многополярности. Кризисный потенциал культурно-мировоззренческой системы, сформировавшейся во второй половине XX в. в Европе и Северной Америке, и потребность в поисках новых смыслообразующих кодов и системы ценностей стали назревать в глобальном обществе ещё в 1990–2000-х гг.

В 2002 г. Л. Хатчеон объявила о конце постмодернизма, актуальности нового зонтичного термина «постпостмодернизм» и призвала интеллектуальное сообщество уточнить его для описания состояния общества и культуры XXI в. [1]. Участие в этом объявленном «конкурсе» приняли порядка двух десятков концепций. Наибольшую жизнеспособность среди них продемонстрировал метамодернизм [2].

Соответствие или противоречие новых социальных феноменов основным структурным элементам метамодернизма обладает эксплицитным потенциалом относительно траектории развития как этих феноменов, так и самой ценностно-мировоззренческой метамодернистской системы.

В данной статье в качестве такого нового социального феномена рассмотрена технологическая система Метавселенной. Крупные технологические трансформации провоцируют общественные изменения, поскольку дают дополнительные возможности, в том числе транслировать свою позицию индивидуальным пользователям, открывают перспективы для новых компаний. Количество времени, проводимого в интернете, и темпы роста электронной экономики прямо пропорциональны объёму социальных противоречий, проявляющихся в онлайн-коммуникации.

Именно поэтому активное использование мобильных устройств ведет к актуализации все большего количества социальных вопросов.

Пандемия *COVID*-19 заметно снизила стигматизацию проводимого в интернете и, в частности, в виртуальных мирах времени, способствовала вовлечению в них старшего поколения. Ещё в 2022 г. эксперты называли проект Метавселенной (3D-виртуальные миры) следующим уровнем развития интернета, оценивая экспоненциальное повышение её доступности до конца текущего десятилетия, в том числе для пользователей быстро совершенствующихся устройств потребительского класса (смартфон, планшет, гарнитуры *AR* и *VR*). Спрогнозированная до 2022 г. численность активных пользователей гарнитур дополненной и виртуальной реальностей (*AR* и *VR*) составляла свыше 250 млн чел., а рост экономики метавселенных оценивался в 18 крат к 2030 г. (до 2,34 трлн долл. США), цифровой экономики – в десятки раз [2, с. 163].

В качестве технических инструментов, демонстрирующих существующую вероятность такого сценария, можно привести функции линзы дополненной реальности «*Snap*», *Face ID, Animoji* и тройную камеру «*Apple*» для создания эффекта смешанной реальности. Наиболее успешными примерами реализации проектов автономных 3D-виртуальных миров, или протометавселенных, могут стать «умный дом», геймифицированные видеоуроки велоспорта «*Peloton*» с полупрозрачным видеоинструктором, протометавселенная портала, предоставляющего доступ к государственным услугам, в Сеуле.

По приведенным данным было бы возможно предположить, что корпорации, стоящие у истоков создания Метавселенной, заинтересованы приоритезировать этот проект как дающий уникальные ресурсы и непреодолимый отрыв от конкурентов. Однако уже в 2023 г. (за семь лет до даты прогнозируемого расцвета) стали появляться результаты экспертных опросов (проведённых компанией «*Game Developer Conference*», опубликованные в «*The Washington Post*»), согласно которым из 2300 опрошенных разработчиков 45 % оценили Метавселенную как направление со слабыми перспективами, а надежды компаний, вкладывающих ресурсы в её создание, как несбыточные [4].

Поскольку гипотеза об экспоненциальном развитии метавселенных и их возможном колоссальном влиянии на все общественные сферы зазвучала в мировом сообществе, социология должна проводить мониторинг рисков и перспектив такого развития событий. Так же как отказ от подобных перспектив должен быть оценен на предмет не только технологических, но и социально-психологических барьеров, поскольку у корпораций отсутствуют социально не окрашенные причины прекратить инвестиции в новую ступень развития интернета. Целесообразно предположить, что в случае проекта Метавселенной эти барьеры имеют именно социальную природу.

Для рассмотрения этого тезиса целесообразно исходить из нескольких оснований:

1) В настоящее время не существует единого определения Метавселенной, но в качестве рабочего можем использовать следующее. Метавселенная – это постоянная широкомасштабная сеть «трехмерных виртуальных миров, визуализируемых в реальном времени, в которой фактически неограниченное число одновременных пользователей могут получать синхронный и персистентный опыт с ощущением личного присутствия и с непрерывностью данных, таких как идентичность, история, права, объекты, коммуникации и платежи» [3, с. 97].

На основании определения сущности и структуры Метавселенной выделяются её основные сущностные свойства. К ним относятся:

– рендеринг – все процессы визуализируются в режиме реального времени;

– персистентность – свойство системы сохранять информацию обо всех совершенных в виртуальном пространстве Метавселенной действиях, вне зависимости от перезагрузки;

– возможное одновременное количество пользователей Метавселенной не ограничено;

– синхронность – опыт, происходящий в иммерсивном цифровом пространстве Метавселенной, разделяют все участники;

– иллюзия личного присутствия, погружения в происходящее;

– широкомасштабная сеть сетей – в проекте должна объединить в единое пространство все созданные протометавселенные;

– интероперабельность – обеспечение неограниченного доступа и свободы взаимодействия в поле иммерсивного пространства.

2) В анализе Метавселенной (и реализуемых сегодня протометавселенных) как социального феномена наибольшим эксплицитным потенциалом обладает гетеродоксальный подход к исследованию технологических систем, в основе которого лежит тезис о взаимовлиянии поведения индивидов и технологической системы [5].

3) Метавселенная может рассматриваться как платформа, использующая инновационные методы доставки потребителю ценностного предложения [6]. Это ценности, предложенные индивиду на входе в пользовательские отношения с технологическим продуктом Метавселенные.

В рамках данной статьи выполнен анализ репрезентации в проекте Метавселенной ценностей метамодернизма.

4) У пользователей (действующих и потенциальных) формируется социальный образ Метавселен-

ной. Как и любой социальный образ, он воспроизводит общественные цели [7], представляет собой целостное, но не полное представление о том или ином социальном объекте либо феномене. В его основе лежит не достоверное знание, а совокупность наиболее типичных и устойчивых представлений в сознании индивидов. При этом, помимо субъективного знания об объекте, социальный образ подразумевает эмоциональное отношение к нему групп и общностей, а потому в структуру социального образа инкорпорированы такие конструкты, как «ценность», «потребность», «желание», «возможность», «интерес» и «образ жизни». Социальный образ Метавселенной отражает усредненный ценностный профиль пользователей, тех ценностей, которые уже интериоризированы индивидом.

5) Уже в настоящее время на примере отдельно проектируемых протометавселенных возможно выдвинуть гипотезу о том, что реализация коммуникативных практик, в основе которых лежат представленные в пункте 1 сущностные свойства, окажется чувствительной для таких переменных, как: чувство безопасности, социально-пространственные и социально-временные границы, границы восприятия, границы коммуникации.

Для целей данного исследования сформулированы 14 ключевых ценностей метамодернизма с учётом его сущности и свойств [8]:

A – сбалансированное удовлетворение духовных и чувственных потребностей.

B – совершенствование и себя, и внешней среды.

C – сбалансированное сочетание индивидуализма и общности, интровертного и экстравертного. Ценность сбалансированного соблюдения личных границ и социального соприсутствия, вовлеченности.

D – ценность безопасного пространства для человека. При этом пространство понимается не как форма, а как создание динамичных открытых структур.

E – внимание к вопросу общности человеческого опыта вместо культа диверсификации.

F – сбалансированное сочетание гуманистических и натуроцентрических ценностей: эмпатичное, бережное отношение и к человеку, и к природе.

G – сбалансированное сочетание творчества и благополучия.

H – сбалансированное сочетание элементов модерна и постмодерна: прямоты и энтузиазма, снобизма и искренности, иронии и серьезности, интеллекта и наивности и др.

I – ценность самоорганизации в противовес случайности и механистичности.

J – реконструкция и аутопойезис в противовес деконструкции и концу.

K – флексибельность в противовес нигилизму и стабильности.

L – преемственность опыта, возрождение исторического воображения.

M – новая искренность, стратегическая наивность.

N – аффект, возможность испытать погружение, яркие эмоции.

Эти 14 метамодернистских ценностей легли в основу проведённого нарративного анализа 26 программных документов, посвященных глобальному проекту Метавселенной. Это прежде всего отчеты Всемирного экономического форума [9–13], Форума стандартов Метавселенной (*Metaverse Standards Forum*) от *Khronos Group* [14–26], некоммерческого консорциума, объединяющего 170 организаций (включая технологических гигантов из США, КНР и др. государства), международной консалтинговой компании *McKinsey&Company* [27; 28], Европейской комиссии [29], Международной организации уголовной полиции (Интерпол) [30] и др. [31–34]. Задачей исследования было апробировать факт репрезентации (или её отсутствия) ценностей метамодернизма в проекте Метавселенной, оценить относительную степень их нарративного присутствия. Ценностям, транслируемым в документе явно, присвоен коэффициент 1, транслируемым латентно – коэффициент 0,5. Ценностям, нарративно не транслируемым, но реализуемым в принципах метавселенных, то есть воплощенным в технической, а не социальной плоскости, присвоен коэффициент 0,3. Ценностям, не нашедшим отражение в программных документах, присвоен коэффициент 0.

Полученные результаты показали, что программные документы, посвященные метавселенным, отражают ключевые аспекты метамодернистских ценностей, акцентируя внимание на создании безопасных пространств для человека, инновациях и инклюзивности в контексте управления социальными *VR*-пространствами. Эти ценности могут существенно повлиять на восприятие пользователей, участвуют в формировании социального образа Метавселенной. Внимания заслуживает распределение и степень выраженности, в какой эти ценности находят репрезентацию в проекте Метавселенной. Это понимание способно указать на точки роста и барьеры в создании и использовании метавселенных в современном обществе. На рисунке 1 представлен удельный вес выявленных ценностей в %, проиллю-

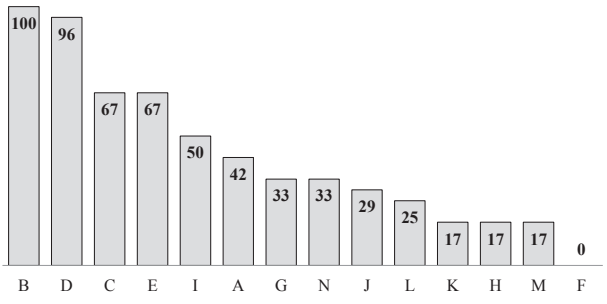


Рис. 1. Ценности метамодернизма в программных текстах Метавселенной, %

стрировано соотношение, в котором они представлены в проекте Метавселенной.

Ценность B «Совершенствование и себя, и внешней среды»: во всех рассмотренных источниках выражена явно. Подчеркивается необходимость постоянного совершенствования технологий искусственного интеллекта, дополненной и виртуальной реальности. Транслируется идея, что Метавселенная как следующая итерация интернета обладает потенциалом для фундаментальных изменений в социально-экономической среде и индивидуальном развитии [27; 28]. Речь идёт о совершенствовании пользовательского опыта и рабочих методик, внедрении иммерсивного обучения для углубления профессиональной подготовки [29; 30; 33], повышении эффективности и возможности развития персонала и организаций [17, 18, 22–24, 26]. Таким образом, развитие технологий совершенствует производственные процессы, способствует улучшению качества жизни [13] и индивидуальному развитию, как профессиональному, так и личностному, «обеспечивая более интуитивное взаимодействие с внешним миром» [23]. Использование цифровых идентичностей и обеспечение прозрачности способствуют совершенствованию обмена ценностями и авторством в интернете [15; 29; 30; 32; 33].

Ценность D «Ценность безопасного пространства для человека»: выражена преимущественно явно, транслируется в 96 % рассмотренных текстах. Безопасность данных и приватность рассматриваются как важнейшие элементы экосистемы Метавселенной [13; 25], ключевые условия её устойчивого роста [9]. Подчеркивается стремление к созданию безопасной среды для человека и его идентичности [15; 32], защиты людей, их права на конфиденциальность от угроз [12]. Рекомендации по созданию безопасной среды присутствуют также при обсуждении мер борьбы с буллингом и домогательствами [34].

Ценность C «Сбалансированное сочетание индивидуализма и общности, интровертного и экстравертного. Ценность сбалансированного соблюдения личных границ и социального соприсутствия, вовлеченности»: Транслируется во всех рассмотренных документах, но преимущественно латентно, в связи с чем её удельный вес составляет 67 %. Метавселенная позволяет пользователям выражать свою индивидуальность через аватары и контент, одновременно предлагая платформы для коллективного взаимодействия, социальной вовлеченности и социальных отношений [9; 19; 28]. Всесторонний подход к идентичности подразумевает учет индивидуальных потребностей и пожеланий пользователей, что способствует созданию уникальных, но совместимых с сообществом цифровых личностей [15; 32]. Учет прав и интересов различных пользователей понимается как основа индивидуального и коллективного благополучия [12]. При этом партнерские усилия множества заинтересованных сторон – пользователей метавселенных называются необходимым условием её развития [31]. Обсуждается баланс между необходимыми для создания и поддержки технологически развитой экосистемы индивидуальными усилиями и коллективными инновациями [10; 11].

Ценность E «Внимание к вопросу общности человеческого опыта вместо культа диверсификации»: транслируется практически во всех программных документах, но латентно, удельный вес 67 %.

Интероперабельность как один из ключевых принципов метавселенных подразумевает общность опыта для пользователей [16]. Интероперабельные миры сфокусированы прежде всего на практике единого опыта вместо диверсификации [9]. Значимое внимание уделяется совместной ответственности пользователей, подчеркивается значимость кооперации между владельцами платформ и создателями контента [34].

Поддержка различными приложениями цифровых идентичностей способствует укреплению глобальной связанности на основании общих ценностей [15; 32]. Предполагается, что потенциал метавселенных, который способен повысить доступ к образованию и здравоохранению на глобальном уровне, будет способствовать социальной интеграции [13].

Обсуждается создание коллективной экосистемы, эффективность которой зависит от учета международных стандартов и потребностей различных участников [10; 11]. Подчеркивается необходимость международного сотрудничества и выработки общих стандартов для решения проблем безопасности и конфиденциальности [12].

Ценность I «Ценность самоорганизации в противовес случайности и механистичности»: транслируется в большинстве программных документов, исключительно латентно, с учетом присвоенного коэффициента 0,5 можно сделать вывод об удельном присутствии в 50 % программных текстов. Значимость создания гибкой организационной структуры и механизмов управления для поддержки многофункциональных и междисциплинарных команд [10; 11]. Подразумевается необходимость внедрения систем, обеспечивающих пользователям контроль над их данными и идентичностями, что способствует самоорганизации индивидов в цифровой среде [12]. Использование прозрачных децентрализованных систем и более высокого уровня самоорганизации в метавселенных дает более эффективные решения вопросов безопасности, борьбы с правонарушениями [28; 30; 33]. Подчеркивается значимость инициатив всех заинтересованных сторон и свобода их участия [13; 23].

Ценность A «Сбалансированное удовлетворение духовных и чувственных потребностей»:

транслируется латентно, удельный вес присутствия в программных текстах – 42 %. Метавселенная предлагает возможности для создания новых форм взаимодействия, образовательного и творческого самовыражения, а также развлечений в цифровом пространстве, что потенциально может удовлетворить духовные и эмоциональные потребности пользователей [13; 17, 18, 22–24, 26]. Цифровые идентичности могут помочь в управлении как личными, так и профессиональными отношениями, что улучшает межличностные связи и содействует личностному развитию в цифровом мире [15; 32]. Предполагается, что создание безопасного и инклюзивного пространства будет поддерживать различные аспекты благополучия индивида, включая гармоничное духовное развитие [12].

Ценность G «Сбалансированное сочетание творчества и благополучия»: Выражено явно, присутствие в трети программных документов. Обсуждается, что развитие технологий открывает новые возможности для творчества и взаимодействия в виртуальных пространствах, что способно повысить уровень общего благополучия [9; 14]. Отмечается влияние технологий на рост креативной экономики [24].

Ценность N «Аффект, возможность испытать погружение, яркие эмоции»: транслируется явно в трети программных документов. Технологии, на которых строится проект Метавселенной, реализуют опыт погружения у пользователей [20; 28], создают условия для глубокого вовлечения, ярких эмоций [11].

Ценность J «Реконструкция и аутопойезис в противовес деконструкции и концу»: выражена исключительно латентно, удельный вес – 28 %. Обсуждается создание и поддержка безопасной и конструктивной социальной среды, что подразумевает элементы саморегуляции и самовосстановления [34]. Подчеркивается значение адаптации к открывшимся технологическим возможностям и вызовам, постоянное обновление и инновативность, переосмысление нового технологического опыта [31].

Ценность L «Преемственность опыта, возрождение исторического воображения»: в социальном фокусе не выражена, но принцип отрицания обнуления прошлого присутствует в технологии персистентности – непрерывной памяти, лежащей в основе проекта Метавселенной. Персистентность памяти обеспечивает надежную сохранность данных и необходима для реализации виртуальной идентичности. Упоминается в 86 % программных документах, но нарративно с историчностью её не связывают. Однако отсутствие нарративных связей обусловливает присвоение этой ценности коэффициента 0,3, удельный вес в общем спектре транслируемых ценностей – не более 25 %.

Ценность K «Флексибельность в противовес нигилизму и стабильности»: выражена латентно, удельный вес – 20 %. Адаптивность и гибкость технологий и платформ называются ключевыми свойствами Метавселенной [20]. В целях более гибкого реагирования на потребности пользователей технологии могут применяться интегративно [9].

Ценность H «Сбалансированное сочетание элементов модерна и постмодерна: ***прямоты и энтузиазма, снобизма и искренности, иронии и серьезности, интеллекта и наивности и других***»: выражена исключительно латентно, удельный вес – 17 %. Обсуждается баланс между структурированными стандартами и гибкими инновационными подходами. Затрагиваются как структурные изменения, характерные для модерна, так и гибкость и открытость, свойственные постмодернистскому подходу [9; 27; 28].

Ценность M «Новая искренность, стратегическая наивность»: выражена исключительно латентно, удельный вес – 17 %. Прозрачность и открытость в разработке стандартов и решений подчеркиваются во многих документах [21]. Акцент на прозрачность в процессе управления данными и личными активами может быть связан с попыткой оправдать доверие пользователей [9].

Ценность F «Сбалансированное сочетание гуманистических и натуроцентрических ценностей: эмпатичное, бережное отношение и к человеку, и к природе»: скорее не отражена. Хотя гуманистические аспекты обсуждаются через пользовательские взаимодействия и опыт, однако вопросы отношений с природой не акцентированы.

Выявленные ценности, транслируемые в проекте Метавселенной, участвуют в формировании её социального образа и могут быть использованы для уточнения возникающих социально-психологических драйверов и барьеров в его реализации.

Позитивные стороны: подавляющее большинство рассмотренных ценностей метамодернизма формируют у потенциального пользователя метавселенных ценностное предложение новых уникальных возможностей развития индивида (от личностных и коммуникативных до образовательных и профессиональных, дополнительные возможности самовыражения и творчества, положительное влияние на качество жизни) и общества (доступность здравоохранения, создание инклюзивной образовательной среды, совершенствование координации между правоохранительными органами, новые производственные возможности, устойчивое экономическое развитие).

Негативные стороны: ценность создания безопасного, предсказуемого пространства для человека и его развития артикулирована в 96 % программных документов, однако сомнения в безопасности продолжают оставаться крупнейшим социально-психологическим барьером в реализации проекта Метавселенных. Среди нерешенных социально окрашенных вопросов:

– проблема безопасности данных и риск, связанный с их избыточным сбором, недоверие к технологии блокчейн как к основе идентичностей,

– недоверие к новым технологиям в принципе, неопределенность в отношении будущего воздействия на общественные структуры,

– потенциальные сложности адаптации, усугубляемые высокой скоростью инноваций и сложностью технологий,

– риск углубления цифрового неравенства,

– потенциальные опасения относительно утраты социального взаимодействия в реальном мире и изменений в привычной модели взаимодействия с сообществом,

– потенциальная проблема зависимости от цифровых миров,

– неуверенность в устойчивости и реальности внедряемых инноваций,

– недостаточная информированность общественности о технологиях Метавселенной,

– недостаточность пользовательских навыков у сотрудников компаний для внедрения технологий,

– недостаток приватности, опасения по поводу нарушений личных границ: вторжения в личную жизнь и идентичность.

Если большинство указанных барьеров потенциально устраняется посредством технологических, информационно-просветительских мер, совершенствования системы кадровой подготовки персонала и повышения цифровой грамотности населения, то решение проблемы недостатка приватности и опасений вторжения в личную жизнь затруднительно найти в управленческой плоскости.

Обсуждаемые в глобальном обществе масштабные перспективы, связанные с разработкой проекта Метавселенной, объясняются во многом тем, что Метавселенная представляет собой открытый код – технологический и социальный. Она может быть создана приблизительно в той версии, в которой на неё сформирован запрос современного общества, способна предоставить ему расширенные возможности. Однако существует риск, что на данном этапе и в таком виде эта идея человечеству более не интересна.

Анализ репрезентации 14 метамодернистских ценностей в анализе программных документах, посвященных Метавселенной, позволил выделить три проблемные для реализации проекта ценности. Первые две транслируются в программных документах как крайне значимые (безопасное пространство для человека – 96 %, сбалансированное соблюдение социального соприсутствия и личных границ – 67 %), но эффективного решения их обеспечения для пользователей на сегодняшний день не выявлено. Пока в достаточной степени не удовлетворена первая, вторая воплощается также неудовлетворительно: смещение границ коммуникации (включая вход в коммуникативный акт и выход из него) будет восприниматься как угроза личному пространству, гипертрофируя эффект «соприсутствия» или «социального присутствия» [35], что создаёт следующий по масштабу значимый социально-психологический барьер в реализации проекта Метавселенной после безопасности.

Период пост-пандемии привел к повышенной ценности живого общения и личного участия, при этом Метавселенная предлагает гиперреальную версию такого взаимодействия: перспективу непрекращающегося (персистентность) общения, социального соприсутствия, синхронизации опыта с неограниченным количеством пользователей. Метавселенные обладают потенциалом перевода множества процессов в виртуальный мир [36, с. 42], что способно сократить нагрузку на производство и экологию. Однако оборотной стороной этого решения становится рост нагрузки на индивида. Третья ценность (*F* – эмпатичное, бережное отношение и к человеку, и к природе) в рассмотренных программных документах не транслируется, а значит, решение вопроса увеличенной нагрузки на человека, к которой способно привести реализация коммуникативных практик метавселенных, сегодня ещё дальше, чем проблемы безопасности и размытых границ коммуникации. Без обеспечения указанных ценностей и устранения выделенных социально-психологических барьеров у потенциальных пользователей реализация проекта Метавселенной в спрогнозированных ранее масштабах представляется крайне затруднительной.

Литература:

1. Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. N.Y., L., 2002. 232 p. https://doi.org/10.4324/9780203129876
2. Непомилуева М.А. 17 постпостмодернизмов: репрезентация социокультурной динамики в современных концепциях трансцендирования модерна // Теория и практика общественного развития. 2025 № 2. С. 80–87. https://doi.org/10.24158/tipor.2025.2.10

3. Аккер Р. ван ден. Метамодернизм. Историчность, аффект и Глубина после постмодернизма. М.: Изд-во Рипол-Классик, 2020. 342 с.
4. Games developers think the metaverse is bogus, survey shows / The Washington Post. January 19, 2023. URL: https://www.washingtonpost.com/video-games/2023/01/19/metaverse-blockchain-gdc-survey/
5. Орехова С.В., Евсеева М.В. Технологические системы в экономике: гетеродоксальный подход и институциональные основы // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12. № 4. С. 34–53.
6. Kraus S., Kanbach D.K., Krysta P.M., Steinhoff M.M., Tomini N. Facebook and the creation of the metaverse: Radical busi ness model innovation or incremental transformation? // International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research. 2022. Vol. 28 № 9. P. 52–77. DOI: 10.1108/IJEBR-12-2021-0984.
7. Сильнова Е.И. Социальный образ России в исторической динамике: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2013. 44 с.
8. Болл М. Метавселенная. Как она меняет наш мир. М.: Изд-во Альпина Паблишер, 2023. 362 с.
9. Demystifying the Consumer Metaverse. World Economic Forum. January 2023. URL: https://www.weforum.org/publications/demystifying-the-consumer-metaverse/
10. Exploring the Industrial Metaverse: A Roadmap to the Future. World Economic Forum. October 2023. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Industrial_Metaverse_2023.pdf
11. Metaverse Identity: Defining the Self in a Blended Reality. Insight report. World Economic Forum. March 2024. URL: https://www.weforum.org/publications/metaverse-identity-defining-the-self-in-a-blended-reality.
12. Metaverse Privacy and Safety. World Economic Forum. July 2023. URL: https://www.weforum.org/publications/privacy-and-safety-in-the-metaverse/
13. Social Implications of the Metaverse. World Economic Forum. July, 2023. URL: https://www.weforum.org/publications/social-implications-of-the-metaverse/
14. A Unique Opportunity to Support the Open Evolution of the Internet. Metaverse Standards Forum. Forum Overview. November 2024. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
15. Accessibility in the Metaverse. Working Group Document. Metaverse Standards Forum. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
16. Cooperation for an Interoperable Metaverse. Metaverse Japan Summit. February 2, 2023. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
17. International Cooperation for an Interoperable Metaverse. Metaverse Standards Forum. IEEE MetaCom, Kyoto, July 2023. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
18. International Cooperation for an Interoperable Metaverse. Metaverse Standards Forum. WAIC, Shanghai, July 2023. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
19. Metaverse Standards Forum 2024 Annual Report. January 6, 2025. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
20. Metaverse Standards Forum Update and Transition to an Independent Consortium. April 20, 2023. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
21. Metaverse Standards Forum Updates since MWS Launch Presentation 2022. July 5, 2023. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
22. Network Requirements and Capabilities to Support Metaverse Applications. Domain Working Group Charter. April 19, 2023. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
23. Overview Metaverse Standards Forum. 2023. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
24. Privacy, Cybersecurity & Identity (PCI). Domain Working Group Charter. August 23, 2023. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
25. Real/Virtual World Integration Domain Working Group Charter FINAL. Metaverse Standards Forum. February 8, 2023. URL: https://metaverse-standards.org/domain-groups/real-virtual-world-integration/
26. Volumetric Media Interoperability Working Group Charter. May 03, 2023. URL: https://metaverse-standards.org/presentations-videos/
27. McKinsey Technology Trends Outlook 2022. Immersive-reality technologies. McKinsey & Company. August 2022. URL: https://www.mckinsey.com/spContent/bespoke/tech-trends/pdfs/mckinsey-tech-trends-outlook-2022-immersive-reality.pdf
28. Value creation in the metaverse The real business of the virtual world. McKinsey & Company. June 2022. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/value-creation-in-the-metaverse
29. Metaverse. The European Union Blockchain Observatory & Forum. 2022. URL: https://www.unic.ac.cy/iff/wp-content/uploads/sites/5/2022/10/Metaverse_Report_Final_1.pdf
30. Metaverse A Law Enforcement Perspective. Use Cases, Crime, Forensics, Investigation, and Governance. White Paper. Interpol. January 2024. URL: https://newsletter.radensa.ru/wp-content/uploads/2024/01/Metaverse_A_Law_Enforcement_Perspective_2024_1706532448.pdf?ysclid=m7ol2kukib375818335.
31. Assembly Outcomes Report. Dubai Metaverse Assembly. September 2022. URL: https://www.dubaifuture.ae/insights/assembly-outcomes-report/
32. Cyber risks, threats, and harms in the metaverse. International Telecommunication Union. Focus Group on metaverse. December 2023. URL: https://www.itu.int/pub/T-FG-MV-2023-10

33. In the Metaverse. Report. International Trademark Association. 2023. URL: https://www.inta.org/perspectives/inta-research/trademarks-in-the-metaverse-white-paper/
34. Meta Community Forum: report. Deliberative Democracy Lab at Stanford University, housed within the Center on Democracy. June 22, 2023. URL: https://fsi.stanford.edu/publication/metaverse-community-forum-results-analysis.
35. Zhao S. Toward a taxonomy of comference // Presence Teleoperators&Virtual Environments. 2002. Vol. 12. № 5. P. 445–455. https://doi.org/10.1162/10547460332276126
36. Орехова С.В., Плахин А.Е. Метавселенные: переход к новой бизнес-модели или образ будущего? // Управленец, 2023. Т. 14. № 2. С. 35–46.

Representation of Metamodernism Values at the Metaverse Project: Analysis of Socio-Psychological Barriers

Nepomilueva M.A.
St. Petersburg State University

The Metaverse technological system is considered as a social phenomenon, the growth of popularity of which occurred during the maturation of the zoomer generation. Based on a heterodox approach to the mutual influence of social behavior and the development of technological systems, a hypothesis is put forward about additional, non-technological barriers to the implementation of the Metaverse project. These barriers are of a socio-psychological nature and are reflected in its social image, which includes values. A narrative analysis of program documents devoted to the metaverse has been carried out to represent the key values of metamodernism as the most stable concept of global socio-cultural change. Among the transmitted and missing values, problematic ones have been identified, which have the greatest crisis potential in the implementation of the Metaverse project.

Keywords: metamodernism, value system, Metaverse, rendering, persistence, interoperability, social image, social presence

УДК 316.35
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-328-335

Аксиологемы российского рэпа 2000-х гг. (на примере социологического исследования альбома Баста 1)



Равочкин Н.Н.
Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета им. В.Н. Полецкова (Кемерово)



Кравченко С.Н.
Доктор технических наук, доцент, профессор кафедры агроинженерии Кузбасского государственного аграрного университета им. В.Н. Полецкова (Кемерово)



Санкина О. В.
Кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой агроинженерии Кузбасского государственного аграрного университета им. В.Н. Полецкова (Кемерово)

Актуальность исследования обусловлена популярностью рэп-музыки в культурном пространстве российского общества и перманентным увеличением в XXI в. целевой аудитории не только среди представителей подростков и молодежи, но и благодаря другим возрастным группам. Учитывая сущностные характеристики, транслируемые рэп-музыкой аксиологемы представляют исследовательский интерес по причине их неоднородности и контрастности. Цель исследования заключается в изучении воздействия аксиологем рэп-музыки на конституирование жизненных миров и поведение молодых людей. В качестве материала исследования был выбран дебютный альбом российского рэпера Басты «Баста 1». Прослежена эволюция имплементации аксиологических конструктов рэп-исполнителей в российское социокультурное пространство. Осуществлен содержательный анализ первого альбома Басты. На основе обобщения результатов имеющихся данных авторами выделены и интерпретированы аксиологемы, которые представлены в анализируемых песнях. Научная новизна проведенного исследования определяется авторской репрезентации ценностей и их связью с жизненными мирами и поведением представителей различных социальных групп россиян в начале XXI в.

Ключевые слова: *ценности, рэп-музыка, лексика, эмоции, мир, культура, общество*

***Для цитирования**: Равочкин Н.Н., Кравченко С.Н., Санкина О.В. Аксиологемы российского рэпа 2000-х гг. (на примере социологического исследования альбома Баста 1) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 328–335. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-328-335.*

Анализ того, как музыка и музыкальные предпочтения влияют на формирование идентичности и самовосприятие у молодежи на протяжении большого временного периода, остается важной задачей для научных исследований. Музыка, по своей сути, является «формой развлечения и символического представления, а также средством проверки социальных институтов и ритуальных практик» [1, с. 43]. Музыка выступает своеобразным средством идентификации, самоидентификации личности, определяет систему ценностей, которые обусловливают выбор поведенческих стратегий личности.

В современных условиях роль музыкального дискурса значительно усиливается, ведь в эпоху цифровизации люди с самого рождения сталкиваются с огромным потоком информации, оказываясь в центре музыкальной среды. Это музыкальное пространство постепенно становится неотъемлемой частью повседневной жизни человека, влияя на формирование его мировосприятия: «В наши дни тотальной информатизации и бесконечных инноваций в области технологий музыка стала постоянным фоном жизненного процесса молодежи – достаточно провести простое наблюдение в общественных местах, в общественном транспорте, в любом социальном пространстве, чтобы убедиться в том, что практически любой подросток или молодой человек использует наушники и слушает музыку на мобильном телефоне» [2, с. 257].

Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к изучению влияния музыки на формирование системы ценностей, эмоций, мотивацию, установки, поведение личности. При этом, как правило, рассматриваемая музыка остается на периферии научного внимания, но именно рэп сегодня все чаще привлекает внимание молодых людей, пользуется особой популярностью в молодежной среде, что позволяет предположить, что именно рэп-музыка оказывает наибольшее влияние на мировоззрение и поведение молодых людей. Формируется противоречие между ростом научного внимания к изучению музыкального дискурса, особенностей его влияния на формирование системы ценностей молодых людей и недостаточной изученностью рэп-музыки, ее аксиологем, их воздействия на формирование мировосприятия и поведение личности. Разрешение указанного противоречия обусловливает актуальность выбранной темы исследования.

Рост популярности нового музыкального направления в значительной степени был вызван стремительным вирусным распространением различных молодежных субкультур, в основе которых лежала идея протеста – будь то социального, расового, политического или гендерного характера. Часто протестные настроения не были напрямую связаны с конкретными социокультурными или политическими факторами, а полагались на принцип «протест ради протеста» [3, с. 61]. Эти настроения вызвали потребность в новых формах самовыражения, способных бросить концептуальный и эстетический вызов установленным культурным паттернам. Под влиянием протестных настроений сформировались многочисленные характеристики рэп-культуры, среди которых обращают на себя внимание антимодернизм, маскулинность, антифеминизм [4, с. 70].

В Россию рэп был завезен в 80-х гг. прошлого столетия. Изначально он представлял собой малозаметное явление по причине низкого качества текстов, примитивности их содержания и слабой техники исполнения, а также существенных различий социально-политических реалий родины рэпа и страны его заимствования. Как отмечают исследователи, первые российские рэп-исполнители «не затрагивали в своём творчестве сколько-нибудь серьёзных тем, их работы имели преимущественно юмористический характер, а выступления – откровенно развлекательный окрас, основой которых служил популярный тогда брейк-данс» [5, с. 111].

Кардинально ситуация изменилась лишь после 2000 г., когда стало возможным говорить о русском рэпе как самостоятельном культурном явлении [3, с. 61]. Становление музыкального направления ученые связывают с именами Басты, Гуфа, Оксимирона, групп *Bad Balance*, Кирпичи и др. В это время стало очевидным, что рэп – это не просто синтез языка улицы и «низовой» тематики, но «серьезная поэзия, исследующая средствами искусства историю, картину мира, самосознание человека, живущего на сломе эпох и говорящего на русском языке» [3, с. 63].

Широкое распространение, популярность рэп-музыки может также объясняться особенностями целевой аудитории. Основной аудиторией рэпа являются «неповзрослевшие подростки», которые откладывают «принятие серьезных решений. Получают одно образование за другим, путешествуют, живут без штампа в паспорте» [6, с. 89]. Такие люди, как правило, имеют целый комплекс неразрешенных психологических проблем. В первую очередь здесь трудности, сопряженные с самоопределением в жизни, поиск и формулирование собственного Я, смыслов бытия, преодоление неконструктивных способов проявления агрессии [7].

К отличительным характеристикам рэпа относят следующие:

1. Множественное функционирование обсценной лексики [8, с. 130];

2. Плюрализм англоязычных терминов, в результате чего человеку, «не владеющему рэп-сленгом, понять рэп-тексты довольно сложно, а понять досконально невозможно в принципе» [3, с. 62];

3. Самобытность музыкального направления;

4. Высокая интертекстуальность дискурса [3, с. 62].

Как было указано ранее, целью исследования выступает изучение особенностей влияния рэп-музыки на поведение молодых людей. В качестве материала для исследования были выбраны произведения Басты, который является одним из ведущих рэперов современной России, особую популярность его произведения получили в 2000–2010 гг., творчество продолжает привлекать внимание молодежи. Мы остановили свой выбор на композициях альбома Баста 1 (2006), который стал дебютным для исполнителя, привлек внимание широкой общественности и критиков.

В качестве основных методов исследования композиций были выбраны следующие (см. табл. 1).

На начальном этапе исследования был проведен контент-анализ композиций Басты из указанного альбома, выявлены наиболее многочисленные лексические единицы (топ-10). Результаты исследования представлены в таблице 2.

Анализ наиболее употребляемых лексических единиц в первой проанализированной композиции Басты позволяет сделать вывод, что чаще всего исполнитель обращается к следующим единицам:

1) **навсегда** (*Раз и навсегда, раз и* ***навсегда****, здесь только мои* ***мысли****, здесь только ты и я*) – т.е. «на все время, на всю жизнь» [9, с. 569], обращение к концепту времени направлено на отражение стабильности, верности. Концепт «время» является одним из ключевых для рэп-дискурса. Важно подчеркнуть, что рэп-культура приобрела широкую популярность в 2000–2010 гг., после радикальных изменений всех аспектов жизнедеятельности, с которыми столкнулась Россия в конце прошлого столетия, что могло привести к общественному запросу на стабильность, поступательное, эволюционное, а не революционное развитие российского общества и государства. Соответственно, одной из ведущих цен-

Таблица 1

Диагностический инструментарий исследования

Метод	Цель
Контент-анализ	Количественный анализ, выявление наиболее частотных лексем, формирующих семантическое ядро композиции
Когнитивное картирование	Выявление взаимосвязей между смысловыми узлами, их визуализация
Фоносемантический анализ (ФС)	Выявление восприятия, оценивания смысловых узлов

Таблица 2

Ценности рэп-композиций Басты

Лексема	Кол-во	Частота, %	Результаты ФС анализа
Раз и навсегда			
навсегда	33	6,95	Производит впечатление чего-то мужественного
мысль	16	3,37	Производит впечатление чего-то холодного, медлительного, медленного, пассивного
много	11	2,32	Производит впечатление чего-то мужественного, холодного, могучего, большого
твой	8	1,66	Производит впечатление чего-то холодного, большого, твердого
бог	3	0,63	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого, быстрого, темного
все	3	0,63	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, темного
вода	2	0,42	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, твёрдого, быстрого
давно	2	0,42	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого, быстрого
забыть	2	0,42	Производит впечатление чего-то быстрого
находиться	2	0,42	Не обладает фоносемантическими характеристиками
Гонки			
мотор	10	1,82	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого
скорость	9	1,64	Производит впечатление чего-то мягкого
адреналин	8	1,45	Производит впечатление чего-то большого, сильного, твёрдого, быстрого, темного
газ	8	1,45	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого
все	7	1,27	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, темного
резина	7	1,27	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого, быстрого
рычать	7	1,27	Не обладает фоносемантическими характеристиками
вперед	6	1,09	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого, быстрого
дымить	6	1,09	Не обладает фоносемантическими характеристиками
кровь	6	1,09	Производит впечатление чего-то быстрого

Продолжение таблицы 2

Лексема	Кол-во	Частота, %	Результаты ФС анализа
Мама			
мама	18	5,13	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого
ввысь	8	2,28	Производит впечатление чего-то твёрдого
драма	8	2,28	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого
душа	8	2,28	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого, быстрого
нестись	8	2,28	Производит впечатление чего-то твёрдого
сколько	8	2,28	Производит впечатление чего-то мягкого
стоит	8	2,28	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного
все	6	1,71	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, темного
простить	5	1,42	Не обладает фоносемантическими характеристиками
верить	3	0,85	Не обладает фоносемантическими характеристиками
Скит			
кровь	5	1,49	Производит впечатление чего-то шероховатого, угловатого, подвижного
война	4	1,19	Производит впечатление чего-то величественного, мужественного, сильного, громкого, могучего, подвижного, активного
бог	3	0,90	Производит впечатление чего-то величественного, грубого, мужественного, холодного, сильного, громкого, храброго, могучего, большого, подвижного, быстрого, активного, яркого
земля	3	0,90	Производит впечатление чего-то шероховатого, злого, темного, тяжелого, грубого, горячего, храброго, могучего, большого
вспышка	2	0,60	Производит впечатление чего-то страшного, мужественного, тусклого
вставать	2	0,60	Производит впечатление чего-то величественного, мужественного, могучего
герой	2	0,60	Производит впечатление чего-то плохого, безопасного, угловатого, низменного, горячего, маленького, быстрого, яркого
небо	2	0,60	Производит впечатление чего-то красивого
перейти	2	0,60	Производит впечатление чего-то доброго, низменного, нежного, женственного, слабого, тихого, трусливого, хилого, маленького, маленького, подвижного, быстрого, тусклого, печального
прямо	2	0,60	Производит впечатление чего-то быстрого

ностей российского рэпа становится стабильность, верность, преданность выбранному делу, близким людям и т.д. Кроме того, результаты фоносемантического анализа позволяют сделать вывод, что в сознании россиян лексема «навсегда» ассоциируется с мужественностью, что также отражает особенности российского рэп-дискурса, отличительной характеристикой которого является выраженная, подчеркнутая маскулинность;

2) **мысль** – 1) то же, что мышление; 2) то, что появилось в результате размышлений, идея; 3) то, что заполняет сознание; 4) убеждения, взгляды. Особенности мышления, эмоциональные состояния – все это, как правило, находится в центре внимания композиций, а концепт «человек» является одним из основных в рэп-культуре. Само мышление, способность мыслить самостоятельно, иметь собственное мнение воспринимается как проявление свободы, творчества, независимости личности, выступает одной из основных ценностей рэп-культуры. Кроме того, обращение к мышлению, интеллекту отражает нацеленность российского рэп-дискурса современности на повышение интертекстуальности, углубление философской подоплеки произведений. Отдельно хотелось бы отметить, что отмечается противоречие между восприятием мысли, мышления в рэп-культуре современности и в сознании россиян. В частности, результаты фоносемантического анализа позволяют сделать вывод, что на протяжении столетий в сознании россиян мысль ассоциировалась с чем-то холодным, пассивным, т.е. обладает преимущественно негативной оценочностью. Длительное время в России в большей степени культивировалось эмоциональное, чувственное познание мира, а мысль и чувства составляли своеобразную оппозицию. В рэп-дискурсе мысль, разум, интеллект представлены как аксиологема, ценность, которая определяет поведение личности, формирует избранность исполнителя и его целевой аудитории. Отдельно следует подчеркнуть, что избранность была заимствована русским рэп-дискурсом из американского [10, с. 3];

3) **много** (***Много*** *знакомых лиц,* ***много*** *красивых слов, среди моих друзей немерено врагов*) – 1) в большом количестве достаточное количество чего-либо; 2) не больше, чем; 3) в сравнительной степени: гораздо, значительно [9, с. 543]. Указанная лексема может быть отнесена к концепту «количество», на ассоциативном уровне взаимосвязана с мужественностью, чем-то холодным, могучим, большим. Обращение к лексеме отражает нацеленность рэп-дискурса на повышение маскулинности.

Отдельно следует отметить, что результаты фонсемантического анализа позволяют сделать вывод о преобладании лексем, которые вызывают ассоциации с чем-то холодным, часто мужественным, сильным, величественным, что говорит о выраженной маскулинности рэп-дискурса. Исключение составляет глагол «забыть», который вызывает ассоциации со скоростью, быстротой, скоротечностью. Соответственно, в рамках одного дискурса формируется оппозиция между статичным временем, постоянством, стабильностью и скоротечностью времени и человеческой жизни, сам концепт «время» приобретает особую значимость в рэп-дискурсе.

Во второй композиции наиболее употребительными лексемами являются следующие:

1) **мотор** (*Рычит **мотор**/ Всем кто на колесах*) – двигатель [9, с. 556]. Слово связано с движением, с перемещением в пространстве. В целом можно сделать вывод, что концепт движения, наряду с концептами «человек», «время», является одним из основных в рэп-дискурсе: «определяются концепты воинственности и борьбы в рэпдискурсе, концепты преступника, концепты образности, заключающиеся в движении и превосходстве автора над другими людьми» [10, с. 15];

2) **скорость** (*Моя стихия **скорость**, в крови **адреналин***) – степень быстроты движения какого-либо действия [9, с. 1081]. Указанное понятие тесно связано с представленным выше, отражает нацеленность дискурса на отражение динамики движения, преобразования собственной жизни и мира в целом;

3) **адреналин** – «гормон мозгового вещества надпочечников, повышающий обмен веществ в организме и жизненную энергию» [9, с. 35]. Традиционно в песенном дискурсе упоминания адреналина направлено на отражение эмоционального состояния возбуждения, окрыления. В данном случае указанное состояние связано со скоростью, движением, преобразованием. Исполнитель демонстрирует собственную смелость, готовность рискнуть собственной жизнью для достижения поставленных целей. В целом можно сделать вывод, что в центре внимания рэп-культуры – человек, его эмоциональные состояния, особенности мышления, мировосприятия, характер взаимодействий с окружающими, перемещения в пространстве.

Результаты фоносемантического анализа позволяют сделать вывод о преобладании лексики, которая вызывает ассоциации с чем-то холодным, сильным, быстрым. Исключение составляет слово «скорость».

Анализ следующей композиции позволяет выявить следующие наиболее употребительные лексемы:

1) **мама** (*Я знаю, знаешь, **мама**, я знаю веришь, **мама**, ты верила и веришь в меня*) – 1) женщина по отношению к ее детям [9, с. 522]. Тема семьи, матери часто поднимается рэп-исполнителями. Как правило, исполнители используют номинации членов семьи с положительными оценками. В целом можно сделать вывод, что рэп-культура культивирует традиционные, прежде всего семейные ценности;

2) **ввысь** (*Скажи мне, **мама**, сколько стоит моя жизнь, моя жизнь – это **драма**, моя душа несется **ввысь***) – вверх, на большую высоту. Слово связано с движением, причем движением вверх. Человеческое мышление диалектично, в его основе оппозиции добра и зла, черного – белого, верха – низа, причем традиционно верх ассоциируется с добром, достижениями, низ – с утратами, потерями. Рэп-дискурс культивирует ценности самостоятельности, инициативности, разума, при этом в России он не является музыкой бедных. Наоборот, многие композиции отражают стремление исполнителя (и его целевой аудитории) к успеху, к повышению уровня материального состояния. Иными словами, в тексте композиции слово используется как в своем прямом смысле для номинации движения вверх, так и в переносном – для отражения стремления личности к повышению социального статуса, материального благополучия;

3) **драма** – 1) литературное произведение в диалогической форме с серьезным сюжетом для исполнения на сцене; 2) перен. тяжелое событие, переживание, причиняющее нравственные страдания [9, с. 277–278]. В композиции слово употреблено в переносном значении, для отображения сложностей, с которым сталкивает лирический герой.

Результаты фоносемантического анализа позволяют сделать вывод о преобладании лексем, вызывающих ассоциации с чем-то сильным, холодным, большим. Исключение составляет слово «сколько».

Как было указано ранее, рэп-культура протестна по своей сути, политизирована, затрагивает острые социальные, политические проблемы, что особенно ярко прослеживается в семантическом ядре композиции «Скит (внутренний боец)». Основными ключевыми словами дискурса являются следующие:

1) **кровь** (*Упрямо, прямо,/ **Кровь** как из крана*) – «обращающаяся в организме красная жидкость, обеспечивающая питание и обмен веществ всех клеток тела» [9, с. 468]. Тема насилия, противодействия социальной несправедливости, борьбы и войны является одной из основных, что приводит к использованию подобных лексических единиц. Исполнитель стремится акцентировать внимание слушателей на цене борьбы и протеста, подчеркнуть собственную жертвенность, избранность, готовность отдать жизнь за собственные идеалы и убеждения;

2) **война** (*Кто ведет **войны**, / Кто посылает воинов*) – 1) вооруженная борьба между государствами; 2) о борьбе, враждебных отношениям с кем-либо [9, с. 151]. В анализируемой композиции лексема употреблена в своем втором значении, для номинации противодействия, борьбы против «системы». Куль-

тивируются ценности борьбы, противодействия социальной несправедливости, активного преобразования мира;

3) **бог** (*Солдат смотрит в небо/ Но не видит **Бога)*** – в религии: верховное существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ [9, с. 92]. Хотелось бы отметить, что обращение к системе религиозных верований носит в рэп-дискурсе противоречивый характер. Как отмечают исследователи, рэперы неоднократно обращаются к религиозным мотивам: «В российском рэпе мы можем обнаружить такие религиозные темы, как богоискательство, антиклерикализм, критику религии как института, филиппики против отдельных его представителей, предчувствие грядущего апокалипсиса, выражающее общее ощущение надвигающейся катастрофы» [5, с. 110]. Т.е. религиозные темы пронизывают рэп-дискурс, вера выступает одной из его ценностей. При этом рэп – символ протеста, он не предполагает смирения, покорности, которые выступают традиционными ценностями православья. Возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, рэп воспринимает религию, веру как аксиологему, с другой – отрицает традиционные православные ценности. Более того, если протестные настроения характерны для рэп-музыки на протяжении длительного времени, «но тенденцией последних лет являются антиклерикальные высказывания, поскольку Русская православная церковь воспринимается многими артистами как часть государственного аппарата и поэтому несёт ответственность за происходящее в стране» [5, с. 112]. Иными словами, уважение к вере сочетается в композициях рэп-музыкантов с недоверием к церкви. Акцент смещается на самого человека, который представлен как активный, деятельностный, инициативный «строитель» своей судьбы.

Примечательно, что религиозная тематика в рэп-культуре во многом отражает особенности исторического развития государства. Как было выявлено ранее, рэп проник в Россию в 80-х гг. прошлого столетия, т.е. в атеистическое государство. Проблематика религии тогда не поднималась. Однако уже в 2010-х гг. религиозные и мифологические образы стали регулярно встречаться в рэп-текстах, но и тогда они не являлись основной темой. По мере роста популярности рэпа во многих странах сформировалось отдельное его направление – религиозный рэп как «полноценная индустрия со своими лейблами, магазинами, фестивалями и т.п., целью которой является проповедь и евангелизация населения» [5, с. 112].

Соответственно, наиболее употребительными единицами в творчестве Басты являются следующие (см. табл. 3).

Анализ наиболее употребительных лексем позволяет сделать вывод о высокой ценности, значимости восприятия: 1) стабильности времени, его неизменности; 2) семейных взаимодействий, отношений; 3) интеллекта, рассудка, умения мыслить, анализировать, критически осмысливать информацию.

Преобладают лексические единицы, которые вызывают ассоциации с чем-то сильным, мужественным, холодным, твердым, т.е. позволяют повысить маскулинность наррации. В графическом виде результаты фоносемантического анализа представлены на рисунке 1.

В целом, подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что рэп-дискурс представляет собой уникальное самобытное явление современной российской музыкальной культуры. В основании явления – протест, который может носить глобальный характер, не быть вызванными отдельными политическими, социальными, культурными факторами или их совокупностью. В основании рэпа



Рис. 1. Результаты фоносемантического анализа композиций Басты

Таблица 3

Ценности рэп-композиций Басты (Топ-10)

Лексема	Кол-во	Частота, %	Результаты ФС анализа
навсегда	33	6,95	Производит впечатление чего-то мужественного
мама	18	5,13	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого
мысль	16	3,37	Производит впечатление чего-то холодного, медлительного, медленного, пассивного
много	11	2,32	Производит впечатление чего-то мужественного, холодного, могучего, большого
ввысь	8	2,28	Производит впечатление чего-то твёрдого
драма	8	2,28	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого
душа	8	2,28	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного, твёрдого, быстрого
нестись	8	2,28	Производит впечатление чего-то твёрдого
сколько	8	2,28	Производит впечатление чего-то мягкого
стоит	8	2,28	Производит впечатление чего-то холодного, большого, сильного

лежит протест, который может не иметь объективно существующих причин. Отличительными характеристиками современного российского рэп-дискурса являются острая социальная направленность, политизированность, множественное функционирование нецензурной лексики, высокая интертекстуальность, выраженная маскулинность, множественные англоязычные заимствования [7].

Анализ композиций первого альбома Басты позволяет выделить следующие ценности рэп-дискурса:

1. Разум, интеллект, мышление – исполнители позиционируют себя как думающих, разумных людей, соответственно, можно предположить, что под влиянием рэп-культуры молодые люди стремятся к повышению уровня информированности. При этом, как правило, молодежь не доверяет официальным источникам, представителям органов власти, стремится к поиску альтернативной информации, что может приводить к нежелательным последствиям;

2. Эмоции, чувства: в рэп-композициях современности представлен весь спектр эмоций, как конструктивные, положительные, так и негативные. Как правило, позитивные эмоции связаны с ощущением свободы, отсутствия ограничений, со стремлением к преобразованию действительности. Негативные – обусловлены социальной несправедливостью, характерно восприятие жизни как драмы, как сложного процесса.

3. Движение, преобразование, свобода – как правило, рэп-исполнители стремятся к устранению выявленных социальных недостатков, несправедливости. Постоянное движение, преобразование, свобода и отсутствие любых ограничений рассматриваются как экзистенциальные ценности, формирующие сам смысл жизни. Под влиянием рэп-культуры формируется самостоятельность и инициативность молодых людей, стремление делать мир лучше, принимать участие в просоциальных движениях, объединениях, принимать на себя ответственность. Необходимо добавить, что в отдельных случаях в рамках рэп-дискурса затрагиваются вопросы насилия, более того, оно может рассматриваться как инструмент восстановления социальной справедливости.

4. Взаимодействия с близкими, родными: в структуру концепта «человек» как основного в рэп-дискурсе включены взаимодействия с окружающими. Проведенный анализ позволяет выявить противоречия в восприятии окружающих. Многие рэп-композиции в той или иной степени затрагивают тему семьи и близких людей. Чаще всего родные, близкие представлены в позитивном ключе, используются слова с положительной оценочностью, преобладают слова с выраженной позитивной оценкой (мама, мамочка). При этом рэп-дискурс политизирован, причем существующие социокультурные реальности чаще всего вызывают критику со стороны рэп-исполнителей. В целом можно сделать вывод, что рэп-культура культивирует семейные ценности, однако семья исключается из всего общества, не воспринимается его неотъемлемой частью.

5. Вера, религия: вера воспринимается как ценность, как регулятор поведения личности. В то же время рэп-культура не принимает ценностей смирения, покорности, критически воспринимает роль церкви. Соответственно, уважение к системе религиозных верований сочетается с недоверием к церкви, которая часто рассматриваться как неотъемлемая часть государственного аппарата.

Отдельно следует подчеркнуть, что в текстах рэп-исполнителей часто используются местоимения (твой, ваш), направленные на создание ощущения общности, единства с целевой аудитории. Подобная практика позволяет подчеркнуть избранность исполнителя и его слушателей. Кроме того, достаточно часто в текстах представлена оппозиция «все – один», отражающая протестный характер произведений, стремление к саморепрезентации себя как «нового» человека, противостоящего толпе, человека, обладающего собственным мнением и умением его выражать, отстаивать.

Иными словами, рэп-дискурс мотивирует молодых людей на проявление инициативности, самостоятельности, противодействие социальной несправедливости, активное преобразование мира. Ключевые ценности, к которым апеллирует Баста в своем дебютном альбоме – это смысл бытия человека, взаимодействие с обществом, концепты свободы, избранности, основанной на высоком уровне развития мышления, культивируют ценности свободы, инициативы, активного преобразования мира, устранения социальной несправедливости.

Литература:

1. Connell J., Gibson Ch. Soundtracks: popular music, identity and place. London: Routledge, 2003. 320 p.
2. Шапинская Е.Н. Музыка как фактор формирования эстетических вкусов и этических ценностей в молодежных субкультурах // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 253–260.

3. Завалишин А.Ю., Костюрина Н.Ю. Русская рэп-культура: специфика научного анализа // Журнал интегративных исследований культуры. 2020. Т. 2. № 1. С. 60–68.
4. Ткачук Д.В. Факторы формирования и функционирования музыкально-художественных вкусов современной российской молодежи: дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2020. 306 с.
5. Поляков Н.С. «Мой рэп – это молитвы, только с бритвою во рту»: религиозные темы в российском рэпе // Религиеведение. 2019. № 3. С. 110–116.
6. Гришина Е.А. Русский рэп как саморефлексия поколения // Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 3. С. 86–96.
7. Равочкин Н.Н., Боганков М.Д. Аксиологемы рэпа в контексте культуры современного российского общества // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 106. № 5. С. 39–43.
8. Лассан Э. Рэп-баттлы как культурный и лингвокультурный феномен // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 129–143.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: Мир и Образование, 2019. 1376 с.
10. Богданов А.В. Лингвокультурные характеристики афроамериканского реп-дискурса: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 23 с.

Axiologemes of Russian Rap of the 2000-s (Based on the Study of the Album Basta 1)

Ravochkin N.N.
Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev,
Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov (Kemerovo)
Kravchenko S.N., Sankina O.V.
Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov (Kemerovo)

The relevance of the study is due to the popularity of rap music in the cultural space of Russian society and the permanent increase in the 21st century of the target audience not only among teenagers and young people, but also due to other age groups. Taking into account the essential characteristics, the axiologemes broadcast by rap music are of research interest due to their heterogeneity and contrast. The purpose of the study is to study the impact of rap music axiologemes on the constitution of life worlds and behavior of young people. The debut album of the Russian rapper Basta "Basta 1" was chosen as the research material. The evolution of the implementation of axiological constructs of rap performers in the Russian socio-cultural space is traced. A substantive analysis of Basta's first album is carried out. Based on the generalization of the results of the available data, the authors identified and interpreted the axiologemes that are presented in the analyzed songs. The scientific novelty of the conducted research is determined by the author's representation of values and their connection with the life worlds and behavior of representatives of various social groups of Russians at the beginning of the 21st century.

Key words: values, rap music, vocabulary, emotions, world, culture, society

УДК 316.354:351/354
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-336-342

Геймификация для повышения мотивации персонала: российский опыт



Романцева Е.Е.
Соискатель Российского университета
дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва)

Изучение особенностей и способов применения геймификационных методов для стимулирования персонала на материале практик отечественных компаний представляется актуальным, с одной стороны, в связи с возросшим интересом управленцев к применению нематериальных методов стимулирования персонала, с другой, в связи с недостаточной изученностью данной темы в отечественной науке. Так, в отечественном научном дискурсе удалось найти лишь небольшое число научных статей) [1–3], еще меньше изучен отечественный опыт внедрения таких методов. Цель исследования – изучить особенности и способы применения геймификационных методов для стимулирования персонала на материале практик отечественных компаний. Научная новизна работы заключается в изучении геймификации в системе методов мотивации персонала (определяется место геймификации в данной системе), в сопоставлении теорий мотивации (в частности, теорий мотивации труда) и геймификационных методов, что позволяет дополнить учение о системе мотивации персонала с учетом современных геймификационных практик и подтверждает научную значимость исследования. Практическая значимость работы заключается в выявлении наиболее успешных отечественных геймификационных практик для мотивации работников и факторов применения таких практик, что позволит использовать информацию о выявленных факторах для внедрения геймификации в систему управления персоналом в разных типах предприятий. Основные результаты исследования заключаются в следующих выводах: геймификация является эффективным мотивационным методом с точки зрения разных теорий мотивации, поскольку различные игровые методики опосредуют как внешнюю, так и внутреннюю мотивацию; геймификация включает в себя различные типы стимулирования, как материальные, так и нематериальные; к наиболее эффективным факторам внедрения геймификационных методов можно отнести факторы игрового опыта.

Ключевые слова: *мотивация персонала, теории мотивации, стимулирование персонала, нематериальные методы стимулирования, геймификация*

Для цитирования: *Романцева Е.Е. Геймификация для повышения мотивации персонала: российский опыт // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 336–342. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-336-342.*

Эффективность деятельности компании зависит как от внешнесредовых, так и от внутренних факторов, к ключевым из которых относится эффективность деятельности работников, основанная в том числе на их мотивации к такой деятельности, которая, по мнению Дж.Е. Хантера и др. [4], способна поднять производительность мотивированного персонала на 19 % в общем и на 48 % для высокоспе-

циализированных работ. В этой связи современные управленцы стремятся к повышению мотивации работников посредством разнообразных способов стимулирования персонала [5]. С развитием теорий мотивации и одновременным усложнением системы корпоративных взаимоотношений и корпоративной культуры руководители ищут новые методы стимулирования работников, в частности, методы нематериального стимулирования [6]. В этой связи возрастает интерес к геймификации как инструменту стимулирования, способному повысить интерес к труду в контексте создания игровой конкурентной и одновременно экологичной среды, снизить факторы выгорания, улучшить внутрикорпоративные отношения [2]. В этом плане важным представляется изучение практик внедрения геймификации в отечественной бизнес-среде, выявление факторов эффективности такого внедрения. При этом в качестве основы для практического анализа необходимым представляется осуществить теоретическое исследование для выявления сущности геймификации как инструмента повышения мотивации персонала и ее места в системе таких инструментов.

1. Геймификация как инструмент повышения мотивации персонала: теоретические основы. Геймификацию в научных исследованиях [7], как правило, понимают в двух ключевых аспектах: инструментальном (то есть как совокупность инструментов игрового характера, применяемых вне игрового контексте) [8] и информационном (как процесс дизайна информационных систем) [9]. В свете целей данного исследования геймификация будет рассматриваться сквозь призму первого подхода, предложенного впервые Н. Пеллингом в 2002 г. [10]. В рамках концепций данного направления механики игрового характера направлены на установление взаимодействия между «игрой и играющими» (процессом деятельности и его участниками) в интерактивном формате с целью фокусировки пользовательского внимания на деятельности для повышения эффективности. При этом игровые элементы (баллы, таблицы рейтинга) и механики (система опросов, система хэштегов) могут быть разнообразными [7], но ключевой характеристикой их должны оставаться: а) способность создавать ощущение игрового опыта и полноты перцепции процесса игры (*gamefulness*) (подход С. Детеринга и др.) [8]. Согласно подходу К. Вербаха, ключевую роль в определении геймификации играют особенности именно пользовательского опыта в контексте невозможности создать исчерпывающий перечень игровых механик и элементов: так, у пользователя должно остаться особое впечатление игрового опыта в рамках «потребления услуги» [11].

В рамках западной науки был разработан ряд систем показателей для измерения уровня игрового опыта [12]. В качестве показателей, рассматривались, в частности: вовлеченность (погружение в среду); связь эмоционального характера (эмоции от игры и чувство принадлежности к игровому миру); состояние потока (полная сосредоточенность на игре и баланс между способностями игрока и сложностью заданий); удовлетворение; эстетическое наслаждение; социальное взаимодействие; постановка целей (удовлетворение от достижения целей и стремление ставить новые игровые цели).

При этом в контексте недостаточной разграниченности геймификации и полноценного игрового опыта в научном дискурсе в современном бизнесе геймификация зачастую реализуется через создание полноценных игр-репрезентантов конкретного бренда [13]. Внедрение механик геймификации в бизнес началось в 2010-е гг., причем как для вовлечения потребителей, так и для повышения мотивации сотрудников [2].

Термин «мотивация» происходит от латинского «*movere*» (движение), мотивация – это сила и направление поведения, а также факторы, которые влияют на поведение людей определенным образом [14]. Как указывает Дж.Р. Арнольд, мотивация структурно состоит из направления (цели деятельности), усилия и постоянства, при этом выделяют интернальные и экстернальные мотивационные факторы (побуждение к действию) [15; 16].

При этом относительно содержательного наполнения системы таких факторов единое мнение в научной среде отсутствует – с античных времен до наших дней было сформировано множество теорий мотивации. Так, согласно античным концепциям гедонизма, рассматриваемым как первые теории мотивации и развитым впоследствии Дж. Локком и Дж. Бентамом в XVII – XVIII вв., человек стремится к удовольствию и избегает боли [17]. В XX в. появилось несколько крупных школ мотивации труда, а именно: инструментализм, содержательная теория (теория потребностей), процессная теория (теория ожиданий) [14]. В рамках инструментальной теории, предложенной Ф.В. Тэйлором в 1911 г., мотивация рассматривается как система стимулов к деятельности, связанная с наградой и наказанием, которые должны быть напрямую связаны с показателями результативности деятельности, при этом наиболее эффективным считалось материальное стимулирование в виде повышения оплаты труда [18]. Геймификация как метод повышения мотивации предполагает «участие в игре» за награды, которые могут предполагать премирование или продвижение по службе и более высокую оплату труда, что согласуется с данной теорией мотивации.

Ученые – приверженцы содержательных теорий мотивации (например, А. Маслоу, К. Альдерфер, Д. Макклиланд, Ф. Херцберг и др.) [19–22], разрабатываемых в 1950–1960 гг., рассматривали внутренние факторы мотивации в связи с потребностями

человека. По Маслоу, мотивация основывается на поиске равновесия через удовлетворение потребностей, иерархически сгруппированных (от низших, физиологических, до высших – социальных, психологических), нуждающихся в постоянном удовлетворении при условии невозможности полностью удовлетворить потребность в самореализации (в контексте ее развития с развитием личности), которая всегда остается движущей силой мотивации. Аналогичную теорию с трехчленной системой потребностей (экзистенциальных, потребностей связи, роста) вне строгой иерархии предложил К. Альдерфер. По Д. Макклиланду, также предложившему трехступенчатую модель, потребность в достижении, связанная с конкурентным успехом, является доминирующей, за ней следуют потребность в принадлежности и потребность во власти. Согласно двухфакторной модели Ф. Херцберга, внутренними факторами мотивации к работе можно назвать потребность в достижениях, интерес к работе и возможности карьерного роста, внешним – «гигиену» труда, выраженную в условиях работы и оплате труда (при этом внешние факторы рассматривались не как факторы удовлетворенности, но как способ избежать неудовлетворенности). Геймификация основывается на разнообразных потребностях работника, которые можно сопоставить с факторами игрового опыта: прежде всего в достижениях и соревновательности (фактор потока), потребностях в интересе (фактор вовлеченности), в аффилированности и принадлежности (фактор вовлеченности, фактор социального взаимодействия) и т.д.

К ключевым процессным теориям можно отнести: а) теорию подкрепления, связанную с концепцией «оперантного обуславливания» – понимание связи между поведением и последствиями, когда позитивное подкрепление провоцирует аналогичное поведение в будущем, а негативное – снижает вероятность возникновения такого поведения [23]; б) теория ожиданий, согласно которой работник остается мотивированным, если наверняка знает, что получит награду, и награда будет стоить затраченных усилий [24]; в) теория целей, согласно которой ключевую роль играет постановка конкретных целей трудовой деятельности и их достижение с получением «фидбэка» относительно результатов [16]; г) теория социального обучения, объединяющая теорию подкрепления и теорию ожиданий [25]. Геймификация предполагает позитивное подкрепление в виде награды за успех в игровом процессе, которую индивид правомерно ожидает (фактор удовлетворенности), при этом в игровых процессах, особенно с цифровой составляющей, негативное подкрепление также бывает выражено, в том числе визуально. Также геймификация зачастую позволяет более четко устанавливать и визуализировать цели в работе и трудовом обучении (фактор целеполагания).

Таким образом, геймификация выступает эффективным инструментом мотивации в контексте ее сопоставления с мотивационными факторами в рамках различных теорий. При этом место геймификационных механик в системе стимулов к труду можно определить следующим образом:

1. Нематериальное стимулирование: а) публичные вознаграждения: как правило, в рамках данного вида осуществляется присвоение почетных званий («работник месяца»), вынесение публичных благодарностей (в контексте игровых элементов этот вид стимулирования сопоставим с игровыми рейтингами, игровыми рангами, лигами) [26]; б) социальное поощрение: в стандартных формах социальное поощрение может выражаться в поздравлениях с праздниками, в чествовании в связи с личными достижениями работника (в рамках игровых элементов с этим способом стимулирования соотносятся неформальные похвалы работника за достижения в рамках игрового процесса) [27]; в) обратная связь: в качества фактора стимулирования может выступать обратная связь со стороны работодателя или коллег относительно результатов и процесса работы (в рамках игровых процессов в качестве обратной связи могут рассматриваться непосредственно результаты игры, а также «фидбэк» от команд конкурентов); г) предоставление возможностей для развития и карьерного роста: компания может поощрять работников бесплатными обучениями, стажировками, способствовать подготовке на руководящие должности (в рамках геймфикации результаты соревнований между командами работников могут лечь в основу повышений или отбора для направления на бесплатное обучение).

2. Материальное стимулирование: а) должностной оклад: в зависимости от результатов игровых процессов работник может претендовать на повышение должностного оклада [5]; б) премирование и бонусы: также и премирование может быть использовано в качестве награды за результаты игры [28]; в) подарки: результаты игры могут быть отмечены неденежным, но материальным стимулированием в виде подарков различного уровня ценности.

Таким образом, геймифиикация предполагает использование разнообразных методов стимулирования в зависимости от применяемых игровых элементов. В этой связи представляется необходимым проанализировать на практических примерах, применение каких элементов и соответствующих методов стимулирования будет наиболее эффективным.

2. Российский опыт применения геймификации. Обзор кейсов применения методов геймификации.

А) Система бейджей работников сети «Фотострана» (2013): элемент геймификации заключался в выдаче виртуальных значков работникам, отличившимся тем или иным образом (перевыполнение

плана, презентация новой идеи). Результативность методики исследовалась опросом о вовлеченности работников, которая спустя год выросла на 22 %. Данный элемент относился к методам нематериального стимулирования и был направлен на внутренние факторы мотивации [2].

Б) Игра «Walk the talk» от Tele2 (2015): работники компании были разделены на региональные команды и соревновались за получение игровой валюты, которую можно было обменять на призы. Задачей команд было самостоятельное выявление и решение проблем пользователей до момента обращения в службу поддержки. В данном случае был использован метод материального стимулирования, при этом «потоковость» игры поддерживалась концепцией «борьбы против инопланетян». По заявлению компании, проблемы пользователей начали решаться эффективнее и решаемость повысилась до 90 % [2].

В) Игра «Yota Star wars» от Yota (2015): приуроченная к выходу новой части фильма «Звездные войны» игра предполагала деление работников на две команды (республика и империя) по отделам: фактически в игровом процессе была задействована команда «Республики» – работники розничных точек, которые должны были выполнять план продаж и проходить обучение с последующим тестированием для набора баллов, которые можно было потратить на выстрел из «лазера» по «Империи» – отделу планирования продаж. Так, компания использовала нематериальные формы игрового стимулирования. Уровень обученности сотрудников вырос почти на 100 %, уровень обслуживания – почти на 90 % [2].

Г) Корпоративный университет «Сбербанка»: онлайн-среда с элементами геймификации: в 2012 г. Сбербанк создал для сотрудников институт корпоративного обучения, а позднее – онлайн-платформу для взаимодействия в рамках обучения с игровыми элементами. В рамках 280 образовательных программ обучались более 30 тыс. чел. Элементы геймификации, например, рейтинги и награды позволили увеличить число активных пользователей платформы на 50 % [29].

Д) Ozon: компания внедрила систему наград-бейджей виртуального характера для повышения мотивации работников. Награды-благодарности или награды-звания (рис. 1) в виртуальном формате вручаются за особые успехи в работе, запуски новой продукции, участие в программах образовательного характера. Так, компания использовала виртуальный аналог нематериальных способов стимулирования [30].



Рис. 1. «Ачивки» Ozon [30]

Е) Альфа-Банк: игра «Мир малого бизнеса» (2019): компания создала брендированную игру для работников отделов сопровождения малого и микробизнеса для предотвращения падения показателей обученности сотрудников данных отделов по мере возрастания срока их работы в компании (чем дольше был стаж работника в компании, тем меньше он проходил обучений), кроме того, с помощью игры планировалась адаптация и обучение новых сотрудников, а также повышение общих бизнес-показателей. Игровая механика заключалась в ежедневном сражении команд в лучшем знании продуктов компании, при этом, результаты отражались в ежедневных рейтинговых таблицах. Также использовалась механика создания и прокачки персонажа по показателям силы, здоровья, защиты, работникам предлагались разные квесты (рис. 2). За игровые успехи работники получали ценные призы в разной форме, например, ужин с руководством компании. Так, банк использовал разнообразные игровые механики, создав при этом уникальную платформу, обеспечивающую максимально эффективное погружение в игровой процесс, а также разнообразные методы стимулирования, в том числе материальные. В результате плановые показатели работы вовлеченных сотрудников выросли на 25 %, уровень обученности работников – почти на 40 %. Уровень текучести кадров в отношении активных участников игры был снижен на 30 % [31].

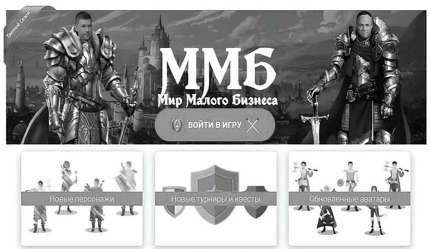


Рис. 2. «Мир малого бизнеса» от Альфа-банка [31]

Несмотря на то что многие компании, внедрявшие элементы геймификации в управление персоналом, обнародовали показатели, улучшившиеся после этого, сопоставить эти показатели не представляется возможным в силу их разнородности, а потому актуальным представляется проанализировать деятельность компаний по одинаковым показателям. Если сравнивать показатели обученности кадров (сопоставимые данные, обнародованные разными компаниями) в результате внедрения геймификации, то можно получить следующие данные: Сбербанк – 13 % (30 000 чел. вовлеченных в корпоративное обучение из 233 396 тыс. работников), Альфа-банк – 40 %, Yota – около 100 %.

Можно сделать вывод, что геймификация значительным образом влияет на обученность кадров, чем лучше показатели уровня игрового опыта: так, Альфа-банк по сравнению со Сбербанком, внедрявшим отдельные элементы геймификации, представил полноценную площадку с разнообразными игровыми механиками (развитие персонажа, квест дня и т.д.), что обусловило фактор потоковости, предоставил возможность объединяться в команды, что создало фактор связи эмоционального характера и социального взаимодействия. Также платформа была оформлена в стилистике онлайн-игры, что сформировало фактор эстетического наслаждения. Ценные призы – фактор постановки целей. Аналогичные механизмы использовала Yota, при этом Yota использовала такой значимый фактор мотивации, как фактор конкурентного успеха (по Макклиланду), предложив работникам бороться против отдела планирования, а также все те же факторы, что и Альфа-банк.

Таким образом, мы выявили следующее: наиболее эффективным является использование множества игровых механик в совокупности для реализации максимально возможного числа факторов игрового опыта. При этом внедрение отдельных игровых механик (рейтинговых таблиц, системы «ачивок») также дает определенные результаты, но не показывает такой эффективности. В качестве наиболее значимых факторов игрового опыта можно выделить: фактор вовлеченности и потока (деятельность должна восприниматься работником как полноценная игра), чему может способствовать и фактор эстетического наслаждения (использование игровой стилистики онлайн-площадки). Также крайне значимым являются факторы социального взаимодействия и эмоциональной связи в совокупности с таким мотивационным фактором, как конкурентная борьба: так, объединение в команды и борьба против других команд – широко используемый метод геймификации, который также показал наибольшую эффективность. Также немалую роль играет фактор постановки целей, сопряженный с материальными методами стимулирования (материальные награды за наилучшие игровые показатели).

Геймификация – эффективный инструмент повышения мотивации персонала с точки зрения всех теорий мотивации труда: предполагает «участие в игре» за награды, которые могут предполагать премирование или продвижение по службе и более высокую оплату труда, что согласуется с инструментальной теорией; геймификация основывается на разнообразных потребностях работника (что согласуется с содержательными теориями мотивации), которые можно также сопоставить с факторами игрового опыта: прежде всего в достижениях и соревновательности (фактор потока), потребностях в интересе (фактор вовлеченности), в аффилированности и принадлежности (фактор вовлеченности, фактор социального взаимодействия) и т.д.; геймификация предполагает позитивное подкрепление в виде ожидаемой награды за успех (фактор удовлетворенности), позволяет более четко устанавливать и визуализировать цели (фактор целеполагания) (что согласуется с процессными теориями мотивации). При этом геймфиикация предполагает использование разнообразных методов стимулирования в зависимости от применяемых игровых элементов, как материальных, так и нематериальных.

Наиболее эффективным является использование множества игровых механик в совокупности для реализации максимально возможного числа факторов игрового опыта. При этом внедрение отдельных игровых механик также дает определенные результаты, но не показывает такой эффективности.

В качестве наиболее значимых факторов игрового опыта можно выделить: фактор вовлеченности и потока, фактор эстетического, факторы социального взаимодействия и эмоциональной связи в совокупности с таким мотивационным фактором, как конкурентная борьба, фактор постановки целей, сопряженный с материальными методами стимулирования.

Литература:

1. Белоусова А.Е. Геймификация как инструмент мотивации персонала: case Uniqlo // The 2th International Conference on Digitalization of (DSEME-2019). 2019. С. 8–15.

2. Горшков Н.А., Лысенко Е.В. Геймификация как инструмент повышения мотивации сотрудников: лучшие практики российских и зарубежных компаний // Весенние дни науки: сб. докладов Межд. конф. студентов и молодых ученых. Екатеринбург: УрФУ, 2022. с. 1008–1012.
3. Козина Е.С., Марченко Е.В., Посметный Д.О. Геймификация как инструмент мотивирования и стимулирования персонала современных компаний // Вестник СГУПС. Гуманитарные исследования. 2022. № 1(12). С. 48–55.
4. Hunter J., Schmidt F., Judiesch M., Individual differences in output variability as a function of job complexity // Journal of Applied Psychology. 1990. № 75 (1). P. 28–42.
5. Базаров Т.Ю. Управление персоналом. М.: Наука, 2015. 402 с.
6. Глухов В.В. Основы менеджмента М.: Наука, 2015. 311 с.
7. Муравская С.А., Смирнова М.М. Геймификация: подходы к определению и основные направления исследований в менеджменте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2019. Т. 18. Вып. 4. С. 510–531.
8. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From game design elements to gamefulness: Defining gamification. Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments. New York: ACM, 2011. P. 9–15.
9. Hamari J., Koivisto J. Why do people use gamification services//International Journal of Information Management. 2015. № 35 (4). P. 419–431.
10. Панфилова А.П., Киселева Л.С. Инновационный менеджмент в управлении человеческими ресурсами: учеб. для вузов. М.: Юрайт, 2021. 313 с.
11. Werbach K. (Re)defining gamification: A process approach // Spagnolli L., Chittaro L. Gam-berini (eds.). International Conference on Persuasive Technology. Cham: Springer, 2011. P. 266–272.
12. Eppmann R., Bekk M., Klein K. Gameful experience in gamification: Construction and validation of a Gameful Experience Scale [GAMEX] // Journal of Interactive Marketing. 2018. № 43 (C). P. 98–115.
13. Alsawaier R.S. The effect of gamification on motivation and engagement // International Journal of Information and Learning Technology. 2018. № 35 (1). P. 56–79.
14. Armstrong M. Armstrong's Handbook Human Resource Management Practice. London: Ashford Colour press Ltd, 2013. 440 p.
15. Arnold J., Robertson I.T., Cooper C.L. Work Psychology. London: Pitman, 1991. 66 p.
16. Latham G., Locke E. Goal setting – a motivational technique that works // Organizational Dynamics. 1979. № 4. P. 68–80.
17. Steers R., Mowday R., Shapiro D. Call for papers: the future of work motivation theory // Academy of Management Review. 2004. № 29 (3). P. 379–387.
18. Taylor F. Principles of Scientific Management. New York: Norton, 1967. 155 p.
19. Maslow A. Motivation and Personality. New York: Harper & Row, 1954. 411 p.
20. Alderfer C.P. Existence, relatedness, and growth: Human needs in organizational settings // The Free Press google schola. 1972. T. 2. P. 1–39.
21. McClelland D. The Achieving Society. New York: Van Nostrand, 1961. 552 p.
22. Hogberg J., Hamari J., Wastlund E. Gameful Experience Questionnaire (GAMEFULQUEST): An instrument for measuring the perceived gamefulness of system use // User Modeling and User-Adapted Interaction. 2019. № 29 (3). P. 619–660.
23. Thorndike E. Animal Intelligence. New York: Macmillan, 1911. 324 p.
24. Porter L., Lawler E. E Managerial Attitudes and Performance. Homewood: IL, Irwin-Dorsey, 1968. 209 p.
25. Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs: NJ, Prentice-Hall, 1977. 24 p.
26. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Дело, 2013. 109 с.
27. Бердников А. Система стимулирования труда менеджеров коммерческих организаций: диагностика состояния и пути совершенствования // Кадровик. 2013. № 9. С. 3–5.
28. Виниченко М.В. Совершенствование мотивации персонала в банковской сфере России в условиях экономического кризиса // Социальная политика и социология. 2013. № 5. С. 97–106.
29. RBC Trends. URL: rbc.ru (дата обращения: 10.12.2024).
30. Геймификация в HR. Как повысить мотивацию сотрудников с помощью игровых механик. URL: https://simtechdev.ru/blog/geymifikatsiya-personala (дата обращения: 10.12.2024).
31. Мир малого бизнеса – не просто игра. URL: https://m.vk.com/@headhunter-mmb (дата обращения: 10.12.2024).

Gamification for Increasing Personnel Motivation: Russian Experience

Romantseva E.E.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The study of the features and methods of applying gamification methods to motivate personnel based on the practices of domestic companies seems relevant, on the one hand, due to the increased interest of managers in the use of non-material methods of motivating personnel, and on the other hand, due to the insufficient study of this topic in domestic science. Thus, in the domestic scientific discourse it was possible to find only a small number of scientific articles), [1–3] the domestic experience of implementing such methods is even less studied. The purpose of the study is to study the features and methods of applying gamification methods to motivate personnel based on the practices of domestic companies. The scientific novelty of the work lies in the study of gamification in the system of personnel motivation methods (the place of gamification in this system is determined), in the comparison of theories of motivation (in particular, theories of labor motivation) and gamification methods, which allows to supplement the doctrine of the personnel motivation system considering modern gamification practices and confirms the scientific significance of the study. The practical significance of the work lies in identifying the most successful domestic gamification practices for motivating employees and the factors of applying such practices, which will allow using information on the identified factors to implement gamification in the personnel management system in different types of enterprises. The main results of the study are as follows: gamification is an effective motivational method from the point of view of different theories of motivation, since various gaming techniques mediate both external and internal motivation; gamification includes various types of incentives, both material and non-material; the most effective factors in the implementation of gamification methods include factors of gaming experience.

Key words: personnel motivation, motivation theories, personnel incentives, non-material incentive methods, gamification

УДК 378:005.336.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-343-347

Статистический анализ уровня успеваемости студентов аграрного вуза



Рябова Н.Н.
Кандидат биологических наук, доцент кафедры экономики и права
Томского сельскохозяйственного института –
филиала Новосибирского государственного аграрного университета



Бутова О.В.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
Луганского государственного педагогического университета

Важнейшим критерием эффективности образовательной организации является рост целевых показателей. Одним из таких показателей является качество подготовки обучаемых. Актуальность темы исследования связана с тем, что в новых условиях развития современного образования востребованы вопросы изучения управления качеством образования на основе интегральных оценок. Целью статьи является статистический анализ уровня успеваемости студентов Томского сельскохозяйственного института.

Научная значимость исследования заключается в разработке алгоритмического подхода к мониторингу качества успеваемости обучающихся на основе проведенного многомерного анализа. Практическая роль работы состоит в том, что материалы наблюдений могут быть использованы для оценки результативности образовательной организации в системе высшего образования, а также могут служить основой управления вузом и его образовательной средой.

Ключевые слова: *аграрное образование, качество образования, Томская область, успеваемость, статистический анализ, интегральный показатель, коэффициент детерминации*

Для цитирования: *Рябова Н.Н., Бутова О.В. Статистический анализ уровня успеваемости студентов аграрного вуза // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 343–347. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-343-347.*

Одной из стратегических областей, обеспечивающей национальную безопасность нашей страны, является образование. По уровню образовательной подготовки молодого поколения в той или иной мере можно судить о конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобализации. В эпоху модернизации проблематика, связанная с повышением качества образования, до сих пор остаётся актуальной, несмотря на многочисленность исследований в данном вопросе. В отечественной литературе существует множество подходов к рассмотрению понятия «качества образования». Так, В.П. Беспалько [1] рассматривает качество образования как комплексную характеристику, где главным показателем является качество знаний, определяемое совокупностью разделенных и независимых параметров. В.П. Панасюк [2] определяет качество образования с точки зрения совокупности свойств образования,

обуславливающей его приспособленность к реализации социальных целей по формированию и развитию личности в аспектах её обученности, воспитанности, выраженности ее в социальных, психических и физических свойств. Л.П. Безуглова [3] считает, что под качеством образования в обобщенном смысле следует понимать интегральную характеристику образовательного процесса и его результатов, выражающую меру их соответствия распространенным в обществе представлениям о том, каким должен быть образовательный процесс и каким целям он должен служить.

Разносторонний подход к дефиниции «качества образования» определил потребность выработки единого смысла, который нашел отражение в Федеральном законе от 29.12.2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации». В соответствии с п. 29 ст. 2 данного Закона [4], под качеством образования понимается комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы.

В настоящее время о качестве образования можно судить на разных иерархических уровнях: международном, региональном уровне, на уровне муниципалитета и на уровне образовательной организации. Важнейшим и неотъемлемым компонентом оценки качества образования является оценка результатов обучения. Оценивание результатов обучения может быть дифференцированным и комплексным. В традиционной системе обучения на промежуточных этапах обучения преобладают дифференцированные оценки, в то время как по завершению обучения важной является комплексная и/или интегральная оценка. В контексте темы нашего исследования целью является статистический анализ качества высшего аграрного образования на уровне филиала ФГБОУ ВО «Новосибирский ГАУ» – Томского сельскохозяйственного института.

Предлагаемый в данной статье подход к интегральной оценке качества успеваемости для оценки управления качеством образования можно рассматривать как одно из решений задачи многомерной статистической классификации параметров или признаков, их характеризующих, при наличии оценочных критериев или классификаций качества.

Интегральная оценка в классическом представлении предполагает наличие сводных разнородных или поликритериальных данных, на основании которых ведется расчёт с учетом их вклада в общую оценку.

Для многокритериальной оценки качества требуется небольшое число репрезентативных критериев, иначе можно столкнуться с проблемой несравнимости получаемых данных оценок. Оценивание должно опираться на классификацию оценки качества знаний, считаем наиболее целесообразным взять в качестве базы самую известную систему учета кредитов – Европейскую систему перевода и накопления баллов (*ECTS*), так как российская система учета кредитов построена на основе европейской. Несмотря на то что Россия отказалась от Болонской системы в 2022 г., эта система актуальна и сейчас и до сих пор используется. Система включает шесть классов качества, которые условно названы: 1 – отлично, 2 – очень хорошо, 3 – хорошо, 4 – удовлетворительно, 5 – достаточно, 6 – недостаточно. Согласно данной системе, исходная классификация для оценки интегрального показателя качества успеваемости (далее – ИПКУ) представлена в таблице 1.

Материалом исследования послужили данные отчетов учебно-методической работы кафедр Томского сельскохозяйственного института по направлениям: «Агроинженерия», «Агрономия», «Биология», «Ветеринария», «Зоотехния», «Технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции» (далее – ТППСХП) за период с 2010 по 2023 гг. В качестве входных критериев использовались следующие показатели: $X1$ – количество студентов всех форм обучения, поступивших в начале обучения; $X2$ – количество студентов всех форм обучения, прошедших курс обучения; $X3$ – средний балл диплома, вычисленный как средневзвешенный показатель (количество отличников + количество хорошистов + количество троечников) / общее число выпускников (табл. 2).

По результатам определения интегрального показателя качества успеваемости по исследуемым сельскохозяйственным направлениям (рис. 1) можно выделить, что наибольшие значения ИПКУ в диапазоне от 4,10 до 4,17, что соответствует хорошему уровню качества успеваемости, наблюдаются у направлений «Агрономия» и «Биология», худшие показатели демонстрируют направления «Агроинженерия» и «Ветеринария». Причём в 2015 году наблюдалось критически низкое значение – 0,64 (значение не попадает даже в нижние границы шка-

Таблица 1

Классификация оценки интегрального показателя качества успеваемости

Уровень	Отличный I	Очень хороший II	Хороший III	Удовлетворительный IV	Достаточный V	Недостаточный VI
ИПКУ	5,0-4,8	4,7-4,5	4,4-3,5	3,4-2,5	2,4-2,0	1,9-1,0

Таблица 2

Динамика показателей по исследуемым направлениям подготовки за период 2010–2024 гг.

Код направления подготовки	Показатель	ГОДЫ обучения по программе												
		2010-2014	2011-2015	2012-2016	2013-2017	2014-2018	2015-2019	2016-2020	2017-2021	2018-2022	2019-2023	2020-2024	2021-2025	2022-2026
35.03.06	*X1*	65	49	45	57	46	59	62	58	62	53	73	73	80
	X2	42	30	26	29	21	11	28	43	38	39	47		
	X3	3,8	3,7	3,1	3,5	3,8	3,5	3,9	4,5	4,1	4	3,9		
35.03.04	*X1*	50	47	40	37	22	17	16	25	40	40	53	64	53
	X2	35	40	40	28	16	9	9	24	30	28	30		
	X3	4,6	4,4	4,1	3,9	4,3	3,9	3,8	3,7	3,7	3,9	4,1		
06.03.01	*X1*	44	38	38	51	41	69	28	7	30	22	-	-	-
	X2	34	23	17	26	18	65	23	7	30	22	-	-	-
	X3	4,2	4,3	3,9	3,7	3,8	4,3	4,2	4	3,9	4,2	-	-	-
36.05.01	*X1*	77	73	65	74	69	76	67	88	83	88	93	112	110
	X2	61	50	38	41	37	33	39	40	53	48	49		
	X3	3,4	3,7	3,2	4,2	4,1	3,9	3,8	3,2	3,6	3,8	3,8		
36.03.02	*X1*	31	28	35	31	49	53	52	65	62	55	74	69	63
	X2	23	20	12	14	32	28	38	32	34	30	41		
	X3	4,3	4,4	3,2	3,3	4,1	3,7	4,3	3,6	3,2	4,2	3,9		
35.03.07	*X1*	77	66	57	72	80	91	66	69	53	49	65	67	71
	X2	51	35	32	49	47	56	47	46	49	32	46		
	X3	4,0	3,2	3,9	4,2	3,8	3,7	4,1	4,3	3,9	3,8	4,2		

лы) у направления «Агроинженерия», т.к. из поступивших в начале обучения 59 чел. к выпуску были готовы лишь 11 чел. Причины оттока студентов различные: отчисление по собственному желанию, финансовая задолженность за обучение (для доли студентов на платной основе), академическая неуспеваемость, неявка на промежуточные и итоговые сессии.

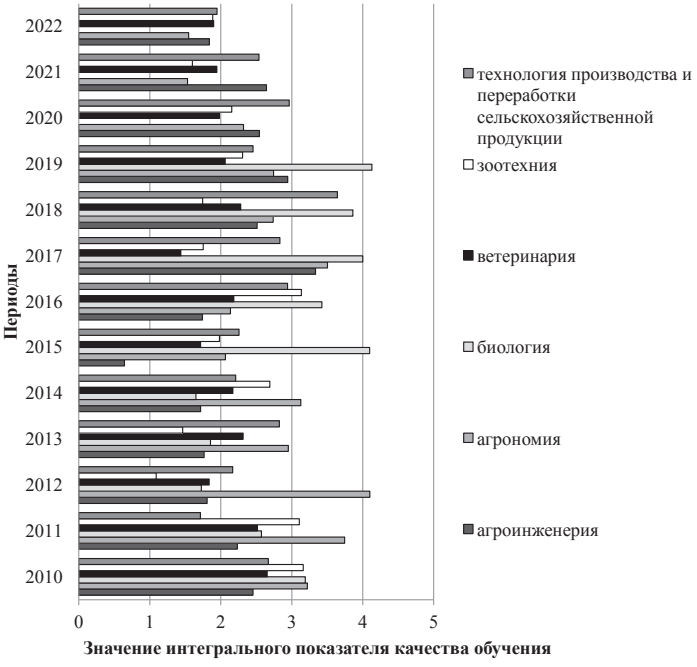


Рис. 1. Распределение данных интегральной оценки качества успеваемости за период 2010–2022 гг. по исследуемым направлениям подготовки

Для динамического ряда с целью исключения влияния случайных факторов и с целью прогнозирования использовался метод скользящего среднего для сглаживания, в частности, его разновидность – простое сглаживание. Также была исследована зависимость интегрального показателя качества успеваемости за период 2010–2023 гг. (табл. 3).

Сложный характер динамики изменений показателя за анализируемый период времени подтверждается значениями коэффициента детерминации: по направлению «Биология» – это полином от 2 степени ($R^2 = 0,67$) и линейная зависимость по направлению «Агрономия» ($R^2 = 0,69$), что выше всех остальных значений. Коэффициент детерминации указывает на то, значение какой доли наблюдений обусловлено влиянием внутренних причин. Иными словами, в нашем контексте качество обучения для направлений «Биология», «Агрономия», «ТППСХП», «Зоотехния» в среднем на 64 % зависит от внутренней работы института, а для направлений «Ветеринария», «Агроинженерия» – лишь на 27 и 22 % соответственно, остальная часть – воздействие других причин. Подобный характер зависимости и достаточные значения коэффициента детерминации позволяют спрогнозировать величину ожидаемого показателя интегрального показателя для набора студентов, осуществленного в 2021 г., чей срок обучения заканчивается в 2025 г., предположительно, согласно нашему исследованию, он должен составить не менее чем 2,86, что соответствует удовлетворительному уровню.

С целью выяснения и оценки воздействия факторов, как внутренних, так и внешних, влияющих на качество успеваемости в вузе, было проведено анкетирование, в котором приняли участие 126 студентов 2–4 курсов различной формы обучения. Респондентам были предоставлены как го-

Таблица 3

Уравнения зависимости интегрального показателя качества успеваемости относительно параметра Дата (год набора обучения)

Направление подготовки	Уравнение зависимости	Значение коэффициента детерминации (R^2)
Агрономия	$Y = 0{,}0431x^2 - 0{,}1704x + 2{,}47$	$R^2 = 0{,}69$
Биология	$Y = -0{,}159x + 3{,}8127$	$R^2 = 0{,}67$
Агроинженерия	$Y = -0{,}02x^2 + 0{,}31x + 1{,}63$	$R^2 = 0{,}68$
Зоотехния	$Y = -0{,}045x + 2{,}42$	$R^2 = 0{,}61$
Ветеринария	$Y = 0{,}0096x^2 - 0{,}1611x + 2{,}59$	$R^2 = 0{,}63$
ТППСХП	$Y = 0{,}012x^2 - 0{,}0734x + 2{,}017$	$R^2 = 0{,}61$

товые варианты, так и возможность дополнить предлагаемый в анкете перечень параметров. Результаты опроса студентов (рис. 2) позволили сделать следующие выводы, что наиболее сильное влияние на качество обучения оказывают такие причины, как недостаточный уровень подготовленности поступающих абитуриентов, несовершенный уровень материально-технической базы и экономическая ситуация в стране. Последний указанный фактор действительно отрицательно сказался на образовательном процессе: студенты в условиях высокого темпа инфляции занимались вопросами улучшения своего материального положения посредством вторичной занятости, поэтому на учёбу не хватало ни времени, ни энергии.

С мнением 30 % опрошенных обучающихся по поводу индикатора недостаточного уровня подготовленности абитуриентов согласны большинство преподавателей, которые отмечают тенденцию ухудшения качества подготовки выпускников школ. Эту проблему связывают с влиянием дефицита педагогических кадров и с тем, что наиболее сильные воспитанники школ, как правило, выбирают преимущественно востребованные и престижные профессии, к коим, согласно последним исследованиям [5; 6], не относятся аграрные специальности. По поводу мнения респондентов относительно слабой материально-технической базы института можно отметить, что эта проблема в целом характерна для небольших вузов и филиалов университетов, расположенных в малых и средних городах. И решать эту проблему собственными силами провинциальному институту крайне сложно.

Таким образом, приведенный в данной работе алгоритм исследования интегрального показателя качества успеваемости позволяет использовать его для объективной оценки результативности подготовки обучаемых, а также для модернизации современной системы менеджмента качества. Опираясь на тенденцию в динамике интегральной оценки и её прогноза, предпочтительно в дальнейшем планировать и принимать превентивные меры по повышению эффективности деятельности образовательного учреждения. Координирование интересов всех участников образовательного процесса должно стать фундаментом продуктивного обеспечения качества образования для каждого вуза.

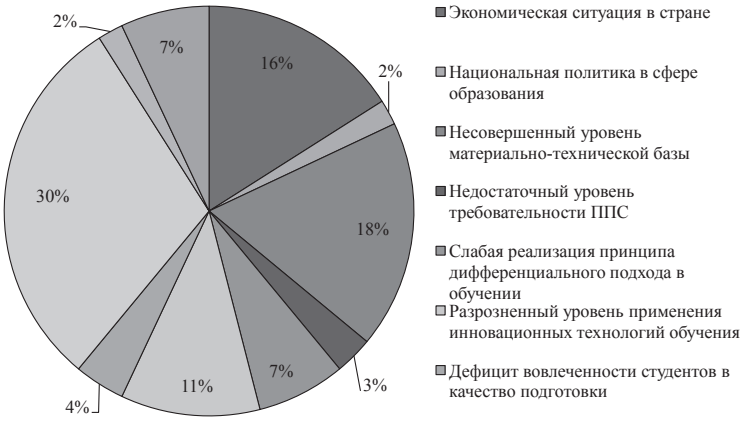


Рис. 2. Распределение данных опроса студентов о влиянии факторов на качество успеваемости

Литература:

1. Беспалько В.П. Качество образования и качество обучения // Народное образование. 2017. № 3-4 (1461). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-obrazovaniya-i-kachestvo-obucheniya (дата обращения: 29.12.2024).
2. Панасюк В.П. Управление образованием и образовательными системами: состояние, тенденции, проблемы и перспективы // Образование и наука. 2017 № 2. С. 72–88. URL: https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-2-72-88.
3. Безуглова Л.П. Образование и качество образования: теоретический аспект // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2014. № 4. С. 27–34.

4. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://zakon-obobrazovanii.ru/ (дата обращения: 29.12.24).
5. Исследования от HeadHunter: Рынок труда молодых специалистов 2024. URL: https://hhcdn.ru/file/17713966 (дата обращения: 20.01.25).
6. Мишина В., Набаткина К., Крылов С. Спецнадежда: каких сотрудников не хватает в сельском хозяйстве. URL:// https://iz.ru/1722792/valeriia-mishina-kseniia-nabatkina-sergei-krylov/spetcnadezhda-kakikh-sotrudnikov-ne-khvataet-v-selskom-khoziaistve (дата обращения: 29.12.2024).

Statistical Analysis of the Level of Academic Performance of Students of an Agricultural University

Ryabova N.N.
Tomsk Agricultural Institute a branch of Novosibirsk State Agrarian University
Butova O.V.
Lugansk State Pedagogical University

The most important criterion for the effectiveness of an educational organization is the growth of target indicators. One of these indicators is the quality of training of students. The relevance of the research topic is due to the fact that in the new conditions of the development of modern education, the issues of studying the management of the quality of education based on integral assessments are in demand. The purpose of the article is a statistical analysis of the level of academic performance of students of the Tomsk Agricultural Institute.

The scientific significance of the study lies in the development of an algorithmic approach to monitoring the quality of students' progress based on a multidimensional analysis. The practical role of the work lies in the fact that the materials of observations can be used to assess the effectiveness of an educational organization in the system of higher education, and can also serve as the basis for managing the university and its educational environment.

Keywords: agrarian education, smart education, innovations, competences, agrarian complex, personnel potential, continuing education

УДК 37.014
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-348-352

Социальная компетентность молодого поколения как один из факторов формирования политического поведения



Седых Н.Н.
Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры политологии
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Статья посвящается анализу работ российских и зарубежных исследователей на тему социальной компетентности молодежи как одного из факторов формирования политического поведения. Проведенное исследование потребовало разрешения нескольких задач, в том числе: раскрытие понятия социальной компетентности молодого поколения в современной науке, определение ее значения в политической социализации, усвоении системы ценностей, навыков, необходимых для выполнения политических ролей. Целью исследования выступает изучение социальной компетентности молодого поколения с позиции формирования политического поведения. Новизна данного исследования заключается в представленных выводах о том, что социальная компетентность молодого поколения, включая политическую компетентность, влияет на то, как молодые люди осмысляют и участвуют в политических процессах. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования полученных выводов в обосновании адаптивной модели формирования политического поведения.

Автор приходит к выводу о том, что социальная компетентность молодого поколения является одним из важных факторов формирования политической активности. Она определяется доступом и воздействием возможностей, которые существенно различаются в зависимости от конкретной культурной среды. Эти разрывы в возможностях приводят к неравенству в политическом участии на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: *социальная компетентность, политическое поведение, социальные отношения, возможности, культурная среда, политическая активность*

Для цитирования: *Седых Н.Н. Социальная компетентность молодого поколения как один из факторов формирования политического поведения // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 348–352. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-348-352.*

Молодежь представляет собой особую социальную группу, которая крайне неустойчива в периоды непростых государственных преобразований. В это время происходит становление личностных качеств молодых людей, и как следствие, формирование определенных компетенций. В дальнейшем данные компетенции оказывают значительное влияние на политическое поведение молодого поколения.

Одновременно с этим история показывает, что молодежь всегда принимала активное участие в политических и социальных процессах. Так, в работе зарубежного исследователя Д.К. Ахмеда отмечается, что велика роль молодых людей в политических изменениях, особенно в преобразовании системы ценностей. Например, они могут оказывать влияние на эффективность избирательного процесса. Также политическая система, воплощающая их требования,

всегда находится на переднем крае политических, культурных, социальных изменений [1, с. 763–788].

Молодежь может быть творческой силой, динамичным источником инноваций, и она на протяжении всей истории участвовала, вносила вклад и даже катализировала важные изменения в политических системах, динамике распределения власти и экономических возможностях.

Отечественные исследователи А.Д. Нагаева, К.А. Ластовка, Е.И. Антипова акцентируют внимание на сознательном политическом участии молодежи как способе заявить о себе, получить опыт политической деятельности, возможности войти в политическую систему [2].

Одновременно с этим молодое поколение, являясь движущей силой государственных преобразований, все больше интересуется политикой. И происходящие в последнее время события, связанные с экономическими проблемами и взаимоотношениями со странами Запада, могут провоцировать активность молодежи или, наоборот, апатию. У молодых людей еще не сформированы жизненные цели, они не обладают достаточной социальной устойчивостью в обществе. В связи с этим актуальны вопросы изучения влияния социальной компетентности молодежи на осмысливание и участие в политических процессах.

Политическое поведение представляет собой совокупность действий определенных акторов, групп и обществ в сфере политики, которые оказывают влияние на функционирование политической системы или поддерживающих его [3, с. 96–104].

Политическое поведение включает различные формы проявления активности людей: от полного уклонения от какого-либо политического участия до активного участия с использованием большого набора различных методов [4, с. 1–10].

Положение молодежи в политической жизни страны характеризуется степенью их политической вовлеченности. Она характеризуется убеждениями, обязательствами и действиями, которые связаны с влиянием на людей и институты, которые обладают властью при решении социальных вопросов. Политическая вовлеченность может быть формальной или неформальной, законной или незаконной, онлайн или офлайн, а также иметь внутреннее или внешнее влияние [5].

Политическая активность характеризуется более широким понятием и включает также выражение человеком своего мнения об обществе и способах управления им, принятие участия в решениях, которые влияют на его жизнь [6, с. 266–284].

Политически активные молодые люди используют разные способы для того, чтобы их голоса были услышаны. Помимо участия в выборах, они встречаются с кандидатами на различные должности и представителями политических партий, следят за политическими новостями, участвуют в управлении образовательной организацией, где проходят обучение. Также молодые люди, обладающие политической активностью, решают социальные, политические или экологические проблемы с помощью распространения определенных взглядов, аргументов, информации для формирования нужного общественного мнения.

Мнения исследователей относительно влияния разнообразных форм проявления политической активности молодежи на демократические процессы различны. Одни считают, что она антидемократична, выражает ненависть или вредит другим. Другие отмечают, что характеристика политической активности, положительной или отрицательной зависит от культурных ценностей и конкретной социальной среды [7, с. 876–897].

Большинство исследователей склоняются к положительной характеристике политической активности молодых людей. От подросткового возраста до ранней взрослости способы вовлечения молодежи в политику меняются по мере того, как они приобретают больше способностей, понимания систем и возможностей для голосования и других политических действий.

Зарубежные исследователи К. Экштейн, П. Ноак и др. отмечают значимость знаний и опыта для эффективности политической активности молодежи [8, с. 485–495]. В подростковом возрасте большое значение для проявления активности имеет политический интерес, который может как возрастать, так и убывать [9, с. 643–658].

В большинстве случаев молодые люди демонстрируют взаимосвязь роста политической активности с усиливающейся привязанностью к окружающей общественной среде. Образовательные, культурные, религиозные учреждения способствуют включению подрастающего поколения к сообществу, развитию понимания своих прав и обязанностей [10].

Д.Э. Кэмпбелл [11, с. 437–454], Р.Д. Патнэм [12] акцентируют внимание на влиянии социальной компетентности, в том числе умении выстраивать доверительные отношения, поддерживать доброжелательный климат в коллективе, умение быть услышанным, общительность, на возможность вхождения в политическую жизнь.

И.А. Абенова социальную компетентность рассматривает как комплекс знаний, умений и навыков в различных сферах общественной жизни, который способствует большей адаптации человека к изменениям социального пространства, а также дает возможность более эффективного выстраивания взаимодействия с другими людьми [13, с. 68–72].

В подростковом возрасте общественные привязанности формируются в первую очередь среди сверстников и во внеклассных мероприятиях, пер-

вых возможностях молодежи принадлежать к коллективу. Участие молодых людей в общественных, культурных мероприятиях связано с развитием оптимальных социальных отношений, что, в свою очередь, предсказывает более высокую политическую активность [14, с. 2–19].

Социальные отношения являются важными механизмами политического развития, при этом связи между общественными привязанностями и политической активностью молодежи имеют свои нюансы. Например, в исследованиях К. Теней и Л. Ханкинет отмечается тот факт, что бельгийская молодежь, ориентированная на религиозную деятельность, имела более высокий уровень вовлеченности во многие формы политического участия [15, с. 1213–1226].

К.А. Фланаган отмечает, что молодым людям нужны пространства не только для развития чувства принадлежности к более крупной группе, но и для реализации зарождающихся политических навыков и поведения [10].

Обсуждения политических и социальных вопросов в значительной степени развивают политическую активность молодежи, включая политическое поведение и знания [16]. Обсуждения политических вопросов с членами семьи или сверстниками способствуют большей политической активности независимо от того, каков контекст таких диалогов [17, с. 51–69].

Одним из вариантов знакомства с политическими обсуждениями является создание свободной обстановки в классе, поддержание обсуждения сосредоточением на политических вопросах и вовлечение учащихся в подготовку к обсуждению. Для развития политической активности важны диалоги с разным контекстом. Также эффективные обсуждения политических тем с родителями и друзьями [17, с. 51–69].

Социальные сети обладают способностью оказывать воздействие на политическое участие. Факторами влияния могут быть особенности истории развития страны, демография, образование, семейные традиции и др. [18, с. 151–167]. Учитывая широкую доступность информации, включая фейковые новости, критическая грамотность в цифровых медиа становится важным навыком для политического развития современной молодежи.

Молодые люди, обладающие развитыми социальными навыками, будут с большей вероятностью голосовать, связываться с представителями, работать в кампаниях, проявлять политический интерес и демонстрировать политические знания [19].

Исследователи М. Барретт, И. Брантон-Смит отмечают необходимость формирования политической вовлеченности наряду с другими формами социальной активности, такими как общественная работа, помощь соседям и членам сообщества, а также социальная ответственность [20, с. 5–28].

Политическая активность может формироваться на основе социально-эмоциональных, когнитивных, моральных качеств человека. У молодых людей политическое развитие происходит на основе возможностей и опыта, которые различаются в разных группах, но больше внимания необходимо уделять культурно уникальным контекстам политического развития, поскольку возможности для политического развития накапливаются по-разному в разных культурных и социальных группах [10].

Молодые люди учатся политическому поведению в условиях и взаимодействиях, встроенных в их повседневную жизнь. Таким образом, политики, педагоги, родители и любые другие взрослые, которые играют значимую роль в структурировании жизни молодежи, сознательно или неосознанно формируют ее политическое развитие.

Политическое поведение молодых людей также частично определяется доступом и воздействием возможностей, которые существенно различаются в зависимости от культуры и конкретной среды. Эти разрывы в возможностях приводят к неравенству в политическом участии на протяжении всей жизни.

В настоящее время бурных социально-политических перемен проблема формирования политического поведения молодежи требует более пристального внимания. Социальная компетентность молодого поколения является одним из важных факторов формирования политической активности. Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей показывает, что в понятие социальной компетентности входит многообразие знаний, умений и навыков в различных сферах общественной жизни, которое позволяет молодому человеку адаптироваться к изменениям социального пространства, а также способность выстраивать взаимодействие с другими людьми. В социальную компетентность также входят знания об обществе, навыки общественной деятельности, этические и гражданские качества личности, позволяющие осознанно участвовать в политической жизни. Развитие социальной компетентности также способствует политической социализации, усвоению определённой системы ценностей, формированию навыков, необходимых для выполнения политических ролей.

Таким образом, социальная компетентность молодого поколения, включая политическую компетентность, влияет на то, как молодые люди осмысливают и участвуют в политических процессах. В изучении возможностей участия молодежи в политической жизни, в условиях постоянно меняющегося политического ландшафта вопрос о том, как молодые люди становятся политически вовлеченными, должен волновать ученых, педагогов и политиков. Необходимо усиление исследований, на-

правленных на изучение политического поведения молодых людей и определение стратегий, которые поддерживают формирование и рост политической активности молодежи.

Литература:

1. Jabar Kader Ahmed. Youth and their participation in the political process: a sociological analytical study // Journal of Raparin University. 2024. № 11 (2). P. 763–788.
2. Нагаева А.Д., Ластовка К.А., Антипова Е.И. Участие молодежи в политической жизни страны // Вопросы науки и образования. 2018. № 7 (19). С. 285–287.
3. Северухина Д.Д. Политическое поведение и участие. Формы и факторы участия и неучастия в политике // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. № 1. С. 96–104.
4. Дегтярев А.К., Щербакова Л.И. Политическое поведение: интерпретация в социологическом воззрении М. Вебера и П. Бурдье // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7. С. 1–10.
5. Ekman J., Amnå E. Political participation and civic engagement: Towards a new typology // Human Affairs. 2012. № 22. P. 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1
6. Wray-Lake L., Metzger A., Syvertsen A.K. Testing multidimensional models of youth civic engagement: Model comparisons, measurement invariance, and age differences // Applied Developmental Science. 2017. № 21. P. 266–284. DOI: 10.1080/10888691.2016.1205495
7. Lutz C., Hoffmann C.P. The dark side of online participation: Exploring non-, passive and negative participation // Information, Communication & Society. 2017. № 20. P. 876–897. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1293129
8. Eckstein K., Noack P., Gniewosz B. Attitudes toward political engagement and willingness to participate in politics: Trajectories throughout adolescence. Journal of Adolescence. 2012. № 35. P. 485–495. DOI: 10.1016/j.adolescence.2011.07.002
9. Russo S., Stattin H. Stability and change in youths' political interest. Social Indicators Research. 2017. № 132. P. 643–658. DOI: 10.1007/s11205-016-1302-9
10. Flanagan C.A. Teenage citizens: The political theories of the young. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. 320 p.
11. Campbell D.E. Voice in the classroom: How an open classroom climate fosters political engagement among adolescents // Political Behavior. 2008. № 30. P. 437–454. DOI: 10.1007/s11109-008-9063-z
12. Putnam R.D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. New York, NY: Simon & Schuster, 2000. 592 p.
13. Абенова И.А. Характеристика понятия «социальная компетентность» // Вестник науки и образования. 2021. № 10-1 (113). С. 68–72.
14. Obradović J., Masten A.S. Developmental antecedents of young adult civic engagement // Applied Developmental Science. 2007. № 11. P. 2–19. DOI: 10.1080/10888690709336720
15. Teney C., Hanquinet L. High political participation, high social capital? A relational analysis of youth social capital and political participation // Social Science Research. 2012. № 41. P. 1213–1226. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2012.03.012
16. Torney-Purta J., Lehmann R., Oswald H., Schulz W. Citizenship and education in twenty-eight countries: Civic knowledge and engagement at age fourteen. URL: https://www.iea.nl/sites/default/files/2019-04/CIVED_Phase2_Age_Fourteen.pdf
17. Quintelier E. Engaging adolescents in politics: The longitudinal effect of political socialization agents. Youth & Society. 2015. № 47. P. 51–69. DOI: 10.1177/0044118X13507295
18. Xenos M., Vromen A., Loader B.D. The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies // Information, Communication & Society. 2014. № 17. P. 151–167. DOI: 10.1080/1369118X.2013.871318
19. Schlozman K.L., Verba S., Brady H.E. The unheavenly chorus: Unequal political voice and the broken promise of American democracy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012. 693 p.
20. Barrett M., Brunton-Smith I. Political and civic engagement and participation: Towards an integrative perspective // Journal of Civil Society. 2014. № 10. P. 5–28. DOI: 10.1080/17448689.2013.871911

The Social Competence of the Younger Generation as One of the Factors Shaping Political Behavior

Sedykh N.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the work of Russian and foreign researchers on the topic of youth social competence as one of the factors shaping political behavior. The conducted research required the solution of several tasks, including the disclosure of the concept of social competence of the younger generation in modern science, the definition of its importance in political socialization, the assimilation of a system of values, skills necessary to fulfill political roles. The purpose of the study is to study the social competence of the younger generation from the perspective of shaping political behavior. The novelty of this study lies in the presented conclusions that the social competence of the younger generation, including political competence, affects how young people comprehend and participate in political processes. The practical significance of the work is due to the possibility of using the findings in substantiating an adaptive model of political behavior formation.

The author comes to the conclusion that the social competence of the younger generation is one of the important factors in the formation of political activity. It is determined by the access and impact of opportunities, which vary significantly depending on the specific cultural environment. These gaps in opportunities lead to inequalities in political participation throughout life.

Keywords: social competence, political behavior, social relations, opportunities, cultural environment, political activity

УДК 316.42, 37.018.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-353-357

Перспективы развития новой формы репетиторства в современном образовании: социологический анализ



Хуснутдинов Р.Н.
Аспирант кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что ОГЭ по обществознанию в настоящее время является одним из ключевых предметов для социально-гуманитарного профиля обучения, и новые методы и формы репетиторства по данному предмету чрезвычайно востребованы. Темой статьи является исследование перспектив особой формы репетиторства при обучении онлайн при подготовке к основному государственному экзамену (ОГЭ): лардж-класса, формы обучения, предполагающей большое количество учащихся, занимающихся онлайн одновременно по системе «перевернутый класс». Целью является исследование эффективности данной системы для подготовки к ОГЭ по обществознанию и выяснение вопроса, насколько перспективным является данный метод в оценке самих обучающихся. Автор применяет метод социологического опроса, а также опыт участвующего наблюдения. Как показали результаты исследования, такая форма онлайн-обучения как лардж-классы является действительно эффективным инструментом обучения и способствует повышению уровня знаний учащихся.

Ключевые слова: *лардж-класс, образование, обучение, подготовка к ОГЭ, экзамен, социально-гуманитарный профиль, репетиторство онлайн, опрос, система «перевернутый класс»*

Для цитирования: *Хуснутдинов Р.Н. Перспективы развития новой формы репетиторства в современном образовании: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 353–357. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-353-357.*

В отечественном образовании и особенно в подготовке к государственным экзаменам (ЕГЭ и ОГЭ) все более важную роль играет репетиторство, которое меняется, приобретая новые формы. Цифровизация обучения привела к тому, что значительная часть методов связана с репетиторством онлайн. Исследование новых методов репетиторства при подготовке к ЕГЭ и ОГЭ, их социологических, психологических аспектов актуально в связи с необходимостью более полного понимания общей картины отечественной системы образования.

Темой исследования является репетиторство в цифровой среде при подготовке к сдаче основного государственного экзамена (ОГЭ) по системе лардж-классов. Это современная форма репетиторства, позволяющая дать возможность подготовиться к ЕГЭ и ОГЭ одновременно значительному количеству учащихся, живущих в разных населенных пунктах. Цель статьи – определить возможности и перспективы такого вида репетиторства как лардж-классы в современном российском социуме.

Репетиторство является известным и распространенным социально-педагогическим феноменом в отечественном образовании. Это явление как проблему педагогической практики изучали такие исследователи, как Е.Н. Шипкова [1], С.Н. Кашурников, А.А. Кириллов [2], Л.Б. Райхельгауз [3], Л.В. Кожевникова, И.В. Старовойтова [4]. Данный

феномен отличается многогранностью и сложностью, авторы рассматривают различные его аспекты, такие как административно-экономический [5], педагогический [6; 7], психологический [8]. Исследуется также культурный аспект явления, что связано с национальной и региональной спецификой [9]. Недостаточно исследован вопрос репетиторства на базе онлайн-платформ, на эту тему можно отдельно отметить работу П.А. Макеева [10].

Лардж-классы как феномен онлайн-обучения в отечественной научной литературе практически не рассматривались, имеются малочисленные упоминания таких классов офлайн (группы учащихся, включающих от ста человек, присутствующих в аудитории одновременно) [11]. В работе исследовали данное явление именно в рамках онлайн-образования с социологической точки зрения.

Такой феномен отечественной системы образования, как ОГЭ и ЕГЭ, исследовали А.Р. Батыршина и Т.И. Иванова [12], Н.С. Степанова [13] и многие другие. Уже не раз утверждалось, что ОГЭ – это «маленькое ЕГЭ»; хотя ОГЭ и вызывает меньше реакции тревожности и стресса, чем ЕГЭ, который влияет на дальнейшую судьбу учащегося, но этот экзамен также важен, и учащиеся мотивированы к подготовке и обращению с этой целью к репетитору.

Формат системы репетиторства онлайн, являющегося объектом нашего исследования, – система «перевернутый класс». Методика обучения в рамках данной системы заключается в следующем. В 8.00 по московскому времени учащимся рассылаются видеоуроки, дается домашнее задание. Видеоматериал записывается заранее. Видеоурок учащиеся могут просмотреть, когда им будет удобно, ведь они живут в разных часовых поясах. Домашнее задание проверяется частично кураторами, частично программой. Прямой эфир, который организуется в воскресенье, длится два часа и посвящен ответам на вопросы.

Мы провели исследование [14], которое показало, что репетиторство в данном формате наиболее востребовано у учащихся из благополучных семей среднего класса, что подтверждают и результаты исследований других авторов [15; 16], преимущественно у девочек, которые обращаются за помощью к репетитору осознанно и, как правило, самостоятельно (не по настоянию родителей). При условии участия родителей более активно вовлечены в данный процесс матери, чем другие родственники (отцы, бабушки и т.д.). Свои знания учащиеся онлайн лардж-классов оценивают как «удовлетворительно» и «хорошо», однако не останавливаются на этих результатах и стремятся к лучшему. По результатам исследования мы получили социологический портрет учащихся, которые обращаются к онлайн-репетиторству в лардж-классах [14].

В данном исследовании мы ставили целью проследить динамику развития данной формы репетиторства, ее эффективности. Согласно нашим данным, в 2023 г. у исследуемого нами сервиса «Умскул» было примерно 5,5 тыс. учеников; в 2024 г. закончили – 6,5 тыс. чел.

Что касается динамики качества оценок при сдаче ОГЭ, то она видна в таблице 1.

Исследуемый нами метод применялся в подготовке к ОГЭ по обществознанию, поэтому именно на примере этого предмета проводилось исследование. Согласно представленным данным, в 2022–2023 учебном году обществознание на 5 сдали 2 482 учащихся, на 4 – 3 267 учеников; в 2023–2024 учебном году на 5 сдали 2675, на 4 – 3 843; всего за оба года обучения на 5 сдали 7 161 чел. Рост виден на рисунке 1.

Таблица 1

Качество оценок при сдаче ОГЭ (итоги сервиса «Умскул» за все года)

№	Предмет	Преподаватель	2022-2023 уч.г.		2023-2024 уч.г.		ИТОГО
			«5»	«4»	«5»	«4»	«5»
1	Английский язык	Преподаватель 1	1 078	652	1 823	841	3 367
2	Биология	Преподаватель 2	1 624	1 241	1 457	882	4 582
3	Биология	Преподаватель 3	573	447	699	529	1 419
4	География	Преподаватель 4	717	441	1 381	877	2 379
5	Информатика	Преподаватель 5	855	677	1 095	910	2 301
6	Информатика	Преподаватель 6	-	-	567	462	567
7	История	Преподаватель 7	811	805	772	731	2 105
8	Литература	Преподаватель 8	1 849	526	1 717	712	4 469
9	Математика	Преподаватель 9	1 298	1 991	3 430	5 221	6 436
10	Математика	Преподаватель 10	283	479	539	1 062	1 529
11	Обществознание	Преподаватель 11	2 482	3 267	2 675	3 843	7 161
12	Русский язык	Преподаватель 12	1 082	444	5 460	3 353	7 251
13	Русский язык	Преподаватель 13	1 019	495	14	10	3 820
14	Физика	Преподаватель 14	586	1 118	583	747	1 629
15	Физика	Преподаватель 15	26	70	361	509	387
16	Химия	Преподаватель 16	1 045	423	1 050	410	2 907
17	Химия	Преподаватель 17	801	371	1 154	465	2 452
	ИТОГО		**16 129**	**13 447**	**24 777**	**21 564**	**54 761**

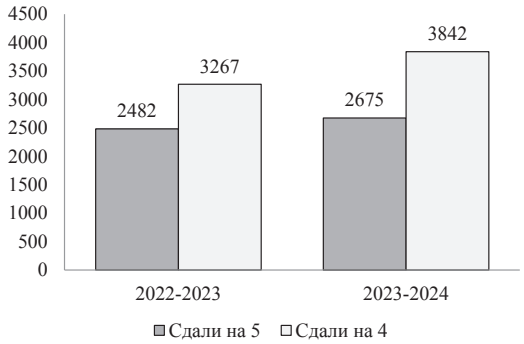


Рис. 1. Рост числа учащихся онлайн-лардж-класса, сдавших ОГЭ на 4 и 5

Мы провели несколько опросов с учениками, которые начали учиться по данной методике в «Умскул» в 2024 г. Опрос проводился онлайн. Опрошенных было 3000 чел., из них 18 % юношей и 82 % девушек, все обучающиеся 9 класса.

В ходе опроса выяснялось, какие именно проблемы в освоении материала способствовали обращению учеников к репетитору. В частности, был задан вопрос: «В чем вы видите проблему в освоении материала, в которой может помочь репетитор?» (здесь можно было давать несколько вариантов ответа).

Учащиеся дали следующие ответы (см. рис. 2).



Рис. 2. Проблемы, для решения которых учащиеся обращаются к репетитору онлайн-лардж-класса

Как видим, большая часть учащихся (33 %) видит свою проблему в том, что плохо запоминает текст учебника, и чуть меньшая доля респондентов формулирует причину отставания в плохом запоминании материала (30 %). Еще один значительный сегмент учащихся отмечает как проблему слишком большой объем информации. Именно с этими проблемами они обратились за помощью к репетитору, так как осознают, что не могут справиться сами.

Чтобы увидеть, решаются ли эти проблемы, и исходя из того, что учащиеся занимаются с начала этого учебного года (сентябрь, 2024 г.), мы поставили вопрос так:

«В какой из указанных проблем вы уже сейчас видите положительные сдвиги благодаря занятиям в онлайн-классе с репетитором?». Ответы были следующими (в процентах участников) (рис. 3).



Рис. 3. Прогресс в освоении материала с помощью репетитора лардж-класса

Как видим, значительная часть учащихся стала, благодаря занятиям, глубже интересоваться предметом (31 %), немалой части удается с помощью онлайн-уроков систематизировать знания (19 %), усваивать больший объем информации (16 %), лучше запоминать материал (16 %) и понимать текст учебника (14 %) То есть с поставленными и сформулированными проблемами в учебе ученики действительно стали справляться.

Также мы задали вопрос: «Удобен ли вам формат "перевернутый класс" (просмотр видео, домашнее задание, онлайн-эфир с обсуждением вопросов)?». Учащиеся дали следующие ответы (рис. 4).



Рис. 4. Ответы на вопрос, удобно ли учащимся заниматься по системе «перевернутый класс»

Более чем трем четвертям (76 %) состава опрошенных предложенный формат удобен, лишь незначительному количеству представляются неудобными различные аспекты: теоретическое видео раньше и только потом онлайн (11 %); домашнее задание делаем до прямого эфира с разбором вопросов (12 %); участие в эфире может иметь проблемы со связью или могут возникнуть другие проблемы (1 %). Таким образом, большинство опрошенных воспринимают данный формат как удобный.

Заключительным мы задали вопрос: «Порекомендуете ли вы своему младшему другу (брату, сестре) заниматься по данной системе, готовясь к ОГЭ?». Положительный ответ дало подавляющее число (84 %) учеников (рис. 5).

Причины, почему незначительная часть учеников не порекомендовала бы данную систему, не разъяс-



Рис. 5. Ответы на вопрос, порекомендуют ли участники опроса данную систему обучения

нена, это может быть предметом следующих этапов исследования, однако налицо факт, что следующему поколению учащихся ее бы порекомендовали.

Таким образом, из результатов опроса видно, что проблемы, с которыми учащиеся обратились к репетитору, начали решаться уже в начале обучения; большинству учеников удобна система «перевернутый класс», и они готовы рекомендовать обучение по этой системе другим. Согласно полученным данным, можно сделать выводы, что подобный метод репетиторства перспективен, и что в следующем году можно ожидать рост количества учащихся на данном сервисе. Также есть основания предполагать, что данный метод, зарекомендовав свою эффективность, будет применяться и другими специалистами на других сервисах, привлекая все большее число учащихся по всей стране в силу удобства и доступности благодаря сети Интернет.

Литература:

1. Шипкова Е.Н. Репетиторство как проблема педагогической науки и практики // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 39–46.
2. Кашурников С.Н., Кириллов А.А. Репетиторство в России: статус, значение, проблемы // Теория и практика общественного развития. 2019. № 4 (134). С. 79–84.
3. Райхельгауз Л.Б. Репетиторство как социально-педагогический феномен // Социально-политические исследования. 2019. № 3(4). С. 106–114. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/repetitorstvo-kak-sotsialno-pedagogicheskii-fenomen (дата обращения: 20.04.2024).
4. Кожевникова Л.В., Старовойтова И.Е. Феномен репетиторства в современной России // Образование и право. 2023. № 5. С. 412–416.
5. Донецкая С.С., Третьякова В.А. Неформальная самозанятость на рынке репетиторских услуг: международный опыт государственного регулирования // Мир экономики и управления. 2022. Т. 22. № 4. С. 60–78.
6. Коджаспирова Г.М. Возникновение и эволюция становления тьюторства в России // Наука и школа. 2019. № 1. С. 107–117.
7. Санников Д.А. Репетиторство как вид педагогической деятельности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2021. № 199. С.189–195.
8. Bray M. Private Supplementary Tutoring: Comparative Perspectives on Patterns and Implications // A Journal of Comparative Education. 2006. Vol. 36. № 4. P. 515–530.
9. Давэй Сунь. Педагогические проблемы репетиторства в России и Китае // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1. № 2. С. 168–174.
10. Макеев П.А. Репетиторство в России: описание явления на основе онлайн-платформ // JIS. 2019. № 4. С. 100–121.
11. Five Main Suggestions & Solutions to Create Successful Large Classes // English Language Teaching & Testing Guide. URL: https://elttguide.com/tag/large-class/ (дата обращения: 20.04.2024).
12. Батыршина А.Р., Иванова Т.М. Динамика стресса учащихся в условиях подготовки и сдачи ОГЭ и ЕГЭ: постановка проблемы // Гуманизация образования. 2019. № 6. С. 125–137.
13. Степанова Н.В. Особенности эмоционального состояния и мотивации обучающихся в период подготовки к основному государственному экзамену // Теория и практика современной науки. 2020. № 5 (59). С. 496–499.
14. Хуснутдинов Р.Н. Мотивация обучающихся в структуре онлайн лардж-классов при подготовке к основному государственному экзамену (ОГЭ) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 2(65). С. 61–70.
15. Белов В.И. Средний класс: социологический этюд // Вестник ТГУ. 2012. № 10. С. 282–289.
16. Баландина А.И., Хам В.В. Средний класс в современной России // Скиф. 2022. № 3 (67). С. 155–162.

Prospects for the Development of a New Form of Tutoring in Modern Education: Sociological Analysis

Khusnutdinov R.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the research topic is due to the fact that the main state exam (MSE) in social studies is currently one of the key subjects for the social and humanitarian profile of education, and new methods and forms of tutoring in this subject are in great demand. The topic of the article is the study of the prospects of a special form of tutoring when teaching online in preparation for the main state exam (MSE): large class, a form of teaching that involves a large number of students studying online simultaneously using the «inverted class» system. The author's purpose is to study the effectiveness of this system in preparation for the MSE in social studies and to find out how promising this method is. The author applies the method of sociological survey, as well as the experience of the participating observation. As the results of the study have shown, such a form of online learning as large classes is a truly effective learning tool and helps to increase the level of knowledge of students.

Keywords: large class, education, training, preparation for the main state exam, exam, social and humanitarian profile, tutoring online, survey, «inverted class» system

УДК 347
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-358-362

Регистрация товарных знаков как акт недобросовестной конкуренции сквозь призму правоприменительной практики



Барышев С.А.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева



Гришин С.А.
Студент факультета подготовки специалистов для судебной системы Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Актуальность темы статьи обусловлена широким распространением регистрации товарных знаков как актов проявления недобросовестной конкуренции в отечественном торговом обороте и возникающими вопросами в правоприменительной практике. Кроме того, на момент написания статьи возможность возвращения многих зарубежных компаний на отечественный рынок создает риски для действующих на рынке отечественных производителей в части оспаривания их действий по регистрации товарных знаков.

Целью исследования является изучение отдельных проблем признания товарных знаков актом недобросовестной конкуренции в разрезе судебной практики отечественных судов и действующего законодательства. Задачами исследования являются: анализ определения акта недобросовестной конкуренции, его характерных признаков, а также анализ проблем признания регистрации товарных знаков как недобросовестного поведения хозяйствующих субъектов.

Научная значимость работы заключается в юридическом анализе системных признаков регистрации товарных знаков как акта недобросовестной конкуренции. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных материалов для совершенствования практики судов в России.

По результатам проведенного исследования выявлены характерные признаки недобросовестной конкуренции при регистрации товарных знаков, проведен анализ судебной практики и выявлены те критерии, которые учитываются судами по указанной категории споров.

Ключевые слова: *акт недобросовестной конкуренции, регистрация товарных знаков, судебная практика, закон о защите конкуренции, зарубежные правообладатели, торговый оборот*

Для цитирования: *Барышев С.А., Гришин С.А. Регистрация товарных знаков как акт недобросовестной конкуренции сквозь призму правоприменительной практики // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 358–362. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-358-362.*

Прекращение ведения хозяйственной деятельности на территории Российской Федерации целого ряда иностранных компаний имело как положительные стороны для отечественного бизнеса в области конкуренции (снижение уровня противоборства с крупными иностранными компаниями, за счет чего российские предприниматели смогли привлечь внимание потребителей), так и ряд негативных тенденций (снижение конкуренции неизбежно приводит к снижению качества товара (работ, услуг)). Одной из негативных тенденций на российском товарном рынке стало активное применение схожих до степени смешения товарных знаков, коммерческих обозначений иностранных компаний с целью использования сложившейся репутации производителя.

Товарный рынок, переполненный однородными товарами (работами, услугами), несомненно, нуждается в средствах отделения продукции одних изготовителей от продукции других. В этой связи товарный знак, будучи средством индивидуализации юридического лица, выполняет две важнейшие функции:

– отличительную. Именно различительная способность является ключевым свойством товарного знака, позволяющая потребителю идентифицировать товар конкретного производителя среди многочисленных однородных товаров. Так, например, товарный знак *BMW, Mercedes-Benz* имеет стойкую ассоциацию потребителя с конкретным немецким производителем;

– рекламную. Благодаря сложившемуся положительному или негативному опыту употребления товара потребителем, репутации производителя на товарном рынке и иных ассоциацией, возникающих у потребителя, последний готов отдать при выборе предпочтение тому или иному товару. К примеру, можно привести рынок наручных часов, где товарный знак *Rolex* создает у потребителя ассоциацию с роскошью, высоким качеством и швейцарским происхождением.

В этой связи не только хозяйствующие субъекты, но и государственные органы заинтересованы в установлении ограниченного государственного контроля торгового оборота с целью исключения искажения, размытия товарных знаков производителей, а также введения потребителя в заблуждение.

Сама по себе репутация производителей и их товаров, которая закладывается в товарный знак, является конкурентным преимуществом на товарном рынке. Данное преимущество может быть в значительной степени нивелировано незаконным использованием товарных знаков другими хозяйствующими субъектами, поскольку последнее является актом недобросовестной конкуренции, что, в свою очередь, приводит к необходимости противодействия данному использованию.

Подобные недобросовестные действия крайне отрицательно влияют на одну из конституционно-правовых ценностей в современной России, а именно ведение добросовестной экономической деятельности. В свою очередь добросовестность экономической деятельности включает в себя и ведение честной, основанной на нормах закона, конкуренции.

Современное российское законодательство нормативного определения «добросовестной конкуренции» не содержит. Вместо этого в рамках правового регулирования и правоприменения используется понятие «недобросовестной конкуренции». Такой подход обусловлен необходимостью, в первую очередь, урегулировать поведение, отклоняющееся от принятых норм ведения предпринимательской деятельности.

Действующее законодательство РФ недобросовестной конкуренцией признает любой акт хозяйствующих субъектов, соответствующий следующим признакам [1]:

1. Субъектный состав. Акт недобросовестной конкуренции может совершаться только в отношениях между хозяйствующими субъектами рынка.

2. Направленность акта. Совершаемый хозяйствующим субъектом акт связан с получением конкурентных преимуществ на товарном рынке, которые, в свою очередь, позволяют обеспечить превосходство над конкурентами, а также максимизировать прибыль в сравнении с ситуацией отсутствия такого рода действий.

3. Неправомерность поведения. Закон допускает противоречие такого акта не только специальным нормам законодательства, но и обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости;

4. Результат в виде реальных или потенциальных убытков или иного вида ущерба для других участников рынка, либо причинения вреда их деловой репутации.

Так, например, в п. 2 ст. 10-bis «Конвенции по охране промышленной собственности» от 1883 г. [2] под актом недобросовестной конкуренции понимается всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах.

В отличие от положений указанной Конвенции российское законодательство использует формулировку «любые действия хозяйствующих субъектов» без упоминания общего понятия «акта недобросовестной конкуренции». Теоретически актом недобросовестной конкуренции можно признать и нарушение правил дорожного движения, если такое поведение позволило одной коммерческой организации приобрести преимущество перед другим (например, заключить выгодной договор раньше другой стороны).

Таким образом, существенным отличием содержащегося в российском законодательстве определения понятия недобросовестной конкуренции от

сходного понятия, используемого зарубежным законодательством и международными актами, является его открытый характер, допускающий признание в качестве акта недобросовестной конкуренции самого широкого круга действий.

С этой позиции основами признака недобросовестности будут являться как нарушения норм закона, так и обычаев делового оборота, требований добрых нравов, разумности и справедливости.

В этой связи целесообразно согласиться с позицией В.И. Еременко, который предлагает в практической деятельности отдавать приоритет именно принципам добропорядочности, разумности и справедливости. Дело в том, что обычаи делового оборота, формируясь естественным образом, могут вступить в противоречие с более высокими этическими стандартами, что создаст трудности в оценке действий, квалифицируемых как недобросовестная конкуренция [3].

Сами же нормы Закона о защите конкуренции носят универсальный характер и подлежат применению в любой сфере правоотношений, в которых участвуют российские и иностранные юридические лица.

Учитывая данные описания сущностей товарного знака и недобросовестной конкуренции, необходимо перейти к рассмотрению предметно вопроса о регистрации товарных знаков как акта недобросовестной конкуренции.

Иск о признании тех или иных действий актом недобросовестной конкуренции является разновидностью исков о признании. Судебные акты по ним не возлагают обязательств на ответчика (п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» [4]).

Доказанное злоупотребление при регистрации товарного знака делает возможным применение заинтересованными сторонами процедуры оспаривания предоставления правовой охраны этому знаку. Однако исключительное право на товарный знак продолжает действовать в полном объеме в отношении третьих лиц до момента прекращения правовой охраны на основании возражения.

Вместе с тем, Верховный Суд РФ в абз. 6 п. 169 Постановления Пленума от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5] расширяет указанные выше признаки акта недобросовестной конкуренции и указывает на необходимость учитывать цель, преследуемую лицом при приобретении такого права на товарный знак.

Важным аспектом, учитываемым по данной категории дел, является также известность обозначения на товарном рынке, вероятность его случайного совпадения с другими обозначениями.

Указанный подход учитывается судами по такой категории дел. Например, в деле *LEGO vs. Guangdong Ausini Toys Industry Co., Ltd* Суд по интеллектуальным правам указал важное для торгового оборота правило – важен не факт введения в гражданский оборот на дату приоритета спорных товарных знаков, а факт начала использования спорного обозначения ранее иных производителей.

В указанном деле китайский производитель игрушек, похожих на известную для всех модельку человечка *LEGO*, пытался признать регистрацию товарного знака актом недобросовестной конкуренции, поскольку такой товарный знак не обладает в полной мере различительной способностью и широко используется третьими лицами до даты его приоритета. Вместе с тем суд учел поведение американской компании до регистрации товарного знака. В рассматриваемой ситуации регистрация спорного товарного знака компанией *LEGO* преследовала цель приобретения правовой охраны на обозначения, которые длительно использовались именно ею, а не причинение вреда хозяйствующим субъектам – конкурентам [6].

Сложно не согласиться с тем, что регистрация товарного знака на продукцию, которую длительное время производила американская компания, является естественным поведением и должно поощряться, а не наказываться.

Одним из камней преткновения в рассматриваемой категории споров является доказывания причинения или возможности причинения убытков.

В деле № СИП-565/2022, несмотря на наличие всех иных признаков недобросовестной конкуренции, отсутствие убытков для истца привело к отказу в удовлетворении его требований. Так, Е.А. Кудашев, будучи учредителем общества «Петвадор», зная о наличии корпоративного конфликта, с целью злоупотребления правом и причинения вреда обществу «Мисма», а также его правом предшественнику обществу «Мисма Пет» зарегистрировал схожий до степени смешения товарный знак для реализации однородных товаров и услуг.

В данном споре ключевым является вывод суда, устанавливающий необходимость оценивания действий обвиняемого истцом в акте недобросовестной конкуренции ответчика на предмет их добросовестности исключительно по отношению к истцу, а не к другим участникам рынка в силу того, что дело рассматривается в рамках искового производства [7].

Однако стоит отметить, что и противодействие недобросовестной конкуренции происходит и на административном уровне. В качестве примера можно привести дело Общества «Гифт» (СИП-871/2024), где российская компания пыталась зарегистрировать товарный знак «*WilkyWaves*». В данном деле судом было установлено сходство до степени смешения с товарным знаком «*Wilkyway*», что явилось,

в силу требований п. 6 ст. 1483 ГК РФ, самостоятельным основанием для отказа в государственной регистрации. Возможная регистрация товарного знака «*WilkyWaves*» привела бы к появлению у иностранного правообладателя оснований для признания подобного поведения актом недобросовестной конкуренции [8].

На отечественном рынке в конкуренции между российскими предпринимателями также можно встретить недобросовестную регистрацию товарных знаков. Чаще всего такая категория дел отличается наличием существовавших ранее между правообладателем и истцом определенного рода коммерческих и иных правоотношений.

В ряде случаев лицо, зарегистрировавшее товарный знак, может знать о правомерном использовании какими-либо третьими лицами сходного до степени смешения обозначения для индивидуализации своих товаров или услуг без регистрации в качестве средства индивидуализации либо о получении данным обозначением известности среди потребителей товара, работы, услуги. Подобный действия также свидетельствуют о недобросовестной конкуренции.

Например, в деле № СИП-484/2023 рассматривался спор о товарном знаке «*OSTRO*». Дело интересно тем, что факт известности ответчику того, что истец использовал спорное обозначение при реализации соответствующих товаров и услуг до даты приоритета товарного знака, усматривался судом из электронной переписки сторон в социальной сети «ВКонтакте», а также факта ведения деятельности по продаже ножей на одних и тех же электронных площадках.

Одновременно, судом было учтено поведение ответчика после регистрации спорного товарного знака. Так, ответчик по представленному делу после получения свидетельства на товарный знак направил претензию с требованием о выплате компенсации. При данных обстоятельствах вероятность случайности совпадения спорного товарного знака с доминирующей (сильной) частью (формантом) обозначений, использовавшихся истцом задолго до даты приоритета спорного знака, совершенно очевидно исключена [9].

Важно отметить, что недобросовестная конкуренция путем регистрации товарного знака не только наносит ущерб торговому обороту, но представляет угрозу для потребителя. Последний при приобретении товара с размещением фальшивого товарного знака как акта товарного знака вводится в заблуждении относительно производителя.

Таким образом, можно сделать следующие выводы из изложенного выше. Институт регистрации товарных знаков, призванный обеспечивать защиту интеллектуальной собственности и индивидуализировать товары и услуги, может быть использован в качестве инструмента недобросовестной конкуренции.

Для признания регистрации товарного знака недобросовестной конкуренцией требуется особый статус нарушителя – хозяйствующего субъекта. Направленность на получение преимущества за счет сложившейся репутации на рынке конкурента, противоречие закону, обычаям и требованиям добропорядочности в торговом обороте должны являться целью действий по регистрации. Наличие или потенциальная возможность возникновения убытков для конкретного хозяйствующего субъекта также подлежит обязательному доказыванию, как один из важнейших признаков недобросовестной конкуренции.

В связи с этим, представляется необходимым совершенствование законодательства в сфере защиты конкуренции и интеллектуальной собственности. Кроме того, необходима активная просветительская работа среди предпринимателей и потребителей о рисках недобросовестной конкуренции, связанных с товарными знаками, и о способах защиты своих прав.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2006 г. 3 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.
2. Конвенция по охране промышленной собственности (Париж, 20 марта 1883 г.) // СПС Гарант.
3. Недобросовестная конкуренция: учебно-практич. пособие / Под ред. д.ю.н., проф. О.А. Городова. М.: «Юстицинформ», 2020. 324 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 1.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.
6. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.04.2024 г. № С01-106/2024 по делу « СИП-482/2023 // СПС Гарант.
7. Решение Суда по интеллектуальным правам от 12.01.2023 г. по делу № СИП-565/2022 // СПС Гарант.
8. Решение Суда по интеллектуальным правам от 21.10.2024 года по делу № СИП-871/2024 // СПС Гарант.
9. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.11.2023 г. № С01-1949/2023 по делу № СИП-484/2023 // СПС Гарант.

Features of the Definition of the Concept of Works of Unknown Authorship ("Orphan" Works) in France

Baryshev S.A., Grishin S.A.
Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

The relevance of the topic of the article is due to the widespread registration of trademarks as acts of unfair competition in domestic trade and emerging issues in law enforcement practice. In addition, at the time of writing, the possibility of many foreign companies returning to the domestic market creates risks for domestic manufacturers operating on the market in terms of challenging their trademark registration actions.

The purpose of the study is to study individual problems of recognizing trademarks as an act of unfair competition in the context of the judicial practice of domestic courts and current legislation. The objectives of the study are: to analyze the definition of an act of unfair competition, its characteristic features, as well as to analyze the problems of recognizing trademark registration as unfair behavior of business entities.

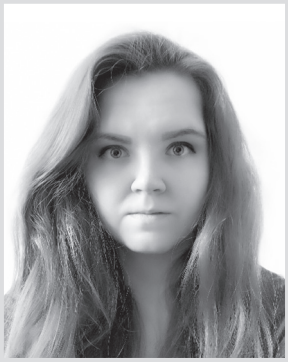
The scientific significance of the work lies in the legal analysis of the system features of trademark registration. The practical significance of the work lies in the possibility of using the materials obtained to improve the practice of courts in Russia.

Based on the results of the study, the characteristic signs of unfair competition in trademark registration were identified, an analysis of judicial practice was carried out and the criteria that are taken into account by the courts in this category of disputes were identified.

Keywords: the act of unfair competition, trademark registration, judicial practice, the law on protection of competition, foreign copyright holders, trade turnover

УДК 614.39
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-363-366

Развитие цифровизации системы здравоохранения РФ и проблема сохранения персональных данных



Григорьева И.А.
Кандидат фармацевтических наук,
старший преподаватель Института фармации
Казанского государственного медицинского университета



Лисенкова Ю.А.
Студент Института фармации
Казанского государственного медицинского университета

Актуальность темы определяется стремительными изменениями, происходящими в сфере здравоохранения Российской Федерации. Цифровизация медицинской и фармацевтической деятельности требует детальной проработки механизма законодательного регулирования защиты персональных данных на всех этапах сбора и систематизации больших данных, которые служат основой для создания цифровых сервисов здравоохранения. Цель и задачи исследования – выявить противоречия законодательства, регулирующего конфиденциальность персональных данных всех участников оказания медико-фармацевтической помощи. Научное осмысление данного правового поля способствует выявлению пробелов нормативно-правового регулирования, на основе этого сформулированы выводы, которые могут способствовать дальнейшему совершенствованию законодательства в сфере защиты персональных данных.

Ключевые слова: *система здравоохранения, фармацевтическая деятельность, медицинская помощь, врачебная тайна, персональные данные, конфиденциальность, цифровизация*

Для цитирования: *Григорьева И.А., Лисенкова Ю.А. Развитие цифровизации системы здравоохранения РФ и проблема сохранения персональных данных // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 363–366. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-363-366.*

Новый технологический уклад способствует поиску правовых инструментов регулирования при трансформации общественных отношений. Благополучие человека является ключевым фактором жизнеспособности общества в целом, поэтому государство, реализуя свою социальную функцию, определяет одним из приоритетов сохранение и улучшение здоровья нации.

В апреле 2024 г. состоялся XXXI Российский национальный конгресс «Человек и лекарство» (г. Москва). Заместитель министра здравоохранения РФ Павел Пугачёв в своём выступлении отметил, что «2024 год – это финальный год федерального проекта по созданию единого цифрового контура в здравоохранении. Подводя итоги, он констатировал, что цифровой контур создан и сформирован, но, к сожалению, ещё существует ряд нерешённых задач» [1].

Стратегия цифровой трансформации отрасли «Здравоохранение» состоит из двух больших межведомственных проектов: «Создание единого циф-

рового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)» и «Медицинские платформенные решения федерального уровня (ВИМИС)» [2].

В рамках Стратегии цифровой трансформации существуют стратегические инициативы: «Национальная цифровая платформа "Здоровье"» и «Персональные медицинские помощники».

Именно Стратегия определяет содержание понятия «цифровая платформа здравоохранения» – это «общая инфраструктура цифровой информации о здоровье, на которой создаются приложения (сервисы) для поддержки согласованного и эффективного предоставления медицинских услуг» [2]. Платформа включает в себя интегрированный набор общих и повторно используемых компонентов, которые создают совокупный набор различных приложений и сервисов для пользователей платформы.

Основной целью цифровой платформы здравоохранения является организация взаимодействия участников процессов (пользователей платформы), осуществляемых в единой информационной среде, приводящей к снижению транзакционных издержек за счет применения пакета цифровых технологий работы с большими данными пациентов (клиентов) [2].

Технологическое использование платформы предполагает в том числе сбор персональных данных всех пользователей платформы.

Широко используются и персональные медицинские помощники. Это инструменты для динамического дистанционного наблюдения за здоровьем пациента с использованием платформ централизованных диагностических сервисов на базе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения с единым порталом государственных услуг, в разделе «Здоровье» (личный кабинет «Моё здоровье») [11, 15]. Здесь также собирается огромный массив персональных конфиденциальных данных о здоровье.

Лечение пациента – это всегда сложный многоэтапный процесс, включающий в себя медикаментозную терапию. Клинические рекомендации, являющиеся обязательным документом, на основании которого чётко прописывается алгоритм действий лечащего врача, требуют от современной организации здравоохранения и конкретные представления о количественной обеспеченности лекарственными препаратами, в которых нуждается каждый пациент, зачастую лекарства готовятся по индивидуальному рецепту, который содержит персональные данные пациента и при обращении в аптечную организацию с целью получения индивидуальной фармацевтической помощи пациент редоставляет конфиденциальную информацию о своём здоровье.

Для надзора и контроля за качеством фармацевтического обеспечения все субъекты лекарственного обеспечения (государственные и негосударственные организации, оказывающие медицинскую и фармацевтическую помощь (услуги), регуляторы разного уровня, пациенты) включены в процесс использования разнообразных информационных систем: это и информационные системы медицинских организаций, и аптечные информационные системы, системы склада и учета лекарственных препаратов, научные справочники, государственные реестры данных (например, реестр льготных категорий граждан), государственные системы закупок препаратов, системы мониторинга и контроля закупок, движения лекарственных препаратов, информационные системы контрольно-надзорных органов, и, безусловно, портал государственных услуг. Одновременно они образуют цифровую среду здравоохранения и, соответственно, информационную базу самых разнообразных персональных данных физических лиц.

Фармацевтическая деятельность, согласно ст. 4 Федерального закона от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», включает в себя оптовую торговлю лекарственными средствами, их хранение, перевозку и (или) розничную торговлю, в том числе дистанционным способом, их отпуск, хранение, перевозку, изготовление лекарственных препаратов [3]. Согласно Федеральному закону от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323-ФЗ), медицинская деятельность – профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, являющаяся комплексом мероприятий, направленных на поддержание и восстановление здоровья [3; 4], который включает в себя лечебный процесс, использующий в том числе лекарственные средства.

Аптечная организация, являясь самостоятельной организацией или структурным подразделением медицинской организации, осуществляет отпуск лекарственных препаратов для медицинского применения и розничную торговлю лекарственными препаратами, в том числе дистанционным способом, а также хранение, перевозку, изготовление лекарственных препаратов [3]. Одновременно она получает и доступ к персональным данным граждан.

Рецептурные документы также отражают персональные данные, являющиеся элементом врачебной тайны.

В соответствии со ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ врачебная тайна включает в себя «сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья, диагнозе и иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении» [4].

Иные сведения – это, в том числе, рецепт, отражающий медицинскую организацию, где лечится пациент, время обращения за оказанием медицинской помощи (услуги), лечение, в частности лекар-

ственными препаратами, которые отражают характер заболевания.

Учитывая, что, в соответствии с п. 11 ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», персональные данные это любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определённому или определяемому физическому лицу [5], то при разглашении информации, содержащейся в рецепте, происходит нарушение законодательства РФ в области персональных данных.

Основы правового режима персональных данных РФ включают в себя Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации».

Среди подзаконных актов стоит выделить Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24.12.2018 г. № 911-н «Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций», где в разделах IV, V сформулированы требования к медицинским информационным системам медицинских организаций и требования к информационным системам фармацевтических организаций [6].

Существующее законодательство, к сожалению, пока полностью не исключает противоправных действий в отношении режима конфиденциальности персональных данных. Так, с одной стороны, этому препятствует отсутствие чёткого единообразного для всего законодательства определения понятия «конфиденциальность». Например, ст. 2, п. 7 ФЗ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указывает, что конфиденциальность информации – обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя [7]. А ст. 7 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» указывает, что операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать их третьим лицам. Здесь нет прямой формулировки «сохранения тайны» [5]. С другой стороны, существующие меры административной и уголовной ответственности за разглашение персональных данных оказываются недостаточными. К сожалению, с развитием информационно-коммуникационных технологий участились случаи утечки больших данных из организаций, которые имеют право их собирать и систематизировать (в том числе в этом замечены аптечные сети). Поэтому в конце 2024 г. в КоАП РФ внесены изменения. С 30 мая 2025 г. увеличивается размер административных штрафов за все нарушения в работе с персональными данными работников и клиентов компаний, организаций. Новая редакция КоАП предусматривает за неправомерное распространение персональных данных специальных категорий (данные о здоровье пациента) штраф для должностных лиц от 1 млн до 1,3 млн руб., для ИП и компаний от 10 млн до 15 млн руб. [8].

В случае незаконной передачи информации о людях в количестве от 1 тыс. до 10 тыс. чел. штраф ИП и компаниям от 3 млн до 5 млн руб., должностным лицам государственного и муниципального органа либо некоммерческой организации от 200 тыс. до 400 тыс. руб. [8].

Уже в 2021 г. в «Стратегии цифровой трансформации…» были указаны недостатки существующей архитектуры цифрового пространства здравоохранения: неупорядоченность информационных потоков, разрозненность данных в «вертикальной среде», изолированность информации среди сервисов как на федеральном, так и на региональном уровнях [2].

Учитывая, что данная проблема является актуальной не только для фармации и медицины, но и для всей социальной и производственной сферы, которая объединена проектом «Цифровая экономика», то назрела острая необходимость создания комплексного законодательного акта для правового регулирования оборота данных и информации в цифровой форме. Безусловно, он должен носить межведомственный характер, универсальность его норм должна регулировать все сферы общественной жизни, в том числе унифицировать взаимодействие всех уровней цифрового пространства фармацевтической и медицинской деятельности, решить проблему терминологической иерархии, непротиворечия юридических дефиниций, а системность кодификации норм даст возможность системного контроля и регулирования всей цифровой сферы [9].

Он должен отразить единые принципы регулирования информационных коммуникаций, определить правовой статус субъектов в информационном пространстве, что увеличит возможности государства по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в виртуальном (в онлайн) пространстве. Одновременно это может стать и унифицированной системой контроля, и надзора в обороте информации.

Таким образом, цифровизация как новый этап развития системы здравоохранения предъявляет новые требования как к медицинским, так и фармацевтическим работникам и создание чёткого единообразного законодательства будет способствовать сохранению тайны конфиденциальности персональных данных пациента.

Литература:

1. В России уже полностью сформирован цифровой контур здравоохранения // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/50534 (дата обращения: 27.02.2025).
2. Паспорт Стратегии цифровой трансформации отрасли «Здравоохранение» до 2024 г. и на плановый период до 2030 года. URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/057/382/original/Стратегия_цифровой_трансформации_отрасли_Здравоохранение.pdf?1626341177 (дата обращения: 27.02.2025).
3. Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ. «О персональных данных» // СПС КонсультантПлюс.
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24.12.2018 г. № 911-н «Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций» // СПС Гарант.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: https://ivo.garant.ru/#/document/12125267 (дата обращения: 27.02.2025).
9. Хинштейн сообщил, что концепцию Цифрового кодекса могут представить до конца года. URL: https://tass.ru/obschestvo/19222497 (дата обращения: 27.02.2025).

Development of Digitalization of the Healthcare System of the Russian Federation and Protection of Personal Data

Grigoreva I.A., Lisenkova Ju.A.
Kazan State Medical University

The relevance of the topic is determined by the rapid changes taking place in the healthcare sector of the Russian Federation. Digitalization of the medical and pharmaceutical activities requires a detailed elaboration of the mechanism of legislative regulation of personal data protection at all stages of collection and systematization of big data, which serve as the basis for the creation of digital healthcare services. The purpose and objectives of the study are to identify contradictions in the legislation governing the confidentiality of personal data of all participants in the provision of medical and pharmaceutical care. Scientific understanding of this legal field helps to identify gaps in regulatory frameworks, and on this basis, conclusions are formulated that can contribute to further improvement of legislation in the field of personal data protection.

Keywords: healthcare system, pharmaceutical activity, medical care, medical confidentiality, personal data, confidentiality, digitalization

УДК 657
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-367-372

Развитие учета и отчетности целевого финансирования отрасли молочного скотоводства в Республике Татарстан



Исхаков А.Т.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Института экономики
Казанского государственного аграрного университета

Молочное скотоводство играет жизненно важную роль в обеспечении продовольственной безопасности и экономического благосостояния многих стран. Однако отрасль сталкивается с рядом проблем, включая низкую рентабельность, волатильность цен на молоко и растущую конкуренцию на мировом рынке. Государственная поддержка является необходимым условием для обеспечения устойчивого развития молочного скотоводства и удовлетворения растущего спроса на молочную продукцию. Целью исследования является анализ современного состояния молочного скотоводства в Республике Татарстан и государственной поддержки сельского хозяйства, а также предложение путей совершенствования учета и отчетности по целевому финансированию на уровне сельскохозяйственной организации. Цель предопределила следующие задачи: изучить современное состояние отрасли сельского хозяйства и целевого финансирования молочного скотоводства в частности, проанализировать показатели эффективности производства молочного скотоводства и целевой поддержки в республике, дать оценку эффективности государственной поддержки, предложить пути совершенствования учета и отчетности целевого финансирования. В рамках исследования рассматривается роль государственной поддержки в развитии отрасли молочного скотоводства Республики Татарстан. Исследуются различные формы поддержки, предоставляемые государственными органами, включая субсидии, гранты, льготные кредиты и программы страхования. Значимость исследования заключается в совершенствовании методологии учета и отчетности по целевому финансированию.

Ключевые слова: *молочное скотоводство, государственная поддержка, целевое финансирование, эффективность, учет, отчетность*

Для цитирования: *Исхаков А.Т. Развитие учета и отчетности целевого финансирования отрасли молочного скотоводства в Республике Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 367–372. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-367-372.*

Молочное скотоводство является одной из важнейших отраслей сельского хозяйства Республики Татарстана, которое обеспечивает пищевую промышленность необходимым сырьем и население продуктами питания. За счет развитого молочного скотоводства в регионе активно развиваются такие предприятия пищевой промышленности как молочные комбинаты, маслозаводы, сырзаводы, молочноконсервные предприятия, мясокомбинаты, кожевенные производства, мыловаренные производства и др., что способствует росту экономики региона, обеспечивает увеличение добавочной стоимости

конечной готовой продукции и, соответственно, валового регионального продукта. Молочное скотоводство кроме того стимулирует развитие малых форм хозяйствования на селе, обеспечивая развитие сельских территорий, занятость его населения. Таким образом, отрасль положительно влияет на социально-экономическую и демографическую ситуацию в республике.

Для оценки уровня развития отрасли молочного скотоводства, в том числе производственных показателей, ее государственной поддержки и эффективности нами были использованы статистические данные отрасли молочного скотоводства, собранные из официальных источников, таких как Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан, Федеральной службы государственной статистики. Также использовались исследования и аналитические отчеты, посвященные государственной поддержке молочного скотоводства.

В таблице 1 представлены производственные показатели молочного скотоводства республики.

Как видно по данным таблицы 1, поголовье скота в разрезе 2017–2022 гг. уменьшается, в том числе и поголовье коров, однако производство молока увеличивается, что говорит об увеличении продуктивности коров во всех категориях хозяйств республики. Кроме того, наблюдается первый положительный рост в части численности коров в сельскохозяйственных организациях в 2022 г. до 191,1 тыс. голов, что на 4,2 тыс. голов или на 2,2 % больше чем в 2021 г.

В таблице 2 рассмотрим эффективность производства молока в сельскохозяйственных организациях Республики Татарстан.

Как видно из данных таблицы 2, рентабельность производства молока колеблется, однако выручка от реализации молока в 2021 г. по сравнению с 2017 г. увеличилась на 9 139 264 тыс. руб.

Наиболее популярные молочные продукты, производимые в Республике Татарстане, – это сыр, творог, йогурт, масло и сливки.

Молочная продукция из Татарстана экспортируется на Ближний Восток и Закавказье, в Азию и страны Северной Африки. Целевыми странами являются Китай, Индия, Иран и страны Таможенного Союза.

По состоянию на начало октября 2024 г. экспортировано молочной продукции на сумму 15,1 млн долл. США (рост на 40 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года). В натуральном выражении объем отгруженной молочной продукции составил 7,6 тыс. т: молоко и сливки на сумму 9,7 млн долл. США; мороженое 3 млн долл. США; сыры и творог 1,5 млн долл. США; молочная сыворотка 425 тыс. долл. США [3].

В последнее время фермеры и производители проявляют все больший интерес к развитию экспорта, что может стать дополнительным катализатором развития молочного скотоводства в регионе.

За последние несколько лет в Татарстане был ряд достижений, связанных с развитием молочного скотоводства. Один из наиболее значимых успехов – это увеличение удойности коров. Благодаря разведению новых пород и внедрению современных технологий, удалось добиться значительного роста удойности. В таблице 3 представлен надой на 1 корову в Республики Татарстан.

Из таблицы 3 следует, что надой на 1 корову в хозяйствах всех категорий в 2022 г. составил 6386 кг, что является максимальным значением за анализируемый период и больше по сравнению с 2017 г.

Таблица 1

Производственные показатели молочного скотоводства Республики Татарстан в разрезе сельхозтоваропроизводителей за 2017–2022 гг. [1]

Показатели	Годы					
	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Поголовье скота по категориям хозяйств, тыс. голов						
Хозяйства всех категорий	1025,9	1011,9	999,9	978,0	938,4	914,8
в том числе:						
сельскохозяйственные организации	644,5	628,9	606,7	582,7	547,2	531,8
хозяйства населения	289,7	291,0	290,5	290,4	282,8	275,9
крестьянские (фермерские) хозяйства	91,7	92,0	102,7	104,9	108,4	107,1
в том числе коровы						
Хозяйства всех категорий	354,2	354,3	344,7	336,5	327,3	331,1
в том числе:						
сельскохозяйственные организации	211,7	212,9	203,8	196,4	186,9	191,1
хозяйства населения	110,2	109,7	106,2	103,1	101,6	101,4
крестьянские (фермерские) хозяйства	32,3	31,7	34,7	37,0	38,8	38,6
Производство молока, тыс. т						
Хозяйства всех категорий	1823,8	1848,0	1896,1	1942,6	1958,6	2037,9
в том числе:						
сельскохозяйственные организации	1111,9	1140,4	1175,4	1225,8	1245,9	1322,6
хозяйства населения	554,0	552,5	546,0	535,5	525,9	519,3
крестьянские (фермерские) хозяйства	157,9	155,1	174,7	181,3	186,8	196,0

Таблица 2

Эффективность производства молока в сельскохозяйственных организациях Республики Татарстан за 2017–2021 гг. [2]

Показатели	Годы				
	2017	2018	2019	2020	2021
Затраты на основное стадо крупного рогатого скота молочного направления продуктивности, тыс. руб.	21557342	22661742	24679265	27029850	30617874
в том числе					
оплата труда с отчислениями на социальные нужды, тыс. руб.	4007776	4207953	4444704	4698987	5063147
материальные затраты, тыс. руб.	14337366	13866267	15173501	16891644	19650782
из них корма, тыс. руб.	9563782	9895724	11028087	12165741	14500067
затраты на страхование, тыс. руб.	12147	21181	18649	15758	19662
прочие, тыс. руб.	3200053	4566341	5042411	5423461	5884283
Выручка от реализации молока, тыс. руб.	22072283	20101889	24755550	27856590	31211547
Рентабельность, %	102,4	88,7	100,3	103,1	101,9

Таблица 3

Средний надой на 1 корову в РТ за 2017–2022 гг., кг [4]

	Годы					
	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Хозяйства всех категорий	5243	5352	5574	5875	6027	6389
Хозяйства населения (граждане)	4826	4885	4926	4963	4974	4968
Сельскохозяйственные организации (все сельхозпредприятия)	5450	5605	5899	6438	6730	7362
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	5395	5346	5749	5520	5390	5529

на 1146 кг или 22 %. Рост продуктивности коров по сравнению с 2021 г. составил 6 %. Данный рост обеспечен за счет роста продуктивности коров за анализируемый период в сельскохозяйственных организациях на 35 % до 7362 кг.

Молочное скотоводство в Татарстане является важной отраслью экономики республики. В связи с этим, в дополнение к федеральной помощи Правительство Татарстана активно поддерживает молочников, оказывая помощь в модернизации ферм, обеспечении кормами и селекции животных.

В таблице 4 рассмотрим виды субсидий, выделяемых на молочное скотоводство в разрезе бюджетов РФ и РТ.

Исходя из данных таблицы 4, видим, что в Республике Татарстан из регионального бюджета выделяется более 50 % субсидий на поддержку молочного скотоводства, что говорит о приоритетности данной отрасли в сельском хозяйстве региона.

В 2022 г. в Республике Татарстан реализована грантовая поддержка КФХ «Агростартап» в размере 158,9 млн руб., из 94 чел. заявителя победителями оказалось 68 чел. Из них по молочному скотоводству было 18 участников [6]. По развитию семейных животноводческих ферм государственной поддержки выделено 387,4 млн руб. в 2022 г. По молочному скотоводству было 8 победителей из 36 заявленных участников [6; 7]. Данные показатели отражают большую заинтересованность государства в развитии отрасли.

В сфере молочного скотоводства целевое финансирование оборотных средств играет ключевую роль в поддержании операционной деятельности, обеспечении оптимального состояния стада и повышении продуктивности.

Эффективное использование целевого финансирования оптимизирует распределение ресурсов, способствуя повышению производительности, сокращению потерь и повышению рентабельности фермы. Финансирование помогает внедрять решения в области здравоохранения, включая меры по профилактике заболеваний и своевременному лечению, улучшению общего состояния здоровья стада и сокращению потенциальных потерь.

Целевое финансирование помогает справиться с сезонными колебаниями в производстве молочной продукции, обеспечивая финансовую поддержку для управления запасами и денежными потоками в периоды дефицита. Доступ к целевому финансированию помогает молочным фермерам ориентироваться в колебаниях рыночных цен на корма и молоко, снижая риски, связанные с волатильностью цен [8–10].

В связи с этим, вопросы совершенствования методологии учета и отчетности целевого финансирования в молочном скотоводстве приобретают актуальность.

Управление и учет финансовых средств, выделяемых на приобретение оборотных и внеоборотных активов в молочном скотоводстве, представляют собой важнейший аспект поддержания операционной эффективности, обеспечения здоровья стада и содействия устойчивому росту. Совершенствование методологии учета и отчетности по целевому фи-

Таблица 4

Целевое финансирование молочного скотоводства в РТ в 2022 г., млн руб. [5]

Вид субсидии	Бюджет РФ	Бюджет РТ	ИТОГО
Субсидии, направленные на повышение продуктивности в молочном скотоводстве	456,3	304,2	760,5
Субсидии на возмещение части затрат на уплату страховых премий по договорам сельскохозяйственного страхования в области животноводства	13,8	9,2	23,0
Субсидии на поддержку племенного животноводства	185,2	123,5	308,7
На стимулирование производства молока путем наращивания поголовья коров	244,1	162,8	406,9
Субсидии на возмещение части прямых понесенных затрат на создание и (или) модернизацию объектов агропромышленного комплекса	1278,9	67,3	1346,2
Субсидии на поддержку племенного животноводства	-	911,3	911,3
Субсидии на финансовое обеспечение части затрат, связанных с приобретением племенных нетелей молочного направления	-	375	375
Субсидии гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство, на возмещение части затрат по строительству мини-ферм молочного направления	-	79,9	79,9
Субсидии гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство на возмещение части затрат на приобретение товарного и племенного поголовья нетелей и первотелок	-	5,4	5,4
Субсидии гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство на возмещение части затрат на содержание дойных коров, козоматок и козочек старше одного года, в т.ч. ветеринарные мероприятия	-	332,3	332,3
Субсидии СПОК на строительство ферм по содержанию КРС молочного направления на территории мини-молочных парков	-	30	30
Субсидии сельскохозяйственным товаропроизводителям на возмещение части затрат, связанных с проектированием и государственной экспертизой проектно-сметной документации на строительство молочных комплексов	-	20	20
Субсидии на строительство коровников от 140 до 390 голов и овцеводческих ферм от 500 до 5000 голов	-	52,1	52,1
Субсидии на капитальный ремонт коровников мощностью 200 голов и более, строительство доильно-молочных блоков	-	37,3	37,3
ВСЕГО	2178,3	2510,3	4688,6

нансированию этих расходов имеет важное значение для прозрачности, точности и принятия стратегических решений в молочной отрасли.

Методология целевого финансирования предполагает структурированное распределение и отслеживание средств, специально предназначенных для приобретения оборотных и внеоборотных средств, необходимых для ведения молочного скотоводства [10–15].

Предлагаем следующие направления совершенствования методологии учета и отчетности государственной поддержки:

1. На действующем счете бухгалтерского учета 86 «Целевое финансирование» рекомендуем открыть следующие субсчета первого порядка, например, 86.1 «Средства из федерального бюджета», 86.2 «Средства из регионального бюджета» и 86.3 «Средства из других источников». К данным субсчетам открыть субсчета второго порядка, например, 86.1.1 «Животноводство», 86.1.2 «Растениеводство» и др. Это позволит повысить информативность менеджмента предприятия, а также обеспечит контроль освоения полученных ресурсов в разрезе направлений поддержки.

2. В специализированную бухгалтерскую отчетность сельскохозяйственного предприятия включить раздел о целевом финансировании в связке с результативными показателями (продуктивность, валовый сбор, производительность труда, рентабельность, выручка и др.), которые изменяются в связи с получением данного финансирования. Данная информация позволит отслеживать эффективность целевого финансирования и необходимость дальнейшей поддержки. На уровне региона страны данная информация позволит оценить степень освоения и эффективность целевого финансирования тем или иным сельскохозяйственным предприятием в динамике и поможет в принятии решения о дальнейшей его поддержке;

3. Осуществить точную классификацию активов, приобретенных за счет целевого финансирования, что обеспечит четкое разграничение затрат и выгод для каждой категории активов;

4. Тщательно отслеживать расходы, связанные с каждым текущим активом, что позволит детально распределить средства, выделенные и использованные для различных оперативных нужд.

Все перечисленные направления повысят прозрачность и точность отчетности, снизят финансовые риски, будут способствовать более эффективному планированию бюджета и сведут к минимуму возможные расхождения в использовании средств.

Совершенствование методологий учета и отчетности при целевом финансировании приобретения активов в молочном скотоводстве является неотъемлемой частью эффективности, прозрачности и устойчивости отрасли. Внедряя усовершенствованные системы, молочные фермы могут точно распределять, контролировать и отчитываться об использовании целевых средств, тем самым оптимизируя работу, обеспечивая увеличение стада и способствуя постоянному росту в молочном секторе.

Литература:

1. Животноводство в Республике Татарстан // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ %D0 %96 %D0 %B8 %D0 %B2 %D0 %BE %D1 %82 %D0 %BD %D0 %BE %D0 %B2 %D0 %BE %D0 %B4 %D1 %81 %D1 %82 %D0 %B2 %D0 %BE(8).pdf (дата обращения: 13.09.2024).
2. Консолидированная бухгалтерская отчетность по сельхозтоваропроизводителям Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан за 2021 год. URL: https://agro.tatarstan.ru/otchet-o-realizatsii-gp-za-2021.htm
3. В Республике Татарстан на 39,7 % увеличился экспорт молочной продукции // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан. URL: https://agro.tatarstan.ru/index.htm/news/2351904.htm (дата обращения: 09.11.2024).
4. Надой молока на 1 корову // Витрина статистических данных. URL: https://showdata.gks.ru/report/278968/ (дата обращения: 13.09.2024).
5. Информация об объемах средств на господдержку АПК РТ в 2022 году // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан. URL: https://agro.tatarstan.ru/file/pub/pub_3167705.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
6. Фермеры Татарстана по программе «Агростартап» получили гранты почти на 160 млн рублей // Татар-информ. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/fermery-tatarstana-po-programme-agrostartap-polucili-granty-pocti-na-160-mln-rublei-5889986 (дата обращения: 13.09.2024).
7. Информацию об итогах выполнения Государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Республике Татарстан на 2013–2025 годы» за 2022 год и планах на I квартал 2023 года // Государственный Совет Республики Татарстан. URL: https://gossov.tatarstan.ru/file/gossov/docs/other_28868.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
8. Субаева А.К., Александрова Н.Р., Мавлиева Л.М., Низамутдинов М.М. Роль государственной поддержки в технической и технологической модернизации развития селского хозяйства в регионах Приволжского федерального округа // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2017. Т. 12. № 4(46). С. 126–131. DOI: 10.12737/article_5a5f0e5d754ed7.95427576.
9. Александрова Н.Р., Субаева А.К., Низамутдинов М.М., Титов Н.Л. Совершенствование государственной поддержки развития молочного скотоводства // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2020. Т. 15. № 1(57). С. 99–104. DOI: 10.12737/2073-0462-2020-99-104.
10. Клычова Г.С., Нуриева Р.И. Государственная помощь сельскохозяйственному производству как объект учета: сущность и принципы организаци // Международный бухгалтерский учет. 2022. Т. 25. № 3(489). С. 282–299. DOI: 10.24891/ia.25.3.282.
11. Низамутдинов М.М., Парфенова К.А. Развитие методического инструментария внутреннего контроля оборотных активов в молочном скотоводстве // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2023. Т. 18. № 1(69). С. 131–137. DOI: 10.12737/2073-0462-2023-131-137.
12. Нуриева Р.И. Совершенствование форм отчетности в отношении раскрытия информации о государственных субсидиях // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2015. Т. 10. № 3(37). С. 25–29. DOI: 10.12737/14748.
13. Клычова Г.С., Закирова А.Р., Юсупова А.Р., Хайруллина И.М. Формирование социальной отчетности в органическом животноводстве // Международный бухгалтерский учет. 2021. Т. 24. № 3(477). С. 297–315. DOI: 10.24891/ia.24.3.297.
14. Хоружий Л.И., Алборов Р.А., Концевая С.М. Бухгалтерский учет материальных и биологических запасов в сельском хозяйстве // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2021. № 2. С. 24–31. DOI: 10.51760/2308-9407_2021_2_24.
15. Голова Е.Е. Бухгалтерский учет субсидий в сельскохозяйственных организациях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 1. С. 23–28. DOI: 10.17513/vaael.2034.

Development of Accounting and Reporting of Targeted Financing of the Dairy Cattle Industry in the Republic of Tatarstan

Iskhakov A.T.
Kazan State Agrarian University

Dairy farming plays a vital role in ensuring food security and economic well-being in many countries. However, the industry faces a number of challenges, including low profitability, volatile milk prices, and growing competition in the global market. Government support is a prerequisite for ensuring the sustainable development of dairy farming and meeting the growing demand for dairy products. The purpose of the study is to analyze the current state of dairy cattle breeding in the Republic of Tatarstan and state support for agriculture, as well as to propose ways to improve accounting and reporting on targeted financing at the level of an agricultural organization. The goal predetermined the following tasks: to study the current state of the agricultural sector and targeted financing of dairy cattle breeding, in particular, to analyze the efficiency indicators of dairy cattle production and targeted support in the republic, to assess the effectiveness of state support, to suggest ways to improve the accounting and reporting of targeted financing. The research examines the role of state support in the development of dairy cattle breeding in the Republic of Tatarstan. The various forms of support provided by government agencies, including subsidies, grants, concessional loans, and insurance programs, are being investigated. The significance of the research lies in improving the methodology of accounting and reporting on targeted financing.

Keywords: dairy cattle breeding, government support, targeted financing, efficiency, accounting, reporting

УДК 330.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-373-377

Основные приоритеты в обеспечении продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации



Савина О.В.
Доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры экономики, менеджмента, организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань)



Торженова Т.В.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности, анализа и учета Рязанского государственного радиотехнического университета имени В.Ф. Уткина

В статье показана взаимосвязь вопросов обеспечения продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы (УИС) с общим уровнем продовольственной безопасности страны. Проведен анализ основных индикаторов обеспечения продовольственной безопасности государства: продовольственной независимости, защищенности, экономической и физической доступности продовольствия. Выявлены основные проблемы обеспечения продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы в контексте общего состояния уровня продовольственной безопасности страны. Приоритетным направлением укрепления продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы на современном этапе является повышение уровня самообеспечения продуктами питания путем развития государственно-частного партнерства производственного сектора УИС с бизнесом. Это требует совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей новые формы взаимодействия учреждений ФСИН и бизнеса.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, продовольственная безопасность, приоритеты продовольственной безопасности, производственный сектор УИС, государственно-частное партнерство*

Для цитирования: *Савина О.В., Торженова Т.В. Основные приоритеты в обеспечении продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 373–377. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-373-377.*

Одной из главных составляющих экономической безопасности России всегда являлась продовольственная безопасность страны, а в последние годы особенно в условиях санкций недружественных стран она стала основным приоритетом не только для государства в целом, но и для учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Исследованию вопросов продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) посвящены работы таких авторов, как А.К. Дубовик, А.Н. Вдовина, Т.А. Монтлевич, Е.П. Радченко, Ю.Ю. Тищенко, В.А. Седых, А.В. Родионов и др. [1–5]. Основное внимание в работах указанных авторов уделено вопросам рисков

и угроз при проведении закупок продовольствия учреждениями УИС. Однако, на наш взгляд, обеспечение продовольственной безопасности уголовно-исполнительней системы следует рассматривать несколько шире, так как оно во многом определяется общим уровнем продовольственной безопасности нашей страны.

Уровень продовольственной безопасности нашей страны зависит от многих факторов, основные из которых следующие:

1) сельскохозяйственный потенциал страны, включающий в себя наличие плодородных земель, технологический уровень развития производства, показатели химизации, наличие квалифицированных кадров;

2) развитый продовольственный рынок;

3) объем экспорта и импорта продовольственных ресурсов;

4) угрозы продовольственной безопасности [6].

Для понимания уровня обеспечения и определения приоритетов продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы нужно провести оценку современного состояния продовольственной безопасности России. Для этого используем основные индикаторы, приведенные в «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20), а именно: продовольственная независимость и защищенность, экономическая и физическая доступность продовольствия [7; 8].

Для определения уровня защищенности продовольственной безопасности в РФ проанализируем динамику показателей защиты продовольственной безопасности в части обеспечения экономической безопасности государства (табл. 1).

Анализ динамики показателей защиты продовольственной безопасности за период 2021–2023 гг. показывает в большей степени позитивные тенденции. Рост самообеспечения происходит по всем основным продуктам, кроме рыбы. Снижается уровень бедности, это видно из сокращения доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума на 2,6 %, что положительно сказывается на доступности продовольствия для населения. Энерговооруженность труда и энергообеспеченность сельскохозяйственных организаций демонстрируют рост на 4 и 3 % соответственно, что способствует повышению эффективности производства.

Однако, имеется и ряд негативных тенденций, влияющих на уровень продовольственной защищенности России. Так, в структуре расходов домашних хозяйств на конечное потребление достаточно высока доля расходов на питание (31,5 % в 2023 г.), несмотря на снижение данного показателя в последние годы (на 0,7 % с 2021 по 2023 гг.). Индекс потребительских цен на продовольственные товары также достаточно высок, показывая ежегодный рост цен на продукты питания на 8,2–10,6 %, что негативно влияет на продовольственную доступность для населения.

Еще одним значимым показателем, характеризующим продовольственную безопасность страны, считается экономическая доступность продуктов питания, для определения которой следует рассмотреть потребление всех категорий продуктов питания в России на душу населения (табл. 2).

Таким образом, ситуация с продовольственной безопасностью страны в части обеспечения экономической безопасности неоднозначна. Например, санкции недружественных стран и активная реализация политики импортозамещения в сфере производства продовольствия оказывают влияние на уровень потребления основных продуктов питания, который за исследуемый период увеличился на

Таблица 1

Динамика показателей защиты продовольственной безопасности, %

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменения за три года, (+,-)
Уровень продовольственной независимости (самообеспечения) по основным продуктам питания:				
Зерно	165,6	148,3	191,4	25,8
Мясо	99,7	101,8	101,7	2,0
Молоко	84,3	85,7	86,0	1,7
Яйца	98,2	98,0	98,6	0,4
Рыба	153,7	165,3	152,9	-0,8
Картофель	88,7	94,5	101,0	12,3
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	88,5	88,5	89,1	0,6
Фрукты и ягоды	44,4	47,3	44,6	0,2
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума	11,1	9	8,5	-2,6
Доля расходов на питание в структуре расходов домашних хозяйств на конечное потребление	32,2	32,9	31,5	-0,7
Индекс потребительских цен на продовольственные товары	110,6	110,3	108,2	-2,4
Энерговооруженность труда в сельскохозяйственных организациях	92	94	96	4
Энергообеспеченность сельскохозяйственных организаций	200	198	203	3

Источник: составлено авторами на основании данных Росстата.

Таблица 2

Потребление основных продуктов питания по Российской Федерации на душу населения в год

Наименование продукции	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. в % к 2021 г.
Яйца и яйцепродукты, шт	279	288	290	103,9
Хлебные продукты, кг	113	113	112	99,1
Фрукты и ягоды, кг	62	63	66	106,5
Сахар, кг	38	39	39	102,6
Овощи и продовольственные бахчевые культуры, кг	103	104	105	101,9
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо, кг	77	78	80	102,6
В том числе мясо и мясопродукты без субпродуктов II категории и жира-сырца, кг	71	72	74	104,2
Молоко и молочные продукты, кг	239	241	247	103,3
Растительное масло, кг	13,5	13,8	13,8	102,2
Картофель, кг	83	84	86	103,6

Источник: составлено авторами на основании данных Росстата.

2–6 %. Однако сохраняются проблемы, связанные с неравномерностью доходов населения, нестабильностью некоторых показателей, высокими ценами на продовольствие.

Анализ данных последних лет показывает, что Россия достигла высокого уровня самообеспечения по большинству продуктов питания [6]. Однако имеется ряд существенных проблем с качеством и безопасностью отечественных продуктов питания, а также с недостаточно широком ассортиментом [9]. Такая ситуация, безусловно, негативно отражается на обеспечении продовольственной безопасности как в целом для страны, так и для уголовно-исполнительной системы.

В контексте общего состояния уровня продовольственной безопасности нашей страны рассмотрим теперь основные проблемы обеспечения продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы.

Обеспечение продовольствием системы УИС в России осуществляется через государственный оборонный заказ и включает в основном два источника – закупки от внутрисистемных производителей и от сторонних поставщиков [3]. Исследование динамики закупок продовольствия учреждениями ФСИН России в последние годы показывает резкое увеличение доли сторонних организаций в структуре закупочной деятельности при одновременном снижении внутрисистемных закупок (рис. 1).

Как видим, на протяжении пяти лет с 2017 по 2021 гг. доля внутрисистемных закупок продовольствия учреждениями УИС снизилась практически в два раза, в то время как доля закупок продовольствия от сторонних организаций выросла в 2,4 раза. Так, в 2021 г. доля закупок от сторонних организаций в структуре всех контрактов УФСИН по продовольствию составила около 56 %, и этот показатель продолжает расти. Как отмечают многие авторы, причины такого перекоса кроются в низкой эффективности сельскохозяйственного производства в аграрном секторе УИС. В качестве примера приведем данные по урожайности картофеля в сельскохозяйственных организациях УИС по Рязанской области в сравнении с промышленным сектором области в 2019–2021 гг. (рис. 2) [11].

Как видим, в 2021 г. урожайность картофеля в сельхозугодиях УИС по Рязанской области была в 2,5 раза меньше, чем в промышленном секторе области. Все это указывает на низкую эффективность организации сельскохозяйственного производства в аграрном секторе УИС, которая в свою очередь обусловлена недостаточным уровнем финансирования аграрного сектора. Как следствие, низкая фондовооруженность, нехватка квалифицированных специалистов, способных организовать аграрное производство на современном высокотехнологичном уровне, отсутствие специализированных складских помещений для хранения произведенной продукции. Все это, безусловно, отражается на эффективности аграрного сектора



Рис. 1. Динамика внутрисистемных и сторонних закупок продовольствия в структуре закупочной деятельности УИС в 2017–2021 гг., %

Источник: составлено авторами с использованием [4; 10].

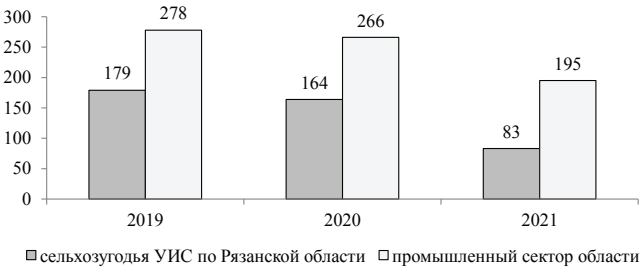


Рис. 2. Урожайность картофеля в хозяйствах различных форм собственности в Рязанской области в 2019–2021 гг., ц/га [11]

УИС, делая его неконкурентоспособным, а продукцию слишком дорогой.

Преобладание сторонних поставщиков в структуре закупок продовольствия учреждений УИС создает ряд рисков и угроз продовольственной безопасности УИС, вызванных зависимостью продовольственного обеспечения УИС от внешних факторов. И здесь, прежде всего, следует назвать угрозу приобретения продуктов питания ненадлежащего качества и безопасности, а порой и просто фальсифицированного товара и оплату его за счет средств федерального бюджета [1; 12].

Не менее важной проблемой, представляющей угрозу продовольственной безопасности УИС при преобладании сторонних закупок, следует считать зависимость от колебаний конъюнктуры внешнего рынка. В таблице 3 показан рост цен на основные виды сельскохозяйственной продукции за три года с 2020 по 2022 гг.

Таблица 3

Средние цены производителей сельскохозяйственной продукции, тыс. руб./т

Наименование продукции	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Зерновые и зернобобовые	11900	14288	13225
Овощи	58193	68491	79426
Картофель	11812	17530	18861
Скот и птица	87003	104722	107470
Молоко КРС	25861	27451	32981
Яйца куриные за 1000 шт	4356	5606	5528

Источник: данные Росстата.

Постоянный рост цен на продукты питания снижает уровень их доступности и повышает расход средств Федерального бюджета на выполнение контрактных закупок. Это в свою очередь может привести к ограничению ассортимента доступных продуктов питания, приобретаемых через систему госзакупок.

С учетом обозначенных проблем остро встает вопрос здоровья контингента учреждений ФСИН, ведь при неполноценном питании организм человека недополучает необходимых питательных веществ и микроэлементов. А это в свою очередь не позволяет в полной мере обеспечить саму концепцию продовольственной безопасности, обозначенную в «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации», стратегической целью которой является «обеспечение населения безопасным и качественным продовольствием, в достаточных объемах в соответствии с нормами потребления пищевой продукции» (п. 16, раздел 5) [13].

Решение проблем обеспечения продовольственной безопасности УИС многие исследователи видят в повышении уровня самообеспечения продовольствием учреждений ФСИН, однако в современных условиях при сложившемся дефиците бюджетного финансирования это требует поиска дополнительных источников инвестирования. Выход из сложившейся ситуации предложен в ряде работ Е.П. Радченко, А.Н. Вдовиной, В.А. Седых, Т.А. Монтлевич, П.В. Родионова и др., которые предлагают внедрять в производственный сектор УИС проекты государственно-частного партнерства с бизнесом [3; 4; 14]. Экономико-правовые модели и механизм реализации такого партнерства достаточно подробно изложены в работе В.А. Седых и А.В. Родионова. Авторы считают данное направление повышения эффективности продовольственного обеспечения УИС наиболее значимым в современных условиях, однако для его успешного развития необходимо совершенствование правовых норм регулирования новых форм взаимодействия ФСИН России и бизнеса [5].

В заключение следует подчеркнуть, что обеспечение продовольственной безопасности является ключевым аспектом экономической безопасности уголовно-исполнительной системы. Приоритетным направлением укрепления продовольственной безопасности является достижение максимального уровня самообеспечения качественными продуктами питания. При сложившемся дефиците бюджетного финансирования необходим поиск дополнительных источников инвестирования в производственный сектор УИС. Перспективным здесь может стать широкое развитие взаимодействия учреждений УИС и бизнеса, для чего потребуется совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей новые формы взаимодействия учреждений ФСИН и бизнеса. Реализация проектов государственно-частного партнерства с бизнесом в сельскохозяйственном секторе УИС позволит снизить зависимость системы от внешних закупок продовольственных товаров и увеличивать производство внутрисистемной сельскохозяйственной продукции. Это будет способствовать укреплению экономики уголовно-исполнительной системы и созданию новых рабочих мест для осужденных, а также улучшению качества производимой продукции.

Литература:

1. Вдовина А.Н. Качество продуктов питания как одна из составляющих продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Вып. 2. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2021. С. 224–227.
2. Дубовик А.К. Продовольственная безопасность в учреждениях уголовно-исполнительной системы // NovaInfo.Ru. 2017. № 69. С. 114–117.
3. Радченко Е. П., Тищенко Ю. Ю. Некоторые особенности обеспечения закупочной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Право и управление в уголовно-исполнительной системе. 2023. № 1. С. 342–345 .
4. Седых В.А., Радченко Е.П., Монтлевич Т.А. Обеспечение экономической безопасности: проблемы закупок продуктов питания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 3А. С. 21–28.
5. Седых В.А., Родионов А.В. Обеспечение продовольственной безопасности в процессе формирования и реализации современной уголовно-исполнительной политики // Ведомости уголовно-исполнительной системы, 2017. № 11(186). С. 35–50.
6. Суглобов А.Е., Седых В.А., Родионов А.В., Савина О.В. Актуальные проблемы обеспечения продовольственной безопасности в условиях санкций недружественных государств. М.: Издательско-торговая корпорация Дашков и К, 2025. 248 с.
7. Савина О.В. Анализ основных критериев обеспечения продовольственной безопасности региона (на материалах Рязанской области) // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12. № 2. С. 66–76.
8. Торженова Т.В., Горшкова Г.Н. Составляющие продовольственного обеспечения региона в системе экономической безопасности // Наука и бизнес: пути развития. 2020. № 10 (112). С. 91–95.
9. Торженова Т.В., Мамонов Р.А. Современные проблемы обеспечения продовольственной безопасности // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12, № 2. С. 47–56.
10. Статистика Федеральной службы исполнения наказаний. URL: https://fsin.gov.ru/statistics/
11. Савина О.В., Платонова О.В. Состояние производства картофеля на режимных объектах УФСИН России по Рязанской области // Проблемы устойчивого экономического развития в системе управления организацией, предприятием, учреждением уголовно-исполнительной системы: Сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф., Рязань, 20 мая 2023 г. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2024. С. 180–185.
12. Савина О.В., Аксенова Е.С. Экспертиза продовольственных товаров, поставляемых для обеспечения государственных и муниципальных нужд, как инструмент формирования продовольственной безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2024. Т. 32. № 4. С. 554–563.
13. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС Гарант.
14. Радченко Е.П., Вдовина А.Н. Государственно-частное партнерство в целях обеспечения продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 10А. С. 100–108.

The Main Priorities in Ensuring Food Security of the Penal System of the Russian Federation

Savina O.V.
The Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia
Torzhenova T.V.
Ryazan State Radio Engineering University

The article shows the relationship between the issues of ensuring food security of the penal system and the level of food security in the country. The analysis of the main indicators of ensuring food security of the state is carried out: food independence, security, economic and physical accessibility of food. The main problems of ensuring food security of the penal system in the context of the level of the country's food security are identified. It is shown that the priority direction of strengthening the food security of the penal system is to increase the level of self-sufficiency in food through the development of public-private partnership between the penal system and business. This requires improving the regulatory framework governing new forms of interaction between FSIN institutions and businesses.

Keywords: penal system, food security, priorities of food security, production sector of the penal system, public-private partnership

УДК 34.01
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-378-382

Формирование новой организационно-правовой модели деятельности среднего медицинского персонала в Российской Федерации



Смирнова О.М.
Кандидат юридических наук, доцент
кафедры биомедэтики, медицинского права и истории медицины
Казанского государственного медицинского университета



Щербаков В.А.
Старший преподаватель кафедры биомедэтики, медицинского права и истории медицины
Казанского государственного медицинского университета,
магистрант юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

Здравоохранение, являясь ключевой сферой социальной жизни государства, в современных условиях требует создания новых организационных институтов и, соответственно, их правового закрепления. Целью и задачей исследования является анализ существующей модели организации оказания медицинской помощи несовершеннолетним в общеобразовательных организациях, её нормативное регулирование. Научное осмысление исследования формирует необходимость сформулировать положения, которые могут быть использованы при разработке законопроектов о «школьной медицине».

Ключевые слова: *медицинский работник, организация охраны здоровья детей, трудовые функции медицинского работника, стандарты оказания медицинской помощи, медицинская сестра, врач-педиатр*

Для цитирования: *Смирнова О.М., Щербаков В.А. Формирование новой организационно-правовой модели деятельности среднего медицинского персонала в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 378–382. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-378-382.*

Достижения медицины начала XXI в. открывают новые возможности по укреплению здоровья населения. Интенсивность внедрения передовых методик профилактики и лечения ставят новые задачи системе здравоохранения Российской Федерации. Поэтому требуется создать современные организационно-правовые формы модели профессиональной деятельности медицинских работников, которые бы включали в себя принцип доступности, качества оказания медицинской помощи всем социальным группам, независимо от возраста и социального положения и одновременной оптимизацией процессов организации здравоохранения с учётом современных технологий управления.

Научно-техническое развитие медицины, системы оздоровления и профилактики населения требует не столько оптимизации сети медицинских учреждений, сколько формирования кадрового потенциала, который может работать в современных условиях потребности общественного здравоохранения. К сожалению, косность профессиональных стандартов по подготовке медицинских работников

сегодня становится препятствием для реформирования труда в системе здравоохранения [1].

Ещё в 2018 г. опрос медиков показал, что среднему медицинскому персоналу следует расширить перечень трудовых функций, что даст больше полномочий в процессе лечения пациента, его выздоровлении, а также возможности соответствия квалификационным требованиям, близким к трудовым функциям врача [2].

Представители Центрального НИИ организации и информатизации Министерства здравоохранения РФ, врачи в целом поддерживают инициативу расширения трудовых функций медицинской сестры (62,3 %), но большинство медицинских сестёр заявили о неготовности к увеличению объёмов работы (63,7 % респондентов) [3].

29 января 2020 г. Министр здравоохранения РФ М.А. Мурашко, выступая на заседании Комитета Совета Федерации по социальной политике, отметил, что «для подготовки качественного, соответствующего современным требованиям кадрового ресурса необходимо не менее семи – восьми лет. Особо он обратил внимание на необходимость формирования новых профессиональных компетенций среднего медицинского персонала, его ответственности в соответствии с современными требованиями» [2].

Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» выделяет принцип охраны здоровья детей в качестве приоритетного. В 2023 г. в ч. 3 ст. 7 «Приоритет охраны здоровья детей» было внесено изменение: теперь медицинские организации, организации, осуществляющие образовательную деятельность, общественные объединения и иные организации обязаны признавать и соблюдать права детей в сфере охраны здоровья [4].

В 2024 г. Счетная палата РФ выпустила очередной Бюллетень, в котором проанализирована эффективность расходования средств федерального бюджета на переоснащение материально-технической базы детских учреждений здравоохранения, оказывающих первичную медико-санитарную помощь. Он показал, что сфера детского здравоохранения пока не соответствует требуемому уровню доступности всего спектра существующих медицинских услуг. Одна из проблем – нехватка квалифицированных специалистов-педиатров в субъектах Российской Федерации, а также обращено внимание на дефицит врачей узкой специализации, оказывающих медицинскую помощь детям [5].

На законодательном уровне сделана попытка частично решить эту проблему. Так, в 2023 г. в Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323-ФЗ) в ст. 7 были внесены изменения, касающиеся организации первой помощи в организациях, осуществляющих образовательную деятельность. Одновременно была дополнена ст. 41 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Согласно новой редакции, первую помощь вправе оказывать педагогические работники и иные лица при наличии соответствующих подготовки и (или) навыков [6].

Согласно Приказу Министерства здравоохранения № 822н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи несовершеннолетним, в том числе в период обучения и воспитания в образовательных организациях», несовершеннолетним в период обучения и воспитания в образовательных организациях оказываются все виды медицинской помощи, согласно Федеральному закону № 323-ФЗ, в том числе первичная медико-санитарная и доврачебная. Данный порядок указывает, что образовательная организация обязана предоставить медицинской организации помещение безвозмездно, с соответствующими условиями и требованиями для осуществления медицинской деятельности, т.е. в структуре общеобразовательной организации должны быть отделения медицинской помощи с соответствующими стандартами оснащения.

В п. 16 «Порядка оказания медицинской помощи несовершеннолетним, в том числе в период обучения и воспитания в образовательных организациях» могут быть предусмотрены должности медицинских работников. Эта норма способствовала тому, что врач-педиатр не был оформлен штатным сотрудником медицинской организации, а, соответственно, профессионально-материальные стимулы, которые распространяются на штатных сотрудников медицинской организации не создавали условий для качественных профилактических и лечебных мероприятий в условиях образовательной организации. «Положение об отделении организации медицинской помощи несовершеннолетним в образовательных организациях» говорит лишь о рекомендуемых штатных нормативах медицинских работников (п. 6). Их квалификационные требования – специалист с высшим и послевузовским медицинским и фармацевтическим образованием в сфере здравоохранения. Учитывая кадровый дефицит при оказании медицинской помощи медицинскими организациями, на сегодняшний день отсутствует возможность укомплектовать все общеобразовательные организации [7].

Одновременно данная инициатива реализует принцип доступности при оказании медицинской помощи, который подразумевает создание эффективных моделей охраны здоровья детей по принципу приближённости к месту обучения. Воссоздание школьных медицинских пунктов с постоянной работающей медицинской сестрой создаёт возможность использовать не только превентивные меры первой помощи, но, благодаря современной оснащённости

медицинским оборудованием, присутствию высококвалифицированного специалиста, значительно снижает риски, влекущие за собой неблагоприятные последствия для пациентов.

В 2020 г. утверждён новый Профессиональный стандарт «Специалист по оказанию медицинской помощи несовершеннолетним, обучающимся в образовательных организациях» [8]. Наличие высшего медицинского образования по-прежнему является первым этапом профессионального допуска медицинской сестры к работе в образовательной организации с несовершеннолетними. Учитывая специфику повседневной жизни образовательной организации, трудовые функции «школьной медицинской сестры», во-первых, ориентированы на профилактические мероприятия, их цель – раннее выявление патологий, возникающих в организме ребёнка под воздействием факторов, нарушающих нормирование образовательного процесса. Выявление девиантных форм поведения, сопряжённых с потреблением психотропных и иных запрещённых веществ, требует от неё не только особой психолого-педагогической и этической подготовленности, но и знания законодательства Российской Федерации, которое регулирует этапы взаимодействия с несовершеннолетними в трудных жизненных ситуациях.

Цифровизация – ещё один фактор неблагоприятно воздействующий на здоровье детей и подростков в процессе образования. Поэтому 14 августа 2019 г. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) и Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) утвердили «Методические рекомендации об использовании устройств мобильной связи в общеобразовательных организациях» [9]. Несмотря на рекомендательный характер данного документа, он является базовым для трудовой деятельности медицинской сестры в работе, в том числе и с педагогическим коллективом в создании здоровьесберегающей среды образовательного учреждения в соответствии с Профессиональным стандартом.

Понятие «здоровье человека» включает в себя не только физическое благополучие, но и социальное, которое основывается на системе культурно-исторических ценностей, свойственных российскому обществу. Воспитание у обучающегося традиционных духовно-нравственных ценностей [10] – важнейшая задача как образования, так и системы организации здравоохранения, поэтому важной трудовой функцией медицинской сестры становится формирование у школьников потребности здорового образа жизни. Именно медицинский работник способен правильно организовать профилактическую работу, способствующую достойному репродуктивному поведению обучающегося.

Также, на наш взгляд, к оказанию доврачебной медицинской помощи в образовательных организациях могут быть допущены при соответствующем законодательном оформлении студенты старших курсов медицинских вузов: в октябре 2024 г. Министерство здравоохранения России продлило порядок допуска студентов медицинских и фармацевтических вузов к осуществлению профильной деятельности на должностях среднего медицинского персонала (31 октября 2024 г. в Министерстве юстиции РФ зарегистрирован соответствующий приказ № 511н) [11]. Первоначально (в 2022 г.) этот порядок предполагал временный характер. Теперь он будет действовать бессрочно.

Одновременно определено, что с 1 января 2025 г. студенты 5 и 6 курса (или выпускники с дипломом специалиста или бакалавра) по специальностям «Лечебное дело», «Педиатрия», «Стоматология» или «Сестринское дело» могут допускаться к работе на должностях фельдшера скорой медицинской помощи в составе выездной бригады скорой медицинской помощи (но только под контролем врача скорой медицинской помощи с сертификатом или аккредитацией специалиста по специальности «Скорая медицинская помощь», или фельдшера скорой медицинской помощи с сертификатом или аккредитацией по специальности «Скорая и неотложная помощь») или фельдшера по приему вызовов скорой медицинской помощи, а при соответствующих изменениях, дополнениях, которые можно внести в образовательные программы медицинских вузов, можно законодательно закрепить их допуск к оказанию медицинской помощи в общих образовательных учреждениях.

В 2020 г. в научном сообществе возникла дискуссия о расширении функций медицинских сестёр, повышении их статуса в профессии, роли в современной организационной модели и возможности закрепления соответствующими нормативно-правовыми актами. Так, итоги дискуссии, изложенные в статье Н.В. Камыниной (с соавт.) «Расширение функций медицинских сестер: ожидания и опасения», констатируют, что «ожидания профессионального сообщества о расширении трудовых обязанностей и прав медицинских сестёр связаны с опасениями относительно рисков, повышающих уровень трудовой нагрузки» [1].

Уже с 2020 г. в Государственной Думе РФ обсуждается законодательная инициатива о правовом механизме регулирования «школьной медицины» или «школьного здравоохранения». Законопроект предполагает закрепить статус медицинского работника в школе в соответствии со штатным расписанием не вспомогательного персонала, а постоянного работника с правом приобрести все трудовые права, распространяющиеся на медицинского работника медицинской организации, включая право досроч-

ного выхода работника на пенсию. По мнению законодателей, это будет способствовать созданию механизма качественного оказания медико-профилактической помощи детям в образовательной организации [12].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, установление единых правовых основ системы здравоохранения находится в исключительной компетенции (ведении) Российской Федерации (ст. 71). Но трудовое законодательство является предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72, п. «к») [13]. Поэтому у субъектов Российской Федерации есть возможность, учитывая региональную специфику системы здравоохранения, потребность в кадрах, возможности их подготовки и переподготовки, разработать законодательные инициативы, способствующие решению проблемы создания новой организационно-правовой модели деятельности среднего медицинского персонала в Российской Федерации.

Благодаря современным процессам трансформации социально-экономической сферы нашего общества, система организации детского здравоохранения может сегодня выстроить эффективную модель охраны здоровья ребёнка, качественно изменив место школьного здравоохранения в общей системе государственных мер оказания медицинской помощи.

Литература:

1. Камынина Н.Н., Ненахова Ю.С., Ярашева А.В., Александрова О.А., Аликперова Н.В. Расширение функций медицинских сестер: ожидания и опасения // Медицинская сестра. 2020. № 8 (22). С. 3–7. URL: https://doi.org/10.29296/25879979-2020-08-01.
2. Мурашко рассчитывает увеличить самостоятельность медсестер // Vademecum. URL: https://vademec.ru/news/2020/01/29/murashko-rasschityvaet-usilit-rol-medsester-v-okazanii-medpomoshchi (дата обращения: 25.02.2025).
3. Минздрав предложил передать часть обязанностей врачей медсестрам. URL: https://rg.ru/2023/05/10/minzdrav-predlozhil-peredat-chast-obiazannostej-vrachej-medsestram.html (дата обращения: 15.03.2025).
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
5. Бюллетень Счетной палаты РФ. Здравоохранение. 2024. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/dc3/0hm8l9phz27mt0m9rf5zg4b22jeewyfl.pdf (дата обращения: 25.02.2025).
6. Федеральный закон от 13.06.2023 г. № 256-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и статью 41 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202306130090 (дата обращения: 25.02.2025).
7. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 05.11.2013 г. № 822н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи несовершеннолетним, в том числе в период обучения и воспитания в образовательных организациях» // СПС Гарант.
8. Профессиональный стандарт «Специалист по оказанию медицинской помощи несовершеннолетним, обучающимся в образовательных организациях». URL: https://asmrso.ru/wp-content/uploads/2023/08/Specialist-po-okazaniju-medicinskoj-pomoshhi-nesovershennoletnim-obuchajushhimsya-v-obrazovatelnyh-organizaciyah.pdf (дата обращения: 25.02.2025).
9. Методические рекомендации об использовании устройств мобильной связи в общеобразовательных организация // СПС Гарант.
10. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 27.02.2025).
11. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 02.10.2024 №511 н // СПС Гарант.
12. Законопроект № 426529-7 «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и статью 41 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (по вопросам охраны здоровья детей в образовательных организациях). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/426529-7 (дата обращения: 25.02.2025).
13. Конституция Российской Федерации // СПС Гарант.

Formation of a New Organizational and Legal Model of Activities of Mid-Level Medical Personnel in the Russian Federation

Smirnova O.M.
Kazan State Medical University

Shcherbakov V.A.
Kazan State Medical University,
Kazan (Volga Region) Federal University

Healthcare, being a key sphere of social life of the state, in modern conditions requires the creation of new organizational institutions and, accordingly, their legal consolidation. The purpose and objective of the study is to analyze the existing model of organizing the provision of medical care to minors in general education organizations, its regulatory framework. Scientific understanding of the study forms the need to formulate provisions that can be used in the development of bills on "school medicine".

Keywords: medical worker, organization of children's health protection, work functions of a medical worker, standards of medical care, nurse, pediatrician

УДК 338.45:658.114.5
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-383-387

Кластерный подход как инструмент стимулирования инноваций в промышленности



Стефаненко-Шупик А.П.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики предприятия и инноватики
Донецкого национального технического университета

На фоне глобальных экономических изменений и необходимости ускоренного импортозамещения в России усиливается внимание к развитию промышленных кластеров. Актуальность темы обусловлена потребностью в формировании единой системы управления кластерными инициативами, что позволит повысить их результативность, обеспечить устойчивое развитие отечественной промышленности, расширить международное сотрудничество.

Цель исследования – анализ текущего состояния кластерной политики в России с выявлением проблем и перспектив в данной области. Задачи: изучить концептуальную базу, ретроспективу кластеризации; проанализировать предпринимаемые меры государственной поддержки промышленных объединений в РФ; выявить ключевые проблемные области, сдерживающие рост кластеров; рассмотреть возможности международного сотрудничества.

Научная и практическая значимость работы заключается в характеристике системного подхода к развитию кластерной политики, который позволяет повысить кооперацию между предприятиями, стимулировать технологические инновации, улучшить механизмы государственного регулирования.

Основные результаты исследования: выявлены особенности эволюции характеризуемой политики в России с 2015 г., определены ключевые изменения за последние годы; оценены результаты внедрения государственной поддержки; рассмотрена роль межгосударственного взаимодействия.

Ключевые слова: *импортозамещение, индустриализация, кластерная политика, промышленные кластеры, региональное развитие, технологическая кооперация*

Для цитирования: *Стефаненко-Шупик А.П. Кластерный подход как инструмент стимулирования инноваций в промышленности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 383–387. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-383-387.*

Современная промышленность сталкивается с усиливающейся потребностью во внедрении инноваций, обусловленной высокой конкурентоспособностью глобального рынка, ускоренным развитием технологий, а также изменяющимися экономическими условиями. Однако традиционные управленческие методы зачастую не обеспечивают достаточной гибкости для оперативного ввода в практику новых решений. В связи с этим возникает необходимость в поиске более действенных механизмов, способствующих инновационной активности.

Одним из наиболее перспективных инструментов стимулирования инноваций является кластерный подход. Он позволяет не только объединять предприятия в рамках единой технологической, экономической экосистемы, но и создает предпосылки для более тесного взаимодействия между наукой, бизнесом, государственными структурами. Однако сегодня остаются открытыми и весьма дискуссионными вопросы касательно степени влияния кластерных механизмов на инновационный процесс, оптимальных моделей их функционирования, а также факторах, определяющих их эффективность.

Рассматриваемый подход базируется на концепции территориально-промышленных объединений, которые формируются вокруг ключевого сегмента экономики, объединяя предприятия, научные организации, образовательные учреждения, органы власти. Согласно теории М. Портера, кластеры обеспечивают конкурентное преимущество за счет концентрации взаимодополняющих субъектов в пределах одной географической зоны, что стимулирует обмен знаниями, кооперацию, конкуренцию одновременно [1; 2]. На рисунке 1 перечислены ключевые характеристики.

Перечисленные выше особенности позволяют предприятиям, входящим в кластер, быстрее адаптироваться к изменениям в технологической и рыночной среде.

Целесообразно подчеркнуть, что формирование промышленных кластеров содействует не только повышению конкурентоспособности отдельных хозяйствующих субъектов, но и ускоряет инновационные процессы. Это достигается за счет:

– эффекта синергии (объединение ресурсной базы, знаний компаний ведет к разработке передовых технологий, новых продуктов);

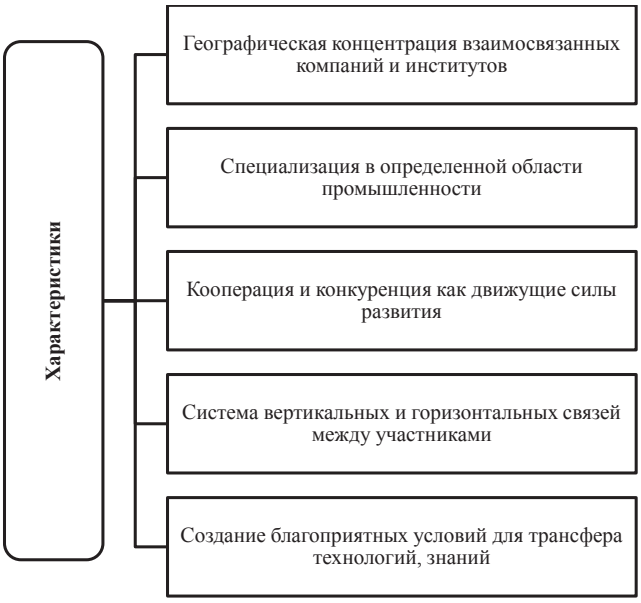


Рис. 1. Выделение базовых характеристик промышленного кластера

Составлено автором на основе [3–6].

– быстрого распространения (благодаря территориальной близости, плотным горизонтальным связям новации оперативнее внедряются в производство);

– институциональной поддержки (участие государственных и образовательных организаций создает дополнительные стимулы для научных изысканий, опытно-конструкторских разработок);

– доступа к инвестициям (кластеры привлекают финансирование как от частных инвесторов, так и от государственных программ поддержки).

Помимо отмеченного выше, рассматриваемый подход положительным образом сказывается на формировании инновационной культуры, ориентированной на постоянное совершенствование, введение в практическую плоскость новых решений. В условиях кластера субъекты хозяйствования вынуждены не просто следовать за технологическими трендами, но и активно их генерировать, чтобы сохранять конкурентные позиции.

Опыт ведущих индустриально развитых стран демонстрирует, что промышленная политика, ориентированная на кластеризацию, дает ощутимые результаты в стимулировании инноваций (табл. 1).

Таблица 1

Примеры кейсов, отражающие особенности применения кластерного подхода [7]

Пример	Описание
Кремниевая долина (США)	Демонстрация высокотехнологичного решения, где тесное сотрудничество бизнеса, науки, венчурных фондов обеспечило лидерство в сфере IT-индустрии, искусственного интеллекта
Автомобильный кластер в Баварии (Германия)	Объединяет производителей, поставщиков, исследовательские центры, что содействует разработке инновационных решений в автомобилестроении
Биотехнологический кластер в Стокгольме (Швеция)	Благодаря плотной сети взаимодействий между университетами, медицинскими учреждениями, фармацевтическими компаниями обеспечивается высокий уровень инновационной активности

Указанные выше кейсы подтверждают, что успешные решения опираются на три ключевых фактора: наличие высококвалифицированных кадров, развитую инфраструктуру, институциональную поддержку.

В России концепция кластеризации в промышленности получила правовое закрепление на федеральном уровне в 2014 г. – с принятием Федерального закона от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». После введения экономических санкций значительное число отраслей столкнулось с дефицитом оборудования, комплектующих, технологий, поставляемых из стран Евросоюза, США, Канады и т.д. В ответ на соответствующие вызовы государство инициировало активное развитие кластерной политики, что нашло отра-

жение в нормативно-правовых актах, регулирующих функционирование промышленных объединений. Ключевым шагом в этом направлении стало принятие Постановления Правительства РФ от 31.07.2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров», которое определило механизмы поддержки кластеров, а также критерии их деятельности. В последующие годы рассматриваемый процесс приобрел статус одного из приоритетных направлений госполитики, что привело к формированию крупнейших производственных объединений [8].

Так, на 2023 г. в официальном реестре Министерства промышленности и торговли России было зарегистрировано 47 промышленных кластеров. Сведения о каждом объединении содержатся на специальной Карте [8], где отражена информация о регионе расположения, годе регистрации, отраслевой специализации, числе резидентов, текущем этапе развития. Это не просто база данных, а важный элемент экосистемы промышленного развития России. Карта отражает как текущие достижения (например, рост числа резидентов в конкретных кластерах), так и вызовы, требующие внимания. Актуализация информации на платформе позволяет держать руку на пульсе промышленной динамики, укрепляя позиции страны в глобальной экономике. Значение Карты:

– для государства – инструмент стратегического планирования, позволяющий распределять ресурсы, оценивать эффективность мер поддержки (например, налоговых льгот или грантов), корректировать региональную политику;

– для бизнеса и инвесторов – источник актуальной информации для поиска партнёров, анализа рынков, принятия решений о вложениях;

– для науки и образования – возможность установить связь с промышленностью в целях внедрения инноваций и подготовки кадров.

Карта также способствует реализации национальных проектов (повышение производительности труда, технологический суверенитет). Например, кластеры в сфере микроэлектроники или фармацевтики напрямую связаны с задачами импортозамещения.

Главными преимуществами участия являются преференции со стороны государства, включающие упрощенные процедуры сертификации продукции, налоговые льготы, финансовую поддержку [8]. В 2024 г. лидерами по количеству промышленных кластеров стали Омская, Рязанская области, Республика Башкортостан (рис. 2).

Наибольшее количество участников сосредоточено в двух индустриальных объединениях:

– Камский инновационный территориально-промышленный кластер (Республика Татарстан) – 213 резидентов;

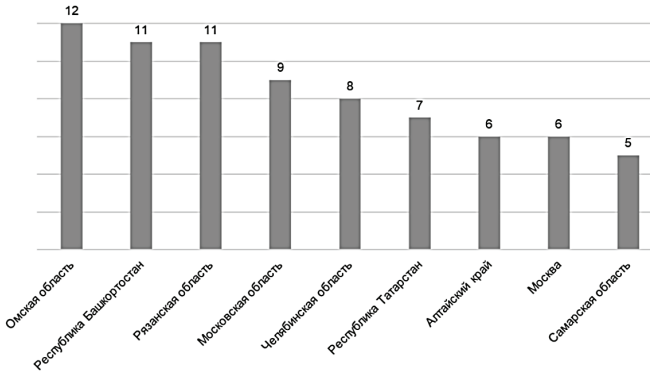


Рис. 2. Регионы-лидеры по числу промышленных кластеров в РФ (указано количество кластеров) [9]

– Нефтехимический территориальный кластер Республики Башкортостан – 211 резидентов [8].

С 2016 по 2021 гг. Министерство промышленности и торговли РФ одобрило 16 проектов промышленных кластеров с общим объемом капитальных вложений 23,4 млрд руб. (из которых 2,3 млрд руб. было выделено из бюджета, а 21,1 млрд руб. поступило из внебюджетных источников) [8].

В 2022 г. на фоне усиления санкционного давления, государство расширило поддержку; в декабре было принято Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 г. № 2407 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1291», предоставляющее налоговые льготы предприятиям-участникам кластерных объединений. В 2024 г. на проекты из федерального бюджета выделено 436 млн руб. [8].

Несмотря на формирование множества субъектов, 85 % из них находятся на ранних этапах развития. Лишь три объединения достигли высокой стадии зрелости, а четыре продемонстрировали средний уровень развития [8]. Ключевые проблемы заключаются в следующем:

– недостаточный уровень инвестиций (в 2023 г. привлечено 48 млрд руб., что составляет лишь 7 % от общего промышленного потенциала России);

– разрыв между кластерами и индустриальными парками;

– отсутствие осведомленности бизнеса о преимуществах исследуемой модели [8].

При этом высокотехнологичные образования способствуют не только экономическому развитию, но и социальной стабильности. В регионах с развитой кластерной структурой наблюдается рост числа рабочих мест, увеличение налоговых поступлений [8].

Как представляется, системная работа по модернизации соответствующей политики и расширению поддержки позволит повысить уровень технологической независимости страны, а также создать подходящие условия для устойчивого промышленного роста.

В 2025 г. в Российской Федерации будет продолжена работа над ключевыми нормативными

документами, регламентирующими стратегию кластерной политики. Эти документы определят цели, задачи, основные направления развития объединений, внесенных в реестр Министерства промышленности и торговли РФ. Планируется создание специализированных программ для различных типов кластеров, что должно содействовать их результативному функционированию [10].

В дополнение к отмеченному, в планах создание межгосударственных промышленных кластеров при участии Беларуси, Казахстана, Кыргызстана. Они выражают заинтересованность в сотрудничестве в сфере производства строительной техники, материалов. В этой связи рассматривается возможность интеграции Тюменского строительно-индустриального кластера в международные кооперационные проекты. Также ведутся переговоры о создании первого экотехнопарка, что поможет усилить экологическую направленность промышленного производства [10].

Таким образом, по результатам проведённого анализа возможно сформулировать ряд обобщающих выводов.

Кластерный подход выступает в качестве мощного инструмента для стимулирования инновационной деятельности в промышленности. Он способствует формированию динамичных экосистем, в которых компании, научные учреждения, государственные структуры продуктивно взаимодействуют, создавая благоприятные условия для ускоренного развития технологий.

Опыт передовых стран подтверждает, что грамотно организованные кластеры становятся своего рода центрами инноваций, генераторами экономического роста. Вместе с тем, для эффективного применения данной модели в российской промышленности необходимо преодоление ряда барьеров (подразумеваются, в частности, административные сложности, дефицит инвестиций, недостаточная кооперация между бизнесом и научным сообществом). В РФ развитие кластеров обладает значительным потенциалом, особенно в таких сферах, как машиностроение, биотехнологии, IT, энергетика.

Развитие специализированных программ для кластеров в России является необходимым шагом для последующей индустриальной трансформации. Государственная поддержка, международная кооперация, оптимизация кластерной структуры позволят повысить результативность отечественной промышленности, снизить зависимость от импорта, а также создать новые хозяйственные возможности для регионов. Предстоящие реформы в сфере рассматриваемой политики способны обеспечить устойчивый рост анализируемого сектора и содействовать достижению долгосрочных социально-экономических целей страны.

Резюмируя, уместно подчеркнуть, что исследуемый в статье подход не только открывает дополнительные возможности для промышленного развития, но и требует системности к его внедрению, что опирается на институциональные реформы, модернизацию инфраструктуры в сочетании с активной поддержкой предпринимательских инициатив.

Литература:

1. Бабаян Л.К. Формирование межрегиональных промышленных кластеров в целях экономического роста субъектов Российской Федерации // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2024. № 4. С. 97–105.
2. Калинин В.С. Применение методологии стратегирования в процессе трансформации системы инновационных промышленных кластеров // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3. № 2 (8). С. 245–260.
3. Мухачёва А.В., Зарецкая А.С. Развитие промышленных кластеров регионов России: состояние, перспектива, реструктуризация в условиях ухода иностранных компаний // Kant. 2023. № 3 (48). С. 47–55.
4. Дорофеева В.В., Коноплина Ю.С. Государственная поддержка инновационных промышленных кластеров как фактор усиления конкурентоспособности региона // Балтийский экономический журнал. 2023. № 3 (43). С. 6–16.
5. Трошин А.С., Дубровина Т.А., Соколов М.Б., Григорьева С.В. Промышленный кластер как инновационный инструмент развития экономики региона // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2024. № 1. С. 60–68.
6. Французенко П.С. Влияние промышленных кластеров на региональные экономические показатели в России // Формирование профессиональной направленности личности специалистов – путь к инновационному развитию России. Сб. статей V Всеросс. науч.-практ. конфе. Пенза: 2023. С. 477–480.

7. Иванченко А.В. Инновационная составляющая промышленной политики: опыт развитых стран и перспективы применения его в России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 8. С. 101–110.
8. Промышленные кластеры в России: как бизнес объединяется для роста и устойчивости. URL: https://оэз.рф/articles/promyshlennye-klastery-v-rossii-kak-biznes-obedinyaetsya-dlya-rosta-i-ustoychivosti/? (дата обращения: 29.01.2025).
9. Промышленные кластеры. Рейтинги по регионам РФ. URL: https://dzen.ru/a/ZjEYZZ6gTieKhfEL (дата обращения: 29.01.2025).
10. Никитина И. В 2025 году в России запустят специальные программы для промышленных кластеров. URL: https://rg.ru/2024/11/14/reg-urfo/regiony-kuiut-cepochki.html (дата обращения: 29.01.2025)

The Cluster Approach as a Tool for Stimulating Innovation in Industry

Stefanenko-Shupik A.P.
Donetsk National Technical University

Amid global economic transformations and the urgent need for accelerated import substitution, Russia has been paying increasing attention to the development of industrial clusters. The relevance of this topic is driven by the necessity of forming a unified system for managing cluster initiatives, which will enhance their effectiveness, ensure the sustainable development of domestic industry, and expand international cooperation.

The purpose of this study is to analyze the current state of cluster policy in Russia by identifying existing problems and potential prospects in this field. The objectives include examining the conceptual framework and historical evolution of clustering, analyzing state support measures for industrial associations in Russia, identifying key barriers to cluster growth, and exploring opportunities for international collaboration.

The scientific and practical significance of this study lies in characterizing a systematic approach to cluster policy development, which fosters increased cooperation between enterprises, stimulates technological innovation, and enhances mechanisms of state regulation.

The main findings of the research include an analysis of the evolution of cluster policy in Russia since 2015, identification of key legislative and structural changes in recent years, assessment of the effectiveness of government support programs, and an evaluation of the role of intergovernmental cooperation in cluster development.

Keywords: import substitution, industrialization, cluster policy, industrial clusters, regional development, technological cooperation

УДК 338.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-388-394

Управление дебиторской задолженностью при слияниях и поглощениях компаний



Харисова Ф.И.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры учета, анализа и аудита
Казанского (Приволжского) федерального университета

Пелевина А.А.
Магистрант кафедры учета, анализа и аудита
Казанского (Приволжского) федерального университета

Под слиянием и поглощением (M&A – с англ. «Mergers and Acquisitions» – процессы слияний и поглощений, которые представляют собой основные форматы корпоративных сделок) принято понимать сложные и многогранные процессы, которые требуют эффективного управления всеми аспектами финансовой деятельности, включая дебиторскую задолженность. Ключевой целью таких объединений является достижение синергетического эффекта и увеличение доли на рынке.

В современных условиях глобализации и роста числа M&A управление дебиторской задолженностью есть ключевое направление финансового менеджмента. Некорректные оценки и собственно управление дебиторской задолженностью ведут к огромным финансовым потерям, а также появлению значительных рисков для объединенных компаний. Это обусловливает актуальность данной работы с точки зрения эффективного управления дебиторской задолженностью в рамках M&A для минимизации появления рисков, а также финансовых потерь.

В статье представлены результаты анализа различных типов слияний и поглощений (горизонтальные, вертикальные, конгломератные) и их влияния на стратегию управления дебиторской задолженностью. Исследование основано на анализе научной литературы, нормативно-правовых актов, а также кейс-стади по M&A с акцентом на управление дебиторской задолженностью.

Данная статья содержит также конкретизированные цели анализа методов управления дебиторской задолженностью в процессе M&A, а также обоснование рекомендаций по управлению дебиторской задолженностью при M&A, адаптированных к различным типам слияний и поглощений.

Научная значимость работы заключается в систематизации знаний о влиянии дебиторской задолженности на финансовые результаты после M&A. В рамках практической значимости разработаны рекомендации, которые способствуют росту ликвидности и финансовой устойчивости компаний в процессе интеграций.

В результате проведенного исследования были сделаны обоснованные выводы о том, что эффективное управление дебиторской задолженностью возможно только при применении комплексного подхода, в котором сосредоточены оценка кредитных рисков и интеграция систем учета и мониторинга.

Ценность проведенной работы обусловлена предложением новых методических подходов к управлению дебиторской задолженностью в рамках M&A, что является платформой для дальнейшего изучения данной темы.

Ключевые слова: *слияния и поглощения, дебиторская задолженность, управление рисками, интеграция, оптимизация, финансовая стабильность*

Для цитирования: *Харисова Ф.И., Пелевина А.А. Управление дебиторской задолженностью при слияниях и поглощениях компаний // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 388–394. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-388-394.*

Слияние и поглощение (далее – *M&A* с англ. «*Mergers and Acquisitions*») есть неотъемлемая часть нынешнего бизнеса в условиях глобализации. Данные инструменты дают возможность компаниям расширять позиции на рынке, повышать уровень конкурентоспособности, а также оптимизировать и модернизировать операционные процессы. Однако интеграция двух организаций сопряжена с рядом сложных задач, которые требуют тщательного управления и координации. Наиболее значимой проблемой, с которой сталкиваются компании в процессе слияния или поглощения, является управление дебиторской задолженностью.

Эффективное управление дебиторской задолженностью при *M&A* является ключевым фактором для успешной интеграции компаний и достижения поставленных стратегических целей.

В представленном исследовании решением основной проблемы видим в необходимости совершенствования управлении дебиторской задолженностью в контексте слияний и поглощений. Сложности интеграции двух организаций, вызванные различиями в системах учета, внутреннего контроля, кредитных политиках и процедурах взыскания, могут привести к финансовым рискам и нестабильности объединенной компании.

Для решения данной проблемы предлагается комплексный подход, включающий анализ состояния задолженности, гармонизацию систем учета, внутреннего контроля, выработку единой кредитной политики и оптимизацию процедур взыскания. Важным аспектом является учет культурных и организационных различий, что требует адаптивности в управлении. Также в работе сделан акцент на юридических аспектах, обучении персонала и финансовом планировании. Таким образом, эффективное управление дебиторской задолженностью рассматривается как ключевой фактор, способствующий успешной интеграции и достижению стратегических целей объединенной компании.

Каждая компания стремится к максимизации своей прибыли, что требует стратегического подхода в выборе методов достижения этой цели. Дебиторская задолженность представляет собой важную составляющую оборотных активов компании, из чего следует, что повышение эффективности управления дебиторской задолженностью является высокозначимым элементом поддержания финансовой стабильности.

Правильный выбор стратегии *M&A* позволяет достичь многих целей. Это не только рост показателей, но и снижение рисков или вывод бизнеса из сложного положения.

Для дальнейшего исследования представлены ключевые виды *M&A* (табл. 1) [1, с. 57–59].

Таблица 1

Виды слияний и поглощений (M&A)

Вид	Характеристика
Горизонтальные слияния и поглощения	Объединение компаний-конкурентов, работающих в одной отрасли. Направлены на увеличение рыночной доли, уменьшение конкуренции и достижение экономии за счет масштаба. В данном контексте анализ дебиторской задолженности фокусируется на выявлении дублирования клиентской базы, а также на оценке кредитных рисков, связанных с концентрацией задолженности на определенных сегментах рынка
Вертикальные слияния и поглощения	Объединение компаний, работающих на разных этапах производственной или дистрибьюторской цепочки. Позволяет компаниям контролировать больший участок их производственного процесса, улучшить координацию между различными этапами производства и сбыта, а также снизить транзакционные издержки. В процессе вертикальных слияний или поглощений особое внимание уделяется анализу дебиторской задолженности, поскольку финансовая стабильность объединенной компании зависит от качества и структуры финансовых потоков между различными звеньями цепочки
Конгломератные слияния и поглощения	Объединение компаний, работающих в различных отраслях и не имеющих между собой явных операционных связей. Направлены на диверсификацию бизнеса, снижение рисков и расширение рыночного присутствия. Эффективный анализ дебиторской задолженности в контексте конгломератных M&A требует оценки специфики каждой компании, выявления потенциальных синергий и управления рисками, связанными с диверсификацией бизнеса

При слиянии или поглощении компании сталкиваются со следующими вызовами [2, с. 41–45]:

1. Разные кредитные политики, что ведет за собой несоответствие оценки рисков и управления задолженностью.

2. Оценка активов, которая подразумевает под собой в процессе *due diligence* (англ. «должная добросовестность») комплексную оценку дебиторской задолженности всех объединённых компаний.

3. Интеграция *IT* систем, которая необходима для минимизации сбоев в учете дебиторской задолженности и затруднении управления.

Это, несомненно, важные вызовы, которые необходимо разумно обходить. С этой целью, по мнению авторов, необходимо провести детальный финансовый анализ, оценить риски, создать четкую стратегию интеграции, а также грамотно настроить каналы коммуникаций.

Для того, чтобы обеспечить успешное управление дебиторской задолженностью при слияниях и поглощениях, необходимо пройти несколько ключевых этапов. Эти этапы включают в себя детальный анализ текущего состояния задолженности, разработку единой кредитной политики, внедрение эффективных процедур контроля и мониторинга, а также постоянное обучение и адаптацию сотрудников к новым стандартам и процедурам [3, с. 128–130].

Специалисты акцентируют внимание на следующих аспектах анализа каждого из перечисленных этапов.

1. *Due Diligence*: *проведение комплексной оценки дебиторской задолженности обеих компаний*

На этапе *Due Diligence* проводится детальная оценка дебиторской задолженности как приобретаемой компании, так и компании-покупателя. Этот процесс включает в себя несколько ключевых аспектов:

● анализ структуры задолженности: оценка состава и структуры дебиторской задолженности, включая распределение по срокам и видам задолженности. Важно выяснить, какая часть задолженности является краткосрочной, а какая – долгосрочной и также определить долю просроченной и проблемной задолженности;

● оценка качества задолженности: изучение качества задолженности включает в себя анализ платежеспособности клиентов, оценку вероятности возврата задолженности и выявление потенциальных рисков невозврата. Это также предполагает проведение анализа кредитных рейтингов клиентов и истории их платежей;

● анализ систем учета и контроля: оценка текущих систем учета и контроля дебиторской задолженности в обеих компаниях. Это включает в себя изучение применяемых методов учета, используемых программных решений и эффективности процедур внутреннего контроля за дебиторской задолженностью;

● анализ клиентской базы: проведение анализа клиентской базы, включая сегментацию клиентов по категориям, оценку уровня их задолженности и степени надежности. Необходимо также выявить ключевых клиентов, чья задолженность может существенно повлиять на финансовое состояние объединенной компании [4, с. 47–51].

2. *Интеграция: разработка и внедрение единой системы управления дебиторской задолженностью*

На этапе интеграции проводится разработка и внедрение единой системы управления дебиторской задолженностью, которая включает несколько ключевых шагов:

● гармонизация системы учета: объединение и стандартизация системы учета дебиторской задолженности. Это требует унификации учетных политик и процедур, адаптации программного обеспечения и обеспечения совместимости данных;

● разработка единой кредитной политики: создание унифицированной кредитной политики для всей объединенной компании. Это включает в себя установление общих критериев для оценки кредитоспособности клиентов, определение лимитов кредитования и разработку процедур управления кредитными рисками;

● создание единой команды: формирование специализированной команды по управлению дебиторской задолженностью, состоящей из сотрудников обеих компаний. Это предполагает проведение тренингов и семинаров для обеспечения единого понимания и подхода к управлению задолженностью, а также разработку общих стандартов и процедур;

● внедрение системы контроля: включает в себя создание отчетных форм и механизмов для регулярного мониторинга состояния дебиторской задолженности и оперативного реагирования на возникающие проблемы.

3. *Пост-интеграционный мониторинг: внутренний контроль эффективности интеграции и корректировка стратегии*

После завершения интеграции необходимо проводить регулярный мониторинг эффективности новой системы управления дебиторской задолженностью:

● анализ динамики ключевых показателей: регулярное отслеживание и анализ ключевых показателей дебиторской задолженности, таких как уровень просроченной задолженности, доля безнадежных долгов, средний срок погашения задолженности и коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности. Динамический анализ этих показателей позволяет оценить, насколько эффективно функционирует новая система управления дебиторской задолженностью;

● корректировка стратегии: на основе результатов анализа и выявленных тенденций проводится корректировка стратегии управления дебиторской задолженностью. Она может включать изменение

кредитной политики, улучшение процедур контроля, внедрение дополнительных мер по взысканию задолженности или пересмотр условий кредитования для клиентов;

● постоянное обучение и развитие: организация постоянного обучения для сотрудников, направленного на повышение их квалификации и адаптацию к изменениям в системе управления дебиторской задолженностью. Это включает в себя проведение семинаров, тренингов и обмен опытом между сотрудниками;

● обратная связь и улучшение процессов: сбор и анализ обратной связи от сотрудников и клиентов, выявление слабых мест в новой системе управления задолженностью и внедрение улучшений. Это позволяет повысить эффективность системы и обеспечить долгосрочную финансовую устойчивость объединенной компании.

Для успешного управления дебиторской задолженностью в процессе слияний и поглощений *(M&A*) необходимо регулярно оценивать и мониторить ключевые показатели эффективности (*KPI*).

Эти показатели позволяют оценить, насколько эффективно осуществляется управление дебиторской задолженностью, а также выявить потенциальные риски и области, требующие улучшения. Основные *KPI,* которые по мнению специалистов следует учитывать, включают в себя оборачиваемость дебиторской задолженности, долю просроченной дебиторской задолженности, резервы по сомнительным долгам и стоимость привлечения финансирования [5, с. 1279–1280].

1. Оборачиваемость дебиторской задолженности является показателем, который демонстрирует, насколько эффективно компания управляет своей дебиторской задолженностью и насколько быстро она превращается в денежные средства. Этот показатель, называемый «количество оборотов» или «число оборотов», рассчитывается как отношение выручки к среднему размеру дебиторской задолженности за определенный период.

Высокая оборачиваемость указывает на то, что компания быстро собирает долги, что положительно сказывается на ее ликвидности и способности выполнять свои финансовые обязательства. Такая оборачиваемость свидетельствует о быстром погашении задолженности и эффективной работе отдела взыскания долгов. Низкая оборачиваемость может указывать на проблемы со взысканием задолженности и необходимость пересмотра кредитной политики или улучшения процедур контроля за задолженностью.

2. Доля просроченной дебиторской задолженности является критическим показателем, отражающим уровень кредитных рисков, с которыми сталкивается компания, а также эффективность процедур взыскания долгов. Этот показатель рассчитывается как отношение просроченной задолженности к общей сумме дебиторской задолженности.

Высокая доля просроченной задолженности указывает на повышенные риски и возможные проблемы с платежеспособностью клиентов. Она может сигнализировать о необходимости пересмотра кредитной политики, усиления внутреннего контроля за задолженностью или улучшения работы с должниками. Низкая доля просроченной задолженности указывает на эффективное управление кредитными рисками и успешные процедуры взыскания долгов.

3. Резервы по сомнительным долгам показывают, насколько компания подготовлена к возможным потерям от безнадежных долгов. Эти резервы создаются для покрытия потенциальных убытков, связанных с невозможностью взыскания задолженности. Оценка адекватности резервов является важным аспектом финансового планирования и управления рисками. Надлежаще сформированные и адекватно используемые резервы свидетельствуют о том, что компания готова к потенциальным потерям и имеет достаточные ресурсы для их покрытия. Недостаточные резервы могут привести к неожиданным финансовым потерям и ухудшению финансовой устойчивости компании в случае увеличения доли безнадежных долгов.

Резерв по сомнительным долгам = ***= Сумма сомнительных долгов*** х х ***Процент резервирования*** (1)

В формуле 1, сумма сомнительных долгов – это сумма дебиторской задолженности, которую компания считает потенциально непогашенной, а процент резервирования – это процент, который компания определяет на основе анализа кредитного риска и исторических данных.

4. Стоимость привлечения финансирования отражает влияние управления дебиторской задолженностью во взаимосвязи с кредиторской задолженностью на общую стоимость капитала компании.

$$\text{Стоимость капитала} = \frac{E}{V} \times r_e + \frac{D}{V} \times r\_d \times (1 - T) \quad (2)$$

где: E – рыночная стоимость собственного капитала;

V – общая стоимость капитала, которая равна $E+D$;

r_e – стоимость собственного капитала;

D – рыночная стоимость заемного капитала;

r_d – стоимость заемного капитала;

T – ставка налога на прибыль.

Эффективное управление дебиторской задолженностью в оптимальной взаимосвязи с кредиторской задолженностью может снижать потребность в привлечении внешнего финансирования и, соответственно, уменьшать стоимость капитала. Напротив, низкая эффективность управления этими двумя видами задолженности может увеличить необходимость в заемных средствах и повысить затраты на

их привлечение. Низкая стоимость привлечения финансирования указывает на то, что компания эффективно управляет своими оборотными средствами и не нуждается в частом привлечении внешних ресурсов. Высокая стоимость привлечения финансирования может свидетельствовать о недостаточной ликвидности и необходимости пересмотра стратегий управления дебиторской задолженностью для улучшения финансового состояния компании [6, с. 29].

На сегодняшний день существует несколько подходов к управлению дебиторской задолженности в условиях *M&A*, которые авторами сгруппированы в следующем виде:

1. Традиционный подход: анализ финансовых показателей (срок оплаты, уровень задолженности и др.). Зачастую в него включают применение стандартных кредитных политик. Но данная концепция недостаточна с точки зрения учета специфических вызовов, которые напрямую связаны с интеграцией разных процессов.

2. Аналитический подход: использование данных для анализа кредитоспособности клиентов и выявления потенциальных рисков, что позволяет уточнить оценку рисков, но его существенным недостатком является в трудоемкости сбора и анализа данных.

3. Процессный подход: стандартизация и оптимизация процессов управления дебиторской задолженностью. Данное направление включает в себя создание единых процедур для обеих компаний, что может минимизировать путаницу и ускорить процессы. Но это неидеально и требует времени и усилий на обучение персонала.

4. Интеграционный подход: создание единой системы управления дебиторской задолженностью, которая учитывает специфику обеих компаний (внедрение систем автоматизации и новых технологий). Данный способ требует крупных инвестиций, а также трудоемкий процесс разработки.

Авторами работы был проведен анализ практики слияний и поглощений (*M&A*) компаний в рамках обычного мониторинга, анализа и фиксирования ключевых проблем. Данный анализ показал, что многие компании не уделяют должного внимания управлению дебиторской задолженностью. Это пренебрежение приводит к целому ряду проблем, которые могут серьезно затруднить функционирование объединенной компании и повлиять на ее финансовое состояние [7, с. 582–584]:

1. Увеличение объема просроченной задолженности. Различные подходы к управлению дебиторской задолженностью, используемые компаниями до слияния, могут привести к несогласованным действиям в области взыскания долгов. Это, в свою очередь, снижает эффективность процесса взыскания, что приводит к росту просроченной задолженности. Например, если одна из компаний придерживалась более строгой кредитной политики, а другая – более либеральной, то после слияния отсутствие единого подхода может привести к путанице и недостаточной координации в работе с должниками. Как результат, увеличивается вероятность накопления просроченных платежей, что требует дополнительных усилий и ресурсов для их урегулирования.

2. Возникновение значительных потерь из-за безнадежных долгов. Когда компании не имеют единой и четко сформулированной кредитной политики, это приводит к недостаточному контролю за выдачей кредитов и управлением дебиторской задолженностью. Без четких критериев оценки кредитоспособности клиентов и процедур управления рисками, компаниям становится сложно своевременно идентифицировать проблемных должников и принимать меры по снижению риска невозврата долгов. Это приводит к увеличению доли безнадежных долгов, которые в конечном итоге списываются на убытки.

3. Снижение финансовой стабильности объединенной компании из-за проблем с дебиторской задолженностью. В условиях недостатка ликвидности компании могут столкнуться с трудностями в выполнении своих финансовых обязательств, что может привести к ухудшению отношений с поставщиками и другими кредиторами. В итоге снижение финансовой устойчивости может затруднить реализацию стратегических планов и инвестиционных проектов, необходимых для дальнейшего роста и развития объединенной компании.

В заключение можно сказать, что недостаточное внимание к управлению дебиторской задолженностью при слияниях и поглощениях создает серьезные риски для успеха и финансового благополучия объединенной компании. Однако с помощью грамотно разработанной стратегии и эффективных мер эти проблемы можно предотвратить или значительно минимизировать. Ключевые шаги, которые необходимо предпринять, включают в себя: разработку качественной кредитной политики; улучшение систем управления дебиторской задолженностью; усиление контроля за процессом взыскания долгов. Следуя этим рекомендациям, компании смогут значительно снизить риски, связанные с дебиторской задолженностью, и повысить вероятность успешного завершения процесса слияния или поглощения.

Изучение и учет этих аспектов на ранних этапах *M&A* помогут компаниям избежать непредвиденных финансовых потерь и сохранить стабильность в период интеграции. Поэтому основной акцент должен быть сделан на планировании и реализации эффективных стратегий управления дебиторской задолженностью, что станет ключевым фактором успеха в процессе слияний и поглощений [8, с. 67].

В качестве иллюстрации рассмотрим примеры компаний отечественных *M&A* в рамках управления дебиторской задолженностью.



Рис. 1. Рекомендации по управлению дебиторской задолженностью при M&A

1. Поглощение Т-Банком других финансовых компаний. Тинькофф Банк активно приобретает стартапы и компании в области финтеха. Например, в 2020 г. он купил компанию «Тинькофф Инвестиции», что дало ему возможность расширить свои услуги и улучшить управление дебиторской задолженностью через более эффективные кредитные решения для клиентов. Поглощение стартапов позволило Т-Банку расширить свою клиентскую базу и улучшить предложения для клиентов. Интеграция новых технологий и идей способствовала созданию более конкурентоспособных финансовых продуктов, что, в свою очередь, улучшило управление дебиторской задолженностью.

2. Поглощение «Магнита» компанией «Лента». В 2021 г. состоялось слияние между двумя крупными ритейлерами – «Магнитом» и «Лентой». Это объединение позволило обеим компаниям улучшить условия работы с поставщиками и оптимизировать управление дебиторской задолженностью за счет создания более мощной сети и увеличения объемов закупок. Объединение усилило позиции обеих компаний на рынке ритейла, позволив им конкурировать более эффективно. Синергия от объединения позволила улучшить управление дебиторской задолженностью и сократить сроки оборота капитала.

Обобщая изложенное, отметим, что эффективность управления дебиторской задолженностью при слияниях и поглощениях в России подтверждается следующими ключевыми моментами:

1. Системный подход к интеграции: разработка детальных планов интеграции, которые включают в себя стратегии управления дебиторской задолженностью. Это позволяет минимизировать риски и обеспечить плавный переход.

2. Использование аналитики: аналитические инструменты для оценки рисков дебиторской задолженности. Это позволяет точно определять кредитные лимиты и условия для клиентов.

3. Автоматизация процессов: внедрение автоматизированных систем учёта и управления дебиторской задолженностью помогает сократить время обработки данных и повысить точность учёта.

4. Фокус на клиенте: успешные компании уделяют внимание не только внутренним процессам, но и взаимодействию с клиентами, что позволяет улучшить сроки оплаты и снизить уровень задолженности.

Таким образом, наглядно представленные на рисунке 1 результаты исследования, позволяют сформулировать ключевые рекомендации по управлению дебиторской задолженностью при *M&A*. Для достижения оптимальных результатов необходимо создать единую кредитную политику, интегрировать IT-системы для минимизации потерь информации и повышения эффективности учета, а также провести обучение персонала новым процессам и системам. Также следует проводить постоянный мониторинг дебиторской задолженности, подробно анализировать данные и постоянно коммуницировать с клиентами.

Эффективное управление дебиторской задолженностью при *M&A* является одним из ключевых факторов успеха интеграции и достижения поставленных целей. Комплексный подход, включающий оценку рисков, разработку стратегии интеграции и оптимизацию процессов, позволяет снизить финансовые потери, повысить эффективность взыскания и обеспечить финансовую стабильность объединенной компании.

Литература:

1. Иванов В.Е. Анализ дебиторской задолженности в процессе интеграции компаний // Актуальные проблемы экономики и хозяйственного права. 2021. № 12(4). С. 56–60.
2. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 08.08.2024) // СПС Гарант.

3. Подгузова К.В., Корзоватых Ж.М. Дебиторская задолженность предприятия // Вестник университета. 2014. № 1. С. 127–131.
4. Бобылёв П.И. Управление дебиторской задолженностью в условиях слияний и поглощений // Финансовый менеджмент. 2020. № 2(3). С. 45–52.
5. Шутько Г.Н., Зарипов И.И. Управление дебиторской задолженностью // Экономика и социум. 2014. № 2 (11). С. 1279–1282.
6. Кузнецова И.Д., Павлова Г.Л. Анализ дебиторской задолженности // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2008. № 1. С. 29–33.
7. Шаврина О.В., Майкова Е.Н. Понятие и классификация дебиторской задолженности // Форум молодых ученых. 2019. № 10 (38). С. 582–586.
8. Голубев С.А. Особенности управления дебиторской задолженностью при корпоративных слияниях // Экономика и управление. 2019. № 5(7). С. 67–73.

Accounts Receivable Management in Mergers and Acquisitions of Companies

Kharisova F.I., Pelevina A.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

Mergers and acquisitions (M&A – from English "Mergers and Acquisitions" – the processes of mergers and acquisitions, which are the main formats of corporate transactions) are generally understood to be complex and multifaceted processes that require effective management of all aspects of financial activities, including accounts receivable. The key goal of such associations is to achieve a synergistic effect and increase market share.

In modern conditions of globalization and the growing number of M&A accounts receivable management is a key area of financial management. Incorrect estimates and the actual management of accounts receivable lead to huge financial losses, as well as significant risks for the combined companies. This makes this work relevant from the point of view of effective management of accounts receivable within the framework of M&A to minimize the appearance of risks, as well as financial losses.

The article presents the results of an analysis of various types of mergers and acquisitions (horizontal, vertical, conglomerate) and their impact on the accounts receivable management strategy. The study is based on an analysis of scientific literature, regulatory legal acts, as well as an M&A case study with an emphasis on accounts receivable management.

This article also contains specific objectives for analyzing the methods of managing accounts receivable in the M&A process, as well as substantiating recommendations for managing accounts receivable in M&A, adapted to various types of mergers and acquisitions.

The scientific significance of the work lies in the systematization of knowledge about the impact of accounts receivable on financial results after M&A. Within the framework of practical significance, recommendations have been developed that contribute to the growth of liquidity and financial stability of companies in the integration process.

As a result of the conducted research, reasonable conclusions were drawn that effective management of accounts receivable is possible only with the application of an integrated approach, which focuses on credit risk assessment and integration of accounting and monitoring systems.

The value of the work carried out is due to the proposal of new methodological approaches to the management of accounts receivable in the framework of M&A, which is a platform for further study of this topic.

Keywords: mergers and acquisitions, accounts receivable, risk management, integration, optimization, financial stability

УДК 338.242.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-395-399

Важность формирования регионального рынка интеллектуальной собственности, являющегося значимым инструментом в управлении региональным туризмом (на примере Республики Татарстан)



Шакирова А.И.
Ведущий специалист отдела координации взаимодействия по гуманитарным наукам Академии наук Республики Татарстан

Актуальность темы исследования заключается в том, что туризм является быстро развивающейся отраслью непроизводственной сферы экономики, а одним из инструментов развития туризма в регионе является формирование рынка интеллектуальной собственности. Цель и задачи статьи – обоснование того, что управление туризмом необходимо, в том числе и на основе формирования регионального рынка интеллектуальной собственности, который будет способствовать появлению новых туристических продуктов. Ценность проведенного исследования заключается в предложениях по увеличению экономического эффекта для регионального туризма от использования объектов интеллектуальной собственности. Основные результаты: проанализированы факторы, препятствующие внедрению, коммерческому обороту и получению экономического эффекта от использования объектов интеллектуальной собственности. Обозначено влияние развития рынка интеллектуальной собственности на сферу туризма, предложены рекомендации по его совершенствованию.

***Ключевые слова**: интеллектуальная собственность, инновации, управление региональным туризмом, нематериальные активы, коммерческий оборот*

***Для цитирования:** Шакирова А.И. Важность формирования регионального рынка интеллектуальной собственности, являющегося значимым инструментом в управлении региональным туризмом (на примере Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 395–399. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-395-399.*

Осуществление инновационно-технологического прорыва возможно лишь при активном участии государственных структур. Необходимо поддержать научные разработки в микроэлектронике, нанотехнологии, биотехнологии и в социально значимых сферах [1, с. 10], среди которых весомую позицию занимает сфера туризма, где новые идеи и технологии оказывают воздействие на востребованность и конкурентоспособность предприятий туризма.

Развитие рынка интеллектуальной собственности будет способствовать инновационному пути развития экономики региона, а также повышению конкурентоспособности отечественных туристических продуктов. По мнению сотрудников Академии наук РТ «рынок интеллектуальной собственности – это место купли-продажи прав на объекты интеллектуальной деятельности и отношений, которые возникают и развиваются между продавцом и покупателем при реализации объектов интеллектуального труда» [2, с. 20].

Переход экономики на инновационный путь развития требует от регионов использования внутренних резервов развития высоких технологий для выпуска конкурентоспособной продукции [3, с. 28]. Республика Татарстан является одним из регионов, осуществляющим активную стратегию по развитию научного потенциала. В республике большое внимания уделяется вопросам охраны и защиты интеллек-

туальной собственности. В 2007 и 2008 гг. внедрена система учета и управления интеллектуальной собственностью Республики Татарстан [4].

В республике существует развитая законодательная база, которая позволяет вовлекать объекты интеллектуальной собственности в оборот [5]; сосредоточена институциональная и отраслевая база; налажена система подготовки кадров; развит промышленно-технологический комплекс; формируется нормативное правовое обеспечение и государственная поддержка инновационной деятельности; проводятся форумы и конференции, связанные с развитием инновационного климата в регионе. Татарстан относится к числу лидеров среди всех субъектов РФ по развитию региональной инновационной системы [6, с. 28].

Инновационная составляющая представляет собой неотъемлемую частью деятельности предприятий и организаций сферы туризма, которые являются потребителями и производителями интеллектуальных продуктов. Соответственно, управление туризмом необходимо на основе формирования регионального рынка интеллектуальной собственности (далее – РИС), так как:

1) конкурентоспособность предприятий сферы туризма зависит от улучшения качества туристических услуг, расширения их ассортимента, внедрения новых проектов для удовлетворения постоянно растущих потребностей туристов. Попробовав высокий уровень качества туруслуг в зарубежных странах, туристы выдвигают такие же пожелания к качеству услуг в сфере регионального туризма;

2) в туризме обширно применяются технические инновации, характерные для других отраслей экономики;

3) жесткая конкурентная среда и высокие ожидания потребителей подталкивают к поиску и созданию новых проектов и товаров, которые необходимо патентовать. Например, за рубежом инновации активно патентуются и применяются на практике. В Сингапуре на основе концепции «умного города» внедрены инновации в сферу туризма, обеспечивающие комфорт и безопасность туристов. Поэтому имеет большое значение патентовать идеи в сфере туризма, так как охрана интеллектуальной собственности является путем повышения конкурентоспособности туристического бизнеса.

Однако продукция российской промышленности, используемая в туристической деятельности недостаточно конкурентоспособна на внешнем и на внутреннем рынках. Слабое развитие научно-инновационной деятельности, низкое количество поданных заявок на изобретения сказываются и на работе туристической отрасли, где остаются нерешенными проблемы с развитием инфраструктуры, управлением ресурсами и меняющимися ожиданиями туристов.

Поэтому рассмотрим тенденции по количеству патентов на изобретения и коэффициент изобретательской активности в целом, не выделяя отдельно сферу туризма, являющуюся потребителем многих технических новшеств, производимых другими отраслями (облачные технологии, голосовой поиск, искусственный интеллект, виртуальная реальность, приложения для улучшения работы гостиниц и т.д.).

В последние годы наблюдаем снижение патентной активности в Приволжском федеральном округе, одним из основных лидеров которого является Республика Татарстан. Так, снижение количества выданных заявителям патентов на изобретения по итогам 2023 г. по сравнению с 2017 г. составило 18 % (рис. 1).

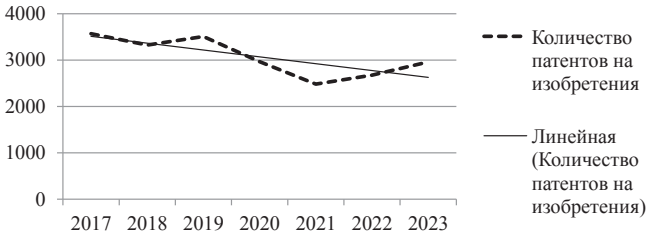


Рис. 1. Количество патентов на изобретения в Приволжском федеральном округе в 2017–2023 гг. [7, с. 7; 8, с. 7]

Темпы развития исследований и разработок не соответствуют нуждам обеспечения безопасности и растущему спросу предприятий на инновационные технологии. Россия сравнима с Европой и США по количеству предприятий и занятости в высокотехнологичных секторах, но по добавленной стоимости на одно предприятие и сотрудника в России один из самых низких показателей [9, с. 9]. Доля Российской Федерации в мировой торговле гражданской наукоемкой продукцией составляет всего 0,3 % [10, с. 852], что примерно в 100 раз меньше долей США.

Одной из проблем в развитии рынка интеллектуальной собственности мы считаем недоступность долгосрочных кредитных инструментов с льготными процентными ставками. Инновации нуждаются в кредитовании, а недоступность долгосрочных кредитных средств не дает научно-инженерному сообществу проводить опыты со своими идеями, сдерживает развитие инфраструктурных элементов рынка интеллектуальной собственности. Для получения оригинальных продуктов, новых видов деятельности нужно обеспечить кредитование инновационных проектов сферы туризма на выгодных условиях. Экономический рост авансируется за счет целевой кредитной эмиссии и только потом возникает подъем в новых производствах [11].

Для повышения доступности финансовой поддержки компаний, которые не могут предоставить традиционные виды залога, стимулирования инноваций и инвестиций в создание нематериальных активов в Татарстане запущен пилотный механизм

финансовой поддержки под залог интеллектуальной собственности [12]. Однако льготный период финансирования под 7 % годовых под поручительство Гарантийного фонда РТ выдается на срок до 4 лет. На наш взгляд, это является краткосрочным периодом, при котором предприниматели не успеют окупить вложенные средства.

Одним из показателей зрелости рынка интеллектуальной собственности региона является достаточное наличие нематериальных активов (НМА) в рыночной стоимости предприятий. Например, в зарубежных странах нематериальные активы составляют более 70 % рыночной стоимости компаний. Однако средняя доля нематериальных активов в балансе российских компаний составляет около 4,1 % [13]. Считаем, что нематериальная собственность российских компаний невостребованна.

Система коммерческого оборота объектов интеллектуальной собственности (далее – ОИС) включает в себя определение результатов интеллектуальной деятельности, регистрацию, охрану и защиту интеллектуальной собственности; учет и хранение ОИС; их вовлечение в коммерческий оборот и рыночную оценку; инвестиционное обеспечение, взаимодействие с фондовыми и финансовыми рынками, региональными и национальными рынками в России и мире [14, с. 154]. Однако в практической деятельности дело доходит только до регистрации, оценки и охраны объектов интеллектуальной собственности, а не до их коммерческой реализации. Соответственно, экономического эффекта от использования ОИС не происходит.

В РТ многие полученные патенты не поддерживаются в реализации, т.е. не получают коммерческого применения. Ведь существует дефицит финансирования научных исследований. В целом по Российской Федерации удельный вес внутренних затрат на исследования и разработки в валовом внутреннем продукте составляет 1,02 %. В Республике Татарстан – 0,7 %. Для сравнения: в Сингапуре и Канаде – 1,9 и 1,5 % [15]. Соответственно, имеющийся потенциал используется недостаточно эффективно.

Еще одной проблемой формирования рынка интеллектуальной собственности является наличие подготовленных кадров. В республике не сформировался достаточный сегмент по подготовке специалистов для работы на рынке интеллектуальной собственности [16, с. 82]. Многие уезжают за рубеж, где обеспечиваются все условия для научно-исследовательской работы с достойной зарплатой и перспективой профессиональной карьеры.

Недостаток кадров в инновационной сфере отрицательно сказывается на реализации инновационных технических решений в производстве товаров, необходимых для индустрии туризма. В туризме широко применяются технические новшества, производимые другими отраслями экономики. Поэтому созданные новые материалы, одежда, обувь, спорттовары, туристическое оборудование слабо удовлетворяют все возрастающие потребности туристов, что отражается на замедлении в развитии всех видов туризма.

Таким образом, основными факторами, препятствующими разработке и внедрению инноваций, являются недостаток собственных средств и высокие процентные ставки; нечеткость законодательных и нормативно-правовых актов, регулирующих инновационную деятельность; слабое развитие инновационной инфраструктуры и т.д.

Считаем, что формирование нематериальных активов на предприятиях сферы туризма и смежных отраслях, а также их дальнейшее вовлечение в коммерческий оборот позволят получить экономический эффект от: использования ОИС на предприятии; использования имущества, содержащего ОИС, в качестве залога; использования ОИС в качестве составной части франчайзинга; продажи лицензий на использование ОИС; увеличения уставного капитала предприятий сферы туризма; уменьшения налога на прибыль (рис. 2).

Считаем, что формирование рынка интеллектуальной собственности позволит решить проблемы создания конкурентоспособной отечественной туристической продукции, особенно в периоды кризиса экономики: использовать отечественную технику и технологии в производстве туристического продукта; выпускать новые виды туристического продукта. Кроме того, это позволит решить проблему конкурентоспособности компаний сферы туризма.

Для увеличения экономического эффекта сферы регионального туризма от объектов интеллектуальной собственности необходимо проведение рыночной оценки объектов интеллектуальной собственности и вовлечение ОИС в коммерческий оборот. Поэтому необходимо создание рыночных отноше-



Рис. 2. Экономический эффект для регионального туризма от формирования регионального рынка интеллектуальной собственности

ний, где будет обеспечено взаимодействие продавцов ОИС и покупателей.

Таким образом, для совершенствования управления сферой туризма необходимо инновационное развитие, использование достижений научно-технического прогресса. Именно при их помощи совершенствуется качество и появляются новые виды туристических услуг и товаров, что ведет к укреплению положения предприятий на туристическом рынке и удовлетворению возрастающих потребностей населения.

Литература:

1. Арсланов В.А., Таишев А.М. Коммерциализация инновационных проектов. Казань: Изд-во «Фэн», 2007. 268 с.
2. Абдуллин А.Л., Арсланов В.А., Газизов И.С., Хоменко В.В. и др. Региональный рынок интеллектуальной собственности. Ч. 4 / Под ред. Хоменко В.В. Казань: Академия наук РТ, 2014. 176 с.
3. Мазур Н.З. Развитие экономики на основе совершенствования управления интеллектуальной собственностью: автореф. … док-ра эконом. наук. М., 2007. 44 с.
4. Послание Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева Государственному Совету Республики Татарстан на 2007 и 2008 годы. URL: https://base.garant.ru/8128748/
5. Закон Республики Татарстан от 02.08.2010 г. № 63-ЗРТ «Об инновационной деятельности в Республике Татарстан». URL: https://docs.cntd.ru/document/917039314
6. Арсланов В.А., Байгильдеев А.В., Садиков Р.Л., Шакирова А.И. Инновационный потенциал Республики Татарстан // Информация, инновации, инвестиции: Материалы межрегион. науч.-техни. конф. (25-26 ноября 2010 г.). Уфа: ГАУ РНТИК «Баштехинформ», 2010. 167 с.
7. Суконин А.В., Иванова М.Г. и др. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2021: коэффициент изобретательской активности в регионах РФ. М.: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2022. 59 с.
8. Александрова А.В., Суконин А.В., и др. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2023: коэффициент изобретательской активности в регионах РФ. М.: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2024. 60 с.
9. Специальный доклад Президенту РФ 2020. Проблемы регулирования и правоприменительной практики, сдерживающие развитие высокотехнологичных компаний в РФ. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2020/6.pdf
10. Долгова М.В. Современные тенденции развития наукоемких и высокотехнологичных отраслей // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–4. С. 852–857.
11. Доклад Сергея Глазьева. Каков наш ответ финансовой олигархии США? URL: https://trinitas.ru/rus/doc/0001/005b/00011703.htm
12. В Татарстане в рамках нацпроекта запущен пилотный механизм финансовой поддержки под залог интеллектуальной собственности (от 19 сентября 2024 года). URL: https://mert.tatarstan.ru/index.htm/news/2344007.htm
13. Управление интеллектуальной собственностью. Величина нематериальных активов предприятий РФ. URL: https://delprof.ru/upload/iblock/2cb/5jfwn0z5i3b3vn5q65ckky86hygcj755/DelProf_Upravlenie-intellektualnoy-sobstvennostyu_2023.pdf
14. Аблеев Р.И, Хоменко В.В. и др. Концепция развития рынка интеллектуальной собственности в Республике Башкортостан // Формирование и развитие рынка интеллектуальной собственности в регионе. Материалы IV конф. и круглых столов. Казань, 13 февраля 2015 г. Казань: Академия наук РТ, 2015. С. 154.
15. Постановления КМ РТ от 07.10.2024 г. № 864 «Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан». URL: https://docs.cntd.ru/document/406605896
16. Арсланов В.А., Газизов И.С., Хоменко В.В. Региональный рынок интеллектуальной собственности. Ч. 1 / Под ред. Хоменко В.В. Казань: Акад. наук РТ, 2014. 198 с.

The Importance of Forming a Regional Intellectual Property Market, Which is an Important Tool in the Management of Regional Tourism (on the Example of the Republic of Tatarstan)

Shakirova A.I.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

The relevance of the research topic lies in the fact that tourism is a rapidly developing branch of the non-productive sector of the economy, and one of the tools for the development of tourism in the region is the formation of an intellectual property market. The purpose and objectives are to substantiate the fact that tourism management is necessary, including on the basis of the formation of a regional intellectual property market, which will contribute to the emergence of new tourism products. The value of the conducted research lies in the proposals to increase the economic effect for regional tourism from the use of intellectual property objects. Main results: the factors preventing the introduction, commercial turnover and obtaining an economic effect from the use of intellectual property objects are analyzed. The impact of the development of the intellectual property market on the tourism sector is outlined, and recommendations for its improvement are proposed.

Keywords: intellectual property, innovation, regional tourism management, intangible assets, commercial turnover

УДК 346.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-400-405

Договорное регулирование франчайзинговых отношений в Бельгии*



Ющенко Н.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры юридических дисциплин
Набережночелнинского института (филиала)
Казанского (Приволжского) федерального университета

Возрастающая роль франчайзинга как эффективного инструмента развития предпринимательства в условиях глобализации и усиления конкуренции обуславливает актуальность рассмотрения правового регулирования франчайзинговых отношений на примере бельгийского законодательства. Целью исследования является выявление особенностей правового режима франчайзинговых отношений в Бельгии. Цель научного исследования обуславливает его задачи: рассмотрение правовой природы франчайзингового договора и механизмов его регулирования; выявление регламентации взаимодействия участников франчайзинговых отношений на основе норм гражданского и хозяйственного права. Научная значимость исследования определяется в комплексном подходе анализа правовой регламентации франчайзинга в Бельгии, выявлении специфики применения отдельных положений законодательства к франчайзинговым отношениям.

В работе сделаны основные выводы, во-первых, франчайзинговые отношения в Бельгии основаны на нормах гражданского и коммерческого права, которые подвергаются значительному реформированию в целях обеспечения защиты интересов сторон. Во-вторых, основной акцент в регулировании отводится преддоговорному этапу франчайзинговых отношений, направленному на установление прозрачности взаимосвязи его участников. В-третьих, усиливается роль в координации связей с помощью закрепления механизмов антиконкурентной рыночной практики. Проведенное исследование позволит установить ясность в соблюдении законодательных требований предпринимателями, определить границы императивного и диспозитивного регулирования франчайзинговых отношений.

Ключевые слова: *франчайзинг, франшиза, гражданское право, интеллектуальная собственность, договорное право, законодательство Бельгии*

Для цитирования: *Ющенко Н.А. Договорное регулирование франчайзинговых отношений в Бельгии // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 400–405. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-400-405.*

Бельгия, как большинство европейских стран, не имеет специального закона, регулирующего франчайзинговые отношения. Поэтому правовое регулирование осуществляется в рамках общего гражданского и коммерческого законодательства, а также нормами европейского права. В Бельгии понятие франчайзинга определяется доктриной и правоприменительной практикой. Исходя из смысла ст. 1101 Гражданского кодекса Бельгии [1] (далее

* Публикация осуществляется в рамках проекта «Создание учебного курса «Актуальные проблемы правового регулирования франчайзинга в России и за рубежом», реализуемого победителем грантового конкурса для преподавателей 2023/2024 Стипендиальной программы Владимира Потанина».

– ГК), правовая природа франчайзингового договора определяется как соглашение, в рамках которого франчайзер обязуется предоставить за плату и на определенных условиях франчайзи право использовать свою бизнес-модель, товарные знаки, ноу-хау и другие объекты интеллектуальной собственности. Характерными чертами франчайзинговых отношений являются:

1) передача франчайзером права на использование товарных знаков, коммерческого имени, ноу-хау и другие объекты интеллектуальной собственности, которые составляют основу его бизнес-модели;

2) оказание франчайзером постоянной коммерческой и технической помощи франчайзи, которая включает в себя организацию и ведение бизнеса, обучение, маркетинг и предоставление оперативных руководств. В то же время франчайзер приобретает право контролировать соблюдение стандартов бизнес-модели.

3) выплата франчайзи вознаграждения франчайзеру, который может включать паушальный взнос (единовременный платеж) и роялти (процент от оборота или фиксированный платеж);

4) сохранение самостоятельности франчайзи как независимого предпринимателя, но обязующийся вести бизнес в строгом соответствии с правилами франчайзинговой сети [2].

Таким образом, франчайзинг в Бельгии определяется как договорное отношение, регулируемое нормами обязательственного права, закрепленными в ст.ст. 1101–1369 ГК Бельгии, и основанное на принципах свободы договора, добросовестности и справедливости.

В Бельгии выделяют следующие группы франчайзинга: производственный, дистрибьюторский, промышленный, и франчайзинг услуг [3]. Также существует, мастер-франчайзинг, который определяется как соглашение, в силу которого франчайзер предоставляет франчайзи за прямое или косвенное вознаграждение право эксплуатации франшизы с целью заключения франчайзинговых соглашений с субфранчайзи (генеральная франшиза). Такая модель построения франчайзинговых отношений в основном характерна для международного франчайзинга, прежде всего, в рамках Европейского союза. В этом случае не предполагается, что франчайзи будет также осуществлять предпринимательскую деятельность на основании коммерческой формулы франчайзера. Главная цель такого вида франчайзинга – это расширение территории сети путем передачи франчайзи права на заключение субфранчайзинговых договоров, который обладает достаточными экономическими, правовыми, культурными и иными знаниями о соответствующем рынке или территории [4].

Правовое регулирование франчайзинговых отношений в Бельгии осуществляется на основе комплексного подхода, базирующегося на нормах коммерческого, конкурентного, трудового и налогового права. Несмотря на отсутствие специализированного закона о франчайзинге, бельгийская правовая система, прошедшая значительное реформирование, обеспечивает достаточную защиту интересов сторон франчайзинговых отношений.

На франчайзинговые отношения в значительной степени распространяется Кодекс хозяйственного права Бельгии (*Wetboek van economisch recht*) (далее – КХП) [5].

Книга IV КХП посвящена обеспечению честной и эффективной конкуренции между предпринимателями и направлена на предотвращение антиконкурентной практики. Указанный акт соответствует ст.ст. 101 и 102 Договора о функционировании Европейского Союза [6].

Книга IV КХП играет ключевую роль в регулировании франчайзинговых отношений, предотвращая злоупотребления и сохраняя баланс между защитой бизнес-модели и свободной конкуренцией. В частности, нормы конкурентного законодательства могут касаться: территориальных ограничений и эксклюзивности франчайзинговой сети; контроля над ценами; определения поставщика; обмена конфиденциальной информацией; злоупотребления доминирующим положением. Например, определение в договоре франчайзинга обязанности франчайзи приобретать товары у заранее определенного поставщика может быть признано обоснованным, если она соответствует «правилу разумности». То есть, если эксклюзивные поставки способствуют улучшению производства и при распределении товаров потребители получают выгоды, а конкуренция не выходит за допустимые рамки (ст. IV.1(3) КХП) [7].

Отдельно следует указать ст.ст. IV.1 – IV.3 Книги IV КХП, которые устанавливают запрет на антиконкурентные соглашения (картели), а именно: определение цен и условий торговли, ограничение производства или рынков, распределение потребителей или территорий, дискриминационные условия. Подобные условия франчайзинговых соглашений признаются ничтожными (ст. IV.25 КХП) и влекут наложение штрафа до 10 % от общей выручки (ст. IV.72 КХП).

К франчайзинговым отношениям применяется Раздел 2 Книги X КХП (ст.ст. 26–34), а также ст. 11.2 Книги I КХП, регулирующие преддоговорную информацию в контексте соглашений о сотрудничестве и охватывают долгосрочные партнерские отношения, направленные на совместное продвижение товаров или услуг. Согласно ст. 11.2 Книги I КХП и ст. 26 Книги X КХП, соглашение о коммерческом сотрудничестве – это договор, по которому одна сторона предоставляет другой стороне право использовать коммерческую формулу в виде передачи бренда, торгового наименования, ноу-хау под постоянной ком-

мерческой или технической помощи. Коммерческая формула включает любое сочетание элементов, подлежащих передачи франчайзи: а) использование объектов интеллектуальной собственности; б) контроль и руководство со стороны франчайзера.

Ст. 11.2 Книги I КХП дает общее определение, охватывающее все формы аналогичной кооперации предпринимателей, на которые распространяются соглашения о сотрудничестве. Ст.ст. 26–34 Книги X КХП устанавливают обязательные требования к соглашениям о сотрудничестве путем конкретизации процедурного порядка и определения взаимных прав и обязанностей сторон отношений. Так, не позднее, чем за месяц до заключения договора, франчайзер обязан представить Преддоговорный информационный документ (далее – *PID*), состоящий из трех частей:

1. Проект соглашения.

2. Информацию о перечне договорных положений, согласно ст. 28 Книги X КХП.

3. Информацию о франчайзинговой сети, франчайзере и другие сведения, которые позволят франчайзи оценить целесообразность заключения договора [8].

Месячный срок установлен в качестве периода охлаждения для франчайзи, который не может вступать в обязательственные правоотношения с франчайзером, за исключением принятия обязательства по сохранению конфиденциальности предоставленной информации. В целях обеспечения правовой определенности установлено, что при продлении или внесении изменений в договор франчайзинга, действующего не менее двух лет, соблюдение месячного срока не требуется.

PID должен быть изложен доступным языком и предоставлен в письменном или электронном виде и быть доступным в любое время. В случае возникновения спора относительно значения термина или содержания положения, толкование будет осуществляться в пользу франчайзи [9].

Законом от 09.02.2024 г. были внесены изменения по предоставлению преддоговорной информации, вступившие в силу с 01.09.2024 г. Теперь необходимо определить:

– детальный перечень первоначальных и текущих расходов (в том числе осуществляемые третьими лицами);

– обязательства по ограничению свободы установления цен (установление максимальных цен на товары или услуги);

– обязательства по минимальным объемам продажи или закупок и последствия их неисполнения;

– ограничения на использование прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе ограничения на онлайн-продажи и маркетинг;

– положения, касающиеся взаимосвязи договора франчайзинга и правами на объект аренды (либо иным договором), связанным с местоположением франчайзи;

– основания расторжения договора франчайзинга и их финансовые последствия;

– положение об определении права, юрисдикции и процессуальном языке [10].

Внесенные изменения заменили широкую категорию «обязательства», которые ранее сводились к фактическому копированию условий договора франчайзинга к предоставлению конкретной информации, способствующие сущностного уяснения договорного содержания и коммерческого контекста соглашения [11].

Королевский указ от 19.08.2024 г., предусматривает предоставление экономической информации для оценки целесообразности сотрудничества [12]. Например, информация о планах расширения и доле рынка своей сети позволит будущему франчайзи определить фактический рынок сбыта. Франчайзер также должен сообщить обо всех ему известных планах развития деятельности конкурентов в этой торговой зоне. Однако если франчайзер не имел возможности получить соответствующую информацию самостоятельно либо через компетентные органы, в последующем это не будет признаваться обманом или введением в заблуждение франчайзи. Франчайзер обязан предоставить информацию о необходимых инвестициях франчайзи в бизнес с указанием конкретных сумм. На франчайзера возлагается обязанность по предоставлению данных о предполагаемом операционном счете за период не менее трех лет, для составления собственного бизнес-плана франчайзи. В этом случае франчайзер будет освобожден от ответственности, если убытки явились результатом ненадлежащего управления и деятельности франчайзи. И, наконец, согласно внесенным изменениям в ст. 28 Книги X КХП, под информацией об «исключительности», которую предоставляет франчайзер, понимаются сведения о способности реализовывать аналогичные товары или услуги под тем же товарным знаком на этой же территории [13]. Территория торговой зоны законодателем не формулируется, поскольку она будет варьироваться в зависимости от размера осуществляемой деятельности и определяется франчайзером самостоятельно.

Ст. 28 Книги X КХП (п. d §1) закрепляет условия раскрытия информации о вознаграждении франчайзера. Так, если вознаграждение носит прямой характер, то оно должно быть четко указано в самостоятельном документе, если же косвенный – описывается метод его расчета.

Новые ужесточенные обязательства по предоставлению информации франчайзером франчайзи распространяются на соглашения, заключенные или продленные с 1 марта 2025 г.

Защита преддоговорной информации гарантируется соглашением о конфиденциальности, которое

обеспечивается штрафными санкциями за ее разглашение. Согласно ст. 31 Книги X КХП, стороны вправе использовать полученные сведения только в целях и пределах заключаемого договора франчайзинга.

Законодатель предусматривает различные способы защиты франчайзи в преддоговорных отношениях с франчайзером. Так, на основании ст. 31 Книги X КХП, франчайзи вправе:

– требовать признания договора франчайзинга недействительным в течение двух лет с момента его заключения, в случае нарушения условий предоставления преддоговорной информации;

– требовать признания недействительным одного или нескольких условий договора франчайзинга, если отсутствует основные положения договора для их действительной оценки.

Если изложенные данные содержат ложную, неполную информацию или отсутствуют сведения, предусмотренные Книгой X КХП, франчайзи вправе ссылаться на основании ГК Бельгии:

– на общее право о дефектах намерения в виде заблуждения (ст. 1109), обмана (ст. 1116) или принуждения (ст. 1117) и требовать признания договора недействительным;

– на квазеделиктную ответственность, вызванные нарушением преддоговорных обязательств в виде возмещения убытков (ст. 1382).

Помимо этого, Книга V ГК Бельгии, в редакции, вступившая в силу с 1 января 2023 г., предусматривает внедоговорную ответственность за преддоговорные отношения. Ст. 5.15 ГК Бельгии закрепила принцип «свободы переговоров», согласно которому стороны свободны в переговорах о заключении договора и должны действовать добросовестно. За необоснованное прекращение переговоров предусмотрены две меры ответственности: возмещение расходов на переговоры и взыскание упущенной выгоды в виде размера дохода от незаключенного договора [14]. Разъясняя возможность привлечения участников преддоговорных отношений к ответственности, Арбитражный комитет Бельгии указал, что предоставление пакета документов на преддоговорном этапе само по себе не является основанием для заключения договора франчайзинга и стороны свободны в принятии этого решения. Однако франчайзер и франчайзи несут ответственность за обязательства, которые они на себя приняли до заключения соглашения [15].

Таким образом, соглашения о коммерческом сотрудничестве в Бельгии направлены на обеспечение защиты прав участников франчайзинговых отношений путем установления механизмов прозрачности взаимоотношений и ограничения злоупотреблений через призму баланса между свободой договора и предотвращением сдерживания конкуренции на товарном рынке. Положения Раздела 2 Книги X и ст. 11.2 Книги I КХП для франчайзинговых отношений предусматривают: обязательное раскрытие информации, ограничение конкурентных оговорок, а также способы защиты нарушенных прав.

С 1 декабря 2020 г., вступили в силу положения Закона B2B от 04.04.2019 г., которые предусматривают защиту организаций от несправедливых условий, злоупотребления экономической зависимостью и недобросовестной рыночной практики. Целью Закона B2B является установление договорного баланса между предприятиями в случае, если одна из сторон соглашения признается экономически сильной. Положения этого нормативного акта включены в специальный раздел VI КХП [16]. Нормы КХП дополнены для отдельных секторов рынка Королевским указом от 20 июня 2024 г. и применяются к заключённым, измененным или продленным договорам франчайзинга с 1 января 2025 г., а действующие соглашения необходимо привести в соответствие с новыми требованиями к 1 мая 2025 г. [17].

Закон B2B ввел два списка договорных условий: «черный список», условия, которые автоматически признаются незаконными и «серый список» – условия считаются незаконными, пока не доказано обратное. Согласно ст. 91/4 Книги VI КХП, не допускаются положения:

– запрещающие франчайзи закупать продукцию у других поставщиков, даже если франчайзинговая сеть не осуществляет поставки вовремя или надлежащим образом;

– не позволяющие франчайзи готовиться к новой или аналогичной деятельности в течение срока уведомления или срока действия обязательства о неконкуренции;

– обязывающие франчайзи нести более половины расходов, возникающих в результате рекламных акций, проводимых франчайзером;

– предусматривающие единственным компетентным судом суд по месту нахождения франчайзера.

В «серый список» вошли условия (ст. 91/5):

– дающие франчайзеру право выкупить деятельность франчайзи по необоснованно низкой фиксированной цене;

– запрещающие франчайзеру расторгнуть договор без дополнительной компенсации, если деятельность франчайзи является убыточной в течение 12 месяцев;

– позволяющие франчайзеру расторгнуть соглашение о коммерческом сотрудничестве с франчайзи путем применения прямо выраженной оговорки о расторжении [18].

Закон B2B устанавливает механизмы защиты в случае включения в соглашение несправедливых условий, злоупотребления экономической зависимостью и недобросовестной рыночной практики в виде признания отдельных положений или всего договора недействительным, а также наложение

административного штрафа. Принятие указанных норм подчеркивает стремление бельгийского законодателя к обеспечению баланса во франчайзинговых отношениях, которые должны основываться на принципах добросовестности и справедливости.

Таким образом, бельгийская правовая система, регулирующая франчайзинговые отношения и базирующаяся на общих нормах гражданского и коммерческого права при отсутствии специального законодательного акта, обеспечивает достаточно эффективные взаимоотношения сторон франчайзингового договора. Такой подход законодателя компенсируется комплексным механизмом закрепления в нормах права только тех аспектов, которые нельзя предоставить на самостоятельное урегулирование участникам франчайзинговых отношений, исходя из принципов разумности, добросовестности и справедливости. Реформирование законодательства в Бельгии, необходимо для обеспечения прозрачности связей, установления справедливого баланса сторон, устранения правовой неопределенности и на основе правореализации целесообразно выявлять слабые стороны франчайзинговых отношений, подвергая их нормативной регламентации.

Автор выражает благодарность Ющенко Снежане Анатольевне за осуществление перевода иностранной литературы.

Литература:

1. Code Civil. 21 Mars 1804. Livre III: Manières dont on acquiert la propriété. Titre III à V (art. 1101-1581) mise à jour au 06-04-2012. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11668.
2. Clevenbergh O., Fierens J., Omanukwue S., Keup M., Lang E. Belgium. The Franchise Law Review. Edition 3. Law Business Research Ltd. 2016. P. 217–229. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/belgium_franchise_law_review.pdf.
3. Wat is franchising? Franchising Belgium, 2025. URL: https://franchisingbelgium.be/nl/franchising-in-belgie/
4. Master franchising in België. Franchising Belgium, 2025. URL: https://franchisingbelgium.be/nl/master-franchising/
5. Wetboek van economisch recht (WER). 28 fevrier 2013. 11-13, 077. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22717.
6. Verdrag betreffende de Europese Unie. Verdrag betreffende de werking van de Europese Unie. 2012/C 326/01. // Publicatieblad Nr. C 326 van 26/10/2012 blz. 0001–0390. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/NL/TXT/HTML/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=NL.
7. Advies over de hervorming van boek iv van het wetboek van economisch recht. Commissie Voor De Mededinging. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/crb-2018-1680-hervorming-van-boek-iv-bescherming-van-de-mededinging-van-het-wetboek-van-economisch-recht.pdf.
8. Claeys S. Het Precontractueel Informatie Document, bijkomende verplichtingen. URL: https://racinebrussels.eu/nl/het-precontractueel-informatie-document-bijkomende-verplichtingen/
9. Franchise. Adviezen van de Arbitragecommissie. FOD Economie. URL: https://economie.fgov.be/nl/themas/verkoop/contracten/franchise.
10. Berckmans C. Back to the drawing board: Belgian precontractual information requirements for franchise agreements undergo another amendment. Bird & Bird. URL: https://www.twobirds.com/en/insights/2024/belgium/belgian-precontractual-information-requirements-for-franchise-agreements-undergo-another-amendment.
11. Arbitragecommissie. Advies betreffende de belangrijke contractuele bepalingen en de verplichtingen die in het specifieke precontractuele informatiedocument moeten worden vermeld. URL: https://economie.fgov.be/sites/default/files/Files/Ventes/Adviezen-arbitragecommissie/Advies-Arbitragecommissie-2022-18.pdf.
12. Arbitragecommissie. Advies over een ontwerp van koninklijk besluit tot aanvulling van de informatie vervat in het bijzonder document bedoeld in artikel X.28 van het Wetboek van economisch recht. URL: https://economie.fgov.be/sites/default/files/Files/Ventes/Adviezen-arbitragecommissie/Advies-Arbitragecommissie-2024-20.pdf.
13. Rosiers F., Verelst R. Meer dan een formaliteit: het belang van de Wet op de Precontractuele Informatieplicht bij commerciële samenwerkingen (Forum Advocaten). Forum Advocaten. URL: https://legalnews.be/verbintenissen-goederen/meer-dan-een-formaliteit-het-belang-van-de-wet-op-de-precontractuele-informatieplicht-bij-commerciele-samenwerkingen-forum-advocaten/
14. Geron M. Culpa in contrahendo in het nieuwe Burgerlijk Wetboek. Franchising Belgium. URL: https://franchisingbelgium.be/nl/culpa-in-contrahendo-in-het-nieuwe-burgerlijk-wetboek/
15. Arbitragecommissie. Advies over het gelijktijdig onderhandelen van een commerciële samenwerkingsovereenkomst met meerdere partners

en de eventuele betaling van een reserveringsrecht. URL: https://economie.fgov.be/sites/default/files/Files/Ventes/Adviezen-arbitragecommissie/Advies-arbitragecommissie-2017-16.pdf.
16. Clarysse D., Romaen C. België voorloper in de bescherming van de franchisenemer… URL: https://philippelaw.eu/nl/belgie-voorloper-in-de-bescherming-van-de-franchisenemer/
17. Weerdt N., Vandepitte F. Meer bescherming voor supermarktfranchises door nieuw Koninklijk Besluit. URL: https://www.stibbe.com/nl/publications-and-insights/meer-bescherming-voor-supermarktfranchises-door-nieuw-koninklijk-besluit#:~:text=Het%20Koninklijk%20Besluit%20van%2020,gekend%20onder%20NACE%20code%2047.11.
18. Moeyersons R., Genechten J., Zhou L. New unlawful terms for franchise agreements with supermarkets. URL: https://seeds.law/en/news-insights/new-unlawful-terms-for-franchise-agreements-with-supermarkets.

Contractual Regulation of Franchise Relations in Belgium

Yushchenko N.A.
Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny

The growing role of franchising as an effective tool for developing entrepreneurship in the context of globalization and increasing competition determines the relevance of considering the legal regulation of franchising relations using the example of Belgian legislation. The purpose of the study is to identify the features of the legal regime of franchising relations in Belgium. The purpose of the scientific research determines its tasks: consideration of the legal nature of the franchise agreement and the mechanisms of its regulation; identification of the regulation of the interaction of participants in franchising relations based on the norms of civil and commercial law. The scientific significance of the study is determined in the comprehensive approach to the analysis of the legal regulation of franchising in Belgium, identifying the specifics of the application of individual provisions of the legislation to franchising relations. The work makes the following main conclusions: firstly, franchising relations in Belgium are based on the norms of civil and commercial law, which are subject to significant reform in order to ensure the protection of the interests of the parties. Secondly, the main emphasis in regulation is given to the pre-contractual stage of franchising relations, aimed at establishing transparency of the relationship of its participants. Thirdly, the role in coordinating relations is strengthened by fixing the mechanisms of anti-competitive market practices. The conducted research will allow to establish clarity in compliance with legislative requirements by entrepreneurs, to determine the boundaries of imperative and optional regulation of franchising relations.

Keywords: franchising, franchise, civil law, intellectual property, contract law, Belgian law

УДК 346.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-406-409

Государственное регулирование тарифов в области обращения с твердыми коммунальными отходами в Калининградской области



Бабкина Я.И.
Руководитель (директор) Службы по государственному регулированию цен и тарифов Калининградской области (Калининград)

В статье освещен актуальный вопрос государственного регулирования тарифов в области обращения с твердыми коммунальными отходами. Тарифы на услуги в сфере обращения с ТКО Службой по государственному регулированию цен и тарифов Калининградской области рассчитываются и утверждаются в соответствии с требованиями федерального законодательства и территориальной схемы обращения с отходами Калининградской области.

***Ключевые слова**: тарифная кампания, региональный оператор, транспортирование отходов, типовые ошибки, тарифы, плата граждан*

***Для цитирования:** Бабкина Я.И. Государственное регулирование тарифов в области обращения с твердыми коммунальными отходами в Калининградской области // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 406–409. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-406-409.*

В горизонте текущего года Служба по государственному регулированию цен и тарифов Калининградской области (далее – СГРЦиТ КО) продолжает обеспечивать надежность и качество коммунальных услуг для жителей Калининградской области в тарифном выражении, стремясь использовать все доступные механизмы поддержки и повышения качества жизни семей региона, проводя эффективную тарифную политику в условиях сохранения экономической устойчивости и долгосрочной стабильности.

По итогам тарифной кампании исключено из состава необходимой валовой выручки регулируемых субъектов более 10,7 млрд. руб., из них более 1,0 млрд. руб. – в области обращения с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО), что составляет 11,7 %.

Традиционно в структуре платы граждан за коммунальные услуги лидирующие позиции занимают услуги теплоснабжения (32,0 %) и электроснабжения (26,8 %), доля услуги регионального оператора в области обращения с ТКО незначительна по своей величине и составляет 6,6 %.

В соответствии с Федеральным законом от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», в Калининградской области с 01.01.2019 г. произведен запуск новой системы обращения с твердыми коммунальными отходами [1].

По итогам конкурсного отбора, согласно протоколу от 13.06.2018 г. № КО-18032-РО, победителем признан заявитель Государственное предприятие Калининградской области «Единая система обращения с отходами» (далее – ГП КО «ЕСОО»). Министерством природных ресурсов и экологии Калининградской области с ГП КО «ЕСОО» заключено соглашение от 20.06.2018 г.

Калининградская область является единой зоной обслуживания региональным оператором, которая включает 22 муниципальных образования, где проживает 1 млн. 34 тыс. чел.

Следует отметить объем работ регионального оператора и положительную динамику увеличения массы образуемых в регионе отходов. Так СГРЦиТ КО на 2024 г. учтен объем ТКО в размере 2,6 млн куб.м. Основная доля отходообразователей приходится на областной центр – г. Калининград.

В области обращения с твердыми коммунальными отходами осуществляют свою деятельность две регулируемые организации: ГП КО «ЕСОО» в муниципальном образовании «Советский городской округ» и АО «Утилизация мусора» в муниципальном образовании «Гусевский городской округ», в том числе один региональный оператор. В 2023 г. прекратили прием отходов два региональных полигона: вблизи пос. Круглово муниципального образования «Зеленоградский муниципальный округ» и вблизи пос. Ельняки муниципального образования «Гвардейский муниципальный округ».

Транспортирование отходов производится 8 операторами по обращению с ТКО по транспортировке отходов до объектов обращения с ТКО.

Тарифная кампания в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами реализована СГРЦиТ КО в цифровом режиме с использованием унифицированной электронной заявки в формате шаблона, который направляется по импортозамещенному вебмодулю региональной системы «Единая информационно-аналитическая система» Калининградской области (РС ЕИАС КО). Заявка (предложение) регулируемой организации содержит в себе весь пакет обосновывающих материалов и расчетные таблицы, с заложенным алгоритмом, согласно утвержденной приказом Федеральной антимонопольной службы России методики [3] и Основ ценообразования [4].

Вместе с тем, за регулируемыми организациями из года в год сохраняются типовые ошибки, приводящие к дополнительному привлечению трудо-временных ресурсов для их устранения и исключения заявленных экономически необоснованных затрат.

Основными типовыми ошибками операторов в области обращения с твердыми коммунальными отходами при формировании тарифного предложения являются:

– отсутствие правоустанавливающих документов;

– представление неполного пакета документов;

– сохранение системных ошибок в заявках (начисление амортизации по минимальным срокам амортизационных групп согласно классификации основных средств, некорректное исчисление налогов, отсутствие подтверждения расчетных значений, несоответствие предложенных размеров тарифов в заявлении и рассчитанных в электронном шаблоне, отсутствие раздельного учета расходов и доходов по регулируемым видам деятельности);

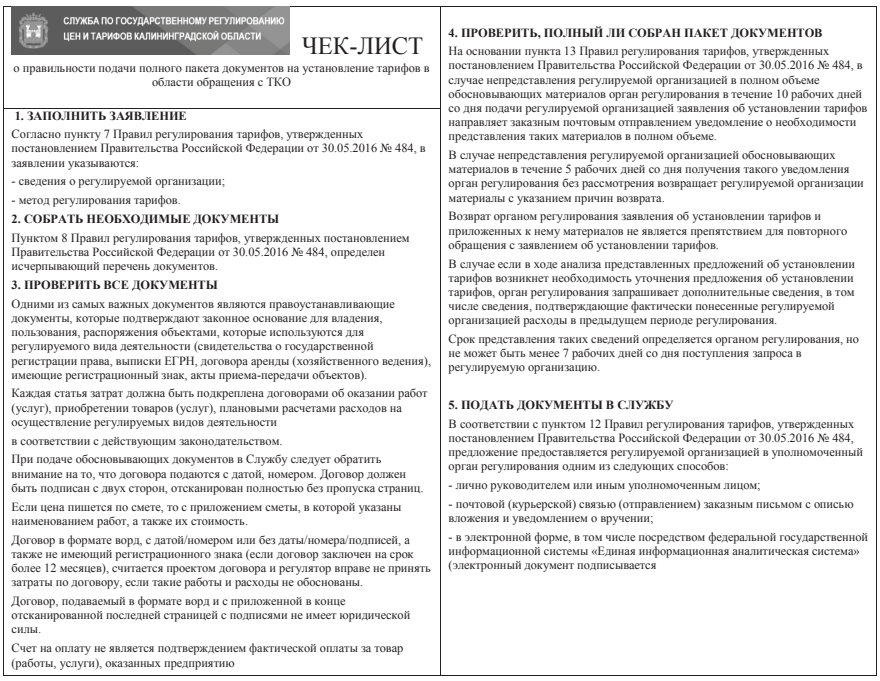
– отсутствие результатов торгов по транспортированию твердых коммунальных отходов на момент установления тарифов;

– отсутствие обоснования по включению затрат по приобретению контейнеров.

В рамках участия Службы по государственному регулированию цен и тарифов Калининградской области в проекте «Эффективный регион» третья волна в 2024 г. успешно транслирован положительный результат проекта по оптимизации процесса подачи тарифной заявки. Разработанный план мероприятий, направленный на формирование у организации понимания правильности подачи пакета документов для тарифного регулирования, снизил риски отказа в установлении тарифов для новых организаций, повысил уровень качества направляемых данных и расчетов, выявил вопросы, вызывающие сложности при взаимодействии с регулятором (трудности работы с расчетными шаблонами и формирования основных документов для обоснования расходов).

Так, был разработан и внедрен чек-лист о правильности подачи пакета документов (рис. 1). Дополнительно для минимизации ошибок и повышения эффективности взаимодействия на сайте Службы по государственному регулированию цен и тарифов Калининградской области размещены видео-инструкции по заполнению расчетного-шаблона, алгоритм тарифной кампании, организованы дополнительные консультации по согласованию [2].

Тарифы на услуги в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами на 2024 г. Службой по государственному регулированию цен и тарифов Калининградской области рассчитаны и утверждены



СЛУЖБА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ЦЕН И ТАРИФОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЧЕК-ЛИСТ

о правильности подачи полного пакета документов на установление тарифов в области обращения с ТКО

1. ЗАПОЛНИТЬ ЗАЯВЛЕНИЕ

Согласно пункту 7 Правил регулирования тарифов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30.05.2016 № 484, в заявлении указываются:

- сведения о регулируемой организации;

- метод регулирования тарифов.

2. СОБРАТЬ НЕОБХОДИМЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Пунктом 8 Правил регулирования тарифов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30.05.2016 № 484, определен исчерпывающий перечень документов.

3. ПРОВЕРИТЬ ВСЕ ДОКУМЕНТЫ

Одними из самых важных документов являются правоустанавливающие документы, которые подтверждают законное основание для владения, пользования, распоряжения объектами, которые используются для регулируемого вида деятельности (свидетельства о государственной регистрации права, выписки ЕГРН, договора аренды (хозяйственного ведения), имеющие регистрационный знак, акты приема-передачи объектов).

Каждая статья затрат должна быть подкреплена договорами об оказании работ (услуг), приобретении товаров (услуг), плановыми расчетами расходов на осуществление регулируемых видов деятельности

в соответствии с действующим законодательством.

При подаче обосновывающих документов в Службу следует обратить внимание на то, что договора подаются с датой, номером. Договор должен быть подписан с двух сторон, отсканирован полностью без пропуска страниц.

Если цена пишется по смете, то с приложением сметы, в которой указаны наименованием работ, а также их стоимость.

Договор в формате ворд, с датой/номером или без даты/номера/подписей, а также не имеющий регистрационного знака (если договор заключен на срок более 12 месяцев), считается проектом договора и регулятор вправе не принять затраты по договору, если такие работы и расходы не обоснованы.

Договор, подаваемый в формате ворд и с приложенной в конце отсканированной последней страницей с подписями не имеет юридической силы.

Счет на оплату не является подтверждением фактической оплаты за товар (работы, услуги), оказанных предприятию

4. ПРОВЕРИТЬ, ПОЛНЫЙ ЛИ СОБРАН ПАКЕТ ДОКУМЕНТОВ

На основании пункта 13 Правил регулирования тарифов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30.05.2016 № 484, в случае непредставления регулируемой организацией в полном объеме обосновывающих материалов орган регулирования в течение 10 рабочих дней со дня подачи регулируемой организацией заявления об установлении тарифов направляет заказным почтовым отправлением уведомление о необходимости представления таких материалов в полном объеме.

В случае непредставления регулируемой организацией обосновывающих материалов в течение 5 рабочих дней со дня получения такого уведомления орган регулирования без рассмотрения возвращает регулируемой организации материалы с указанием причин возврата.

Возврат органом регулирования заявления об установлении тарифов и приложенных к нему материалов не является препятствием для повторного обращения с заявлением об установлении тарифов.

В случае если в ходе анализа представленных предложений об установлении тарифов возникнет необходимость уточнения предложения об установлении тарифов, орган регулирования запрашивает дополнительные сведения, в том числе сведения, подтверждающие фактически понесенные регулируемой организацией расходы в предыдущем периоде регулирования.

Срок представления таких сведений определяется органом регулирования, но не может быть менее 7 рабочих дней со дня поступления запроса в регулируемую организацию.

5. ПОДАТЬ ДОКУМЕНТЫ В СЛУЖБУ

В соответствии с пунктом 12 Правил регулирования тарифов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30.05.2016 № 484, предложение предоставляется регулируемой организацией в уполномоченный орган регулирования одним из следующих способов:

- лично руководителем или иным уполномоченным лицом;

- почтовой (курьерской) связью (отправлением) заказным письмом с описью вложения и уведомлением о вручении;

- в электронной форме, в том числе посредством федеральной государственной информационной системы «Единая информационная аналитическая система» (электронный документ подписывается

Рис. 1. Чек-лист о правильности подачи полного пакета документов на установление тарифов в области обращения с твердыми коммунальными отходами

в соответствии с требованиями федерального законодательства и территориальной схемой обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, в Калининградской области.

Величина тарифа для населения с 1 июля 2024 г. установлена в размере 821,74 руб./куб.м. (НДС не облагается), рост тарифа составил 119,9 %.

Стоит обратить внимание, что доля услуги регионального оператора в общем платеже граждан за коммунальные услуги незначительна (6,6 %) и в этой связи общий платеж за все услуги не превысит утвержденный Правительством Российской Федерации индекс ограничения платы граждан за коммунальные услуги в размере 117,9 % с учетом отклонения.

В структуре расходов основную долю затрат занимают расходы на транспортирование отходов – 82,0 %, что связано с обеспечением своевременного вывоза отходов с контейнерных площадок Калининградской области.

Относительно областных центров Северо-Западного Федерального округа и Центрального Федерального округа уровень предельного единого тарифа на услугу регионального оператора является средним и доступным по своей величине.

В г. Калининграде плата на 1 чел., проживающего в МКД, составила с 01.07.2024 г. – 136,96 руб./чел./мес., в ИЖД – 205,44 руб./чел./мес. при нормативах накопления 2 и 3 куб.м. в год соответственно.

В заключение стоит отметить, что Служба по государственному регулированию цен и тарифов Калининградской области ежегодно совершенствует процессы исполнения государственных функций посредством цифровизации, повышения производительности труда, в том числе и регулируемых организаций благодаря контролю за предоставляемыми в адрес СГРЦиТ КО документами, внедрения принципов клиентоцентричности, в целях проведения качественной экспертизы обосновывающих материалов регулируемых организаций и принятия сбалансированных тарифных решений.

К основным проблемам в области государственного регулирования в области обращения с твердыми коммунальными отходами относятся:

– не 100 % охват потребителей, что требует ревизионной работы по объектам ИЖД, МКД и с органами местного самоуправления для выявления организаций, осуществляющих коммерческую деятельность в нежилых помещениях;

– многократность внесения изменений в территориальную схему (отсутствие предельного срока актуализации территориальных схем на предстоящий годовой период регулирования создает условия, при которых орган тарифного регулирования не обладает разумными сроками для учета скорректированных показателей территориальных схем при расчете тарифов);

– повторная подача заявки за рамками законодательных сроков (независящие причины изменения заявки отсутствуют);

– нарушение сроков подачи документов;

– синхронизация с другими сферами государственного регулирования тарифов сроков подачи предложения до 1 мая текущего года;

– отсутствуют типовые отраслевые нормы численности работников сферы обращения с твердыми коммунальными отходами. Для нормирования труда работников операторов по обращению с ТКО, региональных операторов по обращению с ТКО, установления их оптимальной структуры, рациональной расстановки кадров и расчета нормативных затрат на оплату труда, которые являются одной из составляющих нормативной себестоимости и экономически обоснованных тарифов в области обращения с ТКО, необходимы к утверждению типовые нормы труда;

– при корректировке необходимой валовой выручки регионального оператора не учитывается изменение массы (объема) ТКО, как у операторов по обращению с ТКО;

– расчет расходов регионального оператора на транспортирование не учитывает изменение массы (объема) твердых коммунальных отходов при индексации. Необходимо рассмотреть возможность для органа регулирования тарифов на предстоящий период учитывать изменение массы (объема) ТКО при корректировке расходов регионального оператора на транспортирование ТКО и внести коэффициент изменения массы (объема) ТКО в формулу (49) Методических указаний.

Таким образом, тарифы в области обращения с ТКО рассчитываются Службой по государственному регулированию цен и тарифов Калининградской области строго с соблюдением федерального законодательства. В статье отражен ряд проблем, который требует внимания и совершенствования в сфере тарифного регулирования в области обращения с ТКО.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СПС Гарант.

2. Официальный сайт Службы по государственному регулированию цен и тарифов Калининградской области. URL: https://tarif.gov39.ru/.
3. Приказ Федеральной службы по тарифам от 27.12.2013 г. № 1746-э «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения» // СПС Гарант.
4. Постановление Правительства РФ от 13.05.2013 г. № 406 «О государственном регулировании тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения» // СПС Гарант.

State Regulation of Tariffs in the Field of Solid Municipal Waste Management in the Kaliningrad Region

Babkina Ya.I.
Service for State Regulation of Prices and Tariffs of the Kaliningrad Region

The article highlights the current issue of state regulation of tariffs in the field of municipal solid waste management. Tariffs for MSW management services by the Kaliningrad Region State Price and Tariff Regulation Service are calculated and approved in accordance with the requirements of federal legislation and the territorial waste management scheme of the Kaliningrad Region.

Keywords: tariff campaign, regional operator, waste transportation, typical mistakes, tariffs, citizens' fees

УДК 336.761
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-410-416

Расконвертация депозитарных расписок российских компаний: особенности и механизм реализации



Бодров Р.Г.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансовых рынков и финансовых институтов
Казанского (Приволжского) федерального университета



Кох И.А.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов
Казанского (Приволжского) федерального университета



Никонова Т.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансовых рынков и финансовых институтов
Казанского (Приволжского) федерального университета



Юсупова Л.М.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансовых рынков и финансовых институтов
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье анализируется современный российский фондовый рынок. Целью являются исследование и анализ факторов, воздействующих на расконвертацию депозитарных расписок российских компаний. В работе приводится экономическая сущность депозитарных расписок и их классификация. Показаны алгоритмы расконвертации расписок в связи с инфраструктурными рисками, вызванными западными санкциями. Полученные результаты исследования имеют практический характер и могут применяться в инвестиционной, аналитической, оценочной и портфельной деятельности, связанной с эффективным вложением в ценные бумаги и другие финансовые активы.

Ключевые слова: *финансовые рынки, анализ ценных бумаг, производные финансовые инструменты, аналитические методы, российский рынок, статистика операций, объемы торговли, доходность, технический анализ*

Для цитирования: *Бодров Р.Г., Кох И.А., Никонова Т.В., Юсупова Л.М. Расконвертация депозитарных расписок российских компаний: особенности и механизм реализации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 410–416. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-410-416.*

Современное состояние российского фондового рынка обусловлено комплексным воздействием ряда разнонаправленных факторов. Многие из них старые и в целом изученные, есть новые, часть из которых влияет не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд. Такие факторы, как западные санкции, волатильность национальной валюты, снижение темпов экономического развития России и падение уровня дохода населения уже знакомы российскому фондовому рынку. Из новых – пандемия *COVID*-2019, резкий рост интереса россиян к инструментам финансового рынка, манипулирование фондовым рынком через социальные сети, проведение Специальной военной операции на Украине, надвигающаяся рецессия мировой экономики, вероятность военного столкновения с блоком НАТО.

Все это увеличивает риски, связанные с инвестированием в фондовый рынок. В текущем моменте индекс Московской биржи (*IMOEX*) формирует фигуру технического анализа «симметричный треугольник», что говорит о том, что силы «быков» и «медведей» уравновешиваются. Возможен как рост индекса, так и снижение.

Подписание договоров о дружбе и сотрудничестве между Россией и Донецкой и Луганской Народными Республиками и начало военной спецоперации на Украине привело к падению российского фондового рынка на 51,3 % в феврале 2022 г. Это было обусловлено масштабными продажами ценных бумаг, высвободившиеся рубли конвертировались на валютной секции Московской биржи и выводились из страны. Это привело к падению рубля на 55,6 %. Торги на Московской бирже были приостановлены Центральным банком с 28 февраля 2022 г. и биржевые торги возобновились лишь 24 марта 2022 г., такой долгосрочной приостановки торгов не было в истории российского рынка. Брокерские счета нерезидентов были заморожены в целях защиты фондового рынка от обрушения.

На зарубежных биржах массовые распродажи российских депозитарных расписок привели к 90–99 % падению их стоимости. Это позволило спекулянтам купить практически за бесценок расписки на акции российских эмитентов. Так, депозитарные расписки Сбербанка на 4 акции продавались по цене 0,01 долл. (стоимость долл. на 27.02.2022 г. – 83,54 руб.), в то время как на 27 февраля, до приостановки торгов, цена акции на Московской бирже была 131 руб.

Геополитические и рыночные риски оказали воздействие на депозитарные расписки российских компаний, которые являются производными от самих акций соответствующих эмитентов.

История возникновения депозитарных расписок. Первые расписки связаны с Великобританией, где в 1927 г. был принят закон, наложивший запрет английским компаниям выводить свои акции за пределы национальной юрисдикции, а расписки позволяли британским компаниям получить доступ к деньгам инвесторов из США.

Депозитарная расписка – это производная ценная бумага, подтверждающая факт владения акциями иностранного эмитента, депонированных в национальной юрисдикции акционерной компанией, при этом обращающихся в иной стране [1].

Депозитарные расписки оптимизируют обращение иностранных акций, нейтрализуют юридические ограничения, связанные с титулом собственника акций, сокращают расходы на операции с ценными бумагами, позволяют использовать налоговые преимущества и увеличить количество институциональных и потенциальных инвесторов.

Примером расписок являются американские депозитарные расписки (далее – АДР), основой их выпуска является специальное законодательство, оно сформировалось в США, отсюда и название. Расписки, обращающиеся в других странах, называются глобальными и европейскими (рис. 1).



Рис. 1. Структура депозитарных расписок

Классификация расписок. АДР классифицируются на спонсируемые и неспонсируемые, отличие по инициатору выпуска. Выпуск неспонсируемой АДР проводится американским депозитарием, может быть осуществлен только по имеющимся в обращении акциям компании. Неспонсируемым распискам свойственна упрощенная регистрация, при этом они не обращаются на организованных фондовых рынках, а, следовательно, не представляют значительной практической ценности.

Спонсируемые депозитарные расписки – это вид расписок, у которых инициатором выпуска бу-

дет сам эмитент, а выпуск расписок будет осуществляться одним американским банком-депозитарием на основании заключенного договора, и все затраты по выпуску расписок берет на себя эмитент.

Спонсируемые АДР могут быть на ранее выпущенные акции или на новый выпуск акций компаний. Расписки российских компаний на западный рынок выпустили следующие банки-депозитарии: *Bank of New York Mellon, J.P. Morgan, Citigroup, Deutsche Bank*. От российской стороны выступает банк-кастодиан, где депонируются акции российского эмитента, права, исходящие из которых, и удостоверяют расписки. Так, у АДР «Газпрома», депозитарий, их выпустивший – это *Bank of New York* Mellon, сами акции депонированы в кастодиане – это «Газпромбанк».

По форме размещения АДР подразделяются на частные и публичные. Частное размещение означает, что распискам доступны только неорганизованные рынки, публичное – открывает доступ депозитарным распискам на биржевые американские рынки.

АДР первого уровня торгуют только на американском внебиржевом рынке. Эмитент, разместивший акции, может не предоставлять финансовую отчетность и не подтверждать ее в соответствии с международными стандартами, может не выполнять стандарты по раскрытию информации. Они не могут быть использованы для привлечения нового капитала.

АДР второго уровня называют листинговыми, то есть они подлежат регистрации на бирже. В этом случае эмитент должен выполнить условия биржевого листинга: иметь минимальное число акционеров, владеющих минимальным числом акций, обладать достаточной капитализацией и предоставить финансовую отчетность за три года.

АДР третьего уровня используются эмитентами, решившими привлечь средства с внешнего рынка. Необходимо соответствовать стандартам Комиссии по ценным бумагам и биржам США, а также соблюдать требования торговой площадки, где планируется торговля расписками.

Четвертый уровень АДР обеспечивает доступ к международному рынку капитала на основе частного размещения АДР, с прицелом на институциональных инвесторов.

Расконвертация расписок. Депозитарные расписки российских компаний обращались на Лондонской бирже (*LSE*), Нью-Йоркской фондовой бирже (*NYSE*) и американской бирже *Nasdaq*.

К началу марта 2022 г. стоимость ценных бумаг российских эмитентов на иностранных биржах упала практически до нуля, Лондонская биржа прекратила торги этими инструментами, по инициативе Запада была разорвана связь между международными депозитариями Euroclear, Clearstream и российским Национальным расчетным депозитарием (НРД). Последнее послужило одним из формальных поводов для снижения рейтинговыми агентствами *S&P Global Ratings* кредитного рейтинга России на восемь ступеней до уровня CCC-, *Moody's* – на шесть ступеней до B3, *Fitch* – на пять ступеней до B [2].

В качестве защитных мер Президент России подписывает изменения в Федеральный закон от 16.04.2022 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об акционерных обществах" и отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому российские эмитенты, чьи ценные бумаги торгуются на зарубежных биржах, должны пройти процедуру делистинга и расконвертации депозитарных расписок [3].

Введение санкций против России не позволило реализовать данное требование, поэтому Банк России утвердил процедуру автоматической конвертации ценных бумаг иностранных эмитентов, удостоверяющих права в отношении акций российских эмитентов, в акции российских эмитентов [4].

Таким образом, с 15 августа 2022 г. начался процесс автоматической расконвертации депозитарных расписок в акции российских эмитентов, зарегистрированных в России. Эта процедура затронула 25 эмитентов (табл. 1).

Условия расконвертации депозитарных расписок зависели от депозитария, в котором они хранились после покупки инвестором. Если расписки покупались через российского брокера, то депозитарий российский. Если покупка была через иностранного брокера, то депозитарий иностранный:

1) если депозитарии *Euroclear, Clearstream* или *DTC*, то в этом случае расписки хранились за рубежом;

2) ели Национальный расчетный депозитарий (НРД) или Бест Эффортс Банк – тогда расписки хранились в России. Причем, последний является расчетным депозитарием Санкт-Петербургской биржи (СПБ), а у Московской биржи – расчетным депозитарием является НРД.

Сделки, проводимые через российского брокера на Московской бирже или Санкт-Петербургской бирже, свидетельствуют, что расписки хранятся в российской юрисдикции. Если брокер иностранный, то хранение расписок – в зарубежных депозитариях.

До 15 августа 2022 г., когда началась автоматическая расконвертация депозитарных расписок, алгоритм такой процедуры стал выглядеть следующим образом (рис. 2).

Первоначально требовалась подача заявления от клиента на расконвертацию депозитарных расписок. С применением автоматической расконвертации требование утратило силу.

При получении поручения на расконвертацию банк-депозитарий инициирует ликвидацию программы депозитарных расписок и уведомляет ко-

Таблица 1

Список компаний, чьи расписки автоматически конвертировались [5]

№	Эмитент	ISIN	Торговый код	SHORT NAME
1	Полюс золото	US73181M1172	PLZL-ME	PLZL-ГДР
2	Лукойл	US69343P1057	LKOD-ME	LKOD-адр
3	Татнефть	US8766292051	ATAD-ME	ATAD-адр
4	Северсталь	US8181503025	SVST-ME	SVST-гдр
5	Магнит	US55953Q2021	MGNT-ME	MGNT-гдр
6	ММК	US5591892048	MMK-ME	MMK-гдр
7	МТС	US6074091090	MTSS-ME	MTSS-адр
8	Газпром	US3682872078	OGZD	Газпром др
9	Ростелеком	US7785291078	RTKM-ME	RTKM-адр
10	Роснефть	US67812M2070	ROSN-ME	ROSN-гдр
11	Сбербанк	US80585Y3080	SBER-ME	SBER-адр
12	Сургутнефтегаз	US8688612048	SGGD-ME	SGGD-адр
13	ВТБ	US46630Q2021	VTBR-ME	VTBR-гдр
14	Россети	US3133542015	FEES-ME	FEES-гдр
15	Русгидро	US7821834048	HYDR-ME	HYDR-адр
16	ЛСР	US50218G2066	LSRG-ME	LSRG-гдр
17	НМПТ	US67011U2087	NCSP-ME	NCSP-гдр
18	Фосагро	US71922G2093	PHOR-ME	PHOR-гдр
19	ПИК	US69338N2062	PIK-ME	PIK-гдр
20	Россети	US69343X2071	RSDR	Россетидр
21	Сургутнефтегаз-п	US8688611057	SGTPY-ME	SGTPY-адр
22	АФК Система	US48122U2042	SSA-ME	SSA-гдр
23	Новатэк	US6698881090	NVTK-ME	NVTK-гдр
24	НЛМК	US67011E2046	NLMK-ME	NLMK-гдр
25	Норильский никель	US55315J1025	MNOD-ME	MNOD-адр

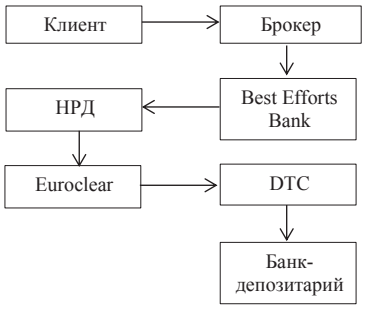


Рис. 2. Алгоритм расконвертацииамериканских депозитарных расписок, купленных на СПБ [6]

стодиана о необходимости перевести акции на счет владельца взамен выбывших расписок. Если расписки были куплены на Московской бирже, то алгоритм останется прежним, за исключением одного звена – не нужен расчетный депозитарий СПБ – *Best Efforts Bank.* Для клиентского счета это приведет к следующему: на счету были расписки, вместо них будут зачислены акции российского эмитента в соответствии с коэффициентом конвертации, например за 1 АДР Сбербанка зачислят 4 акции этого эмитента.

Расконвертация депозитарных расписок, купленных на зарубежных рынках через иностранного брокера, показана на рисунке 3. Здесь подача заявления на расконвертацию депозитарных расписок от инвестора брокеру обязательна. В случае необходимости можно расконвертированные акции и зачислить не иностранному брокеру, а российскому или, в крайнем случае, российскому брокеру, обладающему иностранным филиалом со счетом в депозитариях *Euroclear, Clearstream* или *DTC*. Это позволит в дальнейшем снизить инфраструктурные риски и избежать блокировки активов.

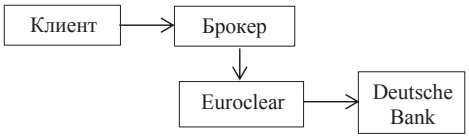


Рис. 3. Алгоритм расконвертации глобальных депозитарных расписок, купленных на СПБ

Отдельно стоит отметить самый сложный вариант: расконвертация депозитарных расписок российских эмитентов, находящихся под блокирующими санкциями (*SDN – Specially Designated Nationals*). Активы таких компаний должны быть заблокированы, как в США, так и в ЕС. Вводится запрет на любые сделки и операции с ними. Под эти санкции попали: Сбербанк, ВТБ, ВЭБ, Альфа-банк, ФК Открытие. Относительно легче расконвертируются депозитарные расписки российских эмитентов, которые попали под секторальные санкции (*SSI – Sectoral Sanctions Identifications*). Эти санкции применяются на физическое лицо, связанное с конкретным сектором экономики, а также на компании, где доля собственности или контроля у данного лица превышает 50 % суммарных активов. Активы этих компаний не блокируются. В действительности попадание в такой список не приводит автоматически к изоляции хозяйствующего субъекта и отключению от финансовой, правовой и других систем – будут лишь применены лимиты на получение нового финансирования от резидентов из США и Евросоюза. На практике это означает, что, например, если к банку применили *SSI*-санкции, то станет недоступным фондирование через облигации или кредиты.

Если депозитарий из недружественных стран, то обмен расписок блокировался и была необходима принудительная расконвертация через российский кастодиан, где хранились акции, на которые

выпущены расписки. Это один из депозитариев: Райффайзенбанк (Акрон, Аэрофлот, ВТБ, Мечел, Газпромнефть, ГМК Норникель, Группа ЛСР, Черкизово, НЛМК, Интер РАО, Лента, Мосэнерго, Энел, Новатэк, ФСК ЕЭС, Русгидро, Сургутнефтегаз, Россети, ПИК, ОГК-2, Полюс), Ситибанк (АФК Система, ММК, Лукойл, Ростелеком, Татнефть, EN+, Фосагро), J.P. Morgan bank (Магнит, МТС, НМТП, Роснефть, Сбербанк), Газпромбанк (Газпром), Сбербанк (Северсталь). Данный депозитарий открывал клиенту счет-депо на который зачислялись расконвертированные акции. Этими акциями клиент может распоряжаться в соответствии с ограничениями Центрального банка РФ. Данные ограничения зависят от того, откуда акции были переведены: если от иностранного депозитария в российский или бумаги находятся в иностранном недружественном депозитарии, то лимит 5 % в день на продажу.

Если расписки торгуются на бирже, так как эмитенту разрешили сохранить программу расписок, то принудительная расконвертация возможна по аналогичному алгоритму и соответствующему проспекту ценных бумаг эмитента. Контроль за исполнением всех процедур остался за Центральным банком РФ.

Последний этап – зачисление акций на счет бывшего владельца расписок. Однако это еще не финал: распоряжаться зачисленными акциями возможно, если покупка расписок была до 1 марта 2022 г. В противном случае, Центральный банк РФ установил лимит 0,2 % на дневной оборот сделок с акциями от их суммарного числа.

Также следует отметить, что есть эмитенты, депозитарные расписки которых не подлежат автоматической расконвертации. Это компании, зарегистрированные за рубежом, но осуществляющие свою деятельность на территории России: «Русагро» (AGRO), «Циан» (CIAN), EMC (EM44, GEMC), «Группа «Эталон» (ETLN), X5 Retail Group (FIVE), FixPrice (FIX), Globaltrans (GLTR), HeadHunter (HHRU), «Группа «ГМС» (HMSG), MD MedicalGroup (MDMG), «Окей» (OKEY), Ozon (OZON), Qiwi (QIWI), Softline (SFTL), Тинькофф (TCS), VK (VKCO) [8] По этим компаниям из-за блокировки НРД возникают инфраструктурные риски, связанные с выплатой дивидендов российским акционерам, так как они зарегистрированы не в российской юрисдикции.

При этом в Федеральном законе № 114-ФЗ предоставляется право продолжить пользоваться форматом депозитарных расписок при разрешении специальной правительственной комиссии. Этим правом воспользовались: ГМК НорНикель, Татнефть, Северсталь, Мечел, АФК Система, Магнит, ММК, Фосагро.

Последствия расконвертации депозитарных расписок. После расконвертации расписок, на российский фондовый рынок поступил дополнительный объем акций на продажу. Падение индекса *IMOEX* вызвала информация о разблокировке брокерских счетов нерезидентов. Около 74 % от *free float* российских акций заблокировано на этих счетах у иностранцев, это порядка 6 трлн руб., что для сегодняшнего российского фондового рынка чрезмерно много [9].

Анализ таблицы 2 позволяет увидеть резкое падение объемов торгов на фондовой секции. Рынок стал низколиквидным, спекулятивным и высоковолатильным. Активы физических лиц на брокерских счетах составили 5,4 трлн руб. на конец II квартала 2022 г., 4,7 трлн руб. было в ценных бумагах. При этом 0,4 % физических лиц владели 66 % всех активов, то есть 3,6 трлн руб. принадлежат 104 тыс. граждан России. Активы юридических лиц – 8,5 трлн руб. [10]. Эти цифры, в основном, менялись под влиянием роста/падения рынка и валютной переоценки. Физических лиц на рынке – 26 млн чел., 64 % этих счетов пустые. Доля активных счетов упала примерно с 20 % в 2020 г. до 10 % в 2022 г. Средний размер счета физического лица снизился с 290 тыс. руб. до 211 тыс. руб.

Таким образом, фондовый рынок в России за период 2020–2022 гг. находился под влиянием инвестиционных решений физических лиц, у которых квалификация и опыт недостаточные, преобладал спрос в сторону дивидендных акций.

На рисунке 4 индекс Московской биржи выглядит устойчиво: в период расконвертации – после 15 августа; и после разблокировки брокерских счетов нерезидентов из «дружественных» стран – после 12 сентября. Негативные ожидания не подтвердились, нерезиденты из дружественных стран продали акций всего на 0,7 млрд руб. [11].

Больше негатива на рынок принесли референдумы в присоединенных областях Украины и частичная мобилизация – с 20 сентября 2022 г. При

Таблица 2

Объем торгов Московской биржи за 2022 г.

	январь	апрель		июль	август	
	Объем, млрд руб.	Объем, млрд руб.	г/г, %	г/г, %	Объем, млрд руб.	г/г, %
Рынок акций	4212	1016	-55	-62	887	-54
Рынок облигаций	1074	430	-78	-64	985	-48
Валютный рынок	27365	22029	-32	-33	20900	-10
Рынок деривативов	16783	4158	-68	-49	4900	-59
Денежный рынок	33439	60375	+47	12	52900	31
Общий объем	82873	88888		-13	81200	2

Составлено авторами на основе данных Московской биржи [9].

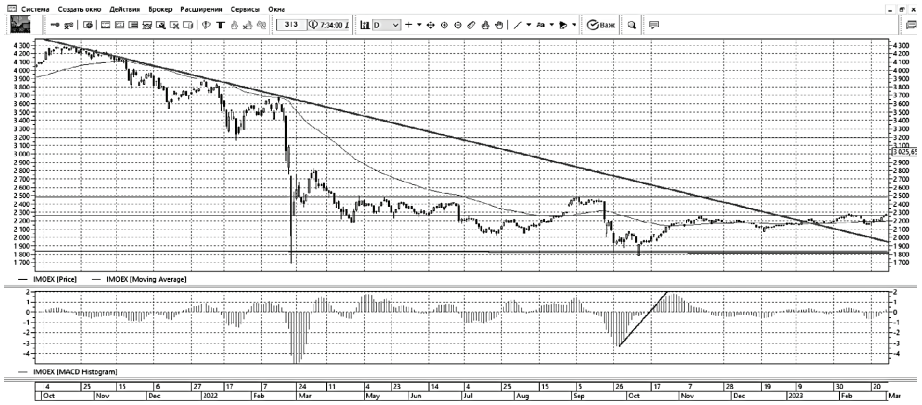


Рис. 4. Динамика индекса Московской биржи, 2022 г.

этом рынок позитивно реагирует на жесткий ответ на террористический акт на Крымском мосту, когда 10–11 октября 2022 г. были нанесены удары по военным и инфраструктурным объектам Украины.

Из таблицы 3 видно значительное снижение объемов торгов на рынках акций и деривативов в 2022 г. Финансовый рынок по объему торгов в 2024 г. восстановился. Число физических лиц на рынке достигло 35,1 млн чел. И это на фоне 30 % падения рынка в 2024 г., которые были обусловлены следующими факторами.

1. В июне 2024 г. США включили в *SDN*-список Московскую биржу, Национальный клиринговый центр (НКЦ) и Национальный расчетный депозитарий (НРД), что вызвало запрет на работу с ними американских юридических и физических лиц. Это привело к остановке биржевых торгов долларами и евро, и номинированных в них инструментов. Определение официального курса валют стало внебиржевым, как и во многих странах. И привело к распродажам на фондовом рынке нерезидентов. Начался обмен замороженными активами россиян и иностранных инвесторов.

2. В сентябре 2024 года Банк России перекрыл канал выхода из российских ценных бумаг через счета доверительного управления недружественных нерезидентов. Это позволило убрать «навес» продавцов на российском фондовом рынке, возникший после решения *Bank of New York Mellon* возобновить расконвертацию российских расписок.

3. В октябре 2024 г. вступил в силу запрет на расконвертацию расписок, *OFAC* не продлила лицензию на сделки с ММВБ. Нерезиденты закончили распродажи российских акций. Давление на бумаги снизилось.

4. Доходность депозитов превысила 20 %, дивидендная доходность фондового рынка России 9–10 %. Риски депозитов низкие, в отличие от высоких рисков инвестирования в акции. В результате, соотношение риск/доходность мотивировало переток средств из акций на депозиты, объем которых на январь 2025 г. составил 123,3 трлн руб. [12].

Расконвертация депозитарных расписок защитила интересы отечественных инвесторов и эмитентов, переведя финансовые отношения в российскую юрисдикцию. Были снижены инфраструктурные риски обращения российских ценных бумаг на иностранных биржах. Сформированы оптимальные алгоритмы действия по инвестированию: сделки через российского брокера или брокера из дружественных стран, депозитарий российский или дружественный, и российские активы. Если иностранные активы, то иностранный брокер и иностранный депозитарий.

Гораздо больше вызывает тревогу неизбежная, будущая разблокировка брокерских счетов нерезидентов. Важным является структура нерезидентов – большую часть составляют институциональные инвесторы, которые работают на основании инвестиционных деклараций, нормативных документов и там прописан запрет на инвестирование капитала в активы, у которых кредитный рейтинг ниже инвестиционного уровня. Это приведет к массовым распродажам на российском рынке акций и облигаций. Рост рынка на внутренних ресурсах маловероятен.

Еще одна важная проблема, это низкий уровень дохода населения России, это тормозит развитие экономики, из-за низкого платежеспособного спроса, который не может генерировать выручку компаниям и замедляет их развитие. Это негативно сказывается и на фондовом рынке, и на всей экономике в целом.

Финансовые власти и мегарегулятор сработали в 2022–2024 гг. эффективно и результативно: и по ключевой ставке, и по остановке торгов на фондовом рынке, и блокировке счетов нерезидентов – все дало результаты. Рынок и Россия адаптируется в новых реалиях. Рост рынка ожидается при смягчении денежно-кредит-

Таблица 3

Объем торгов Московской биржи за 2021–2024 гг.

	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
	Объем, млрд руб.	Объем, млрд руб.	Объем, млрд руб.	Объем, млрд руб.
Рынок акций	29997	17595	23034	32950
Рынок облигаций	22433	19632	39870	38474
Рынок деривативов	158529	77876	80741	99870
Денежный рынок	476352	672733	837561	1060000
Общий объем	1009567	1055868	1309729	1492745

Составлено авторами на основе данных Московской биржи [9].

ной политики ЦБ России и прихода к власти в США республиканцев во главе с Д. Трампом.

Стало особенно актуально известное изречение Майера Ротшильда – «акции нужно покупать, когда по улицам течет кровь», и, как бы кощунственно это выражение не звучало, оно остается верным. Покупка акций сегодня вернется кратной прибылью, вопрос лишь в том, на каком инвестиционном горизонте.

Литература:

1. Рынок ценных бумаг. Словарь основных терминов и понятий. Екатеринбург: УрАГС. А.Ф. Титков. 2007. 378 с.
2. S&P понизило кредитный рейтинг России на восемь ступеней. URL: https://www.rbc.ru/economics/04/03/2022/62212ff19a7947d2c701895d
3. Федеральный закон от 16.04.2022 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Гарант.
4. Решение Совета директоров Банка России об установлении порядка осуществления автоматической конвертации ценных бумаг иностранных эмитентов, удостоверяющих права в отношении акций российских эмитентов, в акции российских эмитентов. URL:https://cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-07-22_28_01/
5. Статистика по рынкам Группы Московская Биржа. URL: https://fs.moex.com\t\16461\dr.xlsx
6. Расконвертация АДР и ГДР: что это такое и что нужно знать инвесторам. URL: https://www.finam.ru/publications/item/raskonvertaciya-adr-i-gdr-chto-eto-takoe-i-chto-nuzhno-znat-investoram-20220707-194900/
7. Российский рынок акций в руках «недружественных нерезидентов». URL: https://ligabankov.ru/lo/poryadka-74-ot-free-float-bumagi-v-svobodnom-obraschenii-rossiyskogo-rynka-akciy-prihoditsya-na-nedruzhestvennyh-nerezidentov-sleduet-iz-cifr-privedennyh-glavoy-nabsoveta-mosbirzhi-sergeem-shvecovym
8. Статистика по рынкам Группы Московская Биржа. URL: https://fs.moex.com\t\16461\drl.xlsx
9. Статистика по рынкам Группы Московская Биржа. URL: https://www.moex.com/ru/ir/interactive-analysis.aspx#
10. Статистика по рынкам СПБ биржа. URL: https://spbexchange.ru/ru/about/news.aspx?bid=29&news=30607
11. Обзор рисков финансовых рынков. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/42394/ORFR_2022-09.pdf
12. Сведения о размещенных и привлеченных средствах. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/

Conversion of Depository Receipts of Russian Companies: Features and Implementation Mechanism

Bodrov R.G., Koh I.A., Nikonova T.V., Yusupova L.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzes the modern Russian stock market. The purpose of the article is to study and analyze the factors influencing the conversion of depository receipts of Russian companies. The article presents the economic essence of depository receipts and their classification. The interrelation of investment decisions and qualifications of individuals and legal entities is shown. The research results obtained are of a practical nature and can be applied in investment, analytical, valuation and portfolio activities related to effective investment in securities and other financial assets.

Keywords: financial markets, securities analysis, derivative financial instruments, analytical methods, Russian market, transaction statistics, trading volumes, profitability, technical analysis

УДК 338.465
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-417-420

Пересмотр тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами при вводе новых объектов в эксплуатацию



Гаршина А.А.
Временно исполняющий обязанности руководителя Департамента ценового и тарифного регулирования Самарской области (Самара)

В статье рассмотрена проблема, с которой столкнулся оператор по обращению с твердыми коммунальными отходами «ЭкоРесурсПоволжье» при реализации инвестиционного проекта. Проблема, описанная в статье, касается всех операторов по обращению с твердыми коммунальными отходами на территории Российской Федерации. Автором предложены возможные варианты решения проблемы, требующие внесения изменений в законодательство на федеральном уровне.

Ключевые слова: *твердые коммунальные отходы, инвестиции, долгосрочные параметры регулирования, тариф*

Для цитирования: *Гаршина А.А. Пересмотр тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами при вводе новых объектов в эксплуатацию // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 417–420. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-417-420.*

Во исполнение Указа Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» осуществляется реализация национального проекта «Экология» [1].

Основными задачами проекта «Экология» являются:

• формирование комплексной системы обращения с ТКО, включая ликвидацию свалок и рекультивацию территорий, на которых они размещены, создание условий для вторичной переработки всех запрещенных к захоронению отходов производства и потребления;

• создание современной инфраструктуры, обеспечивающей безопасное обращение с отходами.

В целях достижения национальной цели к 2030 г. необходимо обеспечить сортировку 100 % объема ежегодно образуемых ТКО, захоронение не более 50 % таких отходов и вовлечение в хозяйственный оборот не менее 25 % отходов производства и потребления в качестве вторичных ресурсов и сырья.

В рамках национального проекта «Экология», а также в результате реализации мероприятий федерального проекта «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» внедрен институт региональных операторов.

На территории Самарской области сбор, транспортирование, обработка, утилизация, обезвреживание и захоронение твердых коммунальных отходов (далее – ТКО) обеспечивается одним региональными оператором ООО «ЭкоСтройРесурс» в соответствии с территориальной схемой обращения с отходами, в том числе с ТКО.

Единый предельный тариф регионального оператора по обращению с ТКО ООО «ЭкоСтройРесурс» на 2024 г. установлен в размере 622,07 руб./м^3 (с учетом НДС). Учет отрицательной корректировки, сложившейся по результатам анализа фактических результатов за завершенные периоды, позволило установить тариф на 2024 г. без роста, по сравнению с 2023 г.

По этой же причине в течение четырех лет с 2019 г. по 30.11.2022 г. тариф на коммунальную услугу в сфере обращения с ТКО не повышался и составлял 598,16 руб./м^3.

В перспективе ожидается резкий рост тарифа регионального оператора. Это связано со строи-

тельством и введением в эксплуатацию новых объектов, в том числе в соответствии с заключенными концессионными соглашениями по строительству многофункциональных комплексов, при финансовой поддержке ППК «Российский экологический оператор».

На 2024 г. департаментом ценового и тарифного регулирования Самарской области (далее – департамент) установлено 17 предельных тарифов в сфере обращения с ТКО, в том числе:

1 тариф – на услуги регионального оператора;

6 тарифов – на обработку ТКО;

8 тарифов – на захоронение ТКО;

2 тарифа – на захоронение ТКО, включая обработку.

При их расчете учтены затраты на реализацию 8 инвестиционных программ.

На территории Самарской области оператором по обращению с ТКО ООО «ЭкоРесурсПоволжье» при финансовой поддержке ППК «Российский экологический оператор» реализуется инвестиционный проект «Модернизация объекта капитального строительства «Универсальный производственный комплекс» путем реконструкции в городском округе Тольятти мощностью 300 тыс. т ТКО в год.

В настоящее время новый мусоросортировочный комплекс введен в эксплуатацию.

В открытии предприятия приняли участие временно исполняющий обязанности Губернатора Самарской области Федорищев Вячеслав Андреевич и генеральный директор ППК «Российского экологического оператора» Буцаев Денис Петрович.

Комплекс представляет собой совокупность рабочих площадок, платформ, транспортирующих, сепарирующих и перерабатывающих машин и механизмов, накопительных устройств, объединенных на одной производственной площади и управляемых единой системой автоматического управления.

Оборудование комплекса предназначено для:

• приема и утилизации (переработки) потоков ТКО согласно, территориальной схемы обращения с ТКО Самарской области;

• подготовки принятых ТКО к обработке;

• ручной и автоматизированной обработки (сортировки) потоков ТКО с выделением полезных фракций (ВМР) пригодных для утилизации (переработки) с подготовкой их к транспортировке.

Все технологические процессы связаны сложной системой многофункциональных конвейеров.

Для наблюдения за работой системы и управления комплексом предусмотрен центральный пульт электрического и электронного управления. Система автоматизированного управления оборудованием мусоросортировочного комплекса состоит из следующих составляющих:

• Система безопасности. Система охватывает все опасные участки и в случае срабатывания экстренно останавливает оборудование;

• Система защиты электродвигателей. Системой предусмотрена 6-ти уровневая защита электродвигателей: от перегрева, от превышения номинального тока, от превышения момента, тепловая защита, защита от обрыва фаз, защита от превышения и понижения питающего напряжения от номинального;

• Система сигнализации и оповещения (сигнализирует обо всех штатных и не штатных режимах работы оборудования);

• Система мониторинга и архивации с удалённым контролем. Система в реальном времени сохраняет все параметры во внутреннюю память для дальнейшего просмотра и анализа;

Реализация данного проекта позволит увеличить долю утилизации ТКО в массе ТКО, принятых на обработку, с 8 до 16 % (в 2025 г.); с учетом мероприятий по утилизации – 61–63 %.

Планируется, что к 2027 г., с учетом мероприятий по утилизации, доля отходов, направляемых на захоронение ТКО, составит не более 37–39 %.

Инвестиции в проект составляют около 2 млрд руб., в том числе 1,4 млрд. руб. – на мероприятия в части обработки ТКО, 0,6 млрд руб. – на мероприятия в части утилизации ТКО.

Департаментом для ООО «ЭкоРесурсПоволжье» установлены долгосрочные тарифы на обработку ТКО и долгосрочные параметры регулирования тарифов в области обращения с ТКО на 2023–2027 гг. Тариф с 01.07.2024 г. составляет 1 901,61 руб./т (рост 109,5 %). По оценке регулируемой организации и ППК «Российский экологический оператор» данный тариф не окупает возникшие эксплуатационные расходы в связи с введением в эксплуатацию модернизированного объекта.

Согласно Основам ценообразования в области обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.05.2016 г. № 484 «О ценообразовании в области обращения с твердыми коммунальными отходами» (далее – Основы ценообразования) [2], долгосрочные тарифы устанавливаются с применением метода индексации на основе долгосрочных параметров регулирования тарифов.

Указанные параметры не подлежат пересмотру в течение долгосрочного периода регулирования, за исключением случаев их пересмотра по следующим основаниям:

а) вступившее в законную силу решение суда о необходимости пересмотра долгосрочных параметров регулирования тарифов;

б) приобретение регулируемой организацией объектов, используемых для обработки, обезвреживания, захоронения и энергетической утилизации твердых коммунальных отходов, и (или) получение прав владения и (или) пользования такими объектами на основании концессионного соглашения, соглашения о государственно-частном партнерстве,

муниципально-частном партнерстве или договора аренды;

в) присвоение организации, осуществляющей деятельность в области обращения с твердыми коммунальными отходами, статуса регионального оператора по обращению с твердыми коммунальными отходами;

г) изменение в течение периода регулирования системы налогообложения регулируемой организации;

д) исполнение предписания федерального органа исполнительной власти в области государственного регулирования тарифов, предусмотренного п. 59 Основ формирования индексов изменения размера платы граждан за коммунальные услуги в Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.04.2014 г. № 400 «О формировании индексов изменения размера платы граждан за коммунальные услуги в Российской Федерации»;

е) исполнение предписаний федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области государственного регулирования тарифов, в рамках реализации полномочий по государственному контролю (надзору) в области регулируемых государством тарифов.

Таким образом, действующим законодательством не предусмотрен пересмотр долгосрочных параметров регулирования тарифов в связи с созданием (вводом в эксплуатацию) основных средств за счет собственных или привлеченных внебюджетных источников.

Следует отметить, что в сферах теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения основами ценообразования предусмотрена возможность пересмотра долгосрочных параметров регулирования в связи с изменением состава имущества регулируемых организаций более чем на 30 % от первоначальной балансовой стоимости основных средств, в том числе в результате создания основных средств (абз. 6 п. 51 Основ ценообразования в сфере теплоснабжения, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.10.2012 г. № 1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения» [3]; абз. 6 п. 33 Основ ценообразования в сфере водоснабжения и водоотведения, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.05.2013 г. № 406 «О государственном регулировании тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения» [4]).

Отсутствие соответствующей нормы в действующем законодательстве в сфере обращения с ТКО не только ставит под угрозу реализацию утвержденной инвестиционной программы ООО «ЭкоРесурс-Поволжье», но и является преградой в привлечении инвестиций в отрасль для других регулируемых организаций.

Департаментом в адрес ФАС России было направлено письмо с предложением внести изменения в Основы ценообразования в целях уточнения оснований для досрочного пересмотра долгосрочных параметров регулирования и долгосрочных тарифов в течение текущего периода регулирования, в том числе в связи с созданием, модернизацией, реконструкцией объектов по обращению с ТКО оператором по обращению с ТКО.

Предложение Департамента поддержано ФАС России (Письмо от 09.02.2024 г. № ВК/997/24, вх. от 09.02.2024 г. № 554), вместе с тем изменения в Основы ценообразования до настоящего времени не внесены.

Департамент полагает целесообразным внести указанные изменения по расширению оснований для пересмотра долгосрочных параметров и тарифов в сфере обращения с ТКО в кратчайшие сроки.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС Гарант.
2. Постановление Правительства РФ от 30.05.2016 г. № 484 «О ценообразовании в области обращения с твердыми коммунальными отходами» // СПС Гарант.
3. Постановление Правительства РФ от 22.10.2012 г. № 1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения» // СПС Гарант.
4. Постановление Правительства РФ от 13.05.2013 г. № 406 «О государственном регулировании тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения» // СПС Гарант.

Revision of Tariffs in the Field Of Municipal Solid Waste Management During the Commissioning of New Facilities

Garshina A.A.
Committee for Price and Tariff Regulation of the Samara Region

The article discusses the problem faced by the solid municipal waste management operator Ecoresource Volga during the implementation of the investment project. The problem described in the article concerns all operators of municipal solid waste management in the Russian Federation. The author suggests possible solutions to the problem that require amendments to legislation at the federal level.

Keywords: municipal solid waste (MSW), investments, long-term regulatory parameters, tariff

УДК 316.485.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-421-425

Возможности применения концепции «кайдзен» к повышению качества медиативной процедуры при разрешении социальных конфликтов



Каштанова О.В.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии науки и социальной работы Казанского национального исследовательского технологического университета

В данной статье речь пойдет о концепции кайдзен – эффективном инструменте поэтапного и непрерывного улучшения управленческого процесса, положительно сказывающегося на общем итоге развития организации. Однако лежащая в его основе идея может привести к нужному результату не только в менеджменте, но и за его пределами. И наша задача здесь – доказать возможность применения кайдзен в медиативной процедуре.

Ключевые слова: *конфликт, разрешение конфликта, медиативная процедура, кайдзен*

Для цитирования: *Каштанова О.В. Возможности применения концепции «кайдзен» к повышению качества медиативной процедуры при разрешении социальных конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 421–425. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-421-425.*

Часто «кайдзен» представляют как философию непрерывного улучшения процесса управления или же, как концепцию, ориентированную на поэтапное решение поставленных задач, преодоление проблем и стимулирование процесса развития компании.

Среди достоинств концепции «кайдзен» выделим:

1. Постепенное движение вперед, продумывание каждого шага с целью улучшения работы всех структурных подразделений компании.

2. Доверие и партнерство при построении отношений с каждым работником, достойное вознаграждение за достойный труд.

3. Открытое обсуждение проблем и учет мнения каждого сотрудника компании.

4. Непрерывное обучение сотрудников непосредственно на рабочем месте.

5. Плановую перестановку персонала из одного подразделения в другое с целью раскрыть их лучшие стороны, расширить кругозор и помочь стать «человеком компании».

6. Ориентацию на желание и потребности конечных потребителей.

7. Создание кружков качества, в которых каждый сотрудник компании может стать членом рабочей группы.

8. Принцип принятия решений на основе проверенных фактов и закрепление на месте достигнутых результатов.

Нами «кайдзен» будет представлен как определенный стиль мышления всех участников медиативной процедуры в ходе кратковременного или продолжительного взаимодействия на каждом ее этапе.

Кайдзен предполагает стремление участников к самосовершенствованию, к улучшению сложившейся обстановки, к снижению уровня потенциальной и реальной напряженности и конфликтности.

Постоянное самосовершенствование для медиатора означает учет ошибок, как когда-либо совершенных им, а так и тех, которые еще только вероятны в его практической деятельности. А это возможно при постоянном анализе собственной профессиональной деятельности, учете того, как частота проводимых им медиативных процедур влияет на его навыки и умение подстраиваться под всевозможные

неожиданности. А это в свою очередь определяет степень его готовности к предстоящей медиации.

Как практика совершенствования рабочего процесса кайдзен может быть полезна медиаторам не только своим видением существующих проблем, но и возможностью их реального преодоления за счет воплощения здесь и сейчас, а не когда-то потом или быть может в возможном будущем. Мы говорим сейчас о кайдзен-предложениях и о том, чем они могут помочь практикующему медиатору.

На наш взгляд, будет лучше, если подобные предложения будут исходить от самих участников конфликтного противоборства, совершенствующих при этом не только процедуру, но и самого медиатора:

1. На начальном этапе, до непосредственного проведения медиативной процедуры можно фиксировать на бумаге их ожидания от проведения медиативной процедуры, а в самом конце соотнести ожидаемое с полученным результатом.

Для того, чтобы вносимые предложения были более практичными, необходимо обучить конфликтующих правилам проведения медиативной процедуры и расширить зоны их возможных компетенций.

2. Во время проведения медиации рекомендуется ограничить количество сказанного: высказано должно быть ровно столько, сколько нужно. Так медиатор и конфликтанты не потеряются во всем многообразии дополнений и уточнений.

3. Количество этапов медиативной процедуры может быть стандартным. Однако лучше всего устанавливать их соразмерно выявленной проблеме.

4. Каждый последующий шаг не должен делаться вне заявленной ранее цели. Это придаст процедуре больше организованности, а ее участникам большей уверенности.

5. Подведение итогов, обсуждение ключевых аспектов и оценка результатов работы сторон должны стать еще одним стимулом и убежденностью всех участников том, что медиация – наилучший способ разрешения данного конфликта.

Кайдзен – система, соединяющая в себе пять основных идей. *Представим их сквозь призму обсуждаемого вопроса:*

1. *Ориентация сторон на работу в команде*, а не по отдельности, соблюдая интересы всех сторон конфликта, а не только свои собственные; ориентируясь на общий желаемый результат – разрешение конфликта с максимальной выгодой для всех, а не для отдельных ее участников. Данная идея хороша тем, что она ориентирует на конструктивное взаимодействие всех участников медиативной процедуры, в ходе которой происходит постоянный обмен информацией, обоюдное слушание и слышание, своевременное выполнение задуманного и т.д.

2. *Постоянная самодисциплина.* Подразумевает всеобъемлющий контроль над своими эмоциями и поведением, проводимый для уменьшения количества сделанных ошибок; соблюдение условий, обсуждаемых перед проведением медиативной процедуры, экономия временных и финансовых ресурсов и т.д.

3. *Нравственно-этический аспект*. Не важно, достигла ли сторона большего результата, чем ожидала от участия в медиативной процедуре или нет, она должна сохранять собственное достоинство, не провоцировать оппонента на неожиданные действия своими высказываниями или действиями. Данная идея хороша тем, что она предполагает введение системы поощрения для участвующих в медиативной процедуре сторон. Им может стать, например, банальная похвала, сказанная в адрес одного из участников или же дополнительное обеспечение гарантий соблюдения достигнутых договоренностей и т.д.

4. *Кокус-контроль*: дополнительные встречи медиатора со сторонами, предназначенные для обмена мнениями, идеями, навыками и опытом, направленными на усовершенствование самой медиативной процедуры. Подобные мероприятия позволят выявить возможные проблемы, возникшие в ходе ее проведения, а также определить эффективные способы их устранения, улучшив тем самым конечный результат и сохранив отношения между сторонами.

5. *Рекомендации сторон.* По окончанию медиативной процедуры ее участникам предлагается так называемое «последнее слово». Так они могут высказаться, оценить проведенную с ними процедуру и внести свои предложения по ее возможному усовершенствованию.

Основа концепции «кайдзен» – познание себя и своих возможностей сквозь призму единой оценки конфликта, восприятие последней как общей проблемы, с которой эффективнее бороться сообща, а не по отдельности. В соответствии со сказанным, выделим то, что должно быть свойственно медиатору, строящему свою работу в соответствии с приведенной ранее концепцией:

1. *Понимание участников конфликтного противоборства*: сильные и слабые стороны; проявляемые ими эмоции; особенности реагирования на выпады оппонентов и т.д.

В медиации основная работа с эмоциями происходит на стадии дискуссии. Важно:

– позволить участнику выговориться, рассказать о своих переживаниях и проблемах. Можно применить техники «активного слушания», «отражения» и «вентиляции эмоций». При этом не стоит отрывать взгляд от собеседника;

– поговорить о чувствах; задать, например, такой вопрос: «Что Вы почувствовали в этот момент?». Используемыми при этом техниками могут быть «петля понимания» («Вы, видимо, хотите сказать, что…») и «альтернативные формулировки» («Вы почувствовали обиду или же рассердились? Или же…»);

– Обратить внимание на то, как участник медиативной процедуры высказывается о произошедшем с ним, о событиях, свидетелем или участником которых он был, какие эмоции он при этом испытывал. Например, он может сказать так: «Даже вспоминать об этом не хочется» или «Это было настолько отвратительно, что…». Наиболее применимыми будут техники «Я-сообщение» («Меня очень огорчает то, что вы….») или уже приведенная ранее «петля понимания» (Правильно ли я Вас понимаю, Вы имеете в виду…..?).

Оптимистичность данного аспекта базируется на том, что всегда существует возможность иного рассказывания истории, с акцентом на иные переживания и смыслы. Видимо поэтому медиаторы, использующие в практике своей деятельности анализ эмоционально окрашенных событий, должны понимать, какие сложности могут возникнуть при попытке выяснить истинную картину происходящего. Для снижения риска столкновения сторон медиатору стоит признать истории, которые они используют для описания конфликта, озвучить понимание их значимости, а уже потом подводить всех к единой картине происходящего (путем поиска моментов, с которыми согласны обе стороны).

Эффективными стоит считать также «экстернализующие беседы» (своеобразный взгляд со стороны: представление конфликта как внешнего по отношению к сторонам объекта и анализ его влияния на всех участников медиативной процедуры) или «пересочинение» [1, с. 69–71]. Медиатор, использующий в своей практике приведенные техники, совместно с конфликтующими сторонами может выделить и объединить элементы историй сторон, представить их в определенной последовательности, создавая, тем самым, новую историю, которую можно было бы противопоставить первоначальным и расхожим вариантам историй сторон.

2. *Концентрация на «важном и нужном»*: выяснение причин, побудивших стороны вступить в конфликтное противоборство; продолжительность конфликта, а также оценка возможностей его развития и разрешения в дальнейшем.

Перед проведением медиативной процедуры медиатору необходимо ответить на следующие вопросы:

– Что беспокоит конфликтантов и не дает им взглянуть на проблему со стороны?

– Как долго может продолжаться конфликт, если его не разрешить и к чему он может привести?

– Что я лично могу сделать для разрешения их проблемы?

– Как лучше провести медиативную процедуру, чтобы конфликт не повторился снова?

– Какие средства и инструменты помогут этого не допустить?

– Какова вероятность появления сопутствующих проблем и как их предотвратить?

– Какие мои качества как профессионального медиатора смогут помочь мне провести медиативную процедуру с желаемым результатом?

– Какие новые знания и алгоритмы мне нужны, чтобы усовершенствовать свои профессиональные навыки?

Вне зависимости от того, какие ответы на поставленные вопросы будут для медиатора предпочтительными, ему важно беспристрастно оценивать проделанную им работу. Для этого необходимо постоянно:

– отрабатывать свои навыки в паре с другим медиатором;

– обсуждать достигнутые результаты с участниками медиативной процедуры;

– вести дневник событий, позволяющий, например, медиатору оценивать свои личностные качества (скажем, способность к сопереживанию) и поведение (построение сотрудничества с конфликтантами таким образом, чтобы они смогли самостоятельно вырабатывать идеи / варианты решения конфликта и тем самым повышать свои способности к большему взаимному уважению) и т.д.

3. *Оценка ситуации в реальном месте и реальном времени*. Медиатору необходимо оценить то, с чем пришли к нему конфликтанты, как возможно их взаимодействие, какие техники наиболее применимы в сложившихся условиях, а самое главное, к чему все это может привести. Поэтому медиатору так важно «визуализировать проблему»: оценить ее текущее состояние; обеспечить нужный уровень безопасности в момент ее устранения на предстоящих встречах сторон; быстро найти возможные отклонения и оперативно отреагировать на возникновение всевозможных неожиданностей.

Наиболее применимыми техниками стоит считать:

1. *Технику «развитие идеи»*. Ее суть сводится к следующему. В ходе общения собеседник выводит логическое следствие из слов партнера или выдвигает предположение относительно причин высказывания: «Вероятно, потому что…», «Если опираться на приводимые вами аргументы, то…».

2. *Технику «резюмирование»* – краткое обобщение всего сказанного партнером, позволяющее убедиться, как было понято услышанное, помочь участнику правильно интерпретировать слова своего собеседника, оценить его настрой [1, с. 62–65].

«Резюмирование» помогает соединить отрывки разговора в единое целое, концентрируясь на главном. Она выгодно отличается от похожей на нее техники «перефразирования», которая по большему счету лишь повторяет то, что сказал собеседник.

В медиации приведенные техники могут способствовать генерированию идей, тем самым позволяя сторонам выработать наиболее приемлемое для них соглашение.

В целом можно сказать, что во время проведения процедуры урегулирования спора медиатору необходимо помнить, что восприятие является одним из основных процессов непосредственного познания действительности. Однако у каждого человека оно свое. Учитывая данный факт, используя предложенные ранее техники, сторонам нужно услышать друг друга, понять боль друг друга и постараться сообща разрешить возникший между ними конфликт.

4. *Постановка достижимой цели*, ориентирование сторон на реальный конечный результат. Это происходит посредством:

– четкой формулировки проблемы, выявленной в ходе изучения конфликта, а также проверки достоверных данных текущего ее состояния;

– анализа сформулированной проблемы и выбора того этапа медиативной процедуры, активные действия на котором могут максимально положительно повлиять на ее решение;

– обоснования важности предыдущего этапа. Для этого следует построить карту потока создания ценности текущего состояния [2, с. 319]. Это позволит оценить эффективность проводимой медиативной процедуры;

– выработки конструктивных предложений и создания плана действий по внедрению преобразований;

– документирования полученных результатов и отражения в них положений карты потока создания ценности будущего состояния. Важно не только оценить то, что сейчас мы имеем, но и то, с чем можем столкнуться в возможном будущем.

Упомянутая ранее карта потока создания ценности текущего состояния позаимствована из концепции «Кайдзен». Однако мы считаем, что она может быть применена и к медиативной процедуре. Она представляет собой последовательность следующих друг за другом шагов, каждый из которых не начинается до тех пор, пока не закончится предыдущий. Предложим один из ее вариантов: «Отметка на карте зоны конфликта» (шаг 1) – «Схематичное представление вокруг выделенной области основных стадий развития обозначенного конфликта» (шаг 2) – «Оценка степени влияния внешних и внутренних факторов на рост возникшего конфликта» – (шаг 3) – «Схематичное описание динамики конфликта» (шаг 4) – «Проведение линий воздействия медиативных техник на различные этапы развития конфликта» (шаг 5) – «Оценка продолжительности и эффективности воздействия медиативных техник на конфликт» (шаг 6).

Аналогичным образом строится и карта потока создания ценности будущего состояния.

Эффективной техникой в этом случае стоит считать технику «адвокат дьявола». Это медиативная техника задавания вопросов, заставляющая конфликтантов посмотреть на сложившуюся ситуацию в самом неприглядном виде и со временем выбрать для себя иную стратегию поведения. Это происходит тогда, когда сторона в результате своей увлеченности, эмоционального перевозбуждения или беспечности начинает придерживаться жесткой позиции, а ее действия или предложения становятся слишком настойчивыми и однозначными. Медиатор, применяющий данную технику, побуждает стороны пересмотреть свое поведение и искать иные решения, чем те, которые до сих пор ими принимались во внимание. «Конфликтанты начинают вести себя более гибко и разумно, искать реалистичные выходы для разрешения конфликта» [2, с.156]. Вместе с тем, медиатору не стоит забывать и о том, что предлагаемые сторонам вопросы должны быть заданы уверенно, но осторожно и по ключевым блокам выявленной проблемы. В противном случае у того, кому они задаются, могут закрасться сомнения в беспристрастности и нейтральности медиатора.

Также стоит отметить, что плодотворная работа медиатора в кокусе позволяет найти точки соприкосновения сторон, что однозначно помогает в формулировке вопросов для обсуждения на общей переговорной сессии.

Приведем пример задаваемых медиатором вопросов: «Как вы думаете, существует ли способ, позволяющий удовлетворить как ваши, так и интересы ваших оппонентов?». Такого типа вопросы помогут конфликтующей стороне начать самой пересматривать различные варианты выхода из конфликтной ситуации» [2, с. 157]. В дополнение к сказанному отметим, что часто предложения медиатора не идут ни в какое сравнение с выработанными сторонами идеями, поскольку первый не всегда знает нюансы взаимоотношений последних. Вместе с тем, в случаях, когда у спорщиков никаких идей не возникает, медиатор имеет право предложить свой вариант решения, ни в коем случае его не навязывая. Например, он говорит: «А как вы отнесетесь к такой идее?», «А что, если сделать…?».

«И совершенно исключены высказывания типа:

– Поверьте моему опыту. Этот подход гораздо лучше.

– Слушайте, что я говорю, я же предлагаю вам хорошее решение.

– Я не могу согласиться с вашим подходом.

– Нельзя быть таким упрямым.

– Ваша идея не заслуживает доверия» [2, с. 157].

5. *Подведение итогов*: анализ допущенных ошибок и упущенных возможностей; нацеленность на дальнейшее совершенствование медиативной процедуры.

Итоги подводятся на завершающей стадии медиативной сессии. В этот момент конфликтующие стороны должны быть полностью согласны с условиями достигнутого соглашения, реалистичность выполнения которого не должна вызывать сомнения.

Обобщим сказанное и отметим, что философия «кайдзен» не предлагает готовых решений возникающих проблем. Однако она позволяет воспринимать медиацию как процедуру постепенного разрешения конфликта путем изменения восприятия последнего, единения сторон и направления их сил в сторону постоянного самосовершенствования.

Именно самосовершенствование дает возможность иначе взглянуть на происходящее вокруг, по возможности не допускать или разрешать конфликт постепенно, время от времени оглядываясь назад и перепроверяя реалистичность принятых договоренностей.

Литература:

1. Каштанова О.В. Технологии урегулирования социальных конфликтов. М.: Кнорус, 2023. 195 с.
2. Аллахвердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2-1. С. 151–159.
3. Татарникова Л.И. Организация работы с кайдзен-предложениями // Вестник ИРГТУ. 2014. № 11 (94). С. 316–320.
4. Мартынюк А.В. Применение кайдзен как технологии непрерывного внедрения инноваций //«Наука в цифрах». 2016. № 1. С. 58–64.
5. Маурер Р. Шаг за шагом к достижению цели. Метод кайдзен / Пер. с англ. Е.А. Бакушевой. М.: Альпина Паблишер, 2014. 192 с.
6. Медиативные технологии в работе специалистов, оказывающих услуги женщинам, находящимся в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении, подвергшихся семейному насилию / Сост. Л.А. Бездольная, И.Ф. Хабирова. Сургут, 2020. 44 с.
7. Мельникова Е.В. Улучшения в стиле кайдзен // Методы менеджмента качества. 2007. № 3. С. 8–11.
8. Стуков С.П., Елагина В.Б. Система «кайдзен»: основы, преимущества и возможности введения в российских компаниях // Вестник магистратуры. 2018. № 1-3(76). С. 77–79.

The Possibilities of Applying the Concept of «Kaizen» to Improve the Quality of Mediation Procedures in Resolving Social Conflicts

Kashtanova O.V.
Kazan National Research Technological University

This article will focus on the concept of kaizen, an effective tool for step–by-step and continuous improvement of the management process, which has a positive impact on the overall development of the organization. However, the underlying idea can lead to the desired result not only in management, but also beyond it. And our task here is to prove the possibility of using kaizen in a mediation procedure.

Keywords: conflict, conflict resolution, mediation procedure, kaizen

УДК 34.096
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-426-429

Практика рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции по спорам о ликвидации мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов

Куляпин Д.Н.
Председатель судебного состава судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Татарстан (Казань)

Актуальность темы связана с важностью проблемы ликвидации мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов на землях государственной собственности, а также землях, государственная собственность на которые не разграничена. При этом обеспечение экологически безопасного обращения с отходами производства и потребления является стратегической целью государственной политики в области экологического развития Российской Федерации [1].

Целью исследования являлась характеристика тенденций судебной практики по делам о спорах о возложении обязанности по ликвидации мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов. Задачи исследования: выделить особенности административных дел данной категории; указать, какими нормативно-правовыми актами регулируются отношения, связанные с ликвидацией мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов; проанализировать практику рассмотрения административных дел указанной категории.

Ценность проведенного исследования заключается в определении причин и условий, способствующих изменению судебной практики в судах общей юрисдикции по спорам о ликвидации мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов.

Ключевые слова: *судебная практика, административные дела, места несанкционированного размещения, твердые коммунальные отходы, государственная собственность, муниципальное образование, софинансирование*

Для цитирования: *Куляпин Д.Н. Практика рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции по спорам о ликвидации мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 426–429. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-426-429.*

В судах общей юрисдикции из споров, связанных с обращением с твердыми коммунальными отходами, наиболее распространенными являются дела о ликвидации мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов (далее – ТКО).

Данные споры рассматриваются в судах общей юрисдикции по правилам административного судопроизводства.

Инициаторами административных исков чаще других являются прокуроры, выступающие в интересах неопределенного круга лиц. Если место несанкционированного размещения ТКО расположено на земельном участке, относящемся к государственной собственности, либо если государственная собственность на такой земельный участок не разграничена, в качестве административного ответчика, как правило, в административном иске указывается исполнительно-распорядительный орган муниципального образования, в пределах которого расположен такой земельный участок.

Административные дела рассматриваются в районных (городских) судах по правилам гл. 22 Кодекса

административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [2].

Нормативное регулирование правоотношений, связанных с возложением на тот или иной орган государственной власти, орган местного самоуправления обязанности по ликвидации места несанкционированного размещения ТКО, основывается на нормах Федерального закона от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – Федеральный закон № 52-ФЗ) [3], положениях Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Федеральный закон № 7-ФЗ) [4], а также на нормах Конституции Российской Федерации [5].

Так, в силу ст. 8 Федерального закона № 52-ФЗ, граждане имеют право на благоприятную среду обитания, факторы которой не оказывают вредного воздействия на человека.

Неисполнение требований природоохранного законодательства в области обращения с отходами производства и потребления ставит под угрозу санитарно эпидемиологическое благополучие неопределенного круга граждан и создает опасность причинения вреда окружающей среде.

Положениями ст.ст. 41 и 42 Конституции Российской Федерации и ст. 11 Федерального закона № 7-ФЗ закреплено право каждого гражданина на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду, на ее защиту от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью.

В силу ст. 51 Федерального закона № 7-ФЗ, п. 1 ст. 22 Федерального закона № 52-ФЗ, отходы потребления подлежат сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке, хранению и захоронению, условия и способы которых должны быть безопасными для здоровья населения и окружающей среды и регулироваться законодательством Российской Федерации. Сброс отходов на почву запрещается.

Кроме того, в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации, собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны осуществлять мероприятия по охране земель, не допускать загрязнение, истощение, деградацию, порчу, уничтожение земель и почв и иное негативное воздействие на земли и почвы (абз. 4 и 8 ст. 42) [6].

Подп. 2 п. 2 ст. 13 Земельного кодекса Российской Федерации установлено, что в целях охраны земель собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков в том числе обязаны проводить мероприятия по защите земель от загрязнения отходами производства и потребления и другого негативного воздействия.

Исходя из положений, изложенных в п.п. 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 12.11.2016 г. № 1156, именно собственник земельного участка, на котором размещена несанкционированная свалка твердых коммунальных отходов, обязан принять меры по ее ликвидации [7].

До середины 2023 г. судебную практику по данной категории административных дел можно охарактеризовать как стабильную.

Административные иски прокуроров либо Минэкологии, которые в ходе проведенных проверок выявляли места несанкционированного складирования ТКО, судами удовлетворялись таким образом, что, как правило, на органы местного самоуправления возлагалась обязанность ликвидировать несанкционированную свалку отходов. Бездействие органа местного самоуправления, выразившееся в непринятии мер по ликвидации несанкционированной свалки мусора, признавалось незаконным.

При этом, возлагая такие обязанности именно на орган местного самоуправления, суды исходили из того, что собственник отходов, размещенных на земельном участке, не установлен, право собственности на земельный участок не зарегистрировано, сведений о передаче земельного участка на ином праве третьим лицам не имеется.

Доводы органов местного самоуправления муниципального района, о том, что они не являются собственниками земельного участка, на котором выявлена свалка, суды отклоняли со ссылкой на положения пункта 3 ст. 3.3 Федерального закона от 25.01.2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», в силу которой отсутствие государственной регистрации права собственности на земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, не является препятствием для распоряжения ими. Предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется органом местного самоуправления поселения в отношении земельных участков, расположенных на территории такого поселения [8].

Таким образом, суды исходили из того, что отсутствие государственной регистрации права собственности на земельный участок, государственная собственность на который не разграничена, не является препятствием для распоряжения им соответствующим органом местного самоуправления муниципального района, на территории которого он расположен, в силу прямого указания закона.

Однако с принятием 30 мая 2023 г. Конституционным Судом Российской Федерации Постановления № 27-П правовые подходы к рассмотрению административных дел данной категории изменились [9].

Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30.05.2023 г. № 27-П изложена правовая позиция, согласно которой в судебном решении, возлагающем на органы местного самоуправления муниципальных образований обя-

занность по ликвидации за счет средств местного бюджета мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов, находящихся, в частности, на землях или земельных участках, государственная собственность на которые не разграничена, должно быть указано на условия финансового обеспечения, в том числе на минимально допустимый, исходя из обстоятельств конкретного дела, объем софинансирования из федерального бюджета или бюджета субъекта РФ, если необходимым является справедливое гарантированное софинансирование.

При этом органы местного самоуправления, полностью исполнившие за счет бюджетов муниципальных образований после вынесения настоящего Постановления соответствующие судебные решения, имеют право на возмещение части расходов, фактически понесенных ими на ликвидацию мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов (в том числе расходов на оплату соответствующих услуг регионального оператора на основании заключенного с ним договора):

– из федерального бюджета – если такие места находятся на расположенных в границах муниципальных образований земельных участках, находящихся в федеральной собственности;

– из бюджета субъекта РФ – если такие места находятся на расположенных в границах муниципальных образований земельных участках, находящихся в собственности субъекта РФ;

– из федерального бюджета и бюджета субъекта РФ (в равных долях) – если такие места находятся на расположенных в границах муниципальных образований землях или земельных участках, государственная собственность на которые не разграничена.

При этом такое возмещение возможно, если не установлено, что возникновение или продолжение функционирования места несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов вызвано умышленными неправомерными действиями органа местного самоуправления или должностного лица данного муниципального образования.

В настоящее время судебная практика находится на стадии формирования к единообразию.

Так, в некоторых регионах РФ суды, возлагая на орган местного самоуправления обязанность ликвидировать места несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов, определяют объем финансирования расходов по ликвидации указанных мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов за счет бюджета субъекта РФ и федерального бюджета в равных долях (к примеру, по 50 %) [10].

В других регионах суды возлагают обязанность по ликвидации мест несанкционированного размещения ТКО на орган местного самоуправления, а также ответственный орган субъекта РФ в солидарном размере, либо же и вовсе ликвидировать свалку обязывают орган государственной власти субъекта РФ [11].

Кроме того, значительное количество решений судов первой инстанции на стадии апелляционного или кассационного рассмотрения отменяются с направлением дел на новое рассмотрение по причине разрешения судом вопроса о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в административном деле [12].

Суд первой инстанции, разрешая дело и возлагая обязанность по ликвидации мест несанкционированного размещения ТКО только на орган местного самоуправления, не в полной мере учитывал позицию Конституционного Суда РФ, а также необоснованно оставлял без должного внимания доводы административного ответчика о недостаточности средств местного бюджета на самостоятельную ликвидацию несанкционированной свалки, расположенной на земельном участке, государственная собственность на который не разграничена.

Таким образом, к участию в деле в качестве соответчика подлежал привлечению орган государственной власти, осуществляющий полномочия собственника земельного участка.

На наш взгляд, для всестороннего, полного и объективного судебного разбирательства, для принятия законного, обоснованного и справедливого решения суду необходимо:

– определить, как давно свалка существует на данной местности, каковы её объемы, что представляют из себя данные отходы;

– определить категорию земельного участка;

– как давно органам местного самоуправления известно о существовании данного места несанкционированного складирования ТКО;

– есть ли факты, свидетельствующие о том, что размещение ТКО находится в прямой зависимости от ненадлежащего исполнения органом местного самоуправления данного муниципального образования возложенных на него полномочий в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (прежде всего в части организации на территории муниципального образования удовлетворяющих потребностям жителей мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов) и муниципального земельного контроля;

– определить, какие затраты необходимо понести для ликвидации соответствующего места несанкционированного складирования ТКО.

Только после сбора указанных доказательств, их оценки суд сможет принять решение, определить надлежащего ответчика и условия финансового обеспечения, в том числе минимально допустимый, исходя из обстоятельств конкретного дела, объем софинансирования из федерального бюджета или бюджета субъекта РФ.

Литература:

1. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // СПС Гарант.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 14. Ст. 1391.
3. Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.
4. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
5. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
7. Постановление Правительства РФ от 12.11.2016 г. № 1156 «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 641 (вместе с «Правилами обращения с твердыми коммунальными отходами») // СЗ РФ. 2016. № 47. Ст. 6640.
8. Апелляционное определение Верховного Суда РТ от 09.02.2018 г. по делу № 33а-2065/2018. URL: https:// https://vs-tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3150072&delo_id=42&new=0&text_number=l.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 г. № 27-П «По делу о проверке Конституционности положений ст. 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», п. 18 ч. 1, ч.ч. 3 и 4 ст. 14 и п. 14 ч. 1 ст. 15 Федерального акона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст.ст. 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», п. 1 ст. 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», п. 2 ст.: 9 и п.п. 1 и 2 ст. 13 Федерального закона «Об отходах производста и потребления», а также п.п. 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Кодинск Кежемского муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области» // СЗ РФ. 2023. № 23. Ст. 4273.
10. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 07.05.2024 г. по делу № 33а-4266/2024. URL: https://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&service=aa2&base=AOSB&n=10203943#G0A1ZNUjpwrNqCN6 (дата обращения: 06.09.2024).
11. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 21.02.2024 г. по делу № 33а-3946/2024(2а-2195/2023). URL: https:// https://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&service=aa2&base=AOPV&n=13054288#foXvYNUP51oVb1K9.
12. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2024 г. № 88а-14202/2024 (УИД 56RS0017-01-2023-000435-97). URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9331139&delo_id=43&new=0&text_number=1.

Practice of Considering Administrative Cases in Courts of General Jurisdiction on Disputes on Liquidation of Places Ofunauthorized Placement of Municipal Solid Waste

Kuliapin D.N.
Supreme Court of the Republic of Tatarstan

The relevance of the topic is related to the importance of the problem of eliminating places of unauthorized disposal of municipal solid waste on state-owned lands, as well as lands where state ownership is not demarcated. At the same time, ensuring the environmentally sound management of production and consumption waste is a strategic goal of the state policy in the field of environmental development of the Russian Federation [1].

The purpose of the study was to characterize the trends of judicial practice in cases of disputes on the assignment of responsibilities for the elimination of places of unauthorized disposal of municipal solid waste. The objectives of the study are to identify the specifics of administrative cases in this category; to indicate which normative legal acts regulate relations related to the liquidation of places of unauthorized disposal of municipal solid waste; to analyze the practice of reviewing administrative cases in this category.

The value of the conducted research lies in determining the causes and conditions that contribute to changing judicial practice in courts of general jurisdiction in disputes over the disposal of unauthorized municipal solid waste sites.

Keywords: judicial practice, administrative cases, unauthorized placement sites, municipal solid waste, state property, municipality, co-financing

УДК 338.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-430-435

Цифровые следы организаций: структура, виды и их роль в экономической оценке бизнеса



Миннебаев Г.Ф.
Аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан

В условиях стремительной цифровизации бизнеса цифровые следы становятся важным инструментом для всесторонней экономической оценки компаний. Актуальность исследования определяется необходимостью систематизации и анализа цифровых данных, которые формируются в процессе деятельности организаций в цифровой среде. Несмотря на их значимость, методологические подходы к изучению и использованию цифровых следов пока остаются фрагментарными, что обуславливает необходимость углублённого научного анализа.

Цель исследования – определить роль цифровых следов как инструмента оценки деятельности организаций и разработать классификацию для их систематизации и практического применения.

Научная и практическая значимость работы заключается в создании теоретической и методической основы для систематизации и интерпретации цифровых следов. Разработанная классификация позволит бизнесу использовать цифровые данные для оценки текущего состояния, выявления точек роста и повышения прозрачности процессов. Практическое применение результатов будет способствовать эффективному мониторингу репутации, финансовой стабильности и операционной производительности компаний.

Ключевые слова: *цифровые следы, экономическая оценка бизнеса, цифровая трансформация, управление данными, репутация компании, финансовая устойчивость, цифровой профиль, стратегическое управление*

Для цитирования: *Миннебаев Г.Ф. Цифровые следы организаций: структура, виды и их роль в экономической оценке бизнеса // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 430–435. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-430-435.*

Переход бизнеса в цифровое пространство порождает обильные потоки данных, которые служат отражением многогранных процессов предприятий. Этот спектр действий включает в себя всё: от общения с покупателями до выполнения финансовых операций и оптимизации внутренних рабочих процедур. Собранная в процессе цифровой трансформации информация представляется незаменимым источником для тщательного анализа и всесторонней оценки стратегий предприятий. Такой подход позволяет глубже проникнуть в понимание таких основополагающих аспектов, как эффективность управления, финансовое здоровье организации и стратегии долгосрочного развития. Различные области науки всё активнее исследуют «цифровые следы», хотя раньше эти методы были преимущественно в домене IT-специалистов и экспертов по безопасности. Ныне они рассматриваются в философских исследованиях как многоуровневые феномены и находят отражение в работах таких учёных, как Е.В. Листвин [1], Р.В. Пеннер [2], С.И. Платонова [3], А.М. Кондаков, А.А. Костылева [4], С.А. Зайцева, В.А. Смирнов [5], И.М. Дзялошинский [6] и др. В свою очередь, Ю.А. Чернавин и Г.В. Баринов

в своём исследовании рассматривают значимость этих следов в качестве элементов культурного ландшафта [7]. А работа Д.А. Потапова раскрывает роль цифрового профиля в социальных сетях в формировании общественного имиджа человека [8]. Важность этих следов для создания цифровой репутации государственных деятелей подчёркивается в исследовании Д.С. Ботнаря и Е.Ю. Сизгановой [9], а сохранение исторической памяти через социальные медиа анализируют С.В. Тихонова и Д.С. Артамонов [10]. К теме создания психологических профилей на основе резюме обращаются в своей публикации Д.А. Деткина и В.В. Королев [11].

В образовательной сфере тема цифровых следов также занимает ключевые позиции в исследовательской агенде. И.Н. Гостевая, С.С. Бражников [12], С.А. Храпов и Л.В. Баева [13] рассматривают их роль в контексте электронного образования. Совместные усилия Дж. Мозена и его коллег направлены на изучение цифровых следов в рамках платформ корпоративного взаимодействия [14]. Такой всесторонний интерес подчеркивает интеграцию цифровых следов в различные аспекты жизни и подтверждает значимость дальнейших исследований в данной области. С расширением бизнеса в цифровом мире онлайн-присутствие компании играет всё более значительную роль. Исследование А. Кван-Хаазе и А.Л. Янга касается воздействия цифровых следов на углубление цифрового неравенства между организациями. Они подчеркивают преимущества для крупных компаний с доступом к аналитическим инструментам, что позволяет им более эффектно использовать цифровые данные для улучшения конкурентной позиции. В контрасте с этим, малые и средние предприятия сталкиваются с дефицитом ресурсов и технологическим отставанием, что создает преграды на их пути к полноценному участию в цифровой экономике [15]. Аналитическая работа Х. ван Дейка и Т. Поэлла выделяет дилемму, связанную с цифровыми следами в бизнес-среде. Данные следы являются двоякого характера: они способны повысить эффективность и дать преимущество в конкуренции, однако в то же время могут угрожать конфиденциальности и давать возможности для недобросовестного использования. Результаты их исследования подчеркивают важность применения надлежащих этических норм и четких методов обработки данных, особенно в условиях, когда их объемы непрерывно растут [16]. Л. Маццони, Ф. Пинелли и М. Риккабони, взяли на себя задачу исследовать уровень цифровизации отечественных компаний, применив метод веб-скрейпинга для сбора нужных данных. Их работа выявила, что успешность компаний непосредственно связана с их вовлеченностью в цифровое пространство. Более активно ориентированные на интернет компании достигают более впечатляющих коммерческих результатов, чем те, кто отстаёт в цифровой интеграции. Авторы предложили универсальный подход, позволяющий измерить данный разрыв, что могло бы найти применение не только в Италии, но и для диагностики ситуации в других государствах [17]. Электронная публикация «*Metro International*» акцентирует, что цифровой след компании представляется массивом документации и отзывов, доступных онлайн в разнообразных информационных базах. В это понятие интегрируются не только юридические бумаги и финансовые результаты, но и различные упоминания в публичных ресурсах, что в совокупности складывается в электронный образ компании [18]. Стоит также отметить, что хотя корпоративный вебсайт и является центральным элементом в электронной экосистеме компании, он представляет собой только часть более обширной цифровой анатомии. Для того чтобы получить всестороннее понимание онлайн-присутствия компании, необходимо исследовать и прочие интернет-ресурсы, каждый из которых вносит свой вклад в создание полноценного «цифрового следа» – таблица 1.

Синтез информации из представленных источников позволяет построить целостный и объективный образ компании. Анализ различных данных, начиная от официальных государственных реестров и заканчивая отзывами сотрудников и клиентами, минимизирует риски ошибки и предоставляет достоверное представление о деловой активности и репутации юридического лица. Исходя из проведенного анализа академической литературы по проблеме исследования, можно определить цифровой след компании как структурированный комплекс данных, который формируется в процессе её присутствия и активности в цифровой среде. Он объединяет информацию из различных источников: официального сайта, государственных реестров (таких как ЕГРЮЛ и сведения Федеральной налоговой службы), материалов арбитражных судов, а также реестров недобросовестных поставщиков и должников. Важным дополнением становятся отзывы клиентов и сотрудников, обсуждения на профессиональных платформах, публикации в СМИ и специализированных изданиях, а также активность компании в социальных сетях. Цифровой след служит своеобразной цифровой визитной карточкой организации, отражая её репутацию, степень финансовой надёжности, взаимодействие с партнёрами и внутренний корпоративный климат. Однако его ценность заключается не только в накоплении данных, но и в их глубокой аналитике. Систематизация и сопоставление разрозненных источников позволяют устранить противоречия, выявить значимые тенденции и построить целостный и достоверный портрет компании. Такой подход даёт возможность объективно оценить положение организации на рынке и её динамику развития в современном цифровом пространстве.

Таблица 1

Источники и типы данных для формирования цифрового профиля компании

Источник данных	Описание	Роль в анализе компании	Тип предоставляемой информации
Веб-сайт компании	Официальный цифровой ресурс организации	Формирует цифровой образ компании, предоставляет ключевую информацию	Контакты, услуги, новости, миссия, структура
ЕГРЮЛ (Единый госреестр юрлиц)	Официальный реестр юридических лиц и их данных	Подтверждает легальный статус компании и её реквизиты	ОГРН, ИНН, дата регистрации, учредители, устав
Сайт Федеральной налоговой службы (ФНС)	Платформа с налоговой информацией об организациях	Демонстрирует статус компании с точки зрения налоговых обязательств	Долги по налогам, наличие требований или проверок
Арбитражные суды и судебные архивы	Базы данных судебных дел и решений	Раскрывают судебную историю компании, её участие в спорах	Иски, решения, штрафы, тяжбы, участие в делах
Реестры недобросовестных поставщиков и должников	Списки компаний с отрицательной деловой репутацией	Обозначают риски сотрудничества и репутационные проблемы компании	Факт включения в реестр, причины попадания
Интернет-форумы и профессиональные сообщества	Платформы для обмена мнениями между профессионалами и пользователями	Обеспечивают независимые отзывы и оценки со стороны отраслевого сообщества	Отклики о продукции, качестве услуг и репутации
Сайты с отзывами сотрудников	Ресурсы, где сотрудники делятся опытом работы в компании	Показывают внутреннюю корпоративную культуру и условия труда	Мнение о руководстве, зарплатах, атмосфере
Аккаунты в социальных сетях	Официальные страницы компании в популярных социальных платформах	Отражают активность компании, её диалог с клиентами и заинтересованными сторонами	Посты, комментарии, лайки, вовлеченность аудитории
Публикации в СМИ и специализированных изданиях	Статьи и материалы о компании в СМИ и профессиональных журналах	Обеспечивают объективный взгляд на деятельность и значимость компании	Новости, интервью, исследования, независимые оценки
ГИС «Контур-Фокус» / СПАРК / Аналитические системы	Платформы для комплексного финансового и юридического анализа организаций	Глубокий анализ финансовой устойчивости и истории деятельности компании	Финансовые отчеты, долговая нагрузка, контрагенты
Торговые и тендерные площадки	Платформы для размещения тендеров и участия в закупках	Оценивают активность компании как поставщика и её конкурентоспособность	Участие в тендерах, выигранные контрак-ты, суммы сделок
Геоинформационные системы (ГИС)	Платформы, содержащие данные о географическом расположении активов и объектов	Помогают оценить распределение инфраструктуры и физическое присутствие	Карты объектов, логистика, расположение филиалов
Реестры лицензий и разрешений	Сведения о лицензированной деятельности компании	Подтверждают легитимность и правомочность осуществления определенных работ	Наличие лицензий, разрешений, срок действия
Патентные реестры	Официальные реестры зарегистрированных патентов и интеллектуальной собственности	Отражают инновационный потенциал и уровень технологического развития компании	Патенты, изобретения, правообладатели
Аналитика поисковых систем	Данные об упоминаниях компании в поисковых системах (*Google*, Яндекс и др.)	Анализ публичной видимости компании и её репутации в цифровом пространстве	Частота упоминаний, ключевые запросы, трафик
Отчёты аудиторских и рейтинговых агентств	Рейтинги и аудиты от независимых аналитических агентств	Предоставляют независимую оценку финансовой устойчивости и репутации	Кредитные рейтинги, аудиторские заключения
Индустриальные порталы и рейтинги	Платформы с отраслевой аналитикой и рейтингами	Отражают позиции компании в отраслевой среде и её конкурентоспособность	Места в отраслевых рейтингах, профессиональные оценки
Биржевые и финансовые площадки	Данные о котировках акций и облигаций компаний на биржах	Анализ рыночной стоимости, инвестиционной активности и финансовых показателей	Динамика акций, капитализация, финансовые отчеты
Платформы экологической и социальной отчетности	Ресурсы, содержащие данные об устойчивом развитии (*ESG*-отчеты)	Оценка социальной ответственности компании и её экологического следа	Экологические показатели, социальные инициативы

Источник: составлено автором.

Таким образом, цифровые следы представляют собой информацию, оставляемую в результате использования цифровых технологий, и охватывают широкий спектр бизнес-процессов: от внутренних операций до взаимодействия с внешней средой. Для упорядочения и эффективного использования этих данных предлагается инновационная классификация цифровых следов, раскрывающая их функциональное значение и аналитический потенциал – таблица 2. Предложенная классификация позволяет систематизировать разрозненные цифровые следы и раскрыть их потенциал как инструмента для управления и экономического анализа. Она способствует превращению цифровых данных в осмысленные индикаторы эффективности, помогая компаниям принимать обоснованные решения, оптимизировать бизнес-процессы и укреплять свои конкурентные позиции в цифровой среде.

Цифровые следы выступают в качестве ключевого элемента для повышения прозрачности операций в бизнесе. Информация, поступающая из внутренних систем управления, таких как *ERP* и *CRM*, отчёты по использованию ресурсов и данные с производственных платформ, предоставляют объективные метрики трудовой эффективности, финансовых затрат и использования активов компании. Указанные параметры служат основой для оценки ключевых экономических показателей, включающих коэффициенты операционной деятельности, доходность активов и возвратность инвестиций (*ROI*). Такой глубокий анализ дает возможность усовершенствовать процессы на предприятии и принимать обоснованные управленческие решения на базе достоверных данных. Одновременно цифровые следы потребителей позволяют лучше понять взаимодействие организации с клиентами. Анализ поведения клиентов в цифровом пространстве, их отзывы на продукцию компании и общий уровень их удовлетворенности дают ценные сведения для оценки рыночного положения бизнеса. Мониторинг клиентской активности в соцсетях и на площадках электронной торговли дает возможность не просто определить текущие потребности покупателей, но и предугадать будущие тенденции в спросе, что критически важно для корректировки ассортимента продукции и стратегий общения с клиентами. Что же касается техноло-

Таблица 2

Классификация «цифровых следов» организации

Признак	Категория	Описание	Примеры источников данных
Происхождение данных	Внутренние цифровые следы	Данные, формируемые внутри компании в процессе её деятельности	*ERP*-системы, *CRM*-системы, системы документооборота, отчёты о производственных операциях
	Внешние цифровые следы	Данные, получаемые из внешних источников и фиксирующие взаимодействие с рынком	Социальные сети, аналитические платформы, отзывы клиентов, интернет-ресурсы, маркетинговые исследования
Функциональное назначение	Финансовые цифровые следы	Данные, отражающие финансовую деятельность и экономические результаты компании	Транзакции, отчёты о доходах и расходах, балансовая отчётность, движение денежных потоков
	Операционные цифровые следы	Информация о внутренних процессах компании и использовании ресурсов	Логи производственных систем, временные затраты на выполнение задач, эффективность использования ресурсов
	Клиентские цифровые следы	Данные, фиксирующие взаимодействие с клиентами и их поведение	*CRM*-системы, аналитика веб-сайтов, отзывы клиентов, поведенческие данные из цифровых платформ
	Технологические цифровые следы	Информация о функционировании цифровых систем и технологических решений	Логи работы оборудования, данные *IoT*-устройств, отчёты об использовании программного обеспечения
	Маркетинговые цифровые следы	Данные о продвижении продуктов и взаимодействии с целевой аудиторией	Данные рекламных кампаний, аналитика трафика, взаимодействие в соцсетях
Степень структурированности	Структурированные следы	Организованные и чётко формализованные данные, представленные в упорядоченной форме	Финансовые отчеты, транзакционные таблицы, аналитические сводки из *ERP*-систем
	Неструктурированные следы	Разнородные и неформализованные данные, требующие специальных методов обработки	Тексты сообщений, аудио- и видеоконтент, логи систем, посты в социальных сетях
	Полуструктурированные следы	Данные, содержащие частично упорядоченную информацию с определённой структурой	*XML*-файлы, *JSON*-файлы, данные аналитических отчетов из *CRM*

Источник: составлено автором.

гической стороны, то данные о состоянии оборудования, цифровых системах и работе *IoT*-устройств могут подсказать о технологических перспективах и путях модернизации предприятия. Такая информация отражает эффективность работы инфраструктуры, указывает на места ненужных издержек и демонстрирует, каким образом применение новейших технологий влияет на производительность. Анализ этих данных играет роль в минимизации технологических рисков, повышении производственной эффективности и ускорении внедрения инноваций в бизнесе.

Таким образом, в ходе исследования была обоснована ключевая роль цифровых следов в системе экономической оценки бизнеса, особенно в условиях активной цифровизации. Предложенная классификация цифровых следов, основанная на их происхождении, функциональной значимости и структурированности, позволила систематизировать и раскрыть их потенциал как инструмента для анализа финансовой устойчивости, внутренней эффективности и репутационного капитала компании. Грамотное использование этих данных позволит сформировать целостный цифровой профиль организации, выявить зоны для оптимизации и определить стратегически выверенные решения в дальнейшем развитии.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные подходы могут быть использованы компаниями для мониторинга и оценки своей деятельности, повышения прозрачности бизнес-процессов и улучшения конкурентных позиций на рынке. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку автоматизированных систем сбора и анализа цифровых следов с использованием методов машинного обучения и искусственного интеллекта. Особый интерес представляет изучение динамики цифровых следов в контексте устойчивого развития и адаптации компаний к вызовам цифровой экономики.

Литература:

1. Листвина Е.В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. 2020. № 7-8. С. 14–18. DOI: 10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18.
2. Пеннер Р.В. Цифровая идентичность как новая форма социального признания: дисс. … док. филос. наук. Саратов, 2023. 354 с.
3. Платонова С.И. Большие данные: создание вызовов и возможностей в социальных науках // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 4. С. 119–123. DOI: 10.30853/manuscript.2020.4.24.
4. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. Т. 16, № 3. С. 207–218. DOI: 10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218.
5. Зайцева С.А., Смирнов В.А. Аксиологический подход к понятию цифрового следа // Ноосферные исследования. 2021. № 3. С. 79–87. DOI: 10.46724/NOOS.2021.3.79-87.
6. Дзялошинский И.М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020. 551 с.
7. Чернавин Ю.А., Баринова Г.В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 29–39. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-4-29-39.
8. Потапов Д.А. Идентификация профиля человека в социальной сети по неоднородным данным // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. № 11–12. С. 111–114.
9. Ботнарь Д.С., Сизганова Е.Ю. Формирование позитивной цифровой репутации органов государственной и муниципальной власти // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2020. № 4 (23). С. 92–99.
10. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Гараж истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 237–254.
11. Деткина Д.А., Королева В.В. Цифровой след – современное портфолио конкурентоспособного работника // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры: материалы VII Всерос. науч.-прак. конф. / Науч. ред., сост. Д.Н. Грибков. Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2020. С. 83–88.
12. Гостева И.Н., Бражникова С.С. Анализ цифрового следа обучающихся с использованием технологий больших данных // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании: материалы IV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 409–413.
13. Баева Л.В., Ажмухамедов И.М., Храпов С.А. [и др.] Оценка влияния цифровизации образования на человека и безопасная среда обучения: монография. М.: Т8 Издательские технологии, 2022. 319 с.
14. Mosen J., Williams S.P., Schubert P. Visualizing Social Documents as Traces of Collaborative Activity in Enterprise Collaboration Platforms // Conference: Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS 53) At: Wailea, Maui, 2020. P. 5369–5378. DOI: 10.24251/HICSS.2020.660.

15. Кван-Хаазе А. Цифровые следы: новая грань цифрового неравенства // Emerald. URL: https://www.emerald.com (дата обращения: 15.12.2024).
16. Ван Дейк Х. Использование цифровых следов: критический анализ аналитики данных // Springer Link. URL: https://link.springer.com (дата обращения: 15.12.2024).
17. Mazzoni L. Measuring Corporate Digital Divide with web scraping: Evidence from Italy // ArXiv. URL: https://arxiv.org/abs/2301.04925 (дата обращения: 15.12.2024).
18. Цифровой след компании: что он может рассказать о ее надежности // Электронное издание «Metro International». URL: https://www.metronews.ru/partners/novosti-partnerov-255/reviews/cifrovoy-sled-kompanii-chto-on-mozhet-rasskazat-o-ee-nadezhnosti-2173063/ (дата обращения: 15.12.2024).

Digital Footprints of Organizations: Structure, Types and Their Role in the Economic Evaluation Of Business

Minnebaev G.F.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

In the conditions of rapid digitalization of business, digital footprints are becoming an important tool for comprehensive economic evaluation of companies. The relevance of the study is determined by the need to systematize and analyze digital data that are formed in the process of organizations' activities in the digital environment. Despite their importance, methodological approaches to the study and use of digital footprints remain fragmented, which necessitates an in-depth scientific analysis.

The aim of the study is to determine the role of digital footprints as a tool for assessing the activities of organizations and to develop a classification for their systematization and practical application.

The scientific and practical significance of the work lies in the creation of a theoretical and methodological basis for the systematization and interpretation of digital footprints. The developed classification will allow businesses to use digital data to assess the current state, identify growth points and increase the transparency of processes. Practical application of the results will contribute to effective monitoring of reputation, financial stability and operational performance of companies.

Keywords: digital footprints, economic evaluation of business, digital transformation, data management, company reputation, financial stability, classification of digital footprints, digital profile, strategic management

УДК 338.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-436-441

Думая о будущем устойчивого развития региона: проект Бережливые каникулы



Назарова Н.А.
Кандидат экономических наук, доктор делового администрирования, заместитель Генерального директора – директор по экономике и реализации услуг АО «Сетевая компания» (Казань)



Бурганова Г.М.
Мастер делового администрирования, начальник отдела организации и развития бережливого производства Управления АО «Сетевая компания», куратор проекта «Разработка и организация системы мероприятий «Бережливые каникулы»



Абрамова А.В.
Кандидат экономических наук, мастер делового администрирования, ведущий специалист отдела организации и развития бережливого производства Управления АО «Сетевая компания» (Казань), доцент кафедры экономика производства Казанского (Приволжского) федерального университета, руководитель проекта «Разработка и организация системы мероприятий «Бережливые каникулы»

В настоящее время в качестве оптимального пути устойчивого развития электроэнергетического комплекса, в рамках реализации четвертого энергоперехода, научно-практическим сообществом рассматривается экономически целесообразная модернизация производственных фондов, с учетом обеспечения баланса факторов Энергетической трилеммы. В статье приведен авторский взгляд на необходимость применения комплементарного пути устойчивого развития: подготовка качественных трудовых ресурсов посредством воспитания у граждан культуры бережливого мышления и энергоресурсосберегающего поведения, начиная с детского возраста. Представлен практический опыт реализации проекта «Бережливые каникулы» в электроэнергетической организации (на примере АО «Сетевая компания», Республика Татарстан). В рамках проекта разработана система учебно-воспитательных мероприятий для детей школьного возраста и подростков, основанная на применении интегрированного подхода к изучению бережливого производства и концепции ESG-управления; использовании игрового метода изучения процессов технологического присоединения и электроснабжения потребителей; воспитании созидательного гражданско-патриотического поведения подрастающего поколения.

Ключевые слова: *устойчивое развитие электроэнергетики, ESG принципы устойчивого развития, энергоресурсосбережение, бережливое производство, подготовка качественных трудовых ресурсов*

Для цитирования: *Назарова Н.А., Бурганова Г.М., Абрамова А.В. Думая о будущем устойчивого развития региона: проект Бережливые каникулы // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 436–441. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-436-441.*

ESG концепция устойчивого развития предполагает необходимость достижения триады согласованных принципов деятельности субъектов экономики:

– экологизации производства в целях сбережения ресурсов окружающего мира для будущих поколений (от англ. *environmental* – общество, сокр. *E*);

– организационного управления в целях экономического роста (от англ. *governance* – управление, сокр. *G*);

– развития социального капитала и потенциала человеческих ресурсов в целях повышения качества жизни (от англ. *social* – общество, сокр. *S*) [1, с. 18].

Первый принцип *ESG* концепции устойчивого развития говорит о необходимости достижения экологической устойчивости, что соответствует одному из трех факторов мировой Энергетической трилеммы, наряду с доступностью энергии и энергетической безопасностью. Необходимо отметить, что по итогам 2023 г., Россия занимает 39 место из 126 стран в мировом рейтинге индекса Энергетической трилеммы, что на 2 позиции выше факта 2022 г. (при этом входит в топ 25 % стран мира по энергетической безопасности, в диапазон от 25 до 50 % стран по доступности энергии и в диапазон от 50 до 75 % стран по экологической устойчивости) [2]. Это обусловлено, прежде всего, особенностями занимаемой территории, природно-климатическими факторами и проводимой политикой государства в области электроэнергетики. Целевым ориентиром является повышение позиции России в рейтинге с 42 места в 2018 г. до 20–30 места к 2035 г. [3].

Таким образом, экологическая устойчивость является стратегическим приоритетом четвертого энергоперехода, ключевая цель которого заключается в снижении углеродоемкости всех сфер социально-экономической деятельности. Энергопереход (с англ. *Energy transition*) представляет собой изменение структуры производства и потребления энергии в сторону более эффективных технологий и приводит к трансформационному развитию всей экономики. В настоящее время, с начала 2000-х гг., цивилизация находится на пути четвертого энергоперехода, который характеризуется увеличением доли использования возобновляемых источников энергии, в целях снижения доли использования углеводородов [4, с. 160–161].

Первый энергопереход связан с переходом от использования древесины (биомассы) при получении первичной энергии к увеличению доли использования природного угля в период 1840–1900 гг. – с 5 до 50 % соответственно; второй энергопереход связан с увеличением доли нефти в получении первичной энергии в период 1915–1975 гг. – с 3 до 45 %; третий энергопереход связан с увеличением доли природного газа в получении первичной энергии в период с 1930 по 2017 гг. – с 3 до 45 % [5, с. 98–99].

В целом, четвертый энергопереход обусловлен необходимостью сдерживания роста глобальной температуры, вызванного антропогенным воздействием, посредством снижения выбросов углекислого газа CO_2 (рис. 1). Линия тренда на рисунке 1 показывает перспективное увеличение средней глобальной температуры Земли.

В разрезе секторов экономики, электроэнергетический комплекс занимает значительную роль в выбросах парниковых газов: в 2022 г. на долю электроэнергетики приходится 46 % всех выбросов (рис. 2) [7].

И в перспективе прогнозируется продолжение тренда роста потребления электроэнергии. Согласно Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г., прогнозируется увеличение потребления электроэнергии в диапазоне от 10,9 до 21,3 % с 2018 по 2035 гг. (рис. 3) [3].

В условиях отсутствия модернизации производственных фондов и применения энергоресурсосберегающих технологий, увеличение потребления электроэнергии обуславливает перспективный рост

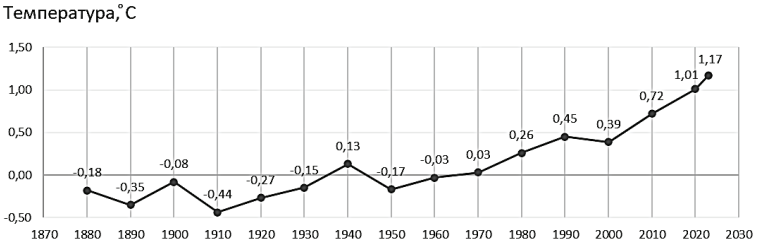


Рис. 1. Динамика изменения средней глобальной температуры поверхности Земли с 1870 по 2023 гг. [6]

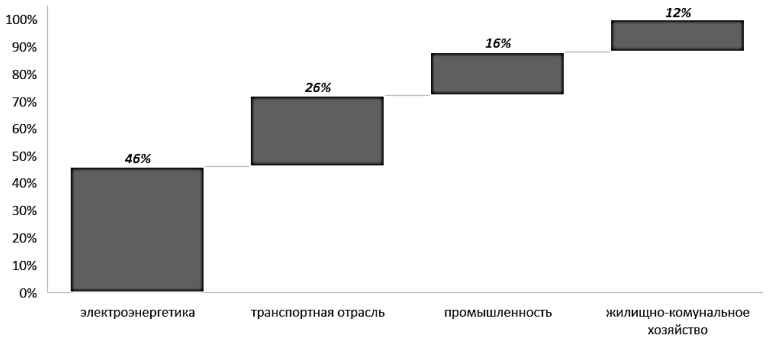


Рис. 2. Процент выбросов парниковых газов в разрезе секторов экономики [7; 8]

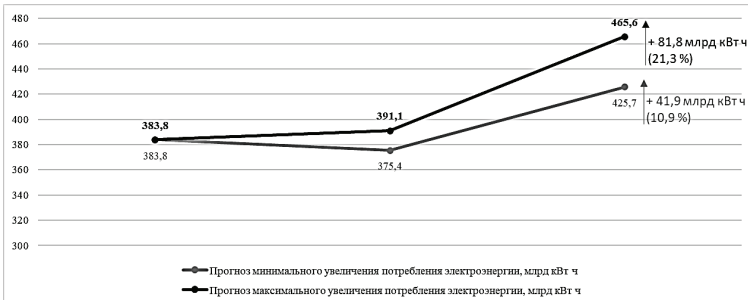


Рис. 3. Потребление электрической энергии до 2035 г. (прогноз).

Составлено авторами на основании использования сведений Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г. [3].

выбросов парниковых газов. Однако модернизации электроэнергетического комплекса препятствует объективная высокая капиталоемкость производственных фондов, при этом следует учитывать необходимость обеспечения согласованности факторов Энергетической трилеммы.

В настоящее время российским энергетическим агентством разработаны три сценария развития энергетики России до 2050 г. в целях содействия устойчивому развитию государства в условиях четвертого энергоперехода. Данные пути развития зависят от объема привлекаемых для модернизации производственных фондов капиталовложений, предельно допустимых требований к величине выбросов парниковых газов, уровня технологического развития [7; 8]:

– инерционный путь развития («все как встарь») – рассматривается в качестве объективно неблагоприятного для достижения устойчивого развития, так как ведет к росту средней глобальной температуры более чем на 2^0C;

– углеродонейтральный путь развития («чистый ноль») – предполагает сдерживание роста глобальной температуры в диапазоне $1{,}5^0$C посредством достижения уровня выбросов парниковых газов, который компенсируется их поглощением. Данный путь развития требует существенных капиталовложений и отвлечение ресурсов, предназначенных для других приоритетных целей социально-экономического развития;

– согласованный путь развития («рациональный технологический выбор») – предполагает экономически целесообразную модернизацию электроэнергетики с учетом рационально обоснованного экономического выбора конкурентоспособных и эффективных технологий. Данный путь устойчивого развития рассматривается Российским энергетическим агентством Минэнерго России в качестве наиболее целесообразного [7; 8].

По нашему мнению, комплементарный путь достижения устойчивого развития реализуется посредством формирования у граждан понимания целей и принципов устойчивого развития, бережливого мышления и навыков созидательной деятельности. В настоящее время вызывают опасения угрозы углубления эгоцентричности и разобщения общества, вызванные факторами объективной реальности: формированием потребительского поведения граждан в условиях изобилия ресурсов; ростом времени жизни, проводимого в виртуальной реальности в условиях индустрии 4.0 и перспективной индустрии 5.0.

Это обуславливает существенный риск сокращения возможностей формирования качественных трудовых ресурсов и, как следствие, *необходимость воспитания общих идентичных общегосударственным приоритетам развития ценностных установок, начиная с детского возраста. При этом целесообразно обеспечить содействие процессу формирования качественных трудовых ресурсов со стороны предприятий и организаций, являющихся ключевыми субъектами экономической деятельности.*

Один из прикладных проектов в данной предметной области «Бережливые каникулы» был инициирован и впоследствии реализован под руководством авторов настоящей статьи в 2023 г. в рамках территориальной сетевой организаций АО «Сетевая компания» (Республика Татарстан) [9]. Это система учебно-воспитательных мероприятий профориентационного характера, основанная на применении интегрированного подхода к изучению бережливого производства и концепции *ESG*-управления; использовании игрового метода изучения процессов технологического присоединения и электроснабжения потребителей; воспитании созидательного гражданско-патриотического поведения подрастающего поколения. Проект реализуется на базе детского летнего лагеря «Ялтазай» (г. Заинск, Республика Татарстан), и является массовым мероприятием. К настоящему времени (за период 2023–2024 гг.) участниками проекта стали более тысячи человек [10].

В рамках реализации проекта разработаны методики проведения интерактивных игровых занятий. Основой разработки методики стали компетенции работников АО «Сетевая компания» в предметной области бережливого производства, организации учебных, культурно-массовых и гражданско-патриотических мероприятий; а также накопленный практический опыт развития Производственной системы Энергия, основанной на принципах бережливого производства [10]. Модераторами игровых занятий являются работники АО «Сетевая компания», которые проходят предварительную подготовку по разработанной методике [11].

Цели проекта «Бережливые каникулы»: содействие воспитанию детей и подростков в регионе присутствия; содействие проведению профориентационной работы; содействие устойчивому развитию

региона присутствия посредством подготовки качественных трудовых ресурсов.

Для повышения результативности целей проекта общая структура занятий предполагает возрастное деление участников на группы до 25 чел. (младший возраст 7–9 лет, средний возраст 10–13 лет, подростковый возраст 14–16 лет) и представлена на рисунке 4.

При проведении системы мероприятий «Бережливые каникулы» целесообразно, согласно требованиям и ограничениям, предусмотренным нормативными документами местного, регионального и федерального уровня, действующими на момент проведения мероприятия:

– сформировать актуальную программу, регламент и сценарий мероприятия (в зависимости от объекта проведения мероприятия, с учетом особенностей целевой аудитории участников);

– определить и утвердить организационно-распорядительным документом руководителя и ответственных лиц, участвующих в проведения мероприятия;

– согласовать программу и регламент проведения мероприятия с руководством объекта проведения мероприятия (с учетом планов работы, организационно-распорядительных и нормативных документов объекта проведения мероприятия);

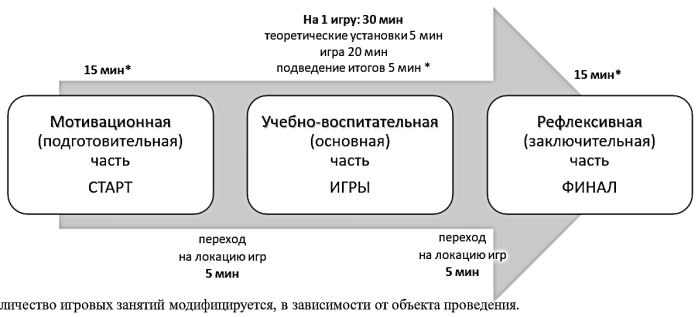
– предусмотреть (совместно с руководством объекта проведения мероприятия) наличие возможности оказания первой медицинской помощи;

– организовать комфортные условия для качественного усвоения учебного материала (в том числе климатические условия – при проведении мероприятия на открытом воздухе, комфортные микроклиматические условия – при проведении мероприятия в закрытом помещении);

– обеспечить (совместно с руководством объекта проведения мероприятия) выполнение санитарно-эпидемиологических и санитарно-гигиенических требований.

Концепция методики проекта «Бережливые каникулы» базируется на трех аспектах [8–10]:

1. Содействие формированию единых идентичных государственным приоритетам ценностных установок бережливого мышления и созидательного поведения у подрастающего поколения осуществляется посредством внедрения в проект элементов духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания. На старте и финале участникам проекта даются мотивирующие установки, формирующие личную заинтересованность в области энергоресурсосбережения, звучат Государственный гимн России, Гимн Татарстана и патриотические композиции.



* Количество игровых занятий модифицируется, в зависимости от объекта проведения.

Рис. 4. Обобщенная структура мероприятий в рамках проекта

2. Ознакомление участников проекта с элементами бережливого производства и производственными процессами осуществляется через призму *ESG*-принципов устойчивого развития.

2.1. Игра на местности «Чистый мир» направлена на воспитание бережного отношения к окружающей среде посредством изучения элементов бережливого производства (рациональная организация пространства, стандартизация и визуализация процессов). Участники проекта приобретают навыки оптимального способа качественной сортировки элементов окружающего пространства, заботы о природе, раздельного сбора отходов, вторичного использования ресурсов.

2.2. Игра «Наш дом – планета Земля» формирует навыки поиска оптимального способа организации окружающего пространства для формирования бережного отношения к окружающей среде посредством элементов бережливого производства (философия бережливого производства, рациональная организация пространства, управление потоком работ, стандартизация и визуализация элементов).

2.3. Профориентационная игра «Вместе мы сможем» направлена на развитие социального капитала посредством изучения процессов оперативного технологического присоединения и качественного электроснабжения потребителей через призму элемента бережливого производства – системы «Точно во время». Участники проекта приобретают навыки выстраивания эффективной командной работы при прохождении серии эстафетных заданий.

2.4. Нейрографическая игра «Моя мечта» направлена на развитие созидательной деятельности посредством изучения технологии эффективного целеполагания и элементов бережливого производства (визуализация, система непрерывных улучшений). Участники проекта приобретают навыки постановки и реализации идей по гармоничному развитию элементов объективной реальности, с изготовлением кораблей-мечты, на которых участники проекта визуализируют свои идеи мечты.

3. Формирование культуры бережливого мышления и энергоресурсосберегающего поведения осуществляется посредством применения игрового метода обучения, который обеспечивает высокую вовлеченность и продуктивность.

Ключевые результаты проекта в ракурсе *ESG*-принципов устойчивого развития:

– воспитание у подрастающего поколения культуры бережливого мышления и ответственного отношения к окружающему миру;

– формирование качественных трудовых ресурсов, являющихся ключевыми факторами производства, и содействие заполнению ключевых вакансий посредством проведения профориентационной работы;

– развитие социального капитала и человеческого потенциала будущего экономически активного населения.

Реализация проекта «Бережливые каникулы» оказывает содействие реализации национальных проектов РФ «Образование», «Производительность труда» и Целей устойчивого развития РФ, в том числе целей № 4 «Качественное образование», № 7 «Недорогая и чистая энергия», № 8 «Достойная работа и экономический рост», № 12 «Ответственное производство и потребление», № 13 «Борьба с изменением климата» [12]. По нашему мнению, дальнейшая реализация проекта будет способствовать интеграции научно-образовательной и производственной частей электроэнергетического кластера Республики Татарстан и достижению кумулятивных синергетических эффектов, в том числе возрождению научно-технологического суверенитета и обеспечению устойчивого развития государства.

***Благодарность**: Руководству АО «Сетевая компания» (Республика Татарстан) за содействие в организации и проведении социально-значимого проекта «Бережливые каникулы».*

Литература:

1. Ахметшина А.Р., Абрамова А.В. Механизм устойчивого развития субъектов электроэнергетического комплекса РФ на основании применения интегрированной модели бережливого производства и концепции ESG-управления // Журнал Экономические науки. 2023. Ноябрь. С. 16–19. DOI: 10.14451/1.228.16.
2. Мировой энергетический совет. WORLD ENERGY Trilemma Index. 2024. URL: https://www.worldenergy.org/assets/downloads/World_Energy_Trilemma_2024_Full_Report.pdf?v=1721938251 (дата обращения: 23.08.2024).
3. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 г. № 1523-р «Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035г». Приложение 1 // СПС Гарант.
4. Сизов А.А. Концепция энергетического перехода: история понятия и эволюция явления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 159–164. URL: https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-159-164.
5. Гулиев И.А., Соловова Ю.В. Энергетический переход: Понятие и исторический анализ. Особенности текущего энергетического перехода // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10-2. С. 98–105.
6. Global Temperature | Vital Signs – Climate Change: Vital Signs of the Planet. NASA. URL: https://climate.nasa.gov/vital-signs/global-temperature/?intent=121.
7. Дребенцов В.В. Доклад «Сценарии долгосрочного развития энергетики мира и России» // Образовательный консорциум РЭА Минэнерго России. 16 июля 2024. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/seminar-stsenarii-dolgosrochnogo-razvitiya-mirovoy-energetiki
8. Сценарии развития мировой энергетики до 2050 года. РЭА Минэнерго России. Москва, 2024. URL: https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/rea-minenergo-rossii-predstavilo-stsenarii-razvitiya-mirovoy-energetiki-do-2050-goda/?ysclid=m03u3ru2ca425375058 (дата обращения 17.08.2024).
9. От производства – к каникулам // Газета АО «Сетевая компания» Просети. 2023. № 8(123). URL: https://gridcom-rt.ru/upload/magazine/proseti-123.pdf. (дата обращения 15.08.2024).
10. Устойчивое развитие в стратегии российского бизнеса. Сборник корпоративных практик. АО «Сетевая компания». М.: РСПП, 2023. 224 с. С. 92–95.
11. Сайт АО «Сетевая компания». Новости. Просветительские и профилактические мероприятия для молодежи в дни школьных каникул. URL: https://gridcom-rt.ru/press-tsentr/novosti/prosvetitelskie-i-profilakticheskie-meropriyatiya-dlya-molodezhi-v-dni-shkolnykh-kanikul-proveloao-/(дата обращения 23.08.2024).
12. Росстат. Данные по показателям ЦУР. URL: https://rosstat.gov.ru/sdg/data. (дата обращения 24.08.2024).

Thinking About the Future of the Region's Sustainable Development: the Lean Vacations Project

Nazarova N.A., Burganova G.M.
JSC «Grid company» (Kazan)

Abramova A.V.
JSC «Grid company» (Kazan),
Kazan (Volga Region) Federal University

Currently, as an optimal way for the sustainable development of the electric power industry, as part of the implementation of the fourth energy transition, the scientific and practical community is considering the economically feasible modernization of production facilities, taking into account the balance of the factors of the Energy trilemma. The article presents the author's view on the need to apply a complementary path to sustainable development: training high-quality labor resources through fostering a culture of lean thinking and energy-saving behavior among citizens, starting in childhood. The practical experience of implementing the "Lean Holidays" project in an electric power company is presented (using the example of JSC Grid Company, Republic of Tatarstan). As part of the project, a system of educational activities for school-age children and adolescents has been developed based on the application of an integrated approach to the study of lean manufacturing and the concept of ESG management; the use of a game method for studying the processes of technological connection and power supply to consumers; education of creative civil and patriotic behavior of the younger generation.

Keywords: sustainable development of the electric power industry, ESG principles of sustainable development, energy conservation, lean manufacturing, training of high-quality labor resources

УДК 620
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-442-445

Тарифное регулирование сферы обращения с твердыми коммунальными отходами. Совершенствование процедуры контрольно-надзорной деятельности



Потапова В.С.
Начальник отдела рассмотрения жалоб, досудебного урегулирования тарифных споров и разногласий в сфере ЖКХ и ЖД перевозок Федеральной антимонопольной службы (Москва)

В статье освещены вопросы, связанные с принятыми нововведениями, направленными на совершенствование процедуры контрольно-надзорной деятельности (в том числе упрощение порядка проведения надзорных мероприятий, привлечение территориальных органов ведомства к надзорным мероприятиям) с целью повышения эффективности защиты нарушенных прав потребителей, оплачивающих услуги регулируемых организаций по экономически необоснованным тарифам.

Ключевые слова: *твердые коммунальные отходы, тариф, государственное регулирование тарифов, органы регулирования, контрольно-надзорная деятельность*

Для цитирования: *Потапова В.С. Тарифное регулирование сферы обращения с твердыми коммунальными отходами. Совершенствование процедуры контрольно-надзорной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 442–445. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-442-445.*

В 2023 г. Правительством Российской Федерации было принято новое Положение о контроле, разработанное ФАС России. Так, Положение о государственном контроле (надзоре) за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации полномочий в области регулирования цен (тарифов) (далее – Положение) было изложено в новой редакции Постановлением Правительства РФ от 04.02.2023 г. № 163 [1; 2].

Положение содержит детальную регламентацию порядка осуществления контроля (надзора). Существенным нововведением является закрепление коллегиального вынесения решений по результатам контроля специализированной Комиссией ФАС России, что существенно снижает управленческие и коррупциогенные риски при осуществлении контроля, улучшает прозрачность выдаваемых предписаний, а также предусматривает порядок контроля за исполнением решений и предписаний ФАС России, что позволяет существенно повысить эффективность защиты нарушенных прав потребителей, вынужденных оплачивать услуги регулируемых организаций по экономически необоснованным тарифам. Кроме того, Положением введено новое контрольно-надзорное мероприятие – наблюдение за соблюдением обязательных требований, которое позволяет проводить более точечный и оперативный контроль в сфере регулирования цен (тарифов).

Под наблюдением за соблюдением обязательных требований в целях Положения понимается анализ данных о соблюдении контролируемым лицом обязательных требований, имеющихся у контрольного органа, в том числе данных, которые поступают в ходе межведомственного информационного взаимодействия, предоставляются контролируемыми лицами в рамках исполнения обязательных требований, а также данных, содержащихся в государственных и муниципальных информационных системах, в том числе в единой аналитической системе. Стоит отметить, что наблюдение за соблюдением обязательных требований не требует издания распоряжения или приказа руководителя контрольного органа. Контрольный орган при наблюдении за соблюдением обязательных требований вправе запрашивать

необходимую для осуществления наблюдения информацию у органов государственной власти, в том числе контролируемого лица, в целях проверки достоверности документов и сведений, поступивших в ходе межведомственного информационного взаимодействия, представленных контролируемыми лицами в рамках исполнения обязательных требований, содержащихся в государственных и муниципальных информационных системах и (или) полученных при представлении отчетов.

В случаях выявления по результатам наблюдения за соблюдением обязательных требований признаков нарушения обязательных требований контрольный орган фиксирует указанные нарушения в акте контрольного (надзорного) мероприятия, содержащем отчет о проведенном наблюдении за соблюдением обязательных требований.

Анализируя итоги проведенной работы, стоит отметить, что после принятия нового Положения о контроле ведомство проверило более 1000 тарифных решений в отношении 255 регулируемых организаций и выдало 98 предписаний об устранении нарушений требований законодательства Российской Федерации. В частности, посредством указанного механизма реализованы оперативные мероприятия по контролю в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами, направленные на контроль за реализацией реформы по обращению с ТКО в целом. Так, ведомством в 2024 г. завершена работа по мониторингу ключевых показателей составляющей тарифов по поручению Президента Российской Федерации в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами, из всех субъектов Российской Федерации контрольным мероприятиям подверглись 24 субъекта, в результате выданы около 40 предписаний об устранении органами исполнительной власти в области государственного регулирования цен (тарифов) нарушений требований законодательства Российской Федерации. Основные нарушения были связаны с некорректным расчетом расходов на транспортирование ТКО и собственных затрат в целом региональных операторов, когда расчеты производились в нарушение положений, закрепленных в Методических указаниях по расчету регулируемых тарифов в области обращения с твердыми коммунальными отходами [3], и в соглашениях об организации деятельности регионального оператора. Также нарушения требований законодательства были связаны с некорректным проведением органами регулирования корректировок тарифов или непроведением их по факту деятельности. Кроме указанного, пристальное внимание со стороны ФАС России было направлено на проверку достижения регулируемыми организациями показателей эффективности при установлении тарифов органами регулирования. В ряде субъектов Российской Федерации показатели эффективности не утверждались либо утверждались, но корректировки при оценке фактической работы регулируемых организаций на предмет их достижения установленным параметрам с целью выполнения задач национального проекта «Экология» [4] не проводились. В ряде случаев ведомством выявлялись факты учета органами исполнительной власти расходов регионального оператора по обращению с ТКО (в частности собственных расходов регионального оператора, таких как транспортные расходы, административные расходы, производственные расходы) исходя из сравнения удельных показателей без проведения аналитической работы по обоснованию документов тарифной кампании, либо на уровне конкурсной заявки, сформированной на этапе заключения Соглашения об осуществлении деятельности регионального оператора на соответствующей территории Российской Федерации. Отдельным из ключевых факторов, выявленных в ходе надзорной работы, отмечаются факты отсутствия осуществления весового контроля (в том числе отсутствия установки приборов весового учета) на объектах обращения с ТКО. ФАС России в качестве меры повышения ответственности за неустановление приборов весового контроля в рамках своих полномочий выдавались соответствующие предписания о необходимости проведения органами регулирования тарифов учета массы ТКО региональных операторов исходя из ее уменьшения при корректировке необходимой валовой выручки [6] в целях побуждения регулируемых организаций к оборудованию объектов обращения с ТКО средствами измерения для достоверного определения тарифных параметров.

Также по инициативе ФАС России Правительством Российской Федерации принято Постановление от 07.11.2023 г. № 1869 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [5], разработанное ФАС России, которым предусмотрена возможность осуществления внеплановых проверок также территориальными органами ФАС России по поручению Центрального аппарата ФАС России.

Вместе с тем вынесение акта реагирования по итогам проверки, а также последующий контроль его исполнения остается в ведении центрального аппарата ФАС России в соответствии с действующим порядком, что обусловлено необходимостью сохранения единообразия практики указанного вида контроля (надзора), а также дополнительного внутреннего процедурного контроля.

Вышеуказанные меры позволили повысить эффективность и охват контроля в сфере государственного регулирования цен (тарифов). Так, по состоянию на 01.07.2024 г. ФАС России и ее территориальными органами проведено 100 проверок, выданы 203 предписания об устранении выявлен-

ных нарушений и 22 приказа об отмене тарифных решений региональных органов регулирования с нарушением требований законодательства Российской Федерации, что существенно отразилось на принятии оперативных решений, направленных на защиту нарушенных прав потребителей, в том числе оплачивающих услуги в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами.

В завершение стоит отметить случаи, выявленные ведомством в ходе проверки региональных операторов, связанные с досрочным уходом регулируемых организаций с рынка, ввиду досрочного прекращения деятельности регионального оператора на соответствующей территории Российской Федерации. Так, вопросы механизма взыскания необоснованных средств у регулируемой организации в рамках ценообразования остаются не разрешенными, в условиях, когда у компании остается «регуляторная задолженность» перед потребителями соответствующего субъекта Российской Федерации.

Законодательством Российской Федерации в области государственного регулирования цен (тарифов) [7] предусмотрено, что статус регионального оператора по обращению с твердыми коммунальными отходами присваивается на срок не более чем десять лет. Юридическое лицо может быть лишено статуса регионального оператора по основаниям, определенным Правилами обращения с отходами [8]. Помимо оснований для лишения статуса регионального оператора, Правилами обращения с отходами предусмотрены обязанности юридического лица, в отношении которого принято решение о лишении его статуса регионального оператора, которые сводятся к следующему: а) исполнять обязанности регионального оператора до дня, определенного соглашением, заключенным органом государственной власти субъекта Российской Федерации с новым региональным оператором по результатам конкурсного отбора; б) в течение 10 рабочих дней со дня определения нового регионального оператора передать ему все сведения и документы, необходимые для организации деятельности по обращению с твердыми коммунальными отходами, включая реестр договоров и копии заключенных договоров в сфере обращения с отходами.

Следует отметить, что методология тарифного регулирования в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами, как и в иных сферах жилищно-коммунального хозяйства, предусматривает возможность перераспределения суммы средств, подлежащих исключению/включению по итогам анализа органом регулирования фактических показателей деятельности регионального оператора в отчетном периоде. Указанный механизм направлен на обеспечение стабильности тарифного регулирования и не допущение резких изменений тарифов как в большую, так и в меньшую сторону.

Вместе с тем, повсеместное использование региональными органами тарифного регулирования субъектов Российской Федерации данного механизма вкупе с отсутствием в Правилах обращения с отходами [8] процедуры взыскания с регулируемых организаций экономически необоснованных средств, подлежащих исключению, в случае досрочного прекращения юридическим лицом деятельности регионального оператора, приводит к нарушению прав потребителей субъектов Российской Федерации, которые фактически лишены возможности взыскания излишне уплаченных в рамках завышенного тарифа средств.

Кроме того, действующая редакция Правил обращения с отходами[8] не предусматривает обязанность уполномоченного исполнительного органа власти при принятии решения о лишении юридического лица статуса регионального оператора по основаниям определять, в том числе наличие у регулируемой организации средств, подлежащих исключению, что приводит к ситуациям лишения статуса региональных операторов, у которых накоплена перед потребителями субъекта Российской Федерации значительная сумма денежных средств, подлежащая исключению из состава тарифов.

В этой связи ведомством прорабатывается вопрос по внесению изменений в законодательство Российской Федерации, направленных на формирование механизма компенсации регуляторного долга (изъятия экономически необоснованных средств) в случае прекращения деятельности региональных операторов и повышении мер ответственности за неустановление приборов весового контроля с целью улучшения прозрачности осуществляемых взаиморасчетов с потребителями услуг и всех участников отрасли, а также защиты нарушенных прав потребителей, оплачивающих услуги в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами.

Литература:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 04.02.2023 г. № 163 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 543» // СПС Гарант.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.06.2013 г. № 543 «О государственном контроле (надзоре) в области регулируемых государством цен (тарифов), а также изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственном контроле (надзоре) в области регулируемых государством цен (тарифов)») // СПС Гарант.
3. Приказ ФАС России от 21.11.2016 г. № 1638/16 «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых тарифов в области обращения с твердыми коммунальными отходами» // СПС Гарант.
4. Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.11.2023 г. № 1869 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СПС Гарант.
6. Положения постановления Правительства Российской Федерации от 24.05.2024 г. № 671 (до 01.09.2024 г. постановления Правительства Российской Федерации от 03.06.2016 г. № 505) // СПС Гарант.
7. Федеральный закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СПС Гарант.
8. Правила обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденными постановление Правительства Российской Федерации от 12.11.2016 г. № 1156 // СПС Гарант.
9. Итоговый доклад к расширенному заседанию Коллегии ФАС России 14–17 мая 2024 г. URL: https://fas.gov.ru/attachment/768887/download?1717747069.

Tariff Regulation of Municipal Solid Waste Management. Improvement of the Procedure of Control and Supervisory Activities

Potapova V.S.
Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation (Moscow)

The article covers issues related to the adopted innovations aimed at improving the procedure for control and supervisory activities (including simplifying the procedure for conducting supervisory activities, involving territorial bodies of the department in supervisory activities) in order to increase the effectiveness of protecting the violated rights of consumers paying for the services of regulated organizations at economically unjustified tariffs.

Keywords: solid municipal waste (SMW), tariff, state regulation of tariffs, regulatory authorities, control and supervisory activities

УДК 330.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-446-451

Проектирование компонентной структуры мобильной транспортно-логистической системы умного города



Савин Г.В.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры логистики и коммерции Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Целью исследования является определение компонентной структуры мобильной транспортно-логистической системы (ТЛС) умного города. В работе использовались предобработка данных, кодирование, стандартизация, методы машинного обучения и корреляции. Сегодня в мире принята рейтинговая оценка, которая относит существующую ТЛС к категории «мобильных». Автор анализирует мобильность в умных городах мира по собственной разработанной критериальной системе оценки трансформации умного города, а также определяет лушую модель, прогнозирующую данную категорию. Полученная модель LGBM Classifier позволяет определить основные и наиболее важные направления, которые относят современные транспортно-логитические системы к категории «мобильных» для междуанродных рейтингов. Помимо этого, автор определяет новый целевой признак – стандартизированную перегруженность ТЛС умного города, отражающую не только мобильность, но и экономичность данных систем. Новая модель CatBoost Classifier позволяет решить данную задачу классификации и уточнить компонентную структуру мобильной транспортно-логистической системы умного города для целей дальнешего их проектирования.

***Ключевые слова**: транспортно-логистическая система, умный город, критериальная система оценки, мобильность, машинное обучение, LGBM Classifier, стандартизированную перегруженность, CatBoost Classifier*

***Для цитирования:** Савин Г.В. Проектирование компонентной структуры мобильной транспортно-логистической системы умного города // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 446–451. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-424-446-451.*

Сегодня в области развития городских транспортно-логистических систем распространена практика внедрения или копирования успешных проектов, которая распространяется по всему миру [1–6]. Возникает вопрос о конструктивности и необходимости реализации собственных проектов в области совершенствования мобильности при развитии технологий Индустрии 4.0 и 5.0 [7–13]. Причиной этого является то, что важен результат изменений, который кардинально меняет структуру функционирования и позволяет получить наибольший экономический эффект или экономию.

С целью развития мобильности в транспортно-логистических системах необходмио провести анализ, какие факторы оказывают существенное влияние на ее формирование в крупных городах мира, по авторскому сформированому методологическому инструментарию развития и функционирования мобильных транспортно-логистических систем умного города в информационном пространстве Индустрии 4.0 и 5.0 [14], базирующегося на выделенных направлениях цифровизации, таких как контроль, сервисная поддержка, трансформация и взаимодействие, генерация знаний и их внедрение, транспор-

тировка, а также на восьмикритериальной системе трансформации умного города (табл. 1), что позволяет добиться наиболее эффективной адаптивной логистической координации всех процессов в городе.

Таблица 1

Критериальная система оценки трансформации умного города

Критерий	Пояснение
K1	Замена рутинных операций в области межфункционального и межорганизационного взаимодействия между экономическими агентами
K2	Достоверность, точность и безопасность передаваемой цифровой информации в реальном режиме времени
K3	Вовлечение потребителей в управление потоковыми процессами
K4	Интеллектуальные автоматизированные алгоритмы принятия решений
K5	Адаптивная эффективность (контроль трансакционных издержек согласно установленным нормам взаимодействий, рост уровня качества)
K6	Комплексность взаимодействия
K7	Открытая архитектура
K8	Динамический характер развития инфраструктуры

Проведём анализ мобильности в умных городах мира (150 ед.) [15], используя машинное обучение. Технология проведения анализа следующая:

– предобработка показателей авторской интегрированной потоковой модели транспортно-логистической системы (далее – ТЛС) умного города при генерации целевого признака (*Rm*), разделение на тренировочные, валидационные и тестовые выборки, переводим количественные данные технологией прямого (*One-Hot Encoding*) и порядкового кодирования (*Ordinal Encoding*), масштабируем данные с помощью стандартизации и добавляем полиномиальные признаки некоторых количественных данных;

– проводим исследовательский анализ с учётом корреляции признаков модели ТЛС умного города;

– решаем задачу классификации с учётом кросс-валидации, выбираем несколько моделей (Случайный лес, Логистическая регрессия, Дерево решений, градиентый бустинг *CatBoostClassifier* и *LGBMClassifier*), и перебираем гиперпараметры, рассчитываем долю правильных ответов (accuracy), решаем вопрос с дисбалансом, доводим метрику качества модели *AUC-ROC* >= 0,85;

– тестируем лучшую модель и сравниваем ее с необученной копией.

Анализ в разрезе выделенных критериев (*K1, K2, K3, K4, K7, K8*) и целевого признака мобильности приведём на рисунке 1.

По данным критериям цифровизации для умных городов характерны законотворческие инициативы, инвестиции в ИКТ, облачную инфраструктуру, телекоммуникации и безопасность программного обеспечения, высокие затраты на НИОКР. Помимо этого для них важно развитие сетей *4G* и *5G*, волоконнооптических сетей, защищённых интернет-серверов, развитие мобильного широкополосного доступа, высокая степень проникновения смартфонов и доступность широкополосной сети, а также популяризация среди граждан сети Интернет и формирование новых бизнес-моделей.

На комплексных критериях *K5, K6* остановимся более подробно. Оценка с позиции адаптивной эффективности учитывает следующие критерии (рис. 2).

Умная мобильность по критерию *K5* характерна для безопасных транспортно-логистических систем, в которых высокая покупательская способность, ведётся работа по экологизации городской среды. Уровень временного трафика все же высокий по причине роста городского населения при текущем тренде урбанизации.

С позиции комплексности *K6* выделим две основные линии направлений исследования с позиции: «умности», макроэкономических факторов и трендов устойчивого развития (рис. 3), а также мобильности (рис. 4).

Для городов с высоким показателем мобильности характерны высокий уровень ВВП по паритету покупательской способности и исследований. В основу ТЛС умного города с позиции мобильности заложен умный человек, гибкая и технологичная система управления всеми процессами и приспособляемость человека к нововведениям, а также грамотное городское планирование. Весомыми характеристиками выступают развитие систем паркинга и управления трафиком, экологичность транспорта, поощрение и стимулирование инновационной ак-

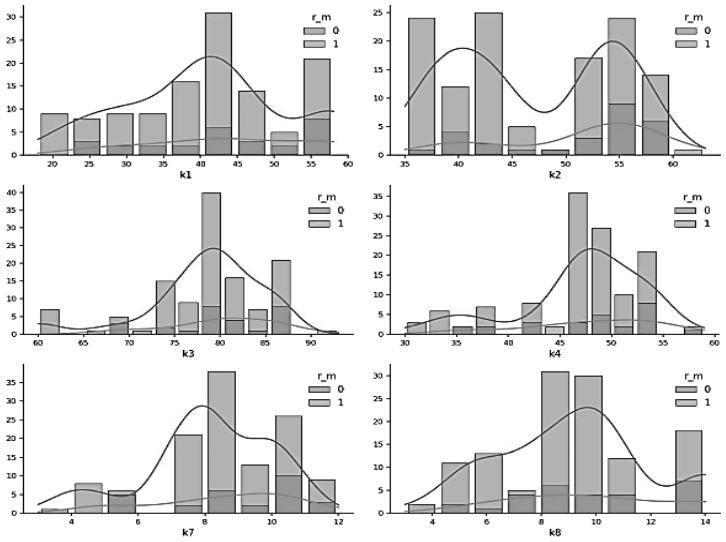


Рис. 1. Влияние критериев цифровизации на мобильность в городе

тивности, развитие и совершенствование электронных систем оплаты, направления стимулирования мобильности граждан.

Время поездки в одном направлении выступает важнейшим показателем для оценки развития мобильности. Превалируют ТЛС умного города, в которых уровень передвижения незначителен (до 30 мин.), а также в них невысокая скорость передвижения (до 30 км/ч).

Важным показателем отнесения города к мобильной категории выступает стимулирование работы на дому, пешие прогулки, более низкий показатель использования личного автотранспорта, а также наиболее интенсивное использование средств индивидуальной мобильности (СИМ). В умных и мобильных городах для общественного транспорта критичны время ожидания и длительность поездки.

Опишем предлагаемые модели машинного обучения и полученные результаты (табл. 2).

В итоге отразим основной результат модели *LGBM Classifier* на тренировочной и валидационной выборках, определяющей с точностью 94,4 % лучший результат *AUC-ROC* – 98 %. Используем технологию борьбы с дисбалансом. Оценка качества данной модели на тестовой выборке: *AUC-ROC* – 95 % (рис. 5), *Accuracy* – 92 %. Оценка качества константной модели на тестовой выборке: *AUC-ROC* – 48 %, Accuracy – 68 %.

Данные расчёты и выбор категории «умности» выступают общепринятым трендом в мировой практике. Предложим свой авторский целевой признак, на основании которого можно отнести город к данной категории, – стандартизированная перегруженность ТЛС умного города.

Приведём различия и силу влияния критериев цифровизации *K1, K2, K3, K4, K5, K6, K7, K8* на мобильность в ТЛС умного города при авторском критерии (рис. 6).

В итоге выделим существенные различия при отнесении ТЛС к категории «мобильных»: передача данных в реальном режиме времени, развитие интеллектуальных систем управления в городах, где большое внимание уделяется экологии, сокращение дистанции передвижения без «пробок», в городах с уровенем дохода существенно выше среднего уровня по стране. Также важна комплексность взаимодействия и контролируемое развитие СИМ.

Проведём исследование по отнесению ТЛС умного города к категории «мобильных» по авторскому критерию, в которых существенно меньше потери для каждого экономического агента в год (табл. 3).

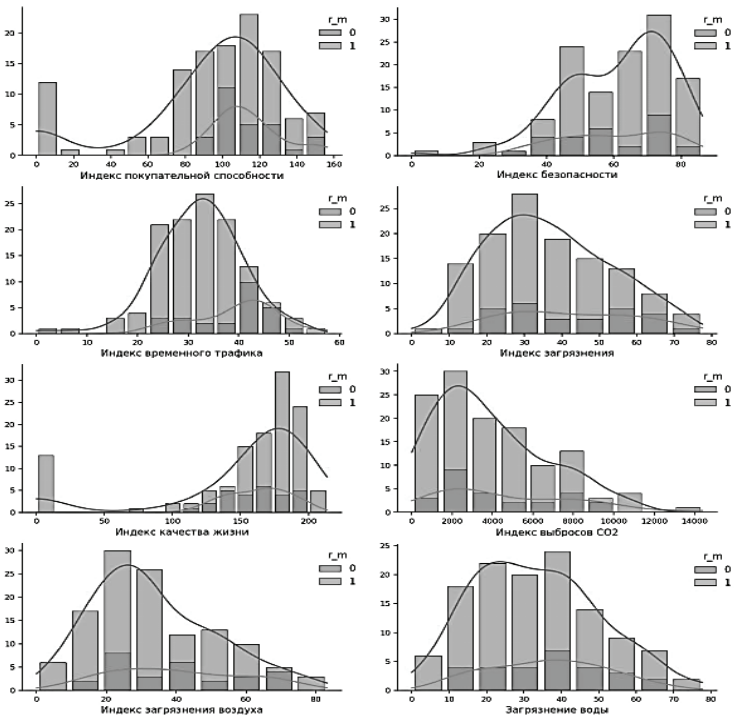


Рис. 2. Влияние критерия цифровизации *K5* на мобильность в городе

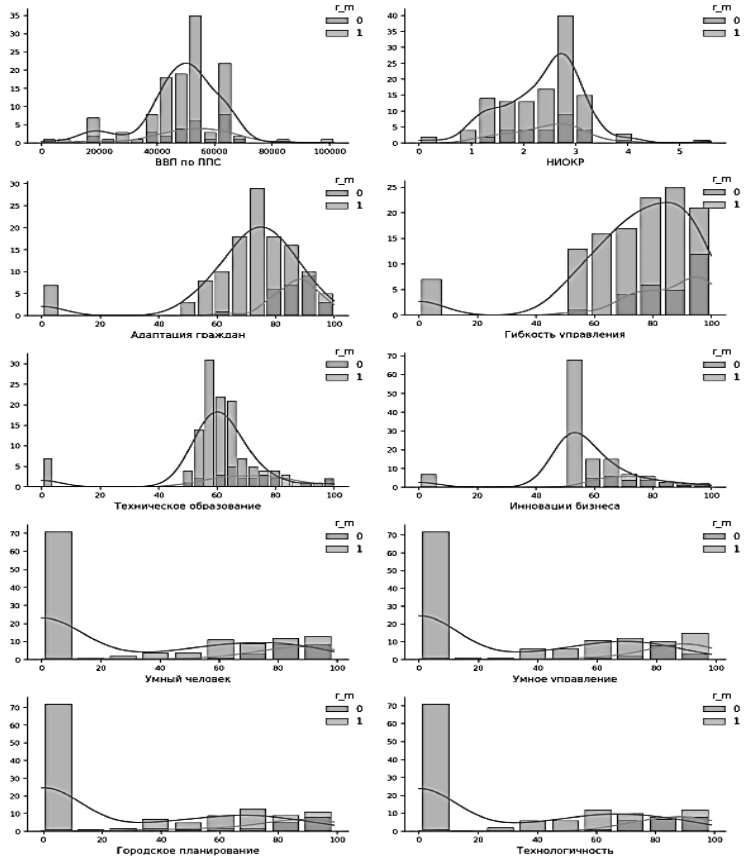


Рис. 3. Влияние комплексного критерия цифровизации *K6* на мобильность в городе с позиции «умности», макроэкономических факторов и трендов устойчивого развития

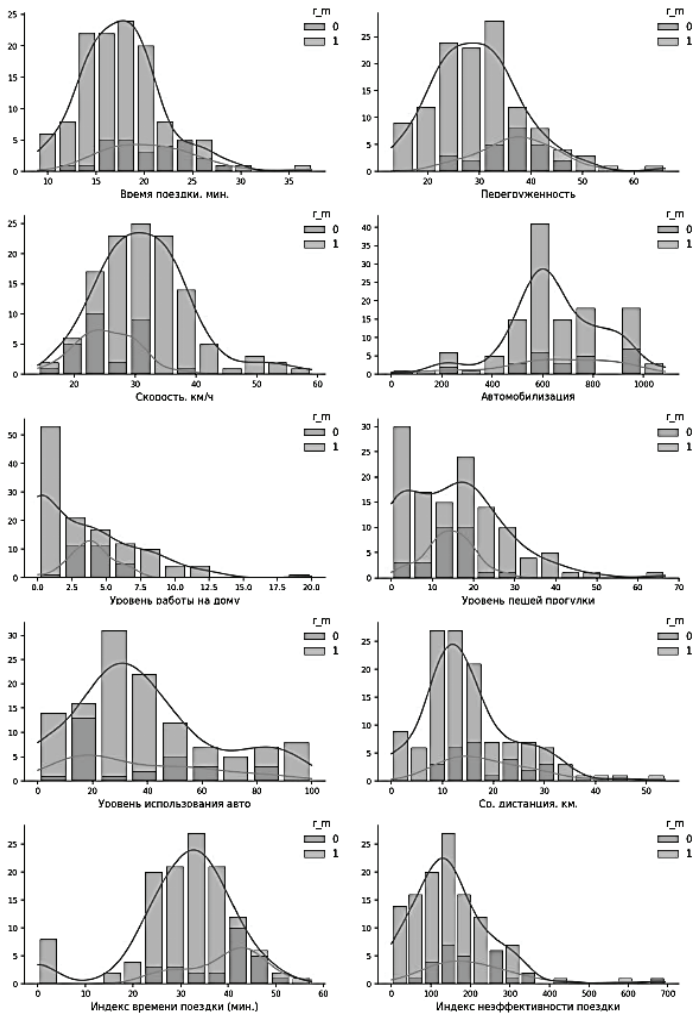


Рис. 4. Влияние комплексного критерия цифровизации *K6* на мобильность в городе с позиции мобильности

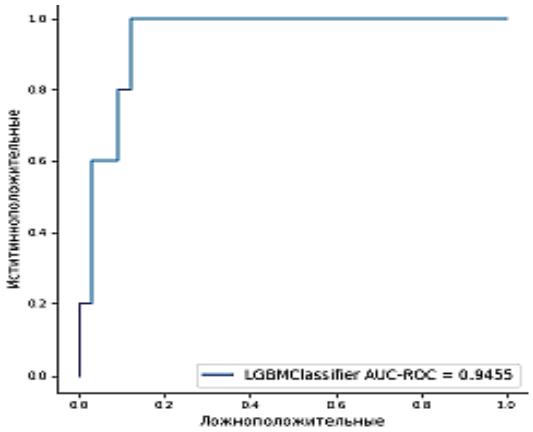


Рис. 5. *ROC*-кривая *LGBM* модели, относящих ТЛС умного города к категории «мобильных»

Таблица 3

Модели классификации для оценки мобильности ТЛС «умного города» и их гиперпараметры

Гиперпараметры	Случайный лес	Дерево решений	*CatBoost Classifier*	*LGBM Classifier*	Логистическая регрессия
Результаты					
AUC-ROC	0,920	0,950	0,983	0,982	0,824
Accuracy	0,967	0,972	0,989	0,978	0,811

В итоге отразим основной результат модели *CatBoost Classifier* на тренировочной и валидационной выборках, определяющей с точностью 98,9 % лучший результат *AUC-ROC* – 98,3 %. Используем также технологию борьбы с дисбалансом. Оценка качества данной модели на тестовой выборке: *AUC-ROC* – 99,54 % (рис. 7), Accuracy – 95 %. Оценка качества константной модели на тестовой выборке: *AUC-ROC* – 44 %, *Accuracy* – 63 %.

В заключение отметим, что на развитие показателя мобильности и сокращение затрат для каждого экономического агента в первую очередь оказывают факторы: умная среда, человек, экономика, управление и городское планирование. На рост скорости влияют – инвестиции в ИКТ, а также сокращение времени простоев. Лучшей моделью,

Таблица 2

Модели классификации для оценки мобильности ТЛС «умного города» и их гиперпараметры

Гиперпараметры	Случайный лес	Дерево решений	*CatBoost Classifier*	*LGBM Classifier*	Логистическая регрессия
Глубина	1-200				
Минимальный размер выборки		1-105			
Минимальное количество выборок для разделения конечного узла		1-105			
Количество деревьев	1-105			1-105	
Количество повышающих итераций			1-105		
Балансировка классов	Да	Да		Да	Да
Функция смещения					Да
Результаты					
AUC-ROC	0,975	0,938	0,977	0,980	0,909
Accuracy	0,978	0,894	0,933	0,944	0,867

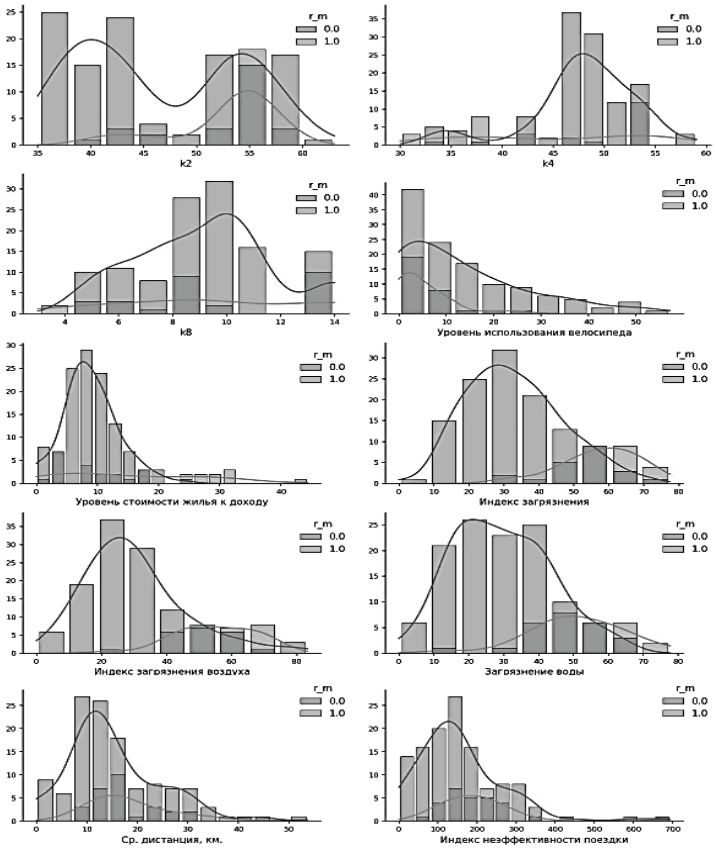


Рис. 6. Влияние критериев цифровизации на мобильность в городе по авторскому критерию

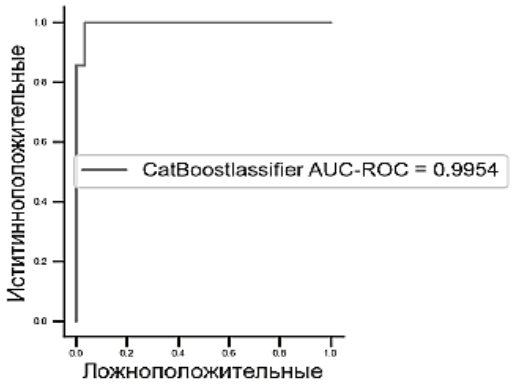


Рис. 7. *ROC*-кривая *CatBoost Classifier* модели, относящих ТЛС умного города к категории «мобильных и экономичных»

прогнозирующей категорию мобильности, а также экономичности для ТЛС умного города, выступает модель градиентного бустинга *CatBoost*, которая с точностью 95 % обеспечит лучшее качество прогноза *AUC-ROC* – 99,54 % (глубина – 1, количество итераций – 105).

Литература:

1. Булгаков С.В. Интеллектуализация логистики // Наука и технологии железных дорог. 2024. Т. 8. № 2 (30). С. 27–34.
2. Илясова Е.В. Реализация концепции «умный город» в развитии территорий // Аудитор. 2024. Т. 10. № 10. С. 29–35.
3. Шульженко Т.Г., Жук А., Иванова Д.П. Логистика новой городской мобильности: ценностно ориентированный подход. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2023. 546 с.
4. Andreas K. Sustainability and new technologies: last-mile delivery in the context of smart cities // Sustainability. 2024. Vol. 16. № 18. P. 8037.
5. Bielecki M., Galińska B., Tokarski D. Determinants and trends of logistics paradigms in industrial revolutions // Economics and Environment. 2024. Vol. 90. № 3. P. 780.
6. Goumiri S., Yahiaoui S., Djahel S. Smart Mobility in Smart Cities: Emerging challenges, recent advances and future directions // Journal of Intelligent Transportation Systems. 2023. P. 81–117. URL: https://doi.org/10.1080/15472450.2023.2245750
7. Булатова Н.Н., Дудин В.С., Алексеев А.В. Формирование цифровой экосистемы региональной транспортно-логистической инфраструктуры // π-Economy. 2024. Т. 17. № 3. С. 68–80.
8. Зырянов В.В., Семчугова Е.Ю., Караева М.Р., Костенко А.А. Повышение качества прогнозирования объемов перевозок с использованием нейронных сетей // Мир транспорта и технологических машин. 2024. № 1-3 (84). С. 27–34.
9. Карелина М.Ю., Грязнов М.В., Акулов А.А., Соловьев Н.В. Разработка математической модели ожидания рисков при логистических транспортных перевозках на конкретном примере // Транспортное дело России. 2024. № 4. С. 207–209.
10. Трегубов В.Н. Особенности обмена информацией в логистических сетевых структурах // Факторы укрепления социально-экономического и интеллектуального суверенитета России: [колл. моногр.] / [колл. авт.]; под общ. ред. Е.Г. Жулиной. Саратов: Амирит, 2024. 257 с. С. 91–106.
11. Щёголева Т.В., Андросов С.И., Ляпин Д.О. Синергетический подход к интеграции управления, логистики и предпринимательства в рамках цифровой трансформации // Развитие малого предпринимательства в Байкальском регионе. Материалы 6-й межд. науч.-практ. конф. Иркутск, 2024. С. 254–258.
12. Afanasenko I.D., Borisova V.V. Artificial intelligence in digital type logistics systems // Advances in Research on Russian Business and Management. 2021. P. 233–240.
13. Behrendt F., Sheller M. Mobility data justice // Mobilities. 2023. P. 151–169. URL: https://doi.org/10.1080/17450101.2023.2200148.

14. Савин Г.В., Савина В.В. Построение интегрированной потоковой модели транспортно-логистической системы умного города // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31. № 12. С. 87–92.
15. EasyPark Smart City Index 2025. URL: https://www.easyparkgroup.com/smart-cities-index (дата обращения: 20.12.2024).

Designing the Component Structure of the City Mobile Transport and Logistics System

Savin G.V.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The purpose of the study is to determine the component structure of the mobile transport and logistics system (TLS) of a smart city. The work used data preprocessing, coding, standardization, machine learning methods and correlations. Today, a rating assessment has been adopted in the world, which classifies the existing TLS as "mobile." The author analyzes mobility in smart cities of the world according to his own developed criterion system for assessing the transformation of a smart city, and also determines the best model that predicts this category. The resulting LGBM Classifier model allows you to determine the main and most important areas that classify modern transport and logic systems as "mobile" for international ratings. In addition, the author defines a new target feature – the standardized congestion of the smart city TLS, reflecting not only the mobility, but also the efficiency of these systems. The new CatBoost Classifier model allows you to solve this classification problem and clarify the component structure of the mobile transport and logistics system of a smart city for their further design.

Keywords: transport and logistics system (TLS), smart city, criterion assessment system, mobility, machine learning, LGBM Classifier, standardized congestion, CatBoost Classifier

УДК 351.81
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-452-459

Формирование системы мониторинга для оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере



Темникова Ю.Ю.
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Москва)

Формирование системы мониторинга для оценки развития механизмов коммуникации между органами исполнительной власти г. Москвы и гражданским обществом в транспортной сфере имеет высокую актуальность для развития столичной дорожно-транспортной сферы, поскольку более эффективная коммуникация между властями и населением позволяет объективнее оценивать потребности пользователей транспорта, что способствует выработке проблемно ориентированной стратегии развития отрасли и, как следствие, улучшению качества предоставляемых услуг. Целью статьи является определение этапов разработки и структуры системы мониторинга для комплексной оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере.

Тема статьи представляется достаточно актуальной в современных условиях, особенно в аспекте необходимости развития гражданского общества в РФ и повышения эффективности его коммуникации с органами государственной власти. В статье приведены результаты исследования данного вопроса на примере отдельного населенного пункта – города федерального значения, и конкретной отрасли (транспорта), с которой непосредственно и ежедневно взаимодействует значительное число конкретных граждан. При этом город Москва, как населенный пункт, обладает специфическими особенности вообще и в сфере транспортного обслуживания населения, в частности. Многие решения проходят здесь апробацию и затем транслируются в другие города России.

Ключевые слова: *мониторинг, система мониторинга, транспортная сфера, коммуникации органов власти и гражданского населения, механизмы коммуникации органов исполнительной власти в транспортной сфере*

Для цитирования: *Темникова Ю.Ю. Формирование системы мониторинга для оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 452–459. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-452-459.*

Транспортная сфера г. Москвы подвержена непрерывным трансформациям, которые обусловлены влияющими на нее социально-экономическими факторами, технологическими обновлениями, изменением демографической ситуации, экологическими требованиями и др. В данных условиях возникает необходимость быстро реагировать на данные изменения и адаптировать с их учетом политики раз-

вития столичной транспортной системы. Коммуникация с населением дает возможность собирать и анализировать данные о состоянии транспортной инфраструктуры, уровне удовлетворенности граждан и других важных показателях, что поможет в принятии обоснованных решений. Эффективная коммуникация содействует предотвращению конфликтных ситуаций между пользователями городской дорожно-транспортной инфраструктуры и органами исполнительной власти в сфере транспорта, которые зачастую возникают из-за дефицита информации или непонимания гражданами сущности и причин происходящих изменений в транспортной сфере.

Однако для того, чтобы система коммуникации сохраняла свою эффективность, необходим регулярный мониторинг и оценка в данной области. Формирование системы мониторинга для оценки развития механизмов коммуникации между органами исполнительной власти г. Москвы и гражданским обществом в транспортной сфере имеет высокую актуальность для развития столичной дорожно-транспортной системы, поскольку более эффективная коммуникация между властями и населением позволяет объективнее оценивать потребности пользователей транспортной сферы, что способствует выработке проблемно ориентированной стратегии развития отрасли и, как следствие, улучшению качества предоставляемых услуг. Система мониторинга дает возможность обеспечить прозрачность действий органов власти, что содействует повышению доверия граждан к государственным институтам, а активное вовлечению граждан в процесс обсуждения качества работы транспортной системы и актуальных направлений ее развития, способствует созданию более эффективных и адаптированных к реальным потребностям транспортных решений. Целью данной статьи является определение этапов разработки и структуры системы мониторинга для комплексной оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере.

Мониторинг представляет собой систему пролонгированных регулярных наблюдений, комплексной оценки и прогноза вероятных изменений состояния наблюдаемого объекта. Содержание процесса мониторинга включает в себя непосредственно систематическое наблюдение, а также анализ и оценку наблюдаемых явлений и процессов [1, с. 110]. В федеральном законодательстве под мониторингом понимается режим дистанционного государственного контроля, который предусматривает получение и анализ информации о деятельности граждан и организаций и используется для предотвращения причинения ущерба ценностям, охраняемым законодательством. Мониторинг проводится с использованием технических средств и автоматизированных информационных систем и основывается на добровольном участии контролируемых лиц на условиях соглашения и регулируется положением о виде контроля и соглашением между контрольным органом и контролируемым лицом, срок которого составляет не менее года. Следует также отметить, что мониторинг осуществляется на основании решения контрольного органа, которое принимается по результатам оценки соответствия контролируемого лица требованиям и готовности к информационному взаимодействию [2].

Мониторинг в системе государственного и муниципального управления представляет собой процесс регулярного сбора и анализа информации в целях наблюдения и контроля над ходом функционирования и развития определенного социального явления или процесса. Мониторинг является неотъемлемой частью управленческого цикла, обеспечивающей обратную связь и оценку эффективности методов управления [3, с. 215]. В качестве основной цели мониторинга выступает повышение эффективности управления посредством выявления, прогнозирования и корректировки отклонений и принятия управленческих решений на основе полученных данных.

В настоящее время при разработке теоретических и прикладных аспектов мониторинга используется системный подход как метод специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем [4, с. 166]. Данный подход ориентирует разработку системы мониторинга как целостного объекта, обеспечивающего направленность его механизмов на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину. Системный подход позволяет рассматривать мониторинг как единую систему, комплекс взаимосвязанных элементов, объединенных общими целями, задачами и принципами, основанными на идеях обеспечения управления своевременной и достоверной информацией в целях организации эффективного функционирования и развития управляемого объекта и его элементов [1].

Система мониторинга дорожно-транспортной сферы городских агломераций выступает как специализированная многокомпонентная структура, которая фокусируется на сборе и анализе данных о состоянии дорожного движения, транспортной инфраструктуры и транспортных потоков в городских агломерациях. Эта система может включать в себя использование датчиков, камер, *GPS*-устройств и других технологий для отслеживания движения автомобилей, общественного транспорта, пешеходов и велосипедистов. Целью такой системы является улучшение управления транспортом, повышение безопасности на дорогах, оптимизация транспортных потоков и снижение негативного воздействия на окружающую среду.

По данным источников, значение системы мониторинга и комплексной оценки для развития дорожно-транспортной сферы городских агломераций заключается, в первую очередь, в обеспечении возможности в режиме реального времени отслеживать состояние дорожно-транспортной сети и анализировать причины нештатных ситуаций, что, безусловно, дает большие возможности, позволяя решать локальные проблемы на этапе их возникновения и быстро устранять их, затратив минимальные ресурсы [5, с. 48]. Кроме того, цифровые системы мониторинга оказывают существенную помощь органам власти в балансировке нагрузки на городскую транспортную инфраструктуру. Например, система помогает ставить на загруженный маршрут больше общественного транспорта или, наоборот, снимать с маршрута избыточные ресурсы. С точки зрения стратегического управления, это дает возможность принимать решения о необходимости изменений в инфраструктуре. Например, о расширении дорог на маршрутах или создании новых выделенных дорожных полос.

Для пользователей дорожно-транспортной инфраструктуры система цифрового мониторинга также имеет большое значение, поскольку дает возможность повысить эффективность планирования маршрута с учетом актуальных данных. Так, система позволяет определять не только местонахождения транспортных средств, но и их загруженность. В случае сильной загрузки транспорта пассажир может спланировать альтернативный маршрут до необходимого места назначения. В целом, система мониторинга и комплексной оценки способствует развитию дорожно-транспортной сферы городских агломераций, делая её более удобной и безопасной для населения.

Москва активно внедряет цифровые технологии в транспортный сектор. Так, внедрены интеллектуальные транспортные системы (ИТС), мобильные приложения для общественного транспорта, интеллектуальная парковочная система и система обмена велосипедами, для оптимизации транспортной системы активно используется аналитика больших данных, внедрение автономных транспортных средств и интеграция различных видов транспорта. В целом, безусловно, уровень и содержание цифровизации транспортной системы в Москве служит образцом для других городов, демонстрируя преимущества инновационных решений [4, с. 46].

Что же касается непосредственно системы мониторинга для комплексной оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере, то, очевидно, что она должна играть ключевую роль как в повышении эффективности взаимодействия органов власти с пользователями столичной дорожно-транспортной инфраструктуры, так и в оптимизации процессов функционирования и развития сферы московского транспорта в целом. Обеспечение обратной связи между гражданами и властями помогает выявлять проблемы и потребности населения, открытость данных о транспортной инфраструктуре и услугах способствует росту доверия со стороны граждан за счет повышения прозрачности принимаемых управленческих решений и предпринимаемых действий по улучшению сферы транспорта. Кроме того, систематический анализ данных, полученных в результате мониторинга, позволяет выявлять узкие места и принимать обоснованные решения для улучшения транспортной системы, а активное вовлечение граждан в процесс принятия решений способствует формированию более эффективных стратегий развития дорожно-транспортной сферы.

Однако проведенный анализ литературы и актуальных источников позволил выявить, что в интенсивно развивающейся системе цифрового мониторинга дорожно-транспортной серы Москвы на данный момент мониторингу и комплексной оценке развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти Москвы и гражданского общества уделяется недостаточно внимания. Мониторинг в сфере столичного транспорта в большей степени ориентирован на предоставление информации разным группам пользователей [5, с. 47]. Это вполне закономерно и обусловлено тем, что для Департамента транспорта города Москвы в первую очередь необходим доступ к данным об актуальном значении интегральных критериев состояния транспортной инфраструктуры в целом. В то же время для пассажиров в основном интересна информация о конкретном маршруте и даже конкретном транспортном средстве (его загруженности, времени прибытия и др.) [5].

Следует отметить, что на федеральном уровне в рамках реализации «Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти», утвержденной Правительством Российской Федерации в 2014 г., проводится ежегодный мониторинг с целью информирования органов власти, Правительства РФ и гражданского общества о ходе реализации концепции. Основными методами мониторинга открытости органов власти являются самоанализ федеральными органами исполнительной власти достигнутых результатов по внедрению и развитию механизмов открытости, экспертная оценка эффективности внедрения механизмов (инструментов) открытости и социологические исследования по изучению уровня доверия и удовлетворённости граждан уровнем открытости федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) [6]. Так, в 2023 г. 15 ведомств получили высокий уровень открытости, среди них Росстат, Росавтодор, Рослесхоз и ФТС России получили максимальный рейтинг. Органы власти продолжают разрабатывать сайты и публиковать информацию, при этом средняя оценка офици-

альных сайтов составила 20,3 балла, 46 из 50 ФОИВ ответили на запросы граждан. Кроме того, по данным мониторинга, выросли показатели по коммуникации с гражданами через соцсети (35 органов власти можно найти в соцсетях, в 2023 г. 25 ведомств ответили на запросы журналистов). Однако в докладе Счетной палаты г. Москвы отмечено, что существует ряд проблем в сфере коммуникации органов власти с населением, в частности, продолжительное техническое обслуживание портала *Data.gov.ru* снизило доступность данных, а общественные советы при ФОИВ стали реже размещать информацию и проводить заседания. Органам исполнительной власти были даны рекомендации создавать и поддерживать тематические разделы с информацией [7].

Если говорить непосредственно о системе столичного мониторинга, то следует отметить, что органами исполнительной власти ежеквартально проводится исследование «Мониторинг удовлетворённости работой московского транспорта», в котором участвует около 3500 респондентов, оценивающих работу всех видов транспорта Москвы [8]. Результаты ежеквартального мониторинга помогают понять реальный уровень удовлетворённости гражданского населения работой московского транспорта и выявить недостатки, вызывающие наибольшую обеспокоенность пользователей пассажирского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры.

Однако, на наш взгляд, система мониторинга для комплексной оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти Москвы и гражданского общества в транспортной сфере должна учитывать весь спектр задач, ожиданий, требований, функциональных особенностей каждой (с учетом социально-демографических характеристик) группы пользователей городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры. При этом данная система должна учитывать не только инфраструктурные изменения и отношение к ним пользователей городской дорожно-транспортной инфраструктуры, но и оценку пользователями влияния развития транспортной инфраструктуры на экономику, экологию и взаимное влияние различных видов пассажирского транспорта.

Система мониторинга может использовать индикаторы объективной оценки характеристик объектов мониторинга («жёсткие» показатели) и индикаторы оценки, формируемые на основе субъективного мнения пользователей по отношению к характеристикам объекта мониторинга («мягкие» показатели), на основании которых будет производиться сравнительный анализ целевых и фактических значений показателей. Они отражают уровень развития пассажирской транспортной инфраструктуры, велосипедной и пешеходной инфраструктуры.

Например, к «жёстким» показателям относятся: интенсивность движения моторизированных и немоторизированных транспортных средств и пешеходов, безопасность, рассчитываемая по статистике аварийности с учётом характеристики участников дорожного движения, фактическая протяжённость дорог и др. [9]. Результаты мониторинга должны обеспечивать полноту предоставляемой информации для всех ассоциированных с развитием транспортной инфраструктуры субъектов, что обеспечит согласованность их действий и снизит затраты на исследования и процессы управления развитием городской инфраструктуры.

Именно поэтому одной из задач настоящего исследования стала разработка системы мониторинга для комплексной оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере.

Процесс разработки такой системы включает в себя ряд последовательных шагов (рис. 1).

Этап исследование потребностей включает в себя анализ текущего состояния коммуникации и выявление ключевых заинтересованных сторон (пользователи столичной дорожно-транспортной инфраструктуры, власти, эксперты). На этапе целеполагания на основании проведенного исследования формулируются цели и задачи мониторинга, отражающие потребность властей в объективной оценке удовлетворенности граждан, выявлении проблемных зон и т.д. На этапе разработки методологии происходит определение методов сбора и анализа данных (опросы, интервью, фокус-группы, веб-скрейпинг социальных сетей и т.д.). Этап создания цифровой платформы для мониторинга предполагает разработку IT-решений для сбора, хранения и обработки данных, а также для визуализации результатов мониторинга. На этапе тестирования и пилотирования производится запуск тестовой версии системы мониторинга на ограниченной выборке для выявления недостатков и доработки. Запуск и масштабирование системы предполагает полноценный запуск системы с последующим расширением функционала на основе полученного опыта.

Структура системы мониторинга включает в себя четыре подсистемы (модуля), среди которых модуль сбора данных (анализ и классификацию (сегмен-

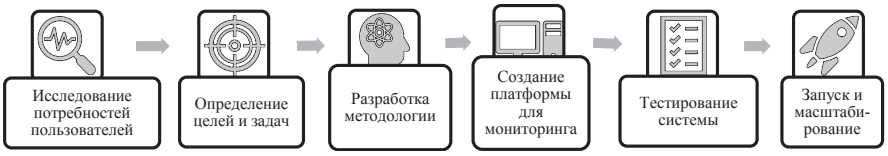


Рис. 1. Этапы разработки системы мониторинга для комплексной оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере

тацию) основных групп пользователей городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры с учетом их социально-демографических характеристик, опрос пользователей транспортной системы Москвы, веб-скрейпинг социальных сетей и новостных ресурсов); инструментальный модуль (аналитическая платформа, инструментарий для обработки и анализа собранных данных (статистические методы), модули для визуализации результатов (интерактивные карты, графики)); модуль обратной связи (платформы для подачи предложений и жалоб от граждан, механизмы для информирования граждан о принятых мерах на основе их отзывов, генерация отчетной документации); модуль деловой консолидации (программы обучения для сотрудников органов власти по работе с системой, инициативы по вовлечению граждан в процесс мониторинга (например, волонтерские программы)). Структура системы мониторинга представлена на рисунке 2.

В рамках исследования было разработано содержание первого модуля – модуля сбора данных, который включает в себя регулярные (не реже двух раз в год) опросы и анкетирования граждан; мониторинг социальных сетей и новостных ресурсов; анализ профилей групп пользователей. Следующие модули комплектуются в зависимости от выявленных в рамках реализации первого модуля проблем и поставленных задач функционирования и развития транспортной системы.

Сегментация пользователей. В рамках информационно-аналитического модуля было организовано выявление и классификация (сегментация) основных групп пользователей городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры с учетом социально-демографических характеристик. Критериями сегментации стали шесть основных подходов: классификация на основе цели и причин поездки; в соответствии с выбранным видом транспорта; на основе доступности транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры; на основе социальных характеристик; на основе потребления услуг определённого типа; на основе регулярности совершаемых поездок. Ниже представлены варианты классификации (сегментации).

Сегментация на основе цели и причин поездки

• Цель поездки
  – домой,
  – на работу,
  – в школу,
  – деловая,
  – за покупками,
  – прочее.
• Причина поездки и способ передвижения
  – короткое время в пути,
  – низкая стоимость,
  – мобильность,
  – безопасность,
  – удобство,
  – доступность,
  – другое.
• Время в пути
  – на общественном транспорте,
  – на личном транспорте.
• Стоимость поездки
  – на общественном транспорте,
  – на личном транспорте.

Сегментация на основе вида транспорта

– пешеходы,
– велосипедисты,
– пользователи комплексным транспортом,
– автомобилисты.

Сегментация на основе доступности транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры

– доступность общественного транспорта, включая стоимость проезда на такси,
– стоимость владения личным транспортом и барьеры для его использования,
– эффективность передвижения личного транспорта и заторы на дорогах,
– экологическую безопасность, воздействие на окружающую среду транспорта, включая грузовой транспорт,
– грузовые перевозки по дорогам общего пользования,
– предсказуемость времени в пути,
– безопасность движения,
– пешеходная инфраструктура.

Сегментация на основе социальных характеристик

– работающие ежедневно (5/2),
– работающие в гибком режиме,
– студенты,
– пенсионеры,
– временно безработные.

Сегментация на основе потребления услуг определённого типа

– автомобилисты (включая каршеринг),



Рис. 2. Структура системы мониторинга для комплексной оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере

– наземный общественный транспорт + метро или МЦК,

– электрички (включая МЦД) из Подмосковья + любой ОТ («москвичи» из Зеленограда тоже подойдут),

– самокатчики, велосипедисты,

– трудовые поездки: дом – работа,

– служебные /деловые поездки, совершаемые в рабочее время в связи с производственной необходимостью.

Сегментация с учетом регулярности поездок

– ежедневное использование в «часы пик»,

– использование в течение рабочего дня,

– поездки к местам учебы,

– нерегулярное использование.

За основу был взят вариант классификации на основе потребления услуг определенного вида. На базе данного варианта была создана объединенная классификация, включающая в себя 6 групп пользователей: пешеходы, автомобилисты, пассажиры общественного транспорта, велосипедисты, пользователи СИМ, пассажиры такси. Вариант сегментации на основе объединенного подхода представлен на рисунке 3.

Выбранный вариант на основе объединенного подхода включает по каждому сегменту планирование маршрута (поездки), осуществление маршрута (поездки), расчет стоимости маршрута (поездки) и его оценку.

Анализ структуры и содержания информации (блогов, сайтов, социальных сетей) при помощи механизмов веб-скрейпинга (парсинга) позволил выделить следующие основные типы публикаций по тематике пользования населением городским транспортом и дорожно-транспортной инфраструктурой:

Сайты. Информация публикуется на специализированных или информационных сайтах (в скобках приведены примеры таких сайтов):

1) публикации официальной информации федеральных и городских органов власти;

2) публикации организаций и предприятий сферы городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры;

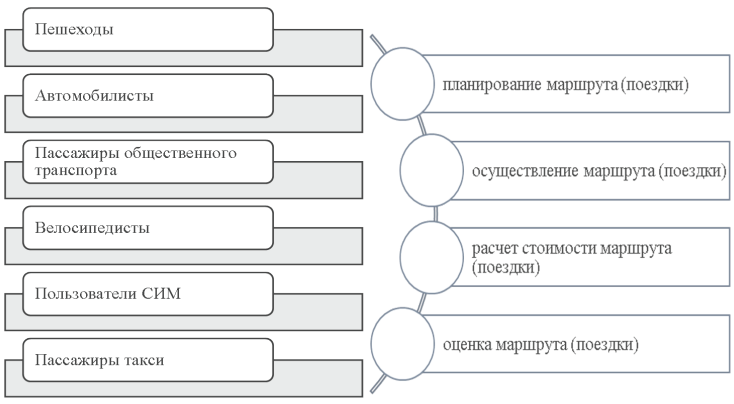


Рис. 3. Вариант сегментации пользователей столичной транспортной сферы на основе объединенного подхода

3) публикации об исследованиях проблем городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры;

4) публикации средств массовой информации о новостях сферы городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры;

5) публикации о мероприятиях в сфере транспорта, проводимых государственными и общественными организациями, отраслевыми организациями и предприятиями, научными организациями;

6) публикации об опросах, обсуждениях проблем городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры с населением Москвы.

Блоги

1) блоги официальных лиц;

2) блоги сообществ пользователей отдельных видов городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры.

Социальные сети

1) страницы в социальных сетях;

2) новостные ленты в социальных сетях;

3) каналы в Телеграм;

4) форумы пользователей городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры;

5) страницы сообществ пользователей отдельных видов городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры.

Описание сценариев пользования населением городским транспортом и дорожно-транспортной инфраструктурой.

Наиболее характерными сценариями использования и/или выбора городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры для одной поездки являются:

1. Регулярный маршрут (набор регулярных маршрутов, которые совершаются ежедневно или по рабочим/нерабочим дням в определенное время суток и с определенной целью поездки).

2. Маршрут выходного дня (поездка по новому маршруту с использованием и/или выбором одного или различных видов транспорта вида транспорта стандартной/повышенной комфортности).

3. Непредвиденная ситуация (изменение запланированного маршрута вследствие непредвиденной ситуации с выбором наименее продолжительной или оптимизированной по времени, стоимости и комфортности поездки).

4. Новый маршрут (выбор использования и/или выбора транспорта по новому маршруту, оптимизированного по цене, по продолжительности и комфортности поездки).

5. Стоимость поездки (использование или выбор транспорта по оптимизированной цене и/или по комфортности поездки).

6. Обратная связь (оценка опыта, достоинств и недостатков использования городского транспорта и инфраструктуры с уче-

том доступности, удобства и стимулирования взаимодействия с городскими органами власти и специализированными организациями).

В рамках реализации аналитического модуля была проведена разработка профилей каждой группы пользователей городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры с целью определения задач, ожиданий, требований, функциональных особенностей данных групп пользователей.

При разработке профилей каждой группы пользователей, с целью проведения последующего мониторинга использовалась следующая технология:

1. Формирование списка ключевых слов.
2. Анализ публикаций в СМИ и соцсетях.
3. Оценка удовлетворенности групп пользователей (по сегментам).
4. Анализ профилей групп пользователей.
5. Формирование аналитических отчетов по каждой группе пользователей.

Рассмотрим приведенный алгоритм подробнее.

1. Формирование списка ключевых слов

Список ключевых слов составляется на базе разработанных сценариев использования и/или выбора городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры и включает в себя часто используемые словосочетания и глаголы-действия, которые употребляют представители групп пользователей. Пример такого списка для сегмента «Пассажиры общественного транспорта» приведен в таблице 1.

2. Анализа СМИ и соцсетей

Для анализа ключевых систем мониторинга, таких как Медиалогия, Бренд Аналитикс, Интегрум, IQBuzz, необходимо формирование системы тестовых заданий, в рамках данного исследования выбрана система с релевантным контентом и высокой гибкостью инструмента.

3. Разработка инструментария оценки удовлетворенности групп пользователей

На основании ключевых слов производится разработка инструментария, который позволяет в реальном времени отслеживать информационную активность каждой группы пользователей, а также проводить ретроспективный и сравнительный анализ.

4. Проведение анализа профилей групп пользователей

Далее полученный информационный контент подвергается фильтрации нерелевантной информации по каждой группе пользователей по следующим параметрам:

- количество и рейтинг публикаций по каждой групп,
- динамика ключевых показателей (сообщения, вовлеченность, аудитория, СМ индекс),
- тональность,
- типы соцмедиа,
- авторы публикаций,
- соцдем авторов,

Таблица 1

Список ключевых слов на базе разработанных сценариев использования и/или выбора городского транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры для сегмента «Пассажиры общественного транспорта»

Словосочетания	Глаголы
метро	пользоваться ехать ездить
маршрут	пользоваться знать узнать построить планировать рассчитать менять траснпорт наземный транспорт
общественный транспорт	пользоваться ездить предпочитать оценивать
приложение	использовать заходить открыть платить
автобус	пользоваться ехать ездить ходить
МЦК / МЦД / БКЛ / Д2	пользоваться пересаживаться переходить ехать ездить
Тройка карта Тройка	пользоваться платить оплачивать комбинировать

- эмоции,
- хэштеги.

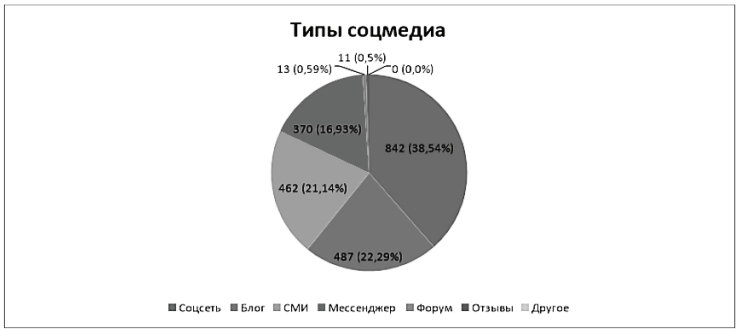
5. Формирование аналитических отчетов по каждой группе пользователей

Далее на основе полученных в ходе анализа результатов по каждой группе формируется аналитический отчет, так, на рисунке 4 представлено процентное соотношение типов соцмедиа, через которые осуществляется обратная связь.

Из рисунка 4 видно, что большая часть информации (38,6 %) поступает через социальные сети.

Содержание трех следующих модулей системы мониторинга инструментальный модуль; модуль обратной связи; модуль деловой консолидации зависит от поставленных целей и задач, которые определяются содержанием выявленных в рамках аналитического модуля актуальных проблем.

Таким образом, создание системы мониторинга является важным шагом к более эффективному взаимодействию органов власти и гражданского общества, что в свою очередь способствует устойчивому развитию транспортной системы Москвы.



Тип соцмедиа	Всего сообщений	%
Соцсети	842	38.54 %
Блоги	487	22.29 %
СМИ	462	21.14 %
Месенджеры	370	16.93 %
Форумы	13	0.59 %
Отзывы	11	0.50 %
Другое	0	0.00 %
Итого	**2 185**	**100.0%**

Рис. 4. Осуществление обратной связи через соцмедиа

Литература:

1. Масленникова Н.Ю., Слинкова О.К. Понятие и сущность мониторинга с позиции системного подхода // Science Time. 2014. № 6 (6). С. 110–121.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс.
3. Завьялов Д.В. Концепция системы мониторинга уровня развития транспортной инфраструктуры мегаполиса // Экономика, предпринимательство и право. 2020. № 2. С. 343–354.
4. Силенко А.Н., Мажуга Н.С. Цифровизация транспорта города Москвы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4-3 (91). С. 45–51.
5. Петрова Д.В. Современные подходы к организации мониторинга пассажиропотоков общественного транспорта городских агломераций // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 1. С. 47–56.
6. Мониторинг открытости – Проблема центр. URL: https://probcen.ru/motkrit.html (дата обращения: 04. 11.2024).
7. Счетная палата: практики открытости госорганов продолжают работать. URL: https://ach.gov.ru/news/otkrytost-2023(дата обращения: 04. 11.2024).
8. Исследование «Мониторинг удовлетворенности работой московского транспорта». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/80fd48435dac78339fb02b13f3ff87fed91a9f71/ (дата обращения: 04. 11.2024).
9. Бондарь И.С., Шагина Ю.С., Офицерова Д.А., Парусова А.И. Мониторинг государственной и муниципальной службы как эффективный инструмент контроля за деятельностью государственных и муниципальных органов власти // Экономика и социум. 2014. № 1-1 (10). С. 215–230.

Formation of a Monitoring System to Assess the Development of Communication Mechanisms Between Moscow Executive Authorities and Civil Society in the Transport Sector

Temnikova Yu.Yu.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

The formation of a monitoring system to assess the development of communication mechanisms between Moscow's executive authorities and civil society in the transport sector is highly relevant for the development of the capital's road transport sector, since more effective communication between authorities and the public allows for a more objective assessment of the needs of transport users, which contributes to the development of a problem-oriented strategy for the development of the industry and, as a result, improvement the quality of the services provided. The purpose of the article is to determine the stages of development and structure of the monitoring system for a comprehensive assessment of the development of communication mechanisms between Moscow executive authorities and civil society in the transport sector. The topic of the article seems to be quite relevant in modern conditions, especially in the aspect of the need to develop civil society in the Russian Federation and increase the effectiveness of its communication with government authorities. The article presents the results of a study of this issue using the example of a single locality, a city of federal significance, and a specific industry (transport) with which a significant number of specific citizens interact directly and on a daily basis. At the same time, the city of Moscow, as a locality, has specific features in general and in the field of public transport services, in particular. Many solutions are being tested here and then broadcast to other cities in Russia.

Keywords: monitoring, monitoring system, transport sector, communications between authorities and the civilian population, communication mechanisms of executive authorities in the transport sector

УДК 631.15
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-460-466

О проблемах и путях развития органического сельскохозяйственного производства



Хоменко В.В.
Доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром органического сельского хозяйства и экологически чистой продукции Института прикладных исследований Академии наук РТ, член-корреспондент Академии наук РТ



Мазитов Н.К.
Доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник сельского хозяйства РТ, член-корреспондент РАН, почетный член Академии наук РТ

Байтемиров К.М.
Президент Ассоциации фермеров, крестьянских подворий и сельскохозяйственных потребительских кооперативов РТ

Зиннатов А.Н.
Ведущий специалист ФГБУ «Управление «Приволжскмелиоводхоз» (Казань)

Содержание статьи определено актуальностью проблемы обеспечения здоровья населения на основе потребления экологически чистых продуктов и недостаточным увеличением их производства. Цель проведенного авторами исследования состоит в выработке организационных и технологических механизмов ускорения развития органического сельского хозяйства. В соответствии с этим, поставлены задачи определения причин низких темпов данного процесса и разработки концептуальных подходов к выделению базовых системных факторов его интенсификации. В результате были разработаны рекомендации по многоуровневой коррекции системы управления развитием органического сельского хозяйства, обеспечивающей реализацию уже принятых правительственных решений в этой области.

Ключевые слова: *органика, органическое сельское хозяйство, интенсивное сельское хозяйство*

Для цитирования: *Хоменко В.В., Мазитов Н.К., Байтемиров К.М. Зиннатов А.Н. О проблемах и путях развития органического сельскохозяйственного производства // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 460–466. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-460-466.*

Когда мы говорим об экологически чистом сельском хозяйстве, то осознаем две целевые установки – сохранение здоровья человека и сохранение его окружающей среды. Согласно оценкам специалистов от последствий употребления загрязненных пищевых продуктов ежегодно в мире заболевают 600 млн чел., то есть почти каждый десятый житель планеты, и умирают 420 тыс. чел. [1]. Массовое внедрение технологий, основанных на использовании химически вредных веществ, произвольное вхождение в генетическую основу растений и животных, недооценка природных оздоровляющих факторов растений и животных ведет к накоплению в организме человека вредных веществ и клеточных отклонений, вызывающих обширную систему серьёзных заболеваний – онкологию, диабет, аллергию, диатез и т.д. Одновременно химически активные вещества – гербициды, пестициды и др. убивают биоту почвы и ведут к ее деградации, потере плодородия. Одновременно идет гибель большого количества полезных наземных существ. Достаточно вспомнить массовую гибель пчел после каждой обработки посевов рапса препаратом по борьбе с цветоедом. Свыше 98 % распыляемых инсектицидов и 95 % [2] гербицидов попадают на территории, отличные от тех, для которых они предназначены, поскольку они распыляются или разбрасываются по всем сельскохозяйственным угодьям, смываются в водоемы и т.д.

Интенсивное сельское хозяйство, основанное на широком применении химических средств защиты, минеральных удобрений, внесло огромный вклад в решение проблемы голода на земле. Одновременно оно было подкреплено расчетами его высокой экономической эффективности. Первые аналоги синтетических гербицидов были представлены сельхозпроизводителям в 30–40 гг. XX в. Синтетические антибиотики, пестициды особую популярность приобрели после Второй мировой войны. На базе их использования существенно возросла урожайность сельскохозяйственных культур, были уничтожены многие виды насекомых-вредителей и болезни растений.

Однако со временем четко обозначились негативные последствия интенсивного сельского хозяйства. Снижалось естественное плодородие почвы, шла более ускоренная адаптация вредных организмов к химически активным средствам защиты, одновременно росли затраты на лечение болезней людей, возникающих вследствие применения такого формата сельского хозяйства. Начиная с 1993 г., Соединенные Штаты Америки и Европейский союз обновили систему оценки рисков, связанных с применением пестицидов, прекратив использование высокотоксичных органофосфатных и карбаматных инсектицидов. В Соединенных Штатах использование традиционных пестицидов достигло своего пика в 1979 г., а к 2007 г. сократилось на 25 % по сравнению с пиковым уровнем 1979 г., в то время как объем сельскохозяйственного производства в США за тот же период увеличился на 43 % [3].

Но тут возникает закономерно вопрос о том, можно ли было предвидеть такой ход событий, связанный с интенсивным сельским хозяйством, была ли и есть какая-то альтернатива? Ответ однозначен: альтернатива заключается в биологизации сельского хозяйства, активизации естественных природных процессов в почве и растениях, повышении на этой основе плодородия почвы, укрепления иммунной системы растений, в стимулировании расширения популяции естественных врагов вредных насекомых и микроорганизмов и т.д. Этот тренд естественен, но, зачастую лишен быстрой коммерческой отдачи. Его эффект – более долговременен, соответствует конечным критериям развития человеческого социума и окружающей его природы, но вступает, зачастую, в противоречие с утилитарной рыночной выгодой, приводящей к разрушающим последствиям. Такой взгляд сформировался раньше, чем заработала мощнейшая коммерческая структура химизации сельского хозяйства. «Истоки соответствующего научного воззрения можно видеть в учении Рудольфа Штейнера (Германия) об основах биодинамического сельского хозяйства. Человек чрезвычайно широких научных взглядов, которого характеризуют как философа и основоположника антропософии, он осознавал наличие внутренних сил развития как человека, так и природы в целом. Его работы относятся к 20-м гг. XX в., когда уже 1000 ферм занимались биодинамическим земледелием [4].

В 1940 г. впервые появляется понятие «органического сельского хозяйства», которое ассоциируют с именем лорда Нортборна – ученого агронома Оксфордского университета. Идеи Нортборна, изложенные в книге «С заботой о земле» («*Looking to the Land*»), развили теорию Рудольфа Штейнера в части поддержания баланса между сельскохозяйственным использованием земли и сохранением окружающей среды.В этом же году британский ботаник Альберт Говард (*Albert Howard*) публикует книгу «Сельскохозяйственный завет», оказавшую существенное воздействие на многих ученых и фермеров. В 1939 г. – Эва Бальфур (*Eve Balfour*) ставит первый в мире научный эксперимент на сельскохозяйственных землях в Великобритании для сравнения обычного и органического сельского хозяйства. Спустя 4 года выходит её книга «Живая почва», которая опосредовала основание в 1946 г. одной из наиболее известных и авторитетных и по сей день организаций по органическому сельскому хозяйству – Почвенной Ассоциации Великобритании (*Soil Association*). Формирование научных основ органического сельского хозяйства продолжалось в работах и практической деятельности таких ученых, как Жером Ирвин Родэйл (США), Масанобу Фукуока (Япония), Рейчел Карсон (США)» [5].

Деятельность названных выше ученых и специалистов способствовала формированию широкого общественного мнения о необходимости развития органического сельского хозяйства. Закономерно, что это происходило в напряженной борьбе с взглядами сторонников интенсивного сельского хозяйства, за которыми стояли крупнейшие компании по производству препаратов, техники, семян и пород скота, предназначенных для этого сегмента сельскохозяйственного производства, имевших своих лоббистов и в правительственных кругах. Борьба быстрых денег и духовно-гуманитарных основ сельхозпроизводства была налицо. Она, в принципе, не закончена и до настоящего времени…

И тем не менее «органика» упорно двигалась и двигается вперед. Начиная с 60-х гг. прошлого века, идет формирование стандартов производства, систем сертификации органического сельского хозяйства и государственного регулирования соответствующей отрасли, ее институализация. В этом глобальном процессе есть достаточно яркие события. Так, в 1967 г. – создан первый органический стандарт Почвенной ассоциации Великобритании *Soil Association*. В 1972 г. создана Международная федерация движений за органическое сельское хозяйство *IFOAM*. В 1974–1979 гг. были приняты первые законодательные акты органического сельского хозяйства в США – в штатах Орегон (1974 г.) и Калифорния (1979 г.). На государственном уровне в США «Положение об органическом земледелии» было введено в действие в 1979 г. В начале 1992 г. в программы единой аграрной политики стран ЕС впервые было включено органическое сельское хозяйство с соответствующим финансированием. В 2005 г. на Генеральной ассамблее *IFOAM* утверждены принципы органического сельского хозяйства с целью обеспечения идейного единства движения органического сельского хозяйства во всем мире.

Рынок органических продуктов стал с течением времени одним из самых динамично развивающихся в мире. С 1999 по 2022 гг. он вырос более чем в 10 раз. По прогнозам экспертов, этот рынок продолжит свой рост и в перспективе со скоростью 7–8 % в год и достигнет в 2030 г. 5 % от мирового рынка сельхозпродукции [6]. Конечно, это – средняя величина. Огромное количество стран еще сравнительно недавно только решили проблему прямого голода на базе технологий интенсивного сельского хозяйства и до сих пор решают проблему белковой, микроэлементной, витаминной и т.д. недостаточностей. Сама чистота продукта, зачастую, остается без должного внимания. Но для других стран, решивших проблему голода и несбалансированности питания, экологичность продуктов питания выходит на первый план и здесь ситуация существенно иная.

Россия гораздо позже многих стран стала формировать правовую основу органического сельского хозяйства. Лишь в 2020 г. в России впервые вступил в силу Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]. Причем, закон имеет «облегченную» формулировку органической продукции, где под ней понимаются «экологически чистые сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие, производство которых соответствует требованиям, установленным настоящим Федеральным законом». После этого в субъектах России стали приниматься региональные нормативно-правовые акты в части развития органического сельского хозяйства. Россия приняла и соответствующую Стратегию и правительственный план по ее реализации [8]. Однако на уровне регионов в части принятия соответствующих программных документов работа осуществлялась и осуществляется неравномерно и более медленно. Среди причин можно назвать, на наш взгляд, две основные – отсутствие соответствующих позиций в отчётности региональных и районных управлений сельским хозяйством, а также упор с их стороны на так называемые «крупняки» – агрохолдинги со сложившейся системой интенсивного сельского хозяйства, системой переработки и сбыта продукции. Агрохолдинги, базирующиеся, в основном, на интенсивных технологиях, накопили громадные финансовые и материальные ресурсы, формируют в большинстве случаев основную строчку в региональной сельскохозяйственной отчетности и, зачастую, аффилированы с региональными и районными органами власти. Фермерские и личные подсобные хозяйства, готовые переходить на систему органического сельского хозяйства, в этом случае остаются без должной государственной поддержки.

Соответственно, Россия до сих пор имеет более узкий сегмент органического сельского хозяйства и гораздо позже начала решать проблемы его развития, в том числе и типовые, преодолевая инертность мышления как государственных структур, так и бизнеса. Органическое сельскохозяйственное производство и экология продуктов питания не заняли достойное место в сознании населения информационной пропаганде, общей потребительской культуре. Сравнительно устойчивой группой, с точки зрения потребления органических продуктов в РФ, является менее 1 % населения. Расходы на покупку органических продуктов в России в 2023 г. составили менее 1,4 евро на душу населения в год, в то время как в Швейцарии – 437 евро и Дании – 365 евро, а в среднем по миру – более 16 евро [6]. В 2022–2023 гг. в России рост продаж органики вообще остановился, что эксперты связывают с уходом с рынка импортеров.

Одним из ярких фактов медленного развития рассматриваемого направления и реализации его потенциала в России является то, что органические

земли составляют здесь всего 0,3 % от всех земель сельхозназначения. Это в 6–7 раз ниже мирового показателя, который составляет около 2 % (в отдельных европейских странах этот показатель гораздо выше: Лихтенштейн – 43 %, Австрия – 27,5 %, Эстония – 23,4 %). При этом Россия имеет лидирующее положение по количеству залежных земель (то есть, сельхозземель, которые длительное время не использовались, а значит в них не вносилась «химия») в объеме более 30 млн га [6].

Интересен и факт, что в отличие от большинства стран мира, в России сертифицировано много производителей органической алкогольной продукции. С одной стороны, это может являться положительной оценкой качества производимого зерна, но с точки зрения позиционирования органической продукции, как здоровой, вопрос возникает сам по себе, так как алкоголь не может рассматриваться как полезный пищевой продукт.

Слабое развитие органического сельского хозяйства в России во многом определяется недостаточной государственной поддержкой. В стране 95 % инвестиций в этот сектор – частные, в то время как в США и Европе большие средства в развитие сектора вкладывает государство на базе государственных дотаций фермерским хозяйствам, занятым органическим сельхозпроизводством. Формы поддержки в этом случае весьма разнообразны – погектарные субсидии, компенсация на литр произведённого молока, выделение средств на закупку оборудования и техники и т.д. Распространенной практикой является частичное субсидирование сертификации органического производства. Направления, изложенные в российской «Стратегии развития производства органической продукции», в существенной степени коррелируют с этими направлениями. Однако Россия, значительно отстающая в развитии органического сельского хозяйства, должна расширять и усиливать эти формы поддержки, где важными дополнительными позициями могли бы стать госзаказы и специальная, официально развернутая форма отчетности по органическому сельскому хозяйству региональных и районных управлений сельским хозяйством, а также мощная информационная поддержка, так как многие предприятия с потенциальной возможностью выпуска органической продукции и ее потребители не обладают достаточным объемом соответствующей информации.

Необходимо подчеркнуть, что развитие органического сельского хозяйства в России осуществляется крайне неравномерно. Есть в этом отношении явные передовики, среди которых можно выделить Белгородскую, Воронежскую, Московскую, Томскую, Ярославскую области и Краснодарский край, где имеет место твердая фактическая, а не декларируемая позиция регионального руководства по реализации данного направления. К примеру, в этих регионах субсидирование затрат на сертификацию может достигать 100 %. Погектарная же поддержка на период конверсии земель составляет от 8 до 10 тыс. руб. на 1 га. Существенное субсидирование обеспечивается и на биологические средства защиты, питание, ветпрепараты, кормовые добавки, которое, например, в Воронежской области определено на уровне 50 % таких затрат. Зачастую вступают в силу административные решения органов управления по обязательному количеству хозяйств, реализующих формат органического сельского хозяйства. Важно и то, что основная часть поддержки должна приходиться именно на первые три года так называемой конверсии. Передовые регионы учитывают это. Но таких примеров, к сожалению, немного.

Ситуация, когда крупные агрохолдинги, а не фермерские и личные подсобные хозяйства – основные инициаторы органического производства, получают основную субсидиарную государственную поддержку, является преобладающей во многих регионах России. И даже такой, один из крупнейших сельхозпроизводителей в России – Республика Татарстан здесь не является исключением. Причем, сами затраты на органическое сельское хозяйство – крайне минимальны и едва компенсируют затраты перевода на органический формат лишь 1–2 фермерских хозяйств. При том, что расчеты показывают, что для достижения объема органической продукции в этом регионе на уровне 2 % от общего объема сельхозпроизводства (необходимого для обеспечения питания только детей дошкольного, школьного возраста и клиентов стационарных лечебных учреждений) надо перевести на формат органического производства более 100 фермерских хозяйств при средней площади сельхозугодий в 300 га. От общего объема государственной сельхозподдержки, как показывают расчеты, затраты на этот процесс это составит около 2 %. Близкие проектные цифры объемов производства органической продукции и ее государственной поддержки дают основание для закрепления этой пропорции как нормативной в официальных финансово-бюджетных документах.

И вот традиционный, казалось бы весьма «выгодный» для сторонников интенсивного сельского хозяйства вопрос о цене: сегодня органические товары дороже аналогичных из категории неорганических. Но это и объективно: их значительно меньше, чем других неорганических товаров, при опережающем спросе на экологически чистые продукты со стороны потребителей. Это – закон рынка. Хотя каждый технологический передел, как показывает наш опыт, в органическом производстве может иметь корпоративную эффективность не меньше, чем в интенсивном. Однако в России при незначительном удельном производстве органической продукции, слабой государственной поддержке и уходе с рынка иностранных компаний эта разница чрез-

вычайно высока. Она может достигать 200 % при 15–50 % в развитых европейских странах. И здесь надо подчеркнуть, что в данных подсчётах отсутствует эффект от экономии средств на медицинском обслуживании и лечении больных, где заболевания обусловлены потреблением некачественных продуктов питания. С учетом этого в масштабах страны даже при опережающем росте спроса на соответствующие продукты и росте цены эффект будет положительным. Вместе с тем, детальный анализ показывает, что в настоящее время практически вся технологическая линейка эффективного органического сельхозпроизводства практически сформирована как в растениеводстве, так и в животноводстве. Конечно, есть проблемные позиции. Например, отсутствуют биопестициды для борьбы с сорняками. Однако разработки в этом направлении ведутся и есть уже достаточно эффективные средства борьбы, основанные на механических технологиях, смене культур и т.д. [9]. Вместе с тем нужна дальнейшая модернизация всего цикла органического производства – технической базы сельхозпроизводителей, селекции сельскохолзяйственных культур и племенной работы по выведению устойчивых растений и животных, обладающих должной иммунной защитой, характеристиками неполегания и т.д. Необходима переподготовка кадров самих сельхозпроизводителей и повышение их квалификации, без чего государственная поддержка может быть просто неэффективной.

В отсутствии достаточного количества государственной поддержки, прежде всего, на начальном этапе, органическое производство, безусловно будет проигрывать интенсивному. Взять хотя бы племенную и селекционную работы. Они требуют огромного количества средств и времени. В условиях санкций, ограничения поставок семян и племенного скота это чувствуется особенно остро. Если рассмотреть, к примеру, рекламируемый сорт пшеницы «ВНИИСБ-50», полученный в лаборатории прикладной геномики и частной селекции сельскохозяйственных растений Всероссийского научно-исследовательского института сельскохозяйственной биотехнологии (ВНИИСБ), входящего в консорциум Курчатовского геномного центра: сорт был создан с использованием методов геномной селекции, которые, в сравнении с классическими подходами, позволили сократить срок его получения в среднем с 12–15 до 4 лет. У сорта – целый ряд положительных характеристик: его урожайность превышает средние показатели для озимой пшеницы в нечерноземной зоне на 15 %, новый сорт также на 5-10 % более устойчив к низким температурам. Этот сорт получен с помощью прикладных генетических технологий, среди которых – молекулярные маркеры и частичная геномная селекция. Все хорошо… Но приведем позицию из соответствующего Федерального закона № 280-ФЗ об органической продукции о том, что в этом случае вводится «запрет на применение трансплантации эмбрионов, клонирования и методов генной инженерии, генно-инженерно-модифицированных и трансгенных организмов, а также продукции, изготовленной с использованием генно-инженерно-модифицированных и трансгенных организмов» [7, ст. 4]. Ясно, что в условиях нехватки средств многие научные селекционные центры предпочтут именно этот, быстро дающий результат путь, а диапазон селекционного направления для органического сельского хозяйства будет сжиматься.

Вопрос о масштабах развития органического сельского хозяйства в России – весьма сложный, так как российская Стратегия развития производства органической продукции предусматривает достаточно скромные показатели. Так, по базовому сценарию Стратегии, к 2030 г. доля населения страны, которое будет потреблять экологически чистую продукцию, составит чуть более 1 %, а по оптимистичному сценарию — около 3 %. Доля земель, на которых применяется технология органического земледелия, в общей площади сельскохозяйственных угодий в Российской Федерации может увеличиться с 0,3 % в 2020 г. лишь до 2 % в 2030 г. Кроме этого, при таких небольших объемах производства предусмотрен еще и экспорт органической продукции. То есть основная часть населения не сможет себе позволить потреблять такие продукты при ограниченном их сбыте на внутреннем рынке и потенциально высокой рыночной цене.

Однако есть и другие оценки экспертов, которые говорят о возможно ином варианте. «В этих вариантах это абсолютно нишевые продукты. Однако, если производителям, в том числе с помощью господдержки, удастся достичь разницы в цене на такие продукты в пределах 20–30 % по сравнению с традиционными, есть предпосылки к тому, что органическую продукцию в России смогут потреблять не менее 25 % населения», – так считает руководитель рабочей группы Межпарламентской ассамблеи стран СНГ по разработке модельного закона «Об органическом сельском хозяйстве» Олег Мироненко [10]. Наверное, такие параметры и нужно закладывать в российские стратегические документы.

Но, по нашему мнению, необходимы и более радикальные меры. И это – не только господдержка и прямое администрирование объемов производства органической продукции. Важно видеть изначальную в этом процессе позицию – качество земли, которое при интенсивном сельском хозяйстве постоянно ухудшается. Каждый год в России, по официальной статистике, теряется до 2 млн га почвы из-за деградации [11]. По оценке же отдельных специалистов, реальное положение дел – хуже. Прямые убытки в этом случае достигают десятки млрд руб. Почва теряет гумус, биоту, ухудшается ее структура,

возможности влагонакопления и влагосохранения и т.д. Это, во многом, – следствие применения технологий именно интенсивного земледелия, внедренного в отечественную практику вместе с зарубежным комплексом техники, удобрений, средств защиты и т.д. В этом случае надо вернуться к правовым актам о земле и внести в них ключевое дополнение в части того, что собственник должен лишаться земли вследствие ее не только нецелевого использования, но и отсутствия факта улучшения качества земли. Ведь Земельным Кодексом РФ предусмотрена возможность изъятия земли лишь в случае «существенного снижения плодородия сельскохозяйственных земель» [12]. Представляется, что Кодекс не должен допускать не только «несущественного» снижения плодородия земли, но и обязан ориентировать на улучшение ее плодородия. В этом случае и появляется громадный стимул к органическому земледелию, а отталкиваясь от него – и к органическому животноводству.

Важно закрепить показатели развития органического сельского хозяйства на уровне критериев безопасности процесса воспроизводства народонаселения как на федеральном, так и на региональном уровнях. Требуется четко отслеживать динамику болезней по причине потребления продуктов, подвергнутых вредному экологическому и генетическому воздействию. Необходимо в этом случае определять разницу между объемом бюджетных затратах на лечение больных людей и субсидий на поддержку органического сельского хозяйства. Плюсовое сальдо по истечении определенного лага времени должно полностью или частично перечисляться в пользу поддержки производителей органических продуктов.

И, наконец, органическое сельское хозяйство должно занять свое достойное место в системе научных направлений, и, прежде всего, академических. Здесь нужно осознавать фундаментальность этого направления и высокую практическую его значимость. Важно скоординировать достаточно широкий спектр разработок в этой области, придав им необходимую взаимосвязь и этапность. Попытки ограничить подобную работу сегментом деятельности отдельных разработчиков-любителей и общественных организаций неизбежно ведут, в итоге, к отставанию России в решении проблемы воспроизводства населения и качества его жизни.

Литература:

1. Безопасность пищевых продуктов. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/food-safety/
2. Sustaining the earth: an integrated approach by Miller, G. Tyler. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole, 2004. 384 p.
3. Воздействие пестицидов на окружающую среду. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a5848fc0-67776f57-6b6fb7c9-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Environmental_impact_of_pesticides#bodyContent.
4. Дайвер С. Биодинамическое земледелие и приготовление компоста. URL: https://web.archive.org/web/20110526054008/http://attra.ncat.org/attra-pub/biodynamic.html#intro.
5. Коршунов С. История органического сельского хозяйства. URL: https://dairynews.ru/news/istoriya-organicheskogo-selskogo-khozyaystva.html.
6. Обзор мирового органического рынка и рынка России на конец 2023 года. URL: https://organicfund.ru/new/obzor-mirovogo-organicheskogo-rynka-i-rynka-rossii-na-konec-2023-goda.
7. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Гарант.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.07.2023 г. № 1788-р «Стратегия развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 года» // СПС Гарант.
9. Мазитов Н.К. Российская прорывная техника и технология производства продукции безопасного жизнеобеспечения. М.: ООО «Сам Полиграфиси», 2020. 604 с.
10. Чистый и зелёный. Как в России будет развиваться органическое сельское хозяйство. URL: https://sber.pro/publication/chistyj-i-zelyonyj-kak-v-rossii-budet-razvivatsya-organicheskoe-selskoe-hozyajstvo/?ysclid=m5m15fzsun607226249
11. Дашковский И. Без почвы под ногами. Деградация земель лишает аграриев прибыли. URL: https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/29844-bez-pochvy-pod-nogami/
12. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС Гарант.

About the Problems and Ways of Development of Organic Agricultural Production

Khomenko V.V., Mazitov N.K.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Baytemirov K.M.
Association of Farmers, Peasant Farms and Agricultural Consumer Cooperatives of the Republic of Tatarstan
Zinnatov A.N.
Federal State Budgetary Institution «Privolzhskmeliovodkhoz» Management (Kazan)

The content of the article is determined by the relevance of ensuring public health based on the consumption of environmentally friendly products and the low rate of increase in their production. The aim of the study conducted by the authors is to develop organizational and technological mechanisms for accelerating the development of organic agriculture.

In accordance with this, the tasks of determining the reasons for the low rates of this process and developing conceptual approaches to identifying the basic systemic factors of its intensification have been set. As a result, recommendations were developed for multi-level correction of the management system for the development of organic agriculture, ensuring the implementation of government decisions already adopted in this area.

Keywords: organics, organic agriculture, intensive agriculture